ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

КОРОЛЕВА ФЭНТЕЗИ

Кэтрин
КУРТЦ

Хроники Дерини

САГА О РЫЦАРЯХ-МАГАХ

Эксмо

Кэтрин
КУРТЦ

Хроники Дерини

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Кэтрин
КУРТЦ

Хроники Дерини

Кэтрин
КУРТЦ

Возрождение Дерини

•

Игра Дерини

•

Властитель Дерини

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Кэтрин

КУРТЦ

Хроники Дерини

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 93

Katherine Kurtz

THE CHRONICLES OF THE DERYNI

Deryni Rising

© 1970 by Katherine Kurtz

Deryni Checkmate

© 1972 by Katherine Kurtz

High Deryni

© 1973 by Katherine Kurtz

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Куртц К.

К 93 Хроники Дерини: Фантастические произведения / Кэтрин Дерини; [пер. с англ. В. Шубинского, М. Шубинской]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 752 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-26320-2

Истоки магического рода Дерини теряются в глубине прошлого. Чудесные способности рода привлекают и отталкивают людей, делят их на друзей и недругов. Особо ненавистна к Дерини господствующая и воинствующая Церковь, ибо магия — орудие дьявола и те, кто ею занимается, также его служители. Под наветами и ударами Церкви запрещаются занятия магией, а Дерини отстранены от власти и обречены пребывать в тени. Но не все представители рода магов готовы примириться с несправедливостью... Эпический цикл о Дерини — одно из высших достижений фэнтези, а имя Кэтрин Куртц прочно вошло в десятку лучших представителей направления.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-26320-2

© Перевод. В. Шубинский, М. Шубинская, 2008
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Возрождение Дерини

Глава I

КАК БЫ ОХОТНИК НЕ СТАЛ ДИЧЬЮ...

Брион Халдейн, король Гвиннеда, князь Меара, лорд Пурпурной Марки, резко остановив коня на вершине горы, обозревал горизонт.

Великаном он не был, однако царственная осанка, соединенная с кошачьей грацией, убеждала возможного противника в обратном. Смуглый, худощавый, с едва появляющимися следами седины на висках и с аккуратной черной бородой, он мгновенно внушал уважение к себе одним своим присутствием. Когда он говорил, тоном ли сухим и властным или же тихим, мягким и убеждающим, люди слушали и повиновались.

Если же не могли убедить слова, это могла сделать холодная сталь, свидетельством чему — и палаш в ножнах на перевязи, и тонкий стилет в замшевом футляре на запястье у короля. Руки, сдерживающие горячего боевого коня, нежно и вместе с тем твердо сжимали красную кожаную уздечку; это были руки воина, руки человека, привыкшего отдавать приказы.

Однако присмотревшийся внимательнее увидел бы в королевоине и нечто другое. Не только воинственная отвага и опытность читались в его широко открытых серых глазах. Они поблескивали проницательностью и остроумием, восхищавшими подданных одиннадцати королевств, которые были наслышаны о них.

И коли впрямь витала вокруг этого человека таинственная дымка запретной магии, то обсуждалось это шепотом, если вообще обсуждалось. К тридцати девяти годам Брион из Халдейна уже почти пятнадцать лет сохранял мир в Гвиннеде. Король — всадник на вершине горы — мог позволить себе те нечастые радостные мгновения, одно из которых он пытался сейчас настичь.

Брион вынул из стремян и вытянул ноги. Утро было в разгаре, туман уже поднялся от земли, и редкий в это время года холод прошедшей ночи еще пронизывал все вокруг. Даже кожаные охотничьи штаны не спасали от него, не говоря уже о легкой кольчуге Бриона, надетой под плащом и холодной как лед. Шелк под кольчугой тоже не был надежной защитой.

Король поплотнее завернулся в шерстяной малиновый плащ, пошевелил окоченевшими пальцами в кожаных перчатках, надвинул на самый лоб пурпурную охотничью шапку; венчавшее ее белое перо покачивалось в неподвижном воздухе.

Голоса, лай охотничьих псов, позвякивание сверкающих шпор и упряжи — весь тот особый шум, сопровождающий лошадей, наплывал на него из тумана. Обернувшись, он посмотрел вниз с горы и поймал взглядом стремительные движения хорошо объезженных лошадей, скользящих в тумане, и их так же хорошо обученных всадников, великолепных в изящно расшитом бархате и блестящей коже.

Брион улыбнулся этой картине. Он был уверен, что, несмотря на внешнюю пышность и самонадеянность, всадники внизу рады прогулке не больше, чем он сам. Ненастная погода превратила охоту из ожидавшегося развлечения почти в наказание.

Зачем, ну зачем он говорил Джеанне, что к ужину непременно будет оленина? Он ведь знал, обещая это, что сейчас еще рано, еще не сезон. И все же нельзя нарушать обещания, данного даме, тем более если она — возлюбленная ваша королева и мать наследника престола.

Низкий, унылый зов охотничьих горнов подтвердил его подозрения, что след потерян, и король безнадежно махнул рукой.

Оставалась еще слабая надежда собрать разбежавшуюся свору меньше чем за полчаса, даже если погода внезапно не прояснится. Однако, похоже, с этими молодыми псами придется еще возиться дни, а то и недели!

Король тряхнул головой и усмехнулся, подумав об Эване, о том, как тот хвастался в начале недели своими новыми собаками. Он представил себе, как долго придется старому гофмаршалу объяснять этот утренний спектакль. Брион многое мог простить, но сейчас, пожалуй, Эван заслужил все те насмешки, которые, король был в этом уверен, старику предстоит услышать на следующей неделе. Уж герцог-то Клейборнский мог бы и знать: нельзя было выводить в поле этих щенков, тем более до начала сезона.

Бедные щеночки, возможно, вовсе не видали живого оленя!

Ушей Бриона достиг близкий стук копыт, и он повернулся в седле узнать, кто к нему приближается. Вдалеке показался юный всадник в одеждах из кожи и пурпурного шелка и направил своего гнедого коня вверх. Брион с гордостью наблюдал, как ловко мальчик развернул на ходу коня, направляясь в его сторону.

— Лорд Эван говорит, надо подождать, государь,— сообщил мальчик; глаза его при этом искрились азартом погони.— Собаки травят кроликов.

— Ах, кроликов! — Брион громко рассмеялся.— Ты хочешь сказать, что после всего хвастовства, которое мы терпели прошлую неделю, Эван собирается еще и продержать нас здесь, пока он будет гоняться за своими щенками?

— Кажется, так, государь,— усмехнулся Келсон.— Если это может утешить, нынешняя охота у всех вызывает подобные чувства.

«У него улыбка как у матери,— с нежностью думал Брион.— Но глаза, волосы — мои. Все же он кажется еще таким юным. Неужели ему скоро четырнадцать? Ах, Келсон, если бы я мог уберечь тебя от всего, что впереди...»

Брион с улыбкой отогнал эту мысль и покачал головой. «Что ж, пока остальные чувствуют себя несчастными, мне-то, кажется, немного лучше».

Он зевнул и потянулся, расслабившись в седле. Кожа скрипнула под тяжестью его тела. Брион вздохнул.

— Эх, если бы Морган был здесь! Туман не туман, а если бы он захотел, он мог бы, я думаю, заманить оленя прямо к городским воротам.

— Правда? — удивился Келсон.

— Ну, может быть, и не совсем так,— уступил Брион,— однако он умеет управляться со зверьем, и не только с ним.

Брион вдруг задумался, его мысли явно были где-то не здесь, рука в перчатке равнодушно поигрывала уздечкой. Келсон уловил эту перемену в настроении отца и после неловкой паузы подогнал коня ближе к нему. Последние несколько недель отец был не совсем откровенен, когда разговор касался Моргана. Мальчик ясно чувствовал, что о молодом военачальнике стараются не упоминать. Может быть, как раз сейчас и пришло время выяснить этот вопрос. Келсон решил спросить напрямик.

— Государь, простите, если я нарушаю этикет, но почему все-таки вы не вызвали Моргана с приграничных маневров?

Брион насторожился, но заставил себя скрыть удивление. Откуда мальчик узнал об этом? Тайна местонахождения Моргана бережно охранялась около двух месяцев. Даже совет не знал, где он и почему. Нужно бы поосторожней выяснить, как много знает сын.

— Почему ты спросил об этом, сынок?

— Я не хочу совать нос не в свое дело, государь,— ответил Келсон.— Полагаю, что у вас есть причины не ставить об этом в известность даже совет. Но мне Моргана не хватает. Да, кажется, и вам тоже.

Хадасса! Какой чуткий мальчик! Как будто он читает мысли! Чтобы избежать разговора о Моргане, нужно было срочно отвлечь внимание Келсона на что угодно. Брион еле заметно улыбнулся.

— Спасибо тебе за доверие. Хотя боюсь, что мы с тобой среди тех немногих, кому его не хватает. Я уверен, ты и не знаешь, какие слухи ходили о нем последние несколько недель.

— Будто Морган выслан, потому что хотел свергнуть вас? — сдержанно ответил Келсон.— Но вы не верите этому всерьез, правда? И не поэтому же он до сих пор в Кардосе!

Брион краем глаза изучал мальчика, легонько постукивая хлыстиком по правому сапогу, которого не мог видеть сын. Так, даже Кардоса...

Конечно, сведения у мальчика из верного источника, каков бы он ни был. И еще — сын настойчив. Он намеренно снова завел разговор об отсутствии Моргана, несмотря на его попытку уклониться от этой темы. Значит, он недооценивал мальчика, забывая, что Келсону скоро четырнадцать и тот вот-вот станет совершеннолетним. Сам Брион был всего несколькими годами старше сына, когда взошел на трон.

Король решил поделиться кое-какими конкретными сведениями и посмотреть, как на это отреагирует мальчик.

— Нет. Сейчас я не могу вдаваться в детали, сын. В Кардосе назревает большое смятение, и Морган поехал проследить за этим. Венцит из Торента хочет завладеть городом; уже дважды ему это не удавалось. Следующей весной мы, возможно, будем воевать по-настоящему.— Он помолчал.— Тебя это пугает?

Келсон долго рассматривал концы уздечки, прежде чем ответить.

— Я никогда не видел настоящей войны,— сказал он тихо, скользя по долине пристальным взглядом.— Сколько я живу, в

одиннадцати королевствах мир. По-моему, люди могли бы забыть, как воюют, после пятнадцати мирных лет.

Брион улыбнулся и облегченно вздохнул — казалось, ему наконец удалось увести разговор от Моргана, и это было неплохо.

— Они никогда не забывают этого, Келсон. С прискорбием замечу, что это — часть человеческой натуры.

— Я тоже так думаю,— сказал мальчик.

Наклонившись, он похлопал гнедого по шее и, разглаживая растрепавшуюся прядь в его гриве, прямо взглянул серыми, широко открытыми глазами в лицо отца.

— Это опять Сумеречная, да, отец?

Точность столь простых слов на мгновение повернула мир в глазах Бриона. Он был готов к любому вопросу, любому предположению — к чему угодно, только не к имени Сумеречной в устах сына. Было что-то несправедливое в том, что такое юное существо должно столкнуться лицом к лицу со страшной действительностью. Это настолько выбило старшего собеседника из колеи, что он на некоторое время застыл с приоткрытым ртом, лишившись дара речи.

Откуда Келсон узнал об угрозе со стороны Сумеречной? Клянусь святым Камбером, у мальчика, очевидно, есть дар.

— Я и не предполагал, что ты знаешь об этом! — укоризненно воскликнул Брион, безуспешно пытаясь привести в порядок свои мысли и дать наиболее связный ответ.

Реакция отца застала Келсона врасплох, и он невольно выдал себя, хотя и отвел в сторону взволнованный взгляд. В его голосе прозвучал оттенок вызова, почти дерзости.

— Есть много вещей, о которых, как предполагается, мне ничего не известно, государь. Но это не мешает мне узнавать о них. Вы хотите, чтобы было иначе?

— Нет,— прошептал Брион.

Он неуверенно потупил глаза, подыскивая спешно тот вопрос, который необходимо было задать сыну; наконец он нашел его.

— Тебе все это рассказал Морган?

Келсон беспокойно пошевелился, внезапно осознав, что они поменялись ролями. Он зашел дальше, чем хотел, и это было его ошибкой. И хотя он сам затеял разговор, теперь отец, в свою очередь, не удовлетворится, если Келсон попытается уйти в сторону. Мальчик откашлялся.

— Да, он. Перед тем как уехать,— торопливо добавил Келсон.— Он боялся, что вы этого не одобрите.— Мальчик облизал губы.— Он также упоминал о вашем могуществе и о том, что лежит в основе вашей власти.

Брион нахмурился.

Ох уж этот Морган! Ему было досадно, что он раньше не догадался, откуда звон,— теперь-то казалось очевидным, что когда-нибудь это все равно должно было произойти. Однако мальчик превосходно поработал, сохраняя свои познания в тайне. Возможно, пока Морган и не сделал ошибки.

— Что именно рассказал тебе Морган, сынок? — тихо спросил Брион.

— Слишком много, чтобы вам это понравилось, но слишком мало, чтобы удовлетворить меня,— неохотно признался мальчик. Он настороженно посмотрел отцу в лицо: — Вы сердитесь, государь?

— Сержусь?

Это было все, что Брион смог произнести, сдерживая крик радости. Сердиться? Сделанные мальчиком выводы, его осторожные вопросы, ловкость, с которой он поворачивал разговор, куда хотел, даже при обороне,— боже, если не ради этого, то ради чего же тогда они с Морганом старались все эти годы? Сердиться? О Небо, как он мог сердиться?

Брион наклонился вперед и дружески похлопал мальчика по колену.

— Конечно, Келсон, я не сержусь. Если бы ты только знал, как ты меня успокоил. Разумеется, тревожась за тебя, я пережил несколько неприятных мгновений. Но теперь я более чем когда-либо уверен, что сделал правильный выбор. Но я хочу, чтобы ты обещал мне одну вещь.

— Все, что угодно, государь,— торопливо согласился Келсон.

— Зачем такая торжественность, сынок? — возразил Брион, улыбнувшись и потрепав Келсона по плечу, чтобы ободрить его.— Это поручение нетрудное. Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты немедленно послал за Морганом. Он будет нужен тебе, как никто другой. У меня есть все основания думать так. Ты сделаешь это для меня?

Келсон вздохнул и улыбнулся, на лице у него было написано облегчение.

— Разумеется, государь. Это первое, о чем я позабочусь, если что-нибудь произойдет. Морган знает так много...

— Уж за это я ручаюсь,— улыбнулся Брион.

Он выпрямился в седле и подобрал длинными пальцами в перчатках красную кожаную уздечку.

— Вот и солнце показалось. Давай посмотрим, собрал ли Эван своих собак?

Небо прояснилось, как только солнце достигло зенита. Теперь фигуры короля и наследника, рысью спускавшихся с горы, отбрасывали короткие резкие тени. Пока доехали до леса по ту сторону долины, посветлело на глазах. Брион и Келсон приблизились к охотникам, Брион окинул взглядом разбросанный отряд.

Глаза короля задержались на Роджере, графе Фаллонском, в темно-зеленом бархате, на восхитительном сером жеребце, которого Брион никогда раньше не видел. Казалось, граф был занят очень оживленным разговором с юным и пылким епископом Ариланом и, что самое интересное, с третьим всадником, которого можно было узнать по шотландскому пледу, окрашенному в тона рода Маклайнов,— это был младший лорд Маклайн — Кевин. Обычно он не ладил с Роджером (с графом вообще уживались очень немногие), и Брион подивился, о чем же могут беседовать эти трое.

Его размышления прервал громкий, трубный голос герцога Клейборнского, привлекший внимание Бриона к голове кавалькады. Лорд Эван, знаменитая рыжая борода которого сияла на солнце, устраивал кому-то королевскую выволочку — чего, впрочем, и следовало ожидать после сегодняшнего охотничьего успеха.

Брион привстал в стременах, чтобы лучше видеть. Как он и полагал, жертвой гофмаршальского гнева стал один из доезжачих. Бедняга. Не его вина, что собаки плохо обучены. Брион подумал, что Эвану, пожалуй, нужно винить кое-кого другого.

Король улыбнулся и обратил внимание Келсона на эту сцену, заметив, что надо бы спасти несчастного охотника и успокоить Эвана. Когда Келсон отъехал, Брион, продолжая оглядывать общество, отыскал и другого человека, которого он хотел увидеть.

Тронув коня шпорами, он пустил его галопом по дерну, направляясь в сторону высокого молодого человека в пурпурном и белом — цветах дома Фианов, который в это время пил из кожаной фляжки с тисненым красивым узором.

— Кого я вижу! Молодой Колин из Фиана, как обычно, пьет самое лучшее вино. А как насчет того, чтобы дать несколько капель вашему бедному замерзшему королю, друг мой?

Он остановился рядом с Колином и демонстративно уставился на фляжку, пока тот не оторвался от нее. Колин улыбнулся, вытер рукавом губы и с вежливым поклоном передал фляжку:

— Доброе утро, государь. Вы же знаете: мое вино всегда к вашим услугам.

Роджер присоединился к ним и ловко развернул своего жеребца на небольшом пространстве, пока черный конь короля нагнулся пощипать траву.

— Доброе утро, мой сеньор,— сказал он, поклонившись в седле.— Мой господин настолько проницателен, что всегда найдет лучший напиток для компании в такую рань. Весьма полезное искусство.

— Полезное? — усмехнулся Брион.— Утром, подобным нынешнему? Роджер, у вас фантастический дар понимания.

Он обернулся, сделал большой глоток из фляги, опустил ее и вздохнул.

— Ах, это не секрет, что у отца Колина лучшие винные погреба во всех одиннадцати королевствах. Мои комплименты, как обычно. Копии!

Он поднял флягу и снова выпил.

Колин с озорной улыбкой опустил руки.

— Но, ваше величество, сейчас вы мне льстите. Однако мой отец пришлет вам другую партию. Это вовсе не фианское вино. Его дала мне сегодня утром одна прекрасная леди.

Брион поперхнулся, затем поспешно опустил флягу.

— Леди? Ах, Колин, вы могли бы раньше сказать мне об этом! Я не стал бы просить у вас подарка вашей леди!

Колин громко засмеялся:

— Она не моя леди, государь. Я никогда не видел ее прежде. Она просто дала мне вино. Впрочем, эта леди, без сомнения, гордилась бы, что вы испробовали и похвалили ее напиток.

Брион вернул флягу и вытер усы и бороду тыльной стороной ладони в перчатке.

— Никаких извинений, Колин,— произнес он,— это я виноват. Идите сюда, поедете рядом со мной. А за ужином будете сидеть справа от меня. Даже король должен исправить оплошность, пусть он и невзначай пошутил над расположением дамы.

Пока Келсон скакал назад, его мысли где-то блуждали. Эван с псарем вроде бы пришли к единому мнению о том, что же случилось в самом деле, да и собаки были снова под присмотром. Доезжачие собрали их в три плотные группы и ждали королевского приказа продолжать охоту. Однако у собак на это была, похоже, какая-то своя точка зрения, и в их планы не входило ждать короля и лордов. Оставалось под вопросом, как долго вообще охотники будут в состоянии удерживать их.

Келсон на скаку заметил промелькнувший плед королевского голубого цвета и сразу узнал своего дядю — герцога Катмурского. Как брат короля и пэр королевства, принц Нигель нес ответственность за наилучшее воспитание около тридцати юных пажей при королевском дворе. На охоте присутствовали только шестеро из них; три собственных сына Нигеля были где-то среди свиты. Келсон по недовольному лицу дяди сделал вывод, что именно эти пажи не принадлежали к числу лучших его учеников.

Он заметил и то, как лорд Яред, патриарх рода Маклайнов, пытался со стороны бросить мальчикам спасительную подсказку, но те, судя по всему, просто не могли понять, чего Нигель хочет от них.

— Нет, нет, нет,— говорил Нигель.— Если вы когда-нибудь обратитесь к графу на людях просто «сударь», он оторвет вам голову, и я не смогу его ни в чем упрекнуть. И вы всегда должны помнить, что епископ — это «ваше преосвященство». А сейчас, Ятрам, как бы ты обратился к принцу?

Келсон улыбнулся и кивнул, проходя мимо. Не так давно он сам находился под суровой опекой своего дяди и, откровенно говоря, не завидовал мальчикам. Как подобает Халдейну, Нигель никогда не просил пощады, однако и сам никого не щадил, будь то в схватке на поле боя или во дворце при обучении пажей. И хотя учил он сурово и порой казался грубым, пажи, прошедшие школу Нигеля, становились приятными кавалерами и отважными рыцарями. Келсон был рад, что Нигель на его стороне.

При его приближении Брион прервал разговор с Колином и Роджером и поднял руку в приветствии.

— Что, уладилось там, сын?

— Думаю, лорд Эван все держит под присмотром,— сказал Келсон.— Должно быть, он ждет вашего согласия.

— А вот и я, молодой господин,— раздался голос Эвана, который с шумом появился вслед за Келсоном.

Эван снял свою ядовито-зеленую шапочку и с почтением помахал ею.

— Государь, свора готова. И сейчас, господин мой, собаки, похоже, взяли верный след.— Он надел шапочку на жирные рыжие волосы, затем с силой натянул ее на голову.— Дело должно пойти на лад, или быть слезам и стенанию на моем подворье сегодня.

Брион рассмеялся и отклонился назад в седле, весело похлопав себя по бедру.

— Эван, мы всего лишь на охоте! И я не хочу никаких слез и стенаний по этому поводу. Идем.

Все еще усмехаясь, он дернул поводья и двинулся вперед.

Эван встал в стременах и поднял руку; в ответ вдоль его луга раздались звуки охотничьих горнов. Далеко впереди собаки уже подавали голос — ясным, чистым тоном, и путники начали съезжать вниз.

Миновав спуск, собаки галопом помчались через пригорки и дальше по совсем пустому полю. В азарте, охватившем всех, никто не заметил, как один из всадников в арьергарде отстал и направился к опушке леса.

В лесной тишине недвижно стоял мавр Юсуф на краю маленькой, скрытой туманом просеки; его красивые коричневые руки светились, и четыре коня, поводья которых он держал, затихли за его спиной.

Листва вокруг была охвачена пламенем ранней осени — желтая и красная, а кое-где побуревшая от мороза на прошлой неделе, она пламенела еще ярче от игры теней на грани света и густого сумрака, таящегося между стволами деревьев.

Здесь, среди высоких густых деревьев, куда редко — разве только глубокой зимой — проникал солнечный свет, черное одеяние Юсуфа сливалось с его собственной тенью. Черные глаза, выглядывая из-под черного шелка, обегали просеку, высматривали что-то и, однако, не находили то, что искали. Потому Юсуф не столько смотрел, сколько слушал. И ждал.

На самой просеке, также прислушиваясь, ждали еще трое. Двое — мавры, как и Юсуф; их смуглые лица были скрыты капюшонами из черного бархата, лишь поблескивали внимательные, немигающие глаза.

Тот, что был выше, медленно обернулся и посмотрел через просеку на Юсуфа, затем сложил руки на груди и, повернувшись, вновь внимательно осмотрел противоположную сторону. Черный

бархат его плаща медленно раздвинулся, и кратко сверкнуло серебро богато украшенной перевязи властвующих. У ног его на серой бархатной подушке сидела Карисса, герцогиня Толанская, леди Серебряных Туманов — Сумеречная.

Со склоненной головой, глубоко укутавшись в серебристо-серую ткань, герцогиня неподвижно замерла на подушке — хрупкая, бледная фигура в богатейшем бархате и мехах; ее нежные руки в перчатках из оленьей кожи, покрытых жемчугом, были сложены на коленях. Внезапно бледно-голубые глаза открылись и из-под серого шелкового покрывала спокойно осмотрели просеку, с удовлетворением заметив стерегущего лошадей Юсуфа в черном плаще.

Не повернув головы, она смогла различить смутные темные тени двух других мавров, стоящих чуть позади нее. Подняв голову, леди произнесла низким мелодичным голосом:

— Он едет, Мустафа.

Не было никаких примет того, что кто-то появился на просеке,— даже шороха опавших листьев под ногами, но слова госпожи не могли вызвать у мавров никаких сомнений. Справа потянулась смуглая рука в свободном черном рукаве, чтобы помочь ей встать на ноги. Страж, стоящий слева от нее, принял боевую позу, находясь между госпожой и конями,— здесь место бдительному воину, держащему ладонь на рукояти меча.

Ленивым движением Карисса смахнула листья со своего плаща и плотнее запахнула вокруг шеи воротник из меха серебристой лисы. Когда наконец глухое потрескивание подлеска оповестило о предсказанном госте, легкий ветерок тронул покрывало леди. Одна из лошадей Юсуфа тихонько заржала, переступила с ноги на ногу, но высокий мавр быстро утихомирил ее.

На просеку выехал всадник. Он натянул поводья, и мавры оставили свои защитные позы: человек на гнедом жеребце был им хорошо знаком.

На прибывшем так же, как и на них, был темный плащ с капюшоном. Но его подкладка вспыхнула золотом, когда он отпустил поводья и откинул накидку на спину коня. Холодно сверкнул золотом и его серый нижний плащ, когда он оправлял рукой, затянутой в перчатку, растрепанный ветром каштановый локон.

Глаза высокого, стройного, с почти аскетичными чертами лица лорда Яна Хоувелла были даже более густого темно-коричневого цвета, чем его волосы. Холеные борода и усы обрамляли тон-

кие губы, подчеркнутые высокими скулами и чуть скошенными округлыми глазами — глазами, затмевавшими темные жемчуга, что холодно блистали на его шее и в ушах.

Эти глаза скользнули по мавру, потянувшемуся за поводьями его коня, и остановились на серой накидке женщины.

— Ты опоздал, Ян,— сказала она с вызовом и отчужденно взглянула на него сквозь тяжелое покрывало.

Ян, казалось, не собирался спешиваться. Герцогиня медленно потянулась к покрывалу и отбросила его назад, на светлые, убранные кольцом волосы, открыв лицо. Она впилась в него взглядом, но так больше ничего и не сказала.

Ян лениво улыбнулся и, молодцевато спрыгнув с коня, шутя преградил Кариссе путь. Он кратко приказал Мустафе отойти чуть-чуть в сторону и эффектно взмахнул своим плащом.

— Ну как? — осведомилась Карисса.

— Все в порядке, душа моя,— мягко сказал Ян,— король выпил вина, Колин ничего не подозревает, а охотники идут по ложному следу. Они должны быть здесь через час.

— Великолепно. И принц Келсон?..

— Келсон цел и невредим,— с напускным безразличием сказал молодой лорд, стягивая серую перчатку.— Но я думаю, мы прибавим себе хлопот, пощадив Келсона сегодня только потому, что его можно убить и завтра. Это совсем не похоже на тебя. Карисса, это выглядит так, будто ты прощаешь своих врагов...

Карие глаза с легкой усмешкой встретили взгляд голубых.

— Прощаю? — переспросила Карисса, примеряясь к вызову.

Она двинулась по просеке, прервав короткий диалог глаз, и лорд Ян последовал за ней.

— Не беспокойся, Ян,— продолжала она.— У меня свои планы по части этого юного принца. Я ведь не могу заманить и убить Моргана без подходящей приманки, правда? Зачем бы, ты думаешь, я так старательно насаждала вокруг него слухи все последние месяцы?

— Я полагал, что ты просто упражняешься в злословии, без какой бы то ни было практической цели,— парировал Ян.

Они достигли края просеки, и он остановился напротив Кариссы, прислонившись к стволу дерева и сложив руки на груди.

— Конечно, Морган выглядит особенно вызывающе, так ведь, крошка? Аларик Энтони Морган, герцог Корвинский, лорд-генерал королевских войск, и это он-то, полукровка Дерини, ко-

торый принят людьми — или был когда-то принят ими. Мне иногда кажется, что именно это беспокоит тебя больше всего.

— Ты разошелся, Ян,— предупредила она.

— О, я прошу прощения у благородной леди! — ответил он, вскидывая руки в притворном примирительном жесте.— Разве этого недостаточно для убийства, а? Или это будет наказанием? Я забывчив.

— Есть одна вещь, о которой тебе не следовало бы забывать, Ян,— ледяным тоном заявила Карисса.— Морган, как ты хорошо знаешь, пятнадцать лет назад убил моего отца. Мы оба были совсем детьми тогда — ему шел четырнадцатый год, я была немного младше,— но никогда не забуду того, что он сделал.

Ее голос стал совсем низким и перешел в суровый шепот, когда она стала вспоминать.

— Он предал кровь Дерини, объединившись с королем Брионом против нас, он переманил совет Камбера на сторону смертных. Я видела, как они лишили власти и убили моего отца Марлука. И это Морган, обладая хитростью Дерини, указал Бриону дорогу. Никогда не забывай этого, Ян.

Ян уклончиво пожал плечами.

— Не сердись, крошка. У меня есть свои причины желать смерти Моргана, помнишь? Герцогство Корвин граничит с моей восточной границей. Я только удивляюсь, как долго ты терпишь Моргана в живых.

— Ему осталось в лучшем случае несколько недель,— сообщила Карисса.— Я намерена некоторое время полюбоваться его страданиями. Сегодня Бриона убьет магия Дерини, и Морган будет знать, что это сделала я. Это само по себе ранит Моргана больше, чем другие простенькие вещи, которые я могла бы сделать. А потом я постараюсь уничтожить всех других, кто ему дорог.

— И принца Келсона? — воскликнул Ян.

— Не будь таким жадным, Ян,— ответила она, улыбнувшись с мрачным предвкушением.— Ты получишь своего любезного Келсона, всему свое время. А я буду править Гвиннедом, как правили мои предки. Вот увидишь.

Развернувшись на каблуках, она пересекла просеку, подав повелительный знак Мустафе, который отвел в сторону густую листву, обнажив просвет в подлеске. Вдоль пологого склона и ниже тянулся широкий зеленый луг, все еще влажный в лучах слабого предполуденного солнца.

Помолчав, Ян присоединился к Кариссе и, бросив быстрый взгляд в проем, ласково обнял ее за плечи.

— Признаться, мне почти нравится твой план, моя крошка,— пробормотал он.— Изгибы твоего милого умишка никогда не перестают интриговать меня.— Он, задумавшись, посмотрел на нее сквозь длинные темные ресницы.— А ты уверена, что никто, кроме Моргана, не догадается? Я подумал о том, что будет, если, скажем, Брион раскроет тебя?

Карисса самодовольно улыбнулась и отклонилась от него.

— Ты слишком много беспокоишься, Ян. С умом, затуманенным мерашой, добавленной в вино, Брион ничего не почувствует, пока моя рука не вцепится в его сердце,— а тогда будет слишком поздно. Что до Колина, мераша не подействует на него, если только в его жилах нет ни капли крови Дерини. Но если даже есть, он проживет ровно столько, сколько ты сумеешь удержать его вдали от Бриона.

— С Колином все будет хорошо, мы об этом позаботились,— сказал Ян. Он небрежно снял случайную травинку с ее плаща и, растерев ее между двумя пальцами, продолжал: — Я неделями работал с этим молодым дворянином, и уж поверьте на слово, он достаточно приятен, чтобы снискать расположение вашей милости, графиня Восточной Марки.

Карисса отпрянула от него в раздражении:

— Ян, ты начинаешь надоедать мне. Если тебе по душе такая напыщенность, советую вернуться в эту твою компанию, охочую до королевских игр. Ее дух гораздо больше подходит для самовосхвалений и щепетильного обмена пошлостями, до чего ты, по-видимому, большой охотник.

Ян не сказал ничего, но, приподняв бровь, перешел к своей лошади и стал оправлять стремя. Думая о сатисфакции, он бросил взгляд через седло на Кариссу.

— Передать это ее величеству? — спросил он, скривив уголки губ.

Карисса медленно улыбнулась, затем подошла к нему. Ян обошел вокруг лошади, и Карисса взяла поводья, приказав отпустить их стоящим наготове маврам.

— Так? — пробормотал Ян, когда мавры, поклонившись, отошли.

— Я не думаю, что тебе стоило бы для этого встречаться сейчас с Брионом,— тихо произнесла она и, сняв руку в перчатке с

шеи гнедого, оправила причудливую кисточку на запутанной уздечке.— А теперь тебе лучше уйти совсем. Охотники скоро появятся.

— Слушаю и повинуюсь, моя леди,— сказал Ян, одобрительно кивнув, и запрыгнул в седло.

Он подтянул поводья и взглянул на Кариссу, затем протянул ей левую руку. Карисса безмолвно вложила в его ладонь свою, и он, нагнувшись, коснулся губами мягкой кожи ее серой перчатки.

— Доброй охоты, моя леди! — сказал Ян.

Он ласково сжал и отпустил ее руку и, тронув коня, направил его по подлеску той же тропой, по которой приехал.

Сумеречная, прищурившись, смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, а затем вернулась к своему одинокому бдению.

Вновь соединившись с охотниками, Ян примкнул к королевскому отряду. Они легко продвигались по светлой лесистой местности, впереди неподалеку Ян уже видел лужайку. Он подъехал к Колину и поднял руку в приветствии, мимоходом взглянув на его стремя.

— Лорд Ян,— начал Колин, зная его привычку к уединению,— хорош ли путь в тылу нашего отряда?

Ян вспыхнул обезоруживающей юношеской улыбкой:

— Необыкновенно хорош, мой друг.

Он немного расслабился: повторяющееся потрескивание кожаного стремени говорило о том, что дорога поворачивает направо.

— Черт! — выругался он, почувствовав, что теряет равновесие.— Сейчас охота для меня может кончиться.

Он медленно отъехал от охотников, продолжающих свой путь, качнувшись, поправил стремя, зацепившееся за носок сапога, одобрительно улыбнулся, глядя, как Колин правит конем, и догнал его. Когда они оказались позади всех, он спешился, чтобы проверить седло, и заметил сочувствующий взгляд Колина.

— Я говорил этой свинье груму поправить эту кожу три дня назад,— сердился Ян, потрогав потертый ремень.— Не думаю, что у тебя есть запасной, а, Колин?

— Может быть,— сказал Колин, спешиваясь.

Пока он копался в своей переметной сумке, Ян мельком осмотрел луг. Стоял полдень. Как только отряд подтянулся к середине луга, собаки опять потеряли след.

Еще несколько мгновений...

Доезжачие изо всех сил пытались удержать собак, и, видя это, Брион с легкой досадой постукивал кнутовищем по седлу.

— Эван, твои щенки снова принялись за свое,— сказал он, посмотрев вперед.— Келсон, съезди-ка туда и узнай, что там случилось. Не могли же они потерять след посреди чистого поля. А ты, Эван, останься.

Когда Келсон отъехал, Эван привстал на стременах, чтобы лучше видеть, затем с ворчанием снова сел. В средоточии сцепившихся собак и окруживших их всадников разглядеть что-то было невозможно, и конец тирады старого пламенного бойца был очевиден.

— Эти проклятые твари сошли с ума,— ворчал он,— ждут не дождутся, пока я...

— Не надо терять самообладания, Эван,— спокойно сказал Брион.— Нам, очевидно, не суждено... Ох!

Бриона внезапно пронзил внутренний холод, его серые глаза расширились от ужаса.

— О боже мой! — воскликнул он, закрыв глаза и скрючившись от боли.

Кнутовище и поводья выпали из его онемевших пальцев, он схватился за грудь и со стоном повалился на луку седла.

— Ваше величество! — закричал Эван.

Эван и Роджер одновременно подхватили под руки выскальзывающего из седла короля, и кто-то еще, оказавшийся между ними, пытался поддержать его. Все, кто находился поблизости, тоже спешились и бросились на помощь. Невесть откуда появившийся принц Нигель безмолвно поддерживал ладонями голову умирающего брата.

Когда Роджер и Эван с тревогой стали на колени слева от короля, Брион, вновь скрученный ослепляющей болью, слабым голосом позвал:

— Келсон!

Далеко впереди, близ собак, Келсон, прежде чем услышал крик, увидел волнение в центре охотничьего кортежа и вернулся назад галопом, понимая только, что произошла какая-то серьезная неприятность. Но когда он достиг толпы, стоящей в печали вокруг короля, и увидел на земле отца в агонии, он рывком остановил коня и, стремительно выпрыгнув из седла, бросился к нему, расталкивая охотников.

Грудь короля тяжело вздымалась, его зубы были сжаты от иссушающей боли, которую причинял теперь каждый удар сердца. Его закатившиеся и лихорадочно напряженные глаза искали сына. Он не замечал всех усилий Эвана, Роджера и епископа Арилана, пытавшихся помочь ему.

Брион видел сейчас только одного Келсона, по-детски ставшего на колени справа от него. И он, задыхаясь, сжимал руку сына, когда очередной приступ боли поглощал его.

— Так быстро,— с трудом прошептал он, почти раздавив руку Келсона своей ладонью.— Келсон, помни, что ты обещал. Обе...

Его рука обвисла в сыновней, глаза закрылись, скрученное болью тело обмякло.

Нигель и Эван пытались нащупать пульс — хотя бы малый признак жизни, и Келсон, ошеломленно наблюдая за этим, не верил своим глазам. Но обнадеживающих признаков не было, и мальчик припал лбом к руке мертвого короля.

Епископ Арилан перекрестился и начал читать отходную голосом твердым и ровным среди страшной тишины. Стоявшие вокруг лорды и вассалы Бриона преклонили колени, повторяя каждое слово епископа:

Вечный покой даруй ему, Господи,
И да сияет над ним безначальный свет.
Kyrie eleison;
Christe eleison.

Келсон позволил знакомым фразам омыть себя, дал ритму укротить больную вязкую пустоту внутри, сделать ее более переносимой, расслабить сжатое спазмой горло. Прошло немало времени, прежде чем он смог поднять голову и оглядеться.

Нигель был спокоен, почти безмятежен, удерживая на своей ладони безжизненную голову брата. Вновь и вновь его длинные пальцы разглаживали прямые черные волосы вдоль лба умершего — мягко, почти нежно, и одному ему было ведомо, где были его мысли в тот миг.

А Роджер смотрел перед собой, не видя ничего: его глаза следовали за пальцами Нигеля, губы машинально двигались во время литании, не зная, что говорят.

Но Эвана юный принц будет вспоминать даже тогда, когда другие детали этого дня сотрутся, что и простительно, из его памяти. Гофмаршал подобрал где-то красную кожаную охотничью

шапочку Бриона, испачканную и помятую в суматохе и ужасе последних минут.

Каким-то чудом белое перо на шапочке осталось неповрежденным, его белизна не запятналась, оно не обломилось. И когда Эван прижимал шапочку к груди, легкое перо дрожало перед глазами Келсона, почти гипнотизируя его.

Эван внезапно поймал напряженный взгляд Келсона и недоуменно взглянул на шапочку и подрагивающее перо, как будто увидел их впервые. Какой-то момент он колебался, а затем медленно обхватил перо своей огромной ладонью и сжал так, что оно хрустнуло.

Келсон удивленно посмотрел на него.

— Король умер, ваше величество,— печально сказал Эван.

Его лицо, окаймленное косматой рыжей бородой и такими же волосами, побледнело. Он медленно открыл глаза и проследил, как сломанный конец пера мягко упал на плечо Бриона.

— Я знаю,— ответил Келсон.

— Что это? — Голос Эвана сорвался от волнения, но он начал снова: — Здесь что-то...

Нигель перевел взгляд с лица своего мертвого брата на него и дотронулся до плеча старого воина.

— Не нужно, Эван,— мягко сказал он, опустил руку, снова взглянул на Бриона и встретился глазами с племянником.

— Ты теперь король, Келсон,— кротко сказал он.— Каковы твои приказания?

Келсон снова посмотрел на мертвого отца, затем освободил его запутавшуюся в стременах руку и сложил обе руки короля на груди.

— Прежде всего,— сказал он твердо,— пошлите за генералом Морганом.

Глава II

*«КНЯЗЬЯ СИДЯТ И СГОВАРИВАЮТСЯ ПРОТИВ МЕНЯ»**

Через несколько недель после случившегося Морган с одетым в голубое оруженосцем миновал северные ворота Ремута, столицы владений Бриона. Хотя стояло еще раннее утро, лошади были

* Псалом 119:23.

взмылены и почти что истощены; их прерывистое дыхание собиралось в холодном утреннем воздухе густыми белыми клубами.

В Ремуте был базарный день, и на улицах царило большее оживление, чем обычно. Вдобавок завтрашняя коронация привлекла в город сотни гостей и путешественников из всех одиннадцати королевств. Из-за такого наплыва людей узкие, мощенные булыжником улицы стали совершенно непроходимыми. Кареты и богато украшенные паланкины, купцы со своими караванами, лоточники, торгующие дорогими безделушками, скучающие аристократы с многочисленной свитой — все это мерцало и переливалось в калейдоскопе красок, ароматов и звуков, соперничая с великолепно украшенными зданиями и арками самого города.

Прекрасный Ремут — так называли город, и он был поистине восхитителен.

Медленно продвигаясь на утомленном коне среди пешеходов и экипажей, следуя за лордом Дерри к главным дворцовым воротам, Морган бросил задумчивый взгляд на свое собственное мрачное одеяние, так выделявшееся среди окружающего его ослепительного великолепия: грязная черная кожа поверх кольчуги, траурный плащ из тяжелой черной шерсти почти от шлема и до колен.

Странно, как быстро может измениться настроение людей. Всего несколькими неделями раньше ему казалось несомненным, что горожане будут одеты так же, как он, искренне оплакивая потерю своего монарха, однако сейчас он видел на них праздничные, торжественные одежды.

Виной ли тому короткая память, или же чувство утраты притупилось по прошествии дней? Или, может быть, это просто возбуждение, вызванное предстоящей коронацией, позволило простолюдинам забыть о горе и возвратиться к обычной жизни? Наверное, и вправду для всех, кто не знал Бриона близко, дело было только за тем, чтобы, изменив привычку, научиться произносить другое имя после королевского титула.

Другое имя... Другой король... Королевство без Бриона...

Воспоминания... девять долгих дней... сумерки... четверо подорожному одетых всадников, достигших их лагеря в Кардосе... мертвенно-бледные лица лорда Ральсона, Колина, двух солдат, когда они сообщали ужасную новость... мучительное и бесплодное желание броситься через много миль вперед и коснуться души, которая уже не смогла бы ответить, даже если бы и была

досягаема... оцепенение, овладевшее им, когда они пустились в этот безумный путь в Ремут... изможденные лошади, не раз сменные за время пути... кошмары ночных засад и стычек, после которых в живых остались только они с Дерри... снова нескончаемые мили...

И теперь — усталое осознание того, что все это случилось в самом деле, что окончилась эпоха, что никогда больше им с Брионом не подниматься в горы Гвиннеда.

Безысходная тоска охватила Моргана, как нечто вещественное, угрожая завладеть им еще больше, чем за все долгие девять дней пути.

Задыхаясь от отчаяния, душившего его, он вцепился в переднюю луку седла, чтобы удержаться.

Нет!

Он не должен допустить, чтобы его чувства мешали предстоящей работе! Впереди власть, которую нужно охранять, король, которого нужно короновать, и битва, которую нужно выиграть.

Он принудил себя расслабиться и дышать глубоко и ровно, усилием воли заставив боль утихнуть. Позже еще будет время для скорби; в самом деле, нет же нужды в том, чтобы он, изменив своему долгу, присоединился к мертвому Бриону. И довольно таких мыслей! Предаваться сейчас горю — слишком большая роскошь, которой он не мог позволить себе.

Спустя мгновение он огромным усилием взял себя в руки и бросил взгляд на Дерри — не заметил ли тот его внутренней борьбы.

Дерри ничего не заметил — или, по крайней мере, сделал вид.

Молодой гофмейстер был слишком занят — привстав в седле, он старательно объезжал пешеходов,— чтобы обращать внимание на что-нибудь другое. Вдобавок Морган догадывался, что раны причиняют юноше отнюдь не просто маленькие неудобства, хотя он никогда бы этого не показал.

Морган продолжал путь бок о бок со своим спутником и собирался что-то сказать, как вдруг лошадь Дерри внезапно споткнулась. Морган быстро схватил уздечку, и животное чудом не упало, но наездник сильно пошатнулся и едва усидел в седле.

— Дерри, у тебя все в порядке? — встревоженно спросил Морган, сжимая уже не уздечку, а плечо юноши.

Они встали посреди улицы, Дерри медленно выпрямился, болезненное выражение застыло на его лице, насколько оно было видно из-под увенчанного гребнем шлема. Осторожно укачивая

правой рукой перевязанное запястье левой, он, тяжело дыша, закрыл глаза и затем, открыв их, слабо кивнул.

— Все в порядке, милорд,— прошептал Дерри и, вложив раненую руку обратно в черную шелковую перевязь, ощупал себя здоровой рукой.— Я только хотел перевязать ее прямо в седле.

Морган был настроен несколько более скептически.

Он склонился было, чтобы самому осмотреть запястье Дерри, как вдруг его остановил резкий, скрипучий окрик, прозвучавший прямо над ухом:

— Дорогу владыке Ховисса! Дорогу его высочеству! — И затем, чуть потише: — Что, солдат, другого места не мог найти со своими руками?

В то же мгновение сбоку раздался звонкий щелчок кнута, лошадь Моргана неожиданно резко шарахнулась в сторону, потеснив при этом коня Дерри, который, в свою очередь, толкнул около полдюжины перепуганных пешеходов.

Морган оглянулся: в глазах Дерри вспыхнул гнев, он готов был взорваться, когда генерал толкнул его, заставив промолчать. Морган сделал как можно более пристыженное выражение лица.

Потом дал знак Дерри, чтобы тот поступил так же.

Крикун был гигантом в семь футов ростом, в бронзовой кольчуге, одетый в ярко-зеленое и фиолетовое — цвета Объединенного королевства Ховисса и Ланнеда. И нельзя сказать, что в одиночку и при иных обстоятельствах он выглядел бы очень устрашающе, но его сопровождали еще шестеро таких же, как он, а Дерри к тому же был ранен.

Это слегка меняло дело. Кроме того, Морган вовсе не испытывал непреодолимого желания быть арестованным и заключенным в тюрьму за уличную драку. Слишком многое было поставлено на карту.

Генерал с нескрываемым интересом наблюдал за проезжающими всадниками. Он осторожно отметил для себя их черные бороды и волосы, их сверкающие бронзовые шлемы, по которым в их владельцах можно было узнать наемников из Коннаита; ливреи с варварским зелено-фиолетовым орнаментом, помеченные эмблемой Ховисса; их длинные мечи на перевязях и извивающиеся змееподобные плетки в руках.

Не было ни намека на то, кто такой этот владыка Ховисса и что он из себя представляет, хотя кое-какие подозрения на этот счет у Моргана возникли.

Великаны сопровождали разукрашенную повозку, которую тянула упряжка серых лошадей. Гобеленовые занавески, прикрывающие повозку, были расшиты вызывающим головную боль узором, сочетающим зеленый, фиолетовый, оранжевый и сверкающий розовый цвета. Еще шестеро смуглолицых гигантов охраняли тылы. Принимая во внимание все это, Морган сомневался, что им понравилось бы, вздумай он приблизиться, чтобы разглядеть их получше.

Да и нет нужды — он уже получил представление о тех, кто имел нахальство величать себя «ваше высочество», и теперь не забудет ни владыку Ховисса, ни его охранников.

Очевидно, мысли Дерри текли в том же направлении, так как, едва проехал кортеж, он наклонился к Моргану со злой усмешкой:

— Ради всех чертей, кто такой этот владыка Ховисса?

— Точно не знаю,— ответил Морган проникновенным театральным шепотом,— но думаю, что это сама квинтэссенция посредственности. Скорее всего, какой-нибудь младший посол, заблуждающийся насчет собственной значимости.

Замечание, как и хотел Морган, было услышано: вокруг пробежала рябь робкого смеха. Последний из великанов бросил свирепый взгляд в их сторону, но Морган принял невинный вид и склонился в седле. Великан поскакал дальше.

— Ну, кем бы он ни был,— заключил Дерри, когда они снова тронулись,— у него невоспитанная стража. Когда-нибудь кто-нибудь их проучит.

Теперь настала очередь Моргана зло усмехнуться.

— Я уже подумываю об этом,— сказал он, показав пальцем в направлении процессии, исчезающей за углом в глубине улицы.

Первый гигант работал своей плеткой тем безжалостнее, чем ближе отряд подъезжал ко дворцу, рассчитывая, очевидно, именно здесь произвести впечатление на более важных персон.

И тут произошло странное событие. Длинная черная плетка, которой гигант размахивал с таким явным удовольствием, вдруг словно бы одушевилась: вместо того чтобы возвратиться на место после особенно небрежного удара по пробегающему уличному мальчишке, она резко обвилась вокруг передних ног коня.

Прежде чем кто-нибудь сообразил, что случилось, великан рухнул вместе с конем на булыжную мостовую, металлическим лязгом и громкими воплями вызвав всеобщее замешательство.

Пока гигант поднимался, лиловый от ярости и изрыгающий поток далеко слышимых ругательств, взрывы смеха доносились со всех сторон. В конце концов великан вынужден был обрезать конец своей плетки, чтобы освободить испуганного коня.

Моргану этого было достаточно. Довольный собой и развлечением, он, пряча улыбку, кивком пригласил Дерри следовать за собой в менее оживленную боковую аллею. Дерри бросил долгий взгляд на своего герцога, как только они очутились на другом конце аллеи.

— Как удивительно, что этот верзила ухитрился так запутать собственную плетку, милорд,— заметил оруженосец. В его голосе чувствовалось удовлетворение.— Довольно неуклюже с его стороны, не правда ли?

Морган приподнял одну бровь.

— Ты что, намекаешь, будто этот печальный случай произошел по моей вине? Ну что ты, Дерри, право. Во всяком случае, я замечал, что верзилы вообще испытывают некоторые трудности, ориентируясь в пространстве. Мне думается, это потому, что у них маловато мозгов.

Себе под нос он добавил:

— К тому же мне никогда не нравились люди, которые хлещут плетками других людей.

Сколько Морган помнил себя, он не видел главный двор таким оживленным.

Они с Дерри с трудом протиснулись в дворцовые ворота. Бог знает как во дворце управятся с таким количеством гостей.

Действительно, многие аристократы, собравшиеся на завтрашнюю коронацию, разместились прямо здесь. Площадку напротив главной лестницы переполняли кареты, паланкины, повозки, вьючные животные и конский навоз. Лорды, леди и толпы слуг в кажущемся беспорядке расхаживали повсюду. В воздухе стояли ужасный шум и зловоние.

Моргана удивило то, что так много знати из всех одиннадцати королевств соизволило приехать и поучаствовать в предстоящем событии. И не потому вовсе, что коронация очередного халдейнского короля — событие незначительное; конечно нет. Но то, что такое множество обычно не терпящих друг друга лордов добровольно и мирно собралось в одном месте, это в самом деле было примечательно. Еще удивительнее будет, если по крайней

мере одна грандиозная ссора не вспыхнет раньше, чем закончатся празднества.

И впрямь, компании кавалеров из враждующих между собой Форсинских Вольных Княжеств уже спорили, чей повелитель займет сегодня за столом более почетное место. Нелепее всего было то, что все они являлись вассалами одного лорда, так как все пять Вольных Княжеств состояли под протекцией и экономическим контролем Орсальского удела. Орсальское знамя обязательно развевалось на одном из флагштоков над стенами их крепостей, и появление орсальских эмиссаров предшествовало всем распрям между ними.

Сам же Орсаль, контролирующий всю торговлю на большей части побережья Южного моря, очевидно, приехать не удосужился. Его отношения с Р'Касси на юге в последнее время были не очень дружелюбными. Старый морской лев, очевидно, решил, что благоразумнее остаться дома и охранять свое единовластие в портах. Это было в духе старика Орсаля.

Однако младший Орсаль был здесь. Справа развевалось несколько знамен цвета морской волны — его цвета. Слуги в таких же ливреях деловито разгружали его обширный багаж.

Морган подумал, что после завтрашней коронации — если он, конечно, останется в живых — нужно бы повидаться с младшим Орсалем. Его тоже беспокоили Форсинские Княжества. Он надеялся, что может быть достигнуто взаимное согласие. Во всяком случае, он чувствовал — Орсаль наверняка что-то знает. Отношения же между герцогствами Корвин и Хортин всегда были прекрасными.

Морган поклонился, приветствуя проходящего мимо него лорда Верховного канцлера Торента, но мысли его были уже далеко. В конце дня надо бы встретиться с лордами королевскими советниками... А кое-кого из прибывших он попросту должен остерегаться...

Морган заметил мелькнувший край светло-оранжевого бархата и рыжую, ставшую фамильным отличием, макушку лорда Эвана, входящего в этот момент с лестницы в главные двери. Старый граф тащил за собой лорда Брэна Кориса и графа Восточной Марки.

Налево, по направлению к королевской конюшне, шагал паж, ведя под уздцы двух коней, принадлежавших Маклайнам,— с клетчатыми яркими попонами.

Да, теперь он мог рассчитывать на надежную поддержку. Лорд Яред, его названый дядя, правил примерно пятой частью Гвиннеда, учитывая владения его старшего сына, графство Кирни, примыкающее к его собственному Кассану. А граф Кирни и Морган были старыми друзьями; вдобавок, они скоро должны были породниться. И это не считая Дункана, третьего Маклайна, от которого так много будет зависеть сегодня.

Жестом предложив Дерри следовать за собой, Морган непринужденно продолжал путь по заполненному людьми двору, двигаясь влево от лестницы. Дерри тоже повернул налево, и вскоре оба спешились. Быстро ощупав ноги своего коня, Морган бросил поводья спутнику и, сняв шлем, машинально взъерошил спутанные белокурые волосы, высматривая знакомые лица.

— А, Ричард Фицуильям! — позвал он, помахав рукой в перчатке в знак приветствия.

Высокий темноволосый молодой кавалер в куртке королевского малинового цвета обернулся, услышав свое имя, и улыбнулся, узнав позвавшего.

Улыбка внезапно поблекла и сменилась выражением озабоченности, когда он торопливо подошел к Моргану.

— Лорд Аларик,— пробормотал он, торопливо кланяясь,— в-вам не нужно было п-появляться здесь, в-ваша м-милость. Г-говорят, с-советники п-посягают на вашу душу и тело, это чистая п-правда!

Его взгляд бегал с Моргана на Дерри и обратно. Дерри застыл в той же позе, в которой он пристегивал шлем к передней луке седла, перестав возиться с ним под жестким взглядом Моргана. Морган снова обратился к Ричарду.

— Советники что-то задумали против меня, Ричард? — спросил он с наигранным безразличием.— Почему?

Смущенный Ричард в замешательстве пытался избежать его взгляда. Он учился военному искусству у молодого генерала и трепетно любил его наперекор всему тому, что о нем говорили, но он вовсе не хотел, чтобы Морган узнал все именно от него.

— Я... я точно не знаю, в-ваша м-милость,— проговорил он заикаясь,— они... да, но хоть какие-нибудь слухи до вас, наверное, дошли?

Во взгляде его читался испуг и одновременно надежда на то, что Морган ничего такого не слышал, однако генерал понимающе приподнял бровь.

— Да, Ричард, слухи до меня дошли,— он помолчал,— но вы им не верите, надеюсь?

Ричард робко кивнул.

В раздражении Морган так хлопнул коня по спине, что животное взбрыкнуло.

— Будь они прокляты! — произнес Морган.— Этого-то я и боялся. Дерри, ты помнишь, что я говорил тебе по поводу Регентского совета?

Дерри с усмешкой кивнул.

— Как ты смотришь на то, чтобы попытаться умиротворить лордов-советников, а я пока займусь делом?

— Вы хотите сказать, задержать их, сэр?

Морган рассмеялся и хлопнул Дерри по плечу:

— Дерри, мальчик мой, мне нравится ход твоих мыслей! Напомни мне, чтобы я подумал, как тебя достойно наградить.

— Да, сэр.

Морган обернулся к Ричарду и протянул ему свой шлем и поводья обоих коней.

— Ричард, вы присмотрите за нашими лошадьми и доспехами?

— К вашим услугам, милорд,— ответил кавалер,— но, право, будьте осторожны. Оба.

Морган серьезно кивнул, похлопал Ричарда по плечу и решительно направился к лестнице, за ним последовал и Дерри.

На лестнице и в прихожей толпились нарядные гости, и Морган внезапно осознал, что сейчас он выделяется среди них не только своей грязной дорожной одеждой. Поднимаясь по лестнице, он заметил, что разговоры, особенно между дамами, смолкают при его приближении. Когда он встречал их взгляды своим, вежливым и веселым, они испуганно отступали, а мужчины только что не хватались за оружие.

Вдруг он понял: несмотря на долгое отсутствие, его узнали, и многим, вероятно, припомнились дикие слухи о Дерини. Кое-кто определенно приложил немало усилий, дабы запятнать его имя. Похоже, люди в самом деле поверили, что он — злой чародей Дерини из легенд!

Ладно. Пусть смотрят. Игра продолжается. Если они хотят увидеть учтивого, уверенного в себе, загадочного и угрожающего лорда Дерини в действии, он доставит им это удовольствие.

Непринужденно передвигаясь, Морган остановился на пороге, чтобы стряхнуть пыль с одежды, нарочно выбрав такое положение, чтобы его меч и кольчуга зловеще сверкали, а волосы пылали на солнце, как отшлифованное золото.

Он произвел на зрителей достойное впечатление. Уверившись, что его действия достигли желаемых результатов, Морган еще раз окинул публику пристальным взглядом. Затем он повернулся на каблуках, как дерзкий мальчишка, и ринулся в зал. У него за спиной плавно скользил Дерри, как осторожная голубая тень; его лицо загадочно мерцало из-под пышной гривы вьющихся каштановых волос.

Зал поражал великолепием. Так и должно было быть. Ведь Брион был великим королем, у него было множество вассалов, и ему приходилось содержать двор, преданная служба при котором щедро вознаграждалась.

Высокий зал с дубовыми перекрытиями и десятками расшитых шелком боевых знамен символизировал то новое сообщество, в которое вступили одиннадцать королевств за четверть века правления Бриона. Знамена Катмура и Кассана, Кирни и Келдиш Рейдинга, вольного порта Конкардина и протектората Меара, Ховисса и Ланнеда, Коннаита и Орсальского удела, епископские знамена Духовных Отцов всех одиннадцати королевств — все они висели рядом, высоко, на дубовых балках: шелка, эмблемы и девизы, вышитые на них золотом, поблескивали в полумраке при свете, лившемся от светильника и трех восхитительных каминов, пылающих в зале.

Шпалеры на стенах соперничали в роскоши с геральдическими знаменами. Возвышаясь над главным камином зала, таинственно сиял на фоне темно-алого бархата золотой Гвиннедский лев.

Геральдический сторожевой лев на красном поле, украшавший шпалеры над камином,— знак, которым помечалось халдейнское оружие, но как передать простым языком геральдики всю красоту вышивок и драгоценностей, все непревзойденное мастерство, вложенное в это произведение?

Более полувека прошло с тех пор, как король Малкольм, дед Бриона, заказал эту шпалеру.

Времена были суровые, и целых три года понадобилось проворным пальцам ткачей из Келдиш Рейдинга, чтобы завершить только основу задуманного. Еще пять лет усердной работы пона-

добилось золотых дел мастерам и ювелирам Конкардина. И наконец отец Бриона, Дональ, повесил этот шедевр в большом зале.

Морган помнил, как маленьким белокурым мальчиком он увидел Гвиннедского льва в первый раз. Впечатление от этой встречи было неизгладимым, так же как от мимолетного свидания с Брионом, блистательным королем, который стоял рядом и приветствовал застенчивого юного пажа, впервые вышедшего в свет.

Стараясь продлить приятное воспоминание, Морган еще раз медленно оглядел шпалеру — так он поступал всякий раз после долгого отсутствия. Только после этого он перевел взгляд вверх и налево, где висело другое знамя.

Зеленое шитье на черном шелке изображало Корвинского грифона, бросая вызов всем общепринятым геральдическим правилам, особенно в отношении цветов. Возможно, такое их сочетание было частью волшебного наследия Дерини, какая бы дурная слава ни пала на этот род в последние десятилетия.

Изумрудный грифон, крылья которого переливались золотом и драгоценными камнями, в боевой позе — с откинутой головой и приподнятыми когтистыми лапами — тускло и загадочно мерцал на почти зловеще светящемся черном фоне.

По краю вился золотой орнамент из переплетающихся цветов — такой же, как на старинном оружии Моргана, напоминающем ему о наследии отцов.

Морган уже стал забывать о землях Морганов, своих землях. Может быть, это и к лучшему. Большая часть усадеб и поместий (их было около двух дюжин), разбросанных по всему королевству, вошла в приданое его сестры Бронвин. Сиятельная леди умело управляла землями, которые следующей весной, после свадьбы Бронвин и Кевина Маклайна, должны были присоединиться к землям Кирни. Так что только золотой узор на траурном щите да еще собственное имя напоминали Моргану о его праве первородства.

Именно то, что рядом произнесли его имя, заставило генерала отвлечься от этих раздумий. В двенадцати футах от него лорд Роджер прокладывал себе путь в толпе знати; на его тонком лице читалась явная тревога, его каштановые усы стояли дыбом от нетерпения.

— Морган, мы ждем вас уже несколько дней! Что случилось? — Он с опаской посмотрел на Дерри, очевидно не узнавая его и смущаясь его присутствием.— А где лорд Ральсон и Колин?

Морган, не ответив на вопрос Роджера, быстро шел по залу, пока не заметил впереди Эвана в сопровождении Брэна Кориса и Яна Хоувелла. Он решил дождаться их, и тогда достаточно будет сообщить печальную новость всего один раз, это и так довольно тяжело, ведь они с Ральсоном были близкими друзьями.

Когда же подошли эти трое, по левую руку от Моргана появился Кевин Маклайн и хлопнул его по плечу в молчаливом приветствии. Все это время взбешенный Роджер почти что бежал за ними.

— В чем дело, Морган! — воскликнул он, брызгая слюной.— Вы же не ответили на мой вопрос. С ними что-то случилось?

Морган поприветствовал собравшихся поклоном.

— Боюсь, что так, Роджер. Ральсон, Колин, еще два стражника и три моих лучших офицера — все они мертвы.

— Мертвы! — задыхаясь, воскликнул Эван.

— Боже мой! — прошептал Кевин.— Аларик, что случилось?

Морган сжал руки за спиной, рассказывая о случившемся.

— Я был в Кардосе, когда пришло известие. Взяв с собой охрану, Дерри и еще троих моих людей, я немедленно двинулся в Ремут. Через два дня пути на нас напали из засады; кажется, это произошло около Валорета. Ральсон и вся охрана были убиты сразу. На следующий день умер от ран Колин. Дерри, боюсь, никогда не сможет пользоваться левой рукой, но, по крайней мере, он жив.

Ян нахмурился, поглаживая бороду с притворно-озабоченным видом.

— Да, это ужасно, Морган, это ужасно! Так сколько, вы говорите, было нападающих?

— Я ничего не говорил,— спокойно ответил Морган. Он смерил Яна подозрительным взглядом, пытаясь понять, почему тот задал вдруг подобный вопрос.— Кажется, там было человек десять или двенадцать, как ты думаешь, Дерри?

— Мы уложили восьмерых, милорд,— быстро сообщил Дерри,— еще несколько человек в панике отступили.

— Гм,— фыркнул Эван,— девять гвиннедцев уложили всего восьмерых негодяев? Я всегда думал о вас лучше, господа!

— Я тоже,— добавил Ян, небрежно комкая полу парчового камзола, отделанного золотистым шелком.— Конечно, я не так разбираюсь в этих вопросах, как лорд Эван, но мне кажется, вы слабо поработали. Хотя никто из нас при сем не присутствовал...

Говоря это, он пожал плечами, а своему голосу придал оттенок многозначительности.

— Это верно,— сказал Брэн Корис, подозрительно прищурившись,— мы при том не присутствовали и можем ли быть уверены, что все происходило именно так, как вы рассказали? Почему вы, Морган, не воспользовались вашим драгоценным могуществом Дерини, чтобы спасти их? Или вы не хотели этого?

Морган окаменел и бросил на Брэна свирепый взгляд. Кашу, которую неосторожно заварил этот болван, предстояло расхлебывать ему, а ведь именно сейчас он не мог рисковать жизнью в открытом поединке.

Проклятье! Второй раз за этот день он должен избегать доброй схватки!

— Я не слышал вашего замечания,— твердо произнес Морган,— я сюда явился, исполняя приказ короля.— Он обернулся налево.— Кевин, ты не знаешь, где сейчас Келсон?

— Я ему передам, что ты здесь,— ответил Кевин, ускользая за пределы досягаемости Брэна, прежде чем рассерженный лорд успел его остановить.

Яркий плед, небрежно наброшенный на плечи, развевался за ним, пока он быстро пересекал зал.

Брэн схватился за рукоятку меча и свирепо поглядел на Моргана.

— Мягко стелете, Морган, но семь жизней только за ваше присутствие здесь — не слишком ли дорогая цена?

Он вытянул было из ножен меч, но Эван схватил его за руку и заставил вернуть клинок обратно.

— Перестань, Брэн,— проворчал он.— А вы, Аларик, лучше бы вы не приезжали. Откровенно говоря, королева даже не хочет пускать к вам Келсона. Я не думаю, что вы сможете увидеться с мальчиком, пока не побеседуете с ее величеством.

— Я сам хорошо осведомлен о том, как королева относится к моей особе, Эван,— мягко возразил Морган,— и, поскольку совесть моя чиста, меня не заботит, что именно она думает. Я обещал кое-что отцу мальчика и собираюсь выполнить обещание.— Он рассеянно оглянулся.— Во всяком случае, я уверен, что Брион одобрил бы мое присутствие на сегодняшнем заседании совета. Вы ведь для этого все здесь собрались, джентльмены?

Лорды-советники украдкой переглянулись, гадая, кто выдал их планы Моргану.

Морган увидел, как на другом конце зала принц Нигель обменялся несколькими фразами с выходящим Кевином и затем направился в их сторону.

— Поймите, Морган,— говорил в этот момент Роджер,— никто из нас ничего не имеет против вас лично. Но королева — она сама не своя после смерти Бриона.

— Я тоже, Роджер,— бесстрастно ответил Морган, но глаза его сверкнули.

Нигель ловко проскользнул между Роджером и Эваном и взял Моргана за руку:

— Аларик, я рад вас видеть! И вас, лорд Дерри, кажется?

Дерри признательно поклонился — ему польстило, что герцог королевства узнал его, к тому же он был благодарен Нигелю за то, что тот разрядил обстановку. Остальные тоже поклонились.

— Я вот о чем хочу спросить,— продолжал Нигель, исполняя роль радушного хозяина,— не хотите ли вы, Дерри, посидеть вместо Аларика на его месте в совете, поскольку, я полагаю, у него есть для меня важные сведения и нам нужно переговорить.

— С удовольствием, ваше высочество.

— Отлично,— сказал Нигель, увлекая их обоих в ту же сторону, куда только что ушел Кевин,— извините, джентльмены!

Когда Нигель и Морган вышли из зала и направились в сторону королевских апартаментов, Ян мысленно поблагодарил Нигеля за нечаянную помощь. Именно это, в конце концов, пригодится. Даже если Морган успеет переговорить с Келсоном, а остановить его сейчас невозможно, все же лорда Дерини еще ждут кое-какие неожиданности.

И об его оруженосце, этом лорде Дерри, тоже стоит серьезно подумать. А Брэн Корис — вот уж сюрприз так сюрприз, теперь влияние Моргана в совете уменьшилось еще на один голос, и, как ни странно, обеспечено это своевременной гибелью Ральсона. Правда, Брэн Корис тоже, кажется, не совсем тот, кто нужен. Интересно знать, какая муха его укусила? Раньше Брэн был таким осторожным, никогда ни во что не вмешивался.

Морган, покидая зал, не переставал удивляться тому, как сильно изменился за последние два месяца младший брат Бриона. Он выглядел в два раза старше своих лет, хотя ему, герцогу королевства, едва за тридцать, он был всего на несколько лет старше Моргана.

Нет, он не превратился в дряхлого старика: в волосах не было седых прядей, Нигель не сутулился, не дрожал по-старчески. «Старость у него в глазах»,— понял Морган, когда они шагали по мраморному коридору. Нигель всегда был более сдержанным, более уравновешенным, чем брат, но теперь в нем появилось что-то новое: этот взгляд ловца (а может быть, дичи?), взгляд, которого Морган раньше не видел. А возможно, Нигель просто сам не свой после смерти Бриона.

Едва они отошли настолько, что привратники не могли их ни видеть, ни слышать, герцог убрал притворную улыбку и встревоженно посмотрел на Моргана.

— Мы должны спешить,— шепнул он; его шаги гулким эхом отдавались на всем протяжении коридора,— Джеанна готова созвать совет и выдвинуть против вас обвинения. Вдобавок не припомню, чтобы я когда-либо видел лордов-советников в таком скверном расположении духа. Похоже, они поверили слухам, расползшимся вокруг смерти Бриона.

— Да, конечно поверили,— сказал Морган,— они действительно думают, будто я как-то убил Бриона прямо из Кардосы. Даже чистокровный Дерини на это не способен,— он фыркнул,— а еще некоторые по наивности считают, что он умер от «сердечного приступа».

Они дошли до пересечения двух коридоров, и Нигель, повернув направо, устремился в сторону дворцового сада.

— Да, оба предположения обсуждались — что верно, то верно. Но у Келсона своя версия, и я с ней, пожалуй, согласен — в этом виновата Карисса.

— Возможно, он прав,— проронил Морган, не сбавляя шага.— Кстати, о совете — вы думаете, вам удастся с ними столковаться?

Нигель нахмурился.

— Откровенно говоря, нет. Во всяком случае, если и удастся, то ненадолго.

Они прошли пост охраны, и Нигель рассеянно ответил на бодрое приветствие стражников.

— Видите ли,— продолжал он,— дело обстояло бы иначе, будь Келсон уже совершеннолетним. В этом случае он как король мог бы просто запретить совету принимать во внимание какие бы то ни было надуманные, бездоказательные обвинения против вас. Но он пока не король и не может этого. До его совершеннолетия, сколь бы ни был ничтожен срок, Регентский совет обладает воистину королевской властью, ограничить которую принц не в силах. Совет сам решает, какой вопрос достоин обсуждения, и простого большинства голосов достаточно, чтобы вас осудить. Добьются ли они успеха — это во многом будет зависеть от умения Келсона манипулировать голосами советников.

— А он это умеет? — спросил Морган.

Стуча каблуками, они спустились по лестнице в сад.

— Не знаю, Аларик,— ответил Нигель,— мальчик умен, чертовски умен, но тут я не уверен, справится ли он. Кроме того, вы же видели главных лордов-советников. Учитывая, что Ральсон мертв, а Брэн Корис только что открыто бросил вам обвинение, все обстоит скверно.

— Я мог бы сказать то же самое еще в Кардосе.

Они остановились передохнуть в решетчатой беседке у края самшитового лабиринта. Морган украдкой оглянулся, не оставил ли Келсон какого-нибудь знака, и мысленно одобрил место, выбранное им для встречи.

— Кстати, Нигель, расскажите о последних попытках Джеанны опорочить мое имя. В чем именно она скорее всего обвинит меня?

Нигель поставил ногу в башмаке на каменную скамейку и, опершись локтем на приподнятое колено, окинул Моргана трезвым, суровым взглядом.

— Ересь и государственная измена,— тихо сказал он,— это не скорее всего, а точно!

— Точно! — воскликнул Морган.— Черт возьми, Нигель, точно то, что Келсон погибнет, если она не позволит мне помочь ему. Это она осознает?

Нигель мрачно пожал плечами.

— Кто ее знает, что Джеанна осознает, а что — нет? Я знаю лишь, что формальное обвинение в государственной измене собирается сделать наш дорогой лорд Роджер. И быть того не может, чтобы епископ Карриган отказался держать обвинение в ереси. Джеанна даже перевела из Валорета в архиепископство

этого, ну как его — того, кто устраивал гонения на Дерини на севере?

— Лорис,— свистящим шепотом, отворачиваясь, ответил возмущенный Морган.

Внутри у него все кипело, когда он разглядывал самшитовый лабиринт, видневшийся впереди за низкими перилами беседки. Отсюда не было видно, насколько он запутан, но Моргану вдруг показалось, что лабиринт этот, извилистый, загадочный, с новыми, непредвиденными трудностями за каждым поворотом, символизирует то затруднительное положение, в котором он оказался. Да, именно так, все — так, за исключением того, что из самшитового лабиринта есть выход.

Он повернулся к Нигелю, снова взяв себя в руки.

— Нигель, я убежден, что в честной схватке, в борьбе без вероломства Келсон смог бы одолеть Кариссу раз и навсегда, обладай он могуществом Бриона. А будь у меня время, я добился бы этого. Джеанна хотя бы понимает, что поставлено на карту? Что произойдет с Келсоном, если он столкнется с Кариссой раньше срока? Вы — брат короля, вы понимаете, о чем я говорю.

— Если она даже и знает, то ни за что не признается в этом,— сказал Нигель.— Впрочем, коль скоро вы считаете, что это поможет, я могу поговорить с ней. Как бы там ни было, мы можем выиграть время.

— Хорошо,— кивнул Морган,— и если вам не удастся убедить ее добром, постарайтесь заставить...

— Я сделаю все, что смогу,— уныло кивнул Нигель,— и то сказать, ей давно бы пора действовать, как и полагается взрослой, неглупой женщине. Ну, до встречи!

— Надеюсь,— ответил Морган, в общем-то, самому себе, так как герцог уже скрылся за поворотом дорожки.

Морган криво усмехнулся и в ожидании Келсона оперся на перила беседки. Он весьма сомневался, что кто-либо способен убедить в чем-то, а тем более заставить молчать своенравную вдову Бриона, и менее всего — Нигель, который никогда не скрывал своей приверженности опальному генералу.

С другой стороны, герцог все-таки деверь королевы, иногда это тоже имеет значение. Кто знает? В конце концов, если существа, подобные смертным, вернулись к жизни и вновь призывают на помощь все силы добра и зла, то и все остальное не столь уж невозможно.

Он никак не мог постичь до конца, на чем держится неприязнь Джеанны, даже зная, что в ее основе лежит древнее и глубоко укоренившееся недоверие к магии Дерини, которое усиливалось из поколения в поколение тем, что защитники церкви осуждали все без исключения тайные науки. Но, несомненно, здесь было и что-то другое.

Конечно, некогда были веские причины не верить Дерини, и Морган первым признавал это. Но уже триста лет минуло с начала междуцарствия Дерини. А те времена, когда на протяжении трех поколений Дерини были у власти в одиннадцати королевствах, тоже миновали около двух столетий назад.

И даже в разгар правления Дерини только немногие из их братства были вовлечены в бездну жестокости. Зато тысячи других Дерини хранили узы, связывающие их с людьми; те Дерини, которые под предводительством Камбера Кулдского случайно открыли, что при неких условиях, при особых личных качествах всеми силами Дерини могут пользоваться и люди. Камбер и его сподвижники произвели государственный переворот, и междуцарствие Дерини закончилось так же быстро, как и началось.

Правители-тираны были казнены своими же приближенными, к власти пришли потомки древних знатных фамилий. Но разгневанный народ и воинствующая церковь очень уж быстро забыли, что не только рабство, но и освобождение от него исходило от лордов Дерини. Больше того, вскоре и те и другие вообще перестали хоть как-то различать Дерини между собой. За пятнадцать лет Реставрации, меньше даже чем за одно поколение, братство стало жертвой едва ли не самых кровавых преследований, известных современному человеку. В ходе молниеносного истребления было уничтожено две трети всех Дерини. Выжившие либо скрывались, отказавшись от родового наследства, либо вели непростую, полную страха жизнь под покровительством тех нескольких лордов, которые помнили, как все было на самом деле.

Прошли годы. Многое забылось. Дух преследования утих во всех, за исключением наиболее стойких фанатиков. Отдельные семьи Дерини снова возродились и преуспели на королевской службе. Но магией они пользовались с предельной осторожностью, если вообще пользовались. Большинство же Дерини, какого бы образа жизни они ни придерживались, совсем отказались от применения своего могущества для чего бы то ни было, ибо разоблачение без защиты означало немедленную смерть.

Несмотря на это, подлинная магия времен Реставрации все еще жила среди людей. Постепенно кое-где стали допускать, если и не открыто признавать, что правители Гвиннеда и других десяти королевств обладали особой силой, каким-то непостижимым образом связанной с их божественным правом повелевать. А то, что это могущество неизменно исходило от Дерини, не обсуждалось, да и вряд ли об этом вообще помнили. Но именно благодаря этому дару, по традиции переходящему от отца к сыну уже в течение двух столетий, Брион сумел одолеть Марлука пятнадцать лет назад.

Неистовую враждебность Джеанны Морган ощутил явно раньше этой исторической битвы, хотя и не сразу после их знакомства.

Когда Брион только привел в дом рыжеволосую принцессу, которая должна была стать королевой, Морган наслаждался счастьем своего короля, а пожалуй, и всего Гвиннеда. Прекрасная молодая королева вскружила голову придворному кавалеру, как и всем молодым людям при дворе. Морган обожал ее со всем юношеским пылом; королеву любили все, ведь с ней королевский двор Ремута обрел новый блеск.

Но в один прекрасный день Брион ненароком раскрыл Джеанне секрет происхождения Моргана. Услышав, что он — наполовину Дерини, королева побледнела. А потом, слишком скоро после этого, разразилась та роковая война с Марлуком.

Он ясно помнил этот день, словно и не прошло уже пятнадцати лет, день, когда они с Брионом, упоенные полной победой над Марлуком, возвращались в Ремут во главе торжествующей армии.

Морган помнил, как гордился Брион им, тогда еще юным, четырнадцатилетним; помнил, как они, взволнованные, ворвались в покои королевы похвалиться своей победой. Помнил и выражение смертельного ужаса и отчаяния на лице Джеанны, узнавшей, что ее муж защитил престол и одержал победу с помощью магии Дерини.

Сразу после этого Джеанна около двух месяцев пребывала в уединении, как говорили, в аббатстве Святого Жиля, на берегу моря Шанниса. Вскоре она помирилась с Брионом, и в Ремут супруги возвратились вместе. А когда немного погодя родился Келсон, стало очевидным, что королева вообще не желает знаться с юным лордом Дерини.

Это ее решение ничего не изменило в жизни Моргана. Его дружба с Брионом росла и день ото дня становилась лишь крепче. Благодаря поддержке Бриона Морган все же многое смог сделать для воспитания и образования Келсона. Оба они понимали безнадежность попыток примирения королевы с Морганом, пока Джеанна сама этого не захочет. Словом, со временем Брион вынужден был смириться с тем, что возлюбленная его королева не желает иметь ничего общего с его самым верным другом.

С тех пор Морган не встречался с королевой, кроме тех случаев, когда этого требовали дела, связанные с Келсоном. Те несколько неизбежных встреч обычно сопровождались оживленными и остроумными беседами, и это давало Моргану робкую надежду, что когда-нибудь отношения между ними изменятся к лучшему.

Скрип шагов по гравию разорвал тишину сада, Морган поднял глаза и соскочил с ограды, на которой сидел. Келсон и Кевин прошли последний изгиб главной аллеи и остановились напротив беседки.

Теперь Келсон носил королевские одежды малинового цвета. На нем была бархатная куртка с воротником из меха черно-бурой лисы, на фоне которого лицо мальчика казалось мрачным и напряженным. С тех пор как Морган видел принца последний раз, он немного подрос.

Наметанным глазом генерал заметил кольчугу под шелковым, изысканно расшитым плащом. Одна рука Келсона была обвязана выше локтя черной креповой лентой, такая же опоясывала мальчика. Но более всего ошеломило Моргана его невообразимое сходство с Брионом, когда тот был в таком же возрасте.

Рассматривая Келсона, он невольно видел словно бы вернувшегося к нему Бриона — те же большие серые глаза под бархатистой челкой черных прямых волос, та же горделивая, истинно королевская посадка головы, та же естественность, с какой сидели на нем малиновые королевские одежды. Его заботливый взгляд заметил и кажущуюся хрупкость стройного мальчика, за которой скрывались гибкость и закалка — результат тех долгих часов, когда Морган учил его владеть оружием.

Это был Брион — Смеющиеся Глаза, Сверкающий Меч, Мудрый Ум,— обучающий юное дитя фехтованию и верховой езде, содержащий по-королевски великолепный двор. Образ этого мальчика колебался на грани света и тьмы, как светлые волосы его

матери и иссиня-черные — отца, как память о прошлом, смешавшаяся с настоящим.

Теперь перед ним снова был только Келсон. Значит, не зря Брион просил самого лучшего, самого дорогого друга поклясться, что у мальчика будет защитник, если он преждевременно умрет; не зря всего за месяц до гибели вверил ключ от своего божественного могущества тому самому человеку, который стоял теперь перед его сыном.

Келсон неуверенно отвел взгляд. Казалось, оба они утратили дар речи.

Мальчик сдержал себя, хотя ему очень хотелось броситься к Моргану — как в детстве, обнять его, выплакать ему всю боль, все страхи, все ночные кошмары двух последних недель; ему хотелось, чтобы спокойный, а временами таинственный лорд Дерини усыпил горе, изгнал ужас из его души с помощью своей, пусть тоже внушающей трепет, магии. Он всегда чувствовал это: помочь ему может только Морган. Если бы Келсон только мог позволить себе броситься ему на шею!

Но он не мог.

Ведь он — мужчина, по крайней мере хочет быть мужчиной. И, более того, он скоро будет королем.

«Только бы,— тревожно думал мальчик,— только бы Морган помог мне в будущем».

Робко, чувствуя себя пока еще неловко в новой роли, Келсон поднял глаза и еще раз посмотрел на друга своего отца, на своего друга.

— Морган? — Он важно кивнул, стараясь выглядеть более уверенным, чем был на самом деле.

Генерал слегка улыбнулся своей успокаивающей улыбкой и тихо подошел к Келсону. Он хотел было преклонить колени в традиционном почтительном приветствии, но почувствовал, что мальчику будет неудобно, и решил избавить его от этого. Он только и произнес:

— Мой принц!

Кевин Маклайн, стоящий в нескольких шагах от них, казалось, был смущен не меньше Келсона. Нарочито откашлявшись, он посмотрел на Моргана.

— Дункан передал, что он придет в Сент-Хилари, как только вы будете готовы, Аларик. А мне сейчас нужно вернуться в совет — по-моему, там я принесу больше пользы, чем здесь.

Морган кивнул, не спуская глаз с Келсона. Кевин, неловко откланявшись, поспешно удалился по главной аллее.

Когда смолкли звуки его шагов, Келсон потупился и, разглядывая мозаичный пол беседки, прочертил в пыли линию носком начищенного башмака.

— Лорд Кевин рассказал мне о Колине, лорде Ральсоне и остальных,— наконец произнес он,— мне кажется, я в ответе за их гибель, Морган. Это я послал их за вами.

— Кто-то должен был ехать, Келсон,— ответил Морган. Он положил руку на плечо мальчику.— Я думаю, вы это понимаете. Я по своему усмотрению оставил их тела в аббатстве Святого Марка. Что случилось, то случилось, однако вы можете что-нибудь сделать для их семей — скажем, с почестями похоронить их за государственный счет.

Келсон оглянулся в тоске:

— Слабое утешение для погибших — государственные похороны. Но вы правы, конечно, кто-то должен был ехать.

— Вот и хорошо,— улыбнулся Морган,— и продолжим. Давайте-ка пройдемся.

Кевин Маклайн, входя, быстро оглядел зал и направился прямо к Дерри, в одиночестве стоящему у дверей совета.

— Они еще не вошли? — спросил Кевин, подойдя к юноше.

— Нет. Ждут опоздавших. Я надеюсь, они опоздают как следует. Если они, конечно, не за нас.

Кевин улыбнулся.

— Я кузен Моргана, Кевин Маклайн. И вы можете отбросить все формальности, если вы — друг Аларика.

Он протянул руку, и юноша пожал ее.

— Шон Дерри, оруженосец Моргана.

Кевин кивнул и небрежно оглянулся.

— Ну, о чем болтают? Я думаю, весь Ремут уже знает, что Морган вернулся.

— Я в этом не сомневаюсь,— ответил Дерри.— А что думаете вы?

— Что я думаю? — с недоумением спросил Кевин.— Друг мой, по-моему, все мы обеспокоены сейчас одним. Как вы полагаете, что они намерены с ним сделать?

— Боюсь даже предположить.

— Ересь — раз,— Кевин загнул палец,— и что еще? Государственная измена — два.— Он загнул второй палец.— Как вы считаете, какое наказание полагается за каждый из этих проступков?

Дерри махнул рукой, и плечи его удрученно поникли.

— Смерть,— прошептал он.

Глава III

АД НЕ ТАК СТРАШЕН, КАК ЖЕНСКАЯ ОБИДА ИЛИ ЖЕНСКОЕ ГОРЕ

Джеанна Гвиннедская придирчиво изучала свое отражение в зеркале, пока цирюльник укладывал каштановые волосы у нее на затылке и скреплял их филигранными булавками.

Бриону не понравилась бы эта прическа. Ее крайняя простота была слишком уж грубой, слишком суровой для тонких черт королевы. Прическа подчеркивала высокие скулы и почти прямоугольный подбородок, так что туманные зеленые глаза казались единственно живыми на ее бледном лице.

Да и черный цвет ей не идет. Гладкий шелк и бархат траурного платья, не оживленные ни жемчугами, ни кружевом, ни яркой вышивкой, только усиливали однообразное сочетание черного и белого, подчеркивая бледность и делая ее на вид много старше тридцати двух лет.

Но Брион не появится больше никогда.

«Нет, он бы ничего не сказал,— думала она, пока цирюльник покрывал блестящие пряди тонкой кружевной вуалью.— Брион бы просто коснулся волос и вынул эти стягивающие кожу булавки, чтобы длинные локоны свободно струились вдоль шеи: он бы, приподняв за подбородок, повернул к себе ее лицо, и губы встретились бы с губами...»

Ее пальцы сжались от непрошеных воспоминаний. Длинные узкие рукава скрыли их дрожь. Моргнув, Джеанна с большим усилием остановила уже ставшие привычными слезы.

Она не должна была сейчас думать о Брионе. Нельзя было, в сущности, допускать даже мысли о том, что ее нынешние намерения могут каким-то образом касаться его. У нее была достойная причина поступить так, как она решила. Именно поэтому сегодня утром, когда она стояла перед советниками Бриона

и говорила им об ужасном зле, угрожающем Келсону, никто из них не посмел думать о ней как о молодой и глупой женщине. Она пока еще королева Гвиннеда, по крайней мере до завтрашнего дня. И ей нужно твердо знать, что совет не забудет, как она просила у него жизнь Моргана.

Руки Джеанны слабо дрожали, когда она коснулась золотой короны, лежавшей перед ней на столике, но она заставила себя быть спокойной, поместив диадему в точности над своей траурной вуалью. То, что королева собиралась сделать сегодня, было противно ее душе. Как бы она лично ни относилась к Моргану и его проклятым силам Дерини, этот человек был все же ближайшим другом и советником Бриона. Знал бы Брион, что она намеревается сделать...

Джеанна внезапно встала и нетерпеливым жестом отпустила своих служанок. Брион не может знать. Хотя от этого и сжимается сердце, но ничего не изменишь — он умер и почти две недели как похоронен. Несмотря на все слухи о страшной силе Дерини — силе, чуждой ей настолько, что она не могла позволить себе приблизиться к ее пониманию,— даже любимцам Дерини не было пути назад из могилы. И если смерть Моргана необходима, чтобы ее единственный сын мог править как простой смертный, без влияния этих проклятых сил,— значит, так тому и быть, чего бы ей это ни стоило.

Твердым шагом она пересекла спальню и остановилась у выхода на террасу. В одном ее углу юный менестрель тихо играл на лютне из светлого полированного дерева. Вокруг него полдюжины фрейлин, все в черном, старательно вышивали, слушая траурную песнь. Над их головами пышные розы обвивали открытые балки, их красные, розовые и золотые лепестки оттеняло чистое осеннее небо. Утреннее солнце украсило все вокруг узорами света и тени: плиты пола, работу фрейлин. Когда Джеанна появилась в дверях, они подняли головы в ожидании, а менестрель перестал играть.

Джеанна, показав знаком, что они могут продолжать свои занятия, вышла на террасу. Когда менестрель вновь заиграл свою нежную мелодию, королева медленно перевела взор на противоположную стену. Сорвав розу с нижней ветки, она положила ее на задрапированную черным бархатом скамеечку, стоящую под розовым кустом.

Именно здесь, среди солнечного света и роз, которые так любил Брион, она искала внутреннего покоя, столь необходимого для того, что ей предстояло. Может быть, тут ей удастся набраться сил и смелости, дабы совершить задуманное.

Почувствовав слабую дрожь в коленях, Джеанна поплотнее укуталась, словно защищаясь от внезапного порыва ветра.

Она еще никогда никого не убивала — даже Дерини.

Нигель в пятый раз нетерпеливо дернул парчовый шнур звонка у входа в апартаменты королевы, его серые глаза наполнились гневом, и соответствующая тирада уже готова была сорваться с губ. Тот оптимизм, что вселил в него короткий разговор с Алариком, сильно пошел на убыль. Если хоть кто-нибудь не откроет эту дверь в течение трех секунд, он...

Нигель собрался дернуть шнурок в шестой раз и уже поднял руку, когда услышал за дверью короткий шорох. Он отступил на шаг и увидел, как открылась маленькая смотровая щель двери, расположенная на высоте человеческих глаз. Чей-то карий глазок пристально разглядывал его сквозь отверстие.

— Кто это? — сурово спросил Нигель, приблизившись к двери.

Карий глаз отодвинулся, и он увидел молодую служанку, отступающую от двери, с ротиком, застывшим в форме буквы «о».

— Девушка, если вы не откроете дверь немедленно, я разобью ее, уж лучше откройте!

Глаза служанки расширились еще больше, когда она узнала голос говорящего, и она повиновалась. Нигель услышал, как отодвигается засов, и тяжелая дверь начала медленно открываться. Без колебаний он толчком распахнул ее до конца и ворвался в комнату.

— Где королева? — воскликнул он и опытным глазом быстро окинул комнату, не пропуская ни одной детали.— В саду?

Оглянувшись, Нигель внезапно повернулся, схватил испуганную девушку за руку и медленно сжал ее, блеснув своими серыми халдейнскими глазами.

— Ну? Говори же, детка, да не бойся, не укушу я тебя.

Девушка вздрогнула и попыталась вырваться.

— П-пожалуйста, ваше высочество,— простонала она.— Вы делаете мне больно.

Нигель ослабил хватку, но не отпустил руку служанки.

— Я жду,— сказал он нетерпеливо.

— Она н-на террасе, ваше высочество,— опустив глаза, прошептала девушка.

Одобрительно кивнув, Нигель отпустил ее и, пересекая комнату, поднялся к арке, выходящей в королевский сад. Терраса, он знал, с одного конца соединялась с апартаментами королевы, но туда можно было также попасть и через сад.

Он быстро прошел по короткой, усыпанной гравием тропинке и остановился перед чугунной калиткой, увитой живыми розами. Перед тем как войти, Нигель бросил взгляд сквозь густую листву на отдаленные покои дворца.

Там королева Джеанна с некоторым удивлением смотрела на испуганную служанку, выбегавшую из внутренних комнат. Приблизившись, девушка начала что-то нашептывать своей госпоже, и Джеанна, опустив розу, которую она рассматривала, настороженно взглянула на калитку, где стоял Нигель.

Поскольку весть о неожиданном визите опередила его, Нигель решительно отодвинул щеколду и вошел в сад. Спустя мгновение он уже возвышался перед дверью, затем вошел в покои и встал перед королевой.

— Джеанна,— поклонился он.

Глаза королевы тревожно бегали по плитам пола, будто изучая их.

— Мне бы не хотелось ни с кем говорить сейчас, Нигель. Твое дело может подождать?

— Не думаю. Могли бы мы остаться наедине?

Губы Джеанны сжались, она перевела взгляд с деверя на своих приближенных. Вновь опустив глаза, королева увидела, как судорожно ее пальцы сжимают стебель розы, раздраженно отбросила цветок и осторожно сложила руки на коленях, прежде чем позволила себе ответить.

— Не существует ничего такого, о чем я не могла бы говорить в присутствии моих фрейлин. Нигель, пожалуйста. Ты ведь знаешь, что я должна сделать. Не создавай мне еще больших трудностей.

Не дождавшись ответа, она испытующе посмотрела на него, но Нигель даже не шевельнулся.

Его серые глаза по-прежнему сурово блестели из-под копны густых черных волос, как некогда и у Бриона в его самые мрачные минуты.

Он стоял непримиримый, решительный, держа пальцы на рукояти меча и пристально глядя на нее в полной тишине. Она повернулась к нему.

— Нигель, неужели ты не понимаешь? Я не хочу говорить об этом. Я знаю, зачем ты пришел, и уверяю — у тебя ничего не получится. Ты меня не переубедишь.

Она сперва ощутила, а затем и увидела, что он подошел к ней вплотную, почувствовала, как его одежда коснулась ее руки, когда он нагнулся.

— Джеанна,— прошептал Нигель так тихо, чтобы услышала только она,— я намерен затруднить твое дело настолько, насколько это в человеческих силах. И если ты сейчас не отошлешь своих фрейлин, это придется сделать мне, что будет неудобно для нас обоих. Ты хочешь при них обсудить свои планы насчет Моргана или то, как умер Брион?

Она резко вскинула голову.

— Ты не посмеешь!

— Я?

Она поймала его требовательный взгляд, затем безропотно повернулась и сказала фрейлинам:

— Оставьте нас.

— Но, Морган, я не понимаю. Почему она думает что-то такое?

Морган и Келсон шли вдоль края самшитового лабиринта, приближаясь к широкому гладкому пруду в центре сада. По пути Морган опасался встретить навязчивых соглядатаев, но ни один из них, кажется, не заинтересовался их прогулкой.

Морган посмотрел на Келсона, потом улыбнулся.

— Вы спрашиваете, почему женщина делает то-то и то-то, мой принц? Да если бы я только знал это, я был бы могущественнее, чем в самых своих чудовищных грезах! А ваша мать, с тех пор как разузнала, что я из Дерини, вообще не давала мне возможности приблизиться настолько, чтобы понять ее.

— Я знаю,— сказал Келсон.— Морган, о чем вы с моей матерью спорили?

— Вы имеете в виду — особенно резко?

— Наверное, да.

— Если я повторю, это огорчит вас,— ответил Морган.— Я напомнил ей, что вы уже взрослый, что один день вы уже были

королем.— Он опустил взгляд.— Я никогда не думал, что это произойдет так скоро.

Келсон печально хмыкнул.

— Она думает, что я все еще ее маленький мальчик. Как объяснить матери, что ты уже не ребенок?

Морган услышал его вопрос, когда они уже дошли до зеркального пруда.

— Честно говоря, я не знаю, мой принц. Моя мать умерла, когда мне было четыре. А у тетки, которая воспитала меня, леди Веры Маклайн, хватало здравого смысла не бередить рану. А когда умер мой отец и я стал пажом при дворе вашего отца, мне было девять. Ну а королевские пажи, даже в таком возрасте, вовсе уже не дети.

— Странно, что с королевскими наследниками иначе,— сказал Келсон.

— Может быть, воспитание принца требует больше времени,— заметил Морган.— В конце концов, наследник вырастает, чтобы стать королем.

— Если вырастает,— пробормотал Келсон.

Опечаленный мальчик уселся на гладкий валун и начал бросать в воду камешки, один за другим; озабоченные серые глаза провожали взглядом каждый из них, наблюдая, как появляются и расходятся концентрические круги на воде.

Морган знал это настроение, и знал слишком хорошо, чтобы вмешаться.

Это было то сосредоточенное самоуглубление, такое привычное в Брионе, которое, казалось, было так же естественно для халдейнской земли, как серые глаза, или сила рук, или дипломатическая хитрость. Это было наследие Бриона; его брату Нигелю оно также было присуще вполне, и он мог бы стать подлинным королем, если бы не воля случая, сделавшая его вторым, а не первым сыном. А сейчас младший в роду Халдейнов готов потребовать причитающееся ему по праву.

Морган терпеливо ждал. После долгого молчания принц поднял голову и взглянул на свое отражение в воде.

— Морган,— сказал он учтиво,— вы знаете меня с рождения. Вы знали моего отца ближе, чем кто-либо из известных мне людей.— Он бросил еще один камень, затем повернулся к Моргану лицом.— Как вы... как вы думаете, в силах ли я занять его место?

«Занять его место? — подумал Морган, пытаясь не выказать боли.— Как ты сможешь занять пустоту в сердце? Как ты заменишь того, кто был отцом и братом почти столько, сколько ты помнишь себя?»

Морган набрал горсть камешков и рассыпал их по земле, заставив себя отбросить грусть и сосредоточиться. Брион ушел. Сейчас здесь был Келсон.

И теперь Морган должен стать отцом и братом сыну того, кто когда-то был ему отцом и братом.

Именно этого хотел Брион.

Он швырнул камешек в пруд, затем повернулся — к своему сыну.

— Я бы солгал, сказав, что вы можете заменить Бриона, мой принц. Никто этого не может. Но вы будете хорошим королем — возможно, даже великим, если знаки меня не обманывают.

Его голос повысился из-за значительности того, о чем он сейчас говорил.

— Вы изучали анналы военной истории и стратегии, языки, философию, математику, медицину. Брион позволил вам коснуться даже оккультных знаний, которые однажды могут занять важное место в вашей жизни — вопреки чаяниям вашей матери, насколько я могу судить, хотя она и скрывает это от всех, кто мог бы возразить ей. К тому же в вашем воспитании была и более практическая сторона. Согласитесь, что есть великая мудрость в этом странном на первый взгляд обычае, когда юным и, бывает, непоседливым наследникам велят сидеть рядом с отцом в Королевском совете. Сами того не сознавая, вы с детства усвоили зачатки непогрешимой риторики и логики, которые были присущи Бриону, как и всякая другая доблесть. Вы научились держать совет и достигать согласия мудро и неназойливо. Находясь рядом с отцом, вы поняли, что мудрый король ничего не говорит в раздражении и не судит, не узнав доподлинной правды.

Морган прервал свою речь и посмотрел на руку, полную камешков, с удивлением обнаружив, что все еще держит их. Он осторожно разжал руку и высыпал камешки на землю.

— Может быть, и не нужно говорить вам это, Келсон, но я полагаю, что во многих отношениях вы могли бы править лучше Бриона. В вас есть такое понимание, такое ощущение, что ли, жизни, которое, я не уверен, было ли доступно Бриону. Не думаю, что это сделало его худшим королем; философов он выслушивал так же внимательно, как и воинов, но я никогда не был уверен, что он действительно понимает их. Может быть, вы — поймете.

Келсон посмотрел с печалью на землю под ногами, сдерживая слезы при воспоминании об отце. Затем он поднял голову и еще раз взглянул на противоположный берег пруда.

— Я знаю, что вы меня успокаиваете, однако вы не ответили на мой вопрос. Точнее, ответили, просто я не о том спрашивал. Я вот что имел в виду: хотелось бы знать, какое отношение ко всему этому имеет Сумеречная.

Морган удивленно поднял брови.

— К чему именно?

Келсон раздраженно взглянул на него.

— Ну, Морган, если вы начинаете уходить от разговора, мы ни к чему не придем. Я уже знаю, что отец одерживал победы и правил королевством отчасти при помощи магии. Вы же мне об этом и сообщили. И еще я знаю, что вы находились в Кардосе три месяца после того, как был подписан новый договор. За всем этим стоит Карисса, и я не понимаю, почему все так упорно умалчивают об этом. Я ведь не ребенок.

Морган понял, что настал переломный момент, и решал, как поступить. Если мальчик действительно составит себе точную картину случившегося, как знать, вдруг да и появится еще какая-то возможность успеха, даже сейчас, когда потеряно столько времени. Он осторожно взглянул на Келсона.

— Брион говорил вам, что здесь замешана Сумеречная?

— Без подробностей. Но он не отрицал этого.

— И...— подтолкнул его Морган.

— И...— начал Келсон, подыскивая нужные слова.— Морган, я не верю, что мой отец умер от обычного сердечного приступа. Думаю, тут замешано что-то еще. Вообще говоря, я полагаю, что Сумеречная...

— Продолжайте.

— ...что Сумеречная как-то убила отца при помощи магии,— выпалил мальчик.

Морган слегка улыбнулся и кивнул, а у Келсона вытянулось лицо.

— Вы уже знали? — спросил мальчик с изумлением и негодованием.

— Я подозревал,— поправил его Морган, усевшись поудобнее на камне.— Нигель говорил мне о вашем с ним разговоре, и я согласен с вами. А сейчас расскажите-ка мне подробнее, что случилось на той охоте. Я хочу знать все детали, все мелочи, какие только вы сможете припомнить.

Когда все фрейлины покинули комнату, Джеанна медленно встала и встретилась глазами с неподвижным взглядом Нигеля.

— Ты играешь в опасные игры, Нигель,— мягко сказала она.— Если ты действительно брат Бриону, напоминаю тебе, что я по-прежнему твоя королева.

— Но Келсон — мой король,— спокойно ответил Нигель,— и то, что ты собираешься сделать с ним, убив Моргана, слишком похоже на измену.

— Измену? — переспросила Джеанна.— Оставим этот ярлык Моргану. Я не могу предать собственного сына.

— А я не могу согласиться относительно ярлыка,— ровным голосом возразил Нигель.— Да, я называю изменой то, что подвергает Келсона опасности. А без тех сил, какими обладал Брион, у мальчика, ты знаешь, не остается даже надежды... И Морган — единственный в мире, кто может помочь ему вернуть эти силы.

— Бриона эти силы не спасли.

— Да. Но как знать, может быть, Келсона спасут.

— Мне так не кажется,— сказала Джеанна; ее голос стал глубже.— Я вижу, что Морган — единственный, кто может сбить моего сына с правильного пути, погубить его душу. И я вижу, что именно это дьявольское влияние Моргана с самого начала испортило Бриона — эта безмерная нечестивая сила Дерини, которая пропитывает все, к чему Морган прикасается. И я не могу спокойно смотреть, как то же самое происходит с моим сыном.

— Джеанна, ради бога,— начал Нигель.

Джеанна повернулась к нему в гневе, и в ее глазах сверкнул такой холод, такой лед, какого Нигель никогда раньше не видел.

— Не вмешивай в это Бога, Нигель. Ты больше не имеешь права взывать к Нему! Если ты защищаешь Моргана, значит, прощаешь Дерини их ересь. И боюсь, дорогой брат, что свою собственную душу ты тоже подвергаешь опасности даже легкой приятельской близостью с этим человеком.— Она резко отвернулась.

Нигель сжал зубы и заставил себя сдержать растущее раздражение. Спор был обычным для них, не считая того, что сейчас религиозное рвение Джеанны соединилось с ее здравым смыслом. Он знал, что продолжать разговор бессмысленно, но решил подойти по-другому, хотя уже понимал, чем все кончится. Иногда прямота — лучшая тактика.

— Я не спорю с тобой о богословии, Джеанна,— спокойно сказал Нигель.— Но кое-какие вещи о Брионе тебе следовало бы знать, прежде чем обрекать его на вечные муки как еретика. Во-первых, могущество Бриона было его собственным, а не полученным от внешних сил, будь то Дерини или кто-то еще. Свое могущество и способности он унаследовал по нашей мужской линии, идущей еще от времен Камбера и Реставрации. Конечно, Морган помог Бриону раскрыть эти способности. Он направлял его в приложении присущих ему сил. Но способности Бриона были его собственными, прирожденными, как и у любого отпрыска мужского пола халдейнской линии; ими владею и я, и мой сын, и Келсон.

— Это нелепость! — решительно сказала Джеанна.— Эти силы не могут передаваться по наследству.

— Я не говорю, что передаются эти силы, передается только способность обрести их. Халдейн может овладеть этими силами в известный момент, и сейчас пришло время Келсона.

— Нет. Я не позволю!

— Почему Келсон не может решить этого сам?

— Потому что Келсон дитя,— раздраженно сказала Джеанна.— Он не знает, в чем для него благо.

— Келсон — король и завтра будет коронован в соборе Святого Георга. Ты хочешь лишить его права носить корону после коронации, Джеанна?

— Кто посмеет отнять ее у него?

Нигель улыбнулся.

— Не я, Джеанна, если ты это хотела сказать. Я вполне удовлетворен титулом герцога Катмурского. Так хотел Брион.

— А если ты не удовлетворишься этим титулом, что тогда? Что думал Брион на сей счет?

Нигель снова улыбнулся.

— Неужели ты не понимаешь? Брион — и брат мой, и король. Даже не прими я с благодарностью титул герцога Катмурского, я бы просто, и ты это знаешь, остался без титула. Брион — стар-

ший сын, он наследник всего, и даже если меня не связывала бы братская любовь, связала бы присяга моему сеньору. Я любил его и как сюзерена, и как брата, Джеанна.

— Я тоже любила его,— оправдывающимся тоном сказала Джеанна.

— Странно проявляется твоя любовь.

— Можно любить человека и ненавидеть какие-то его поступки, разве нет?

— Можно ли? — спросил Нигель.— Я думаю, мы придаем разное значение слову «любовь». Для меня это — не просто испытывать к человеку какие-то смутные чувства, это значит принимать — принимать в нем все, даже если не все одобряешь. Но ты никогда не была способна на такое, ведь так? Потому что в ином случае приняла бы с самого начала как должное то, что Брион владел волшебством редкостного и особенного рода и что правление, достойное его, в том и заключалось, чтобы использовать эти силы для сохранения мира в его любимой стране.

Он склонился к ее лицу.

— Возможно, ты считаешь иначе, но хотя бы с тем, надеюсь, согласишься, что Брион никогда не применял эти силы неправедно — да и Морган тоже. Все годы они были вместе, и ничего, кроме добра, эти силы не приносили. Когда, например, Брион одолел Марлука, Джеанна, я был рядом, ехал вместе с ним и Морганом. У тебя есть сомнения по поводу той победы? Подумай, где бы мы сейчас были, победи тогда Марлук.

Джеанна тревожно сплетала пальцы, вспоминая прошлые годы.

— Брион никогда не говорил мне ничего такого.

— Он знал, как ты относишься к Моргану,— мягко сказал Нигель.— Но при всем том я знаю, что он не однажды пытался сказать тебе об этом.

Он повернул ее лицом к себе.

— Ты забыла, как он говорил тебе о своем величии, о божественных силах правителя? Пойми, это не просто удобная легенда, подтверждающая божественные права королевского рода.

— Почему? — упрямо возразила она.— Так же и в других королевских домах все короли получают свое право на власть от Бога.

Нигель в раздражении ударил кулаком по собственной ладони.

— Джеанна, да слушаешь ли ты меня? Ты не слышишь, что я говорю. Я пытаюсь объяснить тебе, что, даже если ты считаешь силы Дерини, которыми обладает Морган, зловредными — а ты не делаешь из этого секрета,— они не могли никак повредить Бриону. Силы Бриона были его собственными.

После долгого молчания Джеанна взглянула на него, ее лицо было холодным и неподвижным.

— Я не верю тебе. Потому что тогда я должна буду поверить, что Брион был больше чем человек, если он брал свои страшные силы из каких-то источников, недоступных смертным. А это не так. Он был испорчен влиянием твоего любезного Моргана, но этого дьявольского клейма на нем не было. Он был человеком.

— Джеанна...

— Нет! Брион был человеком, нормальным человеком! И назло этим заклейменным Дерини он умер нормальной смертью, стремясь к нормальным удовольствиям — не искушая Всемогущего, не балуясь этими черными чарами Моргана.

— Нормальная смерть? — Нигель мигом подхватил эту фразу, как орел хватает бегущую мышь.— Нормальная смерть? Скажи-ка, Джеанна, что нормального в том, как умер Брион?

Джеанна замерла, ее лицо побледнело.

— Что ты имеешь в виду? — в страхе прошептала она.— У него сердце... Сердце остановилось.

Нигель медленно кивнул.

— Это всегда происходит, когда человек умирает, не правда ли?

— Что ты имеешь в виду? — опять с вызовом повторила Джеанна.

Нигель сложил руки на груди и предостерегающе посмотрел на молодую королеву. Конечно же, уже очевидно, что именно он хочет ей раскрыть, но, похоже, Джеанна не допускает возможности, будто смерть Бриона наступила не по естественной причине. Он мысленно пнул себя, чтобы ненароком не подойти к этому вопросу вплотную слишком рано.

— Скажи, Джеанна, разве нормально, когда такой человек, как Брион, в расцвете сил умирает от сердечного приступа? Вспомни, ему было только тридцать девять, а наша семья отличается долголетием.

— Но его лекарь сказал...

— Его лекарь не разбирается в таких вещах, Джеанна.

Она попыталась возразить, но он остановил ее движением руки.

— Ты ничего не спросила о лорде Ральсоне и о Колине тоже. Я не хотел заводить разговор на эту тему, но ты ведь знала, что Келсон послал их оповестить Моргана, так?

— Против моей...— Она опустила глаза.— Что случилось?

— У Валорета была засада. Все погибли, кроме Моргана и молодого лорда Дерри.

С выражением ужаса на лице она прижала руку ко рту. Глаза Нигеля сузились.

— Морган считает, что тот или те, кто устроил засаду, приложили руку к убийству Бриона.

— Убийству! — воскликнула Джеанна.— Ты пытаешься доказать мне, что кто-то сумел убить Бриона и выдать это за сердечный приступ?

— Как ты думаешь, была ли у Сумеречной лучшая возможность начать борьбу за власть? — спросил Нигель.— Она знала, что ей не выстоять против Бриона в открытой борьбе. Но Келсон — другое дело, он еще мальчик. И если бы она сумела отдалить от него Моргана, чтобы он не помог ему обрести силы Бриона, Келсон оказался бы в ее власти. Помимо прочего, мальчик по твоей милости почти не учился этим вещам. А что может сделать человеческий сын против настоящего чародея — Дерини?

— Ты сумасшедший,— воскликнула Джеанна, побледнев, и эту бледность еще усиливало, оттеняя, черное траурное платье.— Это тебе от горя мерещится такой бред!

— Это не бред, Джеанна.

— Уходи! Уходи, пока я не позвала стражника. Если это не бред, тогда — злостная выдумка, сочиненная, чтобы разрушить согласие в совете. А во главе заговора — брат моего мужа! Уходи сейчас же!

— Очень хорошо,— сказал Нигель, повернувшись и отвесив легкий поклон.— Я и не надеялся, что ты выслушаешь меня, но я должен был попробовать. По крайней мере, когда все это случится, ты не сможешь сказать, что тебя не предупреждали.— Он повернулся на каблуках и зашагал к наружной двери.— Я буду ждать тебя в приемной, чтобы сопровождать на заседание совета. Не будешь же ты сидеть здесь в ожидании палачей...

Когда он покинул комнату, Джеанна облегченно вздохнула и попыталась заставить себя унять дрожь в руках. Сейчас, когда она выслушала Нигеля, она была еще больше уверена: то, что она задумала, должно быть исполнено, и ее сын должен править

как смертный. Если она сейчас возьмет Келсона с собой в совет и удержит его от открытого сопротивления ей...

Наконец она позвонила в колокольчик и позвала слугу. Келсон должен быть направлен на верный путь. Нельзя терять времени.

Келсон устроился поудобнее на камне. Солнце зашло за гряду облаков, и холодный сырой воздух сада, казалось, окутал молодого короля.

— Скажите, вы сами не рассматривали тело отца? — спросил Морган. Его лицо исказилось от того, что он узнал за последние несколько минут.

Келсон покачал головой.

— Я не боялся — тело лежало открытым только два дня, и все это время вокруг него был почетный караул. Но никому не разрешалось подходить к нему ближе чем на двадцать шагов, даже мне. И когда я спросил мать, для чего такая охрана, такие поспешные похороны, она не смогла ответить; сказала только, что так будет лучше и что когда-нибудь я все пойму. Одно время я даже думал, что она, может быть, не хочет, чтобы вы успели ко дню похорон. Она знала, что это причинит вам боль.

— Возможно, и так,— ответил Морган,— но я полагаю, могли быть и другие причины, чтобы так поступить. Может быть, вопреки всему она чувствовала, что действительно произошло в Кандорском ущелье, хотя даже сама себе не позволяла признать это. Поэтому-то никто не был допущен к телу. И, наверное, поэтому она не разрешила послать за Дунканом, пока не стало слишком поздно. В мое отсутствие он был, пожалуй, единственным, кто мог с уверенностью сказать, магия ли извела Бриона или нет.

— Вы думаете, она знала, что отец Дункан наставлял меня?

— О, я не уверен, что это так. Как раз до тех пор, пока она не знает, чему он учил вас...

Келсон усмехнулся:

— Это доставило бы ей беспокойство?

— Без сомнения,— подтвердил Морган.— Есть еще одна вещь, которую вам надо осознать, Келсон. Это только предположение, и я не хотел бы даже упоминать о нем, но что, если ваша мать каким-то образом замешана в случившемся?

— Мать? — Келсон выпрямился.— Морган, вы не думаете...

— Я не знаю этого. Но сейчас осталось только три человека, которым я доверяю; два из них — здесь, и третий не Джеанна.

Если она причастна, даже сама того не зная, это делает все намного сложнее, и мы ничего не можем предвидеть.

— Я — я действительно не знаю, что сказать...— запнулся Келсон.— Она уж скорее...

— Келсон, не двигайтесь!

Морган замер на месте, глядя пристально в какую-то точку около ноги Келсона, когда рука мальчика вцепилась в него.

— Что?

— Ни слова. И не двигайтесь...— тихо бормотал Морган, его рука медленно тянулась к мечу.— Одно очень большое, очень ядовитое многоногое существо меньше чем в двух дюймах от вашей правой руки. Если вы пошевелитесь, оно убьет вас.

Достав меч из ножен, Морган опустился на одно колено и осторожно поднял клинок. Келсон сидел неподвижно, доверяясь, и только его глаза понимающе перескакивали с лица Моргана на его меч, словно пытаясь представить то, что происходило у него за спиной.

Ослепительно блеснуло лезвие, и клинок опустился. В то же мгновение женский крик разорвал тишину.

Едва Морган нанес удар, Келсон тотчас обернулся и стал было разминать руки, но тут увидел корчащееся на земле чудовище и застыл, глядя зачарованно, как клинок Моргана вновь и вновь вонзается в эту тварь.

Его поразил вид пухлого оранжевого тела размером с человеческую голову, в голубых крапинках, со множеством тонких ножек, неистово извивавшихся,— тварь еще пыталась уклониться от ударов меча,— с двумя страшно скрежещущими клешнями или жалами — точно разобрать он не мог.

Вскоре это существо полностью утратило свой облик, превратясь в груду красного и оранжевого мяса. Морган наносил последние удары, когда Келсон наконец услышал женский вопль, сопровождавший всю эту сцену.

Сбросив с себя оцепенение, ощутив снова возможность двигаться и видеть, Келсон был поражен, обнаружив, что больше дюжины вооруженных людей с обнаженными мечами и копьями направляются к ним через сад. Позади воинов шла женщина в черном. Морган, все еще тяжело дыша, опустил меч, когда эти люди приблизились к ним.

— Бросьте оружие, сэр,— закричал капитан охраны и построил своих людей. Женщина, чьи крики всполошили всех, напо-

ловину спряталась за спиной капитана, ее глаза были расширены от ужаса.

— Я видела, я видела! — истерически кричала она, указывая на Моргана.— Он хотел убить принца Келсона. Он заколдовал его и уже собирался заколоть, когда я закричала.

— Я сказал вам — бросьте это,— угрожающим голосом сказал капитан.— Сэр, пожалуйста, медленным шагом отойдите от принца. Мы его охраняем.

Морган не двинулся и не положил меч, и Келсон нарочно стал перед ним, повернувшись к высокому генералу спиной.

— Все в порядке, капитан,— спокойно сказал он, сделав рукой умиротворяющий жест стражникам, которые напряглись, видя рядом с Келсоном клинок Моргана.— Вам это показалось, леди Эльвира, произошло недоразумение.

— Недоразумение? — с негодованием закричала та.— Ваше высочество, вы же были зачарованы! Он почти убил вас, когда вы сидели! Только мой крик нарушил его планы, и...

— Мадам,— голос Моргана стал холодным, твердым и, подобно ножу, разрубил возникшее замешательство,— в кого я целил, того поразил. И уж не женскому истерическому крику спутать мои планы!

Раздраженная стража уже опустила оружие и сейчас по сигналу командира вложила его в ножны.

— Сэр, извините, но это так выглядело...

— Я знаю, как это выглядело,— нетерпеливо сказал Келсон.— Никаких оправданий не нужно. Вы и ваши люди просто пытались защитить меня. Как видите, однако,— он отступил, показав им того, кто чуть не принес ему смерть,— генерал Морган просто убил этого... что это за дьявол, Морган?

Морган убрал свой клинок в ножны, затем шагнул к кровавому пятну на траве. Охрана тоже стала так, чтобы видеть получше, хотя и на расстоянии от человека в черном, ибо, услышав, как назвал его Келсон, никто не жаждал испытать на себе чары, которыми окружен этот пресловутый Морган.

— Эта тварь — Стенрект, мой принц,— деловым тоном сказал Морган, коснувшись месива концом сапога.— И если бы что-то помешало мне первым нанести удар,— он выразительно посмотрел на женщину,— эта тварь убила бы вас, так как ее удар пришелся бы по вашей руке, а противоядия при укусе Стенректа нет.

Солдаты мрачно переглянулись, а некоторые перекрестились. Стенректа считали мистическим созданием сверхъестественного происхождения, рожденным якобы из огня и наполненным едкой злобой еще до сотворения мира. Из всех существ, действительных и воображаемых, это было, по преданиям, наименее подвержено смерти. Но поскольку они никогда прежде не видели Стенректа, то, в сущности, спроси их раньше, они бы сказали, что такой твари не существует — все знали только легенды. Никто не мог даже представить себе, как близок был к смерти, медленной и мучительной, их молодой господин.

Капитан охраны наконец оправился от потрясения, вызванного видом даже мертвого чудовища, и, казалось, вполне осознал значение происшедшего. Впрочем, и для Моргана это создание всегда было лишь легендой.

Капитан вдруг спохватился, придя в себя, что, пока он разглядывал останки ужасного гада, его мог поразить своей магией властный лорд Дерини, а это было бы похуже яда Стенректа, если чары наведены правильно.

Нервно согнувшись, он обратился к Моргану:

— Мои извинения, ваша светлость. Знай я, что мой сеньор под защитой вашего меча, я бы не торопился так. Ваша слава опережает вас.

Он дал своим людям сигнал разойтись.

Морган тоже откланялся, подавляя улыбку.

— Все верно, капитан. Я понимаю вас.

Капитан смущенно прочистил глотку и повернулся к Келсону.

— Еще раз мои извинения, государь. Могу я сопровождать леди Эльвиру обратно?

— Без сомнения, капитан,— сказал Келсон, бросив вопросительный взгляд на даму,— если, конечно, леди не захочет остаться и еще посмотреть на Стенректа.

Леди побледнела и, отступив на несколько шагов, покачала головой.

— О нет, ваше высочество. Честное слово, я ничего дурного не думала. Я не знала, что это его светлость, и с той стороны сада не...

— Я оценил вашу заботу, леди Эльвира,— небрежно сказал Келсон, отпуская ее мановением руки.

Фрейлина, сделав реверанс, оперлась на руку капитана, и они степенно пересекли лужайку; лишь в дверях дворца леди не выдержала и бросила украдкой взгляд через плечо. Нетрудно было представить себе дальнейшие разговоры.

Когда они скрылись из виду, Морган усмехнулся:

— Ваши дамы и охрана, кажется, не спускают с вас глаз, мой принц?

Келсон фыркнул:

— У леди Эльвиры чрезмерное воображение, и ее, наверное, предупредили. А стражники вообще так подозрительны всегда, они готовы арестовать все, что движется. Хорошо еще, что они не узнали вас сразу, а то бы никакая магия не повлияла на их боевой пыл.

— Порой это не так уж плохо,— с кривой усмешкой сказал Морган.— Стенрект — вот что меня серьезно обеспокоило.

Келсон кивнул.

— Значит, он и вправду есть? Что он такое? Я всегда думал, будто Стенрект — только миф, сказка для непослушных детей.

— Нет, он вполне реален, как вы видели. Непонятно лишь, как он сейчас оказался в вашем саду. Стенрект — ночная тварь. Он связан с силами, которые исчезают при свете дня. Кариссе, конечно, это под силу, но если она собирается вызвать вас на бой завтра, я с трудом понимаю, какой в этом смысл.

— То есть вы не считаете, что меня хотели убить?

— Думаю, хотели испугать, но не убить,— сказал Морган.

Он осмотрелся, взял Келсона за руку и повел его к дальним воротам.

— Я сомневаюсь, что здесь — лучшее из возможных мест. После нашего маленького приключения я предпочел бы уютный уголок с четырьмя стенами и крышей. Что ни говори, но только что произошло покушение на вашу жизнь.

— Меня убеждать не надо,— сказал Келсон, открывая калитку и пропуская Моргана вперед.— Куда мы идем?

— К Дункану,— сказал Морган, пригибая голову у входа в длинный переход, ведущий к наружному двору.— У достопочтенного отца есть кое-что лично для вас.

— Так у вас есть ключ к могуществу отца! — воскликнул Келсон.— Почему вы не сказали раньше? Вы не говорили, а я боялся спросить.

— Я сказал столько, сколько вы могли понять,— усмехнулся Морган.— А это...

— О-о-о, ваше высочество,— завопил юный женский голос.— Это вы!

Морган вздрогнул и остановился, а Келсон повернулся и насмешливо выдохнул:

— О нет.

— Келсон,— пробормотал Морган сквозь зубы,— если вы скажете, что это опять леди Эльвира с ее богатым воображением, я должен разочаровать вас.— И, стараясь сохранить спокойное выражение лица, добавил: — На сей раз это капризная и впечатлительная леди Эстер.— Он успокаивающе тронул его руку.

— Что такое, леди Эстер?

Морган обернулся и увидел пышную запыхавшуюся молодую фрейлину, что стояла перед ними, склонившись в реверансе.

— Ох, ваше высочество,— пролепетала она,— ваша матушка послала меня за вами. Она искала вас всюду, и вы — вы знаете, что ей не нравится, когда вы расхаживаете один. Это просто ужасно!

— Слышите, Морган,— сказал Келсон, посмотрев на своего друга.— Это просто ужасно!

— В самом деле? — сказал Морган, подняв брови.— Я не заметил.

Леди Эстер снова открыла рот, собираясь еще что-то пролепетать, но Келсон уже повернулся к ней спиной.

— Дорогая леди Эстер, будьте так любезны передать матушке, что я в полной безопасности с моим другом генералом Морганом.

Глаза леди Эстер расширились, когда она услышала имя человека, сопровождавшего принца, и, приложив пухлую руку к губам, она только и выдохнула:

— Ой!

Снова сделав реверанс, фрейлина воскликнула:

— Я не узнала вашу светлость.

Морган нахмурился и полуобернулся к Келсону:

— Что за проклятие, Келсон, неужели я так изменился? Уже человек двадцать сегодня не узнали меня. Что толку в известности, если никто меня не узнает?

— По-видимому, дело в том, что вы не носите своих рогов и раздвоенных копыт,— сухо заметил Келсон.

— Гм, не уверен. Скажите мне, леди Эстер, своего короля вы тоже не узнали?

— Прошу прощения, ваша светлость!

Морган вздохнул и сложил руки на груди.

— Леди Эстер,— вежливо продолжал он.— Я думаю, что вы при дворе уже достаточно долго, чтобы знать, как следует обращаться к королю. Ваше появление даже с большой натяжкой нельзя назвать образцом этикета. Было бы хорошо, если бы в будущем вы проявляли побольше почтения. Вам ясно?

— Да, ваша светлость,— воскликнула она, явно задетая его тоном.

Келсон посмотрел на Моргана, словно спрашивая его, кончил ли он уже, и генерал утвердительно кивнул.

Келсон снова повернулся к нервной леди Эстер.

— Очень хорошо. Кроме того что мать беспокоится обо мне, есть ли другие поручения?

Леди Эстер снова сделала реверанс.

— Она приказала мне передать вам, что совет созван, ваше выс... ваше величество. Она просила вас непременно присутствовать.

— Морган? — Келсон посмотрел на генерала.

— Позже, мой принц. У нас еще есть неотложные дела. Леди Эстер, передайте королеве, что его величество будет погодя.

— И что я в полной безопасности,— выделяя каждое слово, сказал Келсон.— Вы свободны, леди Эстер.

Когда фрейлина поклонилась и заспешила прочь, Келсон посмотрел на Моргана.

— Вы видите, как я веду себя. Я не просто показываю матери, что я больше не дитя. Я не желаю больше зависеть от этой проклятой опеки слуг! — Он усмехнулся.— Защищать меня будете вы, не так ли, генерал?

Морган улыбнулся.

— От Стенректа и других убийц — всегда, мой принц. Только не заставляйте меня сегодня сражаться еще и с остальными королевскими фрейлинами. Это мне, похоже, не под силу.

Келсон весело засмеялся.

— Так! Есть люди, которых вы, Морган, боитесь. Не думал я, что услышу нечто подобное от вас!

— Если вы скажете это кому-нибудь, я опровергну каждое слово,— ответил Морган.— Идемте, поищем Дункана.

Все разговоры на собрании совета мгновенно стихли, едва вошла Джеанна, опираясь на руку Нигеля. Сидевшие вокруг длинного полированного стола склонились как один к их ногам; между

тем Нигель препроводил королеву к ее месту, а сам проследовал к своему на другом конце стола.

Все заметили, что они не смотрят друг на друга, но этому не придали значения, так как было известно, что у королевы и герцога королевства нет согласия по вопросу, который обсуждается сегодня. Предстоял необычный совет, на котором, конечно, никто не хотел уступать без борьбы. Было, однако, странно, что до сих пор не появился Келсон.

Джеанна нервно осмотрела зал, занимая свое место рядом с пустым троном Бриона, невольно вспоминая то, более счастливое время, когда она входила сюда вдвоем с мужем и все глаза вокруг стола смотрели дружелюбно.

Тогда она не чувствовала себя такой одинокой и запуганной, и обитые темной тканью стены не казались столь тесными, а высокие своды с темными полосами на балках — мрачными. Вообще, обычно здесь было светло — окно справа пропускало достаточно солнечного света. А если за окном было сумрачно, несколько богато украшенных канделябров устанавливалось с другой стороны стола. Но теперь зал казался королеве сырым и мрачным. Или такое ощущение возникло потому, что в нем собралось слишком много людей в трауре?

Джеанна следила, как слабый ручеек воска стекал с постепенно оседавшей свечи, а ее пальцы помимо воли поглаживали длинную зарубку на краю стола — след, оставленный Брионом, когда он разорвал грамоту кинжалом, вонзив его в стол, после безуспешных попыток убедить совет, что они принимают негодный закон.

Королева заставила себя оторваться от воспоминаний и медленно обвела взглядом бледные вопрошающие лица, уставившиеся на нее, едва она заняла свое место.

Те, кто сидел здесь сегодня, были так не похожи на Бриона и Келсона и на покойного лорда Ральсона. Кто-то, чему она удивилась, сидел даже на стуле Моргана — между местами Келсона и Ральсона. Джеанна не знала точно, но, судя по всему, этот молодой человек с растрепанными каштановыми волосами и есть лорд Дерри, оруженосец Моргана. Несомненно, ему позволил быть здесь сегодня Нигель.

«Ничего,— думала она, продолжая разглядывать собравшихся.— Если молодой гофмейстер считает, будто в отсутствие Моргана он может подать голос, ей придется напомнить ему, что он

слишком торопится. Она не намерена позволить мальчишкам Нигеля и Моргана сорвать это заседание совета».

Королева еще раз холодно обвела всех глазами слева направо: Нигеля, не смотревшего на нее, Брэна Кориса, Яна, щеголеватого, как обычно, лорда Роджера, епископа Арилана, Эвана. Кивнув архиепископу Карригану, сидевшему слева от нее, королева позволила себе взглянуть на герцога Яреда и его сына Кевина, однако с этими двумя она не поздоровалась. После Нигеля оба Маклайна — самые вероятные сторонники Моргана в совете. Она всей душой надеялась не встретить их здесь нынче.

Джеанна вновь повернулась к Эвану.

— Лорд Эван,— сказала она чистым и твердым голосом,— могли бы вы приказать совету начинать? Сегодня много важных дел, и я думаю, больше мы ждать не можем.

Но не успел Эван встать, как Нигель вскочил на ноги и вытянул шею:

— Одно мгновение, ваше величество, но его королевское высочество задержан неотложными делами и просил меня отсрочить начало заседания. Он обещал присутствовать, как только освободится.

Королева, никак не ответив на его просьбу, вновь повернулась к Эвану:

— Лорд Эван, пожалуйста.

— Вы игнорируете просьбу его высочества, Джеанна? — пророкотал Нигель.

— Лорд Эван, начинайте же.

Эван растерянно посмотрел на Нигеля, на пустое кресло Келсона рядом с ним, затем смущенно прокашлялся.

— Ваше величество, если вы прикажете, я, конечно, начну совет без принца Келсона. Но если его королевское высочество надеется присутствовать, простая вежливость требует...

— Простой вежливости, по-видимому, нет места на этом совете, во всяком случае так, кажется, решил мой достопочтенный сын, вы не находите, любезный лорд Клейборнский? — спокойно возразила Джеанна.— Принц Келсон был предупрежден более чем полтора часа назад. Он, очевидно, счел этот совет недостаточно важным для себя. Вероятно, у него есть дела, которые кажутся ему важнее присутствия на совете лордов. Я могу оправдать это только его неопытностью и незрелостью и надеюсь, что с годами он исправится и поумнеет. А сейчас — Регентский со-

вет, и потому его присутствие не обязательно. Есть какие-нибудь вопросы?

Легкий шепоток прошелся вокруг стола; Нигель молчаливо ждал, как развернутся события дальше, понимая — он сделал все, что мог.

Джеанна была взбешена отсутствием Келсона, и это не предвещало ничего хорошего.

Эван беспокойно обежал глазами собравшихся, нервно кашлянул и обратился к королеве.

— Вопросов нет, ваше величество,— сказал он спокойно.— Если все так, как вы говорите, я не вижу смысла тянуть дальше. Как наследный лорд-маршал Королевского совета Гвиннеда, я объявляю Регентский совет открытым. Пусть закон, смягченный милосердием, тяготеет над всеми доводами.

Когда он сел, громко вздохнув, шепот вновь пробежал вокруг стола — с места поднялась Джеанна.

— Мои лорды,— начала она, и ее лицо на фоне вдовьего покрывала мертвенно побледнело.— Нелегко мне выходить к вам с тем, с чем пришла я сегодня. Очень нелегко, ибо горько признать, что покойный мой супруг и господин был не столь непогрешим, как это мне думалось. Господин мой Брион совершил ужасную ошибку своим расположением к одному из лордов совета. Человек этот был и есть предатель и богохульник, он и теперь замышляет зло против законного наследника Бриона, потому-то принца Келсона нет среди нас.— Ее взгляд обежал изумленные лица слушающих, и темная пелена затуманила ее глаза.— Человек этот хорошо вам известен, мои лорды, это, конечно, герцог Корвинский, лорд-генерал Аларик Энтони Морган — Дерини!

Глава IV

*«И ДАМ ЕМУ ЗВЕЗДУ УТРЕННЮЮ»**

Пока монсеньор Дункан Маклайн наблюдал, как вода льется в мраморный кубок, его разум пытливо пронизывал пространство.

Время тянулось медленно. Аларик должен был быть здесь несколько часов назад. Дункана тревожило отсутствие вестей от родственника на протяжении многих месяцев.

* Апокалипсис 2:28.

Может быть, он вообще не приехал. А возможно, он вовсе не слыхал о смерти Бриона, хотя известие это, насколько знал Дункан, давно достигло самых отдаленных уголков всех одиннадцати королевств.

Когда кубок наполнился, Дункан на мгновение замер, а затем быстро выпрямился и вылил воду в бутыль, стоящую на полу.

Аларик сейчас будет здесь, и юный принц вместе с ним — безошибочное чутье настойчиво подсказывало ему это.

Он направился к открытым западным воротам, машинально разглаживая стремительными движениями растрепавшиеся волосы, и, выйдя на солнце, заслонил глаза рукой от яркого света. Здесь, напротив серой стены и дворцовых ворот, перед ним вспыхнули золотым шитьем малиновые одежды Келсона. Рядом с Келсоном он увидел и длинноногую темную фигуру, увенчанную копной приглаженных золотых волос; те, кого он поджидал, быстро приближались.

Сделав два шага в гору по направлению к западной галерее, Дункан почувствовал ту необыкновенную уверенность, что всегда исходила от его знаменитого кузена. Он облегченно вздохнул и шагнул вперед, приветствуя обоих.

— Ради святых Камбера и Георга, вы здесь уже целую вечность,— заявил Дункан, оттесняя Моргана и принца в тень, отбрасываемую воротами.— Почему же так долго? Я волновался.

— Потом объясню,— сказал Морган, озабоченно вглядываясь в фонарный проем и неф.— За тобой наблюдали?

— Боюсь, что да,— кивнул Дункан,— в базилике ежедневно со дня похорон был кто-нибудь из охранников королевы. Хотя я не думаю, что они меня в чем-то подозревают. Я всего лишь исповедник Келсона, и они полагали, что ты появишься здесь раньше меня.

Морган повернулся к Дункану и Келсону и махнул рукой.

— Надеюсь, ты прав. Если бы они действительно заподозрили, что то, чем ты занят, расходится с твоими официальными полномочиями, всех нас уже не было бы в живых.

— Ладно, давайте сохранять лицо,— сказал Дункан, поднимая свою бутылку и приглашая спутников следовать за ним в сторону проема.— Если кто-нибудь остановит нас, ты пришел помолиться и получить причастие перед предстоящим испытанием. Не думаю, что они к нам пристанут.

— Хорошо.

Пока они шли вдоль прохода, Морган незаметно приглядывался к прихожанам. Определенно Дункан был прав насчет охранников королевы — среди молящихся он насчитал троих или четверых. И судя по тому, как они на него смотрели, отнюдь не избыток набожности и благочестия регулярно приводил их на прошлой неделе в аббатство Святого Хилари.

Все трое остановились перед высоким алтарем, и Морган с трудом удерживал на лице подобающее выражение, стараясь обвести вокруг пальца соглядатаев. Он был твердо убежден, что никто не попытается остановить их и им удастся проскользнуть в боковую дверь. И как только они достигли уединенного кабинета Дункана, Морган решительно захлопнул засов, лязгнув металлом по металлу. Когда же Дункан спокойно пересек комнату, Морган тоже позволил себе наконец расслабиться в этой уютной, домашней обстановке.

Они находились в маленькой, не больше чем двенадцать на пятнадцать футов, комнате; вдоль ее стен тянулись узкие, высокие книжные шкафы, а на стенах висели богатые шпалеры со сценами придворной жизни и охоты. Напротив двери, на другом конце, было широкое окно, завешенное от потолка до пола отменным красным бархатом. Огромный камин серого камня занимал всю четвертую стену, ту, в которой была проделана дверь. На широкой каминной доске не было никаких украшений, лишь стояли два простых оловянных подсвечника с желтыми сальными свечами да небольшая икона святого Хилари, покровителя базилики.

Справа от окна приютился в углу молитвенный столик со скамеечкой для коленопреклонения и подлокотниками, накрытый таким же бархатом, из какого были занавеси. Распятие из слоновой кости стояло в углу на небольшом постаменте, а сбоку от него в рубиновых стеклянных подставках мерцали, как и полагается, лампадки.

Слева, на некотором расстоянии от окна, стоял небольшой письменный стол темного полированного дерева: на нем в беспорядке лежали книги и бумаги.

В центре же, шагах в четырех от камина, занимая почти всю комнату, красовался массивный круглый стол из полированного дуба. Его резные ножки, заканчивающиеся когтистыми лапами, крепко стояли на отшлифованном каменном полу. Два стула с высокими спинками были придвинуты к столу друг напротив друга, а еще несколько таких же стояли ближе к камину, развернутые сиденьями к очагу. Роскошный ковер на полу между столом и камином поглощал холод и пустоту, которые иначе заполняли бы комнату. Морган вытащил стул из-за стола и предложил его Келсону и еще один придвинул от камина к столу. Дункан тем временем пристроил пустую бутылку под письменным столом и стал открывать тяжелые портьеры.

— Ты считаешь, что так — лучше? — спросил Морган, сосредоточенно наблюдая за действиями Дункана.

Тот коротко взглянул на кузена и отвернулся, вглядываясь в свинцовое стекло.

— Кажется, это достаточно надежно,— помолчав, сказал он,— никто не может заглянуть сюда днем, стекло так или иначе все исказит.— Дункан подошел к столу и присел.— Вдобавок сейчас мы сможем увидеть, если кто-нибудь приблизится, а насколько я понимаю, это весьма важно в ближайшие полчаса.

— Так скоро? — сухо спросил Морган, доставая из складок плаща маленький черный замшевый мешочек.— Значит, у нас мало времени, не правда ли?

Положив кисет на стол, он еще раз оглядел комнату и стал развязывать стягивающие его кожаные ремешки.

— Мне бы побольше света, если не возражаешь. Да, кстати, с каких это пор ты сам носишь святую воду? Я думал, монсеньоры выше этого.

Дункан насмешливо фыркнул, поставив высокий канделябр с письменного стола перед Морганом.

— Странно, кузен. Ты же хорошо знаешь, что все мои помощники в соборе готовятся к завтрашней коронации Келсона.— Он улыбнулся мальчику и снова сел.— Я думаю, вряд ли нужно вам напоминать, где сейчас находится наш уважаемый архиепископ. Мне пришлось испрашивать специальное разрешение оставаться здесь, так как я-де нужен Келсону. А мне кажется, что я нужен ему, правда не совсем для того, для чего полагает наш архиепископ.

Они понимающе улыбнулись друг другу, в то время как мальчик нетерпеливо теребил Моргана за локоть и вытягивал шею, чтобы разглядеть, что же находится в до сих пор еще не развязанном мешочке. Морган ободряюще улыбнулся принцу, развязал кисет и, погрузив в него пальцы, извлек что-то, сверкнувшее зо-

лотом и малиновым пламенем. Он задумчиво протянул ладонь Келсону и в ответ на его вздох узнавания произнес:

— Вам знаком этот перстень, мой принц? Не трогайте его. Вы еще не защищены как следует.

Келсон опять тихо вздохнул и отдернул руку, благоговейно расширив глаза.

— Это Огненный перстень, печать власти моего отца. Откуда он у вас?

— Брион дал мне его на хранение перед моим отъездом в Кардосу,— ответил Морган, слегка поворачивая ладонь так, чтобы камни заиграли.

— Можно? — спросил Дункан, доставая из рукава шелковый носовой платок и наклоняясь над столом.

Морган кивнул.

Обернув пальцы платком, Дункан осторожно поднял перстень и поднес его ближе к пламени свечи. Когда он поворачивал его, алые камешки отбрасывали маленькие яркие всполохи на шпалеры и на лица присутствующих.

С минуту Дункан рассматривал перстень, затем положил его посредине стола.

— Он подлинный,— сказал он с облегчением,— я все еще чувствую остаточную мощь, исходящую от него. А у тебя есть знак?

Морган кивнул и стал стаскивать перчатки.

— Боюсь, однако, что тебе сейчас придется вернуться, Дункан. Я-то не осмелюсь приблизиться к алтарю, пока вокруг него соглядатаи Джеанны.— Он стянул с пальца богато украшенный перстень с печатью и показал кузену.— Ну, как?

Келсон устремился вперед, стараясь разглядеть кольцо.

— Зеленый грифон на черном фоне — это же древний герб Корвина, да, Морган?

— Верно,— подтвердил Морган,— кольцо сделали для Бриона много лет назад, а поскольку это герб моей матери — Дерини, Брион счел, что он очень удобен для того, чтобы хранить ключ от вашего могущества.

Морган повернулся к Дункану:

— Я должен буду передать его тебе. Ты готов?

— А как насчет...— Дункан кивнул в сторону Келсона.

Морган перевел взгляд на мальчика, потом снова на кузена и слегка улыбнулся:

— Мне кажется, все в порядке. Если он еще ни о чем не догадывается, то уж до завтрашнего дня узнает все наверняка. Я думаю, наша тайна будет в сохранности.

— Хорошо.— Дункан кивнул и ободряюще улыбнулся принцу,— Это еще не все секреты, Келсон. Печать с грифоном, будучи должным образом приведена в действие, откроет тайник в алтаре. Давным-давно ваш отец передал перстень Аларику, чтобы он, когда настанет время, смог достать то, что было отложено для вас. Вы видите, инкрустация немного светится, когда оно у Аларика, и это доказывает, что кольцо настроено именно на него. Если кто-нибудь попытается им воспользоваться, ну, например, я прямо сейчас или вы, то у нас ничего не получится.

Он повернулся к Моргану, хотя и продолжал говорить с Келсоном.

— Могу добавить, что этот знак может быть настроен только на избранных. Я — такой же, как и Аларик.

Прежде чем это потрясающее сообщение дошло до мальчика, Морган спросил, держа печать с грифоном между собой и Келсоном и приподняв бровь:

— Ты готов?

Дункан кивнул, и оба сосредоточились на знаке грифона в центре печати.

Келсон наблюдал, зачарованный, как они пристально смотрели на кольцо, потом прикрыли глаза. Надолго установилась тишина, и нарушалась она, как был уверен Келсон, только его собственным прерывистым дыханием. Затем рука Дункана, глаза которого все еще были закрыты, медленно потянулась к перстню.

За мгновение до того, как он коснулся его, небольшое пространство, отделяющее его от кольца, пересекла еле заметная искра. Дункан прикоснулся к кольцу, оба открыли глаза, и Морган разжал пальцы. Грифон продолжал чуть заметно светиться.

— Действует,— прошептал Келсон полуутвердительно, полувопросительно.

— Конечно,— согласился Дункан,— протяните руку и попробуйте сами.

Келсон осторожно протянул руку и вздрогнул, когда кольцо упало ему на ладонь. Оно было холодным на ощупь, хотя, казалось бы, должно было уже нагреться до температуры тела. Взглянув на печать с грифоном в центре, мальчик быстро отложил перстень.

— Не светится! Что я с ним сделал?

Дункан улыбнулся, щелкая пальцами.

— Я забыл. На вас-то оно не настроено.

Он поднял кольцо, и, когда приблизил его к принцу, грифон опять уже изливал свое бледное свечение. Келсон робко улыбнулся.

Дункан поднялся, подбросил кольцо и снова поймал его:

— Я скоро вернусь.

Мальчик с благоговением проводил взглядом священника, исчезнувшего за дверью кабинета, затем обернулся к Моргану.

— Морган, я не ослышался, Дункан — Дерини? Но ведь тогда вы в родстве по материнской линии, а не по отцовской.

— На самом деле мы в родстве по обеим линиям, мы пятиюродные братья по отцовской линии, а наши матери действительно были сестрами. Это, конечно, хранится в строгом секрете. В положении Дункана родство с Дерини может привести к определенным затруднениям, если не к гибели. Не все из нас забыли о преследовании и казнях Дерини немногим более столетия назад. Горькие чувства далеко еще не изгладились. Вы это знаете.

— Но вы же не таите от людей, что вы — Дерини,— возразил Келсон.

— Вы хорошо знаете, мой принц, что я — исключение,— сказал Морган,— большинство из нас скрывает родство с Дерини, даже если нас уговаривают применять наши силы во благо.

Морган задумчиво поднял голову:

— Конечно, здесь в основе противоречие: с одной стороны, желание использовать природные способности, с другой — страх греха, страх перед осуждением церкви и государства.

— Но вы-то сделали выбор,— настаивал Келсон.

— Да. Я предпочел с самого начала более открыто использовать мои способности, и бог с ними, с последствиями. Однако мне очень повезло, ведь ваш отец надежно защищал и опекал меня, пока я не смог позаботиться о себе сам.— Он посмотрел на свои руки.— Быть хотя бы наполовину Дерини — это полезно.

— А как же Дункан? — тихо спросил Келсон.

Морган улыбнулся:

— Дункан нашел себя в служении Церкви.

Остановившись в ризнице у смотрового окошка, Дункан осмотрел неф, мысленно поблагодарив строителей собора, соорудивших здесь такое удобное устройство для шпионов. Несомненно,

архитекторы предназначали смотровую щель для несколько иных целей — для литургий и других подобных случаев,— но Дункан с озорством подумал, что они были не совсем правы. Со своего места он мог видеть весь неф целиком, от первого ряда до дверей в противоположном конце, от одного бокового придела до другого. И то, что он увидел, укрепило его уверенность в том, что предстоящее дело будет не таким простым, как он сначала предполагал.

Стражники королевы, о которых упомянул Аларик, все еще были здесь, включая тех двоих, которые, как он заметил, определенно шпионили за ним еще с прошлой недели. Он знал, что они служили в личной охране королевы, и он бы, между прочим, удивился, если бы они действительно в чем-то его подозревали. Он не делал ничего, что могло бы привлечь их особое внимание, кроме того, что был духовником Келсона и кузеном Аларика, но говорить с такими людьми ни в коем случае нельзя.

Дункан взял в правую руку парчовое облачение, захваченное из кабинета, и, приложив его к губам, набросил на плечи. Было очевидно, что, пока кругом рыщут королевские ищейки, он не может просто так выйти, открыть алтарную комнату и взять содержимое. Он вызовет их подозрение с той самой минуты, как войдет в святилище. Значит, нужно чем-то отвлечь их внимание.

Дункан задержался у смотровой щели, продумывая план действий.

Очень хорошо. Пусть они подозревают меня. Если стражники королевы так уж хотят запутать дело, ему все равно, он нисколько не постесняется воспользоваться какой-нибудь церковной уловкой, чтобы скрыть свои действительные намерения. А если не получится, можно будет прибегнуть к традиционному авторитету священника — таких людей довольно просто запугать, особенно если у вас под рукой столь грозное оружие, как анафема.

Глубоко вздохнув и собравшись с мыслями, Дункан открыл боковую дверь и шагнул в алтарь. Как он и ожидал, один из стражников тут же вскочил и кинулся в центральный проход.

«Хорошо,— подумал Дункан, преклонив колени и подпуская его поближе.— Он один и без меча. Посмотрим, что он будет делать».

Дункан поднялся, прислушиваясь к гулкому эху шагов приближающегося стражника, и небрежно поправил ключ от дарохра-

нительницы у себя на поясе. Затем, когда он почувствовал, что стражник уже приблизился к ограде алтаря, он нарочно уронил ключ. А неосторожная попытка поймать ключ на лету привела к тому, что он покатился по мраморным ступеням и растянулся у ног удивленного соглядатая.

Дункан поднял на него невинные голубые глаза и с видом легкого замешательства на лице поспешил, изображая крайнее беспокойство, вниз по лестнице. Это так обезоружило стражника, что, пока Дункан спускался, тот, сам не отдавая себе отчета в том, что делает, наклонился и поднял ключ. Со смущенной полуулыбкой он робко уронил ключ в протянутые ладони Дункана.

— Благодарю тебя, сын мой,— пробормотал Дункан добрейшим отеческим тоном.

Стражник беспокойно кивнул, но не двинулся с места.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил Дункан.

— Монсеньор, я вынужден спросить вас. Не у вас ли генерал Морган? — Стражник явно чувствовал себя неловко.

— Ты имеешь в виду, не в моем ли он кабинете? — терпеливо переспросил Дункан, все еще сохраняя предельно невинное выражение лица.

В ответ приспешник королевы чуть заметно кивнул.

— Генерал Морган посетил меня, чтобы исповедаться,— мягко ответил Дункан,— перед судом он хотел получить причастие, и принц Келсон тоже. Что в этом плохого?

Объяснение Дункана удивило стражника — он-то всегда считал Моргана язычником и безбожником и, очевидно, ожидал услышать что-то другое. И кто он такой, чтобы влезать в дела человека, желающего получить благословение Церкви,— особенно если он нуждается в нем так, как сейчас Аларик Морган. Убежденный, что вмешался во что-то вполне законное и чрезвычайно священное, стражник смущенно покачал головой и, отвесив поясной поклон, отвернулся от Дункана.

Когда Дункан направился к алтарю, стражник торопливо скользнул назад по центральному проходу, к скамье, возле которой стояли на коленях его товарищи, и присоединился к ним, истово перекрестившись.

Дункан с облегчением прошел к алтарю. Он знал, что стражник все еще наблюдает за ним, и был уверен, что тот сейчас рассказывает своим пособникам о том, что произошло между ними,

хотя казалось, будто все они погружены в молитву. И он предчувствовал, что они могут вмешаться еще раз, если не отвлечь их внимание чем-нибудь из ряда вон выходящим. Конечно, кто-нибудь из них обязательно побежит сообщить Джеанне о местонахождении Келсона и Аларика, но воспрепятствовать этому он не может никак.

Дункан слегка наклонился к дарохранительнице, осторожно отвел зеленые шелковые портьеры, занавешивающие позолоченные дверцы. Пока правой рукой он отпирал дверцы, левая нащупала в кармане перстень с грифоном. Потом, когда он правой рукой отодвинул чашу, прикрывшую алтарный камень, было уже совсем нетрудно прикоснуться к нему перстнем, зажатым в левой руке.

Как только он коснулся алтарного камня, в нем, прямо напротив Дункана, обозначились контуры шестидюймового отверстия, затем оно раздвинулось и приоткрыло плоскую черную коробочку. Действуя впопыхах, Дункан вынул еще две чаши и сделал вид, что сливает их содержимое в третью. Затем, вместо того чтобы просто накрыть пустую чашу драгоценной крышкой и покровом, он просунул между чашей и крышкой черную коробочку и уже все это накрыл зеленым шелком.

Сделав это, он передвинул оставшиеся две чаши и с размаху захлопнул двери, запер их, другой рукой закрывая отверстие в алтарном камне. Затем он взял в руки чашу вместе с ее содержимым, поклонился еще раз и ринулся прочь из святилища. Вся операция целиком заняла менее двух минут.

В ризнице он сбросил облачение и снова взглянул в смотровую щель. Как он и предвидел, один из стражников направился к выходу из базилики, несомненно, чтобы доложить обо всем королеве. Однако, похоже, ничего нового они не заподозрили. В самом деле, никого, казалось бы, не интересовало, куда ходил Дункан: другие стражники оставались на своих местах.

Дункан спрятал плоскую коробочку в складках пояса и присоединил пустую чашу к остальным, затем вернулся в кабинет и запер за собой дверь.

— Были какие-нибудь затруднения? — спросил Морган, когда священник развернул коробочку и положил ее на стол.

— Никаких,— ответил Дункан.— Хотя к королеве несется вестник сообщить, где вы находитесь.

— Этого следовало ожидать,— пожал плечами Морган,— давайте посмотрим, что у нас здесь.

— Это тоже можно открыть перстнем с грифоном? — нетерпеливо спросил Келсон, придвигаясь ближе к Моргану.— Смотрите, на крышке — грифон.

Морган дотронулся печатью до этого места, раздался щелчок, и крышка с мелодичным звоном открылась. В коробочке лежал свернутый кусок пергамента и меньшая по размерам коробочка, обтянутая красным бархатом и запечатанная печатью с изображением Золотого льва. Когда Дункан достал пергамент, Морган придвинул к себе вторую коробочку и бегло осмотрел ее.

— Для этой нужна другая печать, Дункан,— произнес Морган и положил коробочку на стол рядом с Огненным перстнем, завернутым в шелк.— Дальнейшие указания там?

— Похоже, что да,— ответил Дункан, разглаживая смятый пергамент и поднося его к свету,— давайте посмотрим.

Когда стремнину сын мой повернет,
Глашатай вечности укажет ход
Клинку Владыки Мрака, кровь прольется,
И Глаз Цыгана кровью той сверкнет.

Той кровью перстень Огненный взращен.
Но бойся, если Демон возмущен,—
Коль чистого кольца коснется скверна,
Твою предерзость покарает он.

Но Глаз Цыгана заблестит, едва
Настанет час Малинового льва.
Шуйца не дрогнет, львиный клык вонзиться
Назначен в плоть, чтоб власти дать права.

Насытят жажду Глаз, Кольцо и лев,
И будет успокоен мощный гнев.
Защитник власть твою скрепит печатью,
Ты воцаришься, тьму смирить сумев.

Морган негромко свистнул и снова сел на свое место.

— Это писал Брион.

— Написано его рукой,— согласился Дункан, опуская пергамент на стол и постукивая по нему холеным ногтем указательного пальца,— посмотрите сами.

Морган наклонился вперед и тщательно перечел стихи, вверяя строки своей памяти. Затем он повернулся со вздохом:

— А мы-то думали, что ритуал, передающий могущество Бриона, сокрыт глубже... Если бы он немного подумал, мне кажется, он мог бы сделать его и потруднее.

Келсон, следивший за происходящим с широко открытыми глазами, не сдержался:

— Вы что, имеете в виду, что это не то заклинание?

Дункан покачал головой.

— Заклинания меняются с каждым поколением, Келсон. Это предосторожность, необходимая на тот случай, если они попадут в чужие руки. Ведь тогда любой, кто выучит слова, может собрать все необходимое для выполнения обряда и присвоить могущество. Строго говоря, считается, что власть приходит к законному наследнику, но есть немало путей, чтобы обойти все эти формальности.

— О! — тихо и неуверенно проговорил Келсон.— Тогда с чего нужно начинать?

Он поднял пергамент с таким видом, будто это было маленькое одушевленное создание, способное укусить, и, подозрительно осмотрев его, снова уронил на стол.

— Аларик? — позвал Дункан.

— Продолжайте. Вам об этом известно больше, чем мне.

Нервно откашлявшись, Дункан снова положил перед собой пергамент и оглядел его, затем проницательно посмотрел на Келсона.

— Хорошо. Первое, что нужно сделать с этими стихами, это выделить из них предметы, необходимые для совершения таинства. В нашем случае у нас две тройки и еще некая вещь. Три человека: Сын, Глашатай Вечности и Владыка Мрака. Это вы, я и Аларик. Они названы в первой строфе, и они-то и есть действующие лица.

Дункан многозначительно приподнял бровь.

— Три человека,— сказал Келсон, нетерпеливо толкая его локтем,— продолжайте, отец Дункан.

Тот кивнул:

— У нас также имеются три предмета: Глаз Цыгана, Огненный перстень и Малиновый лев. Это наши...

— Подождите,— произнес Морган, резко приподнимаясь,— мне только что пришла в голову ужасная мысль! Келсон, а где находится Глаз Цыгана?

— Не знаю, Морган,— озадаченно ответил мальчик,— скажите, что это такое, и я, может быть, отвечу, где оно находится.

Дункан взглянул на Моргана.

— Это темный граненый рубин размером с ноготь моего мизинца. Брион всегда носил его в мочке уха. Вы, должно быть, видели его раньше.

Глаза Келсона расширились, смятение, охватившее принца, отразилось на его лице.

— О нет! Отец мой, если это то, что я себе представляю, то оно погребено вместе с Брионом. Я не знал, что это так важно.

Морган сосредоточенно поджал губы и поскреб ногтем Золотого льва на крышке коробочки. Затем он поднял на Дункана покорный взгляд.

— Будем вскрывать склеп?

— У нас нет выбора.

— Как «вскрывать склеп»? — эхом отозвался Келсон.— Вы не сделаете этого, Морган, вы не можете этого сделать!

— Боюсь, что это необходимо,— тихо ответил Дункан,— у нас нет Глаза Цыгана, а без него ритуал не соблюсти.— Он нахмурился.— Так или иначе, а эта идея неплохая. Если Карисса действительно приложила руку к гибели Бриона, а похоже на это, тогда да, тогда возможно, что он не совсем свободен.

Глаза Келсона расширились еще больше, и румянец сошел с лица.

— Вы думаете, его душа...

— Где он похоронен? — жестко прервал его Морган, меняя направление разговора, пока мальчик еще не совсем потерял голову от ужаса.— Если мы хотим чего-то достичь, то должны прямо сейчас составить план действий.

— Он похоронен в королевской усыпальнице за собором,— ответил Дункан,— насколько я знаю, там все время дежурят по меньшей мере четверо стражников. Им приказано никого не впускать за ворота. Нельзя даже из-за ограды осмотреть гробницу.

Морган прищурился, поигрывая кольцом.

— Вот как, четверо стражников? А ночью меньше, не так ли? Раз двери собора после вечерни закрываются, отпадает нужда в усиленной охране. Мне кажется, мы с ними столкуемся.

Келсон, все еще не веря ушам своим, изумленно смотрел на Моргана; лицо его постепенно снова порозовело.

— Морган, вы что, действительно собираетесь вскрывать гроб? — выдохнул он.

Морган не ответил, так как послышался шум, и они увидели, как во двор въехало множество всадников. Дункан вскочил, бросился к окну и стал поспешно задергивать шторы. Морган, в свою очередь, тоже подскочил к окну и спросил, вглядываясь в щель между шторами:

— Кто это? Ты можешь сказать?

— Архиепископ Лорис, судя по свите,— бросил Дункан,— но трудно сказать, то ли он только что появился в городе, то ли прибыл специально за тобой.

— За мной. Посмотри, как он построил людей. Он знает, что мы здесь. И минуты не пройдет, как нас окружат.

Келсон тоже подошел к окну, лицо его было сосредоточено.

— Что же нам теперь делать?

— Кажется, придется сдаваться,— мягко ответил Морган.

— Сдаваться? Морган, нет! — закричал принц.

— Да, Келсон,— возразил Дункан, настойчиво возвращая мальчика назад, за стол.— Если Аларик сбежит вопреки требованиям совета, вашего совета, то тем самым он нарушит законы, которые сам же клялся блюсти как лорд-советник.— Он усадил принца.— И если вы пренебрежете обязанностями главы совета, вы тоже нарушите эти законы.

— Сейчас это не мой совет,— насупился Келсон,— это совет моей матери. Она хочет погубить Моргана.

Дункан собрал Огненный перстень, пергамент и коробочку, обтянутую красным бархатом, и понес все это к молитвенному столику.

— Нет, Келсон, это ваш совет. Но вы должны напомнить ему об этом.— Он коснулся кнопки, спрятанной в молитвенном столике, и рядом с ним в стене открылся небольшой тайник.— Кроме того, мы ничего не можем сделать, во всяком случае пока не настала ночь. И чем дольше вы задержитесь в совете, тем меньше поводов для подозрения, будто затевается заговор. Я считаю, что ваши самые грозные враги в настоящий момент заседают в совете, и, согласитесь, неплохо бы знать, где они находятся и чем они, как и все другие члены совета, заняты.— Дункан положил в тайник все ритуальные принадлежности и закрыл его.— Здесь эти вещи будут в целости и сохранности до ночи.

Келсон продолжал упорствовать.

— Скорее всего, они признают его виновным, отец мой. Думаю, они уже сделали это. Я не могу стоять рядом и скреплять смертный приговор Моргану своей подписью.

— Если до этого дойдет, это ваша обязанность,— сказал Морган, ободряюще потрепав мальчика по плечу,— но запомните, я еще не осужден. И даже будучи обезоруженным, Дерини имеет грозные средства и для защиты, и для наступления.

— Но, Морган...

— Никаких возражений, мой принц,— убеждал Морган, подталкивая мальчика к двери,— вы должны верить, что я знаю, что делаю.

— Я думаю,— понурился Келсон.

Дункан отодвинул засов и легко открыл дверь.

— Здесь, после вечерни, так, Аларик?

Морган кивнул.

— Я сообщу тебе обо всем.

— Я и сам узнаю,— улыбнулся Дункан.— Держитесь, кузен!

Морган благодарно кивнул, тесня к двери упирающегося Келсона. Через узкий переход они вышли во двор; он услышал, как за ними закрылась дверь кабинета, и скорее почувствовал, чем услышал благословение, которое шептал, напутствуя их, Дункан. Приятно было осознавать, что здесь еще есть на кого рассчитывать.

Морган и Келсон вышли на свет и тут же были окружены солдатами, обнажившими оружие. Под сердитым взглядом Келсона они убрали мечи, узнав принца. Морган был достаточно осторожен, чтобы держать руки на виду, подальше от оружия, дабы не спровоцировать какого-нибудь нервного бойкого стражника, способного от чрезмерного усердия ненароком оборвать жизнь Келсона, не говоря уже о самом Моргане. Краем глаза он видел принца — побледневшего, но решительного, стоящего почти рядом; так же не поворачивая головы, он заметил, как архиепископ Лорис, сделав шаг, встал между ними.

Архиепископ Валоретский все еще был в дорожном платье. За долгий путь его черный плащ помялся и покрылся пылью, но даже в таком наряде и после такого путешествия он производил впечатление человека, которого голыми руками не возьмешь. Хотя Моргану было хорошо известно, что принес этот человек его родичам, Дерини с Севера, он вынужден был признать, что Лорис — один из тех редких людей, распространяющих вокруг

себя атмосферу могущества и достоинства, которые, как считается, шагают рука об руку в высшей церковной элите.

Его ярко-голубые глаза горели религиозным огнем, легкий ореол красивых седых волос окружал горделивую голову. Левой рукой он сжимал свиток белоснежного пергамента, скрепленного несколькими аккуратными печатями из красного и зеленого воска. На его правой руке сверкал аметист — знак принадлежности к высшему духовенству.

Приблизившись к Келсону, он слегка поклонился и сделал такое движение, как будто хотел раскрыть ему свои объятия. Принц демонстративно не обратил на это внимания. Лорис в раздражении отдернул руку и скользнул взглядом по Моргану, но его обнять не попытался.

— Ваше королевское высочество,— сказал архиепископ, все еще разглядывая генерала,— я надеюсь, у вас все в порядке?

— У меня было все в порядке, пока не появились вы, архиепископ,— сухо ответил Келсон.— Что вам нужно?

Лорис еще раз поклонился и сосредоточил свое внимание на Келсоне.

— Если бы вы, как вам и полагается, присутствовали на заседании совета, вы не задавали бы этого вопроса, ваше высочество,— едко ответил Лорис,— однако какой прок в недомолвках? У меня ордер на арест его светлости, лорда-генерала Аларика Энтони Моргана, герцога Корвинского. Я уверен, что он рядом с вами.

Морган лениво усмехнулся и скрестил руки на груди.

— Я тоже уверен в этом, милорд архиепископ. Но если у вас ко мне дело, советую вам и обращаться прямо ко мне, а не делать вид, словно меня здесь нет.

Лорис обернулся к Моргану, злобно сверкнув глазами.

— Генерал Морган, у меня приказ королевы и лордов-советников, предписывающий вам немедленно явиться в совет и ответить на некоторые обвинения.

— Я понял,— тихо сказал Морган.— И в чем же это меня обвиняют, милорд архиепископ?

— Ересь и государственная измена,— с нажимом произнес Лорис.— Вы будете это оспаривать?

— Конечно,— ответил Морган. Он нагнулся было к пергаменту, но ледяная сталь дюжины мечей тут же приблизилась к его горлу. Он снисходительно улыбнулся.— Можно мне посмотреть приказ, милорд?

Лорис сделал солдатам знак, и те убрали оружие. Морган взял у него развернутый пергамент и бегло просмотрел, держа его таким образом, чтобы приказ мог прочесть, заглядывая ему через плечо, Келсон. Затем он свернул пергамент и передал его Лорису.

— Я убедился, что приказ в полном порядке и соответствует букве закона,— спокойно сказал Морган.— Однако и сами факты, и то, как они изложены,— это отдельный вопрос. Конечно, я отвечу на все обвинения.— Он коснулся пояса и поправил меч.— А так как предписание явиться подлинное, то я поступаю по закону, то есть добровольно передаю себя в ваши руки.

Он отдал меч удивленному архиепископу, затем, протянув запястья, спросил:

— Не хотите ли вы еще и связать меня, милорд архиепископ? Или вам достаточно моего слова?

Лорис настороженно, почти испуганно отпрянул, левой рукой нащупывая на груди крест.

— Морган, бросьте свои уловки Дерини,— прошипел он, перекрестившись,— я предупреждаю вас.

— Никаких уловок, милорд.— Морган все так же кротко протягивал к нему руки раскрытыми ладонями вверх.— Я сдал оружие по доброй воле.

Его кисть дрогнула, и в ней внезапно появился стилет. Прежде чем Лорис и стражник поняли, что произошло, он через плечо передал оружие Келсону рукояткой вперед.

— Мой принц?

Келсон, не произнося ни слова, взял кинжал и с усмешкой сунул его за пояс. Лорис наконец очнулся.

— Смотрите, Морган! Это не игра и не шутка. Если вы думаете, что можете...

— Архиепископ,— прервал его Келсон,— я не желаю слушать никаких угроз ни от вас, ни от него. Генерал Морган изъявил свою добрую волю, и у вас было достаточно времени, чтобы поступить так же. Нужно ли вам напоминать, что этот кинжал мог пронзить вашу грудь столь же легко, как попал ко мне в руки?

Лорис выпрямился во весь рост.

— Он бы не посмел!

Келсон пожал плечами.

— Ну, пусть будет так. А теперь давайте покончим с этим фарсом. У меня есть более важные дела.

— Такие, как общение с апостолом Зла, ваше высочество? — прошипел Лорис.

— Выражения, которые вы, архиепископ, изволите выбирать, оставляют желать лучшего,— парировал Келсон.

Лорис, глубоко дыша, заставил себя успокоиться.

— Законы соблюдены точно, ваше высочество, и я не думаю, что сейчас у него есть шансы избежать заслуженного наказания.

— Это всего лишь слова, архиепископ,— вставил Морган.

Лорис несколько раз сжал и разжал кулаки, затем махнул рукой стражникам:

— Вяжите его.

Когда они бросились выполнять приказ, связывая руки за спиной Моргана, Лорис снова перенес свое внимание на Келсона.

— Ваше высочество, я понимаю, какое потрясение вы пережили в последние недели, и я готов забыть все, что слышал. Я уверен, что, если вы пожелаете удалиться в ваши покои и отдохнуть, совет поймет вас правильно.

— Чего вы добиваетесь, архиепископ? — гневно переспросил Келсон.— Вы что, действительно думаете, будто я отдам Моргана на вашу милость или на милость моей матушки? И это отнюдь не зависит от моих личных взаимоотношений с матерью. Просто я считаю, что будущий король Гвиннеда должен присутствовать на каждом заседании совета. Вы не согласны, архиепископ?

Глаза Лориса сверкнули, но он наконец осознал, что продолжать этот спор бессмысленно. До него словно только дошло, что этот стоящий перед ним мальчик и есть будущий король Гвиннеда, как бы непоследовательно ни рассуждал он теперь.

Лорис низко поклонился, но в глазах его читались вызов и открытое неповиновение.

Глава V

*«БОЖЕ! ДАРУЙ ЦАРЮ ТВОЙ СУД И СЫНУ ЦАРЯ ТВОЮ ПРАВДУ»**

Когда в совет наконец явились Келсон и Морган, там царил переполох.

Рядом с лордами-советниками в зале находилось еще несколько десятков человек, потому что Джеанна велела кое-кому из при-

* Псалом 72:1.

ближенных Бриона явиться в совет ради последнего сражения с Морганом. Дополнительные кресла, в которых обычно не было нужды, на этот раз стояли с каждой стороны стола позади кресел советников. Но те, кому они были предназначены, толпились вокруг в заметном смущении, споря во весь голос; хотя вновь прибывшие и не могли голосовать, тем не менее у каждого было определенное мнение о том, что делать с могущественным лордом Дерини, который являлся главной темой всех разговоров. Какие бы чувства ни возбуждал в людях лорд Аларик Энтони Морган, полного безразличия не обнаруживал никто.

Во главе стола тихо сидела Джеанна, старавшаяся казаться сдержаннее, чем на самом деле. Время от времени она опускала взгляд на свои бледные руки, сложенные на коленях, или перебирала пальцами широкий, украшенный орнаментом золотой браслет на левой руке.

Она и раньше по возможности не обращала внимания на просьбы епископа Арилана, сидящего справа от нее. Из собственного долгого опыта королева знала, что молодой прелат может быть необыкновенно красноречив, особенно когда дело задевает его. И он не упустил случая доказать свою преданность во время недавнего голосования. В самом деле, среди сторонников Моргана немногие были столь восторженными и неистовыми.

Когда вслед за Лорисом и охраной в зал вошел Келсон, споры мгновенно прекратились. Все сидящие вскочили на ноги, почтительно кланяясь проходящему мимо принцу, остальные поторопились занять свои места. Келсон сел на другом конце стола, рядом со своим дядей Мигелем, тогда как Лорис перешел поближе к Джеанне.

Но ни Келсону, ни Лорису не суждено было в этот день отвлечь все внимание на себя, потому что когда в сопровождении четырех стражников вошел Морган, все взгляды немедленно переместились на него, наблюдая его шествие по залу. Сначала, когда заметили, что он связан, по залу прошел шепоток; когда же Морган расположился по правую руку от Келсона, немного позади него, присутствующие обменялись подозрительными взглядами. Келсон с улыбкой сел.

После того как все присутствующие тоже уселись, Лорис поклонился королеве и положил перед ней на стол приказ; скреплявшие его печати глухо стукнулись о крышку стола, и это был единственный звук, нарушивший мертвую тишину.

— Я выполнил предписание совета и доставил пленника, как вы приказали, ваше величество,— сказал Лорис. Он обернулся к оруженосцу и взял у него меч Моргана.— Я преподношу вам его меч как доказательство того, что он отдается на милость справедливого суда...

— Архиепископ! — Голос Келсона прозвенел в напряженной тишине.

Лорис застыл на миг, потом медленно повернулся к Келсону, на которого смотрели сейчас все присутствующие. Келсон вскочил.

— Ваше высочество? — осторожно переспросил Лорис.

— Подайте меч мне, архиепископ,— твердо сказал Келсон,— Морган — мой пленник.

Голос Келсона приобрел ту властность, которая всегда отличала Бриона, и Лорис хотел было повиноваться, но тотчас пришел в себя и нервно откашлялся.

— Ваше величество? — обратился он за поддержкой к королеве.

Джеанна пронзила сына холодным взглядом.

— Келсон, если вы думаете...

— Его преосвященство подаст меч мне, матушка,— прервал ее Келсон,— это мое право, как по закону, так и по традиции. Я все же глава совета, хотя пока только формально.

— Хорошо же,— бросила жестко Джеанна, глаза которой пылали от гнева,— но знайте, что это его не спасет.

— Посмотрим,— загадочно ответил Келсон.

Лорис взял меч и положил на стол перед Келсоном с коротким поклоном. Пока он возвращался на свое место между Джеанной и архиепископом Карриганом, Келсон взглянул на Моргана.

Генерал еще не издал ни звука с тех пор, как вошел в зал, но предыдущий обмен репликами он выслушал с явным одобрением. Пока советники вновь усаживались, ожидая, что же будет дальше, Келсон хранил на лице безмятежное выражение. Те, кто собирался судить Моргана, попали в непростое положение: законными средствами им было не добиться быстрой победы, а сейчас они осмеливались воспользоваться только ими.

Морган пожал плечами, пытаясь при этом ослабить кожаные ремни, стягивающие его запястья. Интересно, что теперь предпримет юный король.

Келсон, оглядывая зал с плохо скрываемым отвращением, сложил пальцы так, как делал это Брион, когда бывал чем-то рассержен. Его глаза скользили по лицам присутствующих, затем вернулись к противоположному концу стола, где сидела королева.

— Нигель,— сказал он, не спуская с матери глаз,— насколько я помню, вам настойчиво советовали отложить заседание совета до моего прихода. Может быть, вы объясните, что произошло?

Нигель, в свою очередь, пристально посмотрел на Джеанну. Келсон знал, он был в этом уверен, что дядя сделал все, что мог; то, что он сейчас сказал, говорилось единственно для этих людей, сидящих за столом совета.

— Конечно, ваше величество,— невозмутимо ответил герцог.— Я действительно пытался довести до сведения совета вашу просьбу отложить заседание, но ее почему-то оставили без внимания. Ее величество королева сообщила нам, что вы поглощены более важным делом, и настояла на том, чтобы начать без вас.

Келсон нахмурился. Джеанна опустила глаза.

— Это правда, матушка?

— Конечно правда! — взорвалась Джеанна, резко поднявшись.— Нужно было сделать так много, Келсон, причем такого, что давно уже должно было быть сделано. По крайней мере, совет принял разумное решение. Ваш драгоценный изменник Морган признан виновным пятью голосами против четырех!

Келсон начал было горячо возражать, однако подумал, что лучше действовать по-другому. Он почувствовал, как Морган у него за спиной переступает с ноги на ногу, край его плаща коснулся колена Келсона. Он заставил себя успокоиться и еще раз внимательно оглядел насторожившихся советников.

— Ну, мои дорогие лорды,— спокойно произнес он,— я вижу, что вашей точки зрения на этот счет не изменит ничто.

Краем глаза он заметил, как Джеанна, торжествуя, вновь заняла свое место, и продолжал:

— Я прошу прощения за то, что пропустил разбирательство, и хотел бы попросить каждого из вас подтвердить ваш голос, отданный вами только что.— Он продолжал скользить по лицам советников немного вызывающим взглядом.— Насколько я понял, вас спрашивали о том, изменил ли генерал Морган короне и Церкви. Я хотел бы знать, кто поверил этой явной лжи!

Лорд Роджер с трудом встал и повернулся к Келсону:

— Неужели вы, ваше высочество, сомневаетесь в решениях вашего законного совета?

— Вовсе нет,— быстро ответил Келсон,— просто я хочу удостовериться, что принятое решение соответствует закону. Прошу вас, джентльмены, мы теряем драгоценное время. Как вы считаете? Действительно ли Морган изменник и еретик? Итак, Нигель?

Нигель встал.

— Лорд Аларик невиновен в том, в чем его обвиняют, ваше величество.

— Спасибо, дядя,— кивнул Келсон, когда герцог сел на место.— А вы, лорд Брэн?

— Виновен, ваше высочество.

— Лорд Ян?

— Виновен, ваше высочество.

— Роджер?

— Виновен, ваше высочество.

Келсон нахмурился.

— Епископ Арилан, милорд, что скажете вы?

— Он невиновен, ваше высочество,— уверенно ответил Арилан, не обращая внимания на взгляды, которыми обменялись через стол Карриган и Лорис.

— Спасибо, ваше преосвященство,— кивнул Келсон,— теперь вы, Эван?

Эван не мог смотреть в глаза своему принцу. Он никогда не питал к Моргану личной неприязни, но он видел смерть Бриона. Если слухи подтвердятся...

— Ну же, Эван?

— Он виновен, ваше величество,— прошептал Эван. Келсон с сочувствием кивнул и, миновав взглядом королеву, в упор взглянул на архиепископа Карригана, задавая ему все тот же роковой вопрос, хотя и не сомневался, какой ответ он услышит от этого прелата.

— Архиепископ, милорд?

Карриган спокойно встретил взгляд Келсона:

— Виновен, ваше величество. И не теперь открываем мы перечень прегрешений Дерини!

— Просто «виновен» — этого достаточно, архиепископ,— отрезал Келсон,— вы судите не целый народ, а конкретного человека. Человека, который, я вынужден напомнить вам об этом, так много сделал для Гвиннеда.

— Кто это так много сделал для Гвиннеда? — язвительно воскликнул Карриган.

— Хватит, архиепископ! — резко осадил его Келсон.

Он смерил прелата ледяным взором, затем повернулся к Маклайну, с благодарностью встречая доброжелательный взгляд.

— Герцог Яред?

— На нем нет вины, государь,— ответил старый герцог.

— А вы, лорд Кевин?

— Невиновен, ваше величество.

Келсон кивнул, подсчитывая в уме голоса.

— Я и так знаю, что лорд Дерри голосовал за оправдание, и значит, в результате — пять голосов против пяти,— он посмотрел через стол на мать,— едва ли это означает осуждение, матушка.

Королева вспыхнула:

— Лорд Дерри не был допущен к голосованию. Он не член совета.

Келсон угрожающе сузил глаза так, что кое-кто из советников внутренне содрогнулся,— это был тот знакомый испепеляющий взгляд, бояться и уважать который они привыкли при жизни отца этого мальчика.

Неужели возможно, что характер отца так точно повторяется в сыне? Многим этот взгляд напомнил схватки прошедших дней.

Келсон чуть кивнул.

— Хорошо. Я предполагал, что Дерри проголосует за Моргана ввиду его отсутствия, но теперь Морган здесь и может проголосовать сам. Я думаю, то, как именно он проголосует, сомнений не вызывает.

— Морган не может голосовать! — воскликнула Джеанна.— Он — подсудимый.

— Но пока Морган не приговорен, он все еще является членом совета, матушка. Пока его власть и полномочия не упразднены законным путем, вы не можете лишить его голоса, тем более если учесть, что ему и сказать-то ничего не позволяют в свое оправдание.

Джеанна вскочила, теперь лицо ее пылало от гнева.

— Но если вы не желаете лишить его права голоса, я напомню и о моем праве! Раз уж вы решили присоединиться к нам и взяли на себя руководство советом, меня ничто больше не связывает, и я говорю, что Морган виновен в том, в чем его обвиняют. Это увеличивает число голосов, поданных против него, с пяти

до шести. Ваш драгоценный Морган обречен, что вы на это скажете?

Ошеломленный Келсон снова опустился в кресло и побледнел — так он был потрясен словами матери. Он не мог поднять глаза на высокую фигуру, недвижно, как статуя, замершую справа от него. Он не мог заставить себя посмотреть в эти серые глаза и признать поражение. Келсон еще раз подавленно оглядел совет, и когда он перевел взгляд с лорда Дерри на пустовавшее рядом с ним место лорда Ральсона, у него в голове появилась спасительная мысль.

Он заставил себя успокоиться, изо всех сил стараясь не показать своим видом, будто что-то изменилось. Они не должны догадаться, что у него теперь есть план. Пока он не услышит, как колокола звонят три часа, ему нужно тянуть время любым способом.

Келсон приподнялся с выражением смирения на лице.

— Любезные лорды,— начал он печально и устало,— кажется, мы проиграли.— Рассеянным жестом он показал, что включает в это «мы» Нигеля и Моргана.

— Прежде чем я произнесу следующую фразу, я прошу вашего снисхождения вот по какому поводу: мне бы хотелось, чтобы еще раз полностью зачитали обвинения, предъявленные генералу Моргану. Есть какие-нибудь возражения?

Джеанна, сдерживая победную улыбку, снова села.

— Конечно нет, Келсон,— сказала она, поднимая приказ и протягивая его Эвану.— Лорд Эван, не могли бы вы зачитать обвинения во всей полноте?

Эван зевнул, сглотнул и виновато откашлялся.

— Его светлости, герцогу Корвинскому, лорду-генералу королевских войск. От королевы и лордов королевских советников, на заседании от двенадцатого дня царствования Келсона Риса Энтони Халдейна, короля Гвиннеда, князя Меара, лорда Пурпурной Марки. Ваша светлость, вас вызывают в Королевский совет Гвиннеда, дабы вы ответили на определенные обвинения, касающиеся вашего поведения по отношению к короне. Именно, вы...

Когда Эван начал читать, Келсон наконец рискнул взглянуть на Моргана. Если поначалу он удивлялся, почему Морган никак не пытается оправдаться, то, слушая приказ, убедился, что любая защита, какой бы мудрой и правдивой она ни была, никак не повлияла бы сегодня на настроения совета. Во всем мире не

нашлось бы ничего, что мог сказать или сделать Дерини, чтобы убедить их в своей невиновности.

Вот он склонил белокурую голову, прикрыл серые глаза длинными густыми ресницами. С первого взгляда Келсон увидел, что генерал понимает его затруднения. Именно сейчас в его воображении возникла тактика наступления, которая поможет величественному могуществу Дерини вновь обрести свободу — свободу, которая станет еще ценнее, если будет достигнута с помощью молодого короля. Морган, конечно, не догадывается о том, что он задумал.

Келсон сознавал, что он ограничен в своих действиях с двух сторон и нарушить эти границы не может. Ему необходимо начать прежде, чем Морган успеет что-либо предпринять самостоятельно, и все-таки нельзя ничего затевать, пока куранты не возвестят конец этого часа, иначе будет потеряна последняя надежда на законное решение вопроса.

Келсон осторожно передвинул в сторону ногу, стараясь приблизить носок башмака хотя бы на несколько дюймов ближе к ноге Моргана. Потом, пока Эван заканчивал чтение, Келсон шевельнулся на стуле, будто разминая члены, и в этот момент толкнул башмак Моргана своим.

Генерал взглянул на мальчика, уловил почти незаметное движение головы и также едва заметно кивнул в ответ. У мальчика есть какой-то план. Что ж, пусть попробует, пусть рискнет.

— Изложено мною сегодня, Джеанна, Regina et Domini Consilium.

Голос Эвана прогромыхал и затих, он с выжидающим видом уселся на свое место. И как только он сел, в базилике и в соборе одновременно начали отзванивать.

Один. Два. Три. Четыре.

Келсон, слушая колокольный звон, мысленно дал себе пинка, услышав четвертый удар.

Четыре часа пополудни. Он-то думал, что еще только три, а оказывается, уже гораздо больше, и он давно мог бы начать действовать.

Принц молча встал, все еще не допуская на своем лице ни намека на то, что у него на уме.

— Любезные лорды, ваше величество,— вежливо начал он, чуть заметно поклонившись матери.— Мы выслушали обвинения, выдвинутые против нашего генерала.

Он увидел, как Джеанна вздрогнула, услышав королевское «мы».

Он простер правую руку к Моргану и продолжал:

— Мы также ознакомились с пожеланиями, даже требованиями совета по этому вопросу. Однако нам бы хотелось обсудить еще одну сторону дела, прежде чем мы вынесем ему приговор.

Удивленный шепот прошелестел среди собравшихся, и Келсон заметил, как болезненно исказилось лицо матери, растерянной, полной ужасных предчувствий.

— Мы рассудили,— так же непринужденно продолжал Келсон,— что скорбь наша усугубляется недавно понесенной утратой — с нами нет такого доблестного и преданного воина, как лорд Ральсон из Эверинга.

Он указал на пустующее место Ральсона и набожно перекрестился. Остальные последовали его примеру, удивленно гадая, что же он задумал.

— Поэтому,— продолжал Келсон,— мы решили ввести в совет нового члена, дабы он занял его место.

— Вы не можете сделать этого,— воскликнула Джеанна, вскакивая с места.

— Мы, конечно, понимаем,— не обращая на нее внимания, продолжал Келсон,— что лорд Дерри, конечно же, не заменит нам лорда Ральсона, но мы уверены, что на этом почетном месте он будет отдавать нам все свои силы. Итак, Шон лорд Дерри.

Пока совет бурлил, Келсон знаком приказал Дерри подняться. Тот посмотрел на Моргана, словно бы ища у него объяснений, но генерал и сам выглядел несколько растерянным.

Келсон поднял руки, добиваясь тишины, затем, поскольку шум не прекращался, постучал по столу рукояткой меча Моргана. Джеанна стояла у другого конца стола и, не желая подчиняться Келсону, пыталась перекричать гул.

— Келсон, вы не можете этого сделать! — кричала она, наконец-то опять сосредоточив внимание собравшихся на себе.— Вы не имеете права! Вы знаете, что не можете назначить нового советника без одобрения регентов. Вы — несовершеннолетний!

В глазах Келсона блеснул такой лед, когда он окинул взглядом стол, что весь зал замер.

— Лорды-советники, уважаемая королева-мать, по-видимому, забыла, что ровно четырнадцать лет и один час назад в другой комнате этого же дворца она подарила миру сына — Келсона

Цинхиля Риса Энтони Халдейна. Когда она разрешилась от бремени и королевские лекари вложили ребенка в ее объятия, колокола пробили три пополудни!

Лицо Джеанны стало мертвенно-бледным, и она упала в кресло, медленно кивая самой себе, взгляд ее от потрясения остекленел.

— И еще, любезные лорды: от вас, очевидно, ускользнула причина, по которой коронация перенесена на завтра. Как вам хорошо известно, законы королевства гласят, что король Гвинneда должен быть коронован и может вступить в свои права не раньше, чем он достигнет совершеннолетия. Так как я оставался несовершеннолетним до трех часов пополудни, а это слишком позднее для коронации время, сама церемония была перенесена на завтра. Но править-то *я* начинаю сегодня!

Никто не шелохнулся и не издал ни звука, пока Келсон говорил все это. Лишенные дара речи, советники наблюдали, как Келсон знаком пригласил Дерри приблизиться. Когда Дерри подошел к нему, Келсон поднял меч Моргана и произнес, держа его перед юношей рукояткой вверх.

— Шон лорд Дерри, клянетесь ли вы на этом кресте, что будете честно и преданно нести службу в Королевском совете?

Дерри встал на одно колено и положил руку на рукоять меча.

— *Торжественно клянусь, мой господин.*

Келсон опустил меч, и Дерри встал на ноги.

— Итак, лорд Дерри, что вы скажете по поводу рассматриваемого дела? — спросил Келсон.— Виновен ли Морган?

Дерри победоносно взглянул на Моргана, затем повернулся к Келсону. Голос его был чист и тверд:

— Лорд Аларик невиновен, ваше величество!

— Невиновен,— повторил Келсон, откровенно наслаждаясь этим словом,— таким образом, у нас налицо шесть голосов против шести — лорд Дерри уравнял счет.

Он посмотрел на мать, которая до сих пор не могла пошевелиться, совсем потеряв голову от поражения.

— Сим объявляю, что лорд Аларик Энтони Морган, герцог Корвинский, лорд-генерал королевских войск, невиновен в обвинениях, выдвинутых против него. Если же послезавтра кто-либо пожелает вновь поставить этот вопрос, представив убедительные доказательства, он не встретит с моей стороны препятствий. На том объявляю заседание закрытым.

С этими словами он достал из-за пояса кинжал Моргана и перерезал путы, связывающие руки генерала. Затем, возвратив ему меч, он отвесил краткий поклон изумленным советникам и ринулся вон из зала, увлекая за собой Моргана и Дерри.

Тишина взорвалась криками множества возбужденных голосов, как только захлопнулась дверь за Морганом и его соратниками. То, что сделал Келсон, было законно — в этом сомнений не возникало, но ход этот был очень уж неожиданный. Собравшимся лордам-советникам и другим вельможам происшедшее казалось невероятным. Это было достойно Бриона в его лучшие минуты. Хорошо это было или плохо — мнения разделились, так как некоторых и прежде раздражали подобные неожиданные ходы Бриона.

Джеанна, однако, восприняла случившееся однозначно: для нее то, что поначалу казалось полной заведомой победой над грозным Дерини, обернулось нелепым публичным крушением, крушением всех надежд, которые она связывала с Келсоном.

В унынии сжимая и разжимая кулаки, она вдавливала ногти в ладони, оставляя на них маленькие следы, похожие на полумесяцы.

Морган на свободе.

Хуже того, Келсон перед всем советом выказал ей открытое неповиновение — и это уже не детские угрозы и бессильные насмешки, но решительные действия взрослого. К его возмужанию Джеанна, оказывается, вовсе не была готова, и оно беспокоило ее даже больше, чем пребывание Моргана на свободе. Если бы только Келсон проявил хотя бы малейшую нерешительность, если бы у него появились самые малые сомнения в гордом Дерини, которого он так пылко защищал, тогда могли бы еще быть какие-то шансы справиться с ним. Но теперь Келсон — король, не только по титулу, но и на деле, а она до сего дня и не предполагала, что он так возмужал. Как сейчас оградить его от зловещего влияния Моргана?

Из другого конца комнаты ее замешательство с интересом наблюдал Ян. В хаосе, последовавшем за бурным уходом Келсона, трудно было сделать определенные выводы, но у Яна сложилось твердое впечатление, что мальчик уже набирает очки не у одного лорда из тех, кто прежде не одобрял его действий. Даже язвительные замечания Роджера и Брэна Кориса носили теперь легкий оттенок уважения. Ничего не поделаешь. Однако, хотя

Яна и заставили уступить в нынешней схватке с Келсоном и этим гордым Дерини-полукровкой, весь бой он проигрывать не намерен.

Вообще говоря, Ян и не надеялся выиграть этот раунд. Когда Морган под охраной вошел в зал, он сразу почувствовал, глядя на него, что все отнюдь не так просто, как кажется. Морган никогда бы не дал себя арестовать, будь у него самые ничтожные сомнения, что он может бежать куда и когда захочет.

И он не думал, что схватка развивалась именно так, как ожидал генерал; Ян был уверен в том, что удача Келсона была чистой случайностью. Ведь этот не по годам развитый мальчишка-король наверняка не мог всерьез ожидать, что он найдет столь своевременный выход и Морган на законных основаниях покинет зал свободным.

Конечно, он в этом и не сомневался,— Келсон действовал наобум, по всему было видно. Впрочем, нынче стало понятно, что нельзя недооценивать Брионова сынка. А между тем сделать нужно еще немало. Морган снова на свободе, значит, неплохо бы его, и так имеющего дурную репутацию, продолжать очернять — это занятие Ян искренне любил. Вдобавок все равно необходимо доложить Кариссе о том, как повернулись сегодняшние события.

Попрощавшись с Брэном Корисом и Роджером, Ян выскользнул из зала совета и отправился в ту часть дворца, где расположились казармы дворцовой охраны. Впереди у него был непочатый край работы, и не имело смысла мешкать.

Ликующий Морган хлопнул в ладоши, проходя вместе с Келсоном и Дерри через внутренний двор к королевским покоям.

— Келсон, вы были великолепны! — воскликнул он, дружески обняв мальчика за плечи.— Ваш сегодняшний спектакль достоин Бриона в его лучшие дни. Вам удалось удивить даже меня.

— Правда? — восхищенно переспросил Келсон, улыбаясь до ушей.

Он остановился, посмотрел, не преследует ли их кто-нибудь, и догнал спутников. Несколько стражников смотрели на них с любопытством, но, насколько он мог судить, никто не собирался следовать за ними.

— Не знаю, как вы,— продолжал мальчик,— но я все время был в ужасе. У меня душа ушла в пятки, когда качали звонить колокола... И вдруг — четыре вместо трех!

— Радуйтесь, что все случилось именно так,— фыркнул Морган,— представьте, как бы глупо вы выглядели, если бы колокола прозвонили всего дважды.

— Я уж представлял,— закатил глаза Келсон.

— И вот еще что,— продолжал Морган,— я вовсе не желаю принизить идею с назначением Дерри, но раз вы провозгласили себя совершеннолетним, вам не обязательно было проделывать весь этот фокус-покус с назначением нового лорда-советника и повторным голосованием. Вы просто могли аннулировать решение совета.

— Верно,— ответил Келсон,— но для лордов-советников это была единственная возможность сохранить лицо, об этом вы подумали? К тому же теперь никто не может сказать, будто я навязываю решения. Все прошло законным путем.

— Предусмотрительный шаг,— одобрил Морган.— А в целом, я бы сказал, волнений было достаточно, даже на мой вкус. Конечно, опасности — вещь хорошая, но...

— Что касается меня,— перебил Дерри,— то мне хватило бы и сотой доли этого кошмара. Я был бы совершенно счастлив, знай мы заранее, чем все это кончится.

Келсон засмеялся.

— Боюсь, я тоже вынужден согласиться с Дерри, я ведь был не так уверен в себе, как обычно.— Он посмотрел на Моргана.— Кстати, вам не кажется, что мы должны дать знать отцу Дункану? Вы обещали известить его обо всем.

— Да, конечно,— кивнул Морган.— Дерри, может, сходишь в Сент-Хилари, расскажешь Дункану, что произошло. Скажи ему, что у нас все в порядке, но мы хотели бы до конца дня поспать.

— Да, милорд,— ответил Дерри.— Когда я освобожусь, мне возвращаться сюда?

Морган кивнул.

— Ты тоже немного отдохни. Я хочу, чтобы ты командовал охраной в покоях Келсона сегодня ночью, если не возражаешь. Я знаю, на тебя можно положиться.

— Слушаюсь и повинуюсь, милорд,— с улыбкой ответил Дерри,— и постарайтесь остаться в живых, пока я не вернусь.

Морган только улыбнулся и покачал головой, когда Дерри скрылся из виду.

Ян уже почти достиг того места в глубине дворца, куда он стремился. Миновав несколько лестничных пролетов, он прошел через подземный зал, где тренировались в рукопашном бою на мечах, через коридор, окружающий тренировочный зал, и поспешил за хранилище, мягко и неслышно ступая своей кошачьей походкой по холодному каменному полу. Сверкая темными глазами, он проходил один за другим посты дворцовой охраны. Его ни разу не окликнули: Яна здесь знали.

Наконец он остановился там, где коридор пересекался с другим, меньшим. Затем, придержав за рукоятку меч, чтобы тот не гремел, он крадучись прошел вперед и выглянул за угол.

Так. Стражник здесь, как Ян и предполагал. Зловеще усмехаясь, он скользнул за угол и подкрался к стражнику так тихо, что тот не заметил его, пока Ян не приблизился на расстояние двух футов.

— Милорд? Что-то не так?

— Нет. Конечно нет,— ответил Ян, с невинным видом приподымая тонкую бровь.— А что могло случиться?

Немного успокоившись, стражник улыбнулся.

— Ничего, милорд,— с глуповатым видом ответил он,— просто вы меня испугали. Обычно люди заходят сюда, если что-то не так.

Ян улыбнулся.

— Не думаю,— сказал он, грозя стражнику указательным пальцем.— Как тебя зовут, солдат?

Глаза парня невольно двигались за пальцем Яна; заикаясь, он произнес:

— М-Майкл Де Форест, милорд.

— Майкл Де Форест,— кивнул Ян, продолжая медленно водить пальцем у него перед глазами,— ты видишь мой палец, Майкл?

— Д-да, м-милорд,— заикаясь, ответил стражник, не в силах отвести глаз от приближающегося пальца,— но, милорд, что вы делаете?

— Следи за моим пальцем, Майкл,— бормотал Ян, в тишине его низкий голос звучал немного угрожающе.— Ты... сейчас... заснешь.

Когда он произнес последнее слово, палец его коснулся лба стражника, как раз между глаз, тот заморгал и сомкнул веки. Ян пробормотал еще что-то, что углубило его сон, и, осторожно вынув копье из рук стражника, прислонил его к стене.

Оглядевшись вокруг, он убедился, что за это время здесь никто не появился, затем подвинул стражника на несколько шагов назад, чтобы он тоже прислонился к стене. Кончиками пальцев он дотронулся до его висков и закрыл глаза.

Вскоре вокруг головы Яна возникло бледно-голубое сияние, которое, потрескивая, постепенно распространилось по всему телу, по ногам и вдоль рук, скапливаясь в его ладонях. Потом свечение, истекая через пальцы Яна, поглотило и голову стражника. Едва искрящаяся паутина коснулась его головы, тот вздрогнул, как будто хотел вырваться из магических уз, но вскоре затих, а сияние постепенно охватило все его тело. Когда же оба они полностью погрузились в бледное пламя, Ян заговорил:

— Карисса?

Одно мгновение не было слышно ни звука, кроме легкого и спокойного дыхания Яна и прерывистого, поверхностного и затрудненного — стражника. Затем губы солдата затрепетали.

— Карисса, ты меня слышишь?

— Слышу,— прошептал стражник.

Ян слегка улыбнулся и, не открывая глаз, заговорил снова, тихо и непринужденно.

— Хорошо. Боюсь, что я разочарую тебя, любовь моя. В совете мы потерпели поражение, как и следовало ожидать. Келсон провозгласил себя совершеннолетним и назначил нового советника на место Ральсона и тем самым, используя королевские полномочия, сравнял счет. Я ничего не мог поделать. Ты наверняка уже знаешь, что покушение Стенректа тоже провалилось.

— Да, знаю,— послышался в ответ голос стражника,— а что с Морганом?

— Трудно сказать,— Ян задумчиво поджал губы,— на ночь они с Келсоном пошли в королевские покои. Кажется, наш молодой королек думает, что с его любимцем больше ничего не случится. Но пока они не попали в новую переделку, у меня есть в запасе кое-какие забавные загадки, которые помогут занять их драгоценное время и силы до завтрашнего утра. Согласна?

— Очень хорошо,— прошептал стражник.

— Ты даже не спросишь меня, что я имею в виду?

В голосе стражника впервые появились эмоции.

— А ты хочешь, чтобы я спросила, да? — В ответе улавливался явный сарказм.— Наверное, хочешь похвастаться своей сообразительностью? — Последовала пауза.— Не надо! Если у тебя есть

чем заняться, лучше прекращай эту болтовню, иначе устанешь сам и обессилишь посредника так, что он уже не сможет очухаться. Ты же знаешь, его нельзя бесконечно держать в таком состоянии.

— Как хочешь, моя крошка,— спокойно сказал Ян, улыбаясь.— Хотя зря ты волнуешься за нашего посредника, у меня относительно него особые планы. Счастливой охоты, Карисса.

— Тебе тоже,— ответил голос.

Вслед за этим свет, окружающий Яна и стражника, рассеялся, Ян уронил руки и тряхнул головой, открыв глаза. Его освобожденный «собеседник», как только получил свободу, тяжело привалился к стене, не имея сил даже на то, чтобы открыть глаза. Ян внимательно следил за ним.

Снова оглянувшись, он за руку отвел стражника обратно на пост.

— Милорд, я...— бормотал тот, тряся головой, словно силясь разогнать туман в ней.— Что случилось? Что вы?..

— Пустяки, Майкл,— пробормотал Ян, нагибаясь и доставая из сапога узкий стилет,— ты почти ничего не почувствуешь.

Увидев сверкнувшую сталь, стражник собрал последние силы и попробовал вырваться из объятий Яна, но безуспешно — его слабое сопротивление сразу было сломлено. Онемевший, он стоял там, куда Ян поставил его, и беспомощно смотрел на приближающийся поблескивающий клинок. С бесстрастностью врача Ян распахнул кожаную куртку солдата и кольчугу и приставил острие стилета к его груди, слева. Потом легким толчком он двинул вперед клинок, который, проскользнув точно между ребрами, пронзил сердце.

Ян выдернул свое оружие, стражник, издав подавленный стон, с остекленевшими глазами повалился на пол; кровь алой струей хлынула из раны, и он сразу оказался в луже крови — сердце еще билось, и измученные легкие все еще нагнетали воздух, продлевая агонию.

Ян, нахмурившись, склонился над умирающим. Ему не удалось убить солдата сразу — такой ошибки Морган никогда бы не допустил. Хуже того, теперь ему придется добивать лежачего.

Он, задумавшись, закусил губу, затем снова воткнул стилет в старую рану и нанес вторичный удар. В тот момент, когда он вытащил клинок, стражник был мертв.

Удовлетворенно хмыкнув, Ян вытер стилет краем плаща убитого, слегка повернул тело на бок, стараясь не задеть все увеличивающуюся лужу крови, затем взял убитого за руку и, смочив в крови мертвые пальцы, вывел на чистом камне рядом с головой мертвеца контур грифона.

Он выпрямился, посмотрел на свою работу и, удовлетворенно кивнув, вернул кинжал обратно в сапог и тщательно осмотрел одежду — не осталось ли на ней предательских следов только что содеянного. Копье убитого он положил вдоль тела, полюбовался своей работой в последний раз и повернулся, чтобы покинуть это место.

У Яна не было сомнений по поводу того, что подумает кто-нибудь из вассалов Моргана, если сегодня ночью наткнется на этот труп.

Хладнокровный убийца — это обвинение вдобавок к остальным, нависающим над генералом Дерини,— вот чего недоставало, чтобы поднять слуг против их же господина. А в том, что кто-нибудь найдет мертвеца, Ян был уверен. Может быть, и Келсон падет в схватке, которая неизбежно возникнет? Ах, какая жалость — Ян с удовольствием пожал плечами.

Глава VI

И ГОЛОС ИЗ ЛЕГЕНДЫ ВОЗВЕСТИТ...

Когда вечерний звон отзвучал вдали, Морган проснулся, одновременно осознавая, где он находится, время (более позднее, чем он рассчитывал) и то, что ему холодно. В очаге перед ним догорали последние угли, и огонь отклонялся влево, подтверждая оба его предположения — дверь на балкон не закрыта и близится гроза. Неудивительно, что в комнате такой холод.

Громко ворча, поднялся он с жесткого кресла, в котором проспал последние три часа, и, пошатываясь, прошел к дверям балкона. За окном было тихо, и эта тихая темень в такой ранний час была наполнена тяжелым, густым, гнетущим духом приближающейся бури. К полночи, вероятно, пойдет дождь, а может быть, и снег — чего же другого было ждать от ночи, за которую нужно успеть так много!

Морган устало закрыл застекленную дверь, постоял мгновение, ухватившись руками за задвижку, прижавшись лбом к стеклу и закрыв глаза. Он так устал — боже, как он устал! Неделя труд-

ного, изнурительного пути, невзгоды сегодняшнего утра — всего этого не снять коротким сном, выпавшим ему. А сколько еще нужно сделать и как мало времени! Прямо сейчас ему нужно спуститься в библиотеку Бриона, чтобы поискать ключ, который облегчил бы сегодняшний труд.

Хотя едва ли ему удастся что-то найти, Брион был слишком осторожен, чтобы оставлять что-то важное на виду. Но может быть, он обнаружит какой-нибудь случайно раскрывающий тайну знак. Надо посмотреть. А прежде всего, пока он не ушел, ему нужно по возможности обезопасить Келсона.

С трудом выпрямившись, собираясь с силами, Морган мгновение смотрел на закрытую дверь перед ним, затем потер глаза левой рукой, окончательно сбрасывая сон. Как всегда, это получилось, однако Морган понимал, что бесконечно держать себя в руках ему не удастся. Рано или поздно придется немного поспать, иначе он ни на что не будет годен. И нелишне поспать сегодня еще, когда они все закончат.

Он задернул двойную дверь голубым батистом, затем быстро вернулся к камину и подбросил дров. За те несколько минут, пока огонь горел ровно, Морган успел рассмотреть в его неясном свете комнату и в конце концов нашел то, что искал.

Прямо напротив, на стене у двери, висела его черная седельная сумка, принесенная Дерри после заседания совета. Он перенес ее к огню, поспешно отстегнул застежку и ощутил под пальцами гладкий ворс тщательно выделанной замши, открывая сумку.

Сейчас, если только Дерри положил их назад... Когда гофмейстер нашел их, он никак не мог объяснить молодому лорду, что это — не просто кубики для азартной игры.

Ага!

Наскоро обшарив дно сумки, он нащупал ящичек, обитый кожей, и, встряхнув его, по легкому звуку убедился, что содержимое на месте.

Не заглядывая в коробку, Морган бросил ее на стул, затем прошел в гардероб Келсона и стал искать что-нибудь из одежды, что подошло бы,— ему все еще было холодно. К тому же, если уж он собирается прогуляться в такую погоду, не следует делать этого налегке.

В конце концов он нашел голубой шерстяной плащ с меховыми воротником и манжетами, более или менее подходящий, и на ходу надел его, возвращаясь к очагу. Рукава доходили лишь

до середины предплечья, а сам плащ — только до колен, но он решил, что и так неплохо для того, что он собирается делать.

Он взял канделябр, зажег сальную желтую свечу от огня камина, затем поднял красную кожаную коробочку и перекрестил кровать Келсона.

Келсон все еще спал, громко дыша, лежа наискось на узкой кровати, положив голову на изгиб левой руки. В ногах постели были запасные одеяла.

Морган осторожно взял одно из них с ноги мальчика, одетой в чулок. Поставив канделябр на пол рядом с кроватью, он встряхнул одеяло и укрыл им принца. Затем он встал на колени, открыл красную кожаную коробочку и встряхнул ее содержимое.

Там было всего восемь кубиков — «опека», как называли их маги,— четыре белых и четыре черных, каждый не больше кончика его мизинца. Он привычно разложил кубики в должном порядке — четыре белых в центре квадрата, по одному черному в каждый из четырех углов, но так, чтобы они не соприкасались друг с другом. Затем, начав с белого кубика в первом верхнем углу, он дотронулся до каждого из них, одновременно называя их положение в той Опеке, которую он строил.

«Prime» — мягко блеснул первый кубик.

«Seconde» — он тронул верхний правый кубик, и этот также сверкнул молочным блеском.

«Tierce... Quarte» — засветился последний кубик, образовав простой квадрат, отливающий призрачным белым светом.

Дальше черные — «Quinte. Sixte. Septime. Octave». В глубине этих кубиков замерцало черно-зеленое пламя.

Теперь предстояло самое главное — заставить кубики сложиться в Опеку, которая, выстроившись правильно, будет надежно защищать мальчика от любой порчи.

Морган потер ладонью оборотную сторону каждого кубика, затем взял тот, который назвал «prime», и осторожно дотронулся им до «quinte» — его черного двойника.

«Primus!» — раздался короткий щелчок, и кубики слились воедино, мерцая в пламени свечи серебряно-серым блеском.

Морган нервно облизал губы и взял «seconde», приложив его к «sixte».

«Secundus!» — опять щелчок, серебряное свечение.

Он медленно вдохнул и выдохнул, собираясь с силами для следующего действия. Оно могло истощить его последние силы,

но выбора у него не было — он должен продолжать, если собирается идти в библиотеку. Нельзя оставить Келсона без защиты. Он поднял следующую пару кубиков.

«Tertius!» И когда кубики засветились, Келсон открыл глаза и огляделся с удивлением.

— Что вы... Морган, что вы делаете? — Он приподнялся на локтях и склонился над кубиками.

Морган удивленно поднял брови, а потом покорно оперся подбородком на руку.

— Я думал, вы спите,— с укором сказал он.

Келсон удивленно моргал, еще не вполне проснувшись. Он потянулся было рукой к оставшимся кубикам.

— Не трогайте! — воскликнул Морган, резким движением останавливая руку мальчика.— А теперь смотрите.

С глубоким вздохом он сложил рядом два оставшихся кубика.

— Quartus!

Они слиплись, как и три пары предыдущих, и засветились.

— Ну а сейчас,— сказал он, взглянув на Келсона,— скажите, почему вы проснулись?

Келсон повернулся и сел на кровати.

— Я услышал, как вы бормотали что-то по-латыни у меня над ухом. Но что все это значит? — Он удивленно смотрел на четыре светящихся прямоугольника.

— Это составляющие Великой Опеки,— сказал Морган, поднявшись на ноги.— Я должен ненадолго уйти и не хочу оставлять вас без защиты. Теперь, когда Опека установлена, только я сам могу разрушить ее. Вы будете в полной безопасности.

Он нагнулся, взял слипшиеся пары кубиков и, перенеся над кроватью, положил по одному в каждый из дальних углов и два — в ближние.

— Подождите минуту,— сказал Келсон, беспокойно заерзав на кровати.— Куда вы идете? Я с вами.

— Вы ничем мне не поможете,— сказал Морган, укладывая голову мальчика обратно на подушку.— Вы поспите еще немного, а я спущусь в библиотеку вашего отца — поищу ключ. Поверьте мне, будь все иначе, я бы лучше тоже поспал. Вам необходимо как следует отдохнуть перед этой ночью.

— Но я могу помочь вам,— слабо протестовал Келсон, не без удивления заметив, что снова послушно улегся.— Да и потом, я не смогу уже уснуть.

— О, это, я думаю, поправимо,— улыбнулся Морган, положив руку на лоб мальчика.— Отдыхайте, Келсон. Отдыхайте, спите. Забудьте все страшное, забудьте недоброе. Отдыхайте. Спите. Пусть вам снится лучшее время. Спите крепко, мой принц. Спите спокойно.

Едва он сказал это, веки Келсона затрепетали, потом сомкнулись, и его дыхание исполнилось глубочайшего покоя. Морган улыбнулся и погладил растрепанные черные волосы мальчика, затем выпрямился и перечислил номера Опек:

— Primus, secundus, tertius et quartus, fiat lux!

Опеки внезапно вспыхнули ярче, окружив спящего Келсона таинственно светящимся коконом. Морган удовлетворенно кивнул и вышел из комнаты.

Теперь бы еще повезло в поисках...

За полтора часа в библиотеке Морган так ничего и не нашел.

Он тщательно изучил все книги из личного собрания Бриона и большую часть генеральных каталогов секций, но все безрезультатно.

Если бы только найти ключ — отчеркнутый абзац, вообще какой-нибудь отпечаток того времени, когда Брион писал ритуальные стихи, какой-нибудь намек на то, что могло бы прояснить вопрос. Конечно, этот намек может оказаться бесполезным. Но он не хотел допускать мысли, будто что-то имеющее отношение к их задаче может быть неважно.

Как бы то ни было, ритуальные стихи должны действовать, иначе Келсон обречен, а с ним и Морган и Дункан. Сейчас Морган и Дункан могли вести борьбу за Келсона, оккультными правилами это не возбранялось.

Знай он лучше манеру Бриона читать, это облегчило бы ему поиски. Он чувствовал, что должно быть какое-то звено, Брион должен был что-то оставить, хотя бы как заверение друзьям, которые, он же понимал, будут искать нечто подобное. Может быть, ключ был в самих стихах?

Утомленно сидел он за читальным столом Бриона, опершись на локти. Где-то все-таки есть ключ — Морган был уверен, что тот существует.

Его глаза очередной раз обежали комнату и остановились на печати с изображением грифона на левом указательном пальце. Он как-то читал, что вожди Дерини использовали простой круг как исходную точку для глубокого сосредоточения — Тиринско-

го искусства, названного так в честь Риса Тирина, который первым употребил эту способность Дерини. Морган несколько раз пользовался раньше этим искусством, но никогда — в ситуациях, подобных теперешней. Работало оно хорошо, может быть, пригодится снова.

Сосредоточив все свое внимание на круге, Морган начал концентрироваться, изгоняя из сознания все заботы, отбрасывая внешние впечатления, шумы и видения. Вскоре глаза его закрылись, дыхание замедлилось, стало менее глубоким, напряженные пальцы расслабились.

Когда Морган сосредоточился настолько, что полностью очистил свой ум, он вызвал в воображении лицо Бриона и попытался сам войти в этот образ, дабы понять, что в этой комнате связано с тем, что он ищет.

Внезапно лицо Бриона задрожало и изменило свои черты в головокружительной темноте, сгустившейся вокруг него. Он увидел человеческое лицо, окруженное черным капюшоном,— это было и страшно, и почти привычно, казалось тревожащим и в то же время успокаивающим. А потом все пропало, лишь оглушенный молодой человек сидел, как прежде, за столом в библиотеке, закрыв глаза, с чуть-чуть глуповатым видом.

Внезапно Морган очнулся и осмотрелся, но в комнате никого не было.

Хадасса! Картина, пока она длилась, была необычайно реальной. Он никогда не достигал раньше такого результата с помощью Тиринского искусства. И он не мог с уверенностью сказать, видел ли прежде это странное лицо.

С отсутствующим видом Морган прошел к полке, где стояли личные книги Бриона, и взял наугад одну из них.

— «Сочинение Тальбота. Жития святых»,— прочел он вполголоса.

Приоткрыв том, он быстро начал пропускать под большим пальцем зачитанные страницы, пока книга вдруг не открылась на месте, заложенном пергаментом. На пергаменте были записи, сделанные рукой Бриона, но Моргану было уже не до них. На странице слева он увидел цветной портрет — то самое лицо, которое привиделось ему только что.

Полный непонятных предчувствий, он склонился, чтобы разглядеть имя под портретом, перенес книгу ближе к горящей свече и прочел: «Святой Камбер Кулдский, покровитель магии Дерини».

Морган нервно осмотрелся, опуская книгу. Это казалось невероятным, но на портрете было то самое лицо, которое показало ему Тиринское искусство, никаких сомнений.

Невероятно. Он никогда не верил в святых — или думал, что не верит. И потом, Камбер умер лет двести назад, и его канонизация к тому же отменена.

Но что же тогда заставило его думать о Камбере именно в тот момент? Рассказал ли ему однажды Брион о святом — перебежчике, и его рассказ, пронзив сознание, полузабытый, хранился в нем все эти годы, вплоть до последних событий, вызвавших его из памяти. Что он на самом деле знает о святом Камбере Кулдском? Не очень много, потому что до сих пор это было вовсе не нужно.

Раздраженный тем, что не может вспомнить большего, Морган взял фолиант и пододвинулся к свече, машинально сунув в карман оторвавшийся клочок пергамента. Он прочел:

«Святой Камбер Кулдский, 846–905(?) гг., легендарный граф Кулдский, лорд Дерини по крови, живший во времена междуцарствия Дерини. К концу междуцарствия Камбером разузнано было, что силы Дерини в неких случаях и при особенных личных качествах во всей полноте своей могут усваиваться людьми. И не кто иной, как он, споспешествовал потомкам прежних людских правителей в обретении оных сил и позднее возглавил переворот, коим был положен конец междуцарствию Дерини, блага и добродетели ради».

Морган перевернул страницу. Все это он уже знал — это общеизвестные исторические факты. Сейчас ему было важно другое: он хотел понять, почему несколько минут назад увидел именно это лицо, какая связь между Камбером и происходящими событиями.

Он стал читать дальше:

«В некие дни к тайным искусствам были более терпимы. И в ознаменование благодеяний графа Кулдского роду человеческому Собор епископов причислил его к лику святых. Пятнадцатью же годами позже настали кровавые гонения на дела и особ Дерини. И, говоря кратко, имя Камбера Кулдского было изъято из священных свитков. Рамосским Собором немалое число решений прежних Соборов было пересмотрено. И так Камбер лишен был имени святого.

Камбер именовался покровителем тайных искусств, защитником рода человеческого. Но когда Рамосский Собор отверг его, все тайные искусства и науки преданы были анафеме. Имя же Камбера стало символом воплощенного зла.

Все жестокости рода владык междуцарствия приписаны были бывшему святому Дерини, и имя его не поминалось более народом, кроме как с проклятием.

Великое число противоречий в славе Камбера меркнет с течением лет, ибо непросто распознать ложь спустя два века. Слухи, однако, упорствуют в том, что кончина Камбера в 905 году была лишь видимой и что он отправился странствовать в ожидании часа, когда явится, дабы вновь показать свое могущество.

Правда же об оном его исчезновении неизвестна, и нет признаков тому, что прояснится в ближайшее время. Известно, однако, что малое количество Дерини явилось вновь и что магия, невзирая на запреты, употребляется в их кругу. Но весьма сомнительно, что Камбер еще среди них — ибо даже Дерини не живут более двухсот лет. Слухи, однако, все живы. Малое число нынешних Дерини, кто мог бы знать правду о Камбере Кулдском, безмолвствует».

Когда Морган кончил читать этот пассаж, он перевернул страницу назад и вновь посмотрел на портрет Камбера Кулдского. Удивительно. Теперь он был уверен, что никогда не видел этого портрета раньше. И эту справку о святом Камбере он никогда не читал. Он бы ее запомнил, ведь ни один из читанных им хронистов не входил в такие детали.

Но что он действительно почерпнул из этого отрывка? И как это связано с ныне мучающим его вопросом? И почему лицо на странице кажется таким знакомым, хотя раньше он никогда его не видел?

Закрыв книгу, он услышал за спиной звук осторожно открывающейся двери. Повернувшись, он успел заметить, как кто-то в сером проскользнул в комнату из коридора.

Это была женщина. И когда она повернулась к двери, чтобы незаметно закрыть ее, он узнал Кариссу!

Морган благодушно улыбнулся и сел на свой стул, ожидая, как долго она не распознает его присутствия, наблюдая, как она осматривает комнату и наконец замечает в углу его тускло мерцающую свечу.

— Добрый вечер, Карисса,— мягким голосом, не двигаясь со своего места, сказал он.— Ты ищешь кого-нибудь или что-нибудь?

Карисса удивленно застыла и, осторожно обогнув колонну, подошла к Моргану.

— Что ты здесь делаешь? — низким голосом спросила она в напряженной тишине.

Морган небрежно потянулся и зевнул.

— Я тут, если тебе так интересно, искал что-нибудь почитать. Несмотря на то что я должен был бы немного устать от приключений, которые ты устраивала мне последние несколько дней, мне почему-то не спится. Что тут странного?

— Допустим,— осторожно сказала она. Ее минутная растерянность прошла.— Но почему ты думаешь, что в твоей бессоннице виновата я?

Морган протестующе поднял руку.

— Да не в бессоннице, моя дорогая. В моей усталости. Я, в общем, догадываюсь, что тобою замышлено: ты распустила обо мне гнусные басни, склонила против меня совет лордов, устроила засаду моему эскорту по пути сюда... Я подозреваю, что и смерть Бриона без тебя не обошлась. Разумеется, я пока ничего не могу доказать.— Он сделал пренебрежительный жест.

— Полагаю, тебе непросто будет собрать свидетельства в подтверждение всех этих голословных обвинений, дорогой мой Морган. И я думаю, что, если ты начнешь расспрашивать об этом, все эти вещи, в которых ты обвиняешь меня, тебе же и припишут.

Морган неопределенно пожал плечами.

— А что до того, что я будто бы приложила руку к смерти Бриона,— продолжала Карисса,— то это уж просто ни с чем не сообразно. Все знают, что он умер от сердечного приступа.

— Я этого не знаю,— многозначительно сказал Морган.— Я не знаю ничего определенного. Знаю только, что одному из его спутников дали утром на охоте фляжку вина. Очень странно, но он описал дарительницу как очаровательную даму со светлыми волосами. И только Колин и Брион пили это вино.

— Да? — усмехнулась Карисса.— Ты собираешься обвинить меня в отравлении Бриона? Ну что ж, давай. Хотя ты мог бы придумать что-нибудь получше.

— Попытаюсь,— парировал Морган.— Я также случайно знаю, что ты раздобыла мутящее разум зелье, называемое «мераша», не-

сколько лет назад и что действует это зелье только на тех, в чьих жилах — кровь Дерини, или на владеющих силами Дерини, как Брион.

— Морган, да ты действительно шпионишь.

— Я? Ты знала, что Брион уязвим именно здесь, что, будучи смертным, он не мог распознать эту отраву, пока не стало слишком поздно.— Генерал поднялся, его высокая и угрожающая фигура нависла над ней.— Почему ты не вызвала его на честный бой, Карисса? Ты могла бы победить, в конце концов, он был простым смертным.

— Рисковать моей репутацией, моей властью — ради простого смертного, ради ненужного поединка с человеком?

— Ты ведь планируешь поединок с «просто человеком» завтра, не так ли?

Она медленно, лениво улыбнулась.

— Да, но здесь есть разница. Я ничего не могу потерять от боя с Келсоном. Он всего лишь мальчик, неискушенный в том, что умел его отец. А ты не сможешь помочь ему, как помог его отцу пятнадцать лет назад.

— Ты слишком самоуверенна,— возразил Морган.— В нем много от отца. И, в отличие от его отца, я все время на страже и слежу за тем, чтобы ты не прибегла к коварству.

— Да что ты говоришь? Или ты действительно думаешь, будто меня это волнует? Уж конечно, я заглянула в душу твоему милому принцу несколько раньше сегодняшнего вечера.

Морган насторожился.

— Сейчас он в безопасности. Этой ночью все силы вселенной не могут разрушить моей защиты.

— Возможно,— признала она.— Ты хорошо поставил свою Опеку. Даже на меня это произвело впечатление. Я не думала, что полукровки Дерини способны на такое.

Морган заставил себя сдержать раздражение.

— Наличие цели очень помогает, Карисса. Я решил, что ты не добьешься успеха с этим Халдейном.

— Ну, это звучит почти как вызов, мой малыш Морган,— лукаво сказала Карисса.— И по крайней мере, придает бодрости.— Она посмотрела на свои ногти.— Хорошо, ты можешь повлиять на завтрашнюю незримую битву — или даже сегодняшнюю. Но я предупреждаю: не будет ни уступок, ни прощения.— Ее глаза сузились.— Я заставлю тебя заплатить за смерть моего отца.

И я сделаю это, убивая всех, кого ты любишь, каждого в свое время, медленно. И ты ничего, дорогой Морган, ничего не сможешь изменить.

Морган долго молча смотрел на неправдоподобно прекрасную и страшную женщину.

— Посмотрим,— в конце концов прошептал он.— Посмотрим.

Пока Морган отступал к двери, по-прежнему не сводя с нее глаз, наблюдая за каждым ее движением, она надменно улыбалась.

— Помни мои слова, Морган. Никаких уступок. А когда все начнется, смотри получше за своим принцем. Ты можешь понадобиться ему очень скоро.

Морган медленно открыл дверь и вышел, все еще не спуская глаз с ужасной женщины в сером. Когда дверь за ним закрылась, Карисса прошла туда, где он только что сидел, и взяла оставленную им книгу. Она быстро пролистала ее.

«Жития святых».

Что может быть интересно Моргану в такой книге?

Ничего не пришло ей в голову, и она нахмурилась. У Моргана была причина смотреть эту книгу. Но какая?

В книге нет никаких образцов, ничего, что могло бы быть практически пригодно Моргану сейчас, и это обеспокоило ее.

Карисса не любила, когда что-либо спутывало ее карты.

Глава VII

«ГЛАШАТАЙ ВЕЧНОСТИ УКАЖЕТ ХОД...»

Приближаясь к покоям Келсона, Морган испытывал приступ страха. Что там такое болтала Карисса о том, что доберется до Келсона, несмотря на стражу? Может быть, она уже убила его?

Этой ночью стражей командовал Дерри. Он внезапно возник перед Морганом, когда тот приблизился к двери покоев Келсона.

— Что-то не так, милорд?

— Еще не знаю,— тихо сказал Морган, знаком приказав двум стражникам оставаться на своих местах,— пока меня не было, ты никого не видел?

— Нет, сэр. Я опечатал весь флигель.— Он посмотрел на Моргана, взявшегося за дверную ручку.— Мне войти с вами, милорд?

— Нет, не обязательно,— покачал головой Морган.

Он незаметно проскользнул в дверь и аккуратно закрыл ее за собой. Стоя спиной к двери, он задвинул засов, вглядываясь в темную комнату, тревожась за Келсона.

Он мог бы так не волноваться, ведь Опеку, предмет его гордости, этой ночью не могла преодолеть никакая сила во вселенной. Приблизившись к королевской постели, он увидел легкое защитное сияние, окружающее его молодого господина, а сосредоточившись, мог бы увидеть обрывки его безмятежных снов.

Но он не стал этого делать. Достаточно того, что мальчик невредим. Он устало опустился в глубокое кресло перед камином и пошевелил поленья кочергой, украшенной чеканкой. Когда пламя снова стало ровным, он поднялся и по-кошачьи потянулся.

Колокола скоро зазвонят к вечерне, а им с Келсоном предстоит еще небольшая прогулка. Плохо, если придется спешить. Спешка всегда оборачивается неосторожностью, а сию роскошь они не могут позволить себе этой ночью.

Морган выбрался из шерстяного плаща и повесил его на стул. Накинул на плечи собственный тяжелый плащ и защелкнул пряжку, лязгнув металлом о металл. Затем он преклонил колени перед постелью Келсона, поставив желтую сальную свечу на пол так, что ее слабый дрожащий свет падал на спящего.

Морган не без удовольствия окинул взглядом свою Опеку. Она хорошо послужила сегодня. И пусть он не сможет пользоваться ею в течение нескольких недель — кубики надо перезарядить,— но это не важно, хорошо уже то, что он воспользовался защитой вовремя. До завтрашней коронации он больше не собирался оставлять Келсона одного ни на минуту. Встав, он простер руки ладонями вверх над спящим принцем и, медленно поворачивая их, стал бормотать заклинание. Когда он закончил, свет, исходящий от Опеки, начал постепенно угасать, пока кубики не померкли окончательно. Теперь это были восемь маленьких кубиков, четыре белых и четыре черных, разложенных попарно в каждом углу кровати. В то время как Морган наклонился, чтобы собрать их, Келсон открыл глаза и огляделся.

— Я, должно быть, уснул,— сказал он, приподнимаясь на локте,— уже пора?

Морган улыбнулся и сложил оставшиеся кубики в ящичек, обтянутый красной кожей.

— Почти,— ответил он, поднимая свечу и возвращаясь к камину.— Вы хорошо спали?

Келсон сел на кровати и протер глаза, потом вскочил и направился к сидящему у камина Моргану.

— Кажется, да. Но мне, конечно, хотелось бы знать, как вам это удалось?

— Что, мой принц? — рассеянно переспросил Морган.

— Сделать так, чтобы я спал, разумеется,— ответил мальчик. Он сел на шкуру, лежащую перед камином, и стал натягивать сапоги.— Я, правда, хотел пойти с вами, но как только вы коснулись моего лба, я больше не смог открыть глаз.

Морган улыбнулся, свободной рукой пригладив блестящие волосы.

— Просто вы очень устали, мой принц,— загадочно произнес он.

Келсон, покончив с сапогами, уже искал в своем гардеробе что-нибудь потеплее из одежды. Сейчас на улице было значительно холоднее, чем днем,— Морган слышал завывание ледяного ветра за балконной дверью.

Наконец принц выбрал подбитый мехом малиновый плащ с капюшоном, который сразу и натянул. Затем он взял предложенный Морганом меч и опоясал им тонкий стан. Генерал поднялся, оглядел свой клинок и снова задвинул его.

— Вы готовы, мой принц?

Келсон кивнул и повернулся к двери.

— Не сюда,— сказал Морган, направляя мальчика обратно к камину.

В замешательстве Келсон двинулся туда, куда ему сказали, наблюдая, как Морган, отмерив какое-то расстояние между стеной и левой стороной камина, чертит в воздухе указательным пальцем замысловатый узор.

Участок стены со скрипом отодвинулся назад, обнаруживая темный лестничный пролет, ведущий в холодную ночь. Келсон недоверчиво взирал на происходящее.

— Как вы это сделали?

— Да я просто догадался, как это устроено, мой принц,— сказал Морган, доставая из канделябра свечу и указывая Келсону путь.— Вы что, и впрямь не знали про этот выход?

Мальчик кивнул, Морган протянул ему руку и шагнул в темный проем. Стена позади них неслышно сомкнулась, и только их осторожные шаги глухо отдавались от сырых каменных стен.

Пока они спускались, Келсон держался поближе к Моргану, тревожно всматриваясь в темноту впереди. Эту холодную, сырую неизвестность освещал лишь крошечный огонек их единственной свечи. Келсон не решался заговорить, пока они не достигли ровной площадки, и даже тогда его голос прозвучал чуть слышно.

— Морган, а таких потайных ходов еще много? — спросил он, едва они обогнули поворот и встали перед глухой стеной.

Морган протянул свечу Келсону.

— Хватит, чтобы дойти незамеченным до любого места во дворце,— ответил он,— если, конечно, знаешь, куда идешь. Погасите свечу, как только я дам знать. Мы уже пришли и находимся на площади напротив базилики.

Морган нажал рычажок, спрятанный в нише, и сразу на уровне глаз открылось небольшое отверстие. Посмотрев туда одним глазом, он отпустил рычаг.

— Все хорошо, гасите свечу.

Келсон подчинился, и площадка, где они стояли, погрузилась во тьму. Раздался легкий скрип, и Келсону в лицо ударил холодный, сырой, пронизывающий ветер. Потом он разглядел во тьме прямо перед собой прямоугольник света. Морган взял принца за руку и повел вперед, стена же бесшумно сомкнулась за ними. Густой туман плавал в ночном воздухе, он сразу пронизал леденящим холодом надетые на них теплые плащи.

Келсон натянул капюшон на самые глаза и поспешно отступил подальше в тень. Они с Морганом ждали.

Площадь сейчас была почти пуста, и огромный силуэт базилики пробивался сквозь мрак в ночном небе. Слышался бой колоколов, отзванивавших конец поздней вечерни. Последние прихожане выходили на дорогу с освещенной площадки возле дверей базилики. Тут и там солдаты по двое, по трое переходили площадь, иногда с поднятыми вверх в густом тумане шипящими факелами, но чаще всего они просто пробирались вдоль площади, торопясь скорее попасть туда, где не так сыро и холодно.

Келсон и Морган подождали в тени минут пять, пока не прошли все, затем генерал взял принца за руку и повел его краем площади к портику. Там они снова выжидали некоторое время, показавшееся Келсону вечностью, и наконец незаметно, через боковую дверь проскользнули внутрь притвора. Затихшая церковь, как они и надеялись, была пуста. Слабый бледный свет, лившийся от поставленных прихожанами свечей, расцвечивал каменные

полы и темные витражи рубиновыми и сапфировыми огоньками, не давая тьме полностью поглотить помещение.

В самой ризнице только одна лампада горела ровным ярким пламенем на своем месте, в углу, отбрасывая розовые отблески по всему алтарю. Пока двое осторожно продвигались вдоль бокового прохода, одинокая фигура в черном, склонившаяся перед алтарем за мгновение до этого, вышла из тени и направилась навстречу вошедшим в поперечный неф.

— Что-то не так? — прошептал Дункан, проводя их в кабинет и затворив дверь.

— Да нет, ничего особенного,— ответил Морган.

Он прошел к занавешенному окну, отодвинул штору и некоторое время упорно вглядывался в темноту, потом вернулся и сел за стол в центре комнаты. Келсон тоже присел на край стула, не спуская глаз со старших и внимательно прислушиваясь. Дункан остался на ногах, только накинул на плечи тяжелый шерстяной плащ, взяв его со стула, стоящего перед письменным столом.

— Устраивайтесь пока поудобнее. Мы воспользуемся старым Переносящим Ходом Дерини, чтобы попасть в собор прямо отсюда. Он остался с тех времен, когда Дерини еще почитались за приличное общество.— Дункан некоторое время молча возился с застежкой часов.— Я хотел бы проверить другой конец хода, прежде чем мы спустимся туда втроем. С нашей-то везучестью кто-нибудь наверняка окажется в ризнице, когда мы появимся там, и тогда, сами понимаете, результат будет весьма печальный.

Он подошел к молитвенному столику в углу и нажал несколько кнопок, спрятанных на его крышке. Снова участок стены, казавшейся цельной, отодвинулся, открыв отверстие в человеческий рост, шириной в четыре и глубиной в два фута.

Ободряюще махнув рукой, Дункан шагнул в эту камеру и тотчас пропал.

Келсон был поражен.

— Морган, как он это сделал?! Я же не спускал с него глаз. И что такое Переносящий Ход?!

Морган улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Мой принц, вам только что продемонстрировали на практике почти забытое искусство — искусство Переносящего Хода. Вы еще убедитесь, когда познакомитесь с ним поближе, что наш Дункан — человек чрезвычайно способный. Он нашел удивительный способ разрешения той основной проблемы, о которой мы

говорили утром. Могу добавить, он считает свое могущество даром Божьим, который нужно употреблять во благо людям.

— Поэтому он и стал священником?

Морган пожал плечами.

— Видите ли, Дункан по-своему очень религиозный человек. Во всяком случае, он поступил именно так, а что может быть лучше для Дерини-полукровки?

Очутившись в ризнице собора Святого Георга, Дункан огляделся. Она ничем не освещалась, кроме маленькой лампады в дальнем углу, но, как ему показалось, в ризнице никого не было.

Он уже совсем собрался, облегченно вздохнув, перенестись обратно за Морганом и Келсоном, как вдруг услышал какое-то шевеление во мраке у дверей, и чей-то голос произнес:

— Кто там?

Дункан медленно обернулся на звук и ощупью, неуверенно двинулся на голос, думая, не ослышался ли он. Вскоре его глаза привыкли к тусклому свету, и он различил согбенную фигуру в темных одеждах, стоящую в двери.

— Я-то думал, все уже ушли,— продолжал тот же голос. Незнакомец высек огонь, зажег тонкую белую свечку и поднял ее вверх.— О, монсеньор Маклайн, это вы? Я — брат Джером, ризничий. Вы меня помните?

Дункан вздохнул всей грудью — слава богу, что перед ним брат Джером. Старенький монах был почти слеп, вдобавок он давно уже слегка повредился в уме. Если старец и разглядел что-то в тусклом свете, то ему все равно никто не поверит. Дункан подошел к брату Джерому с искренней улыбкой на лице.

— Вы напугали меня, брат Джером,— мягко пожурил он его,— что это вы здесь делаете, почему расхаживаете среди ночи?

Старик захихикал.

— Ох, и представляю, как я вас напугал, молодой человек. Да, когда я вас окликнул в первый раз, у вас-то чуть душа не ушла в пятки.— Он снова хихикнул себе под нос, и удивленный Дункан не понял, то ли старик увидел больше, чем сказал, то ли это просто ночной приступ старческого бреда.

— Вы удивляете меня, брат,— сказал Дункан,— я думал, что я здесь один. Я вернулся, чтобы еще раз проверить, все ли королевские регалии для завтрашней коронации на месте. Вы же знаете, как я сегодня был занят. Его высочество весь день беседовал со мной.

Брат Джером проковылял по комнате туда, где были сложены облачения, и уверенно похлопал по крышке ларца.

— Ах, не извольте беспокоиться, мальчик мой, я же сорок пять лет поддерживал здесь порядок. Король, которого вы завтра венчаете, уже не первый на моей памяти. Не первый и не второй. Наш молодой господин будет прехорошеньким королем, если переживет эту ночь.

Дункан оцепенел, ужас подступил комом к горлу.

— Что вы имеете в виду, почему «если переживет эту ночь»?

— Ну, мальчик мой, вы разве не знаете, какие слухи ходят? Говорят, чудовищные силы зла притаились на улицах Ремута. Они пришли за молодым принцем Келсоном, да благословит его Господь! — Джером истово перекрестился.— Говорят, магия Дерини ведет их в покои принца.

— Магия Дерини? — повторил Дункан.— Кто это вам сказал, брат Джером? Нынешние лорды Дерини всегда были друзьями королей Халдейнов.

— Не все Дерини, милорд,— возразил старый монах.— Одни говорят, что возвратился дух мертвого чародея Дерини, убитого много лет назад отцом нашего мальчика, да упокоит Господь его душу, вернулся, чтобы отомстить. А другие говорят: «Это дочка того чародея, Карисса, Сумеречная леди Севера, она задумала убить нашего принца и сама занять престол Гвиннеда». А третьи говорят, что это заговор всех злых сил в мире, что они пришли погубить нашего принца и обобрать его королевство, ибо, если одолеют они, мы будем вечно платить дань этим темным силам. Но сам-то я считаю, и еще найдутся такие, кто согласится со мной, что все это козни этого типа, Моргана, в нем, видать, взыграла кровь Дерини. Помните, за ним нужен глаз да глаз!

Дункан еле сдержал усмешку, хотя его и обеспокоило услышанное. Пусть даже в старческой болтовне причудливо переплелись суеверные выдумки и легенды, доля горькой правды была в словах старика. Работа Кариссы здесь налицо, и дух ее отца, можно сказать,— тоже, если верить, что родители продолжают жизнь в своих детях. И не было никаких сомнений, что силы тьмы сгустились именно сейчас, готовые овладеть целым миром после падения Гвиннеда.

Что касается россказней об Аларике, то он их уже слышал. Эта часть рассказа — полная ерунда. Не мешало бы попробовать вразумить брата Джерома в этом вопросе.

Дункан подвинулся ближе к монаху и прислонился к шкафу.

— Брат Джером, но на самом-то деле вы же не верите всему, что болтают о Моргане, да?

— Ах нет, мой мальчик, это истинная правда.

Дункан разочарованно покачал головой.

— Да нет же, вас, по всей вероятности, ввели в заблуждение. А я, например, уверяю вас, что лорд Аларик совсем не такой, как вам наговорили о нем. Я видел его сегодня днем, и, поверьте мне, сердце генерала отдано только интересам принца Келсона.

Джером прищурился.

— Вы можете доказать это, мой мальчик?

— Только нарушив обет священника,— спокойно ответил Дункан.

Лицо Джерома внезапно просветлело.

— Да, я понимаю. Вы ж его духовник.— Он помолчал, очевидно глубоко задумавшись.— Но вы уверены, что он говорит вам всю правду?

— Думаю, что да,— улыбнулся Дункан,— я знаю его очень давно, брат мой.

Джером пожал плечами и заковылял к двери.

— Ладно, мой мальчик, вы, похоже, знаете побольше, чем некоторые. Однако откуда-то взялись эти слухи, не на пустом же месте... Да, ладно, что ж среди ночи спор-то затевать? Я пойду, если вы не возражаете. Когда вы все закончите, стражники вас выпустят.

Дункан поднял свечу, зажженную монахом, и проводил его до двери.

— Хорошо, брат Джером. Только вот еще что...

— Да? — Старый монах остановился в дверях, взявшись рукой за щеколду.

Дункан вложил зажженную свечку в свободную руку старика и дотронулся до его плеча.

— Видите эту свечку, брат Джером?

Взгляд Джерома устремился к свече и остановился на ней.

— Да,— прошептал он.

Голос Дункана стал тише, мягче, но глаза его при этом сверкали.

— Возьмите-ка лучше эту свечку с собой, Джером. На улице темно. Здесь нет никого, кроме вас, вы же не хотите оставить здесь горящую свечу, правда? Она же может спалить целый собор. Это было бы ужасно, да?

— Да,— прошептал Джером.

— И вы здесь никого не видели, да, Джером? Кроме вас, ночью в ризнице никого не было. Вы ни с кем не разговаривали. Понимаете?

Старый монах кивнул, и Дункан опустил руку.

— А теперь вам лучше уйти. Все идет как надо. Вы исполнили ваш долг. Вы меня не видели. Теперь ступайте.

Не произнося ни слова, Джером повернулся и, отворив дверь, выскользнул, закрыв ее за собой. Уж конечно, он и не заикнется о том, что с ним случилось сегодня ночью.

Дункан кивнул самому себе и вернулся на то место, куда он попал, перенесясь в ризницу. Постояв немного и собравшись с мыслями, он снова вернулся в свой кабинет.

Когда Дункан появился в нише своего кабинета, Келсон, резко тряхнув головой, в изумлении вскочил со стула, встречая молодого священника.

— Отец Дункан, что-нибудь случилось? Вас не было так долго, что мы уж решили, будто произошло что-то ужасное.

Морган тоже подошел к Переносящему Ходу.

— Келсон немного преувеличивает, Дункан, но ты действительно отсутствовал чересчур долго. Что-то не так?

— Не сейчас,— произнес Дункан, качая головой и улыбаясь,— я просто встретил старого знакомого. В ризнице был брат Джером, он что-то проверял, хотя не думаю, что он видел, как именно я там появился. Он слишком стар и дряхл, чтобы понять, что я вошел не совсем обычным путем. Кстати, у него весьма своеобразный взгляд на текущие события. Напомните мне, я как-нибудь расскажу вам об этом.

Дункан снова шагнул в Переносящий Ход, пригласив Моргана и Келсона следовать за собой. Места было мало, но они потеснились. Морган и Дункан с обеих сторон обхватили Келсона за плечи.

— Готовы? — спросил Дункан.

Морган кивнул.

— Келсон, расслабьтесь и ни о чем не думайте. Вы не можете сами управлять Переносящим Ходом, и мы с Дунканом просто

встанем по сторонам от вас и перенесем вас, ну... примерно как мешок с картошкой.

— Хорошо,— кивнул Келсон.

Священник проницательно взглянул на мальчика, внезапно осознавая, что этот юнец разговаривает как король, дающий согласие, в то время как согласия его и не спрашивали. Интересно, заметил ли это Аларик?

Келсон тем временем, закрыв глаза, старался ни о чем не думать, он заставлял себя раствориться в темноте, приказывая рассудку уснуть. Мальчик уже плохо соображал, когда рука Моргана сжала его плечо, потом он почувствовал слабую боль в глубине желудка, мгновенное ощущение полета и легкое головокружение.

Келсон открыл глаза и уставился во тьму — они находились уже не в кабинете.

Дункан осторожно огляделся. Ризница была такой, какой он ее оставил,— пустой и темной. Жестом позвав за собой Моргана и Келсона, он бесшумно прошел через нее и, легко отворив дверь, выглянул наружу. В нефе собора, за дверью, было так же безлюдно. Морган, заглянув через его плечо, взмахом руки показал, как лучше пройти неф.

— Обойдем? — почти неслышно прошептал он.

Дункан кивнул и указал рукой на другой конец нефа, туда, где из темноты пустого собора выступала дверь, ведущая в королевскую усыпальницу.

— Я пойду по правой стороне, ты — по левой.

Морган кивнул в знак согласия, и все трое двинулись к двери. Когда они почти что достигли цели, Дункан скользнул вправо и растворился в темноте. Келсон остановился у самого входа в усыпальницу и встал так, чтобы видеть Моргана, приближающегося к еле видимым стражникам.

Морган, как призрак, тихо продвигался вперед, мгновенно перебегая из тени в тень, с каждым шагом приближаясь к цели. Расстояние между ним и ничего не подозревающим солдатом уже не превышало нескольких ярдов.

Осторожно, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть ничего не подозревавшего стражника, он подступил к нему вплотную и, подняв руки, коснулся мягко и легко шеи воина.

От прикосновения Моргана тот мгновенно оцепенел, затем обмяк; остановившиеся глаза стражника беспомощно глядели вперед, но с этой минуты он уже ничего не понимал, ни о чем не

помнил. Морган несколько секунд разглядывал его, опутанного чарами, затем, убедившись, что все получилось хорошо, жестом подозвал Келсона. Когда к ним присоединился Дункан, мальчик восхищенно посмотрел на них обоих.

— Ну что, все в порядке? — тихо спросил Дункан.

— Он ничего не будет помнить,— кивнул Морган.

— Пойдем,— обронил Дункан и двинулся к входу в усыпальницу.

Массивные ворота не только защищали усыпальницу от незваных гостей, но и украшали собой рубеж между миром живых и миром мертвых. Полных восьми футов в высоту, они были сделаны из сотен крепких, но изящных медных прутьев, позолоченных, так как они охраняли королевскую гробницу.

Морган, просунув руку сквозь решетку, потянулся к замку, рассматривая при этом усыпальницу за воротами. В конце короткого прохода находился простой алтарь, предназначенный, вероятно, для удобства царственных особ, приходящих сюда помолиться о вечном покое мертвых. Проход резко поворачивал влево к самой гробнице и, изогнувшись еще раз, вел к скамье, на которой стояли горящие свечи, отбрасывая отблески на полированный мраморный пол и на алтарь. За этим последним поворотом находились и захоронения королей — цель их ночного путешествия.

Морган быстро ощупал замок и встал на колени, чтобы получше ознакомиться с его механизмом. Дункан отправился проверить околдованного стражника, а Келсон подошел поближе к Моргану, зачарованно заглядывая через его плечо.

— Вы можете открыть замок? — прошептал мальчик, беспокойно оглядываясь.

Морган прижал палец к губам, требуя тишины, затем приблизил чувствительные кончики пальцев к сложному замку, и на его напряженном лице застыло сосредоточенное выражение — теперь он представлял каждую деталь замкового механизма. Келсон затаил дыхание. Послышался глухой металлический щелчок, потом еще один. Морган открыл глаза.

Генерал поднялся с колен и одним широким движением распахнул ворота. Обернувшись, как он думал, к Дункану, Морган похолодел и, предостерегая ничего не подозревавшего Келсона, положил ему на плечо руку.

— Добрый вечер, Роджер,— тихо сказал он, сжав плечо мальчика, когда тот встревоженно пошевелился.

Роджер в угрожающей позе стоял у самого входа в склеп, с видом оскорбленным и недоверчивым. Темно-зеленый бархат, казалось, нагнетал ощущение угрюмой враждебности, отбрасывая жутковатые отблески на его лицо и волосы. Свет, исходящий от закрепленных в стене факелов, только усиливал это загробное впечатление. Однако негодование и отвращение Роджера были подлинными.

— Ты! — Низкий голос Роджера показался мертвенным в стылой тишине.— Какого черта ты здесь делаешь?

Морган небрежно пожал плечами.

— Я не мог уснуть, Келсон — тоже, вот мы и решили прийти сюда, навестить Бриона. Вы же знаете, что я не видел его после смерти. Я хотел прочесть над ним молитву. Может быть, присоединитесь к нам?

Роджер зло прищурился, рука его потянулась к мечу.

— Как ты смеешь? — пробормотал он, с силой выталкивая каждое слово сквозь сжатые тонкие губы.— Как ты смеешь? После нынешнего глумления в совете, после того, как ты, Дерини, наводнил все королевство своей ложью, ты еще имеешь наглость привести сюда его высочество, именно сюда, черт знает зачем,— ну, я бы...

Пока он доставал свой меч из ножен, Морган краем глаза заметил молниеносное движение позади Роджера и сделал шаг назад, чтобы выиграть время. И в тот момент, когда Роджер извлек меч, Дункан, подошедший сзади, легко коснулся его шеи кончиками пальцев. От этого прикосновения Роджер тотчас словно окаменел, затем обмяк и повалился на пол. К счастью, Морган успел перехватить его меч, чтобы он не загрохотал о каменные плиты. Затем Дункан усадил потерявшего сознание Роджера, прислонив его спиной к стене.

Выпрямившись, Дункан нарочито отряхнул руки.

— Что он тут делал? — выдохнул Келсон, пожирая глазами бесчувственного Роджера с подозрением и растущим отвращением.— Вы думаете, его подослала она?

Морган шагнул к входу в королевскую усыпальницу и жестом пригласил обоих спутников следовать за собой.

— Кого вы имеете в виду, Кариссу или вашу матушку? — спросил он, закрывая за собой ворота.— Думаю, так совпало, что Роджер сегодня ночью отвечал за охрану. Не беспокойтесь. Ни он, ни стражник ничего не запомнят. Пойдемте.

Сделав несколько шагов и миновав фамильный алтарь, они вскоре достигли усыпальницы. Теперь их окружали могилы Халдейнов.

Склеп был огромный, в два человеческих роста, вырубленный строителями собора из цельной скалы. Вдоль стен были высечены ниши, в каждой из которых покоились останки предков Келсона, убранные ветхими одеяниями из дорогих тканей, с пустыми глазницами, слепо глядящими в противоположную стену. Оставшееся место занимали расположенные ровными рядами гробницы королей и королев, правивших Гвиннедом последние четыреста лет. Каждая была украшена великолепнее, чем предыдущая, на каждой было вырезано имя и годы царствования покоящейся под ней царственной особы.

Чуть левее множество свечей, в несколько рядов поставленных на скамьях, с обеих сторон озаряли красными и синими отсветами свежую могилу. Келсон остановился и долго смотрел в ту сторону, затем молча направился к могиле отца.

Когда они уже подходили к гробнице, Морган придержал Дункана рукой и продолжил путь один, а Дункан и Келсон безмолвно наблюдали за ним.

Несколько минут Морган неподвижно постоял над могилой, потом он склонился и ласково коснулся рукой саркофага. Невозможно было привыкнуть к мысли, что милый, добрый Брион закончил земной путь. Он прожил так мало, сделал столько добра, но многое не успел — на все не хватило времени. Почему? Почему его ждал именно такой конец?

«Ты был мне отцом и братом,— безрадостно думал Морган.— Если бы я только мог быть с тобой в тот день, я бы, наверное, уберег тебя от унижения, твое дыхание не прервалось бы так жестоко.

Теперь, когда тебя нет...»

Морган взял себя в руки, отнял ладони от саркофага, жестом подозвал Дункана и Келсона. Да, в его жизни были и радость, и дружба, была и любовь. Возможно, все это еще будет. Но сейчас перед ним только сложнейшая задача, которую он должен разрешить.

Осторожно сняв с саркофага покров, они с Дунканом подвинули крышку, чтобы сломать печать, а потом сдвинули ее еще немного так, что можно было заглянуть внутрь. Там, призрачное, завернутое в саван, лежало хладное и неподвижное тело.

Морган дождался, пока Келсон поднес канделябр ближе, и твердой рукой сдернул шелковый саван, прикрывающий лицо покойного.

В следующее мгновение мир покачнулся у него в глазах, леденящий холод сковал тело, и он схватился за сердце омертвелой рукой. Ошеломленный, он глядел в гроб, не веря своим глазам.

Келсон протиснулся ближе к саркофагу, тревожно заглянул внутрь и, с трудом сглотнув, прошептал:

— О боже!

Дункан же, просто одеревеневший от увиденного, с трудом поднял дрожащую руку и перекрестился.

В саркофаге покоился не Брион!

Глава VIII

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ

Потрясенный, Морган нагнулся и внимательно осмотрел лицо мертвеца, хотя и без того было ясно — это не Брион. Он видел перед собой седого бородатого старца.

Возможно, это был какой-то давно умерший король или королевский родич, но никак не Брион.

Пораженный донельзя, Морган выпрямился, вновь набросил шелковое покрывало на лицо и, опершись руками на край саркофага, в недоумении покачал головой — он так и не мог поверить тому, что увидел.

— Ну что ж,— сказал он в конце концов ничего не выражающим голосом.— Этого быть не может, но тем не менее... Келсон, вы уверены, что ваш отец похоронен именно здесь?

Принц кивнул.

— Я видел, как тело клали в этот саркофаг, я уверен.

Дункан в раздумье оперся локтями на колени и устало потер рукою лоб.

— Ладно, допустим, что это тело — подложное. Кто-нибудь из вас может его опознать?

Оба его товарища покачали головами.

— Хорошо,— продолжал он, размышляя вслух.— Попробуем рассуждать немного иначе. Келсон видел, как Бриона положили в этот саркофаг, но сейчас здесь какое-то другое тело. Известно также, что охрана была поставлена у склепа еще до погребения

и так с тех пор и стояла, а что это значит? Это значит, что очень трудно было бы вынести тело из склепа так, чтобы никто не заметил. Вам ничего не приходит в голову?

Дункан кивнул.

— Я понял, к чему ты клонишь,— тело Бриона где-то здесь, в усыпальнице, но, по всей видимости, спрятано либо в другом саркофаге, либо в какой-то нише. В общем, мы должны найти его.

Морган, задумавшись, сжал губы, потом покачал головой.

— Нет, похоже, Карисса здесь ни при чем, откуда бы ей знать, что мы будем искать тело Бриона? Мы и сами не думали, не гадали до сегодняшнего утра, что так получится. Вот Джеанна — другое дело. Она так дико боится моей пресловутой власти над Брионом, что могла припрятать тело — а вдруг я буду влиять на него и после смерти. Если так, то, надо сказать, она сильно преувеличивает мои возможности.

— Ты полагаешь, тело все-таки здесь, в склепе? — спросил Дункан.

— Думаю, что мы должны исходить из этого,— ответил Морган.— Да и выбора у нас нет. Поэтому, пожалуй, пора приступать.

Дункан кивнул в знак согласия, вынул из канделябра тонкую свечу и подал ее мальчику; взяв себе другую свечу, он двинулся вдоль захоронений, обследуя саркофаги, а Келсон шел вдоль стенных ниш, рассматривая их обитателей. Морган еще раз взглянул на шелковый покров, прикрывавший саркофаг Бриона, затем тоже взял свечу и начал исследовать захоронения на другой стороне усыпальницы.

Это было не самое приятное занятие — сдвигать крышки, одну за другой, с гробов и находить там только истлевшие кости и полусгнившую одежду. Судя по всему, у Дункана дело обстояло не лучше. Морган прошел уже почти весь ряд, свеча догорала, а результат был все тот же. Поиски Келсона, кажется, были также безуспешны.

Взгляд, брошенный им на мальчика, подтвердил его предположение. Келсон, добросовестно осматривая каждую открытую нишу, двигался рывками, нервно вцепившись влажной рукой в свечу, озираясь при каждом колебании теней на стене.

Морган набросил покров на очередное захоронение. Ему было стыдно, что Келсону выпало самое неприятное — заглядывать

в открытые ниши, однако ничего другого не оставалось. Вряд ли мальчику было бы по силам поднимать тяжелые крышки саркофагов.

Заглянув в последний гроб, он убедился, что и здесь лежит не Брион, и тяжело вздохнул. Они вскрыли почти треть захоронений, и все зря. Скорее всего, оставшиеся две трети тоже ничего не принесут.

Нужно ли было кому-нибудь похищать тело Бриона на прошлой неделе? И где еще в этой усыпальнице может находиться оно, если не на обычных местах? Допустим, Карисса побывала здесь. Но откуда она узнала, что им будет так важно найти тело? Простая предосторожность? Тогда, быть может, все обстоит проще простого, и тело Бриона вообще никуда не двигалось с места?

Чувствуя, что его догадка верна, Морган кинулся к первому саркофагу, вокруг которого горели свечи, и опять поднял шелковое покрывало.

— Дункан! Келсон! — воскликнул он, пристально вглядываясь в лицо лежащего в гробу.— Идите сюда. Кажется, я знаю, где Брион.

Дункан и мальчик не заставили себя ждать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дункан.

— Что он все время был у нас под носом,— сказал Морган, не сводя глаз с мертвого лица.— Никто его не трогал, тут он и лежит.

— Но это не...— воспротивился мальчик.

— Погодите, Келсон,— возразил Дункан; его скептицизм мало-помалу исчез.— Ты думаешь, что это изменение образа, иллюзия, да, Аларик?

Морган кивнул.

— Смотри сам. Я думаю, это Брион.

Дункан вставил свечу в канделябр, вытер вспотевшие руки и, протянув их ладонями вниз и прикрыв глаза, стал водить ими над телом, изучая его таким способом. Через мгновение он поднял руки и, открыв глаза, глубоко вздохнул.

— Ну? — спросил Морган.— Как ты думаешь?

Дункан кивнул.

— Ты прав, иллюзия. Это — Брион. Изменение облика проделано мастерски. Здесь явно поработало зло.— Он покачал головой.— Но я уверен, что это поправимо. Ты снимешь заклятие или мне попробовать?

Морган посмотрел на тело вновь, затем отрицательно качнул головой.

— Сними ты. Кажется, здесь лучше справится рука священника.

Дункан глубоко вдохнул, медленно выдохнул, затем быстро положил руки на лоб мертвеца. Через несколько секунд его дыхание участилось, стало необыкновенно резким и громким в окружавшей их тишине.

Келсон с робостью следил за происходящим, лишь отчасти понимая его смысл; он бросил долгий взгляд на Моргана и, содрогнувшись, вновь посмотрел на священника. Мальчику совсем не нравилось все это, и он бы предпочел, чтобы кошмар поскорее закончился.

Дыхание Дункана стало еще резче, на его лбу и тыльной стороне ладоней выступили капельки пота, несмотря на царивший в склепе ледяной холод. Тем временем Морган и Келсон видели, как под руками Дункана черты мертвого лица на глазах дрогнули, начали туманиться и колебаться. Дункан последний раз выдохнул и напрягся, и в то же мгновение черты застыли, сложившись в знакомый образ Бриона. Дункан резко отдернул руки и, шатаясь, отступил от тела. Его лицо побледнело и осунулось.

— С тобой все в порядке? — спросил Морган, протянув через саркофаг руку, чтобы поддержать кузена.

Дункан слабо кивнул и постарался успокоить дыхание.

— Это было — худо, Аларик,— пробормотал священник.— Он был *не свободен,* и чары — безумно сильные. Когда я освободил его, я почувствовал, как взяла его смерть. Это нельзя описать.

Дункана всего передернуло, и Морган, успокаивающе сжав его плечо, отпустил руку и быстро моргнул, потому что у него самого в глазах потемнело. Между ними покойно лежало тело Бриона, чьи мягкие серые глаза закрылись навсегда, мышцы рта расслабились, складки напряженного раздумья, которые Морган помнил столько, сколько знал Бриона, стерла с его чела смерть.

Морган спокойно протянул руку и достал Глаз Цыгана, зловеще блиставший в мочке правого уха Бриона. Он долго и пристально смотрел в глубину камня, затем убрал его в свою поясную сумку.

Это движение словно разбудило Келсона, с благоговейным ужасом взиравшего на происходящее. Мальчик склонился над телом отца, коснулся его руки, и глухое рыдание вырвалось из его уст. Сглотнув слезы, он с мольбой взглянул на священника.

— Он теперь вправду свободен, отец Дункан? — воскликнул принц, в надежде получить какое-нибудь заверение.— Она не сможет больше заколдовать его, нет?

Дункан покачал головой.

— Он свободен, мой принц. Даю вам слово. И никакие чары над ним больше не властны.

Келсон вновь посмотрел на отца и тихо произнес:

— Как-то неловко — взять Глаз Цыгана и ничего не положить взамен. Может быть, мы...— Его голос пресекся от нерешительности, и Дункан кивнул.

— Как насчет этого? — спросил он, доставая из кармана сутаны маленькое позолоченное распятие.

Келсон устало улыбнулся и, взяв распятие, вложил его в руку отца.

— Спасибо,— сказал принц, его глаза наполнились слезами.— Думаю, ему бы это понравилось.

Когда мальчик отвернулся и его плечи судорожно задергались от сдерживаемого плача, Морган, глянув на своего кузена, вопросительно поднял бровь. Дункан кивнул и начертил в воздухе над телом крест. Затем они с Морганом водрузили крышку саркофага на место. Дункан погасил зажженную им было добавочную свечу и поставил канделябр обратно на скамью. После этого они, увлекая за собой мальчика, покинули усыпальницу.

Когда ворота закрылись за ними, Дункан сразу же направился туда, где Роджер дремал, прислонившись к стене, и тронул его лоб рукой. Роджер мгновенно поднялся, но он по-прежнему находился во власти Дункана, и тот, вложив его меч в ножны, отправил воина восвояси. Сделав это, Дункан направился к своим товарищам; пора было возвращаться в кабинет.

Дункан открыл тайник, куда он убрал Огненный перстень и другие предметы для ритуала передачи власти, и перенес их на стол в середине кабинета. Когда он сел рядом с Келсоном, Морган прошел к письменному столу и, обыскав несколько мелких выдвижных ящиков, нашел то, что искал,— маленькую хирургическую сумку, спрятанную в кожаный саквояж. Вернувшись к столу, он открыл сумку и высыпал ее содержимое на стол, затем стал копаться в поясной суме, пока не нашел Глаз Цыгана.

Келсон удивленно посмотрел на Моргана, затем движением подбородка указал на хирургические инструменты:

— Что вы собираетесь с этим делать?

— Да ничего особенного — я собираюсь проколоть вам мочку уха,— добродушно сказал Морган.

Он открыл маленькую бутылочку светло-зеленой смолы и смочил клочок мягкой ткани. Затем взял Глаз Цыгана и осторожно покрыл смолой всю его поверхность, не касаясь лишь золотого колечка, которое должно было войти в мочку уха Келсона.

— Дункан, не прочтешь ли ты первые две строфы ритуальных стихов? Я хотел бы проверить себя.

Он взял серебряную иглу из сумки и стал протирать ее, пока Дункан читал:

Когда стремнину сын мой повернет,
Глашатай вечности укажет ход
Клинку Владыки Мрака, кровь прольется,
И Глаз Цыгана кровью той сверкнет.

Той кровью перстень Огненный взращен.
Но бойся, если Демон возмущен.
Коль чистого кольца коснется скверна —
Твою предерзость покарает он.

Морган кивнул и, завернув иглу в пропитанный смолой кусочек ткани, положил ее на стол.

— Хорошо, сейчас я под твоим наблюдением проколю ухо Келсону, так чтобы капелька крови попала на Глаз Цыгана и оживила его. Затем окунем в кровь Огненный перстень, но запомни, его нельзя брать голыми руками. Все крайне просто.

Дункан встал за спиной Келсона.

— Я должен только наблюдать или могу чем-то помочь?

Морган пододвинул стул ближе к мальчику и взял другой кусочек ткани, тоже смочив его зеленоватой смолой.

— Держи его голову так, чтобы она не двигалась,— сказал он, улыбнувшись Келсону.— Мы же не хотим поранить ему ухо.

Келсон только робко улыбнулся в ответ — он держал в руках Огненный перстень и следил, чтобы он не соприкоснулся с металлом или камнем. Темно-гранатовые самоцветы блестели на фоне белого шелка, отражая такой же темный блеск лежавшего на столе Глаза Цыгана.

Вслед за тем, как прохладные руки Дункана обхватили его голову, Келсон почувствовал холодное прикосновение к мочке уха — это Морган протирал ее зеленой смолой. Потом, очевидно, Морган доставал иглу, но уже через миг Келсон даже не ощутил —

боли не было,— скорее услышал, как ему прокололи ухо, уловив отрывистый звук.

Морган легко вздохнул и склонился, рассматривая поближе свою работу; все получилось замечательно, игла прошла точно в нужном месте. Ловким движением он вонзил иглу, прокалывая ухо еще раз, и увидел, как вытекла капля крови. Взяв кусочек ткани, он осторожно поднял со стола Глаз Цыгана, коснулся им вытекшей капли крови и показал его Келсону.

Все трое сразу заметили, что камень изменился.

Если раньше гладкий рубин отливал холодным и туманным огнем, то теперь сияние стало более теплым и прозрачным — таким, каким Морган помнил его, когда Глаз Цыгана принадлежал Бриону. После этого превращения Морган молча указал Келсону на Огненный перстень.

Он коснулся им окровавленного Глаза Цыгана, и, оправдывая свое имя, перстень вспыхнул темно-гранатовым светом, который источала каждая его грань.

Морган вздохнул, вновь проткнул Келсону мочку уха и вставил туда Глаз Цыгана; камень, коснувшись Огненного перстня, вновь потемнел и сейчас сурово мерцал в ухе принца, словно утверждая, что власть передана и первая часть ритуала исполнена.

Дункан взял светящийся Огненный перстень из рук Келсона и аккуратно завернул его в шелковую ткань — он не понадобится больше до завтрашней коронации. Дункан направился к своему потайному шкафу и надежно спрятал его там. Вернувшись к столу, он увидел, что Келсон уже держит в руках бархатный футляр, в котором находился Малиновый лев.

Морган же взял со стола ритуальные стихи и перечитывал третью строфу.

— Как это открывается, Морган? — спросил мальчик, ощупывая футляр в надежде, что как-нибудь нечаянно откроет секрет.

Когда он поднес его к уху, раздался тихий, мелодичный звук, прервавшийся в тот же миг, едва Келсон опустил коробочку.

Дункан склонился поближе и произнес:

— Сделайте-ка это еще раз, Келсон.

— Что?

— Поднимите опять футляр.

Келсон охотно подчинился, и снова послышался тот же приятный, только более слабый звук. Однако Келсон поднял коробку не к самому уху, как прошлый раз, и Морган заметил это.

— Поднесите его поближе к Глазу Цыгана, мой принц,— посоветовал он.

Келсон сделал это, и звук повторился.

— А теперь встряхните футляр и прислушайтесь,— сказал Морган.

Келсон последовал совету, и коробочка с легким музыкальным щелчком открылась. Опустив ее, он откинул крышку до конца, и они увидели Малинового льва.

Правда, он вовсе не был малиновым. Так уж случилось, что неверно данное ему неким забытым составителем каталога королевских драгоценностей имя удержалось.

На деле же это был герб Халдейна — Золотой лев на малиновой эмали. Массивную брошь размером с человеческий кулак с тяжелой застежкой с оборотной стороны окаймлял чеканный золотой орнамент — работа лучшего конкардинского гравера.

Когда Келсон осторожно извлек брошь с ее бархатного ложа, Дункан вновь сел за стол и разложил перед собой пергамент с ритуальными стихами.

> Но Глаз Цыгана заблестит едва —
> Настанет час Малинового льва,
> Шуйца не дрогнет, львиный клык вонзиться
> Назначен в плоть и власти дать права.

Келсон повертел в руках брошь.

— Шуйца не дрогнет — это я понимаю, но...— Он положил брошь на стол.— Смотрите, Морган, этот лев — недремлющий страж. Он обращен к нам анфас.

Морган взглянул на него с недоумением.

— Ну и что?

— Как вы не понимаете? — продолжал Келсон.— Недремлющий страж — единственная геральдическая конфигурация, где лев смотрит прямо на вас, а это значит, что мы не можем видеть его клыков!

Морган сурово сдвинул брови и взял брошь.

— Не видим клыков? Но этого быть не может. Если нет клыков — он не ритуальный. А если он не ритуальный...

Келсон осторожно коснулся броши и, ничего не видя, уставился на полированную крышку стола. Моргану незачем было заканчивать фразу, ибо Келсон и сам знал ужасную суть, стоящую за этими словами: если брошь не ритуальная, он обречен.

Глава IX

ТАИТСЯ УЖАС В НЕИЗВЕСТНОМ, В НОЧИ — ОБМАН

— У Гвиннедского льва нет клыков! Нет клыков!

Дункан взял брошь, повертел ее в руках, сбитый с толку обнаружившимся противоречием.

Где-то — он не помнил где, может быть, в тех темных и весьма специальных трактатах по древней магии, которые он читал много лет назад,— где-то было вроде бы что-то наподобие этих стихов, что-то о двусмысленностях, фигурах речи — непременных признаках... да!

Перевернув брошь, он ощупал орнамент, его взгляд сфокусировался на нем, и он произнес:

— Да, конечно. Это тоже препятствие. Тоже барьер, который должно преодолеть мужественному.

Морган тихо стоял в стороне с потемневшим от догадки лицом — он уже тоже понял смысл стихов.

— Застежка — это львиный клык? — ежась, прошептал он.

Дункан строго посмотрел на товарищей.

— Да.

Келсон невольно привстал, потянулся к броши и ощупал пальцами застежку — три дюйма холодного мерцающего золота. Он сглотнул слюну.

— И это я должен воткнуть себе в руку?

Дункан утвердительно кивнул.

— Похоже, это и есть ключ, Келсон. Все предыдущее было только подготовкой к этому заключительному моменту. И еще — это вы должны сделать сами. Мы все приготовим, будем стоять рядом, защитим вас. Но вы должны сделать это сами. Вы поняли?

Келсон долго молчал, потом чуть заметно кивнул.

— Я понимаю,— сказал он тихо.— Я сделаю все, что необходимо.— Его голос пресекся.— Я... я бы немного подумал прежде... если есть время.

Он посмотрел на Дункана испуганными, умоляющими, широко распахнутыми серыми глазами, снова — просто мальчик, а не король, и Дункан дружески кивнул.

— Конечно, мой принц,— мягко сказал он, ловя взгляд идущего к двери Моргана.— Столько, сколько вам нужно. Аларик поможет мне облачиться для церемонии.

Когда они с Морганом покинули комнату, Дункан прочно закрыл дверь и пригласил кузена последовать за ним вниз по короткому коридору. Когда они достигли темной ризницы, Дункан взглянул в смотровое отверстие и, убедившись, что в храме никого нет, высек свет и оперся обеими руками на дарохранительницу, стоя спиной к Моргану.

— Нам нечего готовиться, Аларик,— в конце концов сказал он.— Мальчику нужно несколько минут, чтобы собраться с силами. Надеюсь, мы поступаем правильно.

Морган мерил шагами пол, его ладони судорожно сжимались и разжимались.

— Ну ладно. Честно говоря, я чувствую себя все тревожнее с приближением полуночи. Я не говорил тебе, что случилось перед тем, как мы пошли сюда?

Дункан бросил на него быстрый взгляд.

— Прежде чем я скажу,— продолжал Морган, не давая священнику ответить,— позволь задать тебе вопрос. Где ты думаешь закончить сегодняшнее дело? В кабинете?

— Я хотел воспользоваться для этого секретной башней,— осторожно сказал Дункан.— А ты как думаешь?

Морган сжал губы.

— Башня ведь была освящена святым Камбером, так?

— В том числе и она,— кивнул Дункан.— Святой Камбер стоял у истоков магии Дерини, сам знаешь. Но как это связано с нынешними событиями? Поясни.

— Хорошо,— сказал Морган. Он глубоко вздохнул, с неохотой завершая начатый разговор.— Дункан, ты поверишь, если я скажу, что мне было видение?

— Продолжай,— осторожно ответил Дункан.

Морган опять вздохнул.

— Перед тем как мы пошли сюда, я оставил Келсона спать под защитой Опеки, а сам спустился в библиотеку Бриона посмотреть его книги и бумаги. Я хотел найти ключ, который помог бы расшифровать ритуальные стихи, ну, какие-нибудь пометки, черновики, которые Брион оставил, когда писал его.

Я искал долго, но так ничего и не нашел, а потому решил воспользоваться Тиринским искусством, надеясь, что смогу пробудить в себе оставшиеся силы и тогда пойму, где нужно искать. И я сосредоточился на своем перстне...

Он поднял и вновь опустил левую руку, подыскивая нужные слова.

— Помню, закрыв глаза, я вначале, так мне почудилось, увидел лицо высокого человека в плаще с капюшоном, окруженное тьмой. В нем чувствовалась какая-то особая уверенность и настойчивость. Потом видение исчезло, я открыл глаза, но в комнате никого не было.

— Что еще? — спросил Дункан, сосредоточенно прищурясь.

Морган опустил глаза.

— Я решил еще раз заглянуть в книги, вдруг все же найду что-то важное. Первое, что я взял в руки, были «Жития святых» Тальбота, в старом изложении, и книга открылась под моими пальцами на... Боже мой! Я совсем забыл об этом.

Дункан с удивлением наблюдал, как Морган судорожно обшаривает карманы.

— Это место в книге было заложено куском пергамента,— продолжал Морган.— Но я был так поражен тем, что увидел на открывшейся странице, что даже не прочел его — просто сунул к себе в... Вот он!

Он нашел пергамент во внутреннем кармане плаща и с торжествующим видом достал его. Пальцы Моргана дрожали, и он никак не мог развернуть записку. Дункан спокойно взял ее у него из рук и поднес к свече.

— Что же такое ты обнаружил в книге, оказавшееся важнее этого, Аларик? — спросил священник, разглаживая смятый лист и поднося его поближе к свету.

— Портрет человека, который мне привиделся,— рассеянно ответил Морган, заглядывая через плечо Дункана и пытаясь прочитать записку.— А самое поразительное — то, что глава посвящена святому Камберу.

— Святому Камберу? — спросил Дункан, ошеломленно взглянув на него.— Ты хочешь сказать, что видел святого Камбера?

Морган кивнул и нетерпеливо пробормотал:

— Да, да. Что здесь написано?

Дункан повернул бумагу так, чтобы Моргану лучше было видно. На одной стороне рукой Бриона было начертано его полное имя — он узнал знакомый мелкий почерк. Дункан перевернул записку другой стороной, и Морган еще сильнее перегнулся через его плечо, вглядываясь в буквы.

«Святой Камбер Кулдский спасет вас от Зла!» — прочел он шепотом то, что не смог произнести Дункан.

— Боже мой, кузен, как ты думаешь — у меня действительно было видение?

Дункан покачал головой и вернул пергамент Моргану.

— Я не знаю,— прошептал он, вытерев ладонь о край сутаны.— Аларик, я... Это заставляет увидеть все, что мы делаем, немного в другом свете. Дай-ка подумать минуту-другую.

Отвернувшись, Дункан закрыл лицо руками, чтобы вновь обрести спокойствие, сосредоточиться и осмыслить создавшееся положение.

Он действительно ни в чем не был уверен. И как священник, и как Дерини он знал, насколько хрупко равновесие между Добром и Злом. Как Дерини он не был вполне уверен, что Камбер Кулдский был защитником для своего народа в страшные времена после переворота. Да, это Камбер постиг, что можно наделять людей властью Дерини. Тогда-то, почти два века назад, и кончилось ужасное междуцарствие Дерини, и люди, подобные Бриону Халдейну, смогли противостоять силам Зла и низвергнуть внушающую трепет мощь Марлука.

Но Камбер Кулдский — отвергнутое имя, говорил в нем священник. Ведь хотя лорд Дерини объявлен после своей смерти (или исчезновения) святым, его канонизация давно отменена воинствующей церковью, той, что провозгласила злыми и запретными все силы Дерини.

Он подавил внезапное желание перекреститься при упоминании недозволенного имени и, внутренне собравшись, заставил себя рассуждать здраво.

Святой или демон, Камбер Кулдский, очевидно, почитался Брионом Халдейном. И если Брион, сделавший столько доброго для своего народа, взывал к Камберу — нет, ради Бога, святому Камберу,— немыслимо, чтобы нечто злое было связано с этим именем. Что же до видения Аларика, он не спешил бы с выводами на сей счет до более позднего времени. Откровенно говоря, он не очень был склонен поверить в видение Аларика. Хотя происходят странные вещи...

Дункан повернулся к Моргану с удрученным видом.

— Ну что? — нерешительно спросил тот, не отваживаясь проникнуть в сокровенные мысли своего родственника.

Дункан, словно защищаясь, пожал плечами.

— Со мной все в порядке. Священник опять спорил во мне с Дерини.— Он слабо улыбнулся и в общих чертах рассказал кузену о своих раздумьях.

Морган криво усмехнулся.

— Понимаю,— кивнул он.— Кажется, сейчас мы не лучше, чем раньше, знаем, что нам делать. Я чувствую себя так, точно бреду в потемках.

— И я тоже,— ответил Дункан.— Но нам ничего другого не остается, кроме как продолжать начатое. Если Келсон встретится лицом к лицу с Кариссой, не владея силами Бриона, какова бы ни была их природа, он погибнет, это несомненно. С другой стороны, эти запредельные силы сами могут убить его. К тому же, если мы совершили какую-нибудь ошибку или совершим ее в ближайшие несколько минут, он тоже умрет, как если бы мы сами отдали его в руки Кариссе и сказали: «Рады стараться, миледи. Берите его на здоровье. Правьте Гвиннедом во веки веков».

Он повернулся, вынул из шкафа парчовое облачение и, прикоснувшись к нему губами, набросил его на плечи.

— Конечно,— сказал он, обернувшись снова к Моргану,— мы никогда не знаем, что нас ждет. А знать бы, где упасть... не так ли? — Он подошел к свече и сложил ладони лодочкой вокруг пламени.

— Ты готов?

Морган пожал плечами, выражая покорность.

— Возьмем это с собой,— сказал Дункан, поднимая свечу и пропуская Моргана в дверь ризницы.— Знаешь, вообще все очень странно: начать с того, что я — священник и при этом — чародей-еретик Дерини, помогаю вот лорду-воину Дерини передать запретную силу смертному королю Гвиннеда; это же уму непостижимо.

Келсон сидел в кабинете, сложив руки на столе. Задумчивый взгляд его серых глаз был сосредоточен на пламени стоявшей перед ним свечи. В ее свете Малиновый лев бледно мерцал на своем ложе из черного бархата, бросая отблески на лицо и руки мальчика.

Но не лев и не свеча занимали мысли Келсона, ибо он был уверен, что все высоты, которых он достигнет, все его будущее, сама его жизнь — все зависит этой ночью от его поведения в ближайшие полчаса.

Мысль была не слишком приятной, но он не отпускал ее, не желая, чтобы, ускользнув, она растаяла в ночном безмолвии. Опасности нужно смотреть в лицо — Брион внушал ему это с тех

пор, как Келсон себя помнит. Ему хватит отваги не отступить перед тем, что он должен совершить.

Он, сложив руки вместе, сжал пальцы, и в пламени свечи перед ним возник образ Моргана.

Морган не боялся бы, окажись он в подобном положении. Келсон не сомневался — что бы ни грозило ему, мудрый и сильный лорд Дерини никогда бы не выказал и тени страха. Урожденные Дерини не подвержены ни опасениям, ни надеждам смертных.

И отец Дункан тоже не испугался бы. Потому что он не только Дерини, он еще и слуга Божий, священник.

С ним и силы Дерини, и помощь Господа — какое зло поднимет голову в его присутствии? Чего же бояться ему, Келсону, под защитой таких людей? Только если он сам поддастся страху...

Он опустил голову и, опершись подбородком на сложенные руки, принялся внимательно рассматривать брошь. Никогда еще ему не было так трудно, как в эту минуту. Он дотянулся до броши и повернул ее боком, чтобы видна была застежка, и вновь оперся подбородком на руку.

Нет, конечно, это будет не так уж больно. На турнирах и на охоте с ним происходили вещи похуже, чем какой-то укол двухдюймовой золотой иглы.

Однако он не был уверен, что все получится в точности так, как нужно, и готовил себя ко всему. Но если его отец предписал такой ритуал, желая, чтобы он обрел эти силы,— никакого вреда приключиться не может. Брион всегда оберегал — нет, любил его, в этом у Келсона не было никаких сомнений.

Он мысленно поздравил себя с тем, что логически достиг внутреннего покоя, когда двери кабинета легко отворились и вошли Морган с Дунканом. Оба они, к своей чести, выглядели весьма уверенно, хотя он ощутил за их спокойным видом скрытое напряжение, даже когда они успокаивали его, зная, что мальчику нелегко.

Он выпрямился и слегка улыбнулся, показав им, что больше не боится. Дункан взял со стола подсвечник и ободряюще похлопал Келсона по плечу. Морган молча смотрел, как Дункан преклоняет колена перед молитвенным столиком, взяв брошь и сосуд с бледно-зеленой смолой. Он взглянул на Келсона.

— Дункан все приготовил, мой принц,— спокойно сказал он.— Вы готовы?

Келсон робко кивнул и поднялся.

— Я готов.

Дункан, стоявший возле молитвенного столика, осторожно коснулся в нескольких местах его подлокотников, и в тот же миг в стене открылся проем. Ближайшая шпалера, переместившись, прикрыла его. Выпрямившись, Дункан отогнул угол шпалеры, жестом приглашая войти Келсона и Моргана в открывшийся проход.

Башня была очень маленькой, вполовину меньше комнаты, где они только что находились. Когда дверь за ними затворилась и Дункан перешел со свечой в другой конец помещения, они увидели боковую стену, расписанную фресками, изображающими сцены из житий святых. Золотые нимбы словно впитывали свет и чудным образом отражали его так, что казалось, будто они светятся изнутри.

Темно-синяя стена за маленьким алтарем была оживлена мелкими золотыми звездочками. Резной крест черного дерева свисал с потолка над алтарем; подвешенный на проволоке, он, казалось, плавает в звездном небе. Дункан поставил на алтарь свечу, и на полированной поверхности заиграли блики пламени.

Неугасимая лампада, висевшая на длинной цепи слева от алтаря, бросала на распятие из черного дерева малиновый отблеск.

В центре комнаты стоял маленький молитвенный столик. Келсон с Морганом заняли свои места; Дункан тем временем склонил голову перед алтарем и затем закинул ее в безмолвной молитве.

Морган положил Малинового льва и сосуд на пол, потом отстегнул меч и пристроил его рядом, приглашая Келсона поступить так же. Морган не знал наверняка, нужно ли это, но решил, что так будет лучше: традиция входить в дом Божий безоружным — стара как мир, а обычаи всегда на чем-то основаны.

Когда и Келсон положил клинок на камни пола, Дункан, закончив молитву, подошел к ним.

— Думаю, можно начинать,— тихо сказал он, становясь на одно колено напротив Моргана и Келсона.— Аларик, не приготовишь ли брошь?..— Он указал на сосуд.

— Теперь вы, Келсон. Я для начала прочту несколько молитв у алтаря, а вы с Алариком будете мне подобающим образом отвечать. Потом я вернусь и дам вам особое благословение. А когда я снова пройду к алтарю и скажу: «Господи, да будет воля Твоя»,— это будет сигналом.

Морган натер застежку броши смолой и прикрыл ее кусочком ткани.

— А что я? — спросил он, взяв левую ладонь Келсона и тоже натерев ее с обеих сторон.— Должен ли я еще что-то делать или только наблюдать?

Дункан покачал головой.

— Нет. Что бы ни случилось, тебе нельзя трогать Келсона или пытаться направить его, когда превращение начнется. Мы имеем дело с силами такими фантастическими по мощи, что, если ты вмешаешься, это может его убить.

— Понимаю,— ответил Морган.

— Хорошо. Есть вопросы, Келсон?

— Нет, отец.

— Хорошо.

Дункан встал, бросил мгновенный взгляд на Келсона и, улыбнувшись, отвесил ему глубокий поклон. Потом он повернулся и сделал три шага к алтарю.

Келсон, широко раскрыв глаза, смотрел на Дункана, преклоняющего колена, целующего камни алтаря и простирающего к нему руки; все движения, легкие и верные, выдавали большой опыт священника.

— Dominus vobiscum et cum spiritu tuo oremus.

Пока губы Дункана шевелились, произнося молитву, Морган покосился влево, на Келсона. Мальчик, смиренно преклонивший колени, казался страшно юным и уязвимым. Конечно, они с Дунканом могут защититься от любого зла, накликанного тем, что они собираются делать. Но Келсон, человеческое дитя, еще не защищен...

Впрочем, может быть, и не надо тревожиться, может быть, Глаз Цыгана, мерцающий в правой мочке принца, оборонит его, если будет нужда. Но все равно — Келсон так молод, так доверчив.

Морган был рад тому, что мальчик ничего не знает о сомнениях, возникших час назад у них с Дунканом. Потому что сейчас Келсону необходима беспредельная вера — сомнению не должно быть места. Морган вновь посмотрел на алтарь и понял, что Дункан заканчивает читать молитвы. Священник еще раз склонился перед алтарем и повернулся к ним лицом.

— Per omnia saecula saeculorum,— произнес он.

Морган и Келсон торжественно ответили:

— Аминь.

Дункан сошел с алтаря и стал перед коленопреклоненным Келсоном, затем положил руки ему на голову, и в тишине зазвучал его голос, тихий, но твердый:

— Келсон Цинхиль Энтони Халдейн. Хотя вервия мира сего окутывают тебя и хотя хляби смерти вздымаются близ тебя, да не устрашишься ты никакого зла. Ибо Господня воля над тобой, и под покровом ее обретешь ты убежище.

Он перекрестил мальчика.

Когда Келсон поднял голову, Дункан, протянув руку, взял у Моргана Малинового льва и, отбросив кусок ткани, защищавший застежку, вложил брошь в правую руку мальчика.

— Смелее, мой принц,— прошептал он, отошел за алтарь и вновь простер руки в мольбе.

Час настал.

Рука Келсона немного дрожала, когда он подносил золотую застежку к левой ладони, нащупывая нужную точку на коже. Он чуть помедлил, мысленно готовя себя к боли, которая, он знал, сейчас пронзит его.

Спустя мгновение мальчик воткнул иглу застежки в свою руку.

Боль! Иссушающий огонь! Мука!

Проколотая рука стала как будто отдельным живым существом, посылающим его мозгу сигналы бедствия, как искры огненной кузницы, как ослепительный солнечный свет незащищенным глазам. Он почувствовал, что боль вошла в руку, как лезвие клинка, горячая, холодная, как стрела, бесконечно пронзающая кожу, сухожилия, мускулы, чувствовал, как она скользит в его плоти, видел темное острие, в конце концов выходящее на поверхность.

Невольный крик сорвался с его губ, когда брошь вырвалась из руки и сама устремилась в его плоть. Он скорчился, тихо постанывая, когда рука начала пульсировать в собственном ритме, и прикрыл глаза,— некое излучение стало разрывать изнутри его череп, его глазные яблоки.

Все, что мог сделать Морган,— это подавить в себе мучительное желание поддержать своего молодого господина. Лицо мальчика было искажено мукой, в каждом движении его маленького тела сквозила боль. Никогда он не выглядел таким беспомощным.

Дункан тоже обернулся и смотрел на Келсона; его строгий взгляд напоминал Моргану, что он не должен вмешиваться и пытаться помочь.

Когда Келсон, прижав к груди раненую руку, опять обрел способность видеть и взглянул на свои ноги, он увидел, что начал светиться бледным, призрачно-золотым светом. Свечение усиливалось; внезапно мальчик замер и перестал стонать. Его товарищи, затаив дыхание, наблюдали, как расширились глаза Келсона, словно бы напряженно всматриваясь в то, что было видно ему одному.

Свечение... боль... кружатся цвета... пульсирует боль... холодная дрожь... боль проходит... теперь лучше... что-то холодное в руке... Смотри!.. Цвета... кружатся лица... свет, тьма... свет блекнет... лица... теперь темнее... кружится... темно... Отец!.. темно!.. Отец... темно...

— Отец, темно...

Внезапно мальчик, скорчившись, опустился на пол. Свечение вокруг него пропало.

— Келсон! — закричал Морган, поворачивая лицо принца к свету и нащупывая пульсирующую сонную артерию.— Келсон, как ты?

Дункан тоже, став на колени, склонился над неподвижным Келсоном, а тем временем пальцы Моргана нащупали пульс, и тот был сильным, даже когда Аларик расслабил пальцы. Он приподнял одно веко мальчика и увидел, что зрачок расширяется на свету. Пульс все усиливался.

— Правая рука Господа поразила его силой своей,— прошептал Дункан, крестя Келсона.— Он не умрет, но будет жить.

Дотянувшись до левой руки мальчика, он мягко вынул из нее брошь, затем обернул руку белым шелковым платком.

— Ты думаешь — получилось? — спросил Морган, приподымая голову мальчика и натягивая на его плечи малиновый плащ.

Дункан, садясь, кивнул и поправил свое облачение.

— Думаю, да. Наверняка говорить рано, но все признаки того налицо.— Он коснулся губами облачения, затем легко сбросил его на алтарь и открыл секретную дверь.— Одно странно. Он пережил нечто большее, нежели просто боль в руке. Надо будет расспросить, что с ним было.

Когда Дункан открыл дверь, Морган поднял не пришедшего еще в себя Келсона на руки, поплотнее укутав своего подопечного плащом. Дункан поднял с пола клинок, еще раз осмотрел башню, затем откинул закрывавшую вход шпалеру и вернулся в кабинет.

Вместе с Морганом они направились по секретному ходу назад в апартаменты Келсона.

— В жисть не видывал, чтобы так — раз и нету, и никто знать ничо не знает.

Говоривший зажег свечу и установил ее в канделябр у постели Келсона.

— Я думал, ты смотришь, Лоуренс!

Лоуренс, сделав безнадежный жест, вложил меч в ножны и отбросил капюшон темного плаща, покрывавшего его плечи.

— Не могу знать, милорд. Как днем вошли принц с его светлостью, так с тех пор никто не входимши, не выходимши.— Он подошел к очагу, пошевелил угли концом сапога и подкинул поленьев в угасающий огонь.

— Ну, что до меня,— сказал третий, тоже убрав клинок в ножны,— я рад, что их тут нету. Я не думаю, что это так уж здорово — прикончить лорда Аларика. Ко всему прочему, он наш сеньор.— Он осторожно сел на край кровати и ощупал постель, проверяя, нет ли здесь кого, затем снова встал под пристальным взглядом Лоуренса.

— Может, есть другой выход из этой спаленки? — сказал Лоуренс, оглядывая комнату со своего места у очага.— Что-то такое болтали о потайных ходах и прочих хреновинах. Как по-твоему — может, так они и того?

Эдгар, первый из говоривших, нахмурился и стал обдумывать эту мысль. Хотя он и вышел из дворян и был вассалом Моргана, он не отличался быстротой соображения. Он был известен как хороший воин и вполне справлялся с обязанностями капитана охраны, но, сталкиваясь со сложным вопросом, становился тугодумом. Долго он сидел так, покачивая головой и то вытаскивая клинок из ножен, то убирая его обратно.

— Эге, это, может, и правда. А если так, то они могут вернуться в любую минуту.

Пока он обшаривал покои, заглядывая во все углы и держа меч наготове, третий человек осторожно пододвинулся к огню.

— Ты взаправду думаешь, что лорд Аларик подчинил молодого господина своей воле, как они говорят? Хватит и того, что он убил королевских слуг, но покуситься на самого короля — это все-таки другое дело.

— Что там другое — все одно злодейство...— бросил Эдгар, рыская по комнате, как плененный зверь.— Ну не мог же он...

— Тс-с! — внезапно прошептал Лоуренс, подняв левую руку и призывая к молчанию.— Я, кажись, слышу что-то.

— Гарольд, внимание! — скомандовал Эдгар, выстроив охранников слева у очага вдоль стены.

Отсюда всем троим был слышен шаркающий звук — будто кто-то осторожно приближался. Они погасили свет и замерли в тени с оружием в руках.

Они увидели, как часть стены внезапно дрогнула и сдвинулась в сторону.

В проходе появился освещенный пламенем свечи Морган с лежащим без сознания принцем на руках, а за ним — Дункан. Вошедшие, не сделав и двух шагов, насторожились, почувствовав, что в покоях кто-то прячется.

— Сатана! — раздался в темноте голос Эдгара.— Что ты сделал с его высочеством?

Три человека с лицами, скрытыми черными капюшонами, вошли в круг света от горящей свечи и стали перед Морганом и Дунканом с обнаженным оружием.

— Нечего сказать, ты, нелюдь? — гневно продолжал Эдгар.— Защищайся!

Глава X

ОТКУДА ЭТО ЧУДО? ОТКУДА ЭТО ДИВО?

Слова незваного гостя побудили Дункана и Моргана к действию. Дункан швырнул на пол свечу, загасив ее, и бросил Моргану его меч. Генерал уже успел опустить на пол бесчувственного Келсона и легким стремительным движением обнажил клинок. Дункан, не растерявшись, выхватил из ножен меч Келсона и тоже приготовился сражаться.

В ту же минуту один из нападающих вступил с ним в поединок, оттесняя священника обратно в угол. Его сообщники — со шпагою один и с двуручным мечом другой — бросились на Моргана. Но их клинки отскочили от меча генерала, как молот от наковальни, со свистом рассекая воздух.

После первой отбитой атаки Морган стал легко и проворно увертываться от их выпадов, явно не думая о том, как поразить противников, а только стараясь не подпустить их к безжизненному телу принца. В его левой руке появился тонкий стилет, что дало ему некоторое преимущество при отражении ударов рапиры, но против тяжелого меча он был, конечно, бессилен. Одна-

ко Морган не смел перейти в наступление, чтобы нанести полновесный ответный удар, поскольку для этого ему пришлось бы оставить Келсона без защиты, а он даже не знал толком, кто же из них все-таки нужен этим людям. Во всяком случае, рисковать жизнью принца генерал не имел права и продолжал защищаться, не подпуская нападавших к телу мальчика.

Дункан, загнанный в угол, тоже ничем не мог ему помочь — он сам-то оказался в весьма затруднительном положении. Меч Келсона был короче и легче обычного клинка, а вдобавок священник сражался с человеком, превосходящим его в силе, весе, ловкости да и в воинском опыте.

Нельзя сказать, чтобы Дункан не умел обращаться с оружием,— он прежде всего был сыном дворянина, которого готовили к сражениям в духе боевых традиций и в течение многих лет обучали воинскому искусству. Но Дункан не любил таких переделок да и не попадал в них давненько. На нем не было даже кольчуги — люди редко обнажают мечи против священника, особенно если он имеет епископское достоинство.

Отбиваясь, Дункан напряженно следил за своим противником, понимая, что он бессилен перед ним с этим легким мечом и что спасти его могут только внимание и выдержка.

Чувствуя полное свое превосходство, воин, атакующий его, расслабился, стал драться словно нехотя, решив, очевидно, что жертва уже у него в руках; после каждого выпада он отступал медленнее, чем мог бы, и это стоило ему жизни. Прежде чем он понял свою ошибку, Дункан нанес сильный удар, и его клинок, пробив кольчугу, поразил противника. С удивлением, застывшим на лице, тот замер и свалился на пол.

А Дункан уже вглядывался в полумрак, решая, кого из атакующих Моргана взять на себя. Удары двуручного меча, видимо, доставляли генералу особенно много хлопот, и священник тотчас сделал выбор.

Отбросив окровавленный меч, он бесшумно подкрался к сражавшимся, простер перед собой руки, сложив ладони вместе, а затем медленно отвел их назад. В воздухе тут же повис зеленоватый огненный шар, который поплыл прямо к затылку обладателя двуручного меча. Как только шар коснулся шлема, вспыхнула дуга зеленого пламени, и противник упал без чувств. Это так ошарашило его сотоварища, что Морган без труда обезоружил его и загнал в нишу.

Все трое услышали, как снаружи колотят в дверь подоспевшие стражники — отчетливо доносились их тревожные крики.

Стук в дверь становился все настойчивее.

— Государь,— звал чей-то голос.— Государь, как у вас дела? Генерал Морган, что случилось? Откройте дверь, или мы вынуждены будем ее выломать.

Морган многозначительно указал кончиком меча на своего пленника, который начал медленно пятиться к двери. Дункан кивнул и, прежде чем тот что-либо сообразил, бросился к нему и коснулся его лба, при этом тихим голосом отдавая команду. Глаза незнакомца приняли отсутствующее выражение, руки повисли, он и не пытался больше сопротивляться.

— Ты меня не видел,— шептал Дункан, глядя ему прямо в глаза,— ты видел только принца и его светлость. Понял?

Тот медленно кивнул.

Дункан опустил руки и двинулся к двери, ведущей на балкон, жестом давая понять Моргану, что теперь этот человек ничего не сможет сказать по поводу его присутствия здесь. В противном случае было бы довольно трудно объяснить стражникам, как он появился в этой самой комнате и именно в это время.

Морган отодвинул засов на двери, его стилет скользнул обратно в ножны на запястье.

В ту же минуту он услышал стон в углу, где лежал Келсон, говоривший о том, что мальчик пришел в себя. Когда дверь распахнулась, Морган уже отошел в центр комнаты, посылая Келсону заряд силы и уверенности; комната тем временем наполнилась вооруженными людьми.

Капитан дворцовой охраны — тот самый, что и в саду днем, быстро оглядел покои, в то время как его помощники взяли на себя заботу о пленнике Моргана. Сам капитан важно направился к генералу.

— Стойте и не двигайтесь, Морган. Бросайте меч,— приказал высокий белокурый лорд, сопровождая каждое слово взмахом меча.— Где его величество?

Морган и не оглядываясь знал, что он окружен и что превосходство, безусловно, на стороне стражников. Примирительно пожав плечами, генерал разжал пальцы, и его меч упал на пол, а он сразу шагнул назад, туда, где лежал Келсон. Никто не попытался остановить его, когда он, встав на колени, склонился над мальчиком.

— Как дела, мой принц? — спросил Морган, помогая мальчику подняться.

Ослабевший Келсон кивнул и оперся на его руку.

— Все в порядке,— пробормотал он, глубоко дыша и собираясь с мыслями,— я никого не просил нападать на меня, пока я сплю.

Он обежал глазами комнату, пытаясь разобраться в происходящем, и понял одно — этих людей ни во что нельзя посвящать, все равно они ничего не поймут. Сейчас, кажется, самое лучшее — слушаться Моргана.

Он еще раз глубоко вздохнул и повернулся к капитану дворцовой охраны:

— Как сюда проникли эти люди, капитан?

Капитан сразу же начал оправдываться:

— Не знаю, государь. Очевидно, прорвались снаружи через пост дворцовой охраны; они убили троих и тяжело ранили по меньшей мере четверых.

Келсон кивнул, как будто ожидал чего-то подобного.

— Понятно. Морган, кто это на нас напал?

Генерал подошел к незнакомцу и сдернул с него капюшон.

— Лорд Мателвейтский! — воскликнул Келсон, увидев хмурое лицо.

— Это один из ваших вассалов, генерал Морган? — спросил капитан, и его опущенный было меч снова взметнулся вверх.

В его голосе Морган уловил угрожающую ноту и, отвечая, обернулся, чтобы не выпускать из виду рук офицера.

— Да, капитан, это мой человек.— Он взглянул на пленника и сурово спросил его: — Не могли бы вы объяснить нам, Эдгар, что все это значит? Я уверен, что у вас была серьезная причина изменить своему королю.

Эдгар на мгновение смешался, затем виновато посмотрел на Келсона.

— Да мы только выполняли приказ, ваша светлость.

— Чей приказ, Эдгар?

Тот неловко поежился.

— В-ваш приказ, милорд.

— Мой приказ?..

— Морган приказал вам убить короля? — в негодовании выпалил капитан, шагнув к генералу и поднеся меч к его горлу.

— Довольно! — воскликнул Келсон, отводя от Моргана меч капитана.— Лорд Эдгар, может быть, вы объяснитесь точнее?

Эдгар, беспокойно переступая с ноги на ногу, упал на колени и, склонив голову, простер руки в мольбе.

— Простите меня, государь! — умолял он.— Не хотел я делать этого! Никто из нас не хотел. Это все лорд Аларик, это он заставил нас. У него же особая власть над людьми. Он их что угодно заставит сделать. Он...

— Хватит! — оборвал его Келсон, глаза его при этом метали молнии.

— Государь,— капитан свирепо взглянул на Моргана,— разрешите мне арестовать его! Теперь я уверен — то, что о нем говорят,— правда, он убийца, нелюдь, он...

— Этот человек лжет,— оборвал Келсон, смерив капитана холодным взглядом.— Морган не предатель.

— Государь, я клянусь вам,— начал Эдгар, устремив на Келсона безумный умоляющий взгляд.

Принц беспомощно посмотрел на Моргана, не зная, что делать, но тот лишь кивнул ему незаметно головой. Келсон должен был выпутываться из создавшегося положения сам, ведь что бы ни сказал сейчас генерал, все могло лишь усложнить дело.

Принц взглянул на Эдгара.

— Подойдите ближе.

Когда тот повиновался, Келсон, оглядев присутствующих, обратился ко всем сразу:

— Все вы думаете, что лжет Морган, не правда ли? И считаете, что я выгораживаю его; вы думаете, что Морган вводит меня в заблуждение так же, как и вас.— Он перевел глаза на Эдгара.— Но я говорю вам, что лжет вот этот человек. Я говорю вам, что Морган никогда бы не приказал кому-либо лишить меня жизни. Генерал дал торжественную клятву моему отцу, а он — человек слова.

Келсон посмотрел Моргану в глаза и продолжил:

— Итак, лжет Эдгар. А теперь мы выясним, по чьему наущению и зачем. Я мог бы поручить Моргану допросить этого человека. Вы все знаете о силах Дерини, знаете, что их можно заставить служить истине. Но раз вы не верите Моргану, вы начнете подозревать, будто бы он управляет и ответами.

Он снова перевел взгляд на Эдгара, и, когда их глаза встретились, все затихли.

— Сударь, я сын своего отца, учтите это. Я вижу, когда мне лгут. Я, как и он, требую только правды!

Келсон пристально смотрел в глаза обвиняемого.

— Лорд Эдгар Мателвейтский, смотрите на меня,— приказал он.— Кто я?

Казалось, Эдгар не может отвести взгляда от лица принца. Морган изумленно наблюдал за происходящим.

Дункан, должно быть, научил мальчика читать мысли!

— Кто я? — повторил Келсон.

— Вы принц Келсон Цинхиль Рис Энтони Халдейн, наследник моего господина короля Бриона,— ответил Эдгар.

— А это кто? — спросил Келсон, указывая на Моргана.

— Лорд-генерал Аларик Энтони Морган — мой сеньор, государь.

— Хорошо,— сказал Келсон, сосредоточенно прищуриваясь.— Лорд Эдгар, приказывал ли вам Морган убить меня?

По-прежнему не опуская глаз, Эдгар ответил:

— Нет, государь.

Стража беспокойно зашевелилась, по комнате прошел негромкий ропот. Капитан глядел недоверчиво.

— Тогда кто приказал вам убить меня, лорд Эдгар?

Эдгар вытаращил глаза — казалось, что изнутри его раздирает какая-то борьба,— и выпалил:

— Мы не вас пришли убивать, государь, а лорда Аларика. А чего же еще заслуживает убийца, подкарауливающий в темноте беззащитных людей!

Он вырвался от стражников и бросился к Моргану, собираясь вцепиться ему в горло, но тот вовремя сделал шаг в сторону и, удержав его, вернул на попечение стражи. Эдгар продолжал вырываться и успокоился, лишь когда Келсон поднял руку, требуя тишины.

— Объясните, Эдгар,— спросил принц, подходя еще ближе,— кто это подкарауливает в темноте беззащитных людей? Вы о чем?

— Морган знает о чем! — Эдгар сплюнул.— Спросите его, кто расправился с молодым Майклом де Форестом, проткнув его кинжалом, когда он стоял на посту в дальнем коридоре. Спросите, знает ли он, что сработал-то нечисто, у молодого де Фореста, значит, хватило сил кровью из смертельной раны начертить на полу знак своего убийцы — Корвинского грифона, вот!

— Что? — переспросил капитан.

Снова неясный гул прошел по комнате; на этот раз он был громче. Изумленный Келсон повернулся к Моргану.

— Вы знаете, о чем он говорит? — прошептал мальчик.

Шум сразу же затих, все замерли, ожидая ответа Моргана. На него была нацелена дюжина мечей — с последними словами Эдгара все стражники угрожающе придвинулись к генералу.

Морган покачал головой:

— Вникайте глубже, Келсон. Я понятия не имею, о чем он говорит.

— Оно и видно, что не имеете,— негромко пробормотал кто-то сзади.

Келсон, грозно оглянувшись, вновь обратился к Эдгару, пристально глядя ему в глаза:

— Лорд Эдгар, вы точно знаете, что это правда?

Эдгар сник под его взглядом.

— Я видел собственными глазами, милорд. Втроем: я, значит, лорд Лоуренс и Гарольд Фицмартин — мы видели это.

— Само убийство или убитого? — настаивал принц.

— Убитого.

Келсон нахмурился и, задумавшись, прикусил губу.

— А как вы его нашли, Эдгар?

— Ну, нам...

— Продолжайте,— приказал Келсон.

— Нам... значит... сказали, чтобы мы пошли в тот коридор, ну, в то место,— неохотно пробормотал Эдгар.

— А кто велел вам пойти туда? — упорствовал Келсон.— Кто, зная уже о случившемся, направил вас туда?

Эдгар содрогнулся.

— Государь, пожалуйста, не принуждайте меня!

— Кто вас туда направил? — требовал ответа Келсон, глаза его вспыхнули.

— Государь... я...

Неожиданно, прежде чем кто-либо успел его остановить, Эдгар быстро повернулся и вырвал кинжал из-за пояса одного из охранников. Даже Морган, раньше других понявший, что сейчас произойдет, и бросившийся к нему, ничего не успел сделать.

Когда рука Моргана коснулась Эдгара, было слишком поздно — тот уже вонзил кинжал себе в живот, тяжко осел и повалился на пол. Морган и ошеломленные стражники уложили тело на полу, а капитан наблюдал за всем этим с расширенными от ужаса глазами.

— Он... Он предпочел скорее покончить с собой, чем объясниться, государь,— прошептал капитан, тревожно поглядывая на Моргана.— Какая нечестивая сила могла бы заставить человека?..

— Уберите его,— коротко приказал Келсон,— и его друзей тоже и не беспокойте нас больше сегодня ночью.

Как только стражники бросились выполнять приказание, он отвернулся, зная, что благоговейные и испуганные глаза следят за каждым его движением. Морган тоже отошел в сторону, стараясь привлекать как можно меньше внимания, а потом и вообще незаметно выскользнул в коридор.

Дерри, да поможет ему Бог, здесь не было. Если он следовал его приказу, а Морган в этом не сомневался, то он должен был находиться на том посту, через который прорвались незваные гости. Капитан сказал: трое убитых и по крайней мере четверо раненых. Только бы Дерри оказался среди живых.

В коридоре он увидел следы недавней резни. Казалось, все вокруг покрыто кровью; несколько неподвижных тел были окружены стражниками и офицерами. Слуги уносили двоих убитых, и Морган с опаской взглянул на них; к счастью, Дерри среди них не было.

В волнении он быстро шел по коридору, пока не увидел яркий плащ голубого цвета у противоположной стены. Слуга только что осмотрел рану в боку у лежащего человека. Когда подошел генерал, он обратил к нему скорбное лицо.

— Очень сожалею, но боюсь, я ничем не могу помочь этому человеку, милорд,— сказал слуга, покачав головой,— он отойдет через несколько минут. Я пойду, поищу кого-нибудь, кто поможет ему.

Он повернулся и быстро ушел.

Морган опустился на колени рядом с неподвижным телом и откинул плащ, наполовину прикрывавший лицо. Это был Дерри.

Когда он посмотрел на него, дотронулся до его руки, слова Кариссы эхом отозвались в его сознании:

— Я заставлю тебя заплатить... убивая всех, кого ты любишь, каждого в свое время, одного за другим.

Первым был Брион, потом лорд Ральсон, юный Копий Фианский, его люди. А теперь Дерри уснет вечным сном. И Морган действительно ничего не мог поделать.

Он взял Дерри за ослабевшую руку, приподнял отяжелевшее веко. Дерри был еще жив, но едва жив. В боку у него зияла ужасная рана; похоже, была разорвана селезенка и бог знает что еще. По-видимому, были повреждены и крупные артерии, так как ярко-красная кровь толчками лилась из раны с каждым ударом сердца.

Морган плотно прижал к ране носовой платок, пытаясь остановить кровотечение и зная, что это бесполезно. Если бы он только мог что-то сделать, если бы мог повернуть время назад, чтобы ничего этого не произошло. Если бы он мог вызвать какой-нибудь неисчерпаемый источник целительной силы.

Вдруг он выпрямился, пораженный мыслью, внезапно пришедшей ему в голову. Когда-то, давным-давно, он читал о такой исцеляющей силе, силе, которая приписывалась Дерини. Они упражнялись в этом искусстве в древние времена.

Но нет — этой силой обладали чистокровные Дерини, обученные всем приемам, исполненные могущества, а не полукровки вроде него. Да и времена переменились: прошла эра, когда люди верили в чудеса и было не так уж трудно управлять Силами Небесными. Посмеет ли он?..

Но ведь если у Дерри есть хотя бы ничтожный шанс выжить, если он, Морган, способен все-таки вызвать из прошлого утраченное могущество... Да только Бог знает, как это сделать.

Он должен попробовать.

Быстро возложив руки на лоб Дерри, он сосредоточился, освободив свое сознание от всего, и сконцентрировал внимание на перстне с грифоном так, как сделал это недавно в библиотеке.

Закрыв глаза, Морган неистово взывал к исцеляющей силе, упорно представляя себе, что Дерри снова невредим. Он стоял на коленях в полумраке холодного коридора, но по его лицу струился пот; он неясно чувствовал, как излучают тепло и покрываются испариной ладони.

И вот что-то произошло.

Всего лишь на мгновение у него возникло мимолетное ощущение, что поверх его рук легли еще чьи-то, что с ним соединился кто-то еще, присутствующий здесь, влившийся в него, дающий жизнь и силы телу, неподвижно лежавшему под его руками.

Он удивленно открыл глаза. Дерри глубоко вздохнул. Тотчас же его веки задрожали, и дышать он стал так, как будто крепко спал.

Морган завороженно перенес руки со лба юноши на платок, прикрывающий рану; он немного помедлил, боясь разрушить чары, и осторожно сдвинул лоскут.

Рана пропала, исцелилась, исчезла бесследно, не оставив даже рубца! Морган недоверчиво уставился на собственные руки, все еще не веря, потом осторожно дотронулся до перевязанного за-

пястья Дерри — и оно исцелилось тоже! Он присел на корточки, не в силах осознать, что же на самом деле произошло.

Вдруг позади раздался голос, от которого у него кровь застыла в жилах и волосы встали дыбом.

— Неплохо сработано, Морган!

Глава XI

СЫН, ДОСТОЙНЫЙ СВОЕГО ОТЦА

Морган, вскочив на ноги, повернулся и принял оборонительную позу, ожидая, может быть, вновь увидеть лицо из своего видения.

Но к нему приближался вовсе не бледный призрак давно умершего святого Камбера, а, напротив, весьма яркая и самодовольная фигура Брэна Кориса. Эван, Нигель, Ян и еще десятка два придворных аристократов торопливо шагали за ним мимо кровавых луж, еще не убранных слугами.

Позади всех шествовала просто-таки разъяренная Джеанна с двумя придворными дамами; Брэн Корис подошел первым.

— Да, да, действительно неплохо сработано,— повторил он,— вы довели дело до конца, не правда ли? Теперь вы — единственный живой свидетель того, что же на самом деле произошло во время долгого пути в Ремут!

Морган осмотрительно поджидал, пока остальные подойдут ближе, заставляя себя тем временем успокоиться, дабы ответить подобающим образом.

— К сожалению, я разочарую вас, лорд Брэн,— произнес он, подзывая одного из слуг, чтобы тот позаботился о Дерри,— но он не мертв. Его ударили, он без сознания, но не ранен. А вот насчет того, кто руководил этим маленьким ночным спектаклем, можно не сомневаться.

Морган никому не собирался сообщать о своем новоприобретенном таланте, это могло бы только усилить страх и враждебность.

Джеанна, проложив себе дорогу в галдящей толпе, остановилась между лордом Эваном и, как всегда, элегантным Яном. Морган еще не видел ее такой очаровательной, как сейчас,— с длинными, струящимися по спине каштановыми волосами. Он

больше, чем когда-либо, сожалел, что вряд ли ему дано помириться с гордой вдовой Бриона. На ней было светло-лиловое домашнее платье прямо поверх ночной рубашки, и она придерживала его у ворота бледной, тонкой рукой, на которой сияло драгоценными камнями кольцо Бриона.

— Ваше величество,— поклонился Морган, стараясь избегать дальнейших трений,— я сожалею, такая суматоха, в такой поздний час... но я здесь ни при чем.

Зеленые глаза Джеанны холодно блеснули.

— Это вы-то не виноваты? Вы что, Морган, считаете меня идиоткой? Вы думаете, я не знаю о том стражнике, которого вы убили прямо здесь, в моем доме? Думаю, вы дадите объяснения, прежде чем я велю арестовать вас и казнить за убийство.

В эту минуту в дверях появился Келсон, усталый и изможденный, но решительный.

— Морган уже дал мне исчерпывающие объяснения, матушка,— тихо сказал он, выходя из своих покоев и становясь рядом с генералом.— Без моего приказа здесь больше не будет никаких арестов и казней. Вы поняли?

Когда вышел Келсон, все, кроме Джеанны, почтительно поклонились. Мальчик бесстрастно встретил их вопрошающие взгляды.

— Господа, вы взволнованы ночным покушением на мою жизнь? Я тоже,— ровным голосом продолжал он.— В свое время мы узнаем все,— он уверенно оглядел присутствующих,— но я предупреждаю вас: дальнейшие попытки побеспокоить меня до начала коронации будут рассматриваться как государственная измена. И я с этой минуты не потерплю более никакого обсуждения верности Моргана, а также и моего решения. Вы поняли? Попробуйте только ослушаться, и вы узнаете, как я научился у своего отца править Гвиннедом.

Все, кроме Джеанны, согласно кивнули. Джеанна, замерев на месте, впилась в сына взглядом.

— Келсон, вы не собираетесь принимать в расчет и мое мнение? — прошептала она.— Или я не права?

— Пожалуйста, идите в ваши покои, матушка,— твердо ответил он,— я не желаю с вами спорить на глазах всего двора.

Так как она ничего не ответила, Келсон отвернулся и обратился к капитану дворцовой охраны, окончившему обыск в королевских покоях и собравшему своих людей у дверей.

— Капитан, я удаляюсь на покой. Не могли бы вы проследить, чтобы меня не беспокоили? Генерал Морган останется со мной.

— Да, ваше величество,— поспешно ответил капитан.

— Что касается вас, джентльмены, и вас, матушка,— продолжал Келсон,— со всеми вами я увижусь утром. А сейчас, мне кажется, всем нам нужно отдохнуть. Завтра необычный день.

Келсон повернулся и вошел в опочивальню, Морган — следом. Щелчок дверного засова обозначил конец разговора.

Королева, поколебавшись, покорно удалилась в свои покои. Ян, следуя за группой придворных лордов, отозвал в сторону охранника и повел его куда-то боковым коридором.

Когда дверь была наконец заперта, Келсон повалился без сил у ног генерала, вцепившись в плащ своего друга. Морган поднял его и, сердито ворча, понес на постель. В это время Дункан выбрался из своего укрытия на балконе.

— М-м-м, как там холодно,— прошептал он, согревая руки дыханием и приближаясь к постели с другой стороны.— Ну как, он в порядке?

— Будет в порядке,— сказал Морган, освободив шею мальчика от тугого воротника и принимаясь расшнуровывать красный бархатный камзол.— Ему стоило большого труда держать себя в руках. Я думал, что ты велел ему спать до утра.

Дункан пощупал лоб принца и стал развязывать повязку на раненой руке.

— Хорошо, что он очнулся. Тебе было бы трудно объяснить этим стражникам некоторые вещи. Да и так оказалось непросто.

Он одобрительно хмыкнул и снова забинтовал Келсону руку. Морган расстегнул плащ Келсона и приподнял мальчика за плечи, чтобы Дункан смог снять с него камзол. Келсон вдруг открыл глаза.

— Морган? Отец Дункан? — позвал он еле слышно.

— Мы здесь, мой принц,— ответил Морган, снова укладывая его на подушки.

Келсон повернул голову направо и встретился с ним взглядом.

— Морган, я все правильно сделал? — спросил он почти шепотом.— Боюсь, я слишком уж торжественно выражался.

— Все было прекрасно,— улыбнулся Морган,— Брион мог бы гордиться вами.

Келсон слабо улыбнулся и посмотрел на потолок.

— Я видел его, Морган, и слышал его голос, то есть до того, как увидел. Он назвал меня по имени, а потом,— мальчик по-

вернулся к Дункану,— все было как будто завернуто в шелк или сплетено из солнечного, нет, лунного света, и там был еще кто-то, отец Дункан. Это был человек с сияющим лицом и золотыми волосами, но не вы, Морган. Я помню, мне было страшно, а потом...

— Тише, тише, мой принц,— сказал Морган, наклонившись и положив ладонь ему на лоб,— вы должны поспать. Усните, мой принц, я буду рядом.

Пока он говорил, веки Келсона затрепетали и сомкнулись. Дыхание замедлилось, как в глубоком сне. Морган разгладил его взъерошенные волосы и помог Дункану разуть мальчика. Они укрыли его от ночного холода, священник задул все свечи вокруг спящего, кроме одной, и проследовал за Морганом к камину.

Генерал склонился над камином, глядя в огонь и протянув к нему руки.

— Странные вещи происходят,— прошептал он, когда сзади подошел Дункан,— могу побиться об заклад, что знаю, чье лицо видел Келсон во время ритуала.

— Святого Камбера? — отозвался Дункан.

Он, отступив на шаг, стоял, сцепив руки за спиной. Морган поднял голову и устало потер рукой глаза.

— Да,— сказал генерал,— есть и еще кое-что, от чего у тебя дух захватит. Дерри ранили там, в коридоре. Когда я подошел, он был при смерти, в боку у него зияла такая рана — твой кулак впору просунуть. И я его вылечил.

— Что? Что ты сделал?

— Я знаю, это звучит нелепо,— продолжал Морган,— просто я неожиданно вспомнил о древней исцеляющей силе, которой, как считалось, владели Дерини в прежние времена. И как-то, в безрассудной надежде, что ли, попробовал воззвать к ней. Я не ожидал, что это подействует. Можно ли было предположить, что Дерини-полукровка, никогда не владевший силами Дерини до конца, сможет... Словом, я попытался. Как точку сосредоточения я использовал свою печать с грифоном и действовал точно так же, как тогда, в библиотеке, когда искал «ключ». Закрыв глаза, я возложил руки ему на лоб и вдруг почувствовал чье-то присутствие рядом, чьи-то руки поверх своих. Некая сила пронизывала меня, но исходила она от кого-то другого.

Он остановился и глубоко вздохнул.

— Дункан, я клянусь всем, что для меня свято, я никогда ничего подобного не испытывал. Когда я открыл глаза, поверь мне,

я был в смятении. Дерри начал дышать ровно, как во сне. Я взглянул на рану — ее не было! Исчезла без следа!

Дункан, открыв рот, уставился на собеседника.

— Клянусь, Дункан,— продолжал Морган, словно убеждая самого себя,— он был исцелен, полностью, как будто ничего и не было. Даже запястье исцелилось. Я...— тут он запнулся,— ты же специалист по чудесам, отец мой. Объясни мне, что произошло?

Дункан наконец закрыл рот и недоверчиво покачал головой.

— Я и сам не понимаю, Аларик. А ты, ты думаешь, рядом с тобой присутствовал тот, из твоего видения?

Морган потер подбородок и покачал головой.

— Не знаю. Но как будто кто-то вкладывал мысли мне в голову, мысли, за которыми я в самом деле даже не мог уследить. Пока это добрые мысли, но, черт возьми, Дункан... Может быть, и впрямь святой Камбер действует на нашей стороне? Ну, тогда я готов поверить всему, даже самому неправдоподобному.

Он подошел к двери, ведущей на балкон, и раздвинул шторы, всматриваясь в темный город.

В конце концов, что могут знать обо всем этом двое Дерини-полукровок?

Дункан пересек комнату и тоже посмотрел в окно.

— Всему должно быть разумное объяснение, Аларик. Может быть, когда противостояние закончится, что-нибудь прояснится.

Морган кивнул.

— Ладно, не хочешь — не будем говорить об этом. У меня есть еще вопрос. Тебя больше ничто не удивило нынешней ночью?

— Ты имеешь в виду нападение лорда Эдгара или его сбивчивые обличения?

— Ни то ни другое,— ответил Морган,— а то, что Келсон мог видеть истинное. Было бы лучше, если бы ты раньше сказал мне, что научил его этому, я бы меньше беспокоился.

— Я? — переспросил Дункан, недоумевая.— Ты хочешь сказать, что это не ты научил его?

Морган запахнул штору и, пораженный, повернулся к Дункану.

— Да ты шутишь! Я никогда...— Он остановился и задумался.— Может быть, Брион?

— Ни в коем случае,— ответил Дункан,— Брион — не Дерини, а научить этому может только Дерини.

— Может быть, он видел, как ты это делаешь? — настаивал Морган.

— Никогда! Я не практиковал ничего такого при Келсоне до сегодняшнего дня. Вспомни, он даже не знал, кто я на самом деле. Он мог видеть, как это делаешь ты?

— Конечно, десятки раз. Но без отцовского могущества... Знаешь, Дункан, что мне подумалось? А нет ли в Келсоне крови Дерини?

Дункан задумался.

— Не понимаю, каким образом? Брион был только человек, в этом нет абсолютно никаких сомнений, значит... Но ты же не считаешь, будто его отец — не Брион, нет же? Это — абсурд.

Морган смущенно покачал головой.

— Нет, Брион, конечно же, его отец. Достаточно взглянуть на мальчика, и все ясно. Логичнее предположить, что Джеанна...

Он прищурился, замолчав, но посмотрел на Дункана и приободрился, заметив, что реакция кузена в точности повторяет его собственную.

Дункан глубоко вздохнул и недоверчиво покачал головой.

— Королева — Дерини? Будь так действительно, это объясняло бы все: и ее сверхчувствительность к могуществу Бриона, и непреклонность по отношению к тебе, вроде бы основанную на религиозном рвении. Ты думаешь, она осознает это?

— Может быть, и нет,— задумчиво сказал Морган,— ты так же хорошо, как и я, знаешь, насколько это опасно — быть Дерини. Думаю, за прошедшие пять или шесть поколений многие Дерини решили, что спокойнее будет жить, не открывая детям, кто они такие. Да и как иначе уберечься в мире, где колдовство дважды запрещено и духовными, и светскими законами? Обладающий способностями Дерини и знающий об этом всегда найдет кого-нибудь, кто поможет ему развить эти способности, если, конечно, он достаточно силен. Но если вы не знаете, кто вы, если в ответ на все ваши расспросы хмурятся, в общем, тогда вы немного можете сделать, не правда ли? Я не хочу сказать, что именно так случилось с Джеанной. Однако ты знаешь, как легко мы теряли себя все эти годы. Может быть, тысячи Дерини не знают, кто они на самом деле.

— Ты прав,— ответил Дункан.— И знаешь, если Джеанна — Дерини, это дает нам определенное преимущество, преимущество, столь необходимое завтра. Пусть даже мы в чем-то ошиблись, все равно Келсон не попадет к ним в руки беспомощным, он будет защищен хотя бы своими собственными силами. Ночью мы видели блестящий тому пример.

Морган покачал головой.

— Не очень мне это нравится. Келсон еще недостаточно опытен. Предполагалось, что мастерство придет к нему, когда он обретет могущество Бриона.— Он помолчал.— Едва ли сам Брион подозревал, кого он нам оставляет на попечение. Я даже не знаю, воспринимать ли нам это как проклятие или как благословение.

Дункан улыбнулся и вернулся к камину.

— А почему мы приняли на себя ношу Бриона? Не потому ведь, что думали, будто это легко? Скорее потому, что мы любили Бриона, любим его сына и вообще потому, что это — наш долг.

Морган мягко усмехнулся:

— Хорошо, отец мой, не надо проповедей. Думаю, мы оба в равной степени отдавали себе отчет в том, на что решились.— Он сжал руки, машинально потирая большим пальцем печать с грифоном.— Но согласись, открылись новые обстоятельства — это и собственное могущество Келсона, и Джеанна. Полагаешь, она будет праздно стоять и смотреть, как погибает ее сын? И потом — убийца-то, кажется, здесь.

— Убийца?

— По крайней мере, во дворце. И, очевидно, человек довольно высокопоставленный. Ты же не думаешь, что Карисса лично подстроила этот эпизод с Эдгаром, не правда ли? Она заставила кого-то другого работать на себя, вот так.

— Да, учитывая все это, у нас еще немало забот,— сказал Дункан.— Представляешь, если завтра Карисса победит Келсона? А это может случиться, стоит обстоятельствам повернуться утром против нас. Что будет с Келсоном? Что будет с королевой? Что будет со всеми теми, кто, как и ты, помогал Бриону и Келсону?

— И с тобой, кузен,— добавил Морган, приподняв бровь.— Если победит Карисса, то твой сан тебя уже не спасет. Ты сразу будешь проклят дважды — и как духовник Келсона, и как мой родственник. А твое участие в завтрашней церемонии, которого не миновать, оно ведь только усугубит твою судьбу.

— Боишься? — улыбнулся Дункан.

— Да, черт возьми! — фыркнул Морган.— Я был бы дураком, если бы не боялся, а я надеюсь, что еще не стал им. И вообще, мне кажется, сейчас мы ничего не решим, думай не думай. Не знаю, как ты, а я уже сплю стоя.

— Пожалуй, ты прав! — согласился Дункан.— Да и пора возвращаться, пока меня не хватились. Надеюсь, никто не предполагает, что я здесь. Как бы то ни было, не думаю, что мой дражайший архиепископ дознается, где это я был всю ночь.— Он поглядел на спящего Келсона и пошел к потайной двери.— Похоже, сегодня я пользовался могуществом Дерини больше, чем за все последние десять лет.

— Делал бы ты это чаще, тебе же было бы лучше,— улыбнулся Морган, освобождая проход и протягивая Дункану свечку с каминной полки.

Дункану как священнику было совсем непросто ответить на это замечание, и он только сдержанно улыбнулся, выходя на лестницу.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил он, помедлив у открытой двери.— Келсон будет спать до рассвета, но...

— Ты это сказал в последний раз! — негромко бросил Морган.

— Нет, Аларик, ты знаешь, что я не ошибся,— прошептал Дункан издевательски-сердечным тоном,— кроме того, ночные гости уже достаточно развлекли нас сегодня. Я тоже слишком устал для новых визитов.

Прежде чем Морган нашел достойный ответ, Дункан повернулся и исчез в глубине темной лестницы.

Морган покачал головой и, понимающе усмехнувшись, спокойно закрыл потайную дверь. Постояв немного с отсутствующим видом, он вернулся к камину.

Позади был длинный день и длинные две недели. И хотя уже просматривался конец, он знал, что самое трудное еще впереди.

Морган потер глаза расслабленной рукой и попытался заставить себя отвлечься от забот. Если он хочет хоть в чем-то помочь Келсону утром, то сейчас ему необходимо немного поспать.

Он передвинул кресло от камина к кровати Келсона, расстегнул плащ и без сил опустился на мягкие подушки. Как только Морган коснулся кресла, его захлестнула волна дремоты — спать, спать... Он только и успел заставить себя разуться и укрыться вместо одеяла плащом, отделанным соболями, пока сон окончательно не одолел его.

Сознание его угасало, и все же он еще смутно осознавал, что Келсон по-прежнему крепко спит, что в темной комнате все спокойно и что если что-то изменится, то он тотчас же проснется.

Успокоившись, Морган заснул.

Напротив, для лорда Яна Хоувелла эта ночь только начиналась. Высокий молодой лорд открыл дверь своей комнаты и пригласил сопровождающего его стражника войти вместе с ним.

— Как тебя зовут, друг мой? — спросил он, бесшумно прикрывая за ним дверь.

— Джек из Эльсворта, милорд,— четко ответил стражник.

Он не был похож на предыдущего, которого Ян использовал для своих черных дел. Джон из Эльсворта и по возрасту был старше, и, очевидно, дольше служил при дворе. Этот невысокий, коренастый и крепкий человек был явно очень силен, именно поэтому Ян его и выбрал.

Лорд улыбнулся своим мыслям, подходя к столу и наливая себе стакан вина.

— Очень хорошо,— сказал он, снова поворачиваясь к стражнику,— я бы хотел попросить тебя сделать для меня кое-что.

— Да, милорд,— с готовностью отозвался тот.

Ян лениво вернулся к стражнику и посмотрел ему в глаза.

— *Посмотри на меня, Джон,— приказал он.*

Стражник, немного недоумевая, посмотрел ему в глаза, а Ян поднял указательный палец.

— Видишь мой палец? — спросил он, медленно приближая его к лицу стражника.

— Да, милорд,— ответил Джон.

Стоило Яну коснуться пальцем его лба и прошептать одно слово — «спать», как глаза стражника закрылись. Яну потребовалось еще мгновение, чтобы сосредоточиться перед тем, как дать отчет своей подруге, находящейся за много миль от него. Сияние, потрескивающее вокруг лорда и его невольного медиума, призрачно отражалось на завешенной ковром стене.

— Карисса, ты меня слышишь?

Стражник приоткрыл рот и заговорил чужим голосом:

— Слышу.

Ян улыбнулся.

— Они были в усыпальнице, как ты и предсказывала, любовь моя. Келсон носит Глаз Цыгана. Не думаю, что в суматохе это заметил еще хоть кто-нибудь. Не могу сказать, насколько успешно им удалось овладеть могуществом, видно только, что мальчишка смертельно устал, но этого и следовало ожидать.

Последовала пауза, после которой стражник стал отвечать голосом глубоким и звучным, но тем самым тоном и с теми же интонациями, что и леди Карисса.

— Ну, надеюсь, он еще не успел заполучить все могущество Бриона. Что-то всегда оставляется на момент коронации. Значит, мы можем навредить им, следуя несколькими путями. Ты знаешь, что надо делать в соборе?

— Разумеется.

— Хорошо, и будь уверен, люди обвинят в происшедшем кого нужно. Сегодня ночью я получила еще одно предостережение от совета Камбера, мне велят прекратить эти игры. Естественно, я не обращаю внимания на всякие их предупреждения, но не помешало бы на ближайшее время сбить их с толку. Кроме того, Морган ведь лишь наполовину Дерини, и возможно даже, что, если наш план удастся, совет во всем обвинит его.

Ян фыркнул:

— Сама мысль, что дочь Марлука указывает совету, очаровательна. А кто заставит Корама поверить, что виноват он?..— Лорд самодовольно улыбнулся.

— Не важно, Ян,— перебила Карисса,— и довольно разговоров, а не то уморишь своего человека. Еще одна смерть может вызвать ненужные подозрения, а я не хочу, чтобы тебя застукали уже сейчас.

— Не беспокойся, крошка,— хихикнул Ян,— до скорой встречи!

— Не такой уж скорой,— ответил голос.

Сияние растаяло, и Ян открыл глаза, но все еще не выпускал стражника из-под контроля.

— Джон из Эльсворта, слышишь ли ты меня?

— Так точно.

Ян коснулся его век, слегка надавив на них.

— Ты не помнишь ничего из того, что случилось, Джон. Все ясно? Теперь я высвобожу тебя, но ты ответишь только тогда, когда я попрошу тебя позаботиться об охране моих покоев.

Стражник едва заметно кивнул.

— Хорошо. Итак,— пробормотал Ян, опуская руки,— сейчас ты проснешься и ничего не будешь помнить.

Ян успел вернуться к столу и поднять стакан с вином к тому времени, как Джон из Эльсворта открыл глаза и взглянул на него.

— Это все, что от меня требуется, милорд?

Ян покачал головой и пригубил вино.

— Да, однако будь так любезен, поставь стражника прямо за дверью, я буду тебе весьма благодарен. Убийцы бродят по Ремутскому дворцу, и я не хочу быть убитым в собственной постели.

— Хорошо, милорд,— поклонился Джон,— я прослежу, чтобы вас никто не беспокоил.

Ян поднял стакан в знак признательности и, опустошив, поставил его на стол, как только дверь за Джоном из Эльсворта закрылась.

Его непосредственная задача теперь была ясна — простое убийство, не больше; работа немного грязная и очень утомительная, поскольку в дело замешана эта троица. Однако, по-видимому, в его талантах по этой части не сомневаются. Но надоело, право.

Он сожалел, что не обладает пока могуществом, которое избавило бы его от заданий, подобных тому, какое предстоит выполнить завтра в соборе. Карисса, конечно, потом поможет ему, и он еще возьмет свое с лихвой. А сейчас, пожалуй, самое лучшее — прогуляться. Ничто так не проясняет рассудок, как верховая езда в ноябрьскую ночь; эта прогулка освежит его, поможет отогнать мысли об убийстве и настроиться на более светлый лад.

Ян быстро вышел на середину комнаты и завернулся в плащ. Затем он пробормотал заклинание, которому его научила Карисса, начертил в воздухе перед собой надлежащий знак вытянутой рукой и исчез.

Спустя некоторое время Ян пробирался верхом на лошади по густому лесу в горах к северу от Ремута. Он на минуту остановил коня, прислушиваясь к тишине, затем снова пустил его шагом, позволяя скакуну самому выбирать себе дорогу в темной безлунной ночи. Мягко падал снег, и, углубляясь во тьму, Ян плотнее завернулся в плащ с капюшоном.

Вскоре он почувствовал, что по правую руку от него идет отвесная, крутая, совершенно голая скала, вершины которой не разглядеть во мраке. Он проскакал уже около полумили, когда его вдруг окликнул чей-то хриплый голос:

— Кто идет?

— Лорд Хоувелл. Я приехал, чтобы увидеться с ее светлостью.

Слева кто-то высек огонь, и в темноте запылал факел. Человек, держащий факел, поднял его вверх и медленно пошел к Яну; в свете пламени он увидел, как его кольцом окружило с полдюжины воинов. Тут из темноты появился еще один человек с факелом и, остановившись рядом с Яном, взял поводья его коня.

— Сожалею, милорд, но мы не ждали вас сегодня ночью,— грубовато заявил он.

Ян сбросил капюшон и спешился, а говоривший передал поводья его коня другому человеку, который увел его в скрытую от глаз конюшню. Снимая перчатки, Ян оглянулся.

— Наша леди все еще здесь?

— Да, милорд,— ответил капитан охраны, касаясь участка скалы рядом с ним,— хотя не могу утверждать, что она вас ждет.

Каменная плита сдвинулась, открывая ход в глубину горы, и лорд шагнул туда, следуя за капитаном и несколькими охранниками.

— О, она ждет меня,— сказал он с лукавой улыбкой, во тьме никем не замеченной. Он подождал, пока его глаза привыкли к темноте, и уверенно направился по длинному коридору, в конце которого виднелся тусклый свет факелов.

Ян шел, слегка похлопывая по ладони кожаными перчатками, стук его каблуков громко отдавался в коридоре, отделанном мрамором. Тяжелый плащ мягко шуршал, касаясь щеголеватых сапог, ножны превосходной стали глухо постукивали о них.

Как странно порой сближает людей общая цель. Разве мог он вначале даже предположить, что так сблизится с пламенной Кариссой? А теперь дочь Марлука доверяет ему настолько, что согласилась соединить свои силы с его, дабы достичь желаемого. Еще год назад ему бы и во сне не приснилось, что он, Ян Хоувелл, станет хозяином Корвина.

Он улыбнулся, подумав еще кое о чем, но не позволил эмоциям завладеть рассудком и остановил себя. Дальнейшее могущество и власть будут принадлежать тому, кто сможет их взять. А когда имеешь дело с такими, как Карисса, лучше даже не думать об этом. Если Келсон и Морган умрут и его господство в Корвине будет прочным, у него будет время поразмыслить обо всем. Пока же...

Он спускался по гранитной лестнице, весело позвякивая серебряными шпорами; факелы в литых бронзовых держателях отбрасывали кровавые отсветы на его каштановые волосы, но еще более кровавыми были мысли этого человека, шагавшего так уверенно.

Он прошел пост охраны и принял четкий салют с подчеркнутой, будничной бесстрастностью, затем приблизился к двойным золотым дверям, охраняемым двумя высокими маврами.

Они не пошевелились, чтобы остановить его, и Ян молча проскользнул в дверь. Опершись спиной о разукрашенную дверную

ручку, он, на время отогнав все злобные мысли, решительно остановил свой взгляд на Кариссе, которая сидя расчесывала длинные светлые волосы.

— Ну что, Ян? — спросила она низким охрипшим голосом, скривив полные губы в легкой сардонической усмешке.

Он лениво двинулся к ней с небрежной решимостью.

— Я пришел, как говорил, моя крошка.— Приблизившись, Ян вкрадчиво погладил ее по плечу.— А ты не ждала?

Он медленно налил вино из хрустального графина, выпил, снова налил и отнес бокал на низкий столик, стоящий рядом с широкой кроватью.

— Ты разыграл этот спектакль в соответствии со своими способностями,— нанесла Карисса ответный удар.

Ян снял тяжелый плащ и бросил его на скамью, отстегнул и положил на пол меч, а затем опустился на покрытую атласом постель.

— Очевидно, на сегодня ты уже сделал все, что мог, не так ли? — спросила Карисса.

Она положила гребень с серебряной ручкой на туалетный столик и встала, собирая в лазурное облако складки платья из тонкой воздушной ткани.

— Думаю, что да,— улыбнулся Ян, опираясь на локоть и поднимая стакан вина.— Келсон отдал приказ не беспокоить его до утра. Если там что-либо изменится, мы сразу узнаем — за ним кое-кто наблюдает.

Ян жадно ловил глазами каждое движение женщины, приближающейся к нему.

— Итак, он отдал приказ не беспокоить его, да? — Она дотронулась кончиками тонких пальцев до его плеча и улыбнулась.— Думаю, и я отдам такой же.

Глава XII

ЛИШНИЙ СМЕХ — К СЛЕЗАМ

Утреннюю тишину нарушил резкий скрип двери. Морган потянулся, открыл один глаз, и сразу же его охватила тревога. В комнате было светло, и он понял, что пора вставать, а между тем чувствовал он себя отвратительно — чтобы полностью восстановить

силы, краткого сна ему явно не хватило. Однако, несмотря на это, он должен быть готов ко всему.

Встав на ноги, Морган подошел к двери и осторожно взялся за щеколду, быстро нащупав другой ладонью рукоятку стилета.

— Кто там? — тихо спросил он.

— Родрик, лорд-камергер, ваша светлость,— ответили ему,— королевский постельничий желает знать, когда его величество соизволит принять омовение и облачиться.

Морган вложил стилет в ножны, отодвинул затвор и открыл дверь. За ней стоял величавый седовласый джентльмен в темном бургундском бархате; увидев генерала, он раскланялся.

— Ваша светлость.

— Который час, лорд Родрик? — мягко спросил Морган.

— Четвертый, ваша светлость. Я бы разбудил вас раньше, но подумал, что и вам, и его высочеству неплохо поспать побольше. До церемонии еще больше часа.

Морган улыбнулся:

— Спасибо, лорд Родрик. Скажите постельничьим, что Келсон вскоре будет готов. И еще посмотрите, если это вас не затруднит, что там поделывает мой оруженосец, лорд Дерри. Если я в таком виде явлюсь на коронацию, кое-кто окончательно решит, что я и в самом деле такой негодяй, как обо мне болтают.

Он потрогал рукой золотистую щетину на подбородке, и камергер с трудом подавил улыбку.

Они с генералом были старыми друзьями еще с тех пор, как Морган стал пажом при королевском дворе. Родрик был камергером уже тогда, и игры, в которые он играл с Морганом, приятно было вспомнить. Золотоволосый мальчик сразу покорил сердце Родрика, но и сейчас, когда он повзрослел, добрые чувства лорда-камергера нисколько не изменились.

Он поймал взгляд Моргана, и его глаза понимающе сверкнули.

— Кое-кто, ваша светлость, никогда в вас не сомневался, а? — сказал он, не столько спрашивая, сколько утверждая.— Ваша светлость больше ни в чем не нуждается?

Морган покачал головой, затем щелкнул пальцами, припомнив, о чем хотел попросить.

— Да. Пошлите, если можно, за монсеньором Маклайном. Келсон хотел бы повидаться с ним прежде, чем отправится в собор.

— Хорошо, ваша светлость,— поклонился Родрик.

Закрыв дверь и задвинув щеколду, Морган почувствовал, что в комнате опять холодно, и прошел босиком к очагу, чтобы раздуть огонь и подбросить поленьев. Убедившись, что огонь разгорелся, он быстро направился к балконной двери, слегка приплясывая: холодные плиты пола обжигали босые ступни.

Откинув голубую сатиновую занавесь и пустив в комнату бледный солнечный свет, Морган наконец совсем проснулся. Он обернулся, встретил взгляд Келсона, улыбнулся ему и, подойдя, сел на край кровати.

— Доброе утро, мой принц,— приветствовал он его.— Как вы себя чувствуете?

Мальчик сел на кровати и осмотрелся.

— Хм, холодновато. И я умираю от голода. Который час?

Морган рассмеялся, дотронулся до лба Келсона, потом взял его раненую руку и начал разматывать бинт.

— Не так поздно, как вы думаете, мой принц,— усмехнулся он.— Ваши слуги подготовили вам омовение, и вы сможете приступить к нему немедленно. А есть вам, вы знаете, нельзя до коронации.

Келсон поморщился и склонил голову, наблюдая, как Морган распутывает бинт. Только блеклая розовая точка на коже напоминала о событиях предыдущей ночи. И пока Морган сгибал и поворачивал руку, Келсон удивлялся, что не ощущает даже легкого неудобства, двигая ею.

Он тревожно поглядывал на Моргана, пока тот осматривал его руку.

— Все в порядке?

Морган успокаивающе похлопал мальчика по руке.

— Да. Вы здоровехоньки.

Келсон улыбнулся:

— Так мне незачем оставаться в постели?

— Совершенно незачем.

Морган дотянулся и взял плащ Келсона, висевший на спинке кровати, потом встал и помог мальчику надеть его. Завернувшись в плащ, принц поспешил к очагу и опустился на меховую шкуру возле него, чтобы согреться.

— М-м-м, это неплохо,— сказал он, потирая ладони и приглаживая растрепанные волосы.— Что дальше?

Морган, подойдя, поворошил дрова.

— Прежде всего омовение. Оно вроде бы готово. Затем я пошлю постельничьих помочь вам одеться.

Келсон перестал тереть ладони и раздраженно сморщил нос.

— Какого черта, я и сам могу одеться.

— Королю полагаются слуги, которые одевают его для коронации,— засмеялся Морган, беря мальчика за руку и склоняясь к его ногам.— Это традиция. Да и незачем засорять голову практикой надевания странных плащей, когда вам необходимо обдумать гораздо более важные вещи.

Он подвел Келсона к двери, ведущей в королевскую уборную, но мальчик остановился и с подозрением взглянул на Моргана.

— Значит, меня будут одевать слуги? Сколько их?

— Как я знаю — вроде бы шесть,— ответил Морган, неопределенно поднимая бровь.

— Шесть! — возмутился Келсон.— Морган, да не нужно мне шесть слуг!

— Это бунт? — спросил Морган, подавляя смех.

Он знал отношение Келсона к личной прислуге — он и сам терпеть не мог всей этой мелочной суеты. Но нынче был особый день. Келсон знал это и, судя по тону, с каким он говорил, отдавал себе отчет в значительности ситуации.

Однако и Морган понимал, что не должен оставлять за собой последнего слова.

Открыв дверь и заглянув в комнату, мальчик внезапно обернулся и взглянул на Моргана с наигранным гневом:

— Я считал, что вы продумали все это получше.

— Я продумывал получше, как вам царствовать,— ответил Морган. Его терпение уже начало истощаться.— Пойдемте!

Он сделал вид, что сейчас поведет мальчика за руку, и тот, увернувшись, скользнул в дверной проем. Дверь закрылась, но только после того, как Келсон обернулся и показал Моргану язык.

Генерал поднял глаза к небу, призывая про себя всех святых, дабы держать в узде прихоти королевских наследников. Казалось, та зрелость, какую проявил Келсон накануне, совершенно исчезла, и оставалось надеяться, что это настроение не продлится целый день. Морган собрался было обдумать дальнейшие действия, но в дверь снова постучали.

— Кто там?

— Дерри, милорд,— ответил знакомый голос.

Генерал прошел к двери и быстро впустил Дерри. С молодым лордом были два кавалера, которые несли горячую воду, полотенце и чистую одежду. Сам Дерри выглядел отдохнувшим и свежим в своей хрустящей накрахмаленной куртке. На его левой

руке не было повязки, и только это напоминало о событиях прошедшей ночи.

— Рад видеть тебя полностью выздоровевшим,— заметил Морган.

— Да. Странно, не правда ли, милорд? — сдержанно сказал Дерри.— Я и не думал, что вы...

— Позже, Дерри,— прервал генерал, отступив в сторону, чтобы они могли войти.— Сейчас мне необходимо привести себя в порядок, приняв ванну.

— Да, милорд,— сказал Дерри, подавая знак сопровождавшим его кавалерам.— Следуйте за мной, я объясню вам, что от вас требуется.

Морган покачал головой и усмехнулся, глядя, как Дерри берет все в свои руки, и прошел следом за ними в комнату. Во всяком случае, он не мог явиться на коронацию, выглядя как легендарный Торентский дикарь. А объясниться с Дерри он успеет, когда они окажутся наедине.

В это время в другой части дворца находился некто, чей день начался несколько часов назад в месте, расположенном в нескольких милях отсюда. Послан он был неописуемо прекрасной и жестокой женщиной, и на крыльях заклинаний Дерини был доставлен сюда с особым заданием, после которого должен был вернуться.

В этот момент он прятался в нише одного из главных коридоров, поджидая, когда появятся те, кто ему нужен. Мимо проходили большие группы пажей и кавалеров — явно из свиты Келсона — в форменных ливреях и белых с золотом плащах. Но тех, кого он ждал, все не было.

После десяти минут ожидания, в течение которых ему пришлось трижды кутаться в золотистый плащ, чтобы его не обнаружили, наконец-то появилась его добыча — два кавалера несли блистающие одежды из черного бархата и шкатулку с драгоценностями из полированного дерева.

Расчет Яна был прост: он вышел из укрытия как раз в тот момент, когда они проходили мимо ниши, вышел так, что нечаянно сбил одного кавалера с ног. Ян учтиво извинился, помог молодому человеку подняться и нагнулся, собирая выпавшие из шкатулки безделушки и цепочки.

Молодой человек, растерявшийся от столь неожиданного столкновения, конечно, ничего не заметил, да ему и в голову не при-

шло, что славный лорд Ян может подменить одну из важнейших государственных реликвий — знак Королевского Поборника.

Тем временем Морган в покоях Келсона критически рассматривал свое отражение в небольшом зеркале, а Дерри стирал остатки мыльной пены с его щек и ушей. После ванны и бритья генерал чувствовал себя почти заново родившимся. Он был в чистой рубашке и исподнем — такой роскоши Морган не знал уже несколько последних месяцев и, откровенно говоря, испытывал блаженство.

Когда Дерри отпустил слуг, помогавших ему, в комнату проскользнул Дункан; встретив взгляд молодого лорда-гофмейстера, он укоризненно покачал головой, сетуя, что его не позвали раньше.

Тихо подойдя к Моргану, он поменялся местами с Дерри и пробормотал, стряхивая пылинки с его белой льняной рубашки.

— Так, так... Нам нужно постараться, чтобы он получше выглядел.

Удивленный Морган чуть было не схватился за оружие, но, узнав Дункана, усмехнулся. Тем временем Дерри, закончив свои дела, уселся в кресло.

— Надеюсь, ты больше не будешь пугать меня так.— Генерал посмотрел на Дункана.— Я мог оставить тебя без головы, прежде чем догадался бы, что это ты.

Дункан улыбнулся и небрежно облокотился на подлокотник другого кресла.

— Думаю, ты все же успел бы догадаться,— мягко возразил он.— С тех пор как я покинул вас, ничего не случилось, надеюсь?

Морган кивнул.

— А что еще могло случиться?

— Землетрясение, наводнение, что угодно,— пожал плечами Дункан.— А вот у меня есть для тебя небольшой сюрприз.

— Ты уверен, что я выдержу это? — усомнился Морган.— После всех сюрпризов, выпавших на нашу долю за последние двадцать четыре часа, сомневаюсь, что я перенесу еще что-то в этом роде.

— О, это перенесешь,— усмехнулся Дункан. Он достал из-за пояса нечто, завернутое в бархатную ткань, и подал Моргану.— Келсон попросил передать это тебе. Кажется, он хочет назначить тебя Королевским Поборником.

— Поборником? — повторил Морган и уставился на кузена расширившимися глазами.— Откуда ты знаешь?

— Ну, в конце концов, Келсон иногда говорит мне кое-что такое, что не говорит даже тебе,— сказал Дункан, с невинным видом глядя в потолок.— Да и кто еще может быть им, если не ты, вояка? Я, что ли?

Морган удовлетворенно усмехнулся, разворачивая бархат. В массивной золотой оправе мерцал обтесанный оникс, на лицевой стороне которого был вырезан Золотой Гвиннедский лев.

Морган с благоговением полюбовался на него, потом подул и потер его рукавом — гемма блистала, как морозная полночь. Генерал надел его на правый указательный палец, затем вытянул обе руки рядом ладонями вниз. Гвиннедский лев и Корвинский грифон мерцали золотым и зеленым.

— Я ничего не понимаю,— в конце концов прошептал Морган, растерянно опустив руки.— Я не возьму в толк, почему он сделал это, ведь титул Поборника всегда был наследственным.

Он осмотрелся вокруг, словно не веря себе, потом с улыбкой покачал головой.

Дункан тоже улыбнулся:

— Кстати, где Келсон?

— Принимает омовение,— ответил Морган, взяв начищенный сапог и доводя его до блеска мягкой тряпочкой.— Он немного, как бы это сказать, расстроился тем, что его будут одевать сегодня утром; все спрашивал, почему не может одеться сам. Я напомнил, что это одно из испытаний королевской власти, которую он принимает на себя,— и это, кажется, почти удовлетворило его.

Дункан взял другой сапог Моргана и засмеялся:

— Если бы он знал, что ему придется сегодня вынести, он был бы очень рад, что его одевают. Помню, я был весьма благодарен, если находился хотя бы один помощник, который облегчал мне подготовку к важной церемонии.

Он легко вздохнул.

— Там так много всяких шнурков и узелков!

Морган фыркнул.

— Ха-ха! Ты же любишь это!

Он взял у Дункана второй сапог и стал энергично тереть его.

— Но все-таки, что еще было ночью?

— Ничего. Легли спать,— ответил Морган.

Пока он натягивал сапоги, Дункан взял кольчугу генерала и вывернул ее на правую сторону. Морган просунул голову и руки в отверстия кольчуги, натянув ее на белую льняную рубашку.

Поверх же кольчуги он надел красивую легкую рубашку из красного шелка со шнуровкой впереди. Дункан завязал шнурки на запястьях, затем надел на кузена черное бархатное облачение, украшенное золотым шитьем и жемчугом. Моргана слегка позабавил вздох, сопроводивший это, но он воздержался от каких бы то ни было комментариев. Он поправил широкие с прорезью рукава, сверкнувшие багровой изнанкой, и вытянул руки, пока Дункан перевязывал его талию широким малиновым поясом.

Дотянувшись до клинка Моргана в старых кожаных ножнах и прицепив его к висящему на поясе кольцу, священник отступил назад, оглядывая друга долгим придирчивым взглядом. Покачав головой, он поднял бровь в поддельном отчаянии.

— Нет, к тебе просто не подступиться! — произнес Дункан.— Судя по всему, ты будешь самым дьявольским Поборником из всех, что были с давних времен!

— Ты совершенно прав! — согласился Морган, приняв важную позу.

— И ты будешь самым тщеславным Поборником, какого мы когда-либо видели! — продолжал его кузен.

— Что?

Дункан поднял палец вверх.

— Запомни, Аларик, я твой духовный отец. Я говорю тебе это для твоей же пользы.

Сохранять и дальше серьезный вид Морган не смог — его охватил смех. Почти одновременно и Дункан начал хохотать, в изнеможении опустившись на ближайший стул.

В дверях, ведущих в уборную Келсона, показался слуга, одетый в красную ливрею, с недовольным выражением на лице — по-видимому, их хохот был слышен и в соседней комнате.

— Что-то не так, ваша светлость? — спросил он холодно.

Морган заставил себя сдержать смех, покачал головой и отослал слугу, но, спохватившись, окликнул снова.

— Готов ли его высочество? Монсеньор Маклайн скоро отправится в собор.

— Я готов, отец,— сказал Келсон, входя в комнату.

Морган невольно выпрямился, а Дункан поднялся на ноги, когда он появился перед ними в королевских, блистающих золотом одеждах. С трудом верилось, что это — тот самый мальчик, который испуганно преклонял с ними колени минувшей ночью.

Весь в шелку и атласе, он стоял перед ними, как юный ангел; белоснежный цвет его одеяния нарушала лишь нежная игра

золота и рубинов, украшавших края одежды. Поверх всего был надет великолепный, с малиновой подкладкой, плащ из атласа цвета слоновой кости, украшенный жемчугом в золотой и серебряной оправе.

В руках он держал изящные лайковые перчатки и пару позолоченных серебряных шпор. Его голова с орлиным профилем была обнажена, как и приличествует некоронованному монарху.

— Я вижу, вам сообщили о вашем новом титуле,— сказал мальчик, с одобрением глядя на новый наряд Моргана.— Вот,— протянул он шпоры.— Это для вас.

Морган поблагодарил его, встав на одно колено и склонив голову.

— Мой принц, у меня нет слов.

— Ничего страшного,— ответил Келсон.— Не будьте только косноязычны, когда мне нужна будет ваша помощь.

Он вручил шпоры Моргану и попросил его встать, а потом повернулся к стоящему в дверях слуге.

— Жиль, остальные регалии генерала Моргана у вас?

Тот склонился, подал знак кому-то за дверью, и вошли еще трое слуг, внося шкатулку, чуть раньше опрокинутую Яном в коридоре, и широкую перевязь из красной кожи, тисненной золотом. Все трое, ожидая приказаний, построились в линию за спиной генерала. Келсон повернулся к Моргану.

— Как Королевскому Поборнику вам полагается надеть для предстоящей церемонии еще несколько вещиц,— сказал он с улыбкой.— Надеюсь, вы не будете возражать, если слуги помогут вам в этом, пока я поговорю с моим исповедником.

Слуги со всех сторон окружили Моргана, а принц подал Дункану знак следовать за ним. Они вышли на балкон и закрыли двери. Через стекло было видно, как надоедливо суетятся вокруг Моргана слуги. Келсон, бросив взгляд на эту сцену, обернулся к Дункану.

— Как вы думаете, отец, я не очень его огорчил?

Дункан улыбнулся и покачал головой.

— Полагаю, не очень, мой принц. Он так взволнован вашим доверием, что, по-моему, не может сердиться совсем.

Келсон улыбнулся и окинул взглядом улицу, опершись локтями на холодные каменные перила балкона. Волосы принца развевал ветер; одеяние же было настолько тяжелым, что не шелохнулось под его порывами. Грозовые облака пересекали небо, угрожая скрыть солнце, и воздух становился все более влажным.

Келсон сложил руки на груди, посмотрел под ноги и в конце концов тихо спросил:

— Отец, что делает человека королем?

Дункан минуту обдумывал ответ, затем подошел к перилам и встал возле мальчика.

— Я не уверен, что кто-то может полно ответить на этот вопрос, сын мой,— задумчиво сказал он.— Может быть, короли не так уж отличаются от обычных людей, просто на них лежит более тяжкая ответственность. Думаю, на сей счет вам не надо особенно беспокоиться.

— Но некоторые из королей — не совсем обычные люди, отец,— мягко возразил Келсон.— Как они справляются с тем, что зависит от них? И если, допустим, король обнаруживает, что в нем нет ничего необычного? Как ему быть, если обстоятельства требуют, а он...

— Вы не обычный человек, Келсон,— ответил Дункан.— И будете необычным королем. Не сомневайтесь в этом. И не забывайте этого.

Келсон задумался, затем повернулся и преклонил колени перед священником.

— Отец, благословите меня,— прошептал он, склоняя голову.— Обычный я человек или нет, но я боюсь и чувствую себя не совсем как король.

Морган раздражался все больше. Королевские слуги сновали вокруг него, с усилием заставляя Моргана стоять смирно и подчиняться, пока Келсон не позовет его на балкон. Но это было трудно — в окружении стольких слуг он чувствовал себя почти больным.

Два кавалера, склонившись к его ногам, прицепляли к сапогам золотые шпоры и доводили темную кожу до еще большего блеска. Тот, что звался Жилем, взял клинок Моргана и отдал его одному из своих товарищей, а затем перекинул красную кожаную перевязь ему через плечо, и когда снова прицепил меч, Морган облегченно вздохнул — без клинка он казался себе почти обнаженным. От стилета в металлических ножнах, болтавшегося на его запястье, толку будет немного, если кто-то из этих людей вдруг пожелает избавить мир еще от одного Дерини.

Морган поправил меч, а Жиль достал из деревянной шкатулки темно-золотую цепь с висящим на ней кулоном — знак достоинства Поборника.

Вся эта суета, однако, не доставляла генералу удовольствия, и он взял у слуги цепь и сам надел ее на шею. Чем скорее все это закончится, тем лучше.

Два кавалера преклонили колени и вновь протерли тряпочкой его сапоги, потом встали и в третий раз оправили края его одежд.

Потом они подвели его к зеркалу, которое держал Жиль; кавалеры, прицеплявшие шпоры, держали наготове великолепный плащ из черного бархата, подбитый темно-малиновым шелком, с воротником из черной лисы.

Морган поднял бровь — никогда еще он не носил столь великолепной одежды.

Он повернулся, чтобы взглянуть на свой профиль в зеркале, когда в дверь начали с силой колотить. Морган схватился за рукоятку меча, а слуги застыли в изумлении; внезапно стук прекратился, и послышался крик:

— Аларик! Аларик, вы еще здесь? Я должен поговорить с вами!

Это был голос Нигеля.

Морган сделал четыре больших шага к двери и отодвинул задвижку. Едва он отворил, Нигель ворвался в комнату и закрыл за собой дверь. Герцог королевства был необычайно взволнован.

— Где Келсон? — Его глаза тревожно обежали комнату.— Все — вон,— приказал он слугам.

Когда они ушли, Морган подошел к балконной двери и постучал по стеклу. Дункан оглянулся, увидел тревогу на его лице, разглядел Нигеля за его спиной и помог Келсону встать на ноги. Морган открыл дверь балкона и отошел в сторону, пропуская принца и священника.

— Что такое, дядя? — спросил Келсон, увидев мрачное лицо Нигеля.

Нигель закусил губу и нахмурился. Как сказать мальчику, что он только что видел, и главное — сказать так, чтобы это не прозвучало обвинением?

— Келсон,— начал он, не глядя никому в глаза.— Мне нелегко сказать то, с чем я пришел...

— Короче,— прервал его Морган.

Нигель кивнул, тяжело сглотнул слюну и продолжил:

— Хорошо. Ночью кто-то вскрыл могилу Бриона.

Келсон быстро переглянулся с Морганом и Дунканом и вновь посмотрел на Нигеля.

— Продолжайте, дядя.

Нигель пристально взглянул на Келсона и в страхе опустил глаза: мальчик не удивлен! Не может же быть?..

— Кто-то проник в усыпальницу и вскрыл саркофаг,— осторожно продолжал Нигель.— С тела сняли жемчуга, прекрасные одежды,— его голос прервался,— и оставили нагой труп на каменном полу.— Он перешел на шепот.— Два охранника найдены с перерезанным горлом... А Роджер — Роджер умер на могиле, с кинжалом в одной руке... На его мертвом лице застыло выражение смертельного ужаса, он боролся, он защищал тело Бриона...

Лицо Келсона побледнело, и он прижался в поисках защиты к руке священника. И Дункан, тоже побелевший, и Морган — оба опустили глаза.

— Ты хочешь спросить, не мы ли сделали это, Нигель? — проговорил генерал.

— Вы,— голова Нигеля дернулась,— боже мой, я знаю, что вы на такое не способны! — Он снова посмотрел в пол и переступил с ноги на ногу, еще беспокойнее, чем прежде.— Хотя знаете, что говорят?

— Что проклятые Дерини наконец себя показали,— спокойно сказал Дункан.— И оправдаться почти невозможно, потому что мы были на могиле ночью.

Нигель тихо кивнул.

— Я знаю.

— Знаете? — переспросил Дункан.

Нигель глубоко вздохнул, и плечи его опустились еще ниже.

— Все правильно. И я боюсь во всей этой истории даже не за Аларика. Я сказал, что одной рукой Роджер сжимал кинжал, но умолчал о том, что было в другой его руке.

Все трое замерли.

— В ней было серебряное распятие — ваше, Дункан!

Глава XIII

«ЗАЩИТНИК ВЛАСТЬ ТВОЮ СКРЕПИТ ПЕЧАТЬЮ...»

— Серебряное распятие — ваше, Дункан!

Священник затаил дыхание. Это обвинение он оспаривать не мог, так как распятие действительно принадлежало ему. Вдобавок опись всего, что было на Брионе в день похорон, занесена в

протокол. Точно так же, как сейчас занесено в протокол то, что гробница разграблена, и то, что там найдено простое серебряное распятие.

Дункан вдруг осознал, что стоит не дыша, и сделал долгий выдох. Это происшествие совершенно меняло положение. Теперь с него спросят не просто за соучастие в каких-то сомнительных делах, но могут вынести прямое обвинение. Насколько он знал, только Аларику и Келсону было известно, что он происходит из Дерини, и он бы предпочел, чтобы это так и оставалось. Однако сейчас ему неизбежно зададут вопросы, на которые будет весьма затруднительно ответить, объясняя свою роль в той ночной вылазке.

Он неловко откашлялся и наконец решил признаться Нигелю, рассчитывая по крайней мере на то, что герцог сохранит тайну, если даже придется сказать ему все.

— Мы были у гробницы сегодня ночью, Нигель. И мы действительно вскрывали могилу Бриона,— медленно начал Дункан,— я даже не пытаюсь отрицать этого.— Он судорожно сцепил руки.— Однако когда мы уходили, гробница была опечатана, а Роджер и стражники — живы. Нет нужды говорить, что мы не имеем отношения к их смерти.

Нигель покачал головой в полном недоумении.

— Но зачем, Дункан? Зачем вы вскрыли гробницу? Этого я никак не пойму.

— Все, что должно произойти сегодня, оказалось бы под ударом, если бы мы не сделали этого,— вмешался Морган.— Согласно ритуалу, описанному в завещании Бриона, следовало передать Келсону нечто, похороненное вместе с Брионом. Не имея другого выхода, мы вынуждены были вскрыть могилу.— Он взглянул на свои руки, на которых сверкали два кольца.— Кроме того, мы сделали еще кое-что, Нигель. Тело Бриона находилось под воздействием заклинания, меняющего внешность, и это в какой-то степени связывало его душу. Мы сняли заклятие, освободив его.

— О господи! — пробормотал Нигель.— А вы уверены, что это все, что вы сделали?

— Нет,— ответил Морган,— мы еще взяли то, за чем пришли: Глаз Цыгана. Келсон не хотел брать его без замены, тогда Дункан дал ему свое распятие, и принц оставил его в руках отца. Мы и не предполагали, что кто-то еще раз вскроет гробницу после нашего ухода.

— Но ее вскрыли,— прошептал Нигель, качая головой.— Бедный Брион! Бедный Келсон. Вы понимаете, вас всех обвинят, невзирая на то, что вы говорите. Аларик, что же нам делать?

Морган ничего не успел ответить — в дверь постучали, и Нигель удрученно вздохнул.

— О боже, наверное, это Джеанна! Ей уже все известно. Лучше бы вы ее впустили, прежде чем она прикажет выломать дверь.

Не говоря ни слова, Келсон направился к двери и отодвинул засов. Разъяренная Джеанна ворвалась в покои с проклятиями, но принц вовремя захлопнул за ней дверь, не впустив никого из ее сопровождающих. Джеанна была сама не своя, выглядела она ужасно; королева гневно набросилась на Дункана и Моргана.

— Как вы посмели? — выдавила она сквозь зубы.— Как вы посмели так над ним надругаться? А вы, отец Дункан? Вы, называющий себя «слуга Господень»? Убийцы не имеют права носить это звание!

В ее левой руке сверкнуло золоченое распятие Дункана, потемневшее и приобретшее красноватый оттенок; она размахивала им перед самым носом священника.

— Что вы на это скажете? — не повышая тона, все тем же низким мертвенным голосом спросила она.— Надеюсь, вы потрудитесь объясниться?

Поскольку Дункан молчал, она хотела было наброситься на Моргана, но тут заметила Глаз Цыгана, тускло поблескивающий в правом ухе Келсона. Королева застыла, не веря своим глазам, потом гневно и холодно бросила сыну:

— Ты — чудовище! Ты — ублюдочное порождение тьмы! Ты мог осквернить гробницу отца, мог стать убийцей из-за власти? Ты еще увидишь, Келсон, до чего тебя доведут эти грязные Дерини!

Келсон от ужаса лишился дара речи — как она могла поверить, будто он способен на такое? Зачем она все так извращает, зачем связывает его и Моргана с кошмарным событием, происшедшим ночью в соборе?

— Джеанна,— тихо сказал Морган,— все было совсем не так, как вы думаете. Мы были...

— Ничего не хочу слышать! — повернулась она к нему с холодной яростью.— Запрещаю вам даже строить предположения, о чем я думаю, вы, изверг! Сначала вы развратили моего мужа, может быть, даже довели его до смерти, судя по тому, что я знаю,

а теперь пытаетесь проделать то же самое с моим единственным сыном; и Роджер, бедный, невинный Роджер зверски убит, сражен...— Тут ее голос прервался.— Ну, можете вынуть этот камень сами, Дерини. Я не собираюсь оказывать ни малейшей поддержки в том, что вы собираетесь делать. А ты, Келсон, лучше бы ты не рождался на свет.

— Матушка.— Келсон побелел.

— Не называй меня так,— ответила она, отворачиваясь и шествуя к двери,— я не желаю отныне иметь с тобой ничего общего. Пусть Морган ведет тебя на коронацию. Я не желаю видеть, как гвиннедский престол занимает...

Она горько зарыдала, закрыв лицо руками и повернувшись ко всем спиной. Келсон направился было к ней, но Морган остановил его жестким взглядом. Если у них еще остался хотя бы ничтожный шанс на успех, они должны заручиться поддержкой Джеанны, даже принудив ее к этому. Настала пора выложить козырную карту.

— Джеанна,— ласково позвал он.

— Оставьте меня! — всхлипнула она.

Морган подошел к ней и тихо заговорил:

— Ну, хорошо, Джеанна. Я был не всегда откровенен с вами. Сейчас мы кое о чем должны поговорить напрямик, это не займет много времени. Келсон невиновен в том, в чем вы его обвиняете, и...

— Приберегите уловки Дерини для кого-нибудь другого, Морган,— ответила королева, вытирая глаза и протягивая руку к дверной задвижке.

Морган преградил ей дорогу и прислонился спиной к двери, глядя ей прямо в глаза.

— Уловки Дерини, Джеанна? — тихо переспросил он.— Звучит слишком сильно, вам не кажется? Особенно в ваших устах...

Джеанна застыла на миг со смущенным и испуганным видом.

— Что вы имеете в виду?

— Не разыгрывайте святое неведение, вы знаете, о чем я говорю. Удивляюсь, почему я раньше не догадался. Это объяснило бы многое в вашем поведении.

— Что вы имеете в виду? — требовала Джеанна почти машинально, обезоруженная тоном Моргана.

— Что? Да конечно же то, что в вас течет кровь Дерини,— спокойно сказал он.— Скажите только, по материнской линии или по отцовской, а может — по обеим?

— Во мне кровь Дер... Морган, да вы с ума сошли! — прошептала она, расширив глаза от ужаса, выдавая этим собственные сомнения.

Морган слегка улыбнулся.

— Не думаю. В Келсоне многое указывает на происхождение от Дерини. Откуда бы это, если мы точно знаем, что не от Бриона?

Джеанна натужно рассмеялась:

— Никогда не слышала ничего более нелепого! Кто не знает, как я отношусь к Дерини?

— Да ведь не секрет, что те, кто громче других порочил Дерини, сами часто оказывались ими. И на вопрос, почему так происходит, тоже есть ответ: причина кроется в глубоко запрятанном чувстве вины. Может быть, это происходит потому, что люди поколениями подавляют свою истинную природу, отказываясь от своего подлинного наследия.

— Нет! — воскликнула Джеанна.— Неправда! Если бы это было так, я бы знала.

— А может быть, в некотором смысле вы всегда знали об этом?

— Нет! Я никогда...

— Вы можете доказать это? — мягко спросил Морган.— Вы же знаете, есть один способ.

— Какой? — прошептала Джеанна, отшатнувшись.

Морган взял ее за руку и приблизил к себе.

— Давайте я загляну в ваши мысли, Джеанна, давайте выясним это раз и навсегда.

Глаза ее расширились от ужаса, она попыталась вырваться.

— Нет! Пожалуйста, не надо!

Морган не выпускал ее руки.

— Тогда хотите — заключим соглашение?

— Какое соглашение? — прошептала Джеанна.

— Очень простое,— непринужденно продолжал Морган.— Думаю, мы оба знаем, что бы я нашел, заглянув в ваши мысли. Но, жалея вас, я позволяю вам хранить небольшую тайну как можно дольше, при условии...

— Каком?

— Что вы пойдете на коронацию и, по крайней мере внешне, поддержите Келсона. Что вы также не будете вмешиваться ни во что из происходящего сегодня. Согласны?

— Это что, ультиматум? — спросила Джеанна.

— Как пожелаете,— спокойно ответил Морган.— Только какая разница? Или я заглядываю в ваши мысли, или вы объединяетесь с нами, по крайней мере на сегодня.

Джеанна отвела взгляд от Моргана и украдкой взглянула на Келсона. Морган применил действенную угрозу. Джеанна в самом деле подозревала, что среди ее предков были Дерини, и это делало его угрозу еще более ужасной. Ей страшно было представить, что это выяснится сейчас, и она решила, что присутствие на коронации — меньшее из двух зол.

Она подняла голову, но не взглянула на Моргана.

— Хорошо,— шепнула она; голос ее звучал в тишине кротко и покорно.

— Что хорошо? — настаивал Морган.

— Хорошо, я пойду на коронацию,— неохотно ответила Джеанна.

— И вы будете сдерживать себя? Вы не будете устраивать сцен и затруднять наше положение? Я обещаю вам, Джеанна, что все решится к вашему удовлетворению. Вы не будете разочарованы. Доверьтесь нам.

— Довериться вам? — пробормотала она.— Да, кажется, у меня и нет другого выхода, не правда ли? — Она опустила взгляд.— Я... я не буду устраивать сцен.

Морган кивнул и выпустил ее руку.

— Благодарю вас, Джеанна.

— Не благодарите меня, Морган,— пробормотала она, открывая дверь,— помните, что вы заставили меня сделать это, вынудили пойти против собственной воли. Я по-прежнему не желаю того, что должно совершиться. А теперь, извините меня, встретимся позже на коронации.

Повинуясь жесту Моргана, Нигель поднялся и вышел вместе с Джеанной, тихо закрыв за собой дверь.

Помолчав, Морган повернулся к Дункану и Келсону и вздохнул.

— Да, похоже, теперь нам предстоит действовать только по обстоятельствам. Мы никак уже не успеем подготовиться. Сожалею, что обошелся так грубо с вашей матушкой, Келсон, но это было необходимо.

— А что, Морган, во мне и вправду есть кровь Дерини? — спросил мальчик.— Откуда вы это взяли? Или это только уловка, для того чтобы матушка объединилась с нами?

Морган пожал плечами, увлекая обоих к двери.

— Точно мы не знаем, Келсон. По некоторым признакам вы — Дерини, и при других обстоятельствах я бы просто заглянул в ваши мысли, чтобы проверить это. Но сейчас не самое подходящее время, чтобы расходовать силы на удовлетворение любопытства. Лучше положитесь-ка сегодня на могущество Бриона.

— Я понимаю,— сказал Келсон.

— Хорошо. Итак, процессии пора двигаться,— заключил Морган.— Дункан?

— Я готов,— ответил священник.

— Мой принц?

Келсон глубоко вздохнул.

— Идем,— сказал он.

Карисса подняла голову и оторвала глаза от кристалла.

— Так эта маленькая королева — Дерини,— пробормотала она.— Ян, ты не прекратишь расхаживать? Ты нервируешь меня!

Ян тотчас остановился и сделал полупоклон в сторону Кариссы.

— Извини, крошка,— благодушно ответил он.— Но ты знаешь, как я ненавижу ждать. Я мечтал об этом дне много месяцев.

— Я знаю,— сказала Карисса, водружая на светлые волосы сапфировую корону.— Потерпи еще немного, и будешь хорошо вознагражден.

Ян кивнул и поднял заздравный кубок.

— Спасибо, любовь моя. А Джеанна? Ты думаешь, она — Дерини?

— Если да, то уж от меня она не уйдет,— безразличным тоном сказала герцогиня.— Меньше всего меня беспокоят сегодня необученные Дерини, сами не знающие о своем происхождении.

Ян встал, водрузил на место меч, потом взял свой золотистый плащ и перекинул его через руку.

— Ну, я, пожалуй, пойду. Процессия сейчас двинется. Ты уверена, что меня не заподозрят до последней минуты?

Карисса криво усмехнулась.

— Нет, если обойдешься без своих приемчиков,— сказала она.— А твоя открытая помощь мне вконец расстроит все планы Моргана. Ясно?

— Конечно, любовь моя,— сказал Ян, моргнув. Он помедлил, держа ладонь на ручке двери.— Увидимся в церкви.

Когда дверь за ним закрылась, Карисса опять посмотрела в кристалл на столике перед ней. Она видела все, что видел Мор-

ган,— оптический прибор находился в большом камне кулона, висевшего на груди у генерала. Она увидела, как слева от Моргана промелькнула золотая карета Келсона; больше она не видела пока никого — генерал ехал по улице, оторвавшись от торжественной процессии намного вперед.

Скоро они будут в соборе. Ей тоже пора.

Когда Морган натянул поводья перед собором, он осмотрелся, делая это по меньшей мере в сотый раз за время, пока добрался сюда. Чуть-чуть впереди стояла открытая карета Келсона; три епископа и два архиепископа ожидали, когда принц выйдет из нее, чтобы сопроводить его к месту новой процессии, которая выстраивалась здесь.

Лица архиепископов Карригана и Лориса были суровы, и Морган подумал, что они уже слыхали об осквернении гробницы. Но епископ Арилан тепло улыбался молодому королю. Дункан стоял за спиной архиепископа, морально поддерживая Келсона и в то же время оставаясь недосягаемым для соглядатаев.

Спешившись, Морган кивнул Дункану. Потом стал подавать знаки Дерри, беспокойно разглядывая толпу, пока тот не заметил его и не приблизился.

— Какая-то угроза? — спросил Дерри.

— Может быть,— ответил Морган, незаметно кивнув в сторону Келсона и архиепископов.— Не заметил ничего подозрительного?

— Никаких следов Кариссы, насколько я могу судить, милорд,— сказал Дерри.— Хотя толпа ведет себя странно. Похоже, все знают: что-то должно случиться.

— Да, и в этом они правы,— ответил Морган, посмотрев на здание впереди, и показал на него Дерри.— Видишь колокольню, что соединена с собором? Хорошо бы подняться и наблюдать оттуда. Она придет с отрядом, поэтому не спешит объявиться. Если ты предупредишь нас, мы хотя бы успеем как-то подготовиться к ее появлению в соборе.

— Хорошо,— кивнул Дерри.— Сколько, по-вашему, займет у нее дорога, сэр?

— Вероятно, около часа. Я знаю Кариссу, она подождет, пока коронация начнется, чтобы прервать ее. Она уверена, что мы ждем ее, и рассчитывает, что изведемся от страха.

— Пожалуй, так и есть,— пробормотал Дерри.

Пока Дерри искал своих людей, Морган направился к Дункану, уклонявшемуся от бегающих мальчиков-певчих и слуг, стараясь в то же время не потерять из виду Лориса и Карригана.

— Что случилось? — тихо спросил генерал, осторожно подходя к кузену.

Дункан поднял бровь.

— Мой друг, поверишь ли, Карриган так поражен случившимся в усыпальнице, что хочет отменить коронацию. Келсон пытался успокоить его, но он распустил перья, а тут еще вмешался Лорис. Он собрался арестовать тебя, отрешить меня и обвинить Келсона в ереси перед церковным трибуналом.

— Боже мой, и что же? — со вздохом пробормотал Морган.

— Не волнуйся,— продолжал Дункан.— Келсон попросту пригрозил, что сошлет его и лишит мирской власти. Потом он напустился на Карригана и сказал, что дальнейшие пререкания могут для него закончиться ссылкой. Ты бы видел старика Карригана. Видимо, одна мысль, что Арилан и другие епископы одержат верх над ремутцами, лишила его дара речи.

Морган вздохнул с облегчением.

— Думаешь, они действительно успокоились? Не хватает нам сегодня ко всему еще и религиозных распрей!

Дункан покачал головой.

— Не думаю. Они продолжают что-то бормотать о ереси и тому подобных вещах. И я уверен, что они не в восторге от того, что я здесь. Но они не много могут сделать, если хотят сохранить свое положение. Даже Лорис не настолько фанатичен.

— Надеюсь, у тебя все в порядке,— сказал Морган.— Постарайся не попадаться им на глаза, пока все это не кончится.

— Очевидно, избавиться от их злобных нападок в будущем удастся лишь путем каких-нибудь судебных уловок.

Служка в блестящем белом стихаре и красной сутане, пробегая мимо Дункана, потянул его за край одежды, и священник двинулся за ним, чтобы занять свое место в процессии. Как только он удалился, паж тронул Моргана за плечо и указал место, где тому подобало стоять.

Когда Келсон, направляясь на свое место, проходил мимо него, Морган попытался подбодрить его улыбкой, но мальчик был слишком потрясен происходившим, чтобы заметить это. Его сопровождали Лорис и Карриган; оба одарили генерала самыми свирепыми взглядами. Но Арилан, шедший сзади, доброжела-

тельно кивнул Моргану и тайком улыбнулся, давая понять, что не стоит с ними пока связываться.

Черт бы побрал этих архиепископов! Они не имеют права так расстраивать мальчика. Принц и без того пережил за последнее время слишком много для своих четырнадцати лет, а тут еще эти чванливые священнослужители...

Кто-то, вероятно, подал сигнал, потому что во главе колонны внезапно запел хор. Колонна медленно начала двигаться — впереди хор, потом группа служек с выскобленными щеками и в безупречно белых стихарях поверх малиновых ряс, с высокими свечами в блестящих серебряных канделябрах.

За ними несли кадильницу на длинной золотой цепи; дальше шел дьякон с тяжелым позолоченным крестом архиепископа Ремутского. За крестом следовал сам архиепископ, блистая бело-золотым облачением, с высоким жезлом в руках; митра его была высотой в несколько футов. Лицо архиепископа было мрачно и неподвижно.

За ним шел Келсон под золотым балдахином, который несли четыре дворянина, одетых в красное. Сопровождали его архиепископ Лорис и епископ Арилан, оба облаченные под стать, оба в высоких митрах, соответствующих сану. За ними следовало еще четыре епископа.

Дункан, шедший следом, занимал почетное место королевского исповедника. Он нес Огненный перстень на маленьком, украшенном богатой гравировкой серебряном подносе. Перстень и поднос бросали отблески на его лицо, отражая белоснежный стихарь, надетый им поверх рясы.

Морган шел за кузеном, неся в правой руке Меч Державы. А за ним бледный и торжественный Нигель нес на бархатной подушечке королевскую корону.

Дальше в ряду по двое шли Джеанна и Эван, герцог Яред и лорд Кевин Маклайн, лорд Ян Хоувелл, лорд Брей Корис и множество других знатных дворян — мужчин и женщин, гордых своим участием в процессии. Большинство из них ни малейшего представления не имели о том, что действительно произошло в августе на охоте.

В мыслях своих Келсон был далеко впереди процессии, он уже достиг высокого соборного алтаря. Он пропускал мимо ушей ворчание архиепископов Лориса и Карригана — это меньше всего тревожило его сейчас, тревожиться надо было о другом. Он до

сих пор не заметил присутствия страшной Кариссы, а между тем не было сомнений, что до конца церемонии она объявится.

Он преклонил колени на своем месте в правой части алтаря, делая вид, что молится, пока процессия подтягивалась и все занимали свои места. Келсон хотел бы и в самом деле сосредоточиться на молитве, но не мог, продолжая тревожно посматривать по сторонам сквозь сплетенные пальцы.

Где она?

Он подумал о том, как бы все было, если бы не угроза Сумеречной, и понял, что даже в лучших обстоятельствах, даже без такого груза на душе сейчас все равно было бы нелегко сосредоточиться. Келсон только и мог пообещать себе, что, когда начнется церемония, он постарается взять себя в руки.

Последние из вошедших заняли свои места, и к принцу с обеих сторон подошли Арилан и Лорис. «Пришло и мое время занимать место»,— понял Келсон. Глубоко вздохнув, он перекрестился, потом поднял голову и позволил двум прелатам помочь ему встать на ноги. Когда они повернули его лицом к толпе, архиепископ Карриган стал перед ним и взял его за левую руку.

— Милорды.— Голос Карригана звучал чисто и отчетливо.— Я ныне представляю вам Келсона, самодержца вашего. Рады ли вы чтить его и служить его чести?

— Храни Господь короля Келсона,— ответил хор.

Слегка склонившись перед собравшимися, Карриган указал на алтарь, и Арилан с Лорисом проводили провозглашенного только что короля к алтарным ступеням. Все вместе склонились, и затем Карриган с Келсоном прошли оставшиеся три ступени без сопровождения.

Карриган твердым жестом водрузил правую руку короля на распятие; положив свою левую руку на голову Келсона, он начал читать коронационную присягу.

— Мой лорд Келсон, желаете ли вы дать коронационную присягу?

— Желаю,— ответил Келсон.

Карриган расправил плечи.

— Келсон Цинхиль Рис Энтони Халдейн, днесь перед Богом и людьми объявленный яко единственный и законный преемник короля Бриона, даешь ли клятву хранить мир в Гвиннеде и править народом твоим согласно древним законам и обычаям?

— Клянусь в сем.

— Соблюдешь ли закон священный и мирской, проявишь ли милосердие в делах правления твоего?

Келсон посмотрел на собравшихся.

— Тако сотворю.

— Будут Зло и Нечестье поражены тобой, а Заповеди Господни исполнены?

— Даю в том слово,— ответил Келсон.

Когда Карриган положил текст присяги на алтарь, Келсон огляделся и наконец почувствовал себя уверенней, встретив ободряющий взгляд Моргана. Он поставил размашистую подпись — Kelsonus Rex — так ему подобало теперь расписываться и, подняв документ левой рукой, правую положил на распятие.

— Все, ныне обещанное, исполню и сохраню, и да поможет мне Бог.

Он передал текст присяги одному из священников, затем позволил усадить себя в кресло и тут уловил вдруг справа слабое движение; покосившись, Келсон заметил, как Дерри и Морган украдкой переговариваются. Собор оглашал голос архиепископа, читавшего традиционную молитву за здравие короля, и как ни пытался юный король услышать, что Дерри говорит генералу, он так ничего и не разобрал и раздраженно сжал губы.

Уже в следующее мгновение он все понял, перехватив тревожный взгляд, брошенный Дункану. Келсон увидел, как ужас исказил лицо священника, когда тот разобрал сообщение Дерри. Карисса была здесь. Оруженосец Моргана увидел с колокольни ее эскорт. До решительного боя оставалось, может быть, десять минут.

Молитва за короля подходила к концу, но Келсон не слышал ее слов. Два прелата вновь подвели его к высокому алтарю; именно сейчас настал самый ответственный момент церемонии.

Хор начал новый гимн во славу короля, а Келсон тем временем возлег на ковер перед высоким алтарем. Длинная мантия цвета слоновой кости покрывала все его тело. Вокруг него стояли коленопреклоненные клирики, их губы шептали молитву.

Келсон крепче сжал руки и тоже молился о храбрости, чувствуя, как ужас холодным объятием сжимает его затылок; он убеждал себя, что у него хватит сил выстоять, что бы Сумеречная ни замыслила против него, законного короля Гвиннеда.

Гимн кончился, прелаты подняли Келсона на ноги и сняли с него мантию. Затем, когда четыре рыцаря с балдахином двинулись в назначенное место, Келсон еще раз преклонил колени на

ступенях алтаря, дабы получить помазание и по праву назваться королем Гвиннеда.

Морган смотрел, как Келсон покрывает елеем руки и голову, стараясь не думать о том, что вот-вот произойдет в соборе. Когда помазание кончилось и хор грянул новый гимн, Морган прислушался к тому, что происходит снаружи, и слегка напрягся, когда в звуки литургического пения внезапно влился мрачный стук копыт по булыжной мостовой.

Келсон тем временем принимал символы сана. Священники надели ему на плечи малиновый, осыпанный жемчугом королевский плащ, к сапогам приладили золотые шпоры. Когда обнаженная сталь звякнула о кольчугу у тяжелой двери собора, архиепископ Карриган взял у Дункана Огненный перстень, пробормотал молитву и, подержав его в воздухе, надел Келсону на левый указательный палец. Морган с Мечом Державы шагнул к королю.

Именно этого мгновения он ждал с нетерпением, ибо даже с перстнем на руке Келсон не обладал полной магической силой, пока его не коснулась печать Защитника. Подойдя к Келсону, он обнажил меч и вложил его в руки Карригана, напряженно ожидая, когда тот закончит молитву, дабы меч был употреблен только во благо.

Наконец Карриган передал меч Келсону. Король под тревожным взглядом Моргана коснулся лезвия губами и, возвращая ему клинок, незаметно коснулся печати генерала и — застыл в испуге.

...От прикосновения печати к нему не пришло чувство власти, не пришла та сила, которую обещали ритуальные стихи Бриона. Он бросил на друга испуганный, беспомощный взгляд, и Морган почувствовал слабость в груди.

Они где-то ошиблись! Очевидно, его грифон — не печать Защитника!

У дверей собора раздались громкие шаги, и толпа замерла в тревожном ожидании. Когда Карриган, поглощенный церемонией и не замечающий ничего вокруг, вручил Келсону покрытый жемчугом скипетр Гвиннеда, двери собора с грохотом распахнулись и струя ледяного воздуха ворвалась в ближайший неф.

Поворачиваясь к распахнутым дверям, Морган не сомневался в том, кого он увидит.

Карисса, герцогиня Толанская, леди Серебряных Туманов — Сумеречная,— выделялась силуэтом на фоне дверного проема, облаченная в светло-серое и голубое, окутанная движущейся дымкой, расходящейся вокруг нее зловещим сиянием.

Глава XIV

ТАК КТО ЖЕ ЗАЩИТНИК?

Келсон не шевельнулся, когда дверь с шумом захлопнулась, хотя ему очень хотелось обернуться. Он не хотел раньше времени тревожить себя. Мальчик никогда прежде не видел Кариссу и не знал, как подействует на него ее появление.

В то же время он понимал, что стоять коленопреклоненным, когда враг рядом,— не самое лучшее. Невесело встречать противника в подобном положении, и, уж конечно, в других обстоятельствах он не совершил бы такой стратегической ошибки. Впрочем, похоже, сейчас он все равно беззащитен, так что разницы мало. Вдобавок Келсон и не знал толком, вернее, еще не решил, что ему делать, обернувшись.

И времени на раздумье не было. Если ему придется прибегнуть к обману — а все идет к тому,— у него должны быть хотя бы некие чистые цели, что-то кроме желания выжить. Он не думал, что окоченеет от ее взгляда, но незачем искушать судьбу. Этому Брион учил его с детства.

Король слышал шаги в дверном нефе и знал, что его соперница приближается, что она не одна. Медленно выпрямляясь, он увидел, как рука Моргана тянется к рукоятке меча; бросив взгляд налево, заметил, что Дункан подает архиепископу знак продолжать церемонию.

Келсон одобрительно кивнул ему — священник прав, и чем дальше зайдет церемония, тем больше у него законных оснований занять престол и тем больше возможности найти наконец выход из затруднительного положения, в которое он попал.

Архиепископ Карриган взял жемчужную корону Гвиннеда с бархатной подушки и поднял ее над головой мальчика. Шаги приближались, и Келсон видел, как архиепископ шарит глазами поверх его головы, видел, как он нервно облизывает губы, начиная чтение коронационной молитвы. Лицо Джеанны, стоявшей справа, побледнело, когда шаги раздались в угрожающей близости к центральному нефу.

— Господи, благослови...— начал Карриган.

— Стой! — прервал низкий женский голос.

Архиепископ замер, задержав корону над головой принца, затем быстро опустил руки, бросив на Келсона извиняющийся

взгляд. Карриган снова посмотрел поверх его головы и отступил назад. По алтарной ступени лязгнула сталь, затем настала тишина. Келсон, осторожно поднявшись с колен, обернулся лицом к незваным гостям.

Зачем брошена к его ногам мужская перчатка, было предельно ясно, как и то, зачем за спиной этой женщины выстроилась группа вооруженных мужчин. Взглянув туда, Келсон увидел по меньшей мере три десятка воинов; некоторые были в широких черных плащах мавританских эмиров, другие — в обычном мужском боевом одеянии. Два мавра стояли по бокам своей госпожи, со сложенными на груди руками, с темными и мрачными лицами под бархатными капюшонами.

Но глаза Келсона вновь и вновь возвращались к женщине. Не такой он себе ее представлял. Он и предположить этого не мог — Карисса была прекрасна!

Несомненно, герцогиня заметила эту реакцию и попыталась извлечь из нее все возможное; не ради ли этого и хотела она появиться внезапно, с наивозможным блеском.

Жемчужный воротник серо-голубого платья облегал ее белоснежную шею; от серого роскошного бархатного плаща, отделанного мехом, веяло холодом. Длинные светлые волосы были собраны на голове короной — их светящийся клубок был покрыт тончайшей голубой вуалью, спадавшей на плечи; и почему-то эта невесомая прозрачная ткань подчеркивала, усиливала решимость на лице Кариссы.

Выражение ее лица и помогло Келсону прийти в себя, заставив его забыть первое впечатление. Вдобавок прическа Кариссы напоминала не что иное, как тяжелую золотую корону, просматривавшуюся сквозь легкую голубую вуаль и означавшую, без сомнения, другую корону, которой она домогалась сегодня.

Она приветственно кивнула, встретившись с Келсоном глазами, и бросила полный значения взгляд на своих воинов. Келсон не упустил этого взгляда и внезапно ощутил холодный гнев. Он понял, что должен опередить ее, дабы лишить возможности действовать — по крайней мере, пока не знает, как именно вести себя с ней.

— Что привело вас в храм Господень? — спросил он учтиво, а тем временем у него стал созревать план.

Серые глаза Келсона блеснули холодным огнем, как, бывало, у Бриона, и он вдруг показался собравшимся вдвое старше.

Карисса, подняв бровь, насмешливо поклонилась — мальчик и ей напомнил Бриона. Однако — властность и зрелость, неожиданные для его возраста. Какая жалость, что он не сможет извлечь из этого решительно никакой пользы!

— Чего я хочу? — вкрадчиво спросила она.— Да, разумеется, твоей смерти, Келсон, ты и сам знаешь. Или твой Поборник не счел возможным предупредить тебя?

Она обернулась и ласково улыбнулась Моргану, потом вновь посмотрела на Келсона, но тот оставался невозмутимым.

— Ваши вымыслы неуместны здесь так же, как и вы сами,— холодно сказал Келсон.— Убирайтесь, пока наше терпение не истощилось! В храм не входят с вооруженной свитой.

Карисса равнодушно улыбнулась:

— Смелые речи, мой короленок! — Она подала знак свите.— Но, к сожалению, легко от меня ты не отделаешься, я оспариваю твое право на власть в Гвиннеде. Согласись, я не могу уйти, пока вызов не удовлетворен.

Келсон сурово взглянул на людей за спиной герцогини, потом вновь на нее. Карисса, он знал, намерена втянуть его в смертельный магический бой. Знал он и то, что без могущества отца потерпит поражение. К счастью, есть возможность немного отсрочить битву и сохранить при этом честь; да, ему нужно время, чтобы собраться с мыслями перед неизбежным сражением.

Он снова посмотрел на людей Кариссы и произнес:

— Хорошо. Как король Гвиннеда, мы принимаем ваш вызов. И согласно древним правилам поединка, наш Поборник сойдется с вашим в том месте и в тот час, которые будут определены позднее. Вы согласны?

Он бы уверен, что Морган справится с любым из воинов Кариссы.

Лицо герцогини гневно вспыхнуло, но она быстро взяла себя в руки. Правда, она рассчитывала уничтожить Моргана лишь после того, как доставит ему злейшее горе — убьет последнего из Халдейнов. Но это было не так уж важно. Ее больше беспокоило то, что Яну, пожалуй, не одолеть полукровку Дерини. Она еще раз оглядела свою свиту, затем кивнула.

— Хорошо сыграно, Келсон. Ты отсрочил наш бой минут на пять, потому что я все же намерена вызвать тебя на личный поединок.

— Не раньше, чем примет бой наш Поборник...— возразил Келсон.

— Что ж, можно и так,— оживленно произнесла Карисса.— Во-первых, мы не будем переносить битву на другое время. Время и место — здесь и сейчас. Далее, я не желаю вверять мою судьбу одному из тех, кто пришел со мной. Мой Поборник стоит вон там и готов защищать меня.

Когда она указала на правое крыло собора, Ян вышел из толпы дворян с хитрой усмешкой на лице и двинулся в сторону Кариссы. Его рука застыла на рукоятке меча, когда он смерил взглядом расстояние между собой и Келсоном.

Король был поражен — предатель в его ближайшем окружении! А он всегда считал молодого графа верным, даже если и не слишком самоотверженным слугой. Теперь стали понятны все странные вещи, происходившие с момента возвращения Моргана. При своем высоком положении Ян без труда мог навести на него Стенректа, убить стражника, устроить резню прошлой ночью на могиле Бриона.

Размышляя об этом, Келсон понял, что и все разговоры, которые велись о Моргане последние три месяца,— дело рук Яна; уж конечно, это его нашептывания, его хитрые намеки делали свое дело. В действительности же этот лорд сам владеет кое-какими силами Дерини, и мотивы его действий — очевидны; ему ли не знать, что Восточная Марка граничит с землями Моргана.

Ни одна из этих мыслей не отразилась, однако, на лице Келсона, только глаза его чуть сузились, когда он посмотрел на Яна, и голос его тихо и грозно раздался в тишине:

— Вы поднимете меч против меня, Ян? Здесь, в храме?

— Да, и тысячу раз да,— ответил тот; сталь ударила о сталь, когда он обнажил меч и изысканно поклонился.— А теперь,— он указал мечом,— спустится ваш Поборник для битвы? Или мне подняться и зарезать его на месте?

Мягко, по-кошачьи, Морган сошел по ступеням, обнажая при этом меч.

— Придержи-ка язык до победы, изменник! — процедил он. Генерал поднял перчатку концом шпаги и швырнул ее к ногам Кариссы.— Я принимаю твой вызов во имя Келсона Халдейна, короля Гвиннеда.

— Смотри не ошибись! — ответил Ян, со значением взглянув на Моргана.

Когда люди Кариссы отступили, освобождая место для поединка, Ян задумчиво посмотрел на генерала; острие его меча

блуждало почти лениво, он внимательно следил за приближением Моргана.

Генерал тоже изучал противника — серые глаза ловили каждое легкое движение сверкающего меча Яна. Ему никогда не доводилось скрещивать с ним оружие, но тот наверняка был много искуснее, чем хотел казаться. Пренебрежение к такому противнику было бы неосторожностью.

Морган не испытывал страха перед поединком — он был отличным бойцом и знал это. Он не имел недостатка в битвах с тех пор, как повзрослел, и умел обращаться с оружием. Однако хитрость и двуличие Яна, о которых стало известно теперь, побуждали его присмотреться к нему получше, ибо нужно победить ради Келсона. Какова бы ни была цена, он готов заплатить ее.

Они кружили вокруг друг друга довольно долго. Внезапно Ян резким выпадом попытался прорвать оборону Моргана, но одурачить генерала было отнюдь не просто. Мгновенно парировав удар, он легко отклонил клинок Яна, попытался атаковать сам, но затем отступил: Морган понял, что бой предстоит нелегкий. Он терпеливо рвал стальную гудящую паутину, легко отражая новые атаки Яна, и изучал при этом фехтовальные навыки графа.

Внезапно он почувствовал, что от него ждут более решительных действий, и нанес особенно оскорбительный удар, который был у него про запас как раз для таких случаев. Его клинок разорвал бархатный камзол Яна и уколол противника в правое плечо, заставив графа отскочить назад.

Ян был взбешен этим уколом, хотя и старался скрыть это; он считал себя превосходным фехтовальщиком. Он и в мыслях не допускал, что будет ранен в первой же схватке, и сейчас его захлестнул гнев.

Кинувшись в атаку, Ян продолжал бой, действуя уже скорее по воле чувств, чем разума, а Морган этого и добивался. В конце концов, граф был слишком самонадеян, недостаточно обеспечив свою защиту. Хоть он и парировал следующий удар Моргана, ответ генерала оставил его беззащитным слева, и тотчас клинок Моргана глубоко вошел ему в бок.

Когда меч дрогнул в руке Яна и его лицо побледнело, Морган выдернул оружие и отступил. Граф пошатнулся, в его глазах блеснули удивление и ужас, а еще через мгновение он упал на пол, выпустив меч из онемевших пальцев. Когда его глаза закрылись, Морган победно вскинул голову и повернулся к Кариссе, все еще держа меч в руках.

Глаза Кариссы гневно блестели, когда Морган повернулся к ней, но она видела то, что не мог видеть генерал,— человек, лежащий на полу позади него, зашевелился.

— Так кто правитель Гвиннеда? — усмехнулся Морган, направляя на нее меч.

Карисса видела, как за его спиной взметнулась рука, видела блеск лезвия и, двигая пальцами, начала читать про себя короткое заклинание. Ян, приподнявшись, метнул кинжал, и в тот же миг кто-то крикнул:

— Морган!

Кинжал был совсем близко, когда Морган, оглянувшись, попытался уклониться от него; он резко изогнулся и вдруг почувствовал, что золотая цепь, надетая в знак его нового ранга сегодня, начала душить его, сдвинувшись,— она словно нарочно парализовала его движение.

Клинок глубоко вошел в плечо, генерал покачнулся, и меч, выпав из охваченной огнем руки, с резким грохотом упал на мраморный пол.

Он опустился на одно колено, и Дункан с двумя священниками подбежали к нему. Морган сорвал здоровой рукой цепь и швырнул ее по полу в сторону Кариссы; лицо его исказилось от боли. Священники помогли ему подняться, подвели к алтарю и усадили на ступеньки.

Карисса рассмеялась.

— Да, так кто теперь правитель Гвиннеда, мой гордый друг? — произнесла она, неспешно подходя к корчившемуся на полу Яну.— Неплохой урок тому, кто поворачивается спиной к раненому врагу.

Когда Келсон, Нигель и другие друзья окружили раненого генерала, Карисса посмотрела вниз и коснулась Яна концом сапога. Тот застонал, герцогиня склонилась и заглянула ему в глаза.

— Хорошо сработано, Ян,— прошептала она.— Какая жалость, что ты не увидишь развязки нашего маленького заговора. Тебе так больно, а у меня нет ни времени, ни лишних сил, чтобы спасти тебя.

Ян, корчась от боли, зашептал:

— Карисса, ты обещала! Ты говорила, что я буду править Корвином, что мы будем...

— Виновата, дорогой, но тебе просто не повезло, так ведь? Грустно, конечно. Зато, вспомни, тебе удавалось многое другое.

— Карисса, пожалуйста...

Она положила ладонь на его губы.

— Ты знаешь, я ненавижу нытье. Помочь тебе я не могу, проси не проси. И сам себе ты не поможешь, мой бедный маленький покойничек. Я прощаю тебя, Ян, прощаю даже то, что ты мечтал при случае одолеть меня.

Глаза графа расширились от ужаса — она знала его самые тайные мысли! Он попытался еще что-то сказать, но Карисса, двигая свободной рукой, уже читала заклинание. Несколько секунд Ян еще дышал, его рука в агонии вцепилась в ее плащ и вдруг обмякла — жизнь ушла из него. Карисса выпрямилась.

— Ну, Келсон,— заговорила она с издевкой,— пока наша маленькая дуэль закончилась вничью. Мой боец мертв, но и твой так тяжело ранен, что его жизнь тоже под сомнением. Получается, я должна повторить вызов — я требую сатисфакции.

Морган невольно дернулся при этих словах, и движение причинило ему такую боль, что капли пота выступили над его верхней губой. Дункан осматривал рану, осторожно ощупывая ее, и Морган попросил, чтобы Келсон тоже наклонился. Перекинув полу плаща через руку, мальчик встал на колени рядом с генералом, печально глядя на раненого друга.

— Келсон,— тяжело дыша, пробормотал сквозь зубы Морган, поскольку Дункан начал перевязывать рану,— Келсон, будьте осторожны. Она попытается обмануть вас. У вас одна надежда — выиграть время и постараться найти ключ к вашей собственной силе. Он, как мне кажется, где-то рядом, мы его просто просмотрели.

— Я попытаюсь, Аларик,— сказал мальчик.

— Жаль, что не сумел помочь вам больше, мой принц,— продолжал Морган, морщась от боли, вызванной неловким движением.

Келсон легко и ласково коснулся его руки:

— Не тревожьтесь за меня.

Он встал и расправил малиновый бархат королевского плаща, ниспадающего с его плеч. Король знал, что все взгляды сосредоточены на нем, и, отступив несколько шагов к центру алтаря, скорее почувствовал, чем увидел архиепископов и епископов, ставших за его спиной, чтобы силою молитв очистить пространство над ним перед предстоящей битвой.

Он посмотрел в нижний неф — всюду суровые лица, с настороженностью и угрозой глядящие на пришедших с Кариссой во-

оруженных людей; он уловил дух мягкой уверенности, шедшей от Нигеля, который стоял рядом с его матерью. Глаза Джеанны — бледной, пораженной немым ужасом — были полны мольбы, руки судорожно стиснуты.

— Ну, Келсон,— тихий голос Кариссы, усиленный сводами нефа, отозвался в тишине алтаря,— кажется, ты колеблешься, мой короленок. В чем дело? — Ее полные губы скривились в усмешке.

Келсон вновь перевел взгляд на нее.

— Вам лучше уйти, Карисса,— мягко сказал он.— Наш боец жив, и он одолел вашего. Ваших притязаний не поддержат.

Карисса невесело рассмеялась, покачав головой.

— Боюсь, все не так просто, Келсон. Разве не ясно, что я вызываю тебя на смертный бой здесь и сейчас, на магический бой, ради которого и явилась сюда, как тебе должно быть известно.— В толпе за ее спиной раздался благоговейный шепот.— Легко ты от меня не отделаешься. Твой отец, наверное, понял бы, о чем я говорю.

Келсон вспыхнул, но сумел сохранить безучастное выражение на лице.

— Наш отец суровой необходимостью был приучен к битвам, Карисса. Мы в сем деле, не будем скрывать, неопытны. Но за последние недели было достаточно убийств. Нам не хотелось бы вносить в списки убитых и вас, Карисса.

— Ах,— одобрительно кивнула герцогиня,— львенок рычит совсем как отец.— Она насмешливо улыбнулась.— Но думаю, на этом сходство и кончается, ибо юный принц далеко не так смел на деле, как в речах. Уж не считает ли он, что похвальба придаст ему сил? — Ледяной взгляд герцогини смерил его с головы до пят.— Но мы-то знаем, что сила Бриона умерла вместе с ним на лугу Кандорского ущелья.

— Так ли, Карисса? Действительно ли умерла? — произнес Келсон.

Карисса недоуменно пожала плечами.

— Умерла ли? Скажи мне ты.

— Вы желаете убедиться в этом? — продолжал хитрить Келсон.— Наш отец победил вашего и лишил его силы. Разумно предположить, что если мы унаследовали силу короля Бриона, мы овладели также и секретом вашей. А в этом случае вас ждет судьба вашего проклятого родителя.

— Только если ты унаследовал эту силу,— усмехнулась Карисса.— Но Бриона убила я. Думаю, эта карта посильней, а?

— Нет! — закричала Джеанна, потерявшая самообладание, и в несколько шагов оказалась между сыном и его соперницей.— Нет, ты не смеешь! Не Келсон! Не надо еще и Келсона!

Королева с ненавистью и мольбой смотрела на Кариссу, а та, окинув ее взглядом, рассмеялась.

— Ах, бедняжка Джеанна,— проворковала она.— Поздно, дорогая моя. Надо было думать много лет назад, еще тогда, когда ты подавила лучшую свою часть и заставила себя быть только смертной. Теперь уже ничего не поправишь. А ну-ка отойди.

Джеанна вскинула голову, ее дымчато-зеленые глаза потемнели и вспыхнули странным светом.

— Ты не уничтожишь моего сына, Карисса,— прошептала она ледяным тоном.— Я хоть в ад спущусь, а сына моего ты не возьмешь, как Бог свят!

Когда Карисса рассыпалась в высокомерном хохоте, Джеанна внезапно начала легко светиться. Ошеломленный Келсон хотел было увести мать, но не смог приблизиться к ней ни на шаг. Джеанна подняла руки, направила их на Кариссу, и золотой свет, вспыхнув на кончиках ее пальцев, устремился к ужасной женщине в сером. Вся сила чистокровных Дерини, вызванная всего лишь отчаянием матери, пытавшейся защитить своего сына любой ценой, ударила Сумеречную.

Но Джеанна не владела своим могуществом, она не умела пользоваться им. Она и не училась этому, много лет тщательно скрывая свое происхождение. Карисса же, напротив, овладела всем, чего Джеанна себя лишила,— чистокровная чародейка Дерини, изощренная в своем искусстве, она могла такое, что Джеанне и не снилось.

Поэтому Карисса не испугалась этого удара. Она быстро восстановила силы и сплела вокруг себя защитную сеть, непроницаемую для Джеанны. Затем герцогиня начала собирать свои силы, чтобы уничтожить эту беспомощную Дерини, посмевшую бросить ей вызов.

Пространство между двумя женщинами светилось и потрескивало — там столкнулись фантастические силы, старавшиеся уничтожить друг друга. Келсон во все глаза смотрел на мать, ошеломленный происходящим. Дункан же и Морган, разобрав, что готовит Джеанне леди Сумеречная, всеми силами старались отклонить смертельный удар от ее царственной противницы.

Немного погодя Джеанна вскрикнула и мягко опустилась на ступени; она лежала на богатом ковре, покрывающем их, как спящее дитя. Когда Келсон бросился к ней, Дункан уже стоял на коленях рядом с королевой, щупая пульс, его губы были напряженно сжаты.

Беспокойно покачав головой, он велел Нигелю и Эвану осторожно отнести ее в сторону. Таинственный свет блеснул вокруг Джеанны, когда ее клали на носилки. Дункан помог Келсону встать и, отвечая на немой вопрос мальчика, незаметно покачал головой.

— Она не мертва,— прошептал священник так, чтобы услышал только Келсон.— Мы с Алариком отклонили худший из ударов.

Он посмотрел туда, где полулежал Морган, затем перевел взгляд на Джеанну.

— Как я понимаю, она сейчас просто связана властью Кариссы. Если мы сможем снять чары, с ней ничего не случится. В противном случае только Сумеречная может освободить ее, когда захочет. Или — когда умрет. Навряд ли она захочет, так что, боюсь, придется попытаться осуществить второй вариант. Итак, у вас есть еще одна причина для боя.

Келсон мрачно кивнул, осмысливая то, что открылось ему в последние несколько минут: он — полу-Дерини! И если его мать — Дерини, он мог бы кое-что извлечь для себя из этого. Тем более он не только верит в могущество этих сил, но благодаря Моргану умеет в некоторой степени управлять ими, и сейчас это очень может пригодиться.

Конечно, неплохо бы получить могущество Бриона. Они просто что-то просмотрели, очевидно — в самих стихах.

Грифон Моргана — это не та печать Защитника, о которой говорил Брион. «Но кто же Защитник?» — пытался понять мальчик. Судя по первой строфе стихов, генералу была отведена роль Владыки Мрака, а не Защитника; значит, Защитник — кто-то другой. А печать Защитника — что это может быть?

Карисса вернулась на свое место у основания алтарных ступеней и злорадно посмотрела на мужскую перчатку, что по-прежнему лежала там, куда Морган отшвырнул ее. Она мрачно улыбнулась — никаких сомнений, победа за ней, ибо у Келсона нет отцовских сил. Уж конечно, будь они у него, он бы помог родной матери. Не мог же мальчишка пожертвовать ею ради того,

чтобы сберечь силы для решающего момента. И вдобавок она прекрасно поняла, что сила, спасшая Джеанну, исходила не от полукровки Келсона Халдейна.

Она слегка кивнула Келсону, занявшему свое место на верхней ступеньке, и посмотрела ему прямо в глаза.

— А теперь, Келсон Халдейн, сын Бриона, принимаешь ли ты мой почетный вызов на бой в древней и благородной манере состязаний Дерини? Или мне уничтожить тебя одним ударом там, где ты стоишь, без борьбы? Иди же сюда, Келсон, произнесший немало хвастливых слов. Ты обманщик!

Глава XV

НЫНЧЕ БИТВА, КОТОРОЙ СМЕРТНОМУ НЕ ПОСТИЧЬ

Мысли Келсона мчались неистово в лихорадочных поисках ключа, и теперь он все проверял под углом магии Дерини. Мальчик сложил руки вместе, его пальцы сами по себе коснулись Огненного перстня, и он вновь повторил про себя строку ритуального стиха: «Защитник власть твою скрепит печатью... Защитник власть твою скрепит... Скрепит печатью...»

Внезапно взгляд Келсона замер на плитках пола, где стояла Карисса. Он никогда раньше не замечал, что на мраморных плитах центрального нефа начертаны имена святых — плиты с именами... О боже! Да может ли это быть?

Сдерживая возбуждение, он обежал глазами большой круг, ища среди мраморных пластин одну — ту, которую он и не надеялся бы найти, будь собор поновее. Но в Святом Георге... Боже мой, вот она! Пластина святого Камбера, который некогда звался Defenser Hominum — Защитник людей!

Келсон поднял глаза и, торжествуя, окинул ими собор. Он нашел ответ, нашел разгадку! Они спутали кое-что, когда читали стихи, чем и ввели себя в заблуждение. Но сейчас...

Он долгим пристальным взглядом изучал лицо Кариссы, прежде чем заговорил,— ему необходимо было продумать дальнейшие действия.

— Вы предположили, что мы боимся боя с вами, Карисса,— ровно начал Келсон.— Вы признались в убийстве короля Бриона.

По вашей вине тяжело ранен тот, кого мы почитаем почти так же, как отца. И вы тяжело поразили нашу мать, которая совершила отчаянную попытку отвратить нашу схватку. Время разговоров миновало. Прошло время и для прощения, кое мы полагали даровать даже после всего, что уже свершилось. Ныне мы будем сражаться с вами, Карисса. Мы принимаем вызов и согласны на бой с вами, хотя в том, что мы будем сражаться в храме, и есть некое кощунство. Но вы принудили нас к этому, так знайте — мы не обещаем вам ни тонкого обхождения, ни милосердия.

Карисса высокомерно закинула голову.

— Сумеречная не нуждается в твоем милосердии, Келсон. И когда подобное говорится только из хвастовства, я могу лишь рассмеяться. Спускайся, пока ты еще жив, я готова.

Келсон презрительно взглянул на нее, затем перевел взгляд на Моргана и Дункана и ободряюще кивнул им. Коснувшись застежки, юный король сбросил с себя тяжелый, цвета темного вина плащ, и подоспевший Нигель подхватил мантию. Уверенность племянника несколько успокоила дядю — его надежды вновь обрели жизнь. Повернувшись, Келсон медленно сошел по алтарным ступенькам. Нигель остался на месте с его плащом, перекинутым через руку, неподалеку замерли и Морган с Дунканом.

Когда Келсон спустился, Карисса отступила к дальней стене нефа, футов за сорок, ожидая, пока Келсон нагнется за перчаткой.

Однако он остановился, подыскивая маршрут, который позволил бы ему быстрее всего подойти к плите с именем Камбера, что была (он видел ее краем глаза) в двадцати футах впереди и чуть левее. Он двинулся к Кариссе с перчаткой в руке, отклоняясь влево, чтобы путь прошел через эту плиту. Затем он швырнул перчатку в сторону герцогини и, шаркнув по мраморному полу, ступил на плиту.

Морган и Дункан смотрели на происходящее со все нарастающим напряжением — очень уж неравным был принятый Келсоном бой и слишком страшны возможные последствия. Казалось также невероятным, что у мальчика появился какой-то план, но по взгляду, брошенному им, не оставалось сомнений, что это так. Наконец, когда нога Келсона ступила на плиту с именем Камбера, они поняли, на что он надеялся, однако, судя по всему, пока ничего не изменилось.

Карисса мгновение презрительно смотрела на перчатку, затем заставила ее подлететь к своей руке и швырнула одному из своих стражников. Она с легким поклоном приблизилась к Келсону, который никогда еще не выглядел столь ужасающе юным и одиноким, как в эту минуту.

— Готов ли к ристанию, мой лорд Келсон? — произнесла Карисса, и слова многословного ритуала шутя сходили с ее языка.

— Мы готовы, моя леди Карисса,— кивнул Келсон.

Карисса улыбнулась и отступила на несколько шагов назад, сложив руки и тихо бормоча заклинание. Полукруг голубого огня вспыхнул за ней — чеканная линия сапфирного льда, охватившая половину плит с именами святых.

Герцогиня опустила руки, еще немного отступила назад и сделала покровительственный жест в сторону Келсона.

Тот глубоко вздохнул — начиналось главное испытание, ибо если он не сможет ответить на магию Кариссы, это будет значить одно — что он проиграл, что сила и впрямь утрачена. А он, вступив на плиту Камбера, пока ничего не почувствовал, не заметил никакого опознающего мерцания. Он не знал даже, с чего начинать.

Вознеся молитву отвергнутому святому, чье имя было начертано на плите у него под ногами, Келсон поднял руки над головой — одним плавным движением, как только что сделала это Карисса.

И нежданно слова сами полились из его уст — слова, не слышанные им прежде, тихий речитатив, вызвавший в воздухе потрескивание. За спиной его вспыхнула малиновая линия, тоже принявшая полукруглую форму, и два полукруга слились в единое красно-синее кольцо.

Келсон, сдерживая улыбку, опустил руки, почувствовав, что могущество пришло к нему, что он овладел мириадами чар и может управлять силами большими, нежели смел надеяться. Мальчик услышал вокруг тихий шепот облегчения — его люди поняли, что он владеет силами Халдейнов.

Но это было еще не все! В глубину его сознания проникли — и он это явственно ощутил — радость и уверенность, исходящие от Моргана и Дункана.

Он позволил себе легкую ироническую усмешку, видя недоумение своей противницы, обнаружившей, что он неподвластен

ее чарам. Однако тотчас Келсон заставил себя сосредоточиться, ибо Карисса подняла руки и начала новое заклинание. Теперь он понимал, что она говорит, и внимательно слушал, собираясь с мыслями, чтобы суметь ответить, когда она замолчит.

Голос Кариссы в тиши собора звучал тихо, но отчетливо:

В огне и эфире, земле и воде
Я силы взяла, чтобы обруч сковать.
Соперник, страшись — никогда и нигде
Живому черты этой не миновать.

Как только Карисса кончила читать, Нигель потянул Дункана за край одежды:

— Дункан! Ты знаешь, что она делает? Если она продолжит это заклинание и полукруги совсем сольются...

— Я знаю,— сурово прошептал Дункан,— круг не разбить, пока один из них не умрет. Это заклинание из древних рун.

— Но...

— Это отчасти для безопасности других, Нигель,— спокойно сказал Морган.— Без такого замкнутого круга чары иногда не удается удержать в руках. Они будут сейчас, судя по всему, иметь дело с чудовищными по мощи силами. Я уверен, что вам бы не доставило удовольствия испытать их действие на себе.

— По крайней мере, мы знаем, что Келсон овладел силой Бриона,— заметил Дункан, глядя, как мальчик вытягивает руки, повторяя жест Кариссы.— Его никогда этому не учили.

Ровным, тихим голосом юный король ответил на заклинание Кариссы:

Пространство и время сместились в кольце.
Ничто не влетит, никто не уйдет.
Здесь двое, но будет один в конце,
И этот один кольцо разорвет.

Едва он закончил, круг вспыхнул лиловым огнем; он был в диаметре футов сорок, словно в самом деле отгородил от сражавшихся всех остальных. Оба противника отошли на противоположные стороны круга, оставив по пять футов у себя за спиной.

Карисса быстро окинула взглядом круг и заговорила. Ее голос гулко звучал в мертвой тишине.

— Мой лорд Келсон, как Вызванный, ты обладаешь правом и преимуществом первого удара. Используешь ли ты его, или Вызвавшей продолжать?

— Моя леди Карисса, как Вызванный, я и впрямь имею право первого удара. Однако Вызвавшая столь прекрасна, что мы изменим порядок. Первый удар твой,— ответил Келсон.

Карисса улыбнулась и кивнула, а Нигель опять толкнул локтем Дункана.

— Что за чертовщину он несет? — хрипло прошептал он.— Зачем он дает ей лишнее преимущество ко всему, что она и так имеет?

— Все правильно,— пробормотал Дункан.— Он должен так поступить. Это одно из формальных правил поединка: мужчина, даже если он вызван, уступает право первого удара противнице. Келсон согласился играть по правилам, а это одно из них. Не волнуйтесь. Первые чары — это только проверка.

В дальней стороне круга Карисса вытянула руки, сложив их вместе, а затем, пробормотав что-то себе под нос, медленно развела их. Сразу после этого над ней возникло голубое сияние, оно поднималось, расширялось, увеличивалось до тех пор, пока не приняло вид воина.

Когда очертания обрели четкость, невообразимый этот воин в голубой кольчуге, с голубым щитом и блестящим мечом в руках окинул взглядом круг и направился, пересекая его, к Келсону.

Келсон колебался лишь мгновение. Быстро положив правую ладонь на левый кулак, он создал в воздухе светящийся малиновый меч. Когда голубой гомункулус-воин приблизился и почти достиг мальчика, из левой руки Келсона ударил луч света и рассек голубой меч, а тем временем малиновый клинок обезглавил воина, и тот упал на землю с гулким шумом, а потом и воин, и меч Келсона истаяли, превращаясь в голубой пар.

Народ одобрительно захлопал своему молодому королю и тут же затих — ловкие пальцы Кариссы начали двигаться в такт следующему заклятию. Даже прежде, чем она начала читать заклинание, темная дымка начала сгущаться вокруг нее, напоминая по форме дракона.

Дракон встал,
Полон сил.
Всю власть взял,
Ум пленил.

Однако больше она не успела прочесть ничего, так как Келсон сразу начал отвечать, и туман стал рассеиваться.

Дракон пал,
Власть ушла,
Ум попрал
Силы Зла.

Глаза Кариссы угрожающе потемнели, но она промолчала. Она полагала, что победит легко, но мальчик, как оказалось, знает куда больше. Не то чтобы она усомнилась в своей победе — разве новичку с только что приобретенной силой одолеть настоящего чародея Дерини, изощрившего свои способности многолетней практикой? Герцогиню разгневало то, что он осмелился бросить вызов ее могуществу. Терпеливо, чтобы сохранить силы к концу, она принялась за обычные испытательные чары, решив истощить силы своего противника. Это может занять больше времени, но исход, по крайней мере, известен.

Чары пересекали круг — атака и отражение, вновь нападение и ответный удар; все вокруг замерли, наблюдая за битвой. Люди Кариссы спокойно стояли, построившись в колонну, за спиной своей госпожи. Привыкнув к ее упражнениям в магии, они удивлялись только тому, что схватка так затянулась. По-видимому, ее слуги были уверены, что все это делается только для устрашения простонародья и что скоро их госпожа уничтожит этого новичка, и терпеливо ждали. Впрочем, некоторые мавры наблюдали за происходящим с неподдельным интересом — они были знакомы с магией не понаслышке, и для них каждый выпад хозяйки был уроком.

Сторонники Келсона следили за боем с мрачными лицами. На глазах Нигеля выступили слезы, ибо в какой-то момент он испугался, что мальчик не справится с герцогиней. Морган поднял голову и тронул Дункана за плечо здоровой рукой.

— Дункан...

Тот с тревогой посмотрел вниз. Лицо Моргана было бледнее, чем прежде, и его благородные черты были еще сильнее искажены болью.

— Что-то случилось? Болит?

Морган сжал зубы и чуть кивнул.

— Я потерял много крови, Дункан. Я чувствую, что слабею... А то усилие, которым мы спасли Джеанну, почти доконало меня.

— Чем я могу помочь тебе? — наклонился священник.

Морган попытался лечь на высокой ступени поудобнее и застонал — движение вызвало сильную боль.

— Помнишь, я говорил тебе об исцелении Дерри прошлой ночью? Так вот, теперь я попытаюсь сделать это снова.— Он положил левую руку на грудь, чтобы видеть печать с грифоном.— Думаю, путь я уже знаю, да хватит ли сил... Поддержи меня, следи за направлением моих мыслей, но не вмешивайся. Я побаиваюсь, как бы не забраться в кое-какие области... ну, сомнительные.

Дункан слабо улыбнулся.

— Ты хочешь сказать, что вступаешь в союз с дьяволом, Аларик?

— Может быть,— пробормотал тот.

Он вновь с тоской посмотрел на схватку и улыбнулся, увидев, как мальчик отразил нападение какой-то, должно быть, ядовитой заморской твари. Генерал перевел глаза на печать с грифоном, сосредоточился, и они заблестели, как только он вошел в первую фазу Тиринского транса. Едва он достиг этого состояния, Дункан также сконцентрировал внимание на печати. Священник легко вошел во взаимодействие и разрешил своим мыслям смешаться с мыслями своего родственника, позволил себе поплыть по течению его мыслей, чтобы защитить и поддержать его, когда это понадобится. Нигель даже не догадывался о происходящем.

Для Келсона время тянулось бесконечно. Все эти существа и твари, реальные или вымышленные, которых он убивал и сам создавал, явились, как казалось ему, из какого-то давнего, полузабытого сна: драконы с крыльями и без; осьминоги с извивающимися щупальцами; изрыгающие огонь грифоны; Стенрект — такой, каким он видел его в саду; единороги — список казался бесконечным. А Карисса уже собиралась наслать на него какой-то новый ужас.

Он выпрямился и весь собрался, внезапно почувствовав, что предшествующие чары Кариссы — просто баловство в сравнении с тем, что предстоит сейчас.

Стоило ее пальцам сделать несколько новых, странных движений, как Келсон понял — это чародейство действительно темнее всего предыдущего. Он напряг слух, ловя каждое слово, когда она начала произносить заклинание:

Дитя Дагона, любимец Баэла,
Теперь, как всегда, услышь мой приказ:
Заклинаю тебя, Сын Грома,
Явись ко мне сюда и сейчас.

Порази хвастливого принца.
Плащ сорви, рассей его спесь,
Помоги мне вернуть наследство
И воцариться сейчас и здесь.

Как только она это сказала, в воздухе раздался грохот, и густой черный дым начал собираться в какой-то огромный, расплывчатый силуэт, очертаниями смутно напоминающий человека, но с чешуйчатой кожей и длинными когтями и клыками.

Существо это постояло мгновение, растерянно мигая в непривычно ярком для себя свете, и Келсон, сжав руки за спиной, с ужасом подумал, что у него не хватит сил одолеть чудовище. А когда оно, опомнившись, уже двинулось к нему через круг, Келсон начал колдовать — вяло и безрезультатно.

Чавкая и визжа, существо продолжало ковылять через круг, исходя голубым дымом и пламенем, его глаза сверкали багровым светом, бросавшим отблески на стены собора.

Чудовище проползло полпути, и мальчика охватил ужас.

Глава XVI

*«ИБО ТЫ ВСТРЕТИЛ ЕГО БЛАГОСЛОВЕНИЯМИ БЛАГОСТИ, ВОЗЛОЖИЛ НА ГОЛОВУ ЕГО ВЕНЕЦ ИЗ ЧИСТОГО ЗОЛОТА. ОН ПРОСИЛ У ТЕБЯ ЖИЗНИ — ТЫ ДАЛ ЕМУ ДОЛГОДЕНСТВИЕ НА ВЕК И ВЕК»**

Когда существо приблизилось еще ближе, Келсону на ум пришло ответное заклинание. Отступив несколько шагов, он начал произносить его, и голос мальчика усилился, чувство уверенности пришло на смену страху.

Господь Света, весь в сиянье,
Защити меня, коль услышал
Твоего слуги моленья,
Что на бой за народ свой вышел.

На этого демона дай мне силы,
В Ад повергни его опять
И разбей этот круг проклятый,
Что вместе с Кариссой пришлось создать.

* Псалом 20:4, 5.

Замолчав, Келсон воздел обе руки, нацелив их в точку, находившуюся в нескольких футах от него и меньше чем в двух шагах от приближающегося чудовища.

Как раз в этот момент солнечный луч прорвал облака и, преломившись в витражных окнах собора, бросил многокрасочный отсвет на пол, где стоял Келсон.

Юный король по-прежнему твердо стоял на ногах, а чудовище покачнулось в лучах света и стало корчиться, испуская струи огня и дыма. Оно извивалось и визжало от ярости и боли, билось в ногах Келсона, но не в силах было покинуть освещенный участок. Внезапно его агония прекратилась, чудовище рассеялось, и лишь едкий голубой дымок да игра золотого и малинового света на полу напоминали о происшедшем только что.

Келсон опустил руку, и Огненный перстень зловеще вспыхнул, а солнце опять скрылось за облаками. Тихий вздох облегчения прошел по собору, и мальчик встретился глазами с Кариссой. Он, сделав шаг вперед, обратился к ней, про себя отметив, что место, где рассеялось чудовище и где он сам теперь стоял, было плитой с именем святого Камбера. Келсон вздохнул, молча благодаря того, кто защитил его.

Его глаза уверенно блеснули, и он заговорил:

Теперь, Карисса, тебе не жить.
Я счастлив был тебе послужить,
Но ныне должен жизни лишить
Тебя, чтоб свой народ защитить.

И ныне я клянусь всем святым —
Твой адский план да будет казним.
Вовек не сбыться мечтам твоим,
Чтоб стали Зло и Добро — одним.

И вот зову я тебя на бой.
В последний раз я сойдусь с тобой.
Я не окончу свой путь земной —
Рассеет Зло твое луч дневной.

Когда он кончил заклинание, в соборе стало темно. Сквозь открытую дверь в конце нефа было видно, что небо тоже потемнело, хотя время было не позднее.

Карисса тяжело вздохнула — она уже все поняла, ибо ждала и боялась этого испытания, но выхода уже не было. Ее пальцы вновь начали двигаться в ответном заклинании.

Я не слыхала смелей хвастовства,
Но мне не страшны пустые слова.
Угрозы легки, а вот мощь какова?

И я готова твой вызов принять.
Мы будем насмерть с тобой стоять.
О силе моей ты должен бы знать.

А когда наш легкий фарс завершим,
Брионов сын, ты падешь недвижим.
И я буду править краем твоим.

Когда были произнесены последние слова, над двумя половинками круга внезапно вспыхнуло красное и синее свечение, образовав над каждым из них отчетливые полусферы. Красное и синее, сойдясь, столкнулись, слились в стену фиолетового пламени, взметнувшуюся в темноте,— единственными источниками света в соборе оставались свечи и лампады.

Каждый из противников занял свое место; теперь оба врага знали слабости друг друга, и некоторое время огненная стена перемещалась от одного к другому, но никто не уступал, не подпускал ее ближе. Но затем стена фиолетового пламени двинулась в сторону герцогини.

Полусфера медленно стала окрашиваться в малиновый цвет, освобождаясь от голубизны, и черты Кариссы исказил ужас. Смертельная стена медленно надвигалась, и она из последних сил старалась остановить ее, пыталась снова наполнить своим цветом. Глаза Кариссы расширились — все усилия были тщетны, она больше не могла ничего и безвольно уронила руки. В следующее мгновение малиновое пламя поглотило ее, и собор огласился долгим предсмертным криком, полным ужаса. Этот вопль затихал по мере того, как исчезала противница Келсона.

Когда от нее не осталось и следа, пропало и малиновое свечение — только мальчик в сверкающих белоснежных одеждах стоял на плите отринутого святого, слишком изумленный своей победой, чтобы слышать приветственные крики тех, кто наблюдал за боем, тех, кто верил в него.

Снаружи стало светлее, облака рассеивались.

Услышав крики, Морган открыл глаза и, сняв ладонь с плеча, улыбнулся, увидев, что рана зажила. Дункан помог Моргану встать на ноги, тот подошел к Келсону, все еще не пришедшему в себя, и коснулся его плеча.

Прикосновение вывело мальчика из оцепенения, и он с изумлением посмотрел на генерала.

— Морган? Как вы?..

— Не сейчас, мой принц,— пробормотал Аларик, с улыбкой указывая на людей, приветствующих короля.

— Надо закончить коронацию.

Он взял Келсона за руку, и они поднялись на алтарь, где их ждал архиепископ, пораженный и испуганный увиденным. Когда крики смолкли, Нигель торжественно надел королевский плащ на плечи Келсона — радость сквозила в каждом его движении. Джеанна, освобожденная от чар смертью Сумеречной, очнулась и теперь, ничего не понимая, смотрела на сына.

Келсон поймал ее взгляд и, покинув тех, кто ждал у алтаря продолжения коронации, пересек собор и встал перед матерью на колено.

— Вы подверглись такой опасности ради меня,— ласково прошептал он, страшась коснуться ее.— Простите ли вы мне то, что я шел против вашей воли?

Джеанна, рыдая, схватила его руку и поднесла ее к губам.

— Пожалуйста, не проси об этом сейчас,— шептала она; слезы капали на руку Келсона.— Дай мне порадоваться, что ты жив.

Мальчик сжал ее руку и, сам чуть сдерживая слезы, поднялся и пошел к алтарю — его ждали.

Когда Келсон вновь преклонил колени у алтаря, все, кроме архиепископов и епископов, сделали то же самое. Затем архиепископ Карриган, архиепископ Лорис и епископ Арилан приготовили покрытую жемчугом корону Гвиннеда, снова прочитав древнюю молитву коронации.

— Славься, Господи, Тебе посвящаем мы эту корону. Да будет милость Твоя на рабе Твоем Келсоне, коего венчаем мы ныне в знак королевского достоинства. Свидетельствуем, что он обладает, по милости Твоей, всеми королевскими добродетелями. Через посредство Вечного короля, что живет и правит с Тобой в Царстве Святого Духа,— аминь.

Это — то, что видели и слышали люди.

Но те, в ком текла кровь Дерини, видели и другое: стройный белокурый человек в блестящем золотом одеянии древних Высоких лордов Дерини держал корону над головой Келсона. Те, в ком текла кровь Дерини, слышали другие слова, заглушавшие обычные. Невидимый гость произносил традиционную формулу Дерини, которая предвещала храброму мальчику особую судьбу:

«Келсон Цинхиль Рис Энтони Халдейн, короную тебя во имя Всемогущего, кто знает все, и во имя Того, кто немалое время был Защитником человеческого рода. Келсон Халдейн еси король людей и Дерини. Жизнь и благо тебе, король гвиннедский».

Едва корона коснулась головы Келсона, видение Дерини исчезло; все в молчании ждали, когда король получит остальные знаки королевского достоинства.

Пока прелаты готовились, Морган, полуобернувшись к Дункану, прошептал:

— Дункан, ты видел?

Тот еле заметно кивнул.

— Ты знаешь, кто это был? — продолжал Морган.

Дункан ответил ему долгим взглядом и снова стал наблюдать за церемонией. Клирики уже приносили присягу новому королю; вот-вот все должно было закончиться.

— Я думаю,— прошептал Дункан,— это был не твой таинственный гость.

Морган молча кивнул.

— Ты считаешь, что это не Камбер?

Дункан покачал головой.

— Он сказал — «во имя Камбера», а это делает все еще более таинственным.

Морган легко вздохнул и расправил свой плащ так, чтобы не было видно дыры в нижнем плаще и кровавого пятна.

— Я рад, что это не святой Камбер,— прошептал Морган, направляясь к королю.— Мне не хочется пользоваться особым покровительством Небесных Сил — это доставляет неудобства.

Подойдя к Келсону, он опустился на одно колено, и мальчик взял его ладони в свои. Сильный и чистый голос Моргана наполнил собор — он читал древнюю клятву верности.

— Я, Аларик, герцог Корвинский, отныне слуга твой в жизни и смерти и всяком земном бою. Глад и хлад, страх и скорбь приму за тебя, встану на всякого недруга. Да поможет мне Бог.

Морган встал, Келсон обнял его, и все дворяне: Нигель, Эван, лорд Яред, Кевин Маклайн, Дерри — повторили слова клятвы новому королю. Морган, обнажив Меч Державы, стоял рядом с Келсоном, высоко подняв клинок вверх.

Собравшиеся начали двигаться к выходу; спутники Кариссы, смешавшись с толпой, славили Келсона вместе со всеми. Когда король и его друзья достигли центрального нефа, на мгновение зашедшее за облака солнце появилось вновь.

Опять жемчужные лучи отражались в цветном стекле, бросая яркие пятна к ногам Келсона. Король остановился, и толпа затихла, настороженно глядя на своего молодого господина,— считалось, что цветные солнечные пятна несут смерть.

Келсон посмотрел в окно, затем — на притихшее море лиц, улыбнулся и спокойно вступил на освещенную площадку.

Долгий вздох восхищения огласил неф — мальчик стоял цел и невредим, только еще ярче замерцали драгоценные камни его короны.

Обернувшись, он увидел Моргана и Дункана, без колебания шагнувших на освещенную плиту рядом с ним.

В лучах солнца золотом вспыхнули волосы генерала, свет играл в складках богатого бархатного плаща, расцвечивал снежную белизну сутаны Дункана всеми цветами радуги. Все трое неспешно направились к выходу.

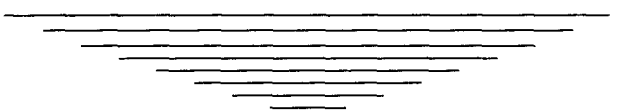
Когда процессия двинулась по площади, в толпе раздались ликующие крики:

— Да хранит Бог Келсона!

— Да здравствует Келсон!

И король Гвиннеда ступил на площадь, явив лик свой благодарному народу.

Игра Дерини



Глава I

*«ТРЕХ ВЕЩЕЙ В СЕМ МИРЕ НЕ ПРЕДСКАЗАТЬ: ЖЕНСКИХ ПРИХОТЕЙ, ПРИКОСНОВЕНИЯ ДЬЯВОЛОВОЙ ДЕСНИЦЫ И ПОГОДЫ В ГВИННЕДЕ В МАРТЕ»**

Март — всегда ненастный месяц во всех одиннадцати королевствах. С великого северного моря приходит снег, ложится в последний раз на серебряные горы, кружится вокруг высоких плато на востоке и напоследок, достигнув большой Гвиннедской равнины, оборачивается дождем.

В лучшем случае это переменчивый месяц. Зима дает последнее сражение пробуждающейся весне, но все уже предвещает весеннее цветение и паводки, что каждый год рано затопляют низкие земли в срединной части страны. Говорят, когда-то давно погода в марте была мягче. В ожидании тепла люди, как всегда, надеялись, что весна будет ранней в этом году; так оно и случилось.

Однако те, кто ведал судьбой страны, не возлагали больших надежд на то, что весна будет ранней, зная по тяжкому опыту, как март капризен, часто суров и что доверяться ему не стоит.

Март первого года правления короля Келсона не составлял исключения.

В резиденции Келсона — Ремуте сумерки наступили рано. В марте, когда бури приходили с севера и востока в Пурпурную Марку, это бывало часто.

Небольшая гроза разразилась в полдень, разрушив градинами величиной с голубиное яйцо нарядные купеческие шатры и лавки на рыночной площади и заставив торговцев укрыться под наве-

---

* Св. Венерик.

сом. В течение часа они еще надеялись, что ярмарка возобновится, но потом с неохотой начали упаковывать товар — дождь усиливался, торговцы закрывали лавки и уходили.

И вскоре на затопленных дождем улицах можно было встретить лишь тех, кого дела вынуждали выходить из дома и в такую грозу,— солдат и городских надзирателей на своих постах, казенных посыльных и горожан, торопящихся сквозь ветер и стужу к теплому домашнему очагу.

Когда стемнело и большие соборные колокола отзвонили вечерню, мокрый снег с дождем обрушился на узкие улочки Ремута, стуча по черепичным крышам и церковным куполам и переполняя водосточные желоба. За оконными стеклами пламя свечей дрожало от ударов ветра, с шумом ломившегося сквозь двери и ставни. В домах и тавернах, на постоялых дворах и в трактирах собирались у очагов горожане, ужинали и обменивались слухами, ожидая, когда закончится непогода.

Возле архиепископского дворца на севере города, как и всюду, бушевало ненастье. В тени дворцовой стены темной громадой виднелся на фоне еще более темного неба неф собора Святого Георга, звонили на приплюснутой колокольне; бронзовые двери были наглухо закрыты.

У дворцовых ворот стояли охранники, одетые в кожаные плащи с наглухо застегнутыми от холода манжетами и воротниками. Шипящие масляные факелы мерцали под кронами вдоль крепостной стены. Буря все больше бесилась и выла, пробирая охранников до костей.

А внутри, в тепле и уюте, архиепископ Ремутский, его преподобие Патрик Карриган, стоял перед очагом, держа свои короткие полные ручки над пламенем. Сложив ладони и потирая их, чтобы согреть, он укутался поплотнее в сутану и бесшумными шагами направился к письменному столу в противоположной части комнаты. Другой человек, тоже в лиловом епископском одеянии, склонился над куском пергамента, щурясь от света двух стоявших перед ним свечей. Возле него стоял молодой секретарь со свечой в руках, готовый подать, как только скажет епископ, красный воск для печати.

Карриган подошел к читавшему справа, наблюдая, как тот кивает самому себе и ставит под документом размашистую подпись. Секретарь приложил к подписи кусок размягченного воска, и епископ прижал его аметистовой печатью с обозначением сана. Затем он подышал на камень, протер его бархатным рукавом и, повернувшись к Карригану, произнес:

— Это доставит Моргану немало хлопот.

Эдмунд Лорис, архиепископ Валорета и примас Гвиннеда, был человеком запоминающейся внешности. Седые волосы нимбом светились вокруг шапочки священника, прикрывающей тонзуру; под лиловой сутаной угадывалось стройное, крепкое тело.

Яркие голубые глаза смотрели сурово и холодно, и совсем не благость читалась на его лице — он только что подписал приказ, которым немалая часть Гвиннедского королевства могла быть отлучена от церкви. Так и будет, если богатейшее герцогство Корвинское лишат ее благодати и покровительства.

Лорис и его собрат шли к этому отчаянному решению уже четыре месяца. Ибо чем бы ни было вызвано оно, в глазах корвинского народа это все равно будет выглядеть несправедливостью. Но с другой стороны, по закону эта мера вполне оправдана, рано или поздно пришлось бы принять такое решение. В землях, находящихся в юрисдикции архиепископов, происходят отвратительные вещи, и этому пора положить конец.

Прелаты успокаивали свою совесть рассуждениями о том, что, в конце концов, отлучение направлено не против народа Корвина, но лишь против одного человека, с которым иначе не сладить. Этим человеком был герцог Аларик Энтони Морган — Дерини, и именно на него была направлена кара священников. Ведь это он использовал свои богохульные и еретические силы Дерини для вмешательства в человеческие дела, он совращал невинных с пути истинного, бросая вызов церкви и державе. Морган вовлек юного короля Келсона в эти проклятые занятия древней магией и подстроил это состязание в некромантии, да еще где — в самом соборе, во время коронации!

Именно происхождение Моргана обрекает его на вечные муки и проклятие в будущей жизни, если он не отречется от своих дьявольских сил, не откажется от этого своего наследства. И вообще, от судьбы Моргана зависит сейчас, возможно, разрешение этого проклятого вопроса о Дерини.

Архиепископ Карриган нахмурил кустистые седые брови, поднял пергамент и еще раз прочитал его вслух. Он поджал губы и, сложив пергамент, положил его на стол, пока секретарь готовил

воск для печати. Карриган приложил к нему свой перстень. Тревожно поглаживая украшенный жемчугом нагрудный крест, он опустился в кресло рядом с Лорисом.

— Эдмунд, а вы уверены, что...— Под строгим взглядом Лориса он остановился, вспомнив, что секретарь все еще стоит в ожидании дальнейших инструкций.

— Одну минуту. Отец Хью, попросите-ка сюда монсеньора Горони.

Священник-секретарь кивнул и покинул комнату, и Карриган со вздохом откинулся в кресле.

— Вы знаете, что Морган никогда не позволит Толливеру отлучить себя,— с тревогой сказал он.— Неужели вы думаете, что мы можем справиться с ним?

Герцог Аларик Морган, собственно, не был в юрисдикции обоих архиепископов, но они рассчитывали, что бумага, лежащая перед ними на столе, позволит обойти это небольшое затруднение.

Лорис скрестил пальцы и спокойно посмотрел на Карригана.

— С ним — может, и нет,— произнес он,— но на его подданных это подействует. Ходят слухи, что мятежные полки, собравшиеся на севере Корвина, уже сейчас намерены низложить лорда Дерини.

— Тьфу! — раздраженно фыркнул Карриган.— Да что может горстка мятежников против магии Дерини? И потом, вы же знаете, как народ любит Моргана.

— Сейчас — да,— ответил Лорис, глядя, как Карриган начал осторожно выводить свое имя на обороте письма, и невольно улыбнулся, заметив, что кончик языка собрата повторяет каждый завиток его округлой подписи.— Но будут ли они любить его после отлучения?

Карриган внимательно посмотрел на законченную работу, потом энергично посыпал песком из серебряной песочницы сырые чернила и подул на лист.

— А потом — что такое банды мятежников? — настойчиво продолжал Лорис, глядя сузившимися глазами на своего товарища.— Говорят, что Варин, вождь мятежников, считает себя новым мессией, который очистит землю от скверны Дерини. Представляете, что будет, если мы обратим это усердие себе на пользу?

Карриган, размышляя, оттопырил нижнюю губу и нахмурился.

— Что же, мы позволим самозваному мессии разгуливать у границы без подобающего присмотра? Это повстанческое движение попахивает ересью.

— Я еще не дал официальной санкции,— сказал Лорис.— Имеет смысл встретиться с этим парнем. Согласитесь, что это движение может оказаться очень полезно, если придать ему соответствующее направление. Кроме того,— Лорис улыбнулся,— вдруг этот Варин действительно получил какое-то божественное откровение.

— Сомневаюсь,— нахмурился Карриган,— как далеко вы думаете зайти?

Лорис отклонился назад и скрестил руки на груди.

— Главная резиденция мятежников, говорят, на холмах возле Дхассы, где собирается в конце этой недели курия. Горони, которого мы отправим к Корвинскому епископу, встретится с мятежниками и снова вернется в Дхассу, выполнив свое официальное поручение. Потом я сам надеюсь встретиться с Варином.

— А до тех пор ничего делать не будем?

Лорис кивнул.

— Не будем. Я не хочу, чтобы король знал, что мы замышляем.

Дверь хлопнула, и вошел секретарь Карригана и пожилой невзрачный человек в дорожной рясе рядового священника. Отец Хью опустил глаза и чуть заметно кивнул в сторону гостя.

— Монсеньор Горони, ваше преосвященство.

Горони подошел к креслу Карригана и, преклонив одно колено, приложился губами к перстню архиепископа, а затем по его знаку поднялся и встал в ожидании дальнейших повелений.

— Благодарю вас, отец Хью. Надеюсь, на сегодня это все,— произнес Карриган.

Лорис прочистил горло, и Карриган вопросительно взглянул в его сторону.

— А то, о чем мы говорили сегодня, Патрик? Надеюсь, вы согласны, что нужна дисциплина?

— Да, конечно,— пробормотал Карриган. Он порылся в бумагах, лежащих на углу стола, извлек одну из них и протянул через стол секретарю.— Это черновик вызова на церковный суд, который нужно переписать как можно быстрее, отец мой. Будьте любезны, перепишите и подайте его мне на подпись.

— Да, ваше преосвященство.

Когда Хью взял бумагу и направился к двери, Карриган обратился к Горони:

— Вот это письмо нужно передать епископу Толливеру. До Конкардинского вольного порта вы доедете на моей барке, а там сядете на какой-нибудь купеческий корабль; до Корвина необходимо добраться за три дня.

Выйдя из кабинета архиепископа, отец Хью де Берри направился вниз по длинному, холодному и сырому коридору, освещенному фонарями, к своей канцелярии. Сложив руки на груди, он напряженно размышлял о том, что ему теперь делать.

Будучи личным секретарем Патрика Карригана, Хью, несмотря на свою молодость, имел доступ к сведениям, которые обычно не были доступны никому. Молодой священник всегда был благоразумен и честен, он блестяще справлялся со своими обязанностями, всецело посвятив себя служению церкви.

Сейчас его вера была поколеблена — по крайней мере, вера в человека, которому он преданно служил, и немало этому способствовало письмо, только что переданное ему Карриганом. Вспомнив о письме, Хью задрожал, и отнюдь не от холода.

С того дня, когда в Кандорском ущелье умер король Брион, весь Гвиннед был охвачен страхом и тревогой, которые усилились несколькими неделями позже, когда наследник Бриона — принц Келсон вынужден был вступить в бой за престол с ужасной Кариссой. И этот ужас станет еще невыносимее, если Моргану, королевскому советнику из Дерини, придется применить свои пугающие силы, чтобы защититься от грозящей ему смерти на костре. А это, вероятно, произойдет.

Не секрет, например, что Венцит Торентский — тиран, к сожалению, тоже из Дерини — собирается начать войну самое позднее в середине лета. А молодой король меньше всего заинтересован в том, чтобы в королевстве росла враждебность к Дерини, возможно, именно с того момента, когда во время коронации открылось, что и сам он наполовину Дерини.

Однако отлучение грозит всему Корвину...

Хью дотронулся рукой до груди, там — у самого тела — лежал сейчас черновик письма Карригана. Он знал: архиепископ и представить не может, что он намерен сделать. И не приведи Господь узнать ему об этом! Но дело слишком серьезно, чтобы оставить в неведении короля. Келсона обязательно нужно предупредить.

Если Корвин будет отлучен, смятение охватит вассалов Моргана — и это в то время, когда вся его сила так нужна на королевской службе. Это будет иметь непоправимые последствия как для исхода грядущей войны, так и для короля. И хотя Хью, как священник, опасался таинственных сил Моргана, тем не менее он понимал, что Гвиннед нуждается в них перед лицом внешнего врага.

Хью остановился у фонаря перед дверью канцелярии, достал и развернул второе письмо, которое он собирался отдать переписывать одному из своих подчиненных. Пробежав глазами титулы архиепископа, обычные для подобных документов, он внезапно застыл, увидев имя адресата, и перечитал его еще раз — монсеньор Дункан Говард Маклайн.

«Дункан,— подумал Хью.— Господи, что он сделал?» С Дунканом Маклайном, молодым епископом, исповедником короля, он дружил с детства: они вместе росли, вместе ходили в школу. Что такого мог совершить Дункан, чтобы его призвали к ответу?

Сосредоточенно подняв брови, Хью читал письмо, и чем дальше, тем больше возрастали его опасения:

«Посему отстраняем вас от служения и предписываем явиться перед нашим собранием... дать ответ в деяниях, заслуживающих осуждения... ваше участие в скандальной истории, приключившейся во время королевской коронации в ноябре... сомнительная деятельность... союз с еретиками...»

«Боже мой,— подумал Хью, не желая читать дальше.— Неужели и он связан с магией Моргана? Интересно, знает ли он об этом сам?»

Опустив письмо, Хью принял решение сообщить обо всем королю, как он и хотел сделать с самого начала. Вопрос так важен, что должен быть разрешен самим Келсоном.

Но потом необходимо разыскать Дункана и предупредить его, потому что, явись Дункан к архиепископу сейчас, страшно и подумать, что произойдет. А если дело дойдет до отлучения?

Хью задрожал и перекрестился. Отлучение от церкви страшно как для страны, так и для отдельного человека, ибо он лишается священных таинств, лишается общения с благочестивыми христианами. И это грозит Дункану?

Собравшись с силами, Хью распахнул дверь и тихо прошел к столу, где сидел монах с гусиным пером.

— Его светлости это нужно как можно быстрее, брат Джеймс,— сказал он, небрежно бросая документ на стол.— Сделайте это, ладно? У меня еще несколько дел.

— Конечно, отец,— ответил монах.

Глава II

*«ЕСМЬ СЫН МУДРЕЦОВ, СЫН ЦАРЕЙ ДРЕВНИХ»**

— Еще оленины, государь?

Кавалер в красной ливрее с дымящимся блюдом в руках склонился рядом с королем, но Келсон покачал головой и отодвинул с улыбкой свою серебряную тарелку. Голова его с орлиным профилем была непокрыта, малиновый плащ расстегнут. Несколько часов назад он сменил промокшие сапоги на красные домашние туфли. Вздохнув, он придвинул ноги ближе к огню, пока кавалер убирал оленину и освобождал стол.

Молодой король обедал сегодня в узком кругу — только его дядя, принц Нигель и Дункан Маклайн разделяли нынче королевскую трапезу. Сидевший по другую сторону стола, Дункан осушил свой бокал и слегка отодвинул его. Огонь свечи отражался в отшлифованном металле, отбрасывая блики на стол и черную с фиолетовым подбоем сутану Дункана. Священник, улыбаясь, спокойно и удовлетворенно посмотрел на своего молодого господина и перевел взгляд на Нигеля, безуспешно пытающегося распечатать бутылку вина.

— Помочь, Нигель?

— Разве что тебе, как священнику, удастся снять с этой пробки заклятие,— буркнул Нигель.

— Разумеется, Benedicte,— сказал Дункан, подняв руку в благословении.

В то же мгновение раздался щелчок, пробка вылетела и из бутылки вырвалась струя красного вина. Нигель отвел руку, чтобы не залить вином короля, а Келсон привстал со стула, опасаясь, что сейчас будет весь в винных брызгах, но никакие усилия Нигеля не спасли скатерти и ковра.

* Исайя 19:11.

— Ради святого Михаила, ты уж слишком буквально понял меня, Дункан! — воскликнул принц, добродушно усмехаясь и держа бутылку над столом, пока слуга вытирал пол.— Я всегда говорил — нельзя полагаться на священников.

— Могу сказать то же самое о принцах,— ответил Дункан, мельком бросив взгляд на с трудом сдерживающего улыбку Келсона.

Ричард — слуга Келсона — вытер кресло и бутылку, выжал над очагом тряпку, и пламя зашипело и позеленело, когда в него упали капли вина. Слуга вернулся, чтобы снова накрыть стол. Келсон встал и приподнял подсвечник и рюмки, пока тот вытирал стол, а Нигель тем временем наполнил рюмки и поставил бутылку поближе к огню.

Нигель Клум Гвидион Рис Халдейн был красив в свои тридцать четыре года, и, глядя на него, можно было представить, как будет выглядеть через двадцать лет его царственный племянник. Этот смуглый, сероглазый мужчина обладал живым умом, как и все мужчины Халдейнского дома. Как и его покойный брат Брион, Нигель был Халдейном по праву — военная доблесть и ученость прославили его во всех одиннадцати королевствах. Подняв рюмку, он поправил правой рукой прядь еще черных волос, и Дункана при виде такого знакомого жеста охватил приступ печали.

Так же всего несколько месяцев назад проводил рукой по волосам Брион, Брион, которому Дункан, так или иначе, служил большую часть из прожитых им двадцати девяти лет. Брион, жертва того жестокого спора, расколовшего Гвиннед и сейчас угрожавшего одиннадцати королевствам войною.

Бриона больше нет, а его четырнадцатилетний сын с трудом справляется с властью, унаследованной от прославленного отца. И времена все тревожнее.

Печальные мысли Дункана были прерваны звуком открывающейся двери во внешний коридор. Подняв глаза, он увидел совсем юного пажа в малиновой ливрее, который тащил серебряную чашу размерами почти с самого себя; через локоть было перекинуто белоснежное полотенце. Ноздри Дункана уловили легкий запах лимона, когда паж преклонил перед Келсоном колени и подал ему чашу.

Келсон благодарно кивнул, погрузил пальцы в теплую воду и вытер их полотенцем. Мальчик поклонился и двинулся к Ниге-

лю, не поднимая глаз перед принцем в голубых одеждах. Потом он направился к Дункану, тоже не глядя на священника.

Дункан, сдерживая улыбку, поправил полотенце на плече мальчика, а когда тот вышел из комнаты, он с улыбкой посмотрел на Нигеля.

— Это один из ваших учеников, Нигель? — спросил он, зная, что это так.

Нигель занимался воспитанием всех пажей при королевском дворе, но Дункан знал, что этот был особым.

Нигель с гордостью кивнул.

— Пэйн, мой младший,— сказал он.— Ему еще много надо учиться, впрочем, как и всем новым пажам. Он сегодня впервые официально прислуживает.

Келсон улыбнулся, сжимая пальцами ножку рюмки; ее граненые края отражали свет, бросая отблески на плащ и стену.

— Помню, как я был пажом, дядя. Кстати, не так давно. Когда вы впервые позволили мне прислуживать отцу, я чуть не умер от страха.

Он откинул голову на спинку кресла и продолжал:

— Конечно, нечего было бояться. И я, и он оставались сами собой; то, что я надел ливрею, ничего не меняло. Однако все же что-то было не так. Потому что я чувствовал себя уже не просто мальчиком, помогающим отцу, но пажом, служащим королю, а это существенная разница.

Кавалер Ричард, склонившийся над королевским ложем в другой стороне комнаты, подошел к Келсону и отвесил короткий поклон.

— Что-то еще нужно, государь? Могу ли я быть полезен чем-нибудь еще?

— Не думаю. Дядя? Отец Дункан?

Оба покачали головами, и Келсон кивнул.

— На сегодня все, Ричард. Предупредите охрану перед уходом. И пусть экипаж постоит сегодня подольше, чтобы довезти отца Дункана до базилики.

— Не беспокойтесь,— запротестовал священник,— я превосходно дойду пешком.

— И простудитесь до смерти? Я не могу этого допустить. Да и вообще — ночь не время для прогулок. Ричард, пусть карета дождется отца Дункана. Понятно?

— Да, государь.

Нигель, осушив бокал, кивнул в сторону двери, закрывшейся за Ричардом.

— Хороший парень, не так ли, Келсон? — спросил он, наливая себе вина.— Его скоро можно посвящать в рыцари, это один из моих лучших учеников. Аларик тоже так думает. Еще?

Он поднял бутылку, но Келсон покачал головой. Дункан заглянул в свой бокал и, обнаружив, что он наполовину пуст, протянул его Нигелю. Тот налил вина, поставил бутылку на место, а Дункан откинулся в кресле и задумчиво произнес:

— Ричард Фицуильям. Сейчас ему семнадцать, да, мой принц?

— Почти восемнадцать,— поправил Келсон.— Он единственный сын барона Фулька Фицуильяма, что в Келдиш Рейдинге. Я собираюсь посвятить в рыцари его и еще несколько человек до того, как начнем летнюю кампанию в Восточной Марке. Его отец будет благодарен.

Нигель кивнул.

— Он один из лучших. Кстати, что нового о Венците Торентском? Из Кардосы нет никаких вестей?

— За последние три месяца ничего не изменилось,— ответил Келсон.— Там, вы знаете, сильный гарнизон, однако по меньшей мере еще несколько недель они будут заперты в крепости снегопадом. Но как только прояснится, Венцит, я полагаю, как раз и нагрянет. И пока не настанет оттепель, мы не сможем им помочь, а потом будет поздно.

— То есть мы теряем Кардосу,— вздохнул Нигель, посмотрев в глубину своего бокала.

— И все договоры пойдут прахом, и начнется война,— заметил Дункан.

Нигель пожал плечами и осушил бокал.

— Разве это не было ясно с самого начала? Брион наверняка опасался этого, когда посылал Аларика в Кардосу прошлым летом. Но Брион умер, и нам пришлось вызвать Аларика обратно, не то бы мы и тебя, Келсон, потеряли. На мой взгляд, все сделано правильно, иначе мы остались бы без короля. Хотя и Кардосу все-таки отдавать нельзя.

— Но придется, дядя,— пробормотал Келсон, опуская глаза.— А скольких мы положим при обороне? — Он сплел пальцы и смотрел на них какое-то время, прежде чем продолжить: — Я иногда думаю — столько жизней за мою одну, дядя, да стою ли я этого?

Дункан утешительно коснулся руки Келсона.

— Все короли всегда думают об этом. Вот если ты перестанешь об этом задумываться, перестанешь чувствовать ответственность за жизни, которыми жертвуешь,— в этот день я буду опечален.

Молодой король грустно усмехнулся:

— У тебя, отец мой, всегда есть что сказать, да? Города и людей это, правда, не спасет, но зато облегчит страдания короля, которому приходится делать выбор, кем жертвовать.— Он снова опустил глаза.— Извините. Сюда стучатся, кажется?

Дункан не успел ответить — дверь отворилась, и в проеме вновь появился Ричард Фицуильям. Добродушное лицо Ричарда сейчас выглядело тревожным, почти испуганным; он виновато посмотрел на Келсона.

— Прошу прощения, государь, но тут какой-то священник хочет видеть вас. Я сказал ему, что вы уже отошли ко сну, просил прийти завтра, но он так настойчив...

Прежде чем Келсон успел возразить, клирик в черном, оттолкнув Ричарда, бросился через всю комнату и опустился перед ним на колени.

Келсон непроизвольно сжал в руках стилет, а Нигель привстал в кресле, схватившись за рукоятку меча. Но как только человек опустился на колено, Ричард, подоспевший сзади, обхватил его одной рукой за шею и прижал спиной к своим коленям, поднеся к горлу пришельца кинжал.

Человек скривился от боли, и свободной рукой попытался разжать ладонь Ричарда, однако не смог этого сделать и перестал сопротивляться.

— Пожалуйста, государь, я ничего дурного не хочу,— простонал он, косясь на лезвие кинжала.— Я отец Хью де Берри, секретарь архиепископа Карригана.

— Хью! — воскликнул Дункан, который, узнав наконец гостя, подался вперед и дал Ричарду знак, чтобы тот отпустил священника.— Какого черта? Что ты здесь делаешь?

Хью открыл глаза, услышав голос Дункана, и с мольбой посмотрел на собрата-священника, словно прося о защите, со страхом и в то же время с решимостью в глазах. Ричард понял, что тот задыхается, и отступил назад по знаку Дункана, но не отпустил пленника и не отвел лезвия от его горла. Нигель медленно опустился в кресло, но Келсон продолжал сжимать стилет.

— Вы знаете этого человека, отец мой? — спросил он Дункана.

— Он действительно тот, кем назвал себя,— ответил Дункан.— Хотя не пойму, что заставило его ворваться сюда таким образом. Что случилось, Хью?

Хью с трудом заглотнул воздух, потом посмотрел на Келсона и опустил голову.

— Простите, государь, но я должен был вас видеть. У меня есть важные сведения, которые вы больше ни от кого не узнали бы, и...

Он вновь посмотрел на Келсона, доставая пергамент из кармана тяжелого черного плаща, промокшего под дождем; его подстриженные каштановые волосы блестели в мерцающем свете свечи. Дрожащими пальцами он подал пергамент Келсону и снова отвел глаза, пряча ладони в рукавах, чтобы скрыть их дрожь. Келсон, убрав кинжал в ножны, взял пергамент, и Нигель пододвинул свечу поближе. Когда Дункан, подошедший к королю и заглянувший ему через плечо, пробежал глазами письмо, его лицо потемнело, ибо эта формулировка была ему хорошо знакома; именно этого он давно уже боялся. Охваченный тревогой, он выпрямился, мрачно и сурово посмотрев на Ричарда.

— Ричард, не могли бы вы подождать снаружи,— пробормотал он, бросая взгляд на склоненную голову Хью.— Я ручаюсь за этого человека.

— Да, отец мой.

Когда дверь за Ричардом закрылась, Дункан вернулся на свое место и осторожно сел. Он продолжал рассматривать Хью через стекло бокала, стоящего перед ним. Келсон, закончив читать, разглаживал пергамент на столе.

— Я благодарен вам за эти сведения, отец мой,— сказал Келсон священнику, жестом предлагая ему встать.— И я прошу прощения за нелюбезный прием. Надеюсь, вы понимаете, чем это вызвано.

— Конечно, государь,— пробормотал Хью,— вы никак не могли знать, кто я такой. Слава богу, что здесь отец Дункан,— не то бы меня погубило собственное нетерпение.

Дункан кивнул, явно думая о другом; его побледневшие пальцы нервно теребили ножку серебряной рюмки. Келсон, кажется, не заметил, как он еще раз просмотрел пергамент.

— По-видимому, это письмо должно быть отправлено сегодня,— сказал он.

Хью утвердительно кивнул.

— Отец Дункан, если я правильно понял, это значит, что?..

— Да, черт бы побрал их обоих со всеми потрохами,— невольно вырвалось из уст Дункана. Он резко вскинул голову и, словно осознав, что произнес, покачал головой и выпустил из рук рюмку, которую до сих пор терзали его пальцы так, что она из круглой стала овальной.— Простите, мой принц,— пробормотал он.— Все это значит, что Лорис и Карриган в конце концов замыслили что-то против Аларика. Я уже много месяцев ждал чего-нибудь в этом роде, но мне и в голову не приходило, что они решатся проклясть целое герцогство из-за одного человека.

— Стало быть, решились,— озабоченно сказал Келсон.— Мы можем им помешать?

Дункан глубоко вздохнул, заставляя себя сдержать гнев.

— Вряд ли. Не надо забывать, что для Лориса и Карригана Аларик — ключ ко всему вопросу о Дерини, он — самый высокопоставленный из всех Дерини в королевстве, и это известно всем. И хотя явно он своими силами никогда не пользовался, после смерти Бриона ему пришлось сделать это, чтобы защитить вас.

— А для архиепископов,— вмешался Нигель,— любая магия есть зло, так уж обстоит дело. К тому же они никогда не забудут, как Аларик оставил их в дураках во время коронации. Представляю себе, что нас еще ждет, пока все это будет позади.

Келсон, усевшись поудобнее в кресле, рассматривал рубиновое кольцо на среднем пальце.

— То есть это война с Дерини, да? Отец Дункан, но мы ведь не можем превращать религиозный спор во всеобщую войну! Как это остановить?

Дункан покачал головой.

— Не знаю. Надо посоветоваться с Алариком. Хью, тебе известно, кто повезет это письмо?

— По милости Лориса — монсеньор Горони,— ответил монах, глаза которого округлились от удивления после всего, что он здесь услышал.— Он с вооруженным эскортом отправится на барке до Конкардина, а там пересядет на торговое судно.

— Я знаю Горони,— кивнул Дункан.— Ему велено что-нибудь передать на словах, что-нибудь, чего нет в письме? — Он коснулся пергамента холеным ногтем.

— Не знаю,— сказал Хью.— Я снимал с него чистовую копию,— он указал на письмо, лежащее на столе,— и видел, как

оба подписали его и поставили печать. Не знаю, что они сказали Горони, когда я вышел, и, честно говоря, не представляю, что они могли сказать ему заранее.

— Понимаю,— кивнул Дункан.— У тебя еще есть что-нибудь для нас?

Хью опустил глаза и сложил руки на груди. Конечно, у него было еще одно дело. Но он был поражен тем, как сильно взволновало Дункана предыдущее сообщение, и не знал, как помягче сообщить ему новость, касающуюся его самого. Впрочем, как ни скажи, суть от этого не изменится.

— Есть еще... еще кое-что, для тебя, Дункан.— Он сделал паузу.— Я не думал, что встречу тебя здесь, но я сегодня переписывал еще одну бумагу. Она... касается лично тебя...

— Меня? — Дункан посмотрел на Келсона и Нигеля.— Продолжай. Здесь ты можешь говорить свободно.

— Это... это не то.— Хью тяжело вздохнул.— Дункан, Карриган подозревает тебя. Он хочет вызвать тебя на заседание совета, чтобы обличить в причастности к ереси, может быть, завтра утром.

— Что?

Дункан выпрямился, его лицо посерело. Хью не мог поднять глаз.

— Прости, Дункан,— прошептал он.— Кажется, архиепископ считает, что ты причастен к тому, что произошло на коронации его величества. Простите, государь.— Хью взглянул на Келсона.— Он дал мне час на то, чтобы переписать письмо, просил сделать это как можно быстрее. Я отдал его переписать одному из своих клириков, а сам рассчитывал найти тебя, как только доложу его величеству о других делах.

Он пристально посмотрел на Дункана и прошептал:

— Ты что, действительно замешан в магии?

Дункан, как во сне, подошел к очагу, его глаза округлились.

— Заподозрен...— пробормотал он, не ответив на вопрос Хью.— И вызван на суд.

Он посмотрел на Келсона.

— Мой принц, может быть лучше, чтобы завтра, когда это письмо придет, меня здесь не было. Нельзя сказать, что я боюсь, вы знаете... но если Карриган сейчас арестует меня...

Келсон кивнул.

— Я понимаю. Что вы хотите предпринять?

Дункан, подумав мгновение, бросил умоляющий взгляд на Нигеля, затем на Келсона.

— Пошлите меня к Аларику, государь. Его все равно нужно предупредить, а при этом и сам я буду в безопасности. А может быть, уговорю даже епископа Толливера повременить с отлучением.

— Я дам вам дюжину лучших моих людей,— ответил Келсон.— Что еще?

Дункан покачал головой, стараясь осмыслить план, возникший в голове.

— Хью, ты сказал, что Горони поедет морем. Это три дня пути или чуть меньше при попутном ветре и если потом они будут мчаться во всю прыть. Нигель, в каком сейчас состоянии дорога отсюда в Аларикову столицу?

— В ужасном. Но если почаще менять лошадей, ты можешь опередить Горони. И потом, дальше к югу дорога получше.

Дункан провел рукой по своим каштановым волосам и кивнул.

— Хорошо, попытаюсь. По крайней мере, я буду вне власти Карригана, как только пересеку границу Корвина. С епископом Толливером мы вроде были когда-то дружны. Я сомневаюсь, что он арестует меня только на основании слов Горони. И потом, Горони, надеюсь, не знает о распоряжении Карригана на мой счет, даже если тот их уже сделал.

— На том и порешим,— сказал Келсон, вставая и кланяясь Хью.— Отец мой, благодарю вас за верность. Я не забуду этого. Но безопасно ли для вас сейчас возвращаться в архиепископский дворец? Если хотите, я могу оказать вам покровительство. А то можете поехать с отцом Дунканом.

Хью улыбнулся:

— Благодарю вас, государь. Но я думаю, вам будет от меня больше пользы, если я вернусь к своим обязанностям. Пока меня ни в чем не подозревают, и, возможно, я смогу вам сообщить что-нибудь еще.

— Хорошо,— кивнул Келсон.— Всего доброго, отец мой.

— Благодарю вас, государь,— поклонился Хью.— А ты, Дункан,— он сжал его руку и заглянул в глаза,— будь осторожен, мой друг. Уж не знаю, что ты наделал, да и знать не хочу, но мои молитвы с тобой.

Дункан, ободряющим жестом коснувшись его плеча, кивнул, и Хью вышел. Как только дверь за ним затворилась, Дункан взял

письмо и стал складывать его — пергамент поскрипывал в тишине. Сейчас он знал, что делать, и это помогало ему совладать с ужасом и отчаянием. Пряча письмо в карман фиолетовой сутаны, он посмотрел на Келсона. Мальчик отрешенно стоял, прислонившись к спинке кресла, словно забыв, что в комнате есть еще кто-то. Нигель по-прежнему сидел за столом напротив Дункана, но и он тоже был погружен в свои мысли.

Дункан поднял и осушил свою рюмку, заметив, что она сплющена, и подумав, что это, должно быть, его рук дело. Он отодвинул рюмку и вновь посмотрел на Келсона.

— Я собираюсь взять письмо Хью с собой, если вы, мой принц, не возражаете. Аларику захочется посмотреть на него.

— Да, конечно,— ответил Келсон, выходя из оцепенения.— Дядя, вы позаботитесь об эскорте? И отправьте с ним Ричарда, отцу Дункану может понадобиться хороший спутник.

— Конечно, Келсон.

Нигель легко выпрямился и двинулся к двери. Проходя мимо Дункана, он дружески похлопал его по плечу. Дверь закрылась, и они остались вдвоем. Келсон подошел к очагу и, прислонившись лбом к каминной решетке, пристально смотрел на огонь.

Дункан, сложив руки, опустил глаза в пол. Были вещи, о которых он говорил только с Келсоном и Алариком, и, очевидно, мальчика тревожило сейчас нечто подобное. Конечно же, сегодняшние события — тяжелое испытание для Келсона, но и отложить отъезд он не может. Вероятно, Карриган отправит приказ нынче же вечером. И чем больше он, Дункан, будет мешкать, тем ближе к Корвину будет Горони со своим недобрым посланием.

Дункан осторожно прокашлялся и заметил, как вздрогнули плечи Келсона.

— Келсон,— мягко сказал он,— мне пора.

— Я знаю.

— Есть еще какие-нибудь поручения к Аларику?

— Нет,— тихим, осипшим голосом сказал мальчик.— Ну скажите ему — скажите...

Он повернул к Дункану бледное, полное отчаяния лицо. Дункан в тревоге подошел к нему, взял его за плечи и заглянул в испуганные детские глаза. Мальчик словно окаменел — он стоял, сжав кулаки, но не от гнева, а от страха. И его полные слез серые глаза были теперь не глазами храброго короля, вступающего в битву со злыми силами, дабы сохранить свой трон, а ребенка,

который слишком долго притворялся взрослым в этом сложном и враждебном мире. Дункан мгновенно почувствовал все это и ободряюще посмотрел на Келсона: при всей неожиданной зрелости молодого короля сейчас он был всего лишь четырнадцатилетним мальчиком — мальчиком испуганным.

— Келсон?

— Будьте, пожалуйста, осторожны, отец мой,— прошептал тот дрожащим от слез голосом.

Дункан внезапно прижал Келсона к груди, обняв его за плечи. Гладя иссиня-черные волосы мальчика, он почувствовал, как напряжение покинуло Келсона. Он обнял его еще крепче и тихо сказал:

— Может, поговорим в другой раз, Келсон? Все не так страшно, как кажется, если хорошенько разобраться.

— Да,— пробормотал Келсон, уткнувшись в плечо Дункана.

— Я не люблю перечить королям, но боюсь, сейчас с вами не все в порядке, Келсон. Положим, самое страшное случилось. Подумаем, что можно сделать?

— Х-хорошо.

— Отлично. Итак, что вас особенно тревожит?..

Келсон отстранился от Дункана и, взглянув на него, вытер глаза и повернулся к камину. Дункан продолжал ободряюще поддерживать его под локоть левой рукой.

— Что,— прошептал мальчик,— что, если они возьмут вас и Аларика, отец мой?

— Хм-м, это зависит от того, кто именно и при каких обстоятельствах.

— Скажем, вас захватит Лорис?

Дункан задумался.

— Ну, тогда прежде всего я должен буду держать ответ перед Святейшим советом. Если они найдут, в чем обвинить меня после дебатов, они смогут лишить меня сана. Может быть, даже заточить.

— А что, если они узнают, что вы полу-Дерини? — спросил мальчик.— Могут они убить вас?

Дункан задумчиво поднял бровь.

— Мое родство с Дерини им, конечно, совсем не понравится.— Он нахмурился.— Думаю, в этом случае я обязательно буду арестован. И уже этого одного достаточно, чтобы ни в коем случае не даться им в руки. Просто не хочется говорить, что может случиться.

Келсон улыбнулся — назло собственному страху.

— Не хочется говорить. Но допустим — это случилось. Вы могли бы убить их, если бы пришлось?

— Пожалуй, нет,— ответил Дункан,— вот и еще причина, чтобы не дать захватить себя врасплох.

— А Морган?

— Аларик? — Дункан задумался.— Трудно сказать, Келсон. В сущности, Лорис, кажется, рассчитывает на его раскаяние. Если Аларик отречется от власти и пообещает не стремиться к ней вновь, Лорис отменит отлучение.

— Аларик никогда не отречется,— сказал Келсон.

— О, я тоже в этом уверен,— ответил Дункан.— Однако в таком случае отлучение падет на Корвин и начнется не только церковная, но и политическая смута.

— Политическая? Что же случится? — удивился Келсон.

— Ну, поскольку корвинцы понимают, что все дело в Аларике, они могут перестать повиноваться ему как раз перед летней кампанией. А это, не забывайте, пятая часть ваших сил. Затем Аларик будет заточен, как и я, а там очередь за вами.

— За мной? Как это?

— Просто. Мы с Алариком в один прекрасный день будем преданы анафеме, и наше заточение станет вечным. Всех, кого заподозрят в связи с нами, постигнет та же участь. Но у вас всегда есть выбор: либо вы признаете диктат архиепископов и предадите нас, что лишит вас лучшего генерала накануне войны, либо пошлете архиепископов к черту и защитите Аларика, правда отлучение падет на весь Гвиннед.

— Это невозможно!

— Но все идет к тому. Пока еще ваш сан выручает вас, только боюсь, и это ненадолго. Ваша мать предвидела нечто подобное.

Келсон опустил голову, вспоминая сцену, происшедшую неделю назад, когда его мать, неосознанно, быть может, предрекла то, что случилось сегодня.

— Но я не понимаю, почему вам надо ехать так далеко,— спорил Келсон.— Почему обитель Святого Жиля? Вы же знаете — оттуда всего несколько часов езды до границы Восточной Марки, а там через несколько месяцев будут тяжелые бои.

Джеанна спокойно продолжала собираться, выбирая необходимое из своего гардероба и передавая фрейлине, которая складывала вещи в обтянутый кожей дорожный саквояж. Королева все еще была в трауре — прошло лишь четыре месяца со смерти Бриона. Но ее блестящие волосы были не покрыты, длинные рыже-золотистые пряди свободно спадали на спину, стянутые только золотой цепочкой. Она обернулась, посмотрела на Келсона и стоящего за ним Нигеля и снова вернулась к своей работе, все так же холодно и бесстрастно.

— Почему Святой Жиль? — спросила она.— Наверное, потому, что я останавливалась там много лет назад, еще до твоего рождения, Келсон. Мне нужно кое-что сделать, а для этого надо остаться наедине с собой.

— Есть дюжина мест, где ты можешь уединиться, если это тебе так необходимо,— ответил Нигель, рассеянно теребя фалды темно-синего плаща.— А что, если какая-нибудь разбойничья шайка похитит тебя или случится что-нибудь еще похуже?

Джеанна улыбнулась и покачала головой, заглянув герцогу королевства в глаза.

— Дорогой Нигель, брат мой, как тебя понимать? Я должна ехать. И должна ехать в Шаннис-Меир. Если я останусь здесь, зная, что происходит, зная, что Келсон пользуется своей силой, где и когда хочет, мне однажды придется применить свою, чтобы остановить его. Умом я понимаю, что не должна этого делать, но душой, сердцем я знаю — нельзя ему использовать эти силы, они страшные, дьявольские.— Она повернулась к Келсону.— Если я останусь, я погублю тебя.

— Неужто так, матушка? — прошептал Келсон.— Неужто вы, чистокровная Дерини, погубите своего сына за то, что он использует силы, которые от вас же в наследство и получил?

Джеанну словно ударили — она резко повернулась к нему спиной и тяжело опустилась на стул, сдерживая дрожь и потупив глаза.

— Келсон,— начала она слабым, чуть слышным голосом,— разве ты не видишь? Я по крови — Дерини, но я не чувствую себя Дерини. Я чувствую себя человеком, думаю как человек. И как человека меня всю жизнь учили, что быть Дерини — это зло, порок.— Она подняла на Келсона испуганный взгляд.— А если те, кого я люблю больше всех,— Дерини и не гнушаются использовать эти силы, разве, Келсон, ты не понимаешь, как это для меня страшно? Я ужасно боюсь, что люди пойдут на Дерини войной, как двести лет назад, и не думаю, что я выдержу, если окажусь в центре всего этого.

— Ты все равно окажешься в центре этого,— возразил Нигель,— хочешь ты этого или нет. А если люди пойдут против Дерини, ты не сможешь даже принять чью-либо сторону.

— Я знаю,— прошептала Джеанна.

— Так почему Святой Жиль? — сердито продолжал Нигель.— Это епархия архиепископа Лориса. Ты надеешься, что он поможет тебе разрешить твое противоречие — он, который известен преследованиями Дерини на севере? Архиепископ скоро начнет действовать, он не может больше оставлять без внимания то, что произошло во время коронации. А когда они начнут, я не уверен, что даже положение Келсона поможет ему.

— Ничто не изменит моих намерений,— сухо сказала Джеанна.— Я сегодня же уезжаю в Шаннис-Меир, где собираюсь просить сестер обители Святого Жиля о помощи и духовной поддержке. Я так решила, Нигель, именно потому, что не чувствую себя ни человеком, ни Дерини. И пока я не разберусь, кто же я все-таки, я никого не хочу видеть, я никому не нужна.

— Вы нужны мне, матушка,— учтиво сказал Келсон, взглянув на нее своими серыми глазами.— Пожалуйста, останьтесь.

— Не могу,— подавляя рыдания, ответила Джеанна.

— А если... если я прикажу вам, как король,— сдерживая слезы, дрожащим голосом сказал Келсон,— что тогда?

Джеанна на мгновение замерла, ее глаза потемнели от боли, она отвернулась, и ее плечи охватила дрожь.

— Не заставляй меня отвечать на этот вопрос, Келсон,— с трудом прошептала она.— Пожалуйста, не проси меня.

Келсон двинулся было к ней, чтобы продолжить уговоры, но Нигель поднес палец к губам и покачал головой. Он подошел к дверям и приоткрыл их, молча ожидая, пока Келсон последует за ним.

Глухо и тяжело прозвучали их шаги в напряженной тишине, когда они покидали комнату, а тихие рыдания за закрывшейся дверью навсегда запечатлелись в сознании Келсона.

Келсон тяжело вздохнул, глядя на пламя очага.

— Итак, вы думаете, что архиепископы восстанут против меня?

— До времени, может быть, и нет,— сказал Дункан.— Однако в конце концов они не могут слишком долго как бы не замечать,

что и вы тоже Дерини. Как только, скажем, вы отмените отлучение, они это вспомнят.

— Я же могу уничтожить их! — прошептал Келсон. Его кулаки сжались, глаза сузились — он почувствовал свою силу.

— Но не сделаете этого,— сказал Дункан.— Использовав свою силу против архиепископов — хотя бы они и заслужили это,— вы окончательно уверите всех в мысли, что Дерини пытаются разрушить церковь и государство, дабы восстановить свою тиранию. Великая вражда открыто обернется против вас.

— Но это же безвыходное положение, отец мой? Я — против церкви?

— Не церкви, мой принц.

— Ну хорошо, против людей, возглавляющих церковь. Это ведь одно и то же?

— Не совсем.— Дункан покачал головой.— Мы спорим не с церковью, хотя на первый взгляд так и кажется. Мы спорим против идеи, что всякое отклонение от общепринятого — зло, что, если кому-то от рождения даны необычные талант и сила, это будто бы значит, что он во власти зла, как бы он эту силу ни использовал. Мы оспариваем дурацкую мысль, что человек предрасположен к греху от рождения, оспариваем, наконец, то, что из-за кучки людей, живших триста лет назад, весь народ должен быть проклят и гоним из поколения в поколение. Вот с чем мы воюем, Келсон. Карриган, Лорис, даже Венцит Торентский — это просто пешки в большой войне за то, чтобы человек мог оставаться самим собой, мог сам распоряжаться своей жизнью, обращая во зло или добро данные ему способности. Разве все это не важно?

Келсон с гордостью улыбнулся и опустил глаза.

— Вы говорите как Аларик и как мой отец. От него я тоже часто слышал такое.

— Он бы гордился вами, Келсон. Большое счастье — иметь такого сына. Если бы у меня был сын...

Он посмотрел на Келсона, и их взгляды встретились. Пожав мальчику руку, Дункан вернулся к столу.

— Я еду, мой принц. Мы с Алариком постараемся оповещать вас о наших делах. Доверяйте Нигелю, полагайтесь на него. И не дразните архиепископов. А мы с Алариком тем временем попытаемся обвести их вокруг пальца.

— Не беспокойтесь, отец, я не сделаю ни одного необдуманного шага. Я больше не боюсь.

— Пока это будет так — Халдейн в ваших руках,— с улыбкой произнес Дункан.— Увидимся в Кулде, примерно через неделю. Да хранит вас Господь, мой принц.

— И вас, отец мой,— прошептал Келсон, когда дверь за священником закрылась.

Глава III

*«Я ЧЕЛОВЕК, И НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МНЕ НЕ ЧУЖДО»**

«Итак, урожай благодаря хорошей погоде удвоен по сравнению с прошлым годом. Сим заверяет Уильям, управляющий герцогскими поместьями в Доннерале, отчет за март месяц года пятнадцатого правления его светлости лорда Аларика Корвинского».

Лорд Роберт Тендальский оторвался от документа и неодобрительно взглянул на своего господина. Герцог вглядывался в пустынный сад за окном террасы, мысли его были за много миль отсюда. Его ноги покоились на скамеечке, обтянутой зеленой кожей, а белокурая голова слегка откинулась на высокую спинку кресла. По выражению лица молодого человека было ясно, что он не слушает.

Лорд Роберт вопросительно кашлянул, но герцог даже головы не повернул. Управляющий поджал губы и, задумчиво разглядывая Моргана, поднял свиток с отчетом, который только что читал, фута на два над столом и неожиданно выпустил его из рук. Документы и счета с шумом разлетелись в разные стороны. Лорд Аларик Энтони Морган, вздрогнув, поднял глаза и согнал с лица мечтательное выражение, осознав, что он здесь не один.

— Ваша светлость, вы же не слышали ни слова из того, что я сказал,— с укоризной проворчал Роберт.

Морган покачал головой и с улыбкой провел по лицу расслабленной рукой.

— Мне очень жаль, Роберт, но я задумался о другом.

— Уж это точно.

---

* Теренций.

Пока Роберт приводил в порядок разбросанные документы, Морган встал и потянулся. Он рассеянно взъерошил коротко остриженные белокурые волосы и, оглядев незатейливо обставленную дворцовую террасу, снова сел в кресло.

— Ну, хорошо,— вздохнул он и, склонившись над столом, начал равнодушно изучать пергамент,— мы занимались счетами из Доннераля, не правда ли? Они, кажется, в порядке?

Роберт отодвинул свое кресло на несколько дюймов и бросил перо.

— Конечно, они в порядке, Аларик. Но вы же знаете, мы должны уладить некоторые формальности. В этих отчетах представлена значительная часть ваших земельных владений — владений, которых вы скоро лишитесь, поскольку они — приданое леди Бронвин. И даже если вы с лордом Кевином склонны попросту договориться обо всем на словах, то отец Кевина, мой герцог, я полагаю, этим не удовлетворится.

— *На моей сестре женится не отец Кевина, герцог!* — парировал Морган, широко улыбнувшись.— Уйди, Робби, будь другом, дай мне отдохнуть. Мы же оба знаем, что отчеты безупречны. Если ты настаиваешь на том, чтобы мы их проверили, то давай отложим это на завтра.

Роберт на миг принял суровый и непреклонный вид, но затем сдался и примирительно поднял руки вверх.

— Что ж, хорошо, ваша светлость,— сказал он, собирая свитки с отчетами и описями,— однако, как ваш управляющий, я вынужден отметить, что до свадьбы осталось меньше двух недель. А завтра у вас прием, а послезавтра явится посол Орсальского удела, и лорд Генри де Вир хочет переговорить с вами о Варине де Грее, а еще...

— Завтра, Роберт, завтра,— сказал Морган с самым невинным видом, с трудом, впрочем, сдерживая торжествующую улыбку,— но теперь-то я могу идти?

Роберт закатил глаза к небесам, безмолвно призывая себя к терпению, и огорченно и безнадежно махнул рукой. Морган вскочил и поклонился с иронически нарочитой торжественностью, после чего повернулся на каблуках и ринулся с террасы в большой зал. Роберт проводил его взглядом, вспоминая стройного светловолосого мальчика, теперь — герцога Корвинского, лорда-генерала королевских войск, Королевского Поборника и — друга.

Роберт поймал себя на потаенной мысли, что родство Моргана с Дерини — это единственное, о чем он предпочел бы не помнить, думая о правителях Корвина, которым он служил всю жизнь. Принадлежность к роду лордов Тендалей делала его наследственным управляющим Корвина, так было заведено уже два столетия, со времен Реставрации. И несмотря на то что в герцогах Корвинских текла кровь Дерини, они были неплохими правителями. Словом, если быть до конца справедливым, Роберту и не на что жаловаться.

Конечно, приходилось считаться с капризами и прихотями Моргана, такими, например, как сегодня. Но это, можно сказать, входило в правила той игры, в которую они оба играли. Очевидно, сегодня у герцога есть веская причина для того, чтобы отложить все дела.

И все же хорошо бы когда-нибудь победить в этой игре.

Роберт собрал документы и аккуратно сложил их в кабинете у окна. Вообще, то, что герцог сократил сегодняшние расчеты, было весьма кстати. Сам-то Морган, возможно, давно забыл, что ночью в большом зале должен состояться официальный прием. И если он, Роберт, не позаботится обо всем, то это событие наверняка закончится сокрушительным провалом. Морган и всегда-то уклонялся от своих формальных обязанностей, когда не видел в этом необходимости. А то, что на приеме будут присутствовать несколько подходящих невест, мечтающих стать герцогиней Корвинской, вероятно, нисколько не улучшит настроения Аларика.

Насвистывая и потирая руки, Роберт направился к большому залу, куда только что удалился Морган. После их сегодняшних расчетов будет особенно занятно посмотреть на замешательство Моргана под оценивающими взглядами этих дам. Роберт ждал приема с нетерпением.

Покинув большой зал, Морган обвел двор отсутствующим взглядом, заметив на другом его конце, возле конюшен, мальчика-конюха, бегущего рядом с крупным гнедым конем, одним из тех жеребцов из Р'Кассана, которых на прошлой неделе привели в Корвин его закупщики. Великолепный конь шел легкой рысью, и каждый его шаг равнялся трем или четырем шагам бегущего рядом мальчика. А слева, возле кузницы, стоял оруженосец Моргана — Шон лорд Дерри и что-то серьезно выговари-

вал кузнецу Джеймсу, пытаясь, по-видимому, объяснить тому, как именно следует подковать коня.

Дерри увидел Моргана и поднял руку в приветственном жесте, не прекращая пререкаться с кузнецом. Лошади поистине занимали особое место в жизни юного Дерри. Он считал, и не без оснований, что неплохо разбирается во всем, что их касается. Во всяком случае, кузнецу его так просто не переспорить.

Морган был доволен, что Дерри не отправился следом за ним. Как бы ни был проницателен молодой гофмейстер, он не всегда мог понять настроение своего господина, и как бы ни нравилось Моргану общество Дерри, он чувствовал, что сейчас не расположен к беседе с ним. Не случайно же он сбежал от Роберта, удрал от его счетов при первой же возможности. Нынче ночью у него будет и так достаточно забот и хлопот.

Он миновал боковые ворота, взяв влево от большого зала. Сады как будто вымерли после долгой зимы, и Морган надеялся, что хотя бы здесь он сможет побыть один. Еще левее, недалеко от конюшен, сокольничий чистил клетки, но Морган знал, что этот человек его ничем не может побеспокоить — сокольничий был нем, хотя при этом обладал обостренными зрением и слухом. Старик виртуозно подражал клекоту и свисту птиц и, похоже, довольствовался общением с ними. Вряд ли он обратит внимание на герцога, уединившегося в пустынном саду.

Сцепив руки за спиной, Морган медленно двинулся по тропинке, уводящей от конюшен, снова задумавшись о том, что не давало ему сегодня покоя. Близятся события, развязка которых была лишь отсрочена победой Келсона над Сумеречной минувшей осенью. Карисса мертва, и ее преступный сообщник Ян — тоже, но едва ли не более грозная враждебная сила спешила теперь занять их место. Как ему доложили, разведчики Венцита Торентского уже добрались до гор на северо-востоке.

Беспокоила его и Кардоса. Как только сойдет снег, Венцит тотчас опять начнет ломиться в ворота горной крепости. После первой же недели весеннего половодья переход по горным тропам к востоку от Кардосы не составит труда. А на западе, откуда должна прийти помощь,— Кардосский перевал, который с марта по май представляет собой сплошной мощный водопад. Так что, пока не закончится половодье, в Кардосу невозможно послать войска, а через два месяца будет слишком поздно.

Он подошел к одному из зеркальных прудов замерзшего сада и рассеянно заглянул в его глубину. Садовники уже убрали зимний мусор и наполнили водоем, так что теперь длиннохвостые золотые рыбки и тонкие водоросли покачивались в неподвижной воде у него перед глазами, словно подвешенные вне пространства и времени.

Он улыбнулся, представив себе, как сейчас он позовет рыбок и они приплывут к нему. Но сегодня эта мысль почему-то не развлекла его. В следующую минуту он уже внимательно всматривался в поверхность воды, разглядывая, чуть отклонившись назад, свое отражение.

Большие серые глаза на продолговатом лице, бледном после долгой зимы; золотые волосы, поблескивающие в слабых лучах весеннего солнца, подстриженные коротко, так, чтобы не мешали в сражении; большой рот, полные губы над открытым подбородком, длинные бакенбарды, оттеняющие выступающие скулы.

Он с досадой дотронулся до пуговицы короткого зеленого камзола, взглянув на отражение золотого грифона, что эффектно, но вопреки всем правилам геральдики украшал его грудь.

Это платье ему не нравилось. Корвинский грифон должен быть зеленым на черном, а вовсе не золотым на зеленом. А маленький, украшенный драгоценностями, кортик на поясе — разве не пародия на настоящее оружие это изящное, но бесполезное снаряжение, которое, как утверждал его камердинер, лорд Ратхольд, соответствует его герцогскому достоинству?

Нахмурившись, Морган мрачно созерцал эту выряженную фигуру, отражающуюся в воде. Если бы у него был выбор, он предпочел бы темный бархат и мягкую блестящую кожу платья для верховой езды. Именно они, а не этот яркий батист и драгоценный кортик должны, по его мнению, воплощать в глазах людей герцогское достоинство. Пока, однако, он должен был пойти на некоторые уступки в отношении одежды. Жители Корвина большую часть года не видели своего герцога, покидавшего резиденцию то ради придворной службы в Ремуте, то по другим делам. И если уж он появился, они имеют право лицезреть своего герцога одетым так, как это полагается по сану. И нужно держаться так, чтобы ни у кого и мысли не возникло, что он не получает от всего этого никакого удовольствия. Конечно, никого бы особенно не удивило то, что драгоценная игрушка за поясом — не единственное его оружие; еще у него, как и у других воинов, был

стилет в потертых кожаных ножнах на левом запястье. Однако, несомненно, его вассалы были бы разочарованы, узнай они, что под пышным нарядом на нем будет легкая кольчуга, ведь такое нарушение этикета в их глазах означало бы недоверие к кому-либо из гостей.

«К счастью, это, пожалуй, последний официальный прием на ближайшее время,— думал Морган, снова трогаясь с места.— Как только растают снега, нужно возвращаться в Ремут, на королевскую службу». Конечно, в этом году и служба будет другая — Бриона больше нет. А последние депеши от Келсона говорили о том...

Скрип гравия справа прервал его размышления. Морган обернулся и увидел лорда Хилари, командира замковой охраны, приближающегося так стремительно, что плащ цвета морской волны развевался на ветру у него за спиной. Лицо у него было растерянное.

— Что случилось, Хилари? — спросил Морган, когда тот подошел ближе и поспешно отдал честь.

— Точно не знаю, ваша светлость, но дозорные из порта сообщают, что приближается ваша эскадра и в порт она войдет до наступления ночи. Флагманское судно, «Рафаллия», идет впереди и подает сигналы о том, что несет на борту королевское послание. Думаю, что это приказ о выступлении, милорд.

— Сомневаюсь,— покачал головой Морган,— Келсон не решился бы отправить морем такое важное распоряжение. Он бы, скорее, послал гонца.— Герцог помедлил.— Думаю, что на этот раз флот направляется не дальше Конкардина.

— Странно то, что они идут в особом порядке и к тому же возвращаются на день раньше.

— Действительно странно,— пробормотал Морган, словно забыв, что рядом стоит Хилари.— Ну, ладно, посылайте эскорт встречать «Рафаллию», когда она встанет на якорь, и доставьте мне королевское послание. И, пожалуйста, сообщите, когда они появятся.

— Да, милорд.

Когда Хилари ушел, Морган озадаченно взъерошил волосы и двинулся дальше. В самом деле, странно, с чего бы это Келсону посылать депешу морем, тем более сейчас, когда погода на севере такая неустойчивая. Это на него не похоже. И если только это не сон, то все приобретает какой-то зловещий оттенок.

Вдруг он вспомнил сон, приснившийся ему сегодня ночью, и подумал, что сон этот был продолжением тех забот, которые преследовали его целый день.

Спал он плохо, хотя обычно засыпал и пробуждался, когда хотел. Но прошлой ночью его до утра мучили кошмары: яркие, ужасные сцены, от которых он просыпался в холодном поту.

Он видел Келсона — тот напряженно внимал кому-то, чьего лица Морган не мог разглядеть, видел Дункана — его лицо, обычно такое спокойное, на этот раз было искажено тревогой и гневом: он знал своего преподобного кузена совсем не таким. И еще тот, прозрачный лик, под капюшоном, лик из легенды, что впервые привиделся ему осенью,— лик Камбера Кулдского, святого покровителя магии Дерини.

Морган поднял глаза и обнаружил, что стоит возле входа в Грот Часов — мрачную глубокую пещеру, которая уже три столетия служила герцогам Корвинским местом для уединения и медитации. Садовники побывали и тут, они убрали и сожгли палую листву, но у самого входа все еще лежал мусор. Помедлив, Морган решительно толкнул скрипучие железные двери и вошел. Взяв зажженный факел из железной скобы в стене, он носком сапога разгреб оставшийся от зимы мусор и двинулся в холодный мрак.

Внутри Грот Часов был совсем небольшой. Снаружи его свод выступал футов на двадцать над землей и был похож на обломок скалы, выходящий на поверхность посреди садовой дорожки. Весной и летом на нем зеленели деревца и кусты, покрытые пестрыми цветами. По одному склону постоянно стекали прозрачные струи небольшого водопада.

Изнутри грот, как и было задумано, казался настоящей пещерой с сырыми, грубо обтесанными стенами. Едва Морган вошел во внутренний зал, он отчетливо ощутил над головой близость низкого сводчатого потолка; тонкий лучик света пробивался сквозь забранное решеткой окно на противоположной стене и падал на холодный черный мрамор саркофага, особенно бросавшегося в глаза в той части покоя,— это была гробница Доминика, первого герцога Корвинского. В центре зала находилось кресло, вытесанное из камня и обращенное к гробнице. На крышке саркофага стоял металлический подсвечник, потускневший за зиму, а огарок свечи погрызли мыши.

Однако Морган вошел сегодня в грот не для того, чтобы засвидетельствовать почтение своему далекому предку. Он направился в самый конец зала, где боковую стену, гладкую и ровную, украшали мозаичные портреты тех, чье благословение, как полагали, хранило Корвинский двор.

Морган внимательно вглядывался в изображение Троицы, архангела Михаила, побеждающего дракона, святого Рафаила-целителя, святого Георгия, поражающего змея. Там были и другие, но сейчас Моргана интересовал лишь один. Повернувшись налево, он сделал три шага и, приблизившись к противоположной стене, поднял свечу прямо к портрету Камбера Кулдского, лорда Дерини из Кулда, Защитника людей.

Морган до сих пор так до конца и не раскрыл тайну притягательной силы этого изображения. Да и само значение Камбера он осознал только прошлой осенью, когда они с Дунканом плечом к плечу сражались за своего законного короля.

Тогда его и посетило видение. Сначала это было мимолетное ощущение чьего-то присутствия, суеверное чувство, что чьи-то посторонние руки, чья-то воля помогают его собственным. А потом он увидел, или ему показалось, что увидел, это лицо. И всякий раз оно появлялось, когда случалось нечто, имеющее отношение к легендарному святому — Дерини.

Святой Камбер. Камбер Кулдский. Это имя, кажется, еще прогремит в истории Дерини. Ведь это он, Камбер, в черные дни междуцарствия обнаружил, что могущество Дерини, внушающее благоговейный страх, иногда может быть даровано и людям. Это он, Камбер, положил начало Реставрации и отдал власть людям.

За это он был причислен к лику святых. Людская благодарность не могла найти лучшей награды тому, кто избавил их от ненавистной деспотии Дерини. Но человеческая память весьма коротка...

И через некоторое время сыны смертных забыли, что спасение пришло к ним, так же как и страдания, от Дерини. Волну жестокости, захлестнувшую тогда одиннадцать королевств, большинство людей предпочло бы забыть. Тысячи ни в чем не повинных Дерини погибли от меча либо были убиты другим, более изощренным способом, получив отмщение за то, что, по укоренившемуся мнению, творили их отцы. Уцелела всего лишь кучка Дерини, одни — скрываясь, другие — находясь под покровительством тех немногих лордов, что помнили еще, как все было на

самом деле. Без сомнения, ими двигало и почтение к памяти святого Камбера.

Камбер Кулдский, Защитник людей. Камбер Кулдский, покровитель магии Дерини. Камбер Кулдский, на портрет которого один из наследников этого рода взирал с нетерпением и любопытством, стараясь понять странную связь, возникшую, как ему казалось, между ним и давно умершим лордом Дерини.

Морган приблизил факел к портрету и рассматривал его, стараясь не упустить ни малейшей детали на шероховатой поверхности мозаики. Со стены на него смотрели сияющие глаза. Он видел только их да жесткий подбородок — остальные черты едва проступали, затененные низко надвинутым монашеским капюшоном. Моргану казалось, что под капюшоном — белокурые волосы; возможно, это только воспоминание, связанное с одним из посетивших его видений?

Он надеялся, что видение когда-нибудь повторится, и ждал этого. Его вдруг пронзил благоговейный трепет, однако ему на смену пришло сомнение: а Камбер ли тот, из его видений? Святого уже давным-давно нет в живых. Но может быть, это не имеет значения и он все же видел именно его?

Опустив факел, Морган сделал шаг назад, все еще вглядываясь в мозаичный портрет. Его вера была не слишком истовой, и сама мысль о том, что в его жизнь вмешиваются какие-то таинственные внешние силы, пусть даже на его стороне, смущала его. Мало приятного — постоянно чувствовать себя под чьим-то наблюдением.

Да, но если это был не святой Камбер, то кто же тогда? Другой Дерини? Ни один человек не смог бы помочь ему в том, что он тогда сделал. А если это был другой Дерини, почему он не назвал себя? Наверняка он представлял, как Морган относится к таким явлениям. Конечно, он нуждался в помощи, но к чему такая таинственность? Может быть, это все-таки был святой Камбер?

Он пожал плечами и сосредоточился, заставив себя рассуждать здраво,— воспоминания совсем растревожили его. Нужно прийти в себя как можно скорее. Внезапно Морган уловил какой-то шум снаружи и прислушался. Сначала он различил торопливые шаги, а потом услышал голос Дерри:

— Милорд! Милорд!

Проскользнув в открытую дверь, Морган воткнул свой факел в ту же скобу и вышел на свет. Дерри, заметив его, развернулся и побежал к герцогу через унылый сад.

— Милорд! — кричал Дерри, раскрасневшийся и возбужденный.— Выйдите во двор! Посмотрите, кто приехал!

— Но «Рафаллия» еще не вошла в порт, так ведь? — спросил Морган, повернувшись к молодому человеку.

— Нет, сэр,— рассмеялся Дерри, качая головой,— вы должны увидеть сами. Идите же!

Заинтригованный, Морган двинулся в обратный путь по саду, удивленно приподняв бровь. Он догнал Дерри и пошел за ним следом. Гофмейстер сиял от уха до уха — обычно это означало, что где-то рядом добрый конь, красивая женщина или...

— Дункан! — во весь голос крикнул Морган, входя в ворота и увидев своего кузена, слезающего с серого, забрызганного грязью боевого коня. Его черный, промокший плащ развевался на ветру, открывая взору порванный и грязный край дорожной рясы. Десять или двенадцать стражников Келсона в малиновых ливреях стояли вокруг него; среди них Морган узнал королевского оруженосца, юного Ричарда Фицуильяма — тот придерживал поводья коня, пока Дункан спешивался.

— Дункан! Старый нечестивец! — воскликнул Морган, широко шагая по мокрому булыжнику двора.— Какого черта ты делаешь в Корвине?

— Тебя хотел навестить,— ответил Дункан, обнимая Моргана. Его глаза блестели от удовольствия.— В Ремуте дела приняли плохой оборот, и я подумал, а не побеспокоить ли мне любезного моего кузена. Откровенно говоря, наш архиепископ, наверно, рад-радешенек, что от меня отделался.

— Да, хорошо, что он сейчас тебя не видит,— сказал Морган, широко улыбаясь, пока Дункан снимал с коня седельные сумки, которые он затем перекинул через плечо.— Посмотрел бы он на тебя — до чего грязен и воняешь лошадьми. Пойдем, надо тебе помыться. Дерри, проследи, чтобы позаботились о свите Дункана, хорошо?

— Слушаюсь, милорд,— с улыбкой произнес Дерри, поворачивая к группе всадников и уже на ходу отвешивая легкий поклон,— рад снова приветствовать вас в Короте, отец Дункан!

— Спасибо, Дерри.

Дерри отправился исполнять распоряжение герцога, а Морган и Дункан поднялись по ступенькам и вошли в большой зал. Там вовсю кипела работа — готовились к предстоящему балу. Десятки слуг и мастеров сооружали внушительные столы для пиршества и такие же скамьи; стелили, предварительно вычистив их, драгоценные ковры.

Поварята толпились в зале, растапливая камины и приготовляя жаровни для мяса. Несколько пажей усердно полировали резные деревянные стулья, расставленные у высокого стола.

Лорд Роберт стоял неподалеку, наблюдая за происходящим. Как только слуги воздвигли последний стол, Роберт велел поварятам протереть столы маслом, чтобы удалить патину, выступившую за многие годы, а сам стал следить за тем, как устанавливают огромные оловянные канделябры.

Справа от него лысеющий сенешаль Коротского замка лорд Гамильтон занимался размещением музыкантов, приглашенных для вечернего приема. В эту минуту он о чем-то горячо спорил с прославленным и блистательным трубадуром Гвидионом, чье выступление должно было стать главным сюрпризом предстоящего вечера.

Когда Морган и Дункан приблизились, низкорослый артист, выглядевший как павлин в своей оранжевой куртке с широкими рукавами и таком же колпаке, сердито пританцовывал и раздраженно сверкал черными глазами. Наконец, топнув ногой, он в досаде отвернулся от Гамильтона. Морган добродушно усмехнулся и поманил Гвидиона пальцем. В последний раз смерив Гамильтона надменным взглядом, трубадур приблизился к герцогу, небрежно поклонившись.

— Ваша светлость, я больше не могу работать с этим человеком. Он самонадеян, груб и ничего не смыслит в искусстве!

Морган попытался сдержать улыбку.

— Дункан, я имею несколько своеобразное удовольствие представить тебе прославленного маэстро Гвидиона ап Пленнета, последнее и самое блестящее приобретение моего двора. Должен также добавить, что во всех одиннадцати королевствах он исполняет баллады лучше кого бы то ни было — конечно, когда не занят склоками с моими приближенными. Гвидион, а это мой преподобный кузен — монсеньор Дункан Маклайн.

— Приветствую вас в Короте, монсеньор,— пробормотал Гвидион, пропустив мимо ушей многозначительные намеки Морга-

на.— Его светлость не раз и с большей похвалой говорил о вас. Я уверен, что вам здесь понравится.

— Благодарю вас,— ответил Дункан, в свою очередь поклонившись,— в Ремуте вас считают лучшим трубадуром со времен лорда Левелина. Убежден, что вам еще представится возможность подтвердить эту репутацию до того, как я уеду.

— Гвидион будет выступать сегодня вечером, если только ему позволят расположить музыкантов по своему усмотрению, монсеньор.— Трубадур поклонился и взглянул на Моргана.— Но если лорд Гамильтон будет продолжать преследовать меня с таким же маниакальным упорством, я, наверное, просто потеряю голову и уж тогда точно не смогу выступать.

Выпрямившись и скрестив руки на груди, трубадур всем своим видом дал понять, что разговор окончен. Морган внимательно и бесстрастно изучал потолок — только это и помогало ему до сих пор не расхохотаться.

— Ну хорошо,— произнес он и, чтобы скрыть улыбку, откашлялся.— Скажи Гамильтону, что я позволяю тебе расположить музыкантов так, как ты пожелаешь. И хватит, не надо больше ссориться, хорошо?

— Конечно, ваша светлость.

Слегка кивнув, он повернулся на каблуках и, все еще со скрещенными на груди руками, зашагал к лорду Гамильтону.

Завидев его, Гамильтон посмотрел на Моргана, ища поддержки, но герцог только покачал головой и движением подбородка указал на Гвидиона. Со вздохом, который было слышно на другом конце зала, Гамильтон неохотно кивнул и скрылся за дверью. Гвидион тотчас же встал на его место, рассаживая музыкантов в совершенно ином порядке и задаваясь при этом, как боевой петушок.

— Он всегда столь неукротим? — спросил с удивлением Дункан, дойдя с Морганом до выхода из зала и ступив на узкую лестницу.

— Нет, не всегда. Обычно еще хуже.

Они поднялись по лестнице. Морган отворил тяжелую дверь, за которой, в нескольких футах от первой, была другая, ореховая, с инкрустацией — Корвинским грифоном, изображенным на эмали. Морган дотронулся до глаза грифона печаткой перстня, и дверь бесшумно открылась. За дверью находился кабинет Моргана, его святая святых, где он уединялся для занятий магией.

Кабинет представлял собой круглую комнату приблизительно тридцати футов в диаметре, расположенную на самом верху самой высокой башни герцогского замка.

Стены из тяжелых камней прерывались семью узкими окнами с зелеными стеклами, которые, начинаясь на уровне глаз, подымались до самого потолка. Башня возвышалась, как маяк, и ночью, когда в этом кабинете допоздна горели свечи, на многие мили вокруг были видны семь горящих в ночном небе зеленых окон.

Под прямым углом от входа у стены был огромный камин с плитой, украшенный лепниной, выступавшей на шесть-восемь футов. Над камином висело шелковое знамя с таким же, как на двери, грифоном. На каминной полке стояло множество разнообразных предметов. Вытканная на ковре карта одиннадцати королевств покрывала стену прямо напротив входа, а под ней стоял громадный, плотно заставленный книгами книжный шкаф, слева от которого располагались великолепный письменный стол и кресло резного дерева, а также широкая кушетка, покрытая черным мехом. Дункан знал, что, обернувшись, он нашел бы с левой стороны двери небольшой переносной алтарь с простым молитвенным столиком черного дерева.

В комнате было немало интересного, но внимание Дункана сразу же привлекло таинственное небесное сияние в центре ее. На столике шириной в локоть, к которому были придвинуты два удобных с виду кресла, обтянутых зеленой кожей, покоился в лапах золотого Корвинского грифона небольшой, около четырех дюймов в диаметре, полупрозрачный шар янтарного цвета.

Дункан присвистнул и поспешно шагнул к столику. Он уже было наклонился, чтобы дотронуться до шара, но опомнился и остановился, пораженный. Морган улыбнулся и встал рядом с кузеном, опираясь на спинку кресла.

— Как тебе это нравится? — спросил он.

Вопрос был чисто риторическим, так как было видно, что Дункан восхищен.

— Поразительно! — прошептал Дункан с тем благоговейным трепетом, который охватывает мастера при виде вышедшей из-под его рук поистине великолепной вещи.— Где это ты достал такой из ряда вон выходящий экземпляр — это ведь широкий кристалл, не правда ли?

— Он самый,— кивнул Морган.— Его отыскали для меня в Орсальском уделе несколько месяцев тому назад за возмутитель-

ную, надо сказать, цену. Подойди поближе, возьми его в руки, если хочешь.

Дункан протиснулся между двумя креслами, при этом седельные сумки, все еще болтавшиеся у него на плече, стукнулись о столик. Дункан удивленно посмотрел вниз, вспомнив о них лишь в эту минуту, и на его мягком лице появились напряжение и настороженность. Он поставил сумки на стол и хотел что-то сказать, но Морган покачал головой.

— Займись кристаллом,— настоял он, видя замешательство Дункана.— Не знаю, что ты там принес,— наверное, что-то важное,— но все это может подождать.

Дункан закусил губу и бросил на Моргана долгий взгляд, потом кивнул, неохотно соглашаясь, и опустил сумки на пол. Он глубоко вздохнул, сжал пальцы, затем выдохнул и наклонился к кристаллу, обхватив его ладонями. Когда он расслабился, кристалл начал светиться.

— Прекрасно,— вздохнул Дункан. Он успокоился, едва только опустил руки на кристалл, чтобы изучить его как следует.— Шар так велик, что я, должно быть, увижу в нем образы сразу?

Снова сосредоточившись, он заглянул в кристалл и увидел, что сияние усилилось. Легкое помутнение пропало, и шар сделался прозрачно-янтарным и только как будто слегка затемненным чьим-то дыханием.

Затем в дымке появился неясный образ, постепенно принимавший отчетливые очертания человеческой фигуры. Высокий мужчина с серебряной сединой, в архиепископской мантии и митре, с тяжелым драгоценным распятием в руках был очень сердит.

«Лорис! — догадался Морган, наклонившись, чтобы получше рассмотреть образ.— Какого черта он появился? Как бы то ни было, конечно, это Дункан его так рассердил».

Дункан отдернул руки, как будто кристалл раскалился и обжег ему ладони, и на мгновение сморщился от досады. Как только его руки перестали касаться шара, изображение затуманилось и кристалл снова стал полупрозрачным. Дункан вытер руки о рясу, словно удаляя с них что-то липкое, а затем, аккуратно положив их на стол, заставил себя расслабиться.

— Очевидно, ты догадался, что это не просто светский визит,— с горечью пробормотал он,— этого не скрыть даже от широкого кристалла.

Морган понимающе кивнул.

— Я это почувствовал, как только ты слез с коня.— Он внимательно разглядывал перстень с грифоном на указательном пальце и рассеянно потирал его.— Может быть, ты расскажешь мне, что случилось?

Дункан пожал плечами и махнул рукой.

— Об этом не так-то легко говорить, Аларик. Дело в том, что меня хотят лишить сана.

— Лишить сана? — Морган опешил.— За что?

— А ты не догадываешься? — криво усмехнулся Дункан.— Видимо, архиепископ Лорис убедил Карригана, что мое участие в битве, произошедшей во время коронации, не ограничилось ролью королевского исповедника, что, к сожалению, чистая правда. Может быть, они даже подозревают, что я наполовину Дерини. Они собирались вызвать меня в Святейший совет, но мой друг узнал об этом и вовремя меня предупредил. То, чего мы опасались, случилось.

— Мне очень жаль, Дункан,— выдохнул Морган и опустил глаза.— Я знаю, как много значит для тебя твой сан. Я... я просто не знаю, что и сказать.

— Все гораздо хуже, чем ты думаешь, друг мой,— едва заметно улыбнулся Дункан,— откровенно говоря, если бы все сводилось лишь к их подозрениям, я бы так не беспокоился. Однако чем больше я проявляю себя как Дерини, тем меньше, кажется, значат для меня мои обеты.— Он наклонился к седельным сумкам, лежащим за креслом, и, достав оттуда сложенный лист пергамента, положил его на стол перед Морганом.

— Это копия письма, которое спешит к вашему епископу, Ральфу Толливеру. Мой друг, который служит секретарем в канцелярии Карригана, рисковал всем, доставив его мне. Суть этого письма в том, что Лорис и Карриган хотят, чтобы Толливер отлучил тебя от церкви, если ты не отречешься от своего могущества и не начнешь жизнь кающегося грешника. Именно так, я уверен, выразился архиепископ Карриган.

— Чтоб я отрекся? — воскликнул Морган и недоверчиво усмехнулся.— Да они, должно быть, шутят!

Он расправил на столе письмо и взял было его в руки, но Дункан удержал Моргана за запястье.

— Я еще не кончил, Аларик,— тихо сказал он, глядя кузену прямо в глаза.— Если ты не отречешься и не подчинишься их

приказам, они отлучат от церкви не только тебя, но и весь Корвин.

— Весь Корвин?!

Дункан кивнул и сжал запястье Моргана.

— Это означает, что церковь фактически перестанет действовать на территории Корвина. Остановятся мессы, не будет ни венчаний, ни крещений, ни отпеваний — ничего. Не знаю уж, как к этому отнесутся твои подданные.

Морган стиснул зубы и поднял письмо. Он развернул его и начал читать, и пока он читал, взгляд его серых глаз становился все холоднее и жестче.

— «Его высокопреосвященству Ральфу Толливеру, епископу Коротскому... Брат мой во Христе, дошли до нас слухи. Герцог Аларик Морган... ужасные преступления... чародейство и магия противоречат законам Божьим. Если же герцог не отречется от могущества Дерини... Отлучить... Отлучение Корвина... Надеюсь, что вы это сделаете... Во имя веры...» Проклятье!

Разразившись ругательствами, Морган скомкал пергамент и швырнул его на стол.

— Никакая брань не достигнет их адской бездны! Да чтоб их разорвало со всем их родом, да чтоб чертова дюжина дьяволов охотилась за ними по ночам! Будь они прокляты, Дункан! Что они хотят со мной сделать?!

Он вновь опустился в кресло и вздохнул, все еще кипя от возмущения.

— Ну как, стало легче? — улыбнулся Дункан.

— Нет, ты, конечно, понимаешь, что Лорис и Карриган доберутся до меня где угодно. Они знают, что мое влияние в Корвине зиждется на том, что я — Морган. Они прекрасно знают, что если гвиннедская курия предаст меня анафеме за то, что я — Дерини, то мои люди не захотят видеть Корвин отлученным от церкви и я не смогу просить их вверить мне свою судьбу, Дункан.

Дункан повернулся в кресле и выжидающе посмотрел на кузена.

— Ну и что же нам теперь делать?

Морган разгладил смятое письмо и, снова взглянув на него, оттолкнул, как если бы оно не содержало больше ничего, достойного внимания.

— А Толливер уже видел оригинал?

— Не думаю. Монсеньор Горони отплыл на борту «Рафаллии» два дня тому назад. Если мои расчеты верны, он, скорее всего, прибудет завтра.

— Да нет, похоже, он прибудет часа через три, когда наступит отлив,— возразил Морган.— Горони, должно быть, подкупил моих капитанов, и они сделают невозможное. Надеюсь, они хотя бы заставили его расплатиться сполна!

— Есть ли возможность перехватить письмо?

Морган поморщился и покачал головой.

— Не думаю, Дункан. Сделав это, я нарушу неприкосновенность той самой церкви, которую я хочу сохранить в Корвине. Я не должен мешать Горони.

— Предположим, я опережу его и, показав Толливеру копию, объясню ему твою роль во всей этой истории, и он, может быть, согласится не принимать никаких мер еще некоторое время. Ко всему прочему, я не думаю, что ему очень нравится получать такие указания от Лориса и Карригана. Ни для кого не секрет, что они считают его деревенским простачком, который тише воды ниже травы. Мы могли бы сыграть на его самолюбии — может быть, это поможет нам избежать отлучения. Как ты думаешь?

— Возможно,— кивнул Морган.— Иди, приведи себя в порядок и скажи Дерри, чтобы седлал для тебя свежего коня. Пока ты собираешься, я напишу Толливеру еще одно письмо, где попрошу у него поддержки. Хотя это не так-то просто.— Он встал и направился к письменному столу, уже на ходу доставая чернила и пергамент.

— Нужно найти верный тон, сославшись одновременно на герцогский авторитет, благочестие сына церкви и нашу старую дружбу, и постараться при этом не упоминать о Дерини, чтобы у него совесть оставалась спокойной.

Через четверть часа Морган поставил свою подпись в конце этого важнейшего письма и особым росчерком удостоверил подлинность документа. Потом он капнул светло-зеленого печатного воска под своим именем и приложил к горячему воску перстень с грифоном.

Он мог бы обойтись без воска — печать Дерини можно увидеть и так. Но Морган понимал, что это вряд ли понравится епископу. Его высокопреосвященство Ральф Толливер ничего лично против Дерини не имеет, однако некоторых границ не следует пе-

реступать и Моргану. Использование даже в малейшей степени ужасной магии в этой ситуации может уничтожить то расположение, которого удастся добиться с помощью письма, каким хорошим ни было бы его содержание и с каким бы усердием ни было оно написано.

Морган собрался уже поставить вторую печать, когда вернулся Дункан в тяжелом шерстяном плаще, накинутом на одно плечо. Его сопровождал Дерри.

— Ты кончил? — спросил Дункан, подходя к столу и заглядывая Моргану через плечо.

— Почти.

Он капнул печатного воска на сложенное письмо и быстро приложил печать. Подув на горячий воск, чтобы скорее остудить его, он протянул пакет.

— Другое письмо у тебя?

— Угу.— Он щелкнул пальцами.— Дерри, принеси мне его, а?

Дункан указал на письмо, лежавшее на столике посреди комнаты. Подав конверт, Дерри внимательно наблюдал, как священник прячет письмо в складках пояса чистой сутаны.

— Вам нужен эскорт, отец мой? — спросил Дерри.

— Нет, если Аларик не будет настаивать. Лично я считаю, что никто, кроме нас, знать об этом деле не должен. Ты согласен, Аларик?

Морган кивнул:

— Удачи тебе, кузен.

Дункан улыбнулся, торопливо кивнул и тотчас же скрылся за дверью. Дерри бросил на него прощальный взгляд и повернулся к Моргану. Герцог не двинулся с места; казалось, он ничего не видит, целиком погрузившись в свои мысли.

— Милорд?

— Ммм? — Морган вздрогнул, словно вспомнив, что молодой человек находится в комнате, хотя Дерри был уверен, что он об этом и не забывал.

— Сэр, можно задать вам один вопрос?

Морган встряхнул головой и растерянно улыбнулся:

— Конечно. Ты, наверное, и не представляешь, что тут у нас творится.

Дерри улыбнулся:

— Как-то неспокойно, нехорошо как-то, милорд. Может быть, я могу чем-то помочь?

Морган внимательно посмотрел на молодого лорда, опершись подбородком на руки, потом понимающе кивнул.

— Может быть, и можешь,— сказал он, выпрямившись в кресле.— Дерри, ты со мной уже с давних пор. Не хочешь ли, чтобы я познакомил тебя с начатками магии?

— Вы же знаете, что хочу, сэр! — ответил Дерри, сдерживая широкую улыбку.

— Ну, хорошо. Перейдем-ка туда, к карте.

Морган двинулся к шпалере, покрывающей всю ближайшую стену, на которой была вытканa карта. Он провел ладонью по огромному голубому пальцу залива и, найдя наконец что нужно, заговорил. Дерри внимательно смотрел и слушал.

— Итак, вот Корот. Здесь дельта, образованная устьями двух рек. Вверх по течению западной реки, по которой проходит наша северо-восточная граница с Торентом, расположен Фатан, торентский торговый город и отправная точка всех набегов и вылазок Венцита на этом участке границы.

Я хочу, чтобы ты проехал по течению реки до Фатана — по территории Торента, сделал крюк на запад и вернулся сюда вдоль нашей северной границы. В твою задачу входит сбор сведений. Прошу тебя сосредоточиться на трех вещах: планы Венцита Торентского относительно войны на этой территории; все, что можно узнать об этом мошеннике Варине на севере; и, наконец, любые слухи об угрозе отлучения. Дункан ведь рассказал тебе об этом, не правда ли?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Решай сам, за кого ты себя будешь выдавать, но мне кажется, что лучше всего прикинуться торговцем мехами или охотником. Тогда в тебе труднее будет распознать воина.

— Понимаю, сэр.

— Хорошо. А дальше-то и понадобится магия.

Морган нащупал на шее тонкую серебряную цепочку и достал ее из-под изумрудного плаща. Когда она показалась вся целиком и Морган снял ее, Дерри увидел, что к цепочке прикреплен какой-то серебряный медальон. Он немного пригнулся, чтобы Морган мог накинуть на него длинную цепочку, а потом с любопытством посмотрел на медальон, висящий теперь у него на груди. Казалось, это было что-то вроде амулета, хотя Дерри не смог как следует разглядеть ни фигуры в центре медальона, ни надписи по краям.

Морган повернул медальон вверх лицевой стороной и прислонился к старинному книжному шкафу, стоящему под картой.

— Ну а теперь мы с тобой попытаемся установить между нами особый вид связи, которым иногда пользуются Дерини. Эта связь сродни способности читать мысли — ты много раз видел, как я это делаю,— но не столь изнурительна, потому что ты продолжаешь себя контролировать. Теперь расслабься и попытайся полностью освободить свой разум. Уверяю тебя, это не так уж страшно,— прибавил Морган, видя мгновенное замешательство Дерри.

Дерри, сглотнув, кивнул.

— Хорошо. Теперь смотри на мой палец.

Морган поднял указательный палец правой руки и стал медленно приближать его к лицу Дерри. Молодой человек не спускал с него глаз, пока палец не коснулся его переносицы, а после этого закрыл глаза. Он спокойно выдохнул и расслабился; рука Моргана покоилась у него на лбу. Примерно полминуты Морган стоял не шелохнувшись, затем наклонился и, сжав в другой руке медальон, тоже закрыл глаза. Еще через мгновение он отпустил медальон и, открыв глаза, убрал руку со лба Дерри. Тот вытаращил на него глаза.

— Вы говорили со мной! — изумленно прошептал он.— Вы...— Он с недоумением посмотрел на медальон.— Я вправду могу пользоваться этим для связи с вами всю дорогу до Фатана?

— Или с отцом Дунканом, если потребуется,— подтвердил Морган.— Однако запомни: это трудно. Я, Дерини, могу вызывать тебя, как только понадобится, это не отнимет у меня много сил. А тебе придется ограничиться теми вызовами, о которых мы договоримся заранее. Если же ты сам попытаешься связаться со мной, у тебя может не хватить на это сил. Поэтому следи за временем, это очень важно! Первый контакт я назначаю на три часа ночи, завтра. Ты к тому времени уже будешь в Фатане.

— Да, милорд. Значит, моя задача — использовать эти чары так, как вы меня сейчас научили, чтобы связаться с вами.— Он доверчиво смотрел на Моргана.

— Верно.

Дерри кивнул и, прежде чем спрятать амулет в складках плаща, еще раз взглянул на него.

— А вообще, что это за медаль, милорд? Я не узнаю ни надписи, ни изображения.

— Так и знал, что ты спросишь. Это старый амулет святого Камбера, сделан в первый год Реставрации. Мне его завещала моя мать.

— Медаль Камбера! — вздохнул Дерри.— А если кто-нибудь ее узнает?

— Если ты не будешь снимать плаща, никто не то что не узнает, даже не увидит ее, мой непочтительный друг,— ответил Морган, потрепав Дерри по плечу,— и чтоб на девушек в пути не заглядываться! Это дело серьезное.

— Ну, вам бы только посмеяться надо мной,— проворчал Дерри, спрятал медальон под плащом, улыбнулся и, повернувшись, вышел.

Уже стемнело, а Дункан все еще гнал коня к Короту.

Встречу с Толливером можно было считать удачной. Епископ согласился отложить свой ответ архиепископам, пока сам не оценит обстановки, и обещал, что сообщит Моргану о любых действиях, которые последуют за его окончательным решением. Но, как Дункан и предполагал, Толливера беспокоило то, что касается магии Дерини.

Дункан плотнее завернулся в плащ и пришпорил коня, зная, с каким нетерпением ждет Аларик его возвращения. Помнил он и об ожидающем его званом вечере — в отличие от своего сиятельного кузена Дункан любил церемонии. Если он, выехав на главную дорогу, поспешит, то поспеет вовремя.

Ни о чем особенно не задумываясь, Дункан миновал очередной поворот и вдруг обнаружил высокую темную фигуру, стоящую посреди дороги ярдах в десяти от него. В слабеющем свете трудно было отчетливо что-либо разглядеть, но он заметил, что путник одет в монашеское облачение, на голове его остроконечный капюшон, в руке — посох.

Что-то в нем, однако, настораживало. Неосознанное беспокойство заставило Маклайна схватиться за рукоятку меча, висящего слева. Незнакомец повернулся к Дункану — до него уже было не больше десяти футов,— и Дункан, душа которого ушла в пятки, резко дернул поводья.

Человек спокойно смотрел на него из-под серого капюшона, и Дункан узнал это лицо, лицо, которое он так часто видел в последние месяцы, но во плоти — ни разу.

Они с Алариком сотни раз всматривались в него, исследуя старинные фолианты в поисках информации о древнем святом Дерини. Это было лицо Камбера Кулдского.

Прежде чем Дункан смог опомниться, незнакомец поднял свободную правую руку в миролюбивом жесте.

— Стой, Дункан Корвинский,— произнес он.

Глава IV

*«И СКАЗАЛ МНЕ АНГЕЛ, ГОВОРИВШИЙ СО МНОЮ...»**

У Дункана пересохло в горле и перехватило дыхание. Незнакомец назвал его именем, известным — он в этом был уверен — только троим: ему самому, Аларику и юному королю Келсону. Невозможно было представить, что кто-то посторонний знает, что Дункан — наполовину Дерини и что его мать и мать Аларика — сестры-близнецы. Эту тайну Дункан тщательно хранил всю жизнь.

А этот человек, стоящий перед ним, обратился к нему, назвав его тайным именем. Откуда он его знает?

— Что вы имеете в виду? — просипел он не своим голосом от волнения. Откашлявшись, он добавил: — Я из рода Маклайнов, хозяев Кирни и Кассана.

— Но также и Корвина, по священному праву, унаследованному вами от матери,— мягко возразил незнакомец.— В этом нет никакого позора — быть наполовину Дерини, Дункан.

Дункан замолчал и попытался собраться с мыслями, затем взволнованно облизал губы.

— Кто вы? — спросил он, стараясь взять себя в руки, и отпустил рукоятку меча так же неосознанно, как ухватился за нее перед этим.— Что вам нужно?

Незнакомец дружелюбно засмеялся и покачал головой.

— А сам ты, конечно, не догадался, да? — пробормотал он с улыбкой себе под нос.— Вам нечего бояться, Дункан. Ваша тайна останется со мной. Но подойдите же. Слезайте с коня, прогуляемся. Я хочу, чтобы вы кое о чем узнали.

Дункан некоторое время колебался, чувствуя себя немного неловко под спокойным взглядом незнакомца, потом решился, и тот важно кивнул.

* Захария 1:9.

— Можете считать эту встречу предостережением, Дункан. Я в самом деле ничем вам не угрожаю, все это для вашего же блага. В ближайшее время ваше могущество подвергнется тяжелому испытанию. Вновь и вновь вас будут вынуждать воспользоваться магическими силами в открытую, и тут вы либо признаете ваше родовое право и примете за него бой, как и должно, либо же вы потеряете его навеки. Вы поняли?

— Нет, не вполне,— прошептал Дункан, прищурив глаза.— Начнем с того, что я — священник. Мне запрещено заниматься тайными искусствами.

— Что? — тихо переспросил незнакомец.

— Мне запрещено пользоваться магией.— Дункан почувствовал, как вспыхнули его щеки, и отвел глаза.— Я по всем правилам принял духовный сан, я священник навеки, «по чину...».

— «По чину Мельхиседека»,— продолжил незнакомец.— Я знаю, знаю, что сказано в Писании. Но священник ли вы действительно? Что произошло с вами два дня тому назад?

Дункан с вызовом взглянул на него.

— Я просто лишен права служения. Меня еще не лишили сана и не отлучили от церкви.

— А еще вы говорили, что отстранение по-настоящему и не беспокоит вас, что чем больше вы пользуетесь вашим могуществом, тем меньше для вас значат ваши обеты.

Дункан, раскрыв рот от удивления, невольно подвинулся ближе к незнакомцу. Его конь беспокойно замотал головой.

— Как вы об этом узнали?

Незнакомец мягко улыбнулся и протянул руку к уздечке, успокаивая переступающего с ноги на ногу коня.

— Я знаю многое.

— Мы же были одни,— пробормотал Дункан себе под нос,— я могу поручиться за это жизнью. Кто вы такой?

— Могущество Дерини — ни в коем случае не зло, сын мой,— непринужденно промолвил незнакомец и, помахав рукой, медленно пошел по дороге.

Дункан испуганно покачал головой и повел за собой коня, вслушиваясь в то, что ему говорят.

— ...Как и не обязательно благо. Благо либо зло в душе и помыслах того, кто пользуется этим могуществом. Только со злым умыслом можно использовать свое могущество во зло.— Незнакомец обернулся, ловя взгляд Дункана, и продолжил: — Я долго

наблюдал за вами, Дункан, и нашел, что вы действуете достаточно рассудительно. У вас не должно быть никаких сомнений в том, правильно ли вы поступаете. Я понимаю, что вы вступили в борьбу, в которой испытанию подвергается сама ваша способность использовать ваш дар.

— Но...

— Никаких «но»,— сказал незнакомец, движением руки призывая к молчанию,— теперь я должен вас покинуть. И прошу вас помнить о том, что вы сейчас слышали. Может, и к лучшему, если вас вызовут не так, как вы себе представляете. Подумайте об этом, и да пребудет с вами Свет.

С этими словами незнакомец исчез, а Дункан остановился в замешательстве.

Ушел! Ушел без следа.

Он посмотрел вниз, на землю, на то место, где только что стоял его спутник, но не обнаружил его следов, хотя свои собственные хорошо видел даже в сгущающейся тьме от того самого места, с которого началась их прогулка, как видел в сырой глине и отпечатки подков своего коня.

Но никаких иных следов он не нашел.

Может быть, ему все показалось?

Нет!

Слишком все это было до дрожи осязаемо, угрожающе, чтобы быть лишь игрой воображения. Теперь он понял, что чувствовал Аларик, когда его посещали видения. Это чувство нереальности происходящего и в то же время — ясное ощущение соприкосновения с кем-то или чем-то. И это было настолько подлинно, насколько подлинно было то сияющее видение, что явилось всем Дерини по крови на коронации Келсона. Теперь, думая об этом, он понял, что это был тот же образ. А если так, то...

Дункан пожал плечами, снова закутался в плащ и, забравшись на коня, пришпорил его. Он не собирался ломать над этим голову здесь, посреди пустынной дороги. Нужно скорее рассказать Аларику о том, что с ним случилось. У кузена бывали видения в переломные дни, когда назревали тревожные события. И все же Дункан очень надеялся, что сегодняшнее происшествие не является предзнаменованием.

До двора Коротского замка оставалось всего три мили, а ему казалось, что все тридцать.

Ночное празднество началось в Коротском замке сразу с заходом солнца. Как только сгустились сумерки, громогласные лорды в ярких одеждах и их блистательные леди начали заполнять герцогский зал, ожидая появления своего герцога. Лорд Роберт, верный своему слову, постарался превратить обычно мрачный главный зал в настоящий оазис света и ликования среди сырой безлунной ночи.

Кованые бронзовые светильники, свисающие с потолка, сияли от сотен длинных свечей. Свет переливался в гранях прекрасных кубков из хрусталя и серебра, отражался от мягко мерцающих оловянных и серебряных приборов на темных столах. Дюжина пажей и кавалеров в блестящих зеленых ливреях суетились вокруг длинных столов, раскладывая хлеб и расставляя графины с выдержанным фианским вином. А лорд Роберт, стоя во главе стола и болтая с двумя прекрасными леди, следил тем временем всевидящим оком, не появится ли его господин. Пение лютни и флейты заглушалось болтовней гостей. Когда толпа приглашенных окончательно смешалась, появился лорд Рандольф — врач и доверенное лицо Моргана. Он рассеянно переходил от одной группы гостей к другой, приветливо кивая и изредка останавливаясь, чтобы поболтать со знакомыми. Как и всегда в подобных случаях, он прислушивался к разговорам тех, чье мнение по тому или иному вопросу интересовало его господина, и позже рассказывал обо всем Моргану. Рандольф медленно продвигался вперед.

— Нет, я бы и гроша медного не дал за наемника из Бремагны,— говорил один дородный лорд другому, провожая взглядом стройную брюнетку на другом конце зала,— им вообще нельзя доверять.

— А как насчет леди из Бремагны? — пробормотал второй, толкая собеседника под ребро и приподняв бровь.— Ты думаешь, им можно доверять?

— А-а...

Обменявшись понимающими кивками, они продолжали обсуждать вопрос о леди, не заметив едва заметной улыбки проходящего мимо лорда Рандольфа.

— А вот этого никак невозможно понять,— говорил юный рыцарь со смышленым лицом. Впрочем, он выглядел достаточно взрослым, чтобы носить свои шпоры.— Это же очень просто. Келсон знает, что будет дальше. Ведь скоро начнется оттепель. Почему же он до сих пор...

«Да, почему же?..» — подумал Рандольф, криво усмехнувшись. Все очень просто. Этот молодой человек, по-видимому, знает ответы на все вопросы.

— И не только это,— говорила леди с ярко-рыжими волосами своей собеседнице,— ходят слухи, будто он заходил, переоделся, а потом снова вскочил в седло и умчался бог знает куда. Я все же надеюсь, он вернется вовремя, к ужину. Вы его видели, не так ли?

— Ммм,— утвердительно кивнула блондинка,— конечно видела. Какая жалость, что он священник.

Лорд Рандольф округлил глаза, слыша такие речи. Бедный отец Дункан пользуется успехом у дам так же, как и сам герцог. Возмутительно! Другое дело, если бы священник поощрял их, но ведь нет же... Пожалуй, для него было бы лучше не возвращаться сегодня к ужину.

Рассеянно оглядывая толпу, Рандольф заметил неподалеку троих вассалов Моргана из приграничных владений, поглощенных каким-то серьезным разговором, и подумал, что герцогу наверняка интересно будет узнать, о чем они говорили. Но подойти поближе он не решался. Эти люди знают, что он — доверенное лицо Моргана, и, несомненно, сменят тему разговора, если найдут свою беседу слишком откровенной для постороннего слушателя. Он приблизился к ним сколько мог, делая вид, что прислушивается к разговору двух немолодых лордов, обсуждающих своих соколов.

— ...Не надо делать путы у него на ногах слишком тесными, понимаешь, а?

— ...И тогда этот Варин приходит ко мне на двор и говорит: «Вам что, нравится платить налоги его светлости?» — «Да кому же,— говорю,— это нравится, но ведь герцогские арендаторы имеют за свои денежки защиту, да и управляют ими неплохо».

— Ну да,— проворчал второй,— мне Хард де Блейк рассказывал, что какие-то мерзавцы спалили у него четыре акра яровой пшеницы. На севере-то, где у него земли, погода стояла сухая, зерно адовым огнем горело. Между прочим, Варин перед этим требовал у него дань, а де Блейк послал его к черту!

— ...Ну, сам-то я больше люблю небольшие ошейники, чтобы удобнее было правильно держать путы в руках...

Третий собеседник поскреб подбородок и пожал плечами.

Рандольф продолжал напряженно вслушиваться.

— Да, но в чем-то этот парень, Варин, может, и прав. Герцогу наполовину Дерини и не скрывает этого. Может, он сговорился уже с Венцитом или с кем другим из той же шайки, чтобы устроить в Корвине второе междуцарствие? Я не хочу, чтобы мою усадьбу разгромили эти богомерзкие нехристи Дерини, если я не приму их еретической веры.

— Ну что ты, наш герцог ничего такого не допустит,— возразил первый.— Почему только на следующий день...

— ...Мой сокол...

Мастер Рандольф одобрительно качнул головой и двинулся дальше, удостоверившись, что лорды ничего не замышляют, но просто обсуждают некоторые вопросы, как и многие другие, собравшиеся здесь в эту ночь. Несомненно, они имеют полное право посплетничать о том, что же там задумал герцог, тем более накануне войны, готовясь к которой он собирает весь цвет корвинских мужей.

Тревожили Рандольфа упоминания о Варине и его шайке. За последний месяц он столько раз слышал рассказы о бунтовщиках и их мятежном вожде, что запомнил это имя.

Да, видимо, эта загвоздка не из легких. Скажем, земли Хурда де Блейка лежат в тридцати милях от границы, что намного ближе тех мест, где, как слышал Рандольф, встречали Варина раньше. Похоже, все это много серьезнее, чем просто пограничный конфликт. Надо будет утром сообщить об этом Моргану.

Рандольф оглядел зал и задержал взгляд на портьере, из-за которой должен был появиться Морган, ожидая легкого движения — сигнала, что герцог готов и сейчас выйдет. Рандольф кивнул: занавеска дернулась еще раз, и он медленно пошел через зал.

Морган отпустил тяжелую бархатную портьеру, зная, что Рандольф видел этот знак и сейчас подойдет. Позади него Гвидион опять спорил с лордом Гамильтоном тихо, но настойчиво. Морган оглянулся.

— Вы наступили мне на ногу,— сердито прошипел маленький трубадур, показывая пальцем на свой изящный остроконечный башмак, на носке которого красовалась пыльная отметина. Гвидион был одет во все темно-фиолетовое и розовое, разных оттенков, и грязное пятно — след неловкости Гамильтона — отчетливо выделялось на дорогом замшевом башмаке. За спиной Гвидиона на золотистом шнуре висела лютня; широкая шляпа с белым знач-

ком была глубоко надвинута на его густые черные волосы; со смуглого лица сердито посматривали черные глаза.

— Прошу прощения,— пробормотал Гамильтон и, не затевая спора в присутствии Моргана, нагнулся, чтобы отряхнуть его башмак.

— Не прикасайтесь ко мне! — взвизгнул Гвидион, отпрянув от него с демонстративным отвращением.— Дурак подслеповатый, вы же только еще больше размажете!

Он наклонился, отряхивая башмак собственноручно, причем длинные фиолетовые рукава коснулись пола, так что пришлось потом отряхивать и их. Видя, что Гвидион обнаружил пыль на рукавах, Гамильтон почувствовал себя отмщенным и злорадно улыбнулся, но, заметив взгляд Моргана, виновато кашлянул.

— Простите, милорд,— пробормотал он,— я нечаянно.

Не успел Морган ему ответить, как портьера приоткрылась и в альков проскользнул Рандольф.

— Ничего особенного, ваша светлость,— тихо сказал он.— Много говорят об этом Варине, но ничего такого, что мы не знали сегодня утром.

— Очень хорошо,— кивнул Морган,— Гвидион, если вы с Гамильтоном уже разобрались, нам пора выходить.

— Господин мой! — чуть не задохнулся Гвидион от возмущения.— Не я затеял эту глупую ссору, а этот дурак.

— Ваша светлость, я не могу с этим согласиться.

— Ладно, вы, оба, я больше ничего не желаю слышать.

Лорд-камергер вышел, привлекая к себе всеобщее внимание; зал затих, как только портьера сомкнулась за его спиной. Он несколько раз легко ударил по полу своим жезлом, и эхо гулко откликнулось в тишине зала. Лорд-камергер начал:

— Его светлость лорд Аларик Энтони Морган: герцог Корвинский, правитель Коротский, лорд-генерал королевских войск, Поборник его величества.

Коротко протрубили фанфары, и Морган шагнул вперед, раздвинув портьеру, и остановился в дверях. Гул восхищения прошел по рядам собравшихся, все почтительно поклонились. Музыканты закончили играть, Морган легким кивком отдал им должное и в сопровождении свиты медленно прошествовал к своему месту за столом.

Этой ночью Морган был во всем черном. Неприятные новости, привезенные Дунканом из Ремута, столь серьезно встревожили его, что он уже не мог следовать настойчивым указаниям постельничьего; отбросив ярко-зеленый костюм, выбранный лордом Ратхольдом, он надел черный, и пусть думают что хотят.

Рукава строгой рубашки черного шелка прикрывали его руки до запястий, поверх нее был надет великолепный черный бархатный камзол, украшенный янтарем, с высоким воротом, закрывающим шею, и короткими — до локтей, широкими рукавами. Шелковые рейтузы были заправлены в короткие черные сапоги мягчайшей кожи. Костюм дополняли несколько украшений, которые Морган мог позволить себе в таком настроении: на правой руке перстень с изумрудным грифоном, сияющим на фоне ониксовой печатки, на левой — кольцо Поборника его величества с Золотым львом, поблескивающим на черном фоне. Золотая корона герцога Корвинского с семью тонкими чеканными зубцами венчала столь же золотую голову повелителя Корвина, Дерини.

Он шествовал к своему месту во главе стола безоружный, так как по обычаю правителю Корвина не полагалось являться гостям, собравшимся на пир, при оружии. Однако под богатым облачением скрывалась кольчуга, защищавшая наиболее уязвимые места, а в рукаве прятался тонкий стилет в ножнах, закрепленных на запястье. И, как всегда, невидимой мантией окружал его, куда бы он ни шел, ореол магии Дерини.

Сейчас он должен был играть роль радушного хозяина на этом праздном обеде, тогда как внутри у него все кипело от нетерпения. Морган недоумевал, что же случилось с Дунканом?

Уже совсем стемнело, когда Дункан наконец вернулся в Корот. Последние две мили его лошадь хромала, и он вынужден был пройти остаток пути пешком, преодолевая желание заставить понуканиями двигаться несчастное животное обычным шагом, превозмогая боль. Дункан сдержался: часом раньше он вернется или часом позже, значения не имеет, и не стоит ради этого портить одну из лучших скаковых лошадей Моргана. К тому же не по душе было Дункану мучить живую тварь.

Когда Дункан и его измученный конь наконец притащились во двор замка, там не было ни души. Стражники открыли ворота без единого слова, заранее предупрежденные о его возвращении, но позаботиться о коне было некому, так как пажи и конюхи по приглашению герцога тоже пошли в замок, чтобы, стоя в

дверях, послушать пение Гвидиона. Дункан все-таки нашел кому передать животное и прошел через двор ко входу в главный зал.

Ужин, как он и предполагал, уже закончился, зато, протискиваясь между слугами, столпившимися в дверях, Дункан понял, что представление было в самом разгаре. Гвидион пел, сидя на второй ступени помоста в дальнем конце зала, слегка раскачивая в руках свою лютню. Дункан застыл, слушая его пение,— трубадур достоин был той славы, что шла о нем во всех одиннадцати королевствах.

Тихая, протяжная мелодия, родившаяся в горах Катмура, где Гвидион провел юность, была исполнена той печальной гармонии, что исстари присуща песням жителей гор.

Чистый тенор Гвидиона плыл по замершему залу, выводя нежную и печальную балладу о Мэтьюрине и Дервегиле — возлюбленных, погибших во времена междуцарствия от руки жестокого лорда Герента. Никто не шевельнулся и не издал ни единого звука, пока Гвидион пел:

Какой же песней встречать рассвет
И тех, кого еще в мире нет?
Коль сердце разбито во цвете лет.
Милорд Мэтьюрин пал.

Оглядев зал, Дункан увидел Моргана, сидящего слева от помоста, на котором пел Гвидион. Еще левее сидел Рандольф в окружении двух прекрасных дам, которые, слушая пение, не спускали глаз с Моргана. Место справа от герцога, очевидно оставленное для него, пустовало. Он подумал, что мог бы туда пробраться потихоньку, не причиняя окружающим большого беспокойства, но не успел сделать и шага, как Морган, заметив его, покачал головой, поднялся и пошел ему навстречу.

— Что случилось? — прошептал он, оттеснив Дункана за колонну и оглянувшись, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

— С Толливером, кажется, договорились,— пробормотал Дункан.— Восторга он не выказал, но согласился подождать с ответом Лорису и Карригану, пока сам не оценит обстановку. Нам он о своем решении сообщит.

— Ну, хорошо, думаю, это все же лучше, чем ничего. А вообще, какова его реакция? Ты думаешь, он с нами?

— Ты знаешь Толливера,— пожал плечами Дункан,— он слишком боится всего, что связано с Дерини, но ведь это можно сказать о ком угодно. Кажется, сейчас он с нами. И еще одно...

— Что?

— Я... Ну, я думаю, что было бы лучше не говорить об этом здесь,— сказал Дункан, многозначительно оглядываясь,— на обратном пути я кое-кого повстречал...

— По...— Морган расширил глаза.— Что, он?..

Дункан спокойно кивнул:

— Поговорим в башне?

— Конечно, как только освобожусь,— согласился Морган.

Дункан направился к двери, а Морган глубоко вздохнул и, успокоившись, тихо вернулся на свое место, думая о том, когда же сможет вырваться отсюда, не нарушая приличий.

В кабинете Моргана Дункан расхаживал взад-вперед перед камином, сцепляя и расцепляя руки и пытаясь успокоить расшалившиеся нервы.

Он был смущен случившимся больше, чем ему сперва показалось. И сейчас, едва войдя в комнату, он снова вспомнил недавнюю встречу в пути, и его объяла сильная дрожь, как будто он стоял на ледяном ветру.

Когда отпустило, Дункан, сбросив грязный дорожный плащ, пал перед маленьким алтарем на колени и попытался молиться, но не смог. Он не мог заставить себя сосредоточиться на привычных словах, которые пытался произнести, поэтому ему пришлось отложить на время это занятие.

Он понимал, что и расхаживание из угла в угол ему не поможет. Остановившись у камина и подняв руку, он почувствовал, что все еще дрожит, хотя после дорожного происшествия прошло уже немало времени.

Что с ним?

Усилием воли взяв себя в руки, он подошел к письменному столу Аларика и налил из хрустального графина рюмку крепкого красного вина, которое Морган приберегал как раз на такой случай. Он осушил рюмку и вновь наполнил, поставил ее рядом с кушеткой, покрытой мехом, что стояла у стены слева. Расстегнув рясу до пояса, он откинул душивший его воротничок и прилег на кушетку с рюмкой вина в руках. Лежа на кушетке и потягивая ви-

но, он заставил себя все же разобраться в случившемся и постепенно успокоился.

К тому времени, когда отворилась украшенная изображением грифона дверь и вошел Аларик, он чувствовал себя уже намного лучше, хотя все еще не в силах был встать и, казалось, даже разговаривать.

— Ну как ты? — спросил Морган, пересекая комнату и присаживаясь на кушетку рядом с кузеном.

— Думаю, что теперь уже выживу,— сонным голосом ответил Дункан,— хотя совсем недавно я вовсе не был в этом так уверен. Я просто потрясен.

— Мне это знакомо,— кивнул Морган.— Может, все же расскажешь мне об этом?

— Он был там. Я скакал по дороге, хотел сделать крюк в трехчетырех милях отсюда, а там меня ждал он, стоял прямо посреди дороги. На нем было серое монашеское одеяние, в руках — посох, а лицо — точь-в-точь как на тех портретах, что мы с тобой видели в старых требниках и книгах по истории.

— Он с тобой говорил?

— О да! — вырвалось у Дункана.— Точно так, как ты сейчас со мной говоришь. Больше того, он знал, кто я такой, и назвал меня титулом по линии моей матери. А когда я поправил его, сказав, что я Маклайн, он возразил, что, мол, не только, что я — Дункан Корвинский «по священному праву моей матери», так и сказал, я запомнил.

— Продолжай.— Морган встал, чтобы налить себе стакан красного вина.

— Потом он сказал, что в ближайшее время меня ждет суровое испытание и я должен буду либо открыть свое могущество и пользоваться им, либо навсегда забыть о нем. Когда же я заметил, что как священнику мне запрещено им пользоваться, он спросил, священник ли я в самом деле. Он знал не только о моем отстранении от службы, но и все, о чем мы с тобой беседовали днем. Помнишь, я сказал, что отстранение это меня не так уж пугает и что чем больше я пользуюсь могуществом Дерини, тем меньше для меня значит мой обет? Аларик, я никому другому ничего подобного не говорил, ты тоже, я думаю. Как он об этом узнал?

— Значит, он знал о нашем разговоре? — задумчиво спросил Морган, снова садясь на кушетку.

— Дословно. И он вовсе не читал мои мысли, я бы это почувствовал. Что делать, Аларик?

— Не знаю,— тихо сказал Морган,— не знаю, понятия не имею. Со мной-то он никогда не был таким разговорчивым.— Герцог прикрыл глаза и на минуту задумался.— Скажи мне, на твой взгляд, это был человек? То есть был ли он реальным, как ты думаешь? Или только обман зрения, призрак?

— Мне он явился во плоти,— ответил Дункан.— Он схватился за поводья, чтобы я на него не наехал.— Дункан помедлил и продолжил: — Хотя следов-то он никаких не оставил. Да, когда он исчез, было достаточно светло, чтобы разглядеть следы вдоль дороги, по которой мы шли. Мои следы были, а его — не было.— Дункан приподнялся на локте.— Теперь я и вправду не знаю, Аларик. Может быть, его и вовсе не было. Может, он мне привиделся.

Морган покачал головой и резко встал.

— Нет, что-то ты все-таки видел. Я не осмелюсь даже предположить, что именно, но думаю, все это неспроста.— Он с минуту пристально смотрел в пол, затем поднял глаза на Дункана: — И почему мы до сих пор не спим, а? Можешь оставаться тут, если хочешь. Кажется, тебе довольно-таки удобно.

— Если бы я хотел пошевелиться, то все равно не смог бы,— улыбнулся Дункан,— до завтра.

Он проводил Моргана взглядом и, когда тот исчез за дверью с грифоном, наклонился и поставил рюмку рядом с кушеткой на пол.

Что же он все-таки видел по пути в Коротский замок?

Кто бы это мог быть? И к чему бы это?

Глава V

«КТО ЭТА БЛИСТАЮЩАЯ, КАК ЗАРЯ,
ПРЕКРАСНАЯ, КАК ЛУНА, СВЕТЛАЯ, КАК СОЛНЦЕ,
*ГРОЗНАЯ, КАК ПОЛКИ ПОД ЗНАМЕНАМИ?»**

Когда колокола Коротского собора пробили шесть, Морган нетерпеливо ерзал в кресле, украдкой сдерживая зевоту и стараясь придать своему лицу не такое скучающее выражение! Он изу-

* Песнь песней 6:10.

чал все те же отчеты, что и днем раньше, и лорд Роберт все так же прилежно трудился над свитком, лежащим перед ним на столе.

«Лорд Роберт всегда работает необычайно прилежно»,— подумал про себя Морган. Может быть, и неплохо, что кто-то способен выполнять такую нудную работу. Казалось, Роберту никогда не надоест часами сидеть, погрузившись в непонятные записи, ничего не видя и не слыша. Впрочем, это его служба.

Морган вздохнул и попытался заставить себя снова взяться за дела. Как ни крути, а это — главная обязанность герцога Корвинского, когда он находится в своей резиденции: он должен выслушивать раз в неделю местные жалобы, должен рассматривать их. Обычно Морган занимался этим охотно, поскольку одновременно получал представление о том, что происходит в его герцогстве, и таким образом был в курсе событий, которые так или иначе могли иметь к нему отношение.

Но последние несколько недель Морган чувствовал себя неспокойно. Вынужденное двухмесячное безделье, прерываемое только заботами, связанными с управлением Корвином, вгоняло его в тоску, и он жаждал действия. Даже ежедневные упражнения с мечом и пикой, случайные поездки по округе или охотничьи вылазки не могли полностью рассеять его тревогу.

На прошлой неделе он с удовольствием выбрался в Кулд. Здоровая усталость после четырех дней, проведенных в седле,— достойная замена той пышной, но безвкусной жизни, которую он вел последние два месяца. Как хотелось бы ему снова встретиться со старыми друзьями. А особенно он хотел увидеть молодого короля. Сейчас больше, чем когда-либо, Морган стремился быть рядом с ним, чтобы уберечь, защитить его от новых опасностей, назревающих в эти дни,— Келсон был для него почти сыном. Его постоянно беспокоила мысль о том, как тревожно, наверное, было мальчику в последние дни.

Морган неохотно вернулся к лежащим перед ним бумагам и небрежно подписал первую. Сегодняшняя работа тяготила его еще и потому, что дела, изучаемые им, были слишком просты в сравнении с теми действительно сложными вопросами, которыми герцогу приходилось заниматься. Так, например, только что подписанный им документ касался небольшого штрафа, наложенного на некоего Гарольда Мартина за то, что его скотина паслась на чужой земле. Как он понял, тот не считал себя виноватым и был недоволен решением суда.

«Это еще ничего, дружище Гарольд,— думал Морган.— Вот погоди, когда Лорис и Карриган отлучат нас, тогда ты, пожалуй, узнаешь, что такое настоящая беда».

А похоже, что отлучение в самом деле состоится. Вчера утром, проводив гостей, он снова послал Дункана к епископу Толливеру, дабы узнать, что ему сказал курьер, доставивший ночью послание архиепископа. Дункан возвратился не скоро, вид у него был тоскливый и озабоченный,— на этот раз епископ держался подчеркнуто сухо в отличие от первого радушного приема. Очевидно, курьер чем-то сильно напугал Толливера. Как бы то ни было, Дункан ничего не узнал.

Морган отодвинул документ в общую кучу. В это время раздался отрывистый, резкий стук в дверь, и в комнату вошел Гвидион с лютней за спиной. На невысоком трубадуре была простонародная домотканая коричневая куртка; его смуглое лицо было покрыто потом и пылью. С важным видом он прошел по натертому полу и отвесил Моргану короткий поклон.

— Ваша светлость, могу я отвлечь вас на два слова,— он взглянул на Роберта,— наедине?

Морган обернулся и, отложив перо, испытующе посмотрел на Гвидиона. Обычно вздорный и фатоватый, сейчас этот тонкогубый человечек был непривычно серьезен. И в его поведении, и в его черных глазах было что-то такое, что не давало Моргану усомниться в полной серьезности вопроса, с которым пришел Гвидион. Взглянув на Роберта, он сделал ему знак уйти, но управляющий медлил, не двигаясь с места.

— Милорд, я протестую. Что бы там ни было, это может подождать. Нам осталось всего несколько бумаг, а после этого...

— Извините, Роберт,— перебил Морган, оглянувшись на Гвидиона.— Это уж мне судить, может дело подождать или не может. Я приглашу вас сразу же, как только мы кончим.

Роберт ничего не сказал, но, досадливо хмурясь, собрал свои бумаги и придвинул к столу кресло. Гвидион дождался, пока он выйдет и закроет за собой дверь, затем прошествовал к окну и уселся на подоконник.

— Благодарю вас, ваша светлость. Есть немало лордов, у которых не нашлось бы минуты, чтобы снизойти до прихоти сказочника.

— Мне кажется, Гвидион, ты пришел не со сказками,— спокойно ответил Морган,— что же ты хочешь мне сказать?

Гвидион снял лютню, тронул струны, задумчиво глядя в окно, и заговорил.

— Милорд, утром я был в городе,— сказал он, тренькая по струнам и играя колками,— я искал песни, достойные слуха вашей светлости. Но боюсь, что те, которые я нашел, не доставят вам большого удовольствия. Не хотите ли послушать?

Он обернулся и во все глаза выжидающе уставился на Моргана. Тот слегка кивнул.

— Хорошо. Вот песня, которая должна вас особенно заинтересовать, милорд, ибо в ней говорится о Дерини. Я не отвечаю за ее мотив и слова, это не мое произведение, а содержание ее таково.

Он взял несколько вступительных аккордов и перешел к быстрой, живой мелодии, напоминающей детскую песенку:

Хей, хей, попробуй угадать —
Отчего Дерини нынче не видать?
Хей, хей, угадай, коли умен,—
Отчего повесил голову грифон?
Дерини все убиты; кто выжил, тех убьют,
А грифону голову зеленую свернут.
Хей, хей, угадал ты, что уж говорить,
Так выслушай сначала и попробуй повторить.

Когда Гвидион закончил куплет, вставший было Морган снова уселся в кресло, сцепил пальцы и мрачно прищурился. Некоторое время он сидел молча, изучая певца своими серыми глазами, потом спросил:

— Это все?

Трубадур пожал плечами.

— Да нет, есть еще куплеты, варианты, можно сказать, милорд. Но везде — юмор такого же рода, да и в поэтическом отношении так же слабо. Может быть, вас больше заинтересует «Баллада о герцоге Кирале»?

— Герцоге Кирале?

— Да, милорд. О негодяе в полном смысле этого слова — злодее, богохульнике, лжеце, который обманывает своих приближенных. К счастью, песня оставляет бедному угнетенному народу некоторую надежду. Также могу заметить, что имя — Кирала — покажется более знакомым, если прочесть его задом наперед: к-и-р-а-л-а-а-л-а-р-и-к. Во всяком случае, стихи здесь лучше, чем предыдущие.

На этот раз вступительный аккорд предварил тихую, спокойную, похожую на гимн песню:

Обиды Господу нанес немалые Кирала,
Грифона хищного сразить давно пора настала.
Пусть он пускает пыль в глаза и зло творит незримо,
Ничто не скроет ереси от зорких глаз Варина.

О люди Корвина, пресечь спешите злодеянья,
Коль не хотите вы навлечь на край наш наказанье.
Закрыв в неведенье глаза на дьявольские козни —
Потом мы все поплатимся раскаяньем поздним.

Но час расплаты недалек, и дни Киралы минут.
Поднимутся сыны Христа, навеки страх отринут.
Наш Варин явится — могуч, и мудр, и бодр на диво,
На страх Грифоновым когтям и всем, кто судит криво.

— Хм! — фыркнул Морган, когда трубадур кончил.— Где ты, черт возьми, это откопал, Гвидион?

— В таверне, милорд,— ответил тот, сдержанно улыбаясь.— А первой научил меня оборванец — уличный певец у ворот Святого Матфея. Милорду понравилось то, что я ему принес?

— Мне понравилось, что ты рассказал мне все это, но уж никак не содержание. И много таких песенок ходит, как ты думаешь?

Гвидион тихо положил лютню на мягкий табурет, стоявший рядом, и откинулся назад, опершись об оконный косяк сцепленными на затылке руками.

— Трудно сказать, милорд. Я был в городе всего ничего, а услышал по нескольку вариантов каждой песни; может быть, существуют еще и другие, которых я не слышал. Если милорд соизволит выслушать советы жалкого сказочника, то лучше всего бороться с этими песнями с помощью других. Можно, я попробую сочинить что-нибудь в этом роде?

— Не уверен, что в нашем положении это самое благоразумное,— сказал Морган,— а что ты...

Тут его прервал отчаянный стук в дверь, Морган раздраженно крикнул:

— Войдите!

Дверь открылась, и вошел Роберт с выражением досады на лице.

— Лорд Ратер де Корби хочет вас видеть, ваша светлость.

— Ладно, пусть войдет.

Роберт отошел в сторону, и эскорт из нескольких человек, построенных попарно, в ливреях Орсальского удела цвета морской волны, вошел строевым шагом. Следом за ним появился грозный Ратер де Корби — чрезвычайный посол Орсальского удела. Морган остался на месте и, улыбаясь, смотрел, как отряд, разделившись, построился перед ним. Ратер остановился и отдал поклон.

— Герцог Аларик,— проревел он голосом, странно не соответствующим его пятифутовому росту,— его княжеское высочество шлет вам привет и пожелание счастья. Он надеется, что у вас все в порядке.

— Все и правда в порядке, Ратер,— сказал Морган и с жаром потряс ему руку.— А как дела у старого морского льва?

Ратер раскатисто рассмеялся:

— Семейству Орсалей Бог дал очередного наследника, и Орсаль надеется, что вы вскоре сможете его посетить.— Он взглянул на Гвидиона и Роберта и продолжал: — Он желает обсудить некоторые вопросы, связанные с навигационными правилами и обороной, и надеется, что вы приедете с вашими военными советниками. Весна — нелегкое время для нас, вы же знаете.

Морган понимающе кивнул. Между его герцогством и Орсальским уделом находилось устье реки Туин — весьма удобный водный путь для Венцита Торентского, пожелай тот вторгнуться с моря. И до тех пор, пока Морган не ушел еще с армией, необходимо было заключить соглашение с Орсалем о защите Корвина в его отсутствие.

— Когда он меня ждет, Ратер? — спросил Морган, понимая, что Орсалю действительно необходимо его видеть, но что уехать он может не раньше чем завтра, и только после того, как свяжется с Дерри.

— Может быть, поедете со мной? — уклончиво ответил Ратер, наблюдая за реакцией Моргана.

Морган покачал головой.

— А как насчет завтрашнего утра? — спросил он и жестом попросил Роберта и Гвидиона выйти.— «Рафаллия» стоит в порту. Мне с ними по пути — я могу добраться до Терса. У нас будет в распоряжении целый день, а потом мне необходимо вернуться. Что вы на это скажете?

Ратер пожал плечами.

— Лучше бы вы поехали со мной, Аларик. Вы же знаете, я только доставляю депеши по назначению. А согласится Орсаль или не согласится — об этом знает только он сам.

— Ну хорошо,— сказал Морган, дружески похлопав Ратера по плечу,— а как насчет того, чтобы немного перекусить, прежде чем вы отправитесь обратно со своими людьми? Сейчас у меня гостит мой кузен Дункан, и я хотел бы, чтобы вы познакомились.

Ратер поклонился.

— С удовольствием принимаю приглашение. А вы обещайте, что расскажете мне, какие новости от молодого короля. Вы же знаете, как огорчен Орсаль, что не смог прибыть на коронацию Келсона.

Позже, когда все правила гостеприимства были соблюдены и старый вояка отправился домой, Морган опять оказался в вынужденном плену у лорда Роберта, по настоянию которого сегодня они должны были полностью привести в порядок приданое Бронвин. И они заперлись с Морганом на террасе, взяв с собой все необходимые документы. Дункан раньше отправился в оружейный павильон, чтобы выяснить, как идут дела с новым мечом, который он заказывал, а Гвидион бродил по городу в поисках других крамольных песен.

Голос Роберта все гудел и гудел, и Морган с усилием заставлял себя вслушиваться, в пятнадцатый раз за неделю напоминая себе, что их занятие — необходимая, хотя и скучная часть управления наследственным владением. Но толку от этого было не больше, чем в предыдущие четырнадцать раз.

— «...Принимая во внимание Корвинское поместье...— читал Роберт,— с указанием, что Корвин принадлежал ранее королю, но король Брион, отец ныне царствующего короля, передал вышеупомянутое поместье лорду Кеннету Моргану и его потомкам в награду за службу троих из их рода во время войны...»

Как только лорд Роберт перевел дыхание, чтобы перейти к следующему абзацу, дверь на террасу отворилась и, тяжело дыша, вошел Дункан, одетый только в пыльный короткий плащ для тренировок и мягкие сапоги на босу ногу. Входя в комнату, он вытирал лицо углом серого полотенца грубого полотна, перекинутого через плечо. В левой руке он сжимал свернутый и запечатанный лист пергамента.

— Только что доставил гонец,— сказал он, улыбаясь, и бросил письмо на стол,— наверное, это от Бронвин.

Опершись на край стола, он приветливо кивнул Роберту, но управляющий лишь со вздохом отложил перо и, не скрывая досады, сел на свое место. Морган предпочел этого не заметить и переломил пополам красную восковую печать. Когда он прочитал первые несколько строк, глаза его засияли от радости и, улыбаясь, он вытянулся в кресле.

— Дункан, твой знаменитый братец определенно умеет обращаться с женщинами,— произнес герцог.— Вот послушай. Это так похоже на Бронвин: «Дражайший брат мой, Аларик! Я едва могу поверить, что это наконец произошло, но всего через несколько дней я стану леди Бронвин Маклайн, графиней Кирни, будущей герцогиней Кассана и, что самое важное, женой моего возлюбленного Кевина. Не знаю, поверишь ли ты, но наша взаимная любовь становится сильнее с каждым часом».

Он взглянул на Дункана и снисходительно приподнял бровь, в ответ на что тот, улыбаясь, покачал головой.

— «Наверное, это последнее письмо до нашей встречи в Кулде, но герцог Яред поторапливает меня, поэтому буду краткой. Он и леди Маргарет засыпали нас дарами, а сегодня нам обещано нечто поистине потрясающее. Кевин шлет привет и спрашивает, не сможешь ли ты пригласить трубадура Гвидиона, чтобы он пел на нашем свадебном пиршестве. Кевин был просто очарован, когда слышал его пение в Валорете прошлой зимой, да и я полна горячего желания услышать его.

Передай Дункану, и Дерри, и лорду Роберту, что я их всех люблю и с нетерпением жду, когда же увижу их всех на своей свадьбе. Поспеши, чтобы застать счастливейший день в жизни любящей тебя сестры, Бронвин».

Дункан еще раз вытер вспотевшее лицо, взял, улыбаясь, письмо и пробежал его глазами.

— Ты знаешь, я и не предполагал, что когда-нибудь увижу Кевина таким ручным. Все еще не женат в тридцать три — я уж думал, не хочет ли он стать священником вместо меня.

— Да, Бронвин не промахнулась. Кажется, ей было лет десять, когда она окончательно решила, что ей не нужен никто, кроме Кевина. Только условие, поставленное нашей матерью, заставило их ждать этого часа так долго. Уж на что Маклайны настойчивы, да разве им сравниться в упрямстве с девушкой из Дерини, когда той взбредет что-нибудь в голову?

Дункан фыркнул и оглянулся на дверь.

— Пойду-ка я лучше, поторгуюсь еще с оружейником, это, по крайней мере, легче, чем спорить с человеком, который считает, что его сестра — само совершенство.

Посмеиваясь, Морган вытянулся в кресле, положив обутые в сапоги ноги на обитую кожей скамеечку. Настроение его улучшилось.

— Роберт,— проговорил он, рассеянно глядя в окно и улыбаясь каким-то своим мыслям,— напомни мне, чтобы я поговорил с Гвидионом о его завтрашней поездке в Кулд, ладно?

— Да, милорд.

— И давай вернемся к нашим бумагам. Что-то, Роберт, ты в последнее время небрежен.

— Я, ваша светлость? — пробормотал Роберт, оторвавшись от своих записей.

— Да, да, давай начнем. Я думаю, если мы как следует поработаем, то к полуночи, может, кончим с этими проклятыми бумагами и утром я смогу послать их с Гвидионом. Никогда еще мне не было так скучно.

Леди Бронвин де Морган, напротив, скучать было некогда. Как раз в это время она со своей будущей свекровью, герцогиней Маргарет, выбирала наряды, которые утром возьмет с собой в Кулд для свадебных торжеств. Затейливое платье, предназначенное для самой церемонии венчания, было уже бережно уложено на кровати, готовое к отправке. Его широкая юбка и рукава были отделаны розовыми рубинами.

Еще несколько ярких платьев были так же аккуратно разложены рядом с ним. На полу стояли два обитых кожей дорожных сундука, один из них — уже заполненный — можно было закрывать, и две служанки то и дело порывались сделать это, чтобы взяться за следующий, но Бронвин каждый раз в последнюю минуту вспоминала, что нужно еще кое-что положить, и служанкам снова приходилось доставать уже убранные вещи.

Стоял светлый, необычный для марта день. Хотя ночью шел проливной дождь, солнечное утро сверкало великолепным нарядом. К полудню земля уж совсем подсохла. Бледные лучи солнца струились в комнату через открытую балконную дверь. У две-

ри три фрейлины кропотливо трудились над отделкой приданого Бронвин, их проворные пальцы быстро двигались по тонкому полотну и шелкам. Две из них работали над изысканной газовой фатой невесты: умелыми руками они обшивали край фаты тонким кружевом. Третья вышивала золотом новую метку, уже «Маклайн», на мягких лайковых перчатках Бронвин. Напротив них, ближе к камину, две молоденькие девушки сидели, поджав ноги, на бархатных подушках. Старшая играла на лютне. Когда она, аккомпанируя, проводила по струнам, младшая ударяла по тамбурину и после небольшой паузы начинала негромко петь куплет песни для двух голосов. Жирный рыжий кот дремал у их ног, и только слабые подрагивания хвоста указывали на то, что он еще жив.

Все невесты, тем более если они знатного рода, как правило, красивы, и Бронвин де Морган, конечно, не являлась исключением из этого правила. Однако из всех леди, что находились сейчас в этой комнате, трудно было найти столь знатную и благородную, как леди Маклайн.

Леди Маргарет была третьей женой герцога Яреда — этого дважды овдовевшего лорда, который не думал, что полюбит еще кого-нибудь после смерти второй жены, Веры, матери Дункана. Его первая жена, герцогиня Элейн, прожила лишь один день после рождения первенца, Кевина. Спустя три года Яред женился на леди Вере, и этот брак подарил ему двадцать шесть долгих лет, полных счастья и радости, в том возрасте, когда женитьба обычно означает не больше чем взаимную привязанность, а о романтической любви и речи нет.

От этого брака родился Дункан; была еще дочь, умершая во младенчестве, а потом в семью вошли Аларик и Бронвин Морган, когда после смерти отца — его кузена Кеннета Моргана — Яред стал их опекуном.

И вдруг все кончилось четыре года назад. Леди Вера... Странная, изнуряющая болезнь лишила ее сил, сделав совсем беспомощной. Даже могущество Дерини (а она была родной сестрой матери Моргана, то есть чистокровной Дерини, хотя об этом никто не знал) не спасло ее.

И вот появилась леди Маргарет — не блиставшая особой красотой, бездетная сорокалетняя вдова, которая уже не могла подарить Яреду еще одного наследника, зато эта тихая женщина с

нежной душой принесла Яреду то, чего ему так не хватало,— леди Маклайн пробудила в нем любовь.

В эти дни она, как никто другой, суетилась, готовясь к свадьбе Бронвин, как будто та была ее собственной дочерью, присматривая за служанками и вообще за всем происходящим всевидящим материнским оком. С тех пор как Дункан дал обет безбрачия, только Кевин, женившись, мог продолжить род Маклайнов. И кроме Бронвин, не было другой девушки, по рождению или браку принадлежащей к роду Маклайнов, только она и могла принести долгожданного наследника. Именно поэтому этой свадьбе придавали такое значение.

Маргарет, улыбаясь, оглядела Бронвин, затем выскользнула в кабинет, отделанный резным деревом, и вернулась с ключом для кошелька, украшенного драгоценностями, который она носила на запястье. Пока она его открывала, Бронвин подняла прекрасное муаровое платье и, держа его перед собой, задумчиво подошла к стоящему в углу зеркалу.

Бронвин де Морган была прекрасна. Высокая и стройная, с густыми, струящимися по спине золотистыми волосами, она унаследовала все лучшие черты своей матери — Дерини, леди Алисы. Большие светло-голубые глаза на продолговатом лице становились темнее, когда она была чем-то опечалена. Розовое платье, которое она держала в руках, оттеняло бледную без единого изъяна кожу и розовый румянец на губах и щеках.

С минуту она внимательно изучала свое отражение, представляя, какой эффект произведет этот наряд, потом утвердительно кивнула и положила платье на кровать рядом с венчальным убором.

— Кажется, это платье подходит для бала, что будет в ту ночь, когда мы приедем в Кулд, как вы думаете, леди Маргарет? — спросила она, разглаживая складки и обернувшись к Маргарет, чтобы взглянуть, чем она занята.— Кевин уже видел его, но это не важно.

Маргарет достала с полки позолоченную, обитую бархатом коробочку и поставила ее перед Бронвин. Коробочка была длиной в несколько дюймов и глубиной в ладонь. Маргарет с ласковой улыбкой указала на нее Бронвин.

— А вот кое-что еще, что Кевин уже видел, моя дорогая,— мягко сказала она, наблюдая за лицом девушки, пока та открывала коробочку.— Это принадлежало роду Маклайнов много лет.

Я верю, что эта вещь приносит счастье женщине, которая ее носит.

Бронвин приподняла крышку и восторженно вскрикнула. Высокая тяжелая корона, сверкающая и переливающаяся бриллиантами, сияла на черном бархате, отбрасывая разноцветные отблески на простое голубое платье Бронвин.

— Восхитительно! — выдохнула она, осторожно положив коробочку на кровать и доставая корону.— Это же свадебный венец Маклайнов, да?

Маргарет кивнула.

— Почему бы тебе его не примерить? Я хочу посмотреть, как он будет выглядеть вместе с фатой. Марта, пожалуйста, принесите фату.

Когда леди Марта и еще одна фрейлина принесли фату, Бронвин снова подошла к зеркалу и, стоя с короной в руках, вгляделась в свое отражение. Маргарет и Марта прикрыли неоконченной фатой ее золотые волосы и возились с ней, пока она не легла как нужно, а затем Маргарет мягко возложила корону поверх фаты.

Леди Марта принесла ей маленькое зеркало, чтобы Бронвин увидела себя сзади, и, взглянув в него, девушка заметила двух мужчин, стоящих в дверях: одним из них был ее будущий свекор, герцог Яред, второго она почти не знала.

— Ты выглядишь совершенно очаровательно, моя дорогая,— произнес Яред, оглядев ее с улыбкой.— На месте Кевина я давно бы женился на тебе, не считаясь с волей твоей матери.

Бронвин, застенчиво опустив глаза, бросилась к лорду Яреду и в восторге обняла его.

— Лорд Яред, вы самый удивительный мужчина в мире! После Кевина, конечно.

— Ну разумеется,— ответил Яред, целуя ее в лоб и осторожно, чтобы не помять фату, обнимая,— должен тебе сказать, дорогая моя, из тебя получится прекрасная Маклайн. Знаешь ли, эта корона украшала чело самых хорошеньких женщин одиннадцати королевств.

Он встал рядом с Маргарет, нежно поцеловав ей руку. Маргарет покраснела.

Герцог Яред почти все свое время отдавал управлению имением. Как у большинства землевладельцев такого ранга, большая часть его времени просто не принадлежала ему; он должен был посвящать это время официальным обязанностям правителя. Сейчас он пришел прямо с собрания герцогского двора и еще не снял короны, мантии коричневого бархата и клетчатого пледа цветов Маклайнов, перекинутого через плечо. Плед был заколот серебряной брошью с изображением Спящего льва Маклайнов. Тяжелая серебряная цепь, каждое звено которой было величиной с мужскую ладонь, лежала на его могучих плечах. Голубые глаза на вытянутом лице были спокойны и добры. Он отбросил назад выбившуюся прядь седеющих волос и поманил своего спутника, оставшегося стоять в дверях.

— Подойди поближе, Риммель, я хочу познакомить тебя со своей будущей невесткой.

Риммель поклонился и подошел к своему господину.

С первого взгляда в глаза бросались его белые как снег волосы. Стариком он не был — ему было всего двадцать восемь лет, не был он и альбиносом. До десятилетнего возраста у него были обычные каштановые волосы, но однажды летом они неожиданно — в одну ночь — поседели.

Его мать была уверена, что в этом виновата «ведьма Дерини», которой селяне позволили жить на окраине деревни. Деревенский же священник говорил, что мальчик одержим бесами, и пытался изгнать злых духов, однако, несмотря на все усилия, изменить ничего не удалось, волосы Риммеля так и остались белыми. В сочетании с сияющими ярко-голубыми глазами это выделяло его среди других, хотя в остальном он имел заурядную, в общем-то, внешность, к тому же и слегка сутулился.

На нем был серый плащ, высокие сапоги и серый бархатный берет, на котором спереди был приколот значок со Спящим львом Маклайнов. На груди у него висел на длинном кожаном шнуре потертый мешочек из серой кожи с инструментами. В руках он держал несколько свитков, которые беспокойно перебирал, пока не приблизился к Яреду.

— Ваша светлость,— кланяясь, пробормотал он и приподнял берет,— миледи...

Яред заговорщицки взглянул на Маргарет и улыбнулся:

— Бронвин, это Риммель, мой архитектор. Он тут набросал несколько эскизов. Я хотел бы услышать твое мнение.— Герцог кивнул на стол у камина.— Риммель, давай разложим их здесь.

В то время как Риммель разворачивал свои свитки, Бронвин сняла корону и фату, передав их служанке. Затем она с любопытством приблизилась к столу и увидела несколько развернутых свит-

ков — это были какие-то чертежи. Бронвин удивленно вскинула брови, склонившись над столом, чтобы разглядеть их.

— Ну, что ты на это скажешь?

— Что это?

Яред, улыбаясь, выпрямился, скрестив руки на груди.

— Это план вашего нового зимнего дворца в Кирни. Вы с Кевином уже сможете провести там Рождество.

— Зимнего дворца? — воскликнула Бронвин.— Для нас? О, лорд Яред, спасибо!

— Считайте это просто свадебным подарком, который мы хотим преподнести будущим герцогу и герцогине Кассанским,— ответил Яред. Он нежно обнял жену и улыбнулся ей.— Нам с Маргарет хотелось бы, чтобы вы вспоминали о нас, когда нас не станет.

— А то без дворца мы бы вас забыли,— поддразнила его Бронвин, обнимая обоих.— Ну, так покажите же мне скорее, где здесь что, я хочу знать все, до последнего закоулка, до последней лестницы.

Яред сел напротив нее и стал, посмеиваясь, объяснять детали плана. И пока он потчевал слушателей рассказами о роскоши нового дворца, Риммель, отойдя на несколько шагов, чтобы не привлекать к себе внимания, рассматривал Бронвин.

Он не был рад предстоящей женитьбе наследника своего господина. Это и не могло радовать его с тех пор, как Риммель впервые, семь месяцев назад, увидел невесту Кевина. За эти семь месяцев он ни разу не разговаривал с Бронвин, да и видел-то ее всего несколько раз. Но и этого было достаточно.

Достаточно, чтобы осознать, какая пропасть лежит между ней — дочерью лорда, наследницей состояния и множества громких титулов, и им — простолюдином, архитектором, не имеющим ни состояния, ни имени. Достаточно, чтобы осознать, что он влюбился, беспомощно и безнадежно, в эту красавицу Дерини.

Он убеждал себя, будто бы не рад свадьбе потому, что Бронвин — наполовину Дерини и, значит, не пара молодому графу Кевину, что он мог бы найти себе лучшую партию. Однако в действительности все дело было только в том, что Риммель сам безумно влюбился в Бронвин. И не важно, Дерини она или нет, он должен либо добиться ее, либо умереть.

Он не мог тягаться с Кевином. Кевин был его будущим господином, и он обязан был хранить ему верность как отцу родному. И все-таки он никогда не позволит графу жениться на Бронвин. От одной только мысли о свадьбе Риммель начинал ненавидеть даже звук его голоса.

Размышления архитектора как раз были прерваны этим голосом, ворвавшимся в комнату через открытую дверь балкона.

— Брон? — звал молодой граф.— Бронвин, иди сюда! Я тебе кое-что покажу.

Услышав его, Бронвин бросилась на балкон и склонилась через перила. Находясь у стола, Риммель мог разглядеть флажки на пиках балконной решетки и сквозь узкие ее проемы — отдаленные фигуры коней и всадников. Лорд Кевин вернулся со своими людьми.

— О! — воскликнула Бронвин, сияя от восхищения.— Яред, Маргарет, идите сюда, взгляните, кого он привел! Кевин, я никогда раньше не видела такой красивой лошадки!

— Спускайся и попробуй ее оседлать,— крикнул Кевин.— Я купил ее для тебя.

— Для меня? — воскликнула Бронвин, хлопая в ладоши, как обрадованный ребенок. Она оглянулась на Яреда и Маргарет и, снова повернувшись к Кевину, послала ему воздушный поцелуй.— Мы идем, Кевин,— сказала она, подбирая юбки и догоняя чету Маклайнов,— не уходи!

Когда все трое поспешно покинули комнату, Риммель проводил Бронвин алчущим взглядом и неслышно подошел к балконной двери. Внизу, во дворе, Кевин в полном боевом снаряжении восседал на сером боевом коне с маклайновским пледом поверх седла. Шлем он снял, его каштановые волосы взъерошились и растрепались; паж держал его копье и меч. Правой рукой Кевин вел на поводу лошадь кремовой масти, покрытую зеленой бархатной попоной под седлом белой кожи. Как только Бронвин спустилась, он передал поводья другому пажу и, повернув своего коня к лестнице, подъехал и поднял девушку в седло рядом с собой.

— Ну как, девочка? Что ты на это скажешь? — засмеялся он, прижимая ее к груди и нежно целуя.— Правда, эта лошадка подходит самой королеве?

Бронвин, рассмеявшись, устроилась поудобнее в его надежных объятиях, а Кевин повернул коня и подъехал к новой лошади. Когда же Бронвин наклонилась, чтобы погладить лошадку, Риммель в досаде отпрянул от окна и вернулся к столу.

Он еще не знал, как осуществить задуманное, но он должен предотвратить свадьбу. Бронвин принадлежит ему. Она будет принадлежать ему. Риммель был уверен — представься ему случай, он смог бы убедить Бронвин в своей любви и заставить ее полюбить его. Но, кажется, сейчас для него и это уже не имело никакого значения. Он, сам того не понимая, уже перешагнул грань между мечтой и безумием.

Риммель свернул чертежи и внимательно осмотрелся: в комнате никого не осталось, все служанки и фрейлины столпились на балконе, наблюдая за сценой, разыгравшейся во дворе. И, если он не ошибается, кое-кто из женщин смотрел на происходящее с некоторой ревностью. Может быть, можно как-то сыграть на этой ревности? Может быть, кто-то из этих дам подскажет ему путь к сердцу любимой? Во всяком случае, нужно действовать. Раз уж он решился расстроить свадьбу и завладеть Бронвин, то нельзя упускать ни малейшей возможности. Бронвин будет ему принадлежать.

Глава VI

*«ИЩУЩИЕ ДУШИ МОЕЙ СТАВЯТ СЕТИ»**

— Еще круг! — воскликнул Дерри, подняв серебряный кубок и сделав широкий жест рукой.— Выпьем за всех присутствующих джентльменов! Когда пьет старик Джон Бан, все его друзья пьют с ним!

Одобрительный рев полдюжины здоровенных мужчин — по виду охотников и матросов — раздался вокруг Дерри, и трактирщик, взяв кувшин, стал разливать в глиняные кружки благоухающий эль.

— Слышь, да ты вот такой парень, Джонни! — крикнул кто-то, сплюнув прямо под ноги Дерри, потянувшемуся за своей кружкой.

— Наливай! — горланили другие.

Было еще рано, только начинало темнеть, а таверна «Пса Джека» в Фатане была полна народа такого шумного и буйного, как мало где еще в одиннадцати королевствах. У стены матрос в поношенной парусиновой куртке возглавлял хор, певший старую морскую песню под аккомпанемент фальшивящей тростниковой дудочки и постукивания по двум тяжелым столам в противоположной части зала. Эта группа с каждой минутой увеличивалась, гудела все громче, и уже более серьезным господам приходилось перекрикивать их пение. Однако никто не протестовал во всеуслышание, предпочитая не затевать ссору с пьяными матросами.

Фатан, расположенный в устье реки, был портовым городом. Сюда регулярно приходили корабли из Торента и Корвина. Здесь же останавливались охотники и звероловы, отправляющиеся вверх по реке в большой Велдурский лес. Все это делало Фатан весьма оживленным городом.

Дерри отхлебнул из кружки и повернулся к сидящему справа человеку, прислушиваясь к его пьяной болтовне.

— Елки зеленые,— говорил тот,— что еще за дела — винная партия лорда Варни! Моя она, я за вино заплатил, и пошел он, этот Варни...

Взрыв хохота был ответом на эти слова; очевидно, говоривший слыл здесь известным краснобаем. Дерри с трудом сдержал зевоту.

Он собрал немало сведений за эти три часа пьянства и застольной болтовни. Дерри узнал, например, что отряды сторонников торентского короля собираются где-то к северу отсюда у местечка под названием Медрас. Человек, сказавший об этом, и сам не знал, каковы, собственно, их намерения,— он уже порядком захмелел к тому времени, когда Дерри разговорил его. Он сказал только, что там собрано что-то около пяти тысяч человек, и сразу как воды в рот набрал, потому что в это мгновение в дверь таверны просунулась голова торентского солдата.

Дерри притворился, что его это нисколько не интересует, и быстро сменил тему разговора, но про себя связал эти сведения со всеми остальными, услышанными сегодня утром. Кажется, время было проведено не без пользы — картина происходящего начинала складываться.

Уставясь в свою кружку и притворяясь опьяневшим до полусмерти, Дерри обдумывал дальнейшие действия.

Было уже совсем темно: он пил сегодня весь день. Пьян не был — для этого ему нужно кое-что покрепче эля. Но при всей его устойчивости к спиртному — по словам Моргана, граничащей с чудом — он начинал ощущать выпитое. Пора было возвращаться

* Псалом 38:12.

в комнату, которую он снял в «Кривом Драконе», чтобы связаться с Морганом.

— Ну я и говорю: «Детка, сколько?» — а она: «Больше, чем у тебя есть. Ты меня не удержишь, даже если вцепишься в юбку!»

Дерри последний раз глотнул холодного эля, затем встал из-за стойки и широким жестом натянул на плечи свою кожаную куртку. Он положил на стойку еще одну монету, и тут стоящий слева от него человек покачнулся и плеснул эля ему на сапоги. Дерри отступил в сторону и поддержал соседа, стараясь при этом не выказать того, как он трезв.

— Осторожней, приятель,— сказал Дерри, помогая человеку поставить кружку обратно на стол.— Все, шабаш. Я иду дрыхнуть.— Он вылил остатки эля в кружку соседа (с умыслом расплескав половину) и дружелюбно похлопал его по плечу.

— Ну, пей, друг,— сказал он, выбираясь из-за стойки.— Покойной... то есть, это, спокойной ночи!

— А ты слышь, совсем уже того. Еще рано!

— Эй, Джонни, душка, еще на дорогу?

— Не-а,— покачал головой Дерри.— Я и так перебрал.

Он описал изящный круг, пробираясь к двери, и, выходя, не оглянулся, надеясь, что за ним никто не последует. Действительно, собутыльники не заметили, как он ушел, а вскоре напрочь забыли о его существовании.

Когда голоса посетителей таверны остались далеко позади, к Дерри, оглохшему от их гомона, вернулся наконец слух. Он шел, стараясь не столкнуться лбом с каким-нибудь прохожим,— людей на улицах было много, и некоторые из них тоже пошатывались. Войдя в темную аллею, он на мгновение остановился и подумал, что в самое время прервал эту бесконечную попойку. Вдруг Дерри услышал за спиной шаги.

— Кто еще здесь? — грубо спросил он, опять прикидываясь пьяным и надеясь, что в этом все-таки нет большой нужды.— Кто там прется?

— Эй, паря, ты как вообще? — Перед ним появился человек, и голос его звучал в этой мрачноватой аллее странно спокойно и мягко.

«Черт! — подумал Дерри, узнав человека, который все утро сегодня сидел в таверне, тихо попивая эль в углу вместе с другим.— Почему он его преследует? И где собутыльник?»

— Я тебя помню,— сказал Дерри, тщательно подбирая слова и судорожно соображая, как вести себя с этим господином.— Ты был в трактире, да? Что тебе надо? Нечем расплатиться?

— Мои друзья заметили, что ты плохо держался на ногах, когда уходил,— сказал человек, стоя в четырех футах от Дерри и внимательно рассматривая его.— Мы только хотели убедиться, что все нормально.

— Твои друзья? — спросил Дерри, украдкой осматриваясь, чтобы не выдать себя прежде времени.— Чего это они так обо мне пекутся? — спросил он и резко повернулся, заметив краем глаза, что к нему приближается с другой стороны еще один человек.— С какой это стати?

— Да ладно тебе, друг,— сказал первый человек, шагнув к Дерри и беря его за локоть.— Мы не хотели тебя обидеть.

— Эй ты, слышь,— начал Дерри, протестуя решительнее, ибо человек, судя по всему, собирался сопровождать его и дальше.

— Если нужны деньги, зря стараешься. Я все профукал в трактире.

— Да не нужны нам твои деньги,— сказал второй человек, беря Дерри под руку с другой стороны и помогая своему товарищу вести его вдоль аллеи.

Дерри решил притвориться в стельку пьяным. Бормоча что-то и похохатывая, он спотыкался, валясь на каждом шагу то в одну, то в другую сторону, чтобы задержать их, пока у него не появится план; намерения у этих ребят были явно худые. Заподозрили они его в чем-то или просто хотят вытрясти деньги — не имеет значения, лишь бы поверили, что он пьян. Во всяком случае, пока они ведут его так, поддерживая за руки, серьезной угрозы от него они не ждут. Может, это его и выручит?

— Вроде хватит,— сказал первый, когда они протащили его футов тридцать или сорок.— Лиль?

Второй кивнул и вынул что-то блестящее и маленькое из кармана плаща.

Это «что-то» было слишком маленьким для клинка. Присмотревшись получше, Дерри понял, что это бутылочка темно-оранжевой смолы. Что бы они ни собирались сделать с ним — убить или одурманить, им это не удастся. Они даже не держали его, но просто поддерживали под руки, чтобы он не свалился, а значит, поверили, что он пьян.

В этом и была их роковая ошибка.

— Чего это? — пробормотал Дерри, когда человек с сосудом наконец вытащил пробку.— Такое красненькое...

— Да, дружок,— сказал человек, поднося сосуд к лицу Дерри.— Это прочистит тебе голову. Выпей-ка.

Настала пора действовать. Внезапно высвободив руки, Дерри оттолкнул пузырек, смола плеснула в лицо этому человеку, а он мгновенно повернулся и ударил второго ногой в пах, да так сильно, что сам упал, но сразу же вскочил на ноги и схватился за рукоять меча.

Не успел он вынуть его из ножен, как первый из напавших ударил его по руке и выбил оружие. Однако прежде чем он успел им воспользоваться, второй, приняв его в тусклом свете фонаря за Дерри, подкрался сзади и ударил своего товарища в спину. Тот покачнулся, выронил меч, а второй, поняв свою ошибку, бросился уже на Дерри. Положение изменилось в пользу молодого лорда, хотя по-прежнему было непростым. Дерри не был пьян, но и нельзя сказать, чтобы он был вполне трезв,— его реакции были замедленны, а человек, стоящий перед ним, похоже, собирался пустить в ход кинжал. Дерри быстро выхватил из-за голенища свой кинжал. Некоторое время они ходили вокруг друг друга, делая обманные выпады, затем сблизились.

После недолгой схватки Дерри удалось разоружить противника и оглушить его. Опустив обмякшее тело врага на землю, он подумал, что, хотя очень не хочется это делать, ему придется убить этого человека. Нельзя оставлять его живого здесь, в аллее, нельзя допустить, чтобы он заговорил. Он должен умереть.

Быстро перекрестившись, он дотронулся до руки первого из нападавших; тело уже остывало. Этот был, без сомнения, мертв. А вот второй... Он подтащил второго человека к телу его напарника и, повернув лицом вверх, наскоро обшарил карманы. Он нашел такой же сосуд, как тот, из которого его пытались отравить, бумагу, читать которую сейчас не было времени, и несколько золотых монет. Содержимое бутылочки, да и письмо, пожалуй, заинтересуют Моргана, а потому их лучше захватить. Деньги он положил на место. Ему они были не нужны, и потом, пусть тот, кто найдет трупы, подумает, что они убили друг друга из-за денег. По крайней мере, не будут искать убийцу. Осмотрев одежду убитого, Дерри и тут нашел деньги и связку бумаг, которые он взял для Моргана.

Оглушенный им человек застонал, и Дерри заставил его опять затихнуть. Он с отвращением взял в руки кинжал другого нападавшего: никогда раньше ему не приходилось убивать столь хладнокровно. Но в противном случае в опасности окажется его собственная жизнь. Выбора нет; в конце концов — это самозащита, он вынужден так поступить.

Глубоко вздохнув, Дерри приподнял голову человека и быстрым движением перерезал ему горло. Затем он вложил нож в руку другого человека, вытер клинок и быстро пошел прочь по аллее. Он не раз видел человеческую смерть и сам убивал, но всегда — в сражении, в открытом бою; он и подумать не мог, что сможет убить вот так, под покровом ночи.

Дерри дошел до конца аллеи и свернул в переулок, снова притворяясь пьяным. Пройдя квартал, он остановился у канала и осмотрелся. Прохожие поглядывали на него с сочувствием, принимая за одного из своих же пьяниц.

Но Дерри знал свое дело. Как только он достиг комнаты в «Кривом Драконе», он вновь стал совершенно трезвым молодым господином.

Морган сидел с закрытыми глазами, откинувшись в высоком кресле. Герцог был один у себя в башне. Он слышал потрескивание поленьев и чувствовал тепло очага справа от себя, знал, что, открыв глаза, увидит высокие своды комнаты, образованные семью окнами зеленого стекла. Не зря башне дали такое имя — Зеленая. В середине стола перед ним стоял грифон, в лапах которого холодно блестел широкий кристалл. Руки Моргана безжизненно лежали на подлокотниках кресла — он только что расслабился, освободив голову от досужих мыслей. В дверь постучали, но он не пошевелился, не открыл глаза.

— Кто там?

— Дункан. Можно?

Морган вздохнул и, выпрямившись, взглянул на дверь.

— Открыто.

Ручка повернулась, дверь приоткрылась, и в комнату осторожно вошел Дункан.

— Закрой дверь,— сказал Морган, вновь откидываясь в кресле.

Дункан покосился на маленький круглый столик и сел напротив Моргана. Лицо его кузена было бледным, отрешенным, и Дункан понял, что он ждет сигнала от Дерри.

— Могу я помочь чем-нибудь, Аларик? — мягко спросил он.— Еще рановато, ты знаешь?

— Знаю,— вздохнул Морган.— Я боюсь, что он попытается связаться со мной чуть раньше и испугается, не получив ответа. Для него все это внове.

Дункан улыбнулся.

— А для нас это — надоевшая рутина, да? — сказал он, кладя руки на столик и складывая вместе пальцы.— А ты не позволишь мне стать посредником между вами, чтобы удвоить твою силу? Это облегчит задачу, а про меня Дерри все равно узнает рано или поздно.

Морган слегка улыбнулся.

— Допустим. Когда ты будешь готов?

— Как только будешь готов ты. Пойду за тобой след в след.

Морган сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, затем выпрямился и обхватил руками широкий кристалл. Следующий глубокий вдох был началом погружения в Тиринский транс, и он закрыл глаза. Еще мгновение прошло в безмолвии, и широкий кристалл начал слабо светиться. Дункан, перегнувшись через столик, сжал кисти Моргана и покрепче оперся локтями на столешницу.

Он выдохнул и вместе с Морганом погрузился в транс.

Широкий кристалл на мгновение вспыхнул и вновь замерцал необычным сумрачно-янтарным светом.

— Он готовится,— мысленно передал Морган.— Он ищет связующий предмет.

— Я чувствую,— мысленно же ответил Дункан.

— Где он? Ты знаешь?

— Не могу сказать. Далеко.

В крошечной комнате на окраине невзрачного предместья сидел на кровати Дерри. Он зажег одну из двух свечей, бывших в комнате, и читал найденные у убитых бумаги. И то, что он из бумаг узнал, весьма ослабило его раскаяние в хладнокровном убийстве — напавшие на него были агентами Венцита, посланными собрать сведения о войсках Моргана. Тем же самым занимался и Дерри, только с другой стороны. Правда, они были в самом начале пути к своей цели в отличие от него. И конечно, они убили бы Дерри, сложись все немного иначе.

Сейчас они были мертвы, а он остался в живых. Бумаг он не оставил, и пока местные власти опознают их, пройдет время. Конечно, когда выяснят, что это королевские агенты, поднимется шум, и все его сегодняшние собутыльники прослышат об этом. Возможно, его исчезновение и не свяжут с этим делом, но он должен быть начеку. Похоже, скоро в Фатане начнется суматоха, а он здесь совсем один.

«Нет, не совсем!» — сказал он себе, снова сев на постель, и вынул из-под рубашки медальон, данный ему Морганом. Прежде всего он должен рассказать Моргану, что случилось, и передать ему собранные сведения.

Он сжал медальон в руках и рассматривал его несколько мгновений, потом закрыл глаза и пробормотал слова, которым Морган учил его. Дерри почувствовал головокружение, погружаясь в этот странный и пугающий сон. А потом он ощутил присутствие кого-то, очень близкого человека, и с ним другого, знакомого почти так же хорошо.

Чары сработали!

— Поздравляю, Дерри. Ты хороший ученик. Были какие-нибудь трудности?

— Морган?

— Правильно. И еще Дункан.

— Отец Дункан?

— Вы удивлены?

— Не то слово.

— Поговорим позже. Какие новости?

— Важные,— сказал Дерри, улыбнувшись, хотя знал, что Морган не может видеть выражение его лица.— Отряды торентского короля собираются к северу отсюда — тысяч пять, если слухи верны.

— «Отсюда» — это откуда? — вмешался Морган.

— Простите. Я в Фатане, в «Кривом Драконе». Так получилось, что я не мог до сих пор дать о себе знать.

— Все понятно. Продолжайте.

— Так или иначе, они собираются в местечке под названием Медрас, это полдня пути к северу отсюда. Думаю выехать утром. В тех же местах сейчас будет хорошая охота.

— Что послужит для тебя надежным прикрытием,— ответил Морган.— А что о положении здесь, в Корвине?

— А-а... кое-какие толки о Варине де Грее, но немного. С тех пор как в Торенте правитель из Дерини, Варин, сделал несколько вылазок вдоль границы, но без большого успеха. Я еще послушаю, что о нем говорят на западе.

— Да, попробуй,— сказал Морган.— Что еще? Ты проделал хорошую работу, но я не хочу испытывать твое мужество сверх необходимости.

— Да! — вырвалось у Дерри.— Я сегодня убил одного человека, милорд. Он и его напарник были торентскими агентами, они пытались меня отравить.

— Чем — ты знаешь?

— Нет, но это у меня с собой. Я привезу вам.

— Достань это,— приказал Морган.— Можешь открыть глаза. Опиши мне это.

Дерри осторожно открыл глаза, дотянулся до стола и взял пузырек. Он внимательно посмотрел на него и снова зажмурился.

— Это маленький стеклянный сосуд, заткнут коричневой пробкой. Внутри какая-то оранжевая смола.

— Хорошо. Осторожно открой и понюхай это. Только не пролей на себя.

— Да, сейчас.

Дерри открыл сосуд и осторожно принюхался.

— Еще,— приказал Морган.

Дерри повиновался.

— Ты узнал это, Дункан?

— Не уверен. Может быть, белаш? В Р'Касси используют его, чтобы развязать язык. Но это действует только на людей, и то когда они очень пьяны.

— Дерри, ты был пьян? — спросил Морган.

— Они так думали,— улыбнувшись, ответил Дерри.— Это повредило бы мне?

— Все зависит от того, действительно ли ты был трезв. Откуда ты знаешь, что они торентские агенты?

— Я взял их бумаги. Гариш де Брэй и Эдмунд Лиль, последний из дворца его высочества в Белдуре. Они шпионили против нас.

— Как нехорошо с их стороны,— ответил Морган.— Еще на сегодня есть что-нибудь?

— Ничего, сэр.

— Отлично. Прежде всего я хочу, чтобы ты уничтожил эти бумаги и белаш. Тебе грозит смерть, если это найдут. Завтра я должен ехать в Орсальский удел, но вечером в это же время я выслушаю тебя, если будет нужда. Но если не будет крайней необходимости, можешь со мной не связываться — береги силы, у тебя еще много дел. Выясни все, что можно, об отлучении. Наконец, будь осторожен и возвращайся в ближайшие два дня. Все ясно?

— Да, сэр. Связаться с вами завтра вечером, если будет необходимость, и в течение двух дней вернуться.

— Тогда всего доброго.

— Благодарю вас, сэр.

Дерри слегка вздрогнул, когда связь прервалась, потом открыл глаза и окинул взглядом комнату. Он почувствовал на глазах слезы, но это были слезы радости; опыт прошел лучше, чем он ожидал. Сейчас он готов был поверить всему, что говорил ему Морган о магии.

Он мрачно посмотрел в открытый сосуд и вылил его содержимое в стоящий под кроватью ночной горшок. Сосуд он швырнул в груду мусора на полу, затем сжег бумаги. Пепел он тоже выбросил в ночной горшок и на всякий случай помочился туда.

Вот так. Теперь даже Дерини не догадается, что там было,— если вздумает заглянуть.

Усевшись в кресло, он сбросил кожаную куртку и стянул сапоги. Откинув одеяло, Дерри повалился на постель. Мешавший ему кинжал он спрятал под подушку и, вспомнив в последний момент о медальоне Моргана, убрал его под рубашку.

«Даже если кто войдет, там его не увидят»,— подумал он, засыпая.

Глава VII

*«ДА ПРИДЕТ НА НЕГО ГИБЕЛЬ НЕОЖИДАННАЯ...»**

Когда взошло солнце, Морган и Дункан в сопровождении герцогского эскорта поднялись на борт «Рафаллии». Воздух был сырым, холодным и тяжелым от морской соли.

* Псалом 34:8.

Поскольку визит в Орсальский удел носил официальный характер, Морган был одет по всей форме — кожаный плащ до колен с Корвинским грифоном и зелеными манжетами поверх легкой кольчуги, закрывавшей тело от шеи до колен. Голенища кожаных сапог с парадными серебряными шпорами — хотя Морган и не собирался ехать верхом — доходили до того места, где кончалась кольчуга. Богатый зеленый шерстяной плащ с серебряной пряжкой был накинут на плечи. И поскольку это был дипломатический визит, а не военные маневры, на его золотых волосах возлежала герцогская корона Корвина. Однако на боку висел меч в удобных кожаных ножнах.

Дункан тоже был одет, как и подобало для такого визита, по всем церковным правилам — в сутану с высоким воротом и плащ поверх кольчуги. Он долго думал, не лучше ли надеть розовый плед Маклайнов — у Аларика нашелся бы подходящий,— но решил, что не следует торопить события. Еще мало кто знал о том, что он лишен права служения, и не стоило давать лишний повод для досужих домыслов. Пока он носит черное, это никого не насторожит — все видят то, что привыкли видеть.

При этом он сознавал, что ему совсем нетрудно вернуться в общество в качестве мирянина. Лорд Дункан Говард Маклайн — прежде всего сын знатного дворянина, воспитанный в лучших традициях аристократии. И хотя новенький клинок, висящий у него на поясе, пока не был опробован, Дункан не сомневался, что при необходимости воспользуется оружием.

Над берегом сгустился туман, и, лишь подъехав к причалу, Морган и Дункан увидели высокую мачту «Рафаллии», проступавшую в серой, унылой пелене. Парус, блестяще расшитый и украшенный, был свободно свернут вдоль единственного длинного рея; черно-зеленый штандарт Моргана на коротком древке был закреплен на корме. Они увидели, как матрос поднимает на мачту флаг Келсона — малиново-золотой на фоне серого утреннего неба.

«Рафаллия» была не самым большим из кораблей Моргана, хотя при водоизмещении в сто пятьдесят тонн это судно было одним из прочнейших. С клинкерной обшивкой (как говорят моряки), с одинаково заостренными носом и кормой, как у многих кораблей, оно ходило по торговым делам, бороздя Южное море. Команда его состояла из тридцати матросов и четырех офицеров. На судне были каюты и для пассажиров. При попутном ветре «Рафаллия» без больших затруднений делала от четырех до шести узлов в час, а нововведения, заимствованные у южных купеческих судов из Бремагны, позволяли двигаться даже под углом в сорок градусов к направлению ветра — с помощью нового переднего паруса, именуемого «сетти».

Если же было безветрие или ветер дул не в том направлении — всегда оставались весла. И даже без парусов «Рафаллия» могла достичь Орсальского удела и вернуться обратно меньше чем за день.

Поднимаясь вместе с Дунканом по сходням, Морган снова взглянул на мачты и увидел, что матросы уже карабкаются по реям и закрепляют оснастку, готовясь к отплытию. Дозорный вел свое наблюдение с площадки на вершине мачты; Морган видел яркие матерчатые шапочки матросов, снующих по нижней палубе. Он очень надеялся, что сегодня им не придется идти на веслах, рассчитывая прибыть на место до полудня.

Когда он с досадой думал о том, что путешествие может затянуться, к нему подошел высокий человек в коричневом кожаном костюме и плаще с малиновым воротником. На нем была кожаная капитанская фуражка с зеленой кокардой — знаком морской службы герцога. Он улыбнулся Моргану. У него была жесткая, ржавого цвета борода и такие же усы, которые топорщились при разговоре.

— Доброе утро, милорд! — сказал он, оглядываясь вокруг, как будто холод раннего утра и туман доставляли ему несказанное удовольствие.— Разве не прекрасное утро?

Морган приподнял бровь.

— Конечно, если вам нравится плыть вслепую, Генри. Хоть ветер-то будет или придется идти на веслах?

— О, ветер подымется,— утешил его капитан.— И вообще, судя по всему, сегодня будет неплохой денек для морского путешествия. Только одно может затруднить отплытие... Сколько всего людей вы берете с собой на борт?

— Всего девять,— сказал Морган, обернувшись.— Да, я не представил — это мой кузен, монсеньор Дункан Маклайн. Дункан — Генри Кирби, капитан «Рафаллии».

Кирби приподнял фуражку за козырек.

— Счастлив видеть вас, монсеньор.— Он повернулся к Моргану.— Готовы ли ваши люди подняться на борт, милорд?

— Разумеется. Сколько до отплытия?

— О, четверть часа или около того. Мы снимемся с якоря, как только все будут на борту.

— Отлично.

Морган обернулся, подал знак группе людей, стоявших на причале, и вслед за Дунканом и Кирби ступил на борт корабля. За ними по сходням поднялись лорд Гамильтон и с ним маленький отряд — всего семь человек.

Гамильтон выглядел сегодня увереннее, здесь он чувствовал себя на своем месте, будучи солдатом, а не придворным. Общение с Гвидионом и прочими, подобными ему, за последние дни доставляло лорду немалое раздражение. И поэтому никто не испытал большей радости, чем он, когда необузданный музыкантишка отбыл нынче утром в Кулд. День начался для Гамильтона хорошо, и он чувствовал себя прекрасно, поднимаясь во главе отряда на корабль.

Мастер Рандольф впервые путешествовал на корабле с герцогом, и его добродушное лицо сияло от восторга при мысли о предстоящих приключениях. Он был всего лишь лекарем, и его редко впутывали в настоящие придворные интриги, и то, что Морган взял его с собой в эту поездку, безмерно удивляло и радовало Рандольфа.

Рядом с ним стоял Ричард Фицуильям, оруженосец короля, приехавший с Дунканом из Ремута. Ричард тоже был в восторге от возможности увидеть наяву легендарный Орсальский двор. К тому же он боготворил Моргана, который некогда учил его в Ремуте военному искусству. Преданный герцогу всей душой, он не раз рисковал нарваться на грубый ответ или даже физическую расправу, защищая своего учителя от клеветы.

Еще на борту находилось четверо офицеров из личной охраны Моргана, которым предстояло быть не только почетным эскортом, но и военными советниками на том стратегическом совещании, что было главной целью визита.

Эти люди, находясь в подчинении лорда Гамильтона, будут командовать местными силами, когда Морган отправится на север, чтобы возглавить королевские войска. Поэтому их присутствие при обсуждении вопросов, касающихся обороны Корвина, просто необходимо.

Когда все были на борту, два человека в голубых штанах и полосатых куртках убрали сходни и натянули леера. К тому времени подул бриз и стало проясняться.

По команде Кирби матросы отдали швартовы и начали ставить паруса. Дюжина гребцов отвела судно на пятьдесят ярдов от причала, и когда они миновали последний из стоявших на рейде кораблей, судно развернулось и паруса наполнились ветром.

Бриз усилился; вскоре «Рафаллия» вышла из залива и стала набирать скорость. Пройдя несколько сотен ярдов, она сделала изящный разворот и взяла курс на столицу Орсальского удела. Если ветер не изменится, меньше чем за четыре часа они успеют вернуться, пусть даже на обратном пути придется идти на веслах.

Как только курс был взят, капитан Кирби позвал Моргана, Дункана и Рандольфа на корму. Хотя «Рафаллия» была торговым судном, она имела боевые площадки и на корме, и на носу. Рулевой направлял движение корабля веслом, закрепленным в правой части такой площадки, но остальная ее часть была в ведении самого капитана и использовалась им для отдыха и обзора.

Матросы принесли стулья, обитые форсинской кожей; рассевшись, все четверо почувствовали себя более уютно. Солнце совсем вышло из-за облаков, туман рассеивался над обрывистым берегом удаляющегося Корота. Гамильтон, четыре лейтенанта и молодой Ричард праздно прогуливались по главной палубе, тогда как все остальные не занятые сейчас члены экипажа отдыхали в узкой галерее для гребцов, проходящей вдоль бортов. Один впередсмотрящий стоял на носовой площадке, а другой расположился в «вороньем гнезде» на вершине мачты. Огромный парус с изображением Корвинского грифона закрывал собой большую часть неба.

Кирби, закончив осмотр корабля, вернулся на корму.

— Хорошая погодка! А что я вам говорил, милорд? Вам давно надо было выйти в море и понюхать соленого ветра, чтобы понять всю прелесть жизни! Может быть, примете по стаканчику вина, чтобы хорошенько согреться?

— Я пью только фианское,— ответил Морган, зная, что на корабле, скорее всего, есть именно это вино, поскольку Кирби другого и не пьет.

Кирби лукаво усмехнулся и развел руками.

— Все самое лучшее — для вас, милорд.— Он оглянулся через плечо на мальчика семи-восьми лет, который что-то строгал в гребной галерее.— Дикон, мальчик мой, подойди-ка сюда на минутку.

Мальчик внимательно взглянул на него, отложил ножик, поспешно вскочил на ноги и бросился к трапу. Корабль раскачивало, но Дикон легко взбежал вверх. Его глаза, устремленные на Кирби, сияли восторгом и обожанием.

— Да, сэр?

— Принеси нам кубки и бутылку фианского вина, хорошо, сынок? Кто-нибудь поможет тебе поднять все это.

— Мой оруженосец,— сказал Морган, направляясь к фальшборту позади капитана.— Ричард, помоги, пожалуйста, мальчику! Капитан Кирби согласен любезно поделиться с нами своими запасами фианского вина.

Ричард, стоявший среди офицеров на главной палубе, внимательно выслушал его и одобрительно кивнул. Дикон промчался мимо него и стал карабкаться по другому трапу, а затем нырнул в трюм. Ричард проводил мальчика удивленным взглядом — его, как сугубо сухопутного человека, поразила ловкость ребенка. Он покорно последовал за ним следом, хотя не так быстро и гораздо более осторожно.

— Мой сын,— с гордостью сказал Кирби, проводив обоих взглядом.

Морган понимающе улыбнулся.

За этой сценой наблюдал, стоя у борта, старший рулевой «Рафаллии» — Эндрю. Минуту спустя он отвернулся и, облокотившись на планшир, пристально и угрюмо стал вглядываться в туманные, неясные очертания орсальского берега.

Никогда уже он не выйдет на этот обведенный пенной каймой берег, никогда, он знал это, не увидит больше родной Фианы, Фианы, чье вино и чьи красавицы чаще всего были предметом разговоров на палубе. Но он уже смирился с этим. За то, что он собирался совершить, можно было заплатить и большим, и он был готов ко всему.

Некоторое время он стоял не двигаясь, потом сунул руку за пазуху и достал из-под домотканой отбеленной рубахи клочок смятой ткани. Оглянувшись и удостоверившись, что за ним никто не наблюдает, он развернул лоскуток и разгладил его в руках.

Его губы зашевелились — он повторял шепотом слова, которые перечитывал уже в пятый или шестой раз: «Грифон отплывает утром, с приливом. Он не должен добраться до цели. Смерть всем Дерини».

Внизу была нацарапана эмблема в виде сокола и буква «Р».

Эндрю оглянулся, осмотрел палубу и снова взглянул на море. Гонец появился вчера ночью, когда солнце скрылось за туманными горами. Им стало известно, что Морган утром отплывает на борту «Рафаллии» в Орсальский удел. Так пусть же на корабле он встретит свой конец! Смерть не будет легкой — легкая смерть не для лорда Аларика Энтони Моргана. Но он умрет, и умрет скоро.

Эндрю прижал правую руку к груди и нащупал флакончик, висящий на крепком шнуре. Хотя гибель его неизбежна, он не уклонится от выполнения своего долга, ибо поклялся Сыном Божьим и останется клятве верен. К тому же сам Варин обещал, что умрет он легко и быстро. А уж на том свете Эндрю сполна будет вознагражден за то, что убил ненавистного герцога — Дерини.

Ну и что, пусть он погибнет сам, но убьет Моргана! С корабля все равно не убежишь, даже если все остальное пройдет гладко. А в случае провала — о, он слышал, что могут Дерини сделать с человеком, как они овладевают его волей, заставляя излить душу силам зла, предавая свое дело.

Нет, гораздо лучше сначала выпить надежной отравы, а потом уж сразить Моргана. Зачем человеку жить, если он погубит свою душу?

Эндрю решительным жестом скомкал в кулаке лоскуток, бросил его в воду, проводил взглядом, а потом снова полез за пазуху и достал маленький флакончик с ядом.

По словам Варина, это очень сильное зелье: несколько капель на острие кинжала, крохотная царапина — и никакое волшебство, никакие силы мира не спасут изменника Моргана.

«Ну вот. Пусть теперь этот Дерини побережется,— подумал он.— Пока я еще живу, пока дышу — его кровь прольется, а вместе с кровью уйдет из него и жизнь».

Он закупорил флакончик и сжал его в кулаке, затем повернулся и со скучающим видом направился в сторону кормовой орудийной площадки, якобы сменить рулевого. Поднявшись по трапу, он проскользнул к рулю за спинами Моргана и его свиты, не желая встречаться глазами с герцогом, словно боялся, что тот с первого же взгляда проникнет в его замысел и предотвратит неминуемое. Его появления на площадке не заметили, потому что как раз в это время вернулись Ричард и юнга с видавшими виды деревянными кружками и бутылкой вина. Эндрю с грустью отметил, что на бутылке красовалась фианская печать.

— Вот славный мальчик,— улыбнулся Кирби, сломав печать, и, открывая бутылку, облил вином все вокруг.— Милорд, у вас определенно хороший вкус на вина.

— Я всего лишь беру пример с вас, Генри,— улыбнулся в ответ Морган. Он сделал большой глоток.— Кроме того, если бы не моряки вроде вас, доставляющие его, я бы вообще не знал, что на свете есть такое чудо. Отличное в этом году вино... К счастью, есть еще такие люди...

Он вздохнул и сел, вытянув ноги. Его кольчуга, его золотистые волосы поблескивали на солнце. Корону Морган снял, она лежала рядом со стулом, на палубе.

Тем временем Эндрю удалось наконец снова выковырять пробку из флакона. Сделав вид, что зевает, он поднес его к губам и вылил содержимое себе в горло, при этом ему стоило немалых усилий скрыть свои ощущения; он закашлялся, Кирби удивленно посмотрел на него, но, так ничего и не поняв, вернулся к беседе. Эндрю с трудом проглотил слюну и более-менее пришел в себя. «Черт возьми,— подумал он, вытирая слезящиеся глаза,— Варин мог бы предупредить, что мне придется выпить такую гадость. Из-за этого чуть не сорвалось все! Однако теперь мне надо торопиться».

Выпрямившись, он внимательно изучил расстановку людей на площадке. Морган сидел на стуле спиной к нему, их разделяло футов восемь. Кирби стоял левее и пятью футами дальше, слегка отвернувшись в сторону. Священник, мастер Рандольф и оруженосец Ричард толпились по правую руку Моргана, вглядываясь в едва виднеющийся берег на востоке; перемещения корабельного рулевого их явно не интересовали.

Губы Эндрю скривились в зловещей усмешке, а пальцы судорожно стиснули рукоятку длинного кинжала, пока он прикидывал, куда лучше нанести удар. Его взгляд остановился на незащищенном затылке Моргана. Стремительно обогнув валек рулевого весла, Эндрю выхватил из-за пояса нож и бросился к своей жертве.

Получилось все, однако, не так, как он рассчитывал. В тот самый миг, когда рулевой прыгнул к Моргану, молодой оруженосец оглянулся и увидел его. Еще мгновение, и удар был бы нанесен, но Ричард с криком ринулся наперерез убийце, при этом столкнув Моргана со стула.

В этот же момент судно накренилось и Эндрю, потеряв равновесие, не смог удержаться на ногах. Падая, он сбил с ног Ричарда, тот повалился на Моргана, а сам рулевой рухнул на них сверху.

Это был полный провал!

Подоспевшие Дункан и Кирби заломили Эндрю руки и оттащили его прочь; на орудийную площадку уже взбежал Гамильтон в сопровождении лейтенантов. Увидев, что подоспела помощь и теперь справятся без него, капитан кинулся к рулю и вернул корабль на прежний курс, настойчиво призывая кого-нибудь из команды подойти и принять у него управление судном.

Рандольф, прикрывший маленького Дикона, когда началась вся эта заваруха, сейчас тревожно смотрел на Моргана — тот пытался приподняться и сесть на палубе. Когда ему это удалось, он уставился на Ричарда, который так и лежал не двигаясь, придавив ему ноги.

— Ричард? — позвал герцог и потряс его за плечо.

Юноша не пошевелился. И тут глаза Моргана расширились — он увидел в боку молодого оруженосца кинжал.

— Рандольф! Иди сюда! Он ранен!

Доктор тотчас подошел и встал на колени, чтобы осмотреть рану. Ричард застонал и с трудом открыл глаза. Лицо у него было мертвенно-бледное, с каким-то синеватым оттенком. Когда лекарь коснулся кинжала, юноша поморщился от боли. Дункан, убедившись, что пленник под надежной охраной, присоединился к Рандольфу.

— Я... я остановил его, милорд,— прошептал Ричард, тяжело дыша, глядя ясными глазами на Моргана.— Он хотел вас убить.

— Ты молодец,— прошептал Морган, откидывая темные волосы со лба раненого, на лице которого уже читались признаки агонии.— Что с ним, Ран?

Рандольф горестно покачал головой:

— Думаю, он отравлен, милорд. Если бы рана была не такой глубокой...— Он огорченно опустил голову.— Мне очень жаль, милорд...

— Ваша светлость,— прошептал Ричард,— могу ли я попросить вас об одной вещи?

— Все, что в моих силах, Ричард,— ласково ответил Морган.

— Вы... вы можете сказать моему отцу, что я погиб у вас на службе, как ваш вассал. Он...— Ричард закашлялся, очередной приступ боли пронзил все его тело.— Он надеялся, что на днях я буду посвящен в рыцари,— закончил юноша чуть слышно.

Морган кивнул, закусив губу и не видя ничего сквозь пелену перед глазами.

— Тогда разрешите произнести слова клятвы, милорд,— шептал Ричард, из последних сил сжимая руку Моргана.— Я, Ричард Фицуильям, становлюсь вашим вассалом, отдавая душу и тело для земного служения,— глаза его расширились, голос вдруг окреп,— и я буду нести его честно и преданно, в жизни и в смерти, против любого врага.— Гримаса боли снова исказила его черты, он закрыл глаза.— Да поможет мне Бог...

Голос его затих с последним словом присяги, рука ослабла, дыхание угасло. Содрогнувшись, Морган на мгновение прижал к груди мертвого юношу и, убитый горем, закрыл глаза. Он слышал, как Дункан, стоящий рядом с ним, бормочет слова отходной.

Он посмотрел на суровое лицо Кирби, на лейтенантов, охраняющих пленника, на самого пленника, и глаза его блеснули холодной сталью. Не отводя взгляда от человека, который стоял перед ним, глядя на него со свирепым гневом, он осторожно опустил тело Ричарда на палубу и встал. Между ним и пленником лежала перевернутая скамейка, и Морган заставил себя поднять ее и аккуратно поставить на место, прежде чем приблизился к этому человеку. Стоя перед ним, Морган, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить по этому ухмыляющемуся лицу, несколько раз сжал и разжал кулаки.

— Почему?..— тихо спросил он, не в силах сказать что-нибудь еще.

— Потому что ты — Дерини, а все Дерини должны умереть! — Пленник сплюнул, его глаза вспыхнули фанатичным огнем.— В другой раз вы так просто не отделаетесь, черт вас возьми! А другой раз будет, клянусь вам!

Морган пристально смотрел на него несколько мгновений, не произнося ни слова, пока тот наконец не сглотнул и не опустил глаза.

— Больше тебе нечего сказать? — тихо спросил Морган. Глаза его опасно потемнели.

Пленник снова поднял глаза, и его лицо приняло какое-то странное выражение.

— Не боюсь я тебя,— твердо произнес он,— я хотел убить тебя, и я доволен. И пошел бы на это опять, если бы мог.

— А Ричард уже ничего не сможет,— холодно сказал Морган, не отрывая глаз от человека, который метнул беспокойный взгляд в сторону лежащего перед ним мертвого юноши.

— Он связался с Дерини,— выпалил убийца,— он получил то, что заслужил.

— Черт тебя возьми, уж он-то этого не заслужил! — выругался Морган, схватил Эндрю за воротник рубахи и приблизил его лицо к своему настолько, что их разделяли всего несколько дюймов.— Кто подослал тебя ко мне?

Пленник поморщился от боли и покачал головой, потом улыбнулся.

— Не выйдет, Морган. Я тебе ничего не скажу. Я уже, считай, мертвец.

— Пока ты не мертвец! — пробормотал Морган сквозь зубы, скручивая воротник его рубахи.— Ну, кто тебя подослал? Кто за этим стоит?

Морган посмотрел на него тем особым взглядом, которым пользовался, когда хотел прочесть мысли другого; голубые глаза Эндрю расширились, и в них отразился смертельный ужас.

— Нет, ты не получишь моей души, ублюдок Дерини! — выкрикнул он, резко отводя взгляд и устало закрывая глаза.— Оставь меня!

Его тело пронзила дрожь, рулевой застонал, тщетно борясь с могуществом Дерини. Затем он вдруг ослабел и обвис на руках у своих стражей, безжизненно свесив голову. Морган сделал последнюю попытку проникнуть в его ускользающее сознание, но все было напрасно. Эндрю был мертв. Выпустив ворот его рубахи, Морган обернулся.

— Ну, что случилось? — в досаде спросил он.— Я, что ли, его убил, или он перепугался до смерти, или что еще?

Рандольф осмотрел тело, которое лейтенанты уложили на палубу, затем разжал крепко стиснутую левую ладонь. Подняв пузырек и принюхавшись, доктор встал и, протянув его Моргану, сказал:

— Яд, милорд. Возможно, тот же, что и на ноже. Понимал, по-видимому, что, даже если он вас убьет, у него нет надежды на спасение.

Морган посмотрел на лейтенанта, обыскивающего тело.

— Что-нибудь еще?

— К сожалению, ничего, милорд.

Морган посмотрел на труп, затем толкнул его носком сапога.

— Оставьте его,— наконец произнес герцог.— Займитесь Ричардом. Он будет похоронен в Короте, со всеми почестями, как мой вассал.

— Слушаюсь, милорд,— ответил лейтенант, снимая свой зеленый плащ и укрывая им павшего кавалера.

Морган отвернулся и прошел вдоль перил, отходя как можно дальше от обоих мертвецов; он был мрачен, словно слышал в шуме волн, что этими двумя жертвами дело не ограничится. Дункан догнал его и пошел рядом. Некоторое время он наблюдал за кузеном, пока не рискнул нарушить тишину.

— «Все Дерини должны умереть», скажите пожалуйста! — спокойно повторил он слова рулевого.— Тебе это ничего не напоминает?

Морган кивнул.

— Да, эти песни, которые распевают на улицах. И то, что Ран услышал на приеме об этих приграничных набегах. Все это сводится к одному: этот Варин совсем отбился от рук.

— Мы только что видели парня, преданного ему,— заметил Дункан.— Этот Варин, должно быть, человек большого обаяния. Трудно представить, как ему удалось заставить этого матроса отдать свою жизнь их делу?

Морган фыркнул.

— Что ж тут трудного? «Убив Дерини, эту нечисть, ты поможешь всему человечеству. На том свете подвиг твой будет вознагражден. Но только смерть может спасти тебя от мести Дерини, уберечь от осквернения твою бессмертную душу».

— Звучит весьма убедительно для простолюдина, полного предрассудков,— согласился Дункан.— Боюсь, после отлучения, если оно состоится, мы увидим еще немало в этом роде. Все их предубеждения вылезут наружу. Это только цветочки.

— Да, и не могу сказать, чтобы мне все это нравилось,— произнес Морган.— Не будем сегодня долго задерживаться в Орсальском уделе. Может быть, дома я и не смогу сделать все, что нужно, но я должен видеть своими глазами, когда все это на нас обрушится.

— Так до тебя наконец дошло, что отлучение — действительно серьезная угроза?

— Да я в этом и не сомневался,— согласился Морган.

Солнце уже скрылось за горизонтом, а «Рафаллия» спешила назад, в Корвин, когда у Моргана появилась свободная минута, чтобы расслабиться и обдумать все события прошедшего дня.

Это был не лучший день в его жизни. Даже встречу с правителем Орсальского удела никак нельзя было назвать удачной, не говоря уж об этом ужасном покушении и гибели Ричарда. Его княжеское высочество был в ужасном настроении, так как получил известие, что пять р'кассанских племенных жеребцов были похищены с племенного завода в одной из его северных провинций. В краже обвиняли разбойников с торентской границы, так что, когда приехали Морган с Дунканом, Орсаль был больше озабочен возвращением коней и отмщением, чем договором о взаимной помощи, а до войны, между прочим, оставалось три месяца.

В общем, их встреча не была плодотворной в этом отношении. Морган всего-то побывал в гостях у старого друга и его семейства, и второй сын Орсаля, одиннадцатилетний Роган, упросил Моргана взять его с собой ко двору, чтобы поупражняться в рыцарских боевых искусствах. А план обороны, столь необходимый в ближайшие несколько месяцев, так и не обсудили должным образом, и Морган остался неудовлетворенным. Правда, когда герцог собрался уже отправиться на «Рафаллии» в обратный путь, два лейтенанта его замковой охраны остались, чтобы посовещаться с советниками Орсаля и капитанами его судов и разработать заключительные детали их оборонительного союза. Морган не любил передавать полномочия в столь серьезных делах другим, но в данном случае выбора у него не было. Он не мог позволить себе задержаться в Орсале еще на несколько дней, чтобы прийти к окончательному соглашению.

Погода за день тоже изменилась. Когда на закате «Рафаллия» отчалила, то это было уже не плавание, а одно название — воздух был столь неподвижен, что и от причала-то не могли отойти. Экипаж с обычной добродушной покорностью, конечно же, взялся за весла. И когда на востоке появились первые звезды, грубые голоса матросов выводили все ту же старую монотонную песню, что и первые морские странники.

На корабле стояла тьма, только на носу и корме горели сигнальные фонари. Капитан Кирби поставил на юте дозорного. Внизу, под навесом площадки на корме, мастер Рандольф и другие спутники Моргана пытались заснуть, откинувшись на креп-

кие балки. Герцог и Дункан расположились на ночлег на носовой площадке, укрывшись от моросящего дождя под навесом из парусины, сооруженным для них по приказу капитана Кирби.

Морган долго не мог заснуть. Поплотнее закутавшись в плащ, он выглянул из-под навеса, рассматривая звезды.

Стрелец поднялся уже из-за горизонта, и его яркий пояс холодно сверкал над головой. Морган еще некоторое время рассеянно смотрел на звезды, думая о чем-то другом, а потом вернулся на свое место и, вздохнув, положил под голову сцепленные руки.

— Дункан? Ты спишь?

— Нет.— Дункан сел и протер глаза тыльной стороной ладони.— Что случилось?

— Ничего.

Морган снова вздохнул и сел, прижав согнутые колени к груди и положив подбородок на сложенные вместе руки.

— Скажи, Дункан, достигли мы сегодня хотя бы чего-нибудь или только потеряли хорошего человека?

Дункан поморщился, помолчал и сказал как можно более непринужденно:

— Ну, мы видели очередного отпрыска Орсаля — седьмого по счету, я считал. «Здоровенький ребенок», как говорят у нас, в Кирни.

— Да здравствует «здоровенький ребенок»,— добродушно улыбнулся Морган.— Мы также поглядели на остальных маленьких Орсалей, с первого до шестого, а второй номер даже присоединился к моей свите. Почему ты не остановил меня, Дункан?

— Я? — Дункан хмыкнул.— Я думал, ты с радостью примешь юношу из княжеского дома в Корвинском замке, мой лорд-генерал. Подумай только — ты же можешь взять орсальского сынка с собою в битву.

— Черта с два,— фыркнул Морган.— Если я возьму в бой второго наследника Орсальского престола и с ним что-то случится, а я, да простит мне Бог, не паду рядом с моим новым кавалером, то как я после оправдаюсь? Я сделал Орсалю одолжение, но не так-то легко будет каждый раз вежливо раскланиваться с этим мальчиком.

— Можешь не объяснять,— отозвался Дункан.— Если он будет тебе в тягость, ты всегда сможешь посадить парня на первый же корабль и отправить домой. У меня такое впечатление, что юный

Роган не будет против,— он перешел на шепот,— он не воин по натуре.

— Да, с трудом верится, что это сын Орсаля. Он второй по старшинству наследник и, мне кажется, не очень-то этим доволен.

— Из него получился бы ученый, или лекарь, или священник, ну что-то в этом роде,— кивнул Дункан,— жаль, но у него, похоже, нет никакой возможности реализовать свое истинное призвание. Вместо этого он вынужден будет прозябать на второстепенных ролях при дворе старшего брата, чувствуя себя глубоко несчастным и, скорее всего, не догадываясь, почему так. А может, и поймет, да не в силах будет что-либо изменить, и это самое печальное. Мне жаль его, Аларик.

— Мне тоже,— согласился Морган, зная, что Дункан и сам тяготится сейчас не свойственной ему ролью, навязанной обстоятельствами.

Морган со вздохом вытянулся вдоль балки и, выглянув, вновь посмотрел на звезды; затем он подвинулся ближе к носовой части корабля, откуда пробивался свет сигнального фонаря, снял перчатку с правой руки и улыбнулся, увидев, как перстень с грифоном холодно сверкнул в зеленоватом свете.

Дункан пробрался к нему по палубе и присел за спиной у кузена.

— Что ты делаешь?

— Настало время для сообщения Дерри,— ответил Морган, полируя кольцо уголком плаща,— не хочешь послушать вместе со мной? Если он не позовет, я сам войду в первую степень транса.

— Давай,— сказал Дункан и сел, скрестив ноги, рядом с Морганом, кивком давая понять, что готов.— Я следую за тобой.

Когда оба они сосредоточились на кольце, Морган глубоко вздохнул, достигая начальной стадии Тиринского транса, а потом медленно выдохнул. Глаза его были закрыты, дыхание — спокойным и ровным. После этого Дункан склонился над перстнем с грифоном и закрыл его сложенными вместе ладонями, чтобы тоже выйти на контакт с Дерри.

Они сосредоточенно ждали минут пятнадцать, поневоле проникая в сознание членов экипажа и людей из свиты герцога. Продолжая свое бдение, они столкнулись еще с чьим-то сознанием, но это соприкосновение было столь мимолетным, что они ничего

не успели понять. Однако ни малейшего присутствия Дерри они так и не почувствовали. Со вздохом Морган вышел из транса, Дункан последовал его примеру.

— Ладно, надеюсь, у него все в порядке,— сказал Морган и встряхнул головой, рассеивая остатки того тумана, что всегда остается после подобных занятий.— Будь у него сообщение, он обязательно вызвал бы нас, если только не угодил в серьезную переделку.— Он улыбнулся.— Мне кажется, нашему юному другу Дерри магия с самого начала так пришлась по вкусу, что он не упустит возможности повторить представление, появись у него самый ничтожный предлог для этого. Все же надеюсь, что он в безопасности.

Дункан усмехнулся и отполз назад, под навес.

— А все-таки удивительно, до чего легко далась ему магия, согласись? Дерри действовал так, как будто всю предыдущую жизнь ничем другим и не занимался. Он и глазом не моргнул, узнав, что я тоже Дерини.

— Результат длительного общения со мной,— улыбнулся Морган.— Дерри уже шесть лет мой оруженосец, хотя до позавчерашней ночи он не знал точно, как именно я пользуюсь своим могуществом. Он, случалось, видел кое-что, и, наверное, поэтому сейчас, когда пришло время посвятить его в наши тайны, у него не возникало сомнений, благое ли это дело — быть Дерини. Кроме того, Дерри оказался весьма способным учеником.

— А может, в нем есть кровь Дерини?

Морган покачал головой и улегся.

— Боюсь, что нет. Отсюда вытекает еще один интересный вывод, тебе не кажется? Как легко овладевают магией люди, если только у них нет этого проклятого предубеждения, что магия — зло! Дерри, например, показал удивительные способности. Я научил его нескольким простеньким заклинаниям, и он с легкостью стал пользоваться ими. А ведь среди его предков нет даже тех людей, восприимчивость которых к нашему могуществу передается из поколения в поколение, ну, как у Бриона или в роду Орсалей.

— И все-таки был бы он поосторожней,— пробормотал Дункан, поворачиваясь на другой бок и натягивая на себя плащ.

Себе под нос он проворчал, что малые знания могут быть опасны, особенно это касается знаний Дерини, и что сейчас вообще весь мир — опасное место для тех, кто сочувствует Дерини.

— Дерри себя в обиду не даст,— заметил Морган.— А трудности ему только на пользу. Кроме того, я уверен, он в безопасности.

Но Дерри не был в безопасности.

Глава VIII

*«И СЕТЬ, КОТОРУЮ ОН СКРЫЛ ДЛЯ МЕНЯ, ДА УЛОВИТ ЕГО САМОГО»**

Но Дерри не был в безопасности. В то утро, оставив Фатан, он решил отправиться за нужными сведениями на север, в сторону Медраса. Он не собирался проделывать весь путь до города, так как ему не хватило бы времени, чтобы, как велел ему Морган, успеть вернуться в Корот следующей ночью. Но говорят, что именно в Медрасе собираются торентские войска. Соблюдая осторожность, он мог бы раздобыть ценную информацию и передать ее Моргану.

Проезжая через фатанские городские ворота, он напомнил себе, что ему нужно быть много осторожней, особенно если снова придется добывать сведения в заведении, подобном таверне «Пса Джека», где он был прошлой ночью. Ночная стычка в аллее была слишком жестоким испытанием, чтобы ему хотелось пережить нечто подобное еще раз.

И еще по одной причине Фатан нужно было как можно скорее покинуть. Нельзя допустить, чтобы его присутствие здесь как-то связали с теми двумя трупами в аллее. Он понимал, что кое-кто из собутыльников мог бы его узнать, однако едва ли кто-нибудь из них обвинит его в этих двух убийствах. Правда, очевидцы имеют плохую привычку запоминать самые неожиданные вещи; случись такое по капризу судьбы — и в жизни того, кто посмел убить двух лучших шпионов Венцита, возникли бы сложности, если бы она вообще не оборвалась.

Вот потому-то Дерри гнал коня в глубь страны, на север, к Медрасу, порой останавливаясь на постоялых дворах и у колодцев поболтать с местными жителями и предложить им меха из тех, что были у него в притороченных к седлу мешках. К полу-

* Исайя 14:31.

дню он достиг поворота на Медрас, лишь ненамного отстав от большого отряда пеших солдат, быстро продвигавшегося в том же направлении. Вскоре его остановили и допросили два стражника из тыловой охраны этого отряда.

Если раньше у Дерри еще оставались какие-то сомнения, то после этого допроса он понял, что в Медрас действительно лучше не ездить. Пора было поворачивать на запад и возвращаться в Корвин. Сумерки застали его на северной границе земель Моргана, в нейтральной местности, отделяющей Корвин от Восточной Марки. На дорогах вблизи границы он не заметил ничего необычного, и та, по которой Дерри ехал, исключением не являлась. Итак, он спокойно проделал путь от Торента почти до Корвина. Стало темнеть, его конь устал и то и дело спотыкался на неровной дороге. Дерри удрученно вздохнул — теперь остается только внимательнее смотреть вокруг и под ноги.

Уже совсем стемнело, но он все не решался остановиться на ночлег. Судя по разговорам, сейчас это не только владения Моргана, но и место обитания Варина. Впереди был городок с постоялым двором; кроме обеда, в котором Дерри ощутимо нуждался, там можно было услышать что-нибудь важное. Весело насвистывая, Дерри внимательно посматривал по сторонам.

Странно. Если он не сбился с пути, то, по его расчетам, закат, пылающий за ближайшим холмом, был явно не на своем месте. Солнце должно было садиться градусов на тридцать правее. Все верно, там оно и садилось, да и зарево за холмом гораздо ярче закатного.

Пожар?

Остановив коня, он прислушался и втянул носом воздух. Помедлив, Дерри свернул с дороги и понесся к холму прямо через поле. Теперь его ноздри наполнил горький, едкий дым. Достигнув вершины холма, он сразу же увидел черные клубы дыма, поднимающиеся в чистое бледное небо. Явственно слышались крики, далеко разносящиеся в холодном вечернем воздухе.

Ожидая худшего и все же надеясь, что он ошибается, Дерри соскочил с коня и пробежал несколько футов вперед. Еще через мгновение он бросился на землю и, распластавшись, стал всматриваться в то, что делалось внизу, болезненно морщась.

Поля горели. Акров тридцать или сорок жнивья озимой ржи тлели на юге; языки пламени уже подступали к скромной усадьбе вблизи дороги, которую только что оставил Дерри.

Однако хозяевам усадьбы угрожало не только пламя. Во дворе бесчинствовали несколько вооруженных всадников: молотя во все стороны мечами и пиками, они разили пеших защитников усадьбы в зеленых ливреях, которые тщетно пытались отбиться.

Сердце Дерри разрывалось от отчаяния; он готов был броситься на помощь, забыв о своем задании, ведь одна из основных заповедей рыцарской чести — защищать слабых и невинных.

Здравый смысл, однако, подсказывал ему, что один он против этой шайки бандитов ничего сделать не сможет, разве что пасть в бою. И хотя он мог, конечно, увести за собой в могилу нескольких из них, это бы ничего не изменило. Вместе с ним погибли бы все сведения, необходимые Моргану, а это только на руку разбойникам.

С болью в сердце наблюдая эту картину, он краем глаза заметил, как заполыхали поля севернее усадьбы, и, присмотревшись, увидел всадников с факелами в руках. Когда новый отряд подъехал и, поджидая, остановился на дороге, сражение во дворе уже окончилось — все защитники в ливреях были повержены. Дерри с удовлетворением отметил, что один из лежавших на земле — без ливреи.

Всадники подняли его и положили на коня поперек седла. Дождавшись еще двоих, которые с факелами в руках выбежали из дома, они вскочили на коней и ускакали.

Над усадьбой заклубился дым, но это не был дым домашнего очага. Дерри стиснул зубы, заставляя себя дождаться, когда мародеры скроются за холмами на западе.

С тихими проклятиями Дерри бегом вернулся к коню, вскочил в седло и во весь опор помчался вниз по склону. Усадьба полыхала вовсю, и спасти ее не было никакой возможности. Но Дерри хотел убедиться, что в этой бойне действительно никто не уцелел. Ярдов пятьдесят он проскакал полем, пока пламя от полыхающего жнивья не выгнало его на дорогу. Ему пришлось плащом завязать глаза коню, чтобы животное прошло между двумя столбами огня — горящими стойками ворот усадьбы.

Усадьба принадлежала мелкопоместному лорду. Дом, судя по тому, что от него осталось, был скромным, но добротным. Слуги лорда защищали усадьбу до последнего вздоха. Во дворе лежало с полдюжины убитых, и еще больше — на крыльце, все — в залитых кровью ливреях, таких же зеленых с серебром, как и герб над разрушенными воротами.

Три снопа пшеницы на зеленом фоне с серебряным шевроном. Девиз: «Non concede» — «Не отступлю».

«Уж они-то не отступили,— думал Дерри, прокладывая себе путь по двору и разглядывая убитых.— Но меня интересует их лорд. Где же он?»

Вдруг он услышал стон слева и краем глаза уловил какое-то движение.

Повернув коня, он увидел простертые в мольбе руки и, соскочив с седла, склонился над бородатым стариком в такой же, как и на остальных, зеленой с серебром ливрее.

— Кто... Кто ты такой? — задыхаясь, произнес старик и вцепился в плащ Дерри, притягивая его к себе, чтобы рассмотреть в зловещем полумраке пожара.— Ты не из банды...

Дерри только кивнул и уложил голову раненого к себе на колени. Было уже совсем темно, и черты лица старика едва можно было разглядеть, но Дерри ясно видел, что старик умирает.

— Меня зовут Шон лорд Дерри, друг мой. Я вассал герцога. Кто напал на вас, где ваш господин?

— Шон лорд Дерри? — переспросил старик, снова закрыв глаза от боли.— Я слышал о вас. Вы советник при молодом короле, да?

— Да, один из его советников,— ответил Дерри, нахмурившись в темноте.— Но сейчас это не важно, лучше бы ты рассказал мне, что же все-таки случилось. Кто это сделал?

Старик поднял руку и махнул в западном направлении.

— Они пришли с гор, милорд. Это шайка разбойников Варина де Грея. Мой молодой господин, кавалер де Вали, уехал, чтобы собрать в отряд местных землевладельцев в помощь герцогу, но, увы...— Старик затих, и Дерри подумал, что он уже отошел, однако скрипучий старческий голос зазвучал вновь: — Скажите герцогу, что мы были верны ему до конца, милорд. Хотя остались только старики и дети, скажите, что мы не сдались «святому», как ни грозили его приспешники. Мы...

Он закашлялся, и в уголках губ появилась кровь. Собрав последние силы, старик приподнял на несколько дюймов голову, вцепившись в плащ Дерри.

— Ваш кинжал, милорд... покажите мне его.

Дерри нахмурился. Зачем старику понадобился его клинок? Раненый, видя недоумение на его лице, улыбнулся и уронил голову на колено Дерри.

— Вы подумали не о том, милорд,— прошептал он, испытующе глядя Дерри в глаза.— Меня не страшит смерть, но дайте мне ваш кинжал вместо креста, это утешит меня и облегчит переход в мир иной.

Дерри кивнул и с видом печальным и торжественным вынул свой кинжал из спрятанных в сапоге ножен. Держа клинок за лезвие рукояткой вверх, он поднес его к самым глазам старика, и тень, бледная в языках пламени, упала на лицо умирающего. Тот улыбнулся и, схватив крестообразный кинжал, приблизил его к губам и поцеловал. Рука старика ослабела, и Дерри понял, что он умер.

«Спи спокойно, добрый и преданный слуга»,— подумал Дерри, перекрестившись рукояткой кинжала и водворив его в ножны.

Что ж, Варин де Грей нанес очередной удар. Только теперь это уже не просто грабеж и поджог, но и большое кровопролитие.

Бросив прощальный взгляд на опустевший двор, освещенный языками пламени, пожирающими дом, Дерри постоял в нерешительности, играя концами поводьев, а затем вскочил в седло. Он уже принял решение, и что бы там ни было... По правде говоря, ему нужно бы дождаться в безопасном месте часа, когда можно будет связаться с Морганом. И его учитель, конечно, не одобрил бы, что Дерри идет на такое рисковое дело.

«Но самый логичный ответ не всегда оказывается самым верным,— рассуждал Дерри.— Иногда для достижения цели необходимо отказаться от проторенного пути и искать свой, даже с риском для жизни».

Пришпорив коня, Дерри поскакал со двора и дальше, той же дорогой, по которой скрылись мародеры. По его предположению, всадники Варина не могли этой ночью уехать далеко. Время было слишком позднее для прогулок по этим дорогам в такую безлунную ночь. Кроме того, у них на руках был раненый или убитый. Если он только ранен, очень вероятно, что они скоро остановятся, чтобы перевязать ему раны.

Интересовало его и то, где теперь сам Варин. В отряде, напавшем на усадьбу, его явно не было, Дерри убедился в этом, наблюдая за налетчиками. Да и старик сказал бы об этом, будь среди бандитов их вождь. К тому же Дерри почему-то не сомневался, что он узнал бы Варина, если бы тот был здесь.

Из всего того, что Дерри знал о мятежниках, он заключил: Варин где-то неподалеку, где-то в окрестностях. А это значит, что

отряд, за которым он мчится, до наступления утра, скорее всего, присоединится к остальным.

Следующий час был для Дерри сущей пыткой. С приходом ночи долину поглотила непроглядная тьма, а дороги в округе не делали чести здешним помещикам, кавалеру де Вали в том числе.

Путь оказался гораздо более долгим, чем он предполагал. Наконец впереди весело замерцали огни домов Кингслейка. Вскоре Дерри повернул усталого коня на центральную улицу городка и сразу увидел возвышающийся на фоне ночного неба постоялый двор «Королевская мантия». Здесь, если повезет, он сменит коня, чтобы продолжить преследование, а то и узнает, куда подались всадники, так как от Кингслейка дорога шла в двух направлениях.

Постоялый двор «Королевская мантия» размещался в крепком двухэтажном здании. Он стоял здесь уже двести лет, вмещал сорок постояльцев и славился на много миль вокруг своим пивным погребом. Сюда-то и стремился Дерри, пока не увидел горящую усадьбу; сейчас он подумал, что тем более может позволить себе кружку эля перед дальней дорогой, полной неожиданностей.

Приблизившись к конюшне постоялого двора, он увидел несколько дюжих загнанных лошадей, которых охранял крепкий парень в крестьянской одежде, но хорошо вооруженный. От него веяло какой-то свирепой уверенностью, казалось — дух смертельной опасности исходит от него, и это заставляло Дерри смотреть в оба.

Возможно ли, что это один из тех всадников? Что они остановились отдохнуть и выбрали для этого «Королевскую мантию»?

Не в силах поверить в свою счастливую звезду, Дерри спешился и отвел коня в стойло. Он за несколько минут оседлал свежего коня, а затем вышел из конюшни и направился к постоялому двору. Все, чего он хочет,— это выпить кружку пива. И этому малому он скажет то же самое, если тот спросит. Он коснулся шапки и дружелюбно кивнул, проходя мимо; парень ответил ему вежливым кивком. Но было что-то странное в его облике, в знаках, вышитых на куртке, в значке с изображением сокола у него на шапке. Нахмурившись, Дерри вошел в таверну.

Внутри он увидел не совсем то, что ожидал. Еще приближаясь к таверне, он подумал, что там слишком уж тихо для такого количества посетителей — ведь лошадей в стойле было немало. И их хозяева за выпивкой должны бы производить побольше шу-

ма. Даже в обычный вечер гул от болтовни завсегдатаев — жителей окрестных деревень — был бы громче.

Но это был не совсем обычный вечер. Обычным было только то, что горожане и крестьяне из окрестных деревень лениво потягивали пиво, и, похоже, их нисколько не волновало присутствие людей, у каждого из которых на значке был изображен сокол: тех самых людей, которых Дерри видел в усадьбе де Вали.

В таверне стояла тишина. Те, кого он преследовал, молча столпились вокруг массивного стола, отодвинутого в дальний угол зала, и смотрели, не отрываясь, на неподвижного, окровавленного товарища, лежащего на этом столе с раскинутыми руками.

Дерри отыскал глазами свободное место, пробрался туда и хмуро осмотрелся. Человек, лежащий на столе, очевидно, был еще жив. Стройная девушка в крестьянском платье обтирала ему лоб полотенцем, которое смачивала водой из деревянной миски, стоящей рядом. Раненый стонал при каждом прикосновении, глаза его беспокойно перебегали с окружающих его товарищей на нее, но никто по-прежнему не произносил ни слова.

Другая девушка обошла всех их с подносом, заставленным полными кружками эля, и некоторые из них молча уселись, потягивая эль. И опять никто не только не разговаривал, но и не двигался. Казалось, люди прислушиваются, ожидая чего-то. Горожане, собравшиеся на другом конце зала, чувствовали это и тоже ждали.

Дерри поднял кружку, принесенную хозяином, и сделал большой глоток, заставляя себя поменьше глазеть на людей у стола.

«Что здесь происходит? — удивлялся он.— Уж не ждут ли они прихода Варина? И что они собираются делать с этим на столе, он ведь почти при смерти?»

Шум за окном возвестил о прибытии новых гостей; их было, должно быть, человек двадцать. Вскоре вновь прибывшие вошли в таверну. У всех них на одежде и шапках тоже был изображен сокол. Их предводитель, пошептавшись с одним из тех, кто ухаживал за раненым, жестом приказал своим людям присоединиться к товарищам, и снова повисла давящая тишина. Варина среди них не было.

Прошло еще около получаса. За это время Дерри осушил вторую кружку эля, стараясь понять, что же все-таки происходит. За окнами вновь послышался стук копыт. На этот раз всадников была дюжина. В зале, казалось, стало еще тише; снаружи отчет-

ливо слышалось фырканье коней и позвякиванье упряжи. Воздух в таверне был словно наэлектризован. Когда дверь распахнулась, Дерри медленно повернулся и наконец увидел того, кто только и мог быть Варином. Дерри застыл, как и все в зале, не смея вздохнуть.

Варин был невысок. Если бы не царственная осанка, можно было бы назвать его попросту недомерком, но такое и на ум никому не могло прийти — столь мощную энергию излучал вокруг себя этот человек.

У него были темные, почти черные глаза, горящие такой дикой, безрассудной силой, что Дерри прошиб холодный пот, когда взгляд Варина скользнул по нему. (Дерри как-то видел подобный взгляд у Моргана, и он снова вздрогнул, вспомнив, что тогда, за этим взглядом последовало.) У Варина были вьющиеся, коротко подстриженные каштановые волосы какого-то грязноватого оттенка и такого же цвета бородка и усы.

Он — единственный из окружавших его — носил что-то похожее на боевые доспехи. На нем была короткая куртка из грубой серой кожи, на ногах — такие же серые, обтягивающие штаны и сапоги. Сокол, вышитый на куртке, был значительно крупнее, чем у остальных, значок на маленькой серой шапочке был отлит из серебра. Он сбросил на пол серый кожаный дорожный плащ, широкий и длинный, и Дерри заметил, что Варин безоружен.

По всему залу прошел шепот, а Дерри вдруг обнаружил, что снова может дышать. Он осмелился посмотреть на людей Варина, собравшихся вокруг стола, и увидел, что каждый из них, приветствуя главаря, склонил голову и прижал к сердцу правую руку, сомкнув ладонь в кулак.

Варин признательно кивнул, и взгляды всех снова переместились на лежащего на столе человека. Люди расступились, и Варин быстро шагнул к столу; горожане набрались смелости и тоже двинулись к середине зала посмотреть, что будет делать предводитель разбойников. Дерри с опаской присоединился к ним.

— Что случилось? — спросил Варин тихим, спокойным голосом, в котором чувствовалась властная жестокость.

— Это произошло в усадьбе кавалера де Вали, святой,— смиренно ответил один из тех, кто там зверствовал,— сам де Вали уехал собирать отряд для герцога. Его люди сопротивлялись... Усадьбу пришлось спалить.

Варин обратил на говорившего взгляд больших темных глаз.

— Это неблагоразумно, Рос.

Рос пал на колени и, согнувшись, спрятал лицо в ладони.

— Прости меня, святой,— прошептал он.— Я же не так мудр, как ты.

— Смотри, чтобы это не повторилось,— ответил Варин, слегка улыбнувшись и одобрительно дотрагиваясь до его плеча.

Рос припал к его ногам с лицом, искаженным благоговейным страхом, а Варин тем временем снова взглянул на раненого и стал снимать серые кожаные перчатки.

— Куда он ранен?

— В бок, господин,— пробормотал разбойник, стоящий по другую сторону стола, откидывая разорванный плащ, чтобы показать рану.— Боюсь, тут задето легкое.

Варин наклонился, чтобы осмотреть рану, затем передвинулся к голове раненого и приподнял ему веко. Он кивнул самому себе и, заткнув за пояс перчатки, неторопливо оглядел взирающих на него людей.

— С Божьей помощью мы спасем этого человека,— сказал он, молитвенно простирая руки в стороны.— Помолитесь ли вы со мной, братия?

Люди Варина, последовав его примеру, пали на колени, преданно глядя на своего предводителя, который, прикрыв глаза, начал молиться.

— In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen, Oremus.

Сначала Дерри тоже во все глаза глядел на Варина, произносящего латинские фразы, но потом заставил себя отвести взгляд, почувствовав, что иначе тоже упадет ниц, поддавшись могущественной силе, исходившей от главаря разбойников. Вокруг головы Варина появилось слабое сияние — таинственное, лилово-голубое, напоминающее нимб.

Дерри перевел дыхание, облизал губы и ущипнул себя, чтобы рассеять наваждение,— это не могло быть явью. У людей не бывает никаких нимбов, а святых давно уж нет на земле. Или его разум сыграл с ним злую шутку? Но Морган научил его рассеивать наваждения. И все-таки, как ни старался Дерри, видение не исчезало.

— «Посему, о Боже, ниспошли силу исцеляющую на эти руки, чтобы раб Твой Мартин мог жить к вящей славе Твоей. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Кончив говорить, Варин возложил правую руку на лоб раненого, а левой накрыл кровоточащую рану. С минуту стояла мертвая тишина: сердце Дерри бешено забилось, так как ему показалось, что голубое сияние нисходит по руке Варина на раненого.

И вот человек по имени Мартин вздрогнул, глубоко вздохнул, открыл глаза и удивленно моргнул, увидев склонившегося над собой предводителя.

Варин тоже открыл глаза и, помогая Мартину сесть, улыбнулся. Когда Мартин слез со стола и взял протянутую кем-то кружку, послышался благоговейный гул. Пока он пил, какой-то горожанин ахнул, указывая на его бок — там и следа не осталось от раны, не было ничего, кроме кровавого пятна на домотканой рубахе.

«Deo gratias»,— пробормотал Варин, перекрестившись и опустив глаза, а сияние исчезло, будто его и не было. Он с любопытством оглядел зал, доставая перчатки из-за пояса, и начал их натягивать. Левая ладонь, которой он касался раны, была вся в крови, и один из разбойников, заметив это, пал на колени рядом с Варином, чтобы обтереть ее полой своего плаща. Варин улыбнулся и на мгновение возложил руку ему на голову, словно благословляя, но не говоря ни слова, после чего тот поднялся на ноги счастливый и словно просветленный.

Варин еще раз оглядел весь зал, и снова Дерри похолодел, почувствовав на себе его взгляд. А тот уже направился к двери. Подчиняясь жесту Варина, его люди залпом осушили свои кружки, повскакивали с мест и толпой повалили за ним. Один из приближенных Варина достал из кошелька несколько золотых и расплатился с хозяином. Когда Варин уже подошел к двери, какой-то горожанин вдруг пал на колени с криком:

— Это чудо! Бог послал нам нового мессию!

Тотчас же его слова были подхвачены другими, и многие посетители таверны пали на колени, истово крестясь. Варин обернулся в дверях, и Дерри тоже преклонил колени, хотя так до сих пор и не верил, что был свидетелем чуда.

Предводитель мятежников напоследок окинул зал спокойным и благостным взглядом, поднял правую руку, благословляя, и скрылся в темноте. Как только последний из приверженцев Варина покинул таверну, Дерри вскочил и бросился к окну.

Теперь, когда Варина в зале не было и Дерри снова мог рассуждать здраво, он осознал, что в этом человеке было ему так знакомо и что так смущало,— в нем чувствовалась та же сила, что

и в Моргане, Дункане, Брионе или юном короле. Но это ощущение сокрушительной силы и мощной власти обычно возникает только при встрече с теми, кто обладает определенными способностями, способностями, не пользующимися ныне доброй славой.

Через мутное стекло окна таверны Дерри видел, как отряд Варина исчезает вдали, освещая дорогу светом факелов. Он не бросился за ними вдогонку, теперь в этом уже не было нужды. Сейчас он должен был как можно скорее рассказать Моргану обо всем, что он увидел и узнал.

Однако время, назначенное Морганом, он пропустил и теперь не решился сам выходить на связь. Впрочем, это уже не имело значения. Все равно, если отправиться в путь немедленно, то завтра пополудни он вернется в Корот, конечно, если в дороге ничего не случится.

Дерри не терпелось увидеть Моргана и рассказать ему о своих подозрениях: этот Варин — уж не Дерини ли он?

Глава IX

*«И ПОШЛЕТ ИМ СПАСИТЕЛЯ, И ЗАСТУПНИКА, И ИЗБАВИТ ИХ»**

— Варин — что? — Морган открыл рот от изумления.— Дерри, ты шутишь!

Морган и Дункан сидели под деревом на дворе, где они упражнялись на мечах, когда Дерри миновал ворота Коротского замка. Это было четверть часа назад. Усталый и голодный, Дерри опустился на землю рядом со своим господином. Глаза его возбужденно блестели, когда он рассказывал о том, чему был свидетелем в «Королевской мантии» прошлой ночью.

Морган вытер полотенцем вспотевшее лицо, все еще блаженно улыбаясь, как хорошо отдохнувший человек. Но Дерри был слишком серьезен, и по прошествии нескольких секунд герцог недоверчиво покачал головой.

— Вот уж чего не ожидал,— сказал он, проводя рукой по лбу.— Дерри, а ты уверен?

---

* Исайя 19:20.

— Конечно нет,— сказал Дерри, снимая с головы охотничью шапочку и стряхивая с нее пыль.— Но разве может обычный человек проделать все это, милорд?

— Нет.

— Отец Дункан, неужто этот Варин действительно святой?

— Здесь много странного,— сдержанно сказал Дункан, вспомнив о своей встрече на дороге.

Дерри задумчиво сжал губы, потом посмотрел на Моргана.

— Допустим, он исцелил этого человека, милорд. Однако после всего, что вы мне говорили, у меня сложилось впечатление, что это могут только Дерини.

— Я это могу,— сказал Морган, хмуро глядя в землю.— А что могут другие Дерини — не знаю. Во всяком случае, я не слышал, чтобы это делал кто-то еще в наши дни, да и сам впервые попробовал год назад, спасая тебя.

Дерри склонил голову, вспомнив, как командовал охраной в ночь перед коронацией Келсона, как их застигли врасплох и почти всех перебили в темноте. Он вспомнил пронзительную боль, охватившую его, когда клинок вонзился в бок, и как подумал в тот миг, что больше уже не встанет.

А когда лекарь склонился над ним, беспомощно качая головой, жизнь уже покидала тело Дерри. И только неделю спустя Морган рассказал, как он приложил ладонь к его ране — и исцелил его.

Дерри поднял глаза и кивнул.

— Прошу прощения, милорд. Я не хотел обидеть вас. Но тут все ясно, вы — Дерини, вот и можете исцелять. Только Варин — тоже может!

— Ну а если он Дерини, то, по-видимому, и понятия не имеет об этом,— сказал Дункан, почесывая ногу и повернувшись лицом к кузену.— Лично мне с трудом верится, чтобы этот человек, а я о нем кое-что слышал, был таким лицемером и поднимал людей против собственного рода.

— Но такое бывало.

— О, конечно же, бывало, и не раз. Всегда есть люди, которые на все готовы за хорошую плату. И все же Варин не производит такого впечатления. Он искренен, он убежден, что в этом его назначение, что ему был голос свыше. Все рассказанное Дерри об исцелении раненого только подтверждает мои слова.

— Без сомнения,— начал Морган, выпрямляясь и погружая в ножны меч,— Варин делает вещи, которые всегда творили святые и посланцы Божьи. К сожалению, люди не связывают эти деяния с могуществом Дерини, хотя, перечитывая жития святых, поневоле подумаешь, что многие из них нашей крови. Если бы люди Варина это поняли, с бунтом было бы покончено — да только как им втолкуешь, если, как сказал Дерри, они слушают предводителя, открыв рты?

Дерри кивнул.

— Так-так, милорд. Они смотрят на него как на святого, как на пророка. А теперь и кингслейкские крестьяне уверены, что своими глазами видели чудо в лучших библейских традициях. Поди объясни им, что их мессия — самозванец? Что в действительности он сам — как раз один из тех, с кем борется? Тем более если хотите, чтобы народ в конце концов принял Дерини!

— Говорить об этом надо очень осторожно и понемногу,— тихо сказал Морган.— А пока лучше и вовсе помолчать, потому что сейчас люди тянутся к нему и мы ничего с этим поделать не можем.

— И будут тянуться еще больше, когда узнают, что замышляют архиепископы,— вставил Дункан.— Дерри, вы этого еще не знаете — архиепископ Лорис собирает на днях всех епископов на совет в Дхассу. Епископ Толливер выезжает сегодня утром, отвергнуть приглашение он не может. И уж наверняка он не осмелится возражать, когда Лорис зачитает перед курией декрет об отлучении. Думаю, вы понимаете, что это означает.

— Епископы и впрямь могут наложить отлучение на Корвин? — спросил Дерри, теребя в руках шапочку.

Они пересекли главный двор.

— Могут, и если ничего не изменится, то непременно сделают это,— ответил Морган.— А поэтому мы с Дунканом сегодня же вечером отбываем в Дхассу. Надежды на благосклонность курии почти никакой, и я сомневаюсь, что они вообще захотят выслушать меня. И все-таки мое появление застанет Лориса врасплох, и я попытаюсь сделать все возможное, чтобы собравшиеся подумали о том, что они творят. Если отлучение произойдет, а Варин будет все так же силен, то, я думаю, вся провинция поднимется во главе с ним на войну против Дерини. Допустим даже, что я подчинюсь курии, позволю наложить на себя епитимью, все равно это не предотвратит того, что грядет.

— Можно мне поехать с вами, милорд? — спросил Дерри, с надеждой глядя на Моргана.— Думаю, я был бы вам полезен.

— Нет, ты и так уже много сделал, Дерри, вдобавок у меня есть для тебя более важное поручение. Сейчас ты отдохни, а потом я попрошу тебя отправиться в Ремут. Келсон должен знать, что здесь происходит; мы с Дунканом не можем отлучиться, пока не кончится заседание курии, а тогда будет слишком поздно. Если Келсона в Ремуте не будет, значит, поезжай вслед за ним в Кулд. Он непременно должен знать все, что ты рассказал нам.

— Да, милорд. Пытаться ли мне соединиться с вами?

Морган покачал головой.

— Если будет нужда, мы сами с тобой свяжемся. А пока — иди-ка поспи. Я хочу, чтобы ты выехал затемно.

— Хорошо.

Когда Дерри отошел, Дункан вздохнул.

— В чем дело? — спросил Морган.— Ты расстроен?

— Да уж не обрадован.

— Кузен, ты читаешь мои мысли. Впрочем — надо умыться и собираться в дорогу. Гамильтон и офицеры будут готовы через час. Чувствую, долгий будет денек.

В тот же час Бронвин лениво прогуливалась по террасе Кулдского замка. С утра ярко светило солнце, и сырость — следствие затяжных дождей на прошлой неделе — прошла. Птицы уже начали возвращаться с юга и распевали свои звонкие песни в пробудившемся саду.

Бронвин остановилась на балюстраде и перегнулась через перила, чтобы посмотреть на рыбок в пруду, а затем продолжила свою прогулку, наслаждаясь ласковым теплом и чудной архитектурой старинного дворца. Теребя пальцами блестящую прядь волос, она улыбалась своим мыслям, которые были далеко отсюда.

Вчера вечером здесь, в Кулде, после приятного, хотя и дождливого дня, проведенного в дороге, состоялся свадебный пир. А сегодняшнее утро посвятили охоте — в честь жениха и невесты. Она и леди Маргарет провели первую половину дня в саду, где Бронвин показывала своей будущей свекрови все лучшие уголки своего родового гнезда.

У Бронвин остались прекрасные воспоминания о Кулде — ведь здесь они с Алариком, Кевином и Дунканом провели в детстве не одно счастливое лето. Леди Вера Маклайн, ставшая второй матерью для Бронвин и Аларика, часто брала с собой детей Маклайнов и Морганов в свой замок на лето.

Бронвин вспомнила детскую возню в цветнике, всегда полном цветов, вспомнила лето, когда Аларик упал с дерева и сломал руку, и небывалое мужество, с которым он в свои восемь лет переносил боль. Она помнила множество секретных лазов в стенах крепости, куда забирались они, играя в прятки, и тихую, безмятежную часовню, где была погребена их мать,— Бронвин часто и подолгу бывала там.

Она никогда не видела своей матери. Леди Алиса де Корвин де Морган умерла всего через несколько месяцев после рождения дочери от молочной лихорадки, столь часто пресекающей жизнь молодых матерей; Аларик, в отличие от нее, помнил мать или только говорил, что помнит. В памяти Бронвин остались лишь удивительные рассказы леди Веры о женщине, родившей их, а в душе — чувство горечи, что ей не довелось видеть свою мать — эту блестящую и удивительную леди.

Вспоминая прошлое, Бронвин остановилась в раздумье на террасе, потом подошла к двери и заглянула в комнаты. Время еще есть, и она успеет дойти до маленькой часовни и вернуться к обеду.

Она почти уже дошла до двери, ведущей в ее спальню, когда споткнулась о порог и остановилась, потирая ушибленную ногу. И тут Бронвин невольно услышала разговор: два голоса — оба женские — раздавались, как она поняла, из ее спальни.

— Ну не знаю, почему ты ее так защищаешь,— сказала одна женщина, и Бронвин узнала голос леди Агнес, одной из своих фрейлин.

Она выпрямилась и подошла чуть ближе к двери, поняв, что говорят о ней.

— И то верно,— сказала другая.— Она ведь не то что мы с вами.

Это была леди Марта.

— Она женщина, как и мы,— мягко возразил третий голос, по которому Бронвин узнала свою любимицу — Мэри-Элизабет.— И если она любит его, а он ее, в этом нет ничего предосудительного.

— Ничего? — возмутилась Агнес.— Но она... она...

— Агнес права,— сурово сказала Марта.— Наследник герцога Кассанского мог бы найти себе жену получше дочери...

— Дочери какой-то Дерини,— закончила леди Агнес.

— Она никогда не знала своей матери,— возразила Мэри-Элизабет,— а ее отец был лордом. И Дерини она только наполовину.

— Для меня и полу-Дерини — это чересчур! — гневно заявила Марта.— Я уж не говорю о ее несносном братце.

— Она не отвечает за брата,— сдержанно возразила Мэри-Элизабет.— И я ничего дурного не могу сказать о герцоге Аларике, кроме того, что он везде и всюду демонстрирует свое могущество, может быть, больше, чем этого требует благоразумие. Но он тоже не виноват в том, что родился Дерини, как и леди Бронвин. И если не герцог, то кто еще может сейчас помочь королю Гвиннеда?

— Мэри-Элизабет, ты что, защищаешь его? — воскликнула Агнес.— Да это же чуть ли не богохульство!

— Это и есть богохульство! — подхватила Марта.— Это еще и похуже, это попахивает изменой и...

Бронвин наслушалась достаточно. Почувствовав боль под ложечкой, она повернулась и быстро пошла вдоль террасы обратно и вскоре спустилась по ступеням в отдаленный уголок сада.

Что-то такое всегда случается. Она могла бы прожить недели, даже месяцы, не вспоминая об этом черном пятне — своем происхождении.

А потом, когда она уже стала бы забывать о том, что связывает ее с Дерини, когда почувствовала бы, что ее принимают за то, что она есть, а не за какую-то проклятую ведьму, случай вроде сегодняшнего все равно произошел бы. Кто-то всегда будет помнить об этом и не упустит случая, чтобы представить все в дурном свете, словно быть Дерини — нечто позорное, нечистое.

Почему люди так жестоки?

«Люди!» — подумала она с тоскливой улыбкой. Теперь уже она сама пользовалась теми самыми словами — «мы» и «они». И так было всякий раз, когда она получала неожиданный удар, подобный сегодняшнему.

Но почему это случилось в первый же день? Ничего дурного нет в том, что кто-то родился Дерини, что бы там ни говорила церковь. Как заметила Мэри-Элизабет, никто не выбирает, кем ему родиться. И потом, Бронвин никогда не пользовалась своими силами.

Ну, или почти никогда.

Она нахмурилась, подойдя к часовне, где была похоронена ее мать, сложив руки на груди и поеживаясь от прохладного ветерка.

Конечно, порой ей приходилось пользоваться своими силами, чтобы обострить слух, зрение, обоняние, если в этом была нужда. А однажды она разговаривала на расстоянии с Кевином; тогда оба они были еще слишком юны, и удовольствие, получаемое от запретного действия, было сильнее страха наказания.

Иногда она приманивала птиц, чтобы покормить их с руки,— но этого уж точно никто не видел.

Но что в такой магии дурного? Как они могут видеть в этом что-то сатанинское? Они завидуют — только и всего!

Поставив наконец на этом точку, она вдруг увидела на тропинке напротив себя высокую фигуру. Седые волосы и серый камзол подсказали ей, что это архитектор Риммель. Когда она подошла ближе, он сделал шаг в сторону, давая ей пройти, и отвесил глубокий поклон.

— Миледи,— произнес он, едва Бронвин поравнялась с ним.

Она чуть кивнула ему и молча пошла дальше.

— Миледи, могу ли я сказать вам несколько слов? — проговорил Риммель, сделав несколько шагов следом за ней и вновь отвесив поклон, когда Бронвин обернулась.

— Конечно. Вы — мастер Риммель, не так ли?

— Да, миледи,— нервно ответил архитектор.— Я хотел узнать, понравился ли вашей светлости дворец в Кирни. У меня не было возможности спросить об этом раньше, но мне бы хотелось знать ваше мнение, пока еще в проект можно внести изменения.

Бронвин улыбнулась и доброжелательно кивнула.

— Спасибо, Риммель. Разумеется, я очень вам благодарна. Может быть, мы посмотрим ваш проект завтра, если вы не возражаете. Я не думаю, что захочу что-то изменить, но мне будет очень интересно ознакомиться с ним получше.

— Ваша светлость очень добры,— произнес Риммель, кланяясь вновь; он сиял от радости — Бронвин говорит с ним.— Могу ли... могу ли я сопровождать вас? Становится холодно, и сумерки у нас в Кулде наступают рано.

— Нет, спасибо,— ответила Бронвин, покачав головой и раскинув в стороны руки, как будто радуясь прохладе.— Я иду на могилу моей матери и хотела бы побыть там одна, если вы не возражаете.

— Разумеется,— понимающе кивнул Риммель.— Не желает ли ваша светлость воспользоваться моим плащом? В часовне в это

время года сыро, а ваше платье прекрасно подходит для солнечного дня, но плохая защита в холоде склепа.

— О, спасибо вам, Риммель,— сказала Бронвин с улыбкой, когда он накинул серый плащ ей на плечи.— Я попрошу одного из моих слуг вернуть его вам сегодня же вечером.

— Не к спеху, миледи.— Риммель отступил и галантно поклонился.— Всего доброго.

Бронвин продолжала спускаться по тропинке, укутавшись в плащ Риммеля; он некоторое время пристально смотрел ей вслед, а потом повернулся и пошел в другую сторону. Подойдя к ступеням террасы, он увидел спускающегося Кевина.

Кевин был чисто выбрит, его каштановые волосы были гладко уложены, и он уже сменил утренний охотничий костюм на короткую коричневую куртку; на левое его плечо был наброшен плед маклайновских цветов.

Позванивая шпорами начищенных сапог, он наконец спустился и, заметив Риммеля, остановился, приветствуя его.

— Риммель, я посмотрел этот план, который вы дали мне утром. Вы можете, если хотите, пройти в мои комнаты и забрать его. По-моему, вы поработали великолепно.

— Благодарю вас, милорд.

Немного помолчав, Кевин спросил:

— Риммель, не видели вы, случаем, леди Бронвин? Я нигде не могу ее найти.

— Думаю, вы найдете ее на могиле матери,— ответил Риммель.— Я только что ее встретил, она направлялась туда. Да, я дал ей свой плащ. Надеюсь, вы ничего не подумаете.

— Нет, конечно,— ответил Кевин, дружески похлопав Риммеля по плечу.— Благодарю вас.

Сделав прощальный жест, Кевин исчез за поворотом дорожки, а Риммель направился в комнаты своего господина.

Он размышлял о том, что ему теперь предпринять. Открытое нападение на обаятельного юного лорда было исключено. Да и сам он не какой-нибудь разбойник. Но он был влюблен.

Сегодня утром Риммель несколько часов толковал с местными горожанами о своем горе, не называя, однако, имени Бронвин. Горцы, живущие на границе Коннаита и дикой Меары, иногда высказывали довольно странные суждения о том, как можно добиться женской любви.

Риммелю плохо верилось, к примеру, что достаточно приколоть пучок колокольчиков или ромашек к дверям Бронвин и семь раз сказать: «Аве», чтобы заслужить ее благосклонность. Или, скажем, положить Кевину на тарелку жабу. Он просто сделает выговор своим слугам, чтобы были поаккуратнее.

Но многие говорили Риммелю, что если он вправду хочет добиться любви этой леди, то есть здесь одна старая вдова, живущая в горах, по имени Бетана, которая помогает обезумевшим от любви молодым людям. Если Риммель возьмет с собой побольше провизии и немного золота — Бетана может его выручить.

И Риммель решил попытать счастья. Он все время осознавал, что совершает нечто противозаконное,— Риммель и помыслить не смел бы о таких вещах, не потеряй он голову от любви к прекрасной Бронвин де Морган. Теперь же видел только в этой вдове-колдунье свое спасение. Бронвин — это дивное создание — должна принадлежать ему, или и жить незачем. С помощью зелья, приготовленного ведьмой, Риммель мог бы отвратить Бронвин от лорда Кевина и заставить ее полюбить себя, простого строителя.

Он вошел в комнаты Кевина и огляделся, ища свой проект. Комната мало отличалась от соседних спален с тех пор, как все они были приспособлены для иноземных гостей. Но кое-что здесь все же принадлежало Кевину; Риммель посмотрел на складную табуретку, прикрытую маклайновским пледом, на нарядный коврик перед кроватью, на покрывало постели — сюда Кевин через три дня приведет Бронвин, если он, Риммель, не успеет помешать этому.

Он осмотрелся, решив не загадывать вперед: будь что будет. Его план лежал на столе. Взяв свитки, он направился к двери, и тут его внимание привлекла вещица, блеснувшая в солнечном луче, что лежала на крышке маленького ларца.

В таком обычно хранят жемчуга, кольца, броши, цепочки и орденские знаки. Его внимание привлек овальный медальон на золотой цепочке, слишком хрупкий и миниатюрный, чтобы принадлежать мужчине.

Не раздумывая, он взял медальон и открыл его, оглянувшись на дверь и убедившись, что рядом никого нет.

В медальоне был портрет Бронвин — такой прекрасной он ее еще никогда не видел: золотые волосы каскадом спадали на плечи, легкая улыбка играла на губах.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Риммель сунул медальон в карман куртки, выбежал из дома и, ничего не видя вокруг, устремился к своим собственным комнатам. Свидетели этого бегства — найдись такие — приняли бы его за одержимого.

Бронвин оторвала голову от перил, окружавших могилу ее матери, и посмотрела на ее прижизненное изображение.

Она вдруг поняла, что задета случайно подслушанным разговором больше, чем ей казалось поначалу, и не знала, что делать. Бронвин не хотела ссориться с этими женщинами, не хотела требовать, чтобы они извинились за свою болтовню,— это все равно ничего бы не изменило.

Она продолжала рассматривать изваяние, внимательно вглядываясь в черты лица. Как бы поступила на ее месте эта необыкновенная женщина — ее мать?

Леди Алиса де Корвин де Морган была удивительно красива. Мастер из Коннаита с редким искусством запечатлел это в скульптуре из алебастра. Даже сейчас, когда Бронвин повзрослела, она вновь чувствовала себя рядом с ней ребенком; статуя, казалось, была полна жизни, и стоило лишь произнести какое-то тайное слово, чтобы она начала дышать и двигаться.

Витраж над могилой был озарен лучами солнца, в маленькой часовне на всем играли оранжевые, золотые и багровые блики: и на могиле, и на сером плаще Бронвин, и на алтаре черного дерева несколькими ярдами правее.

Бронвин услышала, как открывается дверь, и, обернувшись, увидела Кевина, заглядывающего в часовню. Прежде чем подойти к ней и стать рядом с могилой, он преклонил колени перед распятием.

— Я уже не знал, где тебя искать,— тихо сказал он, мягко беря ее за руку.— Что-то не так?

— Нет... то есть да.— Бронвин покачала головой.— Я не знаю.

Опустив глаза, девушка посмотрела на свои руки, тяжело вздохнула, и Кевин внезапно понял, что она вот-вот заплачет.

— Что случилось? — спросил он, обнимая ее за плечи и привлекая к себе.

Бронвин разрыдалась, уткнувшись носом ему в плечо. Кевин дал ей поплакать некоторое время, потом сел на ступеньки лестницы и, взяв ее на руки, стал укачивать, как плачущего ребенка.

— Сейчас, сейчас...— тихо бормотал он.— Все будет в порядке. Ну что, поговорим?

Когда ее рыдания утихли, Кевин расслабился, отклонился назад, поглаживая ее волосы, глядя, как колеблется их тень на белом мраморном полу.

— Помнишь, как мы детьми приходили сюда играть? — спросил он.

Увидев, что она вытирает слезы, Кевин подал ей платок.

— Я думаю, мы чуть не довели мою мать до безумия тем летом — последним, помнишь? В тот год Аларик отправился ко двору. Ему и Дункану было по восемь, мне — одиннадцать, а тебе — года четыре, и ты была очень мила. Помню, играли в прятки, и мы с Алариком прятались здесь, за алтарем, там, где висят облачения. А старый отец Ансельм вошел и застиг нас, и грозился все рассказать матери.

— Я помню,— сказала Бронвин, улыбаясь сквозь слезы.— А через несколько лет, когда мне было десять, а тебе семнадцать, ты был уже совсем взрослый, и мы...— Она опустила глаза.— И ты предложил мне обручиться с тобою.

— И никогда не пожалею об этом,— улыбнулся Кевин, целуя ее в лоб.— Что случилось, Брон? Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет,— сказала Бронвин, тоже пытаясь улыбнуться.— Я сама виновата — подслушала кое-какие вещи, которые мне не хотелось бы слышать, и это расстроило меня больше, чем я думала.

— Что ты услышала? — спросил он, отстраняя ее от себя и заглядывая в лицо.— Если тебя что-то беспокоит, скажи мне, и...

Она покачала головой.

— Никто ничего не может поделать Я же не виновата в том, что я такая... Три дамы разговаривали между собой, только и всего. Им не нравится, что будущий герцог женится на Дерини.

— Вот незадача,— сказал Кевин, обнимая ее снова и целуя в макушку.— Ну, так уж получилось, что я очень люблю эту Дерини и никого другого знать не желаю.

Бронвин улыбнулась, потом встала, поправила платье и вытерла глаза.

— У тебя на все найдется ответ, да? — сказала она, беря его за руку.— Идем. Прости меня за все это. Нам надо торопиться, опоздаем к обеду.

— К черту обед.

Кевин поднялся и обнял Бронвин.

— Знаешь что?

— Что? — Она положила руки ему на плечи и заглянула в глаза.

— Я люблю тебя.

— Странно.

— Почему?

— Потому что я тоже люблю тебя.

Кевин улыбнулся и чмокнул ее.

— Очень хорошо, что ты сообщила мне об этом,— сказал он, выводя ее из часовни.— Потому что через три дня ты будешь моей женой.

А в маленькой комнате Риммель, очарованный прекрасной и недоступной женщиной, лежал на постели и не отрываясь смотрел на ее портрет в медальоне. Завтра он пойдет к этой Бетане, покажет ей портрет и расскажет старой ведьме о том, что он не может жить без этой женщины.

А потом она сотворит свое колдовство и Бронвин будет принадлежать ему, Риммелю.

Глава X

У ТЕМНЫХ СИЛ ИЩИ ЗАЩИТЫ

Дункан Маклайн изо всех сил подтянул подпругу, поправил стремя и не спеша вернулся к голове своего коня, чтоб дальше ждать под неприветливо моросящим предутренним дождем на окраине Корота. Вторая пара поводьев, перекинутая через его левую руку, слегка натягивалась, когда конь Аларика, стоявший без седока, тряс головой в холодном тумане. Надетая на него сбруя хрустела под клеенчатым седлом — животное переступало с ноги на ногу. Стоящий рядом с ним косматый вьючный пони, нагруженный тюками с необработанными кожами и мехами, поднял голову, вопросительно фыркнул и тут же опять заснул.

Дункану уже надоело ждать. Дождь, начавшийся, когда еще только смеркалось, продолжался всю ночь, большую часть которой Дункан провел в тесной купеческой лавке, урывками пытаясь поспать.

Но недавно гонец сообщил, что Аларик уже в пути и скоро будет здесь, поэтому-то Дункан и мок под дождем. Он плотно

запахнул тяжелый кожаный плащ под самым подбородком (такие плащи носят кассанские охотники), поднял воротник и натянул капюшон как можно ниже, чтобы защититься от ледяного ветра и дождя. Пелерина у него на плечах уже потемнела от влаги, и вода просачивалась внутрь. Дункан чувствовал холод своей кольчуги даже сквозь плотную шерстяную фуфайку, поддетую вниз. Он дышал на пальцы, замерзшие и в перчатках, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу, и морщился, когда шевелил окоченевшими пальцами в промокшем сапоге, и недоумевал, куда это запропастился Аларик.

Только он об этом подумал, как дверь в доме справа от него, словно по команде, распахнулась и в тот же момент высокая фигура, закутанная в кожаный плащ, показалась на освещенном пороге. Пройдя между конями, Аларик ободряюще хлопнул по плечу Дункана, всматривающегося в угрюмое серое небо.

— Сожалею, что так задержался,— пробормотал он, откидывая чехол с седла и насухо протирая его.— Как дела?

— Да ничего, только вот промок до печенок,— беспечно ответил Дункан, в свою очередь открывая седло и вскакивая на коня,— но этому не помочь иначе, кроме как поскорей убравшись отсюда. Что тебя задержало?

Морган хмыкнул и подтянул подпругу.

— Много было вопросов. Если Варин решится выступить против меня в наше отсутствие, Гамильтон не должен оставаться с пустыми руками. Это еще одна причина, по которой я хочу сохранить наш отъезд в тайне. Пусть жители Корвина думают, что их герцог и его верный духовник-кузен уединились в отдаленных покоях замка, где герцог намерен исповедаться и принести покаяние.

— Это ты-то собираешься покаяться? — фыркнул Дункан; его кузен одним махом вскочил в седло.

— Уж не хочешь ли ты сказать, дорогой брат, что мне заказана чистосердечная вера? — спросил Морган, усмехнувшись, и, связав тюки, навьюченные на пони, направил своего коня к коню Дункана.

— Я — нет,— покачал головой Дункан.— Лучше скажи, мы когда-нибудь уйдем из этого мрачного места?

— Уже,— многозначительно произнес Морган.— Поехали. Неплохо, если бы мы были у старого Неота к закату, а туда и в хорошую-то погоду надо скакать целый день.

— Замечательно,— проворчал Дункан себе под нос, когда они двинулись рысью по пустынным улицам Корота,— всю жизнь об этом мечтал.

Примерно в это же время, но за много миль отсюда Риммель карабкался по скалам в горах к северу от Кулда, дрожа от нетерпения. Там, наверху, было морозно, ветрено, холод пробирал до костей, даже когда солнце приблизилось к зениту. Несмотря на это, Риммель весь вспотел под кожаным дорожным плащом, а его холщовая сумка, перекинутая через плечо, становилась с каждым шагом все тяжелее и тяжелее. Конь, упрятанный в лощине, что была уже далеко позади, тихо ржал, оставшись в одиночестве на продуваемой ветром площадке, но Риммель заставлял себя карабкаться все выше и выше.

Нервы его были вконец истощены. Всю длинную, бессонную ночь он убеждал себя не быть дураком и не трусить, внушал себе, что ему нечего бояться женщины по имени Бетана, что у нее нет ничего общего с той, другой женщиной, чары которой коснулись его много лет назад. Но теперь...

Риммель вздрогнул, вспомнив ту ночь. С тех пор прошло уже двадцать лет... Однажды он с дружком прокрался в сад старой госпожи Эльфриды, чтобы наворовать капусты и яблок. Оба знали, что об Эльфриде ходят слухи, будто она ведьма и не жалует бродяг, шатающихся вблизи ее крошечного надела,— в дневное время им нередко доводилось отведать ее метлы. Однако они были настолько уверены, что ночью старуха не сможет их застичь, что почти и не боялись.

Но потом, там, в саду, они увидели в темноте госпожу Эльфриду, которую нимбом окружало фиолетовое сияние, и от этого слепящего света Риммель и его товарищ бежали так быстро, как только несли их ноги.

Они убежали, старуха не преследовала их. Но на следующее утро Риммель проснулся с белыми волосами, и сколько их ни мыли, сколько ни терли, они такими и оставались, и не помогали никакие припарки, никакая краска. Его мать страшно испугалась; она заподозрила, что тут не обошлось без старой ведьмы, хотя Риммель и повторял неустанно, что никуда не выходил из дома той ночью, что просто лег спать, как обычно, и спал, пока не проснулся, вот и все. А вскоре госпожа Эльфрида ушла из деревни и никогда больше не возвращалась.

Риммель поежился в утреннем холоде, не в силах справиться с тошнотой, подступившей к горлу от этих воспоминаний. Несомненно, эта Бетана — такая же ведьма, да и кем же ей еще быть, если она проделывает те делишки, что ей приписывают. Возможно, она посмеется над его просьбой. Или откажется помочь. Или заломит такую цену, что он не сможет заплатить.

А если она разозлится? Захочет над ним подшутить? Неправильно заколдует его? А вдруг через многие годы он узнает, что плата была недостаточна, когда ужасные беды падут на него, Риммеля, а может, и на лорда Кевина или даже на саму Бронвин?

Риммель пожал плечами и заставил себя больше не думать об этом. Глупо предаваться панике, не имеющей, в общем-то, под собой почвы. Накануне Риммель тщательно разузнал все о Бетане, поговорил с теми, кто пользовался ее услугами. Не было никаких оснований не доверять тому, что о ней говорили,— это просто старая безобразная пастушка, которая довольно часто и успешно выручает тех, кто попал в беду. К тому же у Риммеля не было другого способа добиться взаимности любимой женщины.

Щурясь на солнце, он остановился, окидывая взглядом путь. Впереди за низкорослыми соснами, в нескольких ярдах от него, виднелось продолговатое узкое отверстие в голой скале, изнутри завешенное звериной шкурой. Несколько тощих овец с ягнятами щипали тронутую морозом траву, редкие пучки которой торчали из щелей голой скалы по обе стороны от пещеры. Среди камней слева от входа лежал пастушеский посох, но его владельца нигде не было видно. Риммель глубоко вздохнул и, собравшись с духом, преодолел последние несколько ярдов, отделявшие его от входа.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвал он дрожащим голосом, тихо и робко.— Я... я ищу госпожу Бетану, пастушку. Я пришел с добром.

Долго стояла тишина, так что Риммель слышал негромкое гудение насекомых и щебет птиц, слышал, как овцы выдирают жесткую траву рядом, да собственное прерывистое дыхание. Потом чей-то голос проревел:

— Войдите!

Риммель обернулся на звук. Сдерживая удивление, он шагнул ко входу в пещеру и осторожно отодвинул занавеску — по виду и запаху это была невыдубленная козья шкура. Ему в голову пришла безумная мысль, что он, быть может, никогда больше не

увидит солнца; Риммель огляделся напоследок, а затем уставился в глубину пещеры, где царила непроглядная тьма.

— Войдите,— еще раз приказал голос, когда Риммель заколебался.

Он стал боязливо продвигаться вперед, все еще придерживая край занавески, чтобы в пещеру поступало хоть немного света и воздуха, и оглядываясь украдкой в поисках хозяйки этого жилища. Голос, казалось, исходил сразу отовсюду — и спереди, и сзади, и справа, и слева; разглядеть же он по-прежнему ничего не мог.

— Отпусти занавеску и стой, где стоишь.

Голос опять напугал Риммеля, хотя он и ожидал его услышать. Он буквально подпрыгнул от ужаса и выпустил занавеску. Однако на этот раз он был уверен, что голос во тьме прозвучал слева от него, но не смел пошевелить ни одним мускулом, боясь ослушаться этого бесплотного голоса. Он с трудом сглотнул, заставил себя выпрямиться, безвольно уронив руки. У него тряслись колени, ладони вспотели, и он не смел пошевелиться.

— Кто ты такой? — сурово спросил голос. Теперь ему казалось, что эти громкие и резкие слова донеслись откуда-то спереди, и только непонятно, кем они произнесены — мужчиной или женщиной. Риммель нервно облизал губы.

— Меня зовут Риммель. Я главный архитектор его светлости герцога Кассанского.

— От чьего имени ты пришел, Риммель-архитектор? От своего или же от имени герцога?

— От... от своего.

— Что же ты хочешь от Бетаны? — спросил голос.— И не двигайся, пока тебе не разрешат.

Риммель собрался было повернуться, но тут снова замер и попытался успокоиться. Возможно, обладатель голоса видел в темноте. Риммель-то точно этого не мог.

— Вы и есть госпожа Бетана? — робко спросил он.

— Да, я.

— Я...— Он сглотнул слюну.— Я принес вам еды, госпожа Бетана,— сказал он,— я...

— Положи еду рядом с собой.— Риммель повиновался.— Теперь говори, что тебе надо от Бетаны?

Риммель снова сглотнул. Он чувствовал, как капли пота стекают с бровей прямо в глаза, и не мог поднять руку, чтобы вытереть их. Он с трудом моргнул и заставил себя говорить.

— Это... это женщина, госпожа Бетана. Она... я...

— Продолжай.

Риммель глубоко вздохнул.

— Я хочу, чтобы эта женщина стала моей женой, госпожа Бетана. Но она... она помолвлена с другим. Она... обвенчается с ним, если вы не поможете. Вы ведь можете помочь, правда?

Он сначала ослеп от света, внезапно вспыхнувшего позади него, а потом увидел свою собственную тень, пляшущую на каменной стене. Свет — оранжевый, как от костра, немного рассеял мрак в грязной пещере.

— Можешь повернуться и подойти.

Со вздохом облегчения Риммель повернулся к источнику света. Примерно в двенадцати шагах от него на каменном полу стоял фонарь, а рядом с ним сидела, скрестив ноги, старая карга в лохмотьях. Ее сморщенное и обветренное лицо окружала грива спутанных седых волос с редкими темными прядями; она зябко куталась в темный плащ, которым до этого, возможно, и прикрывала фонарь. Риммель утер глаза рукавом и, поколебавшись, направился к ней. Он остановился, боязливо рассматривая женщину по имени Бетана.

— Ну как, мастер Риммель,— произнесла она, вскинув темные глаза, поблескивающие в дрожащем свете фонаря,— противно вам на меня смотреть?

У нее были гнилые желтые зубы и зловонное дыхание. Риммель с трудом сдержался, чтобы не убежать от отвращения. Бетана хрипло, пронзительно захихикала и указала костлявой рукой на пол возле себя. При этом у нее на пальце сверкнуло золото, и Риммелю показалось, что это обручальное кольцо. Да, горожане говорили, что она вдова. Интересно, каков был ее супруг?

Риммель осторожно сел на жесткий каменный пол, скрестив ноги, так же как и хозяйка пещеры. Когда он уселся, Бетана некоторое время пристально разглядывала его, не произнося ни слова, своими горящими, подчиняющими себе глазами. Потом она кивнула.

— Эта женщина... расскажи мне о ней. Красива ли она?

— Она...— Риммель запнулся, так как у него вдруг пересохло в горле.— Вот ее портрет,— сказал он, доставая медальон Бронвин и робко протягивая его.

Бетана протянула скрюченную руку, взяла медальон и ловко открыла, нажав на него кривым желтым ногтем. Увидев портрет,

она удивленно приподняла бровь и пристально посмотрела на Риммеля.

— Это и есть та женщина? — Риммель благоговейно кивнул.— И это ее медальон?

— Был,— ответил Риммель,— последним его носил ее жених.

— А что ты скажешь о ее женихе? — спросила Бетана.— Любит ли он ее? — Риммель кивнул.— А она его? — Риммель снова кивнул.— Но ты тоже любишь ее, так любишь, что не пожалел бы жизни, чтобы обладать ею?

Риммель кивнул в третий раз, расширив глаза. На лице Бетаны появилось жалкое подобие веселой улыбки.

— И я знавала мужчину, который не пожалел бы жизни, чтобы обладать мною. Не веришь? Не важно. Он подтвердил бы это, я думаю.

Она со щелчком захлопнула медальон и, держа его за цепочку в скрюченной руке, обернулась и достала желтую бутылку из высушенной тыквы с узким горлышком. Риммель затаил дыхание и, вытаращив глаза, смотрел, как она со щелчком вытащила пробку и повернула бутылку горлышком к нему. Тревожное предчувствие, мучившее его с самого утра, снова овладело Риммелем, но он отогнал его усилием воли.

— Подставь руки, Риммель-архитектор, а то я расплещу воду по сухому камню и навсегда утрачу ее.

Риммель повиновался, и Бетана налила воды из бутылки в его сложенные ладони.

— Теперь,— продолжала она, отставив бутылку в сторону,— ищи на поверхности воды следы священных знаков. Наблюдай за следами вихрей времени и священного дыхания любви на воде, отмечай их путь. Смотри, как она принуждена будет совершить то, что станет ее падением и что отдаст ее тебе.

Она крутила и раскачивала над сомкнутыми ладонями Риммеля медальон, поднимая его и опуская, чертя над водой замысловатые узоры и знаки и бормоча при этом заклинание. Колдунья не отрывала взгляда от гостя, и вскоре его веки затрепетали, отяжелели и сомкнулись. Зажав в кулаке медальон, она осушила ладони Риммеля полой своего темного плаща.

Потом Бетана со вздохом снова открыла медальон и стала напряженно вспоминать подходящие чары, именно такие, которые могут любовь женщины к одному мужчине превратить в любовь

к другому. Да, раньше она уже пользовалась этими чарами, и не раз.

Но это было давно, когда Бетана была еще не так стара, не так беззуба и не так забывчива. Сейчас она не знала даже, сможет ли вспомнить все правильно.

Да утишатся громы небесные? Нет, это заклинание для хорошего урожая.

Правда, они могут пригодиться и этой леди, но позже, когда ей настанет время родить сына, если Риммель этого захочет. Но сейчас Бетане нужно совсем другое.

Ей нужны обращения к Баазаму — это вещь очень действенная. Но нет, покачала она головой с неодобрением, это темные, смертоубийственные чары. Дарелл давно уговорил ее оставить эти штучки. Кроме того, она ни в коем случае не желала ничего дурного этой молодой красивой женщине, чей портрет был в медальоне. Когда-то она сама, может быть, была похожа на эту леди. Если и не так, все равно Дарелл говорил ей, что она красива.

Она засмотрелась на портрет, и какое-то воспоминание тенью скользнуло в памяти.

Не встречала ли она раньше эту женщину? Это было много лет назад, когда она лучше видела и не была такой старой и безобразной. Да! Она ее встречала!

Бетана вспомнила прелестное белокурое дитя; с девочкой были еще трое старших братьев, или кузенов. Они катались на шотландских пони, неторопливо пощипывающих зеленую травку, покрывающую летом весь склон холма. И это были благородные дети, дети могущественного герцога Кассанского, того самого, чей слуга сидит на полу перед Бетаной.

Бронвин! Теперь она вспомнила. Девочку звали Бронвин. Леди Бронвин де Морган, племянница герцога Яреда, наполовину Дерини. Это ее портрет.

Бетана съежилась и виновато оглянулась. Итак, леди Дерини. А она, Бетана, обещала ее околдовать. Как она посмела? Да подействуют ли ее чары на леди, которая наполовину Дерини? Бетана вовсе не хочет сделать ей больно. Маленькая Бронвин улыбалась ей тогда на лугу, много лет назад, улыбалась как родная дочь, которой у Бетаны никогда не было. Она гладила ягнят и овечек и разговаривала с Бетаной, нисколько не боясь сморщенной старой вдовы, пасущей в горах свое стадо. Нет, Бетане этого не забыть.

Старуха поджала губы и заломила руки — она ведь и Риммелю обещала. Как она не любила попадать в подобное положение! Если она поможет архитектору, то может навредить девушке, а она этого вовсе не хочет.

Взглянув на Риммеля, она снова погрузилась в свои мысли. Кошелек с золотом у архитектора на запястье был тяжел, а мешок, который он бросил на пол у входа,— полон хлеба, сыра и других вкусных вещей, которых она не пробовала уже несколько месяцев. Размышляя, она вдыхала сладкий аромат свежих продуктов, наполнивший пещеру. Если она не сдержит обещание, Риммель заберет еду и золото и уйдет.

«Ну хорошо. Я заколдую ее совсем немного. Это будет заклинание, вызывающее сомнение. Да, так правильно! Только сомнение — чтобы прелестная Бронвин не спешила выходить за своего избранника. А интересно, кто этот ее избранник? Женщина-Дерини не может рассчитывать на хорошую партию. Хотя не так уж много и осталось их из этого давно преследуемого рода в наше беспокойное время. А раз так, то нечего бояться обидеть благородного лорда, и тогда почему бы не заколдовать ее посильнее, чтобы Риммель получил то, что хочет?»

Решительно кивнув, она, кряхтя, поднялась на ноги, стала рыться в обшарпанном сундуке, стоящем в глубине пещеры. В нем была тьма всякой всячины, и кое-что из этого Бетане сейчас понадобится. Она взволнованно ворошила свое богатство: причудливо отделанные камешки, перья, порошки, яды и другие орудия, необходимые в ее ремесле.

Вытащив маленькую, отполированную временем кость, она задумчиво склонила седую голову, затем нахмурилась и решительно отбросила ее. Такая же судьба постигла какой-то высохший лист, маленькую фигурку барашка, вырезанную из камня, пучок трав, перевязанный скрученным стеблем, небольшой глиняный горшочек. Наконец она достигла дна и обнаружила то, что искала,— кожаный мешок, полный камней. Она подтянула мешок к краю сундука, с ворчанием вытащила его и почти что бросила на пол. Развязав стягивающий его ремень, Бетана стала перебирать содержимое мешка.

Заклинания любви и заклинания ненависти. Заклинания смерти и заклинания жизни. Заклинания, насылающие на врага чуму. Простые заклинания, дабы сберечь здоровье. Сложные заклинания, дабы сберечь душу. Заклинания для богатых. Заклинания

для бедных. Заклинания, еще не произнесенные, но ждущие мига, когда она их выговорит.

Что-то монотонно напевая себе под нос, Бетана выбрала голубой камень с кроваво-красными вкраплениями, как раз такой, что свободно вместится в мужскую ладонь. Затем она порылась в сундуке еще, нашла небольшой мешочек из козьей кожи и положила камень в него. После этого она убрала на место большой мешок и закрыла сундук.

Прихватив камень и мешочек, она вернулась к фонарю, села напротив Риммеля и спрятала эти предметы в складках своих лохмотьев.

Риммель сидел, зачарованный, перед коптящим фонарем, с протянутыми вперед пустыми, сложенными «лодочкой» ладонями и закрытыми глазами. Бетана взяла желтую бутылку, наполнила его ладони водой и опять поднесла раскачивающийся медальон к поверхности воды. Заканчивая свою песнь, она осторожно протянула руку ко лбу Риммеля и коснулась его брови. Архитектор кивнул, словно вышел из забытья, и снова стал вглядываться в медальон, не ведая, что он спал, не имея понятия о том, что произошло за эти минуты.

Бетана умолкла и зажала медальон в кулаке, потом наклонилась и извлекла камень с кровавыми вкраплениями. Она на мгновение сжала его в ладонях, прикрыв глаза и бормоча что-то такое, чего Риммель никак не мог разобрать. Потом она положила камень прямо под руками Риммеля, возложила свои когтистые пальцы на его ладони и посмотрела ему в глаза.

— Раздвинь ладони, дай воде протечь на камень,— сказала она голосом, режущим слух.— Как тебе было угодно, колдовство закончено, я, стало быть, свободна!

Риммель вздохнул, несколько раз моргнул, затем послушно разжал руки. Вода омыла камень, сразу впитавший ее, и удивленный архитектор вытер руки об одежду.

— Что, уже все? — недоверчиво спросил он.— Моя госпожа меня любит?

— Пока еще нет,— ответила Бетана, подцепив камень и положив его в мешочек из козьей шкуры.— Но полюбит.— Она уронила мешочек в протянутые ладони Риммеля и села на место.

— Возьми с собой этот кисет. Там лежит то, что ты видел. Не вынимай это, пока не окажешься там, куда твоя леди точно придет одна. Ты должен открыть кисет и вытащить то, что внутри,

не касаясь его. С того момента, как этот кристалл попадет на свет, у тебя будет лишь несколько секунд, чтобы бежать и самому уберечься от его действия. Тут колдовство и начнется, и для его завершения нужно будет только лишь присутствие твоей леди.

— И она будет моей?

Бетана кивнула.

— Она будет окована чарами. Теперь иди.— Колдунья подняла и бросила Риммелю медальон, а он спрятал и его, и мешочек под плащом.

— Покорно благодарю вас, госпожа Бетана,— пробормотал он, вздыхая и теребя пальцами кошелек, висящий на запястье.— Как, как мне отблагодарить вас? Я принес вам еды, как требует обычай, но...

— А у тебя есть еще и золото в поясе?

— Есть,— прошептал Риммель, нащупывая и извлекая маленький тяжелый мешочек,— немного, но...— Он осторожно положил мешочек на пол рядом с фонарем и благоговейно посмотрел на Бетану.

Бетана взглянула на этот мешочек, затем снова пристально посмотрела на Риммеля.

— Сыпь сюда!

С усилием, почти осязаемым в неподвижном воздухе пещеры, Риммель развязал мешочек и высыпал содержимое на пол перед собой. Монеты посыпались со звоном, как может звенеть только чистое золото, но Бетана не отводила взгляда от лица архитектора.

— Так как ты думаешь, сколько мне полагается за мою службу, мастер Риммель? — спросила она, наблюдая за выражением его лица.

Риммель облизал губы, глаза его сверкнули, когда он взглянул на внушительную кучу золота. Затем он быстрым движением пододвинул сразу все монеты к Бетане. Старуха улыбнулась своей щербатой улыбкой и кивнула, потом наклонилась и отсчитала себе шесть золотых. Остальное она отодвинула назад, к Риммелю. Архитектор был очень удивлен.

— Я... я не понимаю,— заговорил он дрожащим голосом,— вы не возьмете больше?

— Я взяла ровно столько, сколько мне нужно,— прохрипела Бетана,— просто я хотела проверить, во сколько ты сам оцениваешь мою службу. А что до остального, то, может быть, ты вспомнишь и помянешь вдову Бетану в своих молитвах. В эти сумеречные годы я нуждаюсь в молитвах Всемогущему больше, чем в золоте.

— Я... я сделаю это, госпожа Бетана,— заикаясь, произнес Риммель, подбирая золото и складывая его обратно в кошелек.— Но неужели это все, что я могу сделать для вас?

Бетана покачала головой.

— Приведи ко мне в гости своих детей, архитектор Риммель. А теперь оставь меня. Ты получил то, что просил, получила и я.

— Благодарю вас, госпожа Бетана,— пробормотал Риммель и крутнулся на каблуках, в восторге от своей удачи.— Я буду за вас молиться,— донесся его голос уже снаружи из-за козьей шкуры, закрывающей вход.

Когда архитектор покинул пещеру, Бетана вздохнула и тяжко опустилась рядом с фонарем.

— Ну что ж, мой Дарелл,— прошептала она, поднеся к губам золотое кольцо,— дело сделано. Я сотворила колдовство, чтобы дать этому юноше то, что он хочет. Ты же не думаешь, что я сделала что-то дурное, поколдовав против Дерини, правда?

Она помолчала, как будто слушая ответ, и кивнула.

— Знаю, знаю, милый. Раньше я никогда не насылала чары ни на кого из вашего таинственного племени. Но они подействуют. Кажется, я правильно припомнила все слова. Да в любом случае это и неважно, пока ты со мной...

Уже совсем стемнело, когда Морган наконец дал команду остановиться. Оставив Корот, они с Дунканом ехали почти без остановок с раннего утра, лишь ненадолго прервав путь в полдень, чтобы напоить коней и немного поесть из дорожных припасов. Теперь они приближались к вершине Лендорской горной гряды, за которой проходил легендарный Гонорский путь. Он вел к гробнице святого Торина, южным воротам вольного святого города Дхассы.

Утром, отдохнув после тяжелого пути, они должны будут отдать дань уважения святому Торину — церемония, обязательная для того, чтобы путнику позволили пересечь широкое озеро и войти в город. Да, только после этого они смогут войти в Дхассу, куда ни одна коронованная особа не осмелилась бы войти без разрешения горожан; но Моргану нужно было попасть туда обязательно,

и желательно неузнанным, дабы предстать перед гвиннедской курией.

Сквозь завесу моросящего дождя в сгущающихся сумерках впереди смутно виднелись развалины, и Морган пустил коня шагом. Его серые глаза, прикрытые ладонью от мороси, перебегали со стены на ступеньки, ведущие к вершине осыпавшейся башни, выискивая следы постороннего присутствия. Но ничего такого он не заметил, и, значит, здесь можно было спокойно остановиться на ночь.

Морган высвободил из стремян и с удовольствием вытянул ноги. Они уже приближались по неровной тропе к воротам. Кони устали не меньше всадников, они спотыкались, их копыта скользили в жидкой грязи. Пони, бредущий за Дунканом, подозрительно косился на все тени, шарахаясь в сторону и вздрагивая от каждого звука или едва заметного движения. Вдобавок на продуваемом всеми ветрами плато они промерзли до костей.

— Что ж, здесь мы и переночуем,— произнес Морган, когда они приблизились к разрушенным воротам.

Копыта коней уже не хлюпали по грязи, а стучали по мощенной булыжником дороге, ведущей в старинный двор. Несмотря на дождь, там стояла мертвая тишина, и Дункан невольно прошептал, подъехав ближе к Моргану:

— Что это за место такое, Аларик?

Морган направил коня в проем разрушенной двери и пригнулся, проезжая под полуобвалившейся балкой.

— Святой Неот. До Реставрации — цветущий монашеский орден, прибежище всего братства Дерини. Церковь осквернили и разграбили, а монахов убивали прямо на ступенях алтаря. Местные жители обходят это место как зачумленное. Мы с Брионом здесь бывали.

Морган проехал на коне в сухой, частично прикрытый еще кровлей угол и стал выборочно дергать балки у себя над головой, проверяя их надежность.

— Насколько я знаю, во времена своего расцвета Святой Неот был не хуже знаменитого Конкардинского университета или школы Варнаритов в Грекоте. Тогда, конечно, быть Дерини было более почетно, чем сейчас.— Он дернул последнюю балку, удовлетворенно кивнул и, усевшись в седле, отряхнул запачкавшиеся перчатки.

— Думаю, здесь достаточно сухо. И крыша, по крайней мере, на нас не обрушится.

Спешившись, он осмотрелся — эти развалины были ему знакомы. В несколько минут они с Дунканом расседлали лошадей и сложили свое снаряжение возле сухой стены. Когда Морган вернулся, привязав коней в развалинах конюшни, Дункан уже готовил ужин на костре, аккуратно сложенном в углу. Морган одобрительно хмыкнул, сбросил промокшие перчатки и плащ и вытянул руки над огнем.

— Б-р-р, я-то думал, что уже никогда не согреюсь. Дункан, ты превзошел самого себя.

Дункан помешал варево в котелке и начал рыться в седельной сумке.

— Ты не представляешь, друг мой, как мы были близки к тому, чтобы остаться вообще без огня. Дерево сырое, да и нелегко было найти место, откуда огонь не виден снаружи. Что, кстати, здесь было раньше?

— Думаю, трапезная.— Морган принес к огню несколько веток из сухой расщелины.— Правее были кухни, дальше — стойла и кладовые, еще дальше — монашеские кельи. Все это сейчас в худшем состоянии, чем было, когда я заглядывал сюда последний раз. Несколько суровых зим — и вот каков результат.— Он сложил руки вместе и подышал на них.— А нельзя ли сделать костер побольше?

Дункан усмехнулся и открыл флягу с вином.

— Можно, если ты собираешься сообщить всем и каждому в Дхассе о нашем прибытии. Я же сказал, у меня черт знает сколько времени ушло на то, чтобы найти место даже для такого пустякового костерка, как этот. Чтобы по твоей милости...

Морган засмеялся:

— Мне нравится твоя логика. Я не больше, чем ты, хочу лишиться головы либо оказаться с перерезанным горлом.— Он наблюдал, как Дункан разливает вино в два маленьких глиняных стаканчика и кладет в каждый по маленькому камешку. Раскаленные камешки зашипели, согревая холодное вино. Морган добавил: — Как я уже говорил, в Дхассе есть свои способы борьбы со шпионами, особенно с Дерини.

— Избавь меня от деталей,— отозвался Дункан. Он достал из стаканчиков камешки и протянул вино кузену.— Лучше выпей. Последнее фианское вино.

Морган со вздохом опустился на пол перед огнем и отхлебнул горячего вина, которое согрело и укрепило его после тяжкого дня пути.

— Плохо, что они не пьют такое там, в Дхассе. Ничто так не помогает, как фианское вино, когда ты продрог и устал. Я затрудняюсь даже предположить, какой дряни нам придется хлебнуть в следующие дни.

— А ты собираешься остаться здесь надолго? — усмехнулся Дункан.— Надеешься, что тебя так никто и не узнает, пока мы не предстанем перед нашими дорогими архиепископами? — Он откинулся назад и, опершись о стену, смаковал вино.— Кстати, знаешь, говорят, будто в Дхассе даже для причастия используют эль, настолько плохое там вино.

— Наверное, это неудачная шутка?

— Да нет, вполне серьезно. Они используют эль для причастия.— Он наклонился и помешал похлебку.— Ты есть собираешься?

Спустя четверть часа каждый нашел по клочку сухой земли, чтобы устроить себе постель, и они стали готовиться ко сну. Дункан пытался читать свой требник при слабеющем свете костра, а Морган достал меч и присел на корточки, внимательно вглядываясь в темноту. Ветер завывал среди развалин, вторя слабым звукам падающих дождевых капель. Где-то совсем рядом в темноте Морган слышал удары железных подков по каменному полу стойла. Чуть в стороне пискнула и сразу затихла какая-то ночная птичка. Морган несколько минут смотрел на тлеющие угли, потом резко встал и поплотнее завернулся в плащ.

— Думаю, мне не помешает немного прогуляться,— пробормотал он, застегивая плащ и отходя от костра.

— Что-то случилось?

Морган в замешательстве посмотрел на носок сапога и покачал головой.

— Мы с Брионом были здесь когда-то, очень давно. Я вдруг вспомнил об этом, вот и все.

— Что ж, понятно.

Пониже надвинув капюшон, Морган медленно вышел из круга, очерченного светом костра, в полную тьму. Его преследовали мысли о Брионе. Не желая давать волю воспоминаниям, он шел и шел куда-то, и сам не заметил, как очутился под выгоревшим во время пожара куполом старой церкви.

Морган удивленно огляделся вокруг, так как не ожидал, что попадет сюда.

Когда-то этот храм был построен на совесть. Сейчас правая стена и часть алтаря обрушились — то ли от пожара, то ли от времени; с высоких фонарей давно осыпались последние осколки. И все-таки здесь сохранялся дух святости. Даже мысль о кощунственном убийстве монахов Дерини на этом самом месте не уничтожила тот переполнявший Моргана трепет, что всегда вызывала в нем освященная земля.

Он взглянул в сторону разрушенного алтаря: на мгновение ему показалось, что он видит пятна крови на его ступенях, и он помотал головой, чтобы рассеять наваждение. Монахи Дерини погибли здесь два века назад, и кровь их давно смыта ливнями, обрушивающимися на эти горы каждую весну и осень. Если призраки умерших монахов поначалу и являлись в церковь Святого Неота, как поговаривали крестьяне, то теперь этого уже не может быть.

Он повернулся, прошел в дверь, что чудом уцелела позади разрушенного нефа, и улыбнулся, обнаружив, что лестница, ведущая на колокольню, тоже еще цела, хотя и начала осыпаться по краям. Морган стал подниматься вверх, прижимаясь к стене и осторожно переставляя ноги,— ступени были завалены обломками, едва различимыми в темноте. Добравшись до первой площадки, он, держась стены, подошел к окну, поплотнее закутался в кожаный плащ и присел на подоконник.

«Как давно я вот так же сидел у этого окна,— изумился он, оглядываясь вокруг.— Десять лет назад? Двадцать? Нет,— напомнил он себе,— это было четырнадцать лет назад, четырнадцать лет и несколько месяцев».

Он забрался на подоконник с ногами, обхватил колени и стал вспоминать.

Стояло начало ноября. Осень в том году была поздняя. Раз поутру они с Брионом выехали из Корота на обычную загородную прогулку. С утра было ясно, но ветрено, уже давала о себе знать приближающаяся зима. Брион был в превосходном настроении, и когда он попросил, чтобы Морган показал ему эти развалины, молодой лорд Дерини сразу согласился.

В те дни Морган уже не был просто слугой короля — он уже проявил себя годом раньше, участвуя на стороне Бриона в битве с Марлуком. К тому же ему исполнилось пятнадцать; по гвиннед-

ским законам он уже год как был совершеннолетним, а значит, и полноправным герцогом Корвинским.

Словом, теперь он скакал рядом с Брионом на быстром вороном коне, и на Моргане был черный кожаный плащ с изображением изумрудного Корвинского грифона, а не малиновая ливрея. Кони тяжело дышали и фыркали от удовольствия, когда всадники, натянув поводья, остановились перед входом в старую церковь.

— Посмотри! — воскликнул Брион. Он подогнал своего белого жеребца к двери и, прикрыв ладонью глаза от солнца, заглянул внутрь.— Аларик, кажется, эта лестница, ведущая на колокольню, цела. Давай посмотрим.

Он проехал еще несколько шагов и спрыгнул с коня, отпустив красную кожаную уздечку так, чтобы животное могло пастись, пока они осматривают храм. Морган тоже спешился и последовал за Брионом в глубину полуразрушенной церкви.

— Да, величественное когда-то было место,— воскликнул Брион, перелезая через обвалившуюся балку и прокладывая себе путь среди обломков.— Как ты думаешь, сколько их тут было?

— Во всем монастыре? Я думаю, сотни две-три, государь. Это, конечно, считая монахов, слуг и учеников — всех вместе. А вообще, в ордене состояло около ста монахов.

Брион преодолел первые несколько ступеней, разгребая носком сапога камни в поисках прочной опоры, с каждым шагом поднимая известковую пыль. Яркие дорожные одежды короля горели малиновым огнем на фоне выцветшего серого камня, а белоснежное перо на красной охотничьей шапочке беспечно раскачивалось в такт его шагам.

Оступившись, но удержав равновесие, он хмыкнул, затем выпрямился и продолжил путь.

— Смотрите, куда ступаете, милорд,— тревожно сказал Морган, поднимаясь следом за ним.— Не забывайте, что этим ступеням больше четырехсот лет. Если они обрушатся, Гвиннед останется без короля.

— Ах, ты чересчур беспокоишься, Аларик! — воскликнул Брион. Он уже добрался до первой площадки и подошел к окну.— Посмотри-ка! Отсюда видно половину пути до Корота.

Пока Морган одолевал последние ступени, Брион, смахнув перчаткой обломки и осколки, уселся на подоконнике, упершись сапогом в противоположный косяк.

— Смотри! — сказал он, показывая кнутовищем в сторону гор на севере.— Через месяц все это скроется под снегом. И засыпанная снегом дорога будет все равно так же красива, как сейчас, когда луга лишь тронуты инеем.

Морган улыбнулся и прислонился к оконному косяку.

— В такое время здесь можно хорошо поохотиться, государь. Вы уверены, что не хотите подольше остаться в Короте?

— Ах, Аларик, ты же знаешь, что я не могу,— ответил Брион, безнадежно пожав плечами.— Мои обязанности зовут меня настойчиво и строго. Если я в течение недели не вернусь в Ремут, лорды-советники поднимут переполох, как толпа нервных дамочек. Боюсь, они до сих пор так и не поверили вполне, что Марлук действительно мертв и что война закончена. А кроме того, там Джеанна.

«Да, кроме того, там Джеанна»,— мрачно подумал Морган.

На мгновение он представил юную рыжеволосую королеву, но тут же отогнал от себя ее образ. Все надежды на установление добрых отношений между ним и Джеанной рухнули в тот день, когда она узнала, что он — Дерини. Она никогда не простит ему этого, а он не может ничего изменить, даже если бы хотел. И бессмысленно говорить об этом, растравлять эту рану. Это только еще раз напомнит Бриону пережитое им разочарование, напомнит, что он никогда не сможет сладить с той ненавистью, которую королева испытывает к его ближайшему другу.

Морган перегнулся через вытянутую ногу Бриона и выглянул в окно.

— Смотрите, государь,— сказал он, меняя тему разговора,— Аль Дерах нашел себе травку, не тронутую морозом.

Брион тоже выглянул. Внизу вороной конь Моргана деловито щипал зеленую траву футах в двадцати от подножия башни. Жеребец Бриона бродил несколькими ярдами правее и вынужден был довольствоваться пучками пожухшей бурой травы, которую он равнодушно ворошил носом, наступая копытами на красную кожаную уздечку.

Брион фыркнул и снова откинулся на оконный косяк, скрестив руки на груди.

— Гм, этот Кедрах такой тупой! Я иногда удивляюсь, как он находит собственный нос. Это глупое создание не сообразит оторвать от земли свои огромные ноги, чтобы что-то найти. Ему все время кажется, что он устал.

— А я убеждал вас, государь, не покупать лошадей в Ланнеде,— усмехнулся Морган,— но вы не слушали. Ланнедцы слишком много уделяют внимания внешности и скорости, но не слишком, как видите, заботятся о мозгах. А вот лошади из Р'Касси...

— Хватит! — оборвал его Брион в притворном негодовании.— Ты меня унижаешь. Короля никогда нельзя унижать.

Пытаясь скрыть смешок, Морган снова поглядел в окно на долину. Полдюжины всадников приближались к развалинам, и, насторожившись, он толкнул короля под локоть:

— Брион?

Через мгновение оба уже узнали королевское малиновое знамя в руках у головного всадника. А под знаменем возвышалась коренастая фигура в чем-то ярко-оранжевом. И это мог быть только лорд Эван, могущественный герцог Клейборнский. Должно быть, Эван в свою очередь увидел в окне малиновый плащ Бриона, потому что он вдруг резко привстал на стременах и огласил горы хриплым воинственным возгласом. Вскоре весь отряд с грохотом подъехал к башне.

— Какого черта? — пробормотал Брион, вставая и всматриваясь в Эвана и его спутников, остановившихся в клубах пыли.

— Государь! — завопил Эван; глаза его весело сияли, а рыжие борода и волосы развевались на ветру; в руках он сжимал королевское знамя, победоносно размахивая им над головой.

— Государь, у вас родился сын! Наследник гвиннедского престола!

— Сын! — воскликнул Брион и на миг онемел от восторга.— Бог мой, мне же говорили, что это произойдет через месяц! — Глаза его светились от радости.— Сын! Ты слышал, Аларик? — закричал он, схватив Моргана за обе руки и закружив его в танце.— Я стал отцом! У меня есть сын!

Оставив Моргана, он торжествующе посмотрел в окно на приветствующий его эскорт и снова воскликнул:

— У меня есть сын!

Затем он стрелой слетел с лестницы, и пока Морган следовал за ним по пятам, в развалинах церкви разносился голос Бриона, полный ликования:

— Сын! Сын! Ты слышал, Аларик, у меня есть сын!

Морган глубоко вздохнул, провел руками по лицу, не давая тоске овладеть собой, и снова откинул голову на оконный косяк. С тех пор прошло много лет. Тот Аларик, юноша-подросток, теперь стал лордом-генералом королевских войск, всесильным и полноправным правителем своего края — если все это имело сейчас хоть какое-то значение. Брион спит вечным сном в усыпальнице предков в подземелье Ремутского собора, павший жертвой магических чар, от которых даже Морган не сумел его уберечь.

А сыну Бриона («Сын! Сын! Ты слышишь, Аларик? У меня есть сын!») — ему сейчас четырнадцать, он взрослый мужчина, король Гвиннеда.

Морган посмотрел вниз на долину так же, как Брион много лет назад, представляя, что он снова видит всадников, скачущих через долину, и взглянул в хмурое ночное небо. На востоке всходила луна, сквозь тучи тускло мерцали звезды. Морган еще некоторое время смотрел вверх, на эти чуть видные звезды, наслаждаясь безмятежным покоем ночи, прежде чем спуститься и вернуться назад.

Было уже поздно. Скоро и Дункан начнет о нем беспокоиться. А завтра трудный день — день встречи с этими скользкими и упрямыми архиепископами.

Морган направился вниз но лестнице; обратно идти было легче, так как теперь развалины освещала луна. Почти уже выйдя из храма, он обернулся, чтобы в последний раз заглянуть в неф, и вдруг краем глаза заметил едва заметный отблеск света в отдаленной нише нефа слева от разрушенного алтаря.

Похолодев, Морган пристально посмотрел в ту сторону, убеждаясь, что это ему не почудилось.

Глава XI

«Я ВОЗДВИГ ЕГО ОТ СЕВЕРА, И ОН ПРИДЕТ;
ОТ ВОСХОДА СОЛНЦА БУДЕТ ПРИЗЫВАТЬ ИМЯ МОЕ,
И ПОПИРАТЬ ВЛАДЫК, КАК ГРЯЗЬ, И ТОПТАТЬ,
*КАК ГОРШЕЧНИК ГЛИНУ»**

Морган замер на месте, отсчитывая десять ударов сердца,— защитные силы Дерини сработали мгновенно, как только он почувствовал опасность. Луна светила довольно тускло, и тени были очень длинные, но он хорошо видел, как в углу что-то поблескивает. Подумав, что это может быть Дункан, пошедший

* Исайя 41:25.

искать его, он хотел подать голос, но сдержался. Во тьме таилось явно что-то чуждое.

Жалея, что не захватил меч, Морган осторожно двинулся в боковой неф, касаясь пальцами стены. Блеск пропал, как только он тронулся с места, и теперь там вроде бы не было ничего необычного, но его подстегивало любопытство.

Что могло так ярко блестеть в этом давно всеми покинутом месте? Стекло? Случайное отражение лунного света в стоячей воде? Или что-то менее безобидное?

Тут Морган уловил слабый удаляющийся звук в направлении разрушенного алтаря и резко обернулся; стилет сам скользнул ему в ладонь. Это не наваждение и не отблеск лунного света в луже. Это что-то иное. Приглядываясь и прислушиваясь, Морган ждал, готовый поверить, что вот-вот призрак какого-нибудь давно умершего монаха взойдет на развалины алтаря.

Он совсем было уже решил, что его нервы сыграли с ним какую-то злую шутку, как вдруг огромная серая крыса выскочила из-под обломков и побежала прямо на него.

Морган присвистнул от удивления и отскочил, давая животному дорогу. Вздохнув с облегчением, он рассмеялся. Крыса быстро скрылась. Морган оглянулся на руины алтаря, браня себя за глупость, и уверенно двинулся дальше вдоль нефа.

Угол, привлекший его внимание, был еще прикрыт остатками кровли, но пол в этом месте был разбит и засыпан обломками. Узкий алтарный ларец был отодвинут от стены, да так и оставлен; его край был оббит и потрескался. Когда-то здесь, в нише задней стены, стояла мраморная статуя.

Теперь от нее остались только ноги на треснувшем постаменте да осколки камня — немые свидетели того ужасного дня и той ужасной ночи, когда два века назад налетчики разграбили монастырь. Морган смотрел на каменные ноги, обутые в сандалии, с улыбкой гадая, какому святому они принадлежали и кто приходил поклониться ему, прерывая сон этого места. Потом взгляд Моргана упал на блеснувший серебром осколок, лежащий прямо у него под ногами, и он узнал в нем неуловимый источник света, что привел его сюда. Серебряные и рубиновые осколки и обломки разбитой мозаики покрывали все подножие алтаря. Громилы вдребезги разбили статуи и витражи высоких окон, мраморные плиты пола, драгоценную утварь алтаря. Он начал было отковыривать крохотный осколок стекла кончиком стилета, но остановился, покачал головой и убрал оружие в ножны. Этот зеркальный кусочек один удержался на своем месте, пережив и грабеж, и время, и стихию. Неужели же неизвестный святой, чьей памяти был посвящен этот придел и от убранства которого остался только сверкающий осколок, ждет той же стойкости и от своих приверженцев?

«Увы,— подумал Морган,— теперь даже не узнать, что это был за святой. Или можно?» Задумчиво поджав губы, он ощупал оббитый край алтаря и склонился над ним, внимательно осматривая. Как он и ожидал, на камне еще были видны буквы, хотя их причудливые завитки почти совсем стерлись, разрушенные временем. Первые два слова еще можно было прочесть, напрягая воображение,— JUBILANTE DEO — оборот, обычный для подобного алтаря. Но следующие буквы были сильно разрушены, и он смог разобрать только S-CTV — это, наверное, от SANCTVUS — «святой». Однако последнее слово — имя святого... Он разглядел только разрушенное C, A и разбитое S на конце. CA...

Святой Камбер?

Выпрямившись, Морган удивленно присвистнул. Снова святой Камбер, покровитель магии Дерини. Неудивительно, что разрушители поработали здесь так основательно. Странно, что вообще что-то сохранилось.

Он отошел на несколько шагов назад и рассеянно огляделся, сожалея, что у него нет времени остаться и осмотреть все получше. Если этот придел действительно был посвящен святому Камберу, то весьма вероятно, что где-то рядом находится Перемещающий Ход. Конечно, даже если он еще действует — а это почти невероятно после того, как им не пользовались столько лет,— Моргану сейчас все равно некуда перемещаться. Ближайшие такие ходы, о которых он знал, находились в Ремуте, в кабинете Дункана, и в ризнице собора, а туда он пока не собирался. Их целью была Дхасса.

В любом случае это нелепая затея. Ход, должно быть, разрушен много лет назад, так стоит ли его искать, зря тратить время.

Сдерживая зевоту, Морган напоследок огляделся и, поклонившись ногам святого Камбера, медленно двинулся к их закутку. Завтра, когда они предстанут перед гвиннедской курией, решатся многие вопросы. «А дождь снова усилился»,— подумал Морган. Может быть, шум дождя поможет уснуть?

Полу де Гендасу в эту ночь так и не удалось поспать. В лесу, совсем недалеко от того места, где уснули Морган с Дунканом, Пол, пустив коня шагом, всматривался вперед сквозь завесу дождя — он пробирался к потайному лагерю Варина де Грея. Взмыленный конь тяжело дышал, оставляя в холодном ночном воздухе клубы пара. Сам Пол был забрызган грязью и промок до костей. Он сдернул с головы остроконечную шапочку и выпрямился в седле, так как уже приблизился к первому сторожевому посту.

Движение это стоило ему немалых усилий — он устал. Вот-вот из темноты появятся часовые, окликнут его, узнают и, прикрывая фонари, снова растворятся во тьме. В тусклом свете факелов показались неясные очертания палаток. Когда Пол приблизился к первой палатке на краю лагеря, к его коню подбежал, протирая заспанные глаза, совсем молодой парень с таким же, как у него, значком на шапке и смущенно взглянул на прибывшего.

Пол приветливо кивнул и, дрожа, соскользнул с коня. Нетерпеливо оглядев освещенный светом факелов участок, он плотнее натянул капюшон промокшего, грязного плаща.

— Варин еще здесь? — спросил Пол, отбрасывая с лица мокрые волосы.

Мужчина постарше, в высоких сапогах и в плаще с капюшоном, подошел как раз, когда Пол задал этот вопрос. Он вежливо кивнул Полу и дал юноше знак увести уставшего коня.

— Варин сейчас совещается, Пол. Он просил не беспокоить.

— Совещается? — Пол стянул мокрые перчатки и пошел в центр лагеря по грязной тропе.— С кем это? Да как бы там ни было, думаю, Варину интересно будет узнать и мои новости.

— Даже обидев при этом архиепископа Лориса? — спросил его собеседник, приподняв бровь и удовлетворенно улыбнувшись в ответ на изумленный взгляд Пола.— Мне кажется, Пол, добрый архиепископ Лорис собирается сопровождать нас.

— Лорис здесь? — Пол недоверчиво усмехнулся, и улыбка от уха до уха пересекла его суровое лицо. Он восторженно хлопнул своего собеседника по спине.— Друг мой, ты и не представляешь, как нам потрясающе везет этой ночью. И я уверен, что Варину понравится известие, которое я привез.

— Теперь, надеюсь, вы понимаете мое положение,— говорил в это время Лорис.— Раз Морган отказался отступить и покаяться в ереси, я вынужден объявить отлучение.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду,— произнес Варин.— Вы полностью лишите Корвин священных таинств, обрекая бессчетное множество душ на страдания, а может быть, и на вечное проклятие без благодати причастия.— Он взглянул на свои руки, сложенные на груди.— Мы согласны, что пора остановить Моргана, но я не могу одобрить ваших намерений.

Варин сидел на маленьком походном складном стуле, накинув на плечи свободный плащ, отороченный мехом. Перед ним, в самом центре палатки, все время горел яркий костер; вся остальная часть пола была покрыта прожженными половиками и шкурами.

Лорис в промокшем и грязном после долгой верховой езды дорожном костюме пурпурного бархата восседал справа от него в кожаном складном кресле, которое обычно занимал сам главарь разбойников. Позади Лориса стоял монсеньор Горони в черном облачении священника, пряча руки в складках рукавов своей рясы. Он только что возвратился от епископа Корвинского, выполнив свою задачу, и теперь с непроницаемым лицом слушал разговор.

Варин сцепил длинные пальцы и, опершись локтями на колени, не спускал остановившегося взгляда с меховой полости, что лежала у него под ногами.

— Ну что мне еще сказать, ваше преосвященство, чтобы отговорить вас от такого решения?

Лорис с безнадежным жестом горестно покачал головой.

— Я пытался сделать все, что в моих силах, но тамошний епископ, Толливер, не хочет нам помочь. Если бы он, как я его просил, отлучил Моргана от церкви, то можно было бы избежать многих бед. Теперь же я должен созвать курию, и...

Он прервался на полуслове, так как полог шатра внезапно раздвинулся и на пороге появился какой-то человек, на грязном плаще которого был приколот значок с соколом. Он сдернул с головы мокрую шапку и поклонился, прижав к груди правую руку, сжатую в кулак, а затем отвесил вежливый поклон в сторону Лориса и Горони. Варин в замешательстве взглянул на него и нахмурился, вспоминая вошедшего, потом быстро вскочил и подошел к нему.

— В чем дело, Пол? — спросил Варин, оттесняя его к выходу.— Я же сказал Майклу, чтобы меня не беспокоили, пока архиепископ здесь.

— Думаю, вы поймете, почему я решился побеспокоить вас, когда услышите новости, мой господин,— сказал Пол, сдерживая улыбку и стараясь говорить как можно тише, чтобы Лорис его не слышал.— Я видел Моргана еще до того, как стемнело, на дороге, ведущей к Святому Торину. Он со своим попутчиком остановился на ночлег в развалинах монастыря Святого Неота.

Варин сжал плечи Пола, удивленно глядя на него.

— Ты в этом уверен, парень? — Он явно обрадовался, его глаза сияли.— Господи, прямо нам в руки! — пробормотал он себе под нос.

— Я предполагаю, он держит путь в Дхассу, мой господин,— улыбнулся Пол.— Может быть, устроить ему подходящий прием?

Глаза Варина сверкнули, когда он повернулся лицом к Лорису.

— Вы слышали, ваше преосвященство? Морган остановился в Святом Неоте по пути в Дхассу!

— Что? — Лорис резко вскочил, побледнев от ярости.— Морган на пути в Дхассу? Мы должны его остановить!

Казалось, Варин его не слышит. С горящим, сосредоточенным взглядом он возбужденно шагал взад и вперед по половикам.

— Вы слышали меня, Варин? — спросил Лорис, удивленно глядя на главаря мятежников.— Это какая-то уловка Дерини, он опять хочет сбить нас с толку, одурачить. Он надеется сорвать завтрашнее заседание курии. С его-то коварством он способен убедить даже кое-кого из моих епископов в своей невиновности. Не думаю, что он собирается подчиниться моему авторитету!

Варин покачал головой, продолжая шагать, на губах его играла легкая улыбка.

— Нет, ваше преосвященство, и я не думаю, чтобы он кому бы то ни было подчинился. Но меня не волнует, сорвет он или нет вашу курию. У меня, похоже, появилась возможность встретиться с Морганом лицом к лицу. Настало время выяснить, чье могущество сильнее — его проклятое чародейство или силы Господни. Пол,— обернулся он ко входу,— ты должен подобрать отряд человек из пятнадцати, чтобы до утра выехать к Святому Торину.

— Да, господин,— поклонился Пол.

— Его преосвященство нас скоро оставит, я не хочу, чтобы нашу беседу прерывали без крайней необходимости. Понятно?

Пол снова поклонился и выскользнул из палатки. Когда Варин снова повернулся к Лорису, вид у того был ошеломленный.

— Кажется, я чего-то не понял,— произнес он, усаживаясь и всем своим видом давая понять, что ждет объяснений.— Вы действительно собираетесь напасть на Моргана?

— Я ждал возможности сразиться с Дерини много месяцев, ваше преосвященство,— ответил Варин, глядя на Лориса сверху вниз сквозь полуопущенные веки.— У часовни Святого Торина, которую он должен будет посетить, если собрался в Дхассу, есть возможность застать его врасплох; может быть, нам удастся захватить его в плен. В худшем случае, я думаю, у него просто пропадет желание мешать вашей курии, а в лучшем — вам вообще больше не придется беспокоиться об этом Дерини.

Лорис сердито посмотрел на него, нервно разглаживая пальцами складки своего плаща.

— Вы что, хотите убить Моргана без отпущения грехов?

— Я сомневаюсь, что для таких, как он, на том свете есть какие-нибудь надежды на спасение души,— жестко возразил Варин.— Дерини порождены Сатаной в первые дни творения. О каком спасении души можно говорить?

— Возможно, что это и так,— ответил Лорис, становясь напротив главаря разбойников и твердо глядя на него голубыми глазами,— но я не думаю, что это решать нам и здесь. Моргану нужно дать возможность покаяться. Я не могу отнять этого права даже у него, несмотря на то что у меня есть причины ненавидеть этого человека. Вечные муки — это слишком большая кара, чтобы ввергать в них кого бы то ни было.

— Вы что, защищаете его, архиепископ? — осторожно спросил Варин.— Если я не убью его при первом же удобном случае, то потом может оказаться слишком поздно. Зачем давать дьяволу шанс, зачем умышленно подвергать себя соблазну, если в этом нет необходимости? «Избегайте греха» — сказано.

Впервые с тех пор, как они вошли в палатку, Горони, встретившись взглядом с Лорисом, кашлянул и подал звук.

— Можно мне сказать слово, ваше преосвященство?

— Говорите, Горони.

— Если ваше преосвященство позволит, то есть одно средство сделать Моргана беспомощным настолько, что можно будет легко совладать с ним. Он не сможет пользоваться своим могуществом, пока не будет решено, что с ним делать дальше.

Варин нахмурился и с подозрением уставился на Горони.

— Это как?

Тот взглянул на Лориса и продолжил:

— Есть такое зелье, Дерини называют его «мераша», которое действует только на них — оно путает их мысли, лишает сил, не дает пользоваться их темным могуществом, пока не кончится его действие. Что, если добыть немного этой мераши и воспользоваться ею, чтобы обезвредить Моргана?

— Зелье Дерини,— сердито сдвинул брови Лорис, задумавшись.— Не нравится мне это, Горони.

— И мне тоже,— страстно подхватил Варин.— Я не желаю связываться ни с какими уловками Дерини, чтобы поймать Моргана, иначе чем же я лучше его?

— С позволения вашей милости,— настойчиво продолжал Горони,— мы имеем дело с необычным врагом, а значит, допустимо использовать и необычные средства, чтобы с ним справиться. Кроме всего прочего, это делается во благо.

— Он прав, Варин,— осторожно согласился архиепископ.— Это существенно облегчило бы задачу, стоящую перед вами. Горони, а как вы предполагаете дать Моргану зелье? Он ведь, я уверен, не будет стоять и ждать, пока вы добавите зелье ему в питье или воспользуетесь какой другой уловкой.

Горони улыбнулся, и в его мягком, невыразительном лице появилось что-то дьявольское.

— Предоставьте это мне, ваше преосвященство. Варин тут говорил о гробнице святого Торина как о месте засады. Хороший план. С вашего позволения я выезжаю немедленно, чтобы добыть мерашу, а потом встречаюсь с Варином и его людьми прямо в гробнице, утром. Есть тут один братец, который поможет нам расставить сети для Моргана. А вам, ваше преосвященство, лучше скорее возвращаться в Дхассу и готовиться к завтрашнему заседанию курии. Если вдруг у нас завтра что-нибудь сорвется, вы будете вынуждены все же провозгласить отлучение.

Лорис обдумал предложение, взвесив все за и против, и смерил главаря разбойников долгим пристальным взглядом.

— Ну что, Варин? — спросил он, вопросительно приподняв бровь.— Что вы скажете? Горони останется, чтобы помочь вам схватить Моргана и чтобы выслушать его исповедь, в случае, если тот пожелает покаяться, а потом он ваш и делайте с ним все, что считаете нужным. Если задуманное удастся осуществить, то

не будет никакой нужды накладывать отлучение на весь Корвин; вы же после этого вправе требовать награды за то, что отвели от Корвина такое бедствие, и, скорее всего, будете провозглашены его новым правителем. А что касается меня — я буду свободен от необходимости подвергать осуждению церкви целое герцогство из-за одного злодея. В конце концов, душевное благополучие паствы — моя главная забота.

Варин некоторое время задумчиво смотрел под ноги, затем легким кивком выразил свое согласие.

— Хорошо, ваше преосвященство, если вы говорите, что меня не осквернит использование зелья Дерини при поимке Моргана, я принимаю ваши доводы. Вы все же примас Гвиннеда, и я полагаюсь на ваш авторитет в этих вопросах, оставаясь верным сыном церкви.

Лорис кивнул и поднялся.

— Вы очень благоразумны, сын мой,— сказал он, давая Горони знак выходить.— Я буду молиться за ваш успех.

Он протянул руку с аметистовым перстнем. Варин, мгновение помедлив, опустился на одно колено и коснулся камня губами.

Однако взгляд его был суров, когда он поднялся на ноги, он все время прятал глаза.

— Да пребудет с вами Бог, Варин,— задержавшись у выхода, пробормотал Лорис, поднимая руку в благословении.

Когда он ушел, Варин долго еще молча стоял в дверях. Он повернулся и оглядел палатку — простые парусиновые стены, широкое походное ложе, покрытое серым мхом, складные походные стул и кресло у огня. Обитый кожей сундук у другой стены, деревянный молитвенный столик в углу, с тяжелым, поблескивающим в языках пламени распятием. Варин медленно подошел к нему и коснулся нагрудного креста, затем крепко сжал в руках тяжелое серебряное распятие.

— Как мне поступить, Господи? — шептал он, прижимая крест и цепочку к груди и крепко зажмурившись.— Позволено ли мне вправду использовать уловки Дерини для достижения Твоих целей? Или я оскорблю Твою честь в моем рвении услужить Тебе? — Он преклонил колени и спрятал лицо в ладонях; холодное серебро выскользнуло из пальцев.— Помоги мне, Боже, молю Тебя! Научи меня, что я должен делать, когда встречусь завтра лицом к лицу с врагом моим?

Глава XII

«КОГДА УЖАС ПОДСТУПАЕТ, КАК БУРЯ...»

Через три часа после рассвета Морган и Дункан проехали северные ворота Гонорского тракта. День был солнечный, ясный и немного холодный. Кони проворно перебирали ногами, и цоканье копыт далеко разносилось в утреннем воздухе; они чувствовали запах воды, ведь озеро Яшан находилось всего в полумиле отсюда, за деревьями, окружающими гробницу святого Торина. Их всадники, отдохнувшие после вчерашней долгой дороги, лениво обозревали окрестности, размышляя о том, что же принесет им этот день.

Та часть приграничной горной области, где находилась Дхасса, была покрыта лесами. Она поросла огромными деревьями и изобиловала дичью. Здесь было множество ручьев и озер, и всюду удивительно много маленьких камешков, что бросалось в глаза всякому путешественнику. Эта горная страна покоилась на скалистом основании; встречались здесь и каменистые скалы, на которых ничего не росло. Но такие места были высоко в горах, намного выше лесного пояса, и для жизни людей они были непригодны. С незапамятных времен жители Дхассы строили свои жилища из дерева, благо его было вдоволь, причем самого разнообразного, а влажный горный воздух предохранял от опасности пожаров. Даже гробница, к которой приближались Морган и его родственник, была сооружена из дерева — дерева всевозможных пород, какие только могли произрасти на этой земле. Это всем нравилось и вполне оправдывало себя — ведь Торин был лесным святым.

Существовало немало предположений о том, как Торин достиг своей святости. Достоверных сведений о святом Торине почти не осталось, но зато ходило множество легенд, причем некоторые — весьма сомнительного происхождения. Известно было, что жил он лет за пятьдесят до Реставрации, в самый разгар междуцарствия Дерини. Говорили, что он был отпрыском бедного, но славного рода знаменитых охотников, потомки которого по наследству управляли обширной лесной страной на севере. Но ни о чем другом никто ничего не мог сказать с полной уверенностью.

Говорили еще, что ему подчинялись все твари лесные, которых он охранял, что он творил многие чудеса. Ходили также слухи, что однажды он спас легендарного гвиннедского короля, когда монарх охотился в своем королевском лесу непогожим октябрьским утром,— хотя никто не знал точно, что же именно он сделал.

Как бы то ни было, святой Торин был провозглашен покровителем Дхассы вскоре после смерти. Поклонение святому Торину являлось неотъемлемой частью жизни местных жителей. Женщины были освобождены от служения этому святому — им покровительствовала их святая Этельбурга. Но любой взрослый мужчина, откуда бы ни был он родом, если хотел войти в Дхассу с юга, должен был сначала совершить паломничество к гробнице святого Торина и там получить оловянный значок на шапку, удостоверяющий, что он заслуживает доверия. Лишь отдав дань уважения святому Торину, можно было подойти к перевозчику, который доставлял путешественника на другой берег широкого озера Яшан, в Дхассу.

Не совершить паломничество — значило привлечь к себе пристальное и весьма недоброжелательное внимание, а то и хуже. Если даже кому-то удавалось подкупить какого-нибудь лодочника, чтобы он перевез через озеро,— а окружного пути не было,— то ни один трактирщик или содержатель постоялого двора не пустил бы к себе путника без такого значка на шапке, не говоря уже о том, что любая попытка уладить в городе какие-то серьезные дела была бы обречена на провал. Горожане были весьма бдительны, когда дело касалось их святого. И узнав, что в город вошли недостаточно благочестивые путники, они незамедлительно принимали меры. Поэтому-то путешественники редко пренебрегали удовольствием посетить гробницу святого Торина.

Морган и Дункан направили коней к небольшому островку голой земли среди влажной травы, на котором они могли бы отдохнуть перед тем, как войти в часовню Святого Торина. Грубая статуя лесного святого, сделанная из дерева, источенная ветром, встречала их у ограды и благословляла, простирая руки. Огромные деревья, казалось, тянули искривленные ветви к шапкам путников.

За оградой находилось еще несколько паломников. Значки у них на шапках неопровержимо свидетельствовали, что они уже совершили поклонение и просто задержались здесь ненадолго.

На другом конце двора человек небольшого роста в охотничьем платье, такой же паломник, как Дункан и Морган, снял шапку и вошел в гробницу.

Морган и Дункан спешились и привязали коней к железному кольцу, торчащему прямо из каменной ограды, после чего уселись и стали ждать своей очереди. Морган ослабил под подбородком ремешок плотной кожаной шапочки, из-под которой показались его светлые волосы, и откинул голову назад, чтобы расслабить мышцы шеи. Он не спешил снять шапку совсем — его могли бы узнать, а этого нельзя было допустить, если они хотят вовремя прибыть на заседание архиепископской курии. Его рост и сложение и так бросались в глаза, а золотистые волосы такого редкого оттенка сразу могли выдать Моргана.

Дункан оглядел путников на другом конце двора, быстро перевел взгляд на гробницу и наклонился к кузену.

— Смотри, как интересно сделана эта деревянная часовня,— тихо заметил он.— Кажется, будто она сама по себе выросла из земли, как какой-нибудь гриб, как будто это и не творение рук человеческих.

Морган усмехнулся и внимательно осмотрелся вокруг, выясняя, не наблюдает ли за ними кто-нибудь из паломников.

— Ну и разгулялось же у тебя сегодня воображение,— ласково упрекнул он Дункана, едва шевеля губами и продолжая осматривать двор,— жители Дхассы веками славятся своим умением обрабатывать дерево.

— Может быть,— отозвался Дункан.— И все же есть что-то жутковатое в этом месте, ты не находишь?

— Да только разве что ощущение святости,— ответил Морган, удостоив кузена долгим взглядом,— хотя здесь она чувствуется меньше, чем обычно в таких местах. Может быть, у тебя приступ угрызений совести недостойного священника?

Дункан тихонько фыркнул.

— Нет, ты просто невозможен: ну как тебе это пришло в голову? Тебе что, говорил об этом кто-нибудь?

— Да еще как часто,— с улыбкой подтвердил Морган. Он опять оглядел двор, проверяя, не привлекли ли они чье-нибудь чрезмерное внимание, и придвинулся ближе к Дункану, уже с серьезным лицом.— Кстати,— прошептал он, едва шевеля губами,— я еще не рассказал тебе о том, что меня так напугало прошлой ночью.

— А?

— Кажется, боковой алтарь в церкви Святого Неота был посвящен святому Камберу. В какой-то момент я даже испугался, что у меня опять видения.

Дункан с трудом удержался от желания оглянуться и уставился на родственника.

— И что же ты? — спросил он как можно тише.

— Я испугался крысы,— саркастически усмехнулся Морган.— По-видимому, у меня совсем расшатались нервы. Как видишь, ты не одинок.

Он присмотрелся к движению на дороге и толкнул Дункана в бок.

Из-за поворота показались всадники, и Моргана сразу удивило то, что они не мчались галопом, но ехали неторопливым шагом. На них были ливреи цветов королевского двора — голубого и белого, и пока Морган с Дунканом разглядывали всадников, за ними следом показалась еще пара, а за ней — еще и еще.

Они насчитали уже шесть пар всадников, когда из-за поворота появился небольшой экипаж. Окна кареты были завешены голубым, в нее была запряжена четверка лошадей, украшенных белыми и голубыми попонами и перьями. Одних только вооруженных всадников в ливреях, показавшихся на грязной дороге этим весенним утром, хватило бы, чтобы привлечь внимание паломников, но щегольской экипаж сразу затмил все предыдущие впечатления.

В Дхассу направлялась какая-то важная особа; учитывая нейтральное положение города, это было необычно.

Экипаж со всем эскортом был уже близко, когда из часовни воротился зашедший туда паломник с ярким значком на остроконечной кожаной шапочке. Так как Морган не двигался с места и не проявлял никакого желания войти следующим, Дункан отстегнул свой меч и проворно направился к входу — никто не имел права входить в гробницу святого Торина с оружием.

Всадники остановили коней почти рядом с конем Моргана. Когда они прошли мимо, он разглядел блеск батистовых плащей, услышал приглушенный звон кольчуг под этими плащами, бряцание шпор и оружия. Кони, запряженные в экипаж, были выше колен забрызганы грязью — Морган заметил это, как только они достигли ограды. Затем, въехав в лужу грязи всеми колесами, экипаж резко остановился, и кони больше не могли сдвинуть его с места.

Кучер взмахнул кнутом и закричал что-то, но не выругался, и это показалось Моргану странным. Двое всадников взялись за

поводья ведущих лошадей и принялись тянуть их вперед, но безуспешно — экипаж как прилип.

Морган спрыгнул с ограды, на которой сидел, и внимательно осмотрел застрявшую карету, понимая, что сейчас ему придется помочь. Всадники в богатых ливреях не захотят пачкать руки — для этого всегда найдутся простолюдины, а герцог Корвинский как нельзя лучше подходил для этой роли — ведь сегодня он и был простолюдином. Что ему еще оставалось?

— Эй, вы, там! — позвал один из всадников, поворачивая коня к Моргану и другим паломникам и указывая кнутовищем на экипаж.— Идите сюда и помогите-ка вытащить карету ее милости!

Значит, в карете леди. Теперь понятно, почему кучер не обругал своих подопечных.

С почтительным поклоном Морган поспешил к карете и, упершись плечом в заднее колесо, нажал изо всех сил. Карета не шевельнулась. Другой путник уперся в колесо впереди Моргана и попытался толкнуть экипаж, в то время как остальные налегали с другой стороны.

— Когда я скажу,— крикнул кучеру всадник,— поддай лошадям кнута, а вы, мужики, толкайте. Ну, готовы?

Кучер кивнул и поднял кнут; Морган набрал полную грудь воздуха.

— Ну, поехали!

Морган и его сотоварищи налегли изо всех сил. Лошади рванулись — колеса дрогнули, и экипаж начал медленно выбираться из рытвины. Дав карете продвинуться на несколько футов вперед, кучер натянул вожжи. Всадник, возглавляющий эскорт, подъехал к Моргану и остальным паломникам.

— Ее милость благодарит всех вас,— произнес он, отдавая кнутом приветственный салют.

Морган и остальные путники поклонились.

— Ее милость сама хочет поблагодарить вас,— раздался из кареты нежный, мелодичный голос.

Морган увидел голубые глаза на бледном, утомленном лице несравненной красоты. Лицо это было окружено облаком великолепных золотисто-рыжих волос, ниспадающих на плечи как два языка пламени и оплетающих голову витой короной. Маленький носик был слегка вздернут, а округлые благородные губы были такого оттенка, что сравнить их по праву можно было лишь с розой.

Эти неправдоподобно голубые глаза некоторое время смотрели на него — достаточно долго, чтобы ее образ навсегда запечатлелся в его сознании. И только спустя несколько мгновений Морган пришел в себя настолько, чтобы отступить на шаг и отдать неуклюжий поклон. Вспомнив вдруг, что сейчас он не учтивый и блестящий лорд Аларик Морган, он вовремя изменил фразу, которую собирался произнести.

— Для Алана-охотника счастье служить вам, моя госпожа,— пробормотал он, пытаясь не встречаться с ней взглядом.

Глава эскорта кашлянул, подъехал и легко, но твердо коснулся концом кнутовища плеча Моргана.

— Довольно, охотник,— сказал он тоном человека, имеющего власть и не желающего ее утратить,— ее милость торопится.

— Конечно, добрый господин,— пробормотал Морган, пятясь от кареты, не в силах оторвать взгляда от леди.— Счастливого пути, моя госпожа!

Леди кивнула и стала снова задергивать занавески, как вдруг из окна высунулась маленькая взъерошенная рыжая головка и широко распахнутые глазенки уставились на Моргана. Леди покачала головой и что-то шепнула ребенку на ухо, затем улыбнулась Моргану, и они исчезли из виду. Морган тоже улыбнулся, но карета тронулась с места и двинулась дальше по дороге. Дункан вышел из часовни со значком Торина, приколотым к его охотничьей шапочке, и снова опоясал себя мечом. Со вздохом Морган вернулся к лошадям и избавился от меча, а потом решительным шагом двинулся через двор ко входу в усыпальницу.

Переступив порог, он оглядел резную ажурную решетку, прикрывающую все стены, прислушался к гулкому эху, сопровождавшему каждый его шаг по паркетному полу. На другом конце комнаты он увидел тяжелые резные двойные двери, ведущие в саму гробницу. Почувствовав справа, за перегородкой, чье-то присутствие, Морган посмотрел туда и поклонился.

Там был монах, который обычно находился в часовне,— и для того, чтобы исповедовать кающихся, желающих облегчить душу, и для того, чтобы наблюдать за порядком — в гробницу должен был входить только один паломник.

— Да благословит вас Бог, отец мой,— произнес Морган как можно более набожно.

— И тебя так же, и тебя,— ответил монах суровым шепотом.

Морган кивнул в знак признательности за благословение и двинулся к двойной двери. Уже положив руку на дверную ручку, он услышал, как монах зашевелился в своем деревянном закутке, и у него мелькнула мысль, что, возможно, что-то в нем привлекает внимание. Он оглянулся, надеясь, что не возбудил в монахе излишнего интереса к себе, тот в это время закашлялся.

— Не желаешь ли ты исповедоваться, сын мой,— проскрежетал в тишине его голос.

Морган покачал головой и опять шагнул к двери, но остановился и обернулся, задумчиво и настороженно глядя в сторону перегородки. О чем-то он, наверное, забыл. Легкая улыбка тронула уголки его губ, он полез к себе за пояс и вытащил оттуда небольшую золотую монетку.

— Благодарю тебя, мой добрый брат,— сказал он, сгоняя улыбку.— Но возьми вот это за твою заботу.

Двигаясь неуклюже от смущения и неловкости, он прошел к решетке и опустил золотой в узкую щель. Уже отойдя, он услышал, как монета с тихим звоном провалилась в желоб, и следом — плохо скрываемый вздох облегчения.

— Иди с миром, сын мой,— уже в дверях усыпальницы услышал он бормотание монаха.— Да обрящешь ты то, что ищешь.

Морган вошел, закрыл за собой дверь и подождал, пока его глаза привыкнут к еще более тусклому освещению. Гробница святого Торина не представляла собой ничего особенного, Морган бывал в более внушительных и роскошных усыпальницах, построенных для более известных и почитаемых святых. Но здесь витала какая-то особая прелесть, покорившая Моргана.

Прежде всего, часовня вся была построена из дерева. Деревянными были стены и потолок, алтарная плита была выдолблена из гигантского дуба. Даже пол покрывали тонкие деревянные пластины разных оттенков, выложенные в строгом порядке, образующие крестообразный узор. Стены из необработанного дерева были украшены грубо вытесанными распятиями в человеческий рост. Высокий сводчатый потолок поддерживался такими же грубо обтесанными крестообразными балками.

Особенно же привлекла внимание Моргана алтарная часть часовни. Кто бы ни возвел эту стену позади алтаря, это, несомненно, был настоящий мастер, знавший все породы дерева, которые только могла дать его земля, и как их правильно расположить, и как соединить между собой. Мозаичные струи стекали с обеих

сторон и позади распятия, словно навечно застывшие воды, символизируя ожидание вечной жизни. Статуя святого Торина, стоящая слева, была вырезана из цельной сучковатой ветви гигантского дуба. А распятие перед алтарем, напротив, было строгим и официальным — светлая фигура на темном дереве, руки, простертые по сторонам в виде буквы Т, запрокинутая голова, взгляд, направленный к небесам. Царь царей, а не страдающий на кресте человек.

Морган подумал, что ему не нравится это холодное изображение Бога. В нем не было человечности, и оно почти уничтожало то тепло, которое источали живые стены часовни. Даже голубоватое сияние неугасимых лампад и золотые огоньки свечей, поставленных паломниками, едва скрашивали холодное спокойствие, исходившее от Царя Небесного.

Морган смущенно окунул пальцы в сосуд со святой водой и перекрестился, пройдя по узкому нефу. Первое ощущение безмятежности, прошедшее после того, как он более внимательно осмотрел часовню, было теперь окончательно вытеснено чувством опасности. Ему явно не хватало клинка на боку и хотелось поскорее уйти из этого места.

Он задержался у столика в центре нефа, чтобы зажечь тонкую свечку, которую полагалось перенести в центр часовни и оставить у алтаря. Пока загорался фитиль, в его памяти вспыхнуло на мгновение другое пламя — пламя, которым горели на солнце волосы той женщины в карете. Свеча разгорелась, Морган почувствовал капли горячего воска на пальцах и направился к алтарю.

Алтарные врата были закрыты, и Морган, опустившись на одно колено, поклонился, коснувшись замка, висящего на входе в алтарь. Свечи, поставленные другими паломниками, мерцали на полочках позади алтарной ограды, перед образом святого. Морган стал подниматься, и в тот же миг замок со щелчком открылся. Он отдернул руку, почувствовав, что уколол тыльную сторону ладони обо что-то острое. На коже выступила капля крови. Он машинально поднес пораненную руку ко рту и, уже отходя от ограды, подумал, что там не должно быть ничего острого. Морган вернулся, все еще облизывая ранку, наклонился к замку, чтобы рассмотреть его внимательнее, как вдруг комната завертелась у него перед глазами. Не имея сил выпрямиться, он почувствовал, что его затягивает бешено кружащийся вихрь, смешавший все краски вокруг в одну.

«Мераша!» — пронзило его сознание.

Она, должно быть, была на замке ограды и, когда он поранил руку, попала ему в кровь. Хуже того, это было не просто помутнение разума от мераши, обычно поражающее Дерини,— его сознание столкнулось с чем-то другим, с какой-то нарастающей могущественной силой, затягивающей его в забвение.

Он упал на четвереньки, пытаясь еще противостоять ей и с ужасом осознавая, что уже поздно, что нападение было слишком неожиданным, а отрава слишком сильной.

Потом чья-то огромная рука потянулась к нему, заполняя собой всю комнату, заслоняя плывущий, дрожащий свет, клубящийся вокруг него.

Он хотел позвать Дункана, но боль уже поглотила его разум. В последний раз он попытался стряхнуть с себя эту зловещую, одолевающую его силу, но все было бесполезно. Казалось, его крики могут расколоть небесный свод, но незамутненной частью своего сознания он понимал, что и голос его поглощается этой силой.

Он чувствовал, как падает и беззвучно кричит, цепенея и проваливаясь в пустоту.

Потом настала тьма.

И забвение.

Глава XIII

*«СПУСКАЯСЬ В ЧЕРТОГИ СМЕРТИ...»**

С тех пор как Морган четверть часа назад вошел в гробницу святого Торина, небо заметно потемнело. Во дворе не было никого, кроме Дункана. Сырой, гнетущий ветер шевелил его каштановые волосы и выдувал длинные пряди из хвоста вьючного пони прямо ему в лицо, пока он пытался оторвать от земли левую заднюю ногу животного. Наконец пони поднял ногу, и священник смог счистить грязь с его копыт кинжалом. Где-то за горизонтом прогремел гром, возвещая приближение новой грозы, и Дункан, не отрываясь от своего занятия, нетерпеливо посмотрел на часовню.

* Притчи 7:27.

Что Аларик делает там так долго? Он вошел уже давно. Может быть, что-нибудь случилось?

Он отпустил ногу пони и спрятал кинжал в ножны. Это не похоже на Аларика — так долго копаться. Конечно, нельзя назвать его кузена безбожником, но проводить столько времени в никому не известной усыпальнице, когда гвиннедская курия собралась в полном составе, чтобы осудить их?

Дункан нахмурился и наклонился над мешком, навьюченным на пони, поглядывая поверх крупа животного на вход в часовню. Сняв кожаную шапочку, он вертел ее и теребил приколотый к ней знак Торина. Наверное, что-то не так. Что-то его там задержало.

Решительным жестом водворив шапку на место, Дункан пошел через двор. Потом он вернулся, решив отвязать коней на случай, если придется спасаться бегством, и снова направился к гробнице. Когда он вошел, за перегородкой послышалась какая-то возня, и тотчас раздался скрипучий голос монаха:

— Сюда нельзя входить с оружием. Ты это знаешь. Это священная земля.

Дункан нахмурился. Он вовсе не собирался нарушать местных обычаев, но и не решился бы остаться без оружия при теперешних обстоятельствах. Если Аларик в опасности, придется сражаться за двоих. Левая рука Дункана невольно потянулась к рукоятке меча.

— Я ищу того человека, который вошел сюда сразу после меня. Вы его не видели?

— Никто сюда не заходил с тех пор, как ты совершил поклонение,— последовал надменный ответ.— Ну что, ты сам расстанешься со своим оружием или мне позвать на помощь?

Дункан настороженно взглянул на перегородку. Все это казалось ему весьма подозрительным. Он осторожно спросил:

— Так вы уверяете меня, что не видели вошедшего сюда человека в коричневой шапочке и кожаном охотничьем костюме?

— Я же сказал тебе, здесь никого не было. А теперь уходи.

Дункан твердо сжал губы.

— А вы не думаете, что я и сам могу посмотреть? — холодно спросил он, приближаясь к двойным дверям и распахивая их.

Шагнув в усыпальницу и захлопнув за собой двери, он услышал возмущенный крик монаха, но ему было уже не до того. Особое, свойственное всем Дерини чутье сразу привело Дункана

в середину нефа. Как и сказал монах, в маленькой часовне никого не было — сейчас, во всяком случае. Но куда же делся Аларик, если здесь всего один вход?

Приблизившись к ограде алтаря, Дункан внимательно осмотрелся, пытаясь понять, что здесь изменилось с момента его посещения. Ни одной свечи не прибавилось на полочке у алтаря, но одна, сломанная и раздавленная, лежала на полу возле ограды — ее он прежде не видел. А дверца — была ли закрыта дверца, когда он здесь был?

Конечно нет.

Тогда почему Аларик закрыл ее?

Точнее, Аларик ли ее закрыл? И если да, то зачем?

Он оглянулся и увидел, что двери слегка приоткрылись и в проеме мелькнула щуплая фигура в коричневой рясе.

Ах вот как, монашек за ним шпионит! С минуты на минуту он вернется с подмогой.

Дункан снова повернулся к алтарю и склонился над оградой, осматривая замок. Вдруг его взгляд остановился на каком-то предмете, лежащем за оградой, которого раньше здесь не было. Он похолодел.

Там, на полу, лежала смятая поношенная коричневая шапочка с ремешком, который крепился под подбородком.

Шапочка Аларика?

Ужасное подозрение шевельнулось в глубине его сознания. Дункан протянул руку за шапочкой и зацепился за что-то рукавом. Осторожно осмотрев замок, он обнаружил вдруг острый металлический шип. Высвободив рукав, Дункан наклонился еще ниже. Какое счастье, что он не дотронулся до замка.

Мераша!

Дункан содрогнулся от ужаса, отпрянув в холодном поту, и с трудом удержался от желания бежать отсюда без оглядки. Припав на одно колено, он оперся об ограду, восстанавливая дыхание и успокаиваясь.

Мераша. Теперь все понятно — закрытая комната, шапочка, замок...

Он словно увидел все, что здесь произошло. Вот Аларик приближается с зажженной свечой к ограде алтаря, так же как он сам перед этим. Вот наклоняется в поисках потайного замка. Он, конечно, настороже и готов к опасностям, которые, возможно, таит это место, но даже не подозревает об угрозе, заключенной в

безобидном на вид замке. Вот выступающая из него колючка пронзает не рукав, а живую плоть, посылая замутняющее разум зелье в тело ничего не подозревающего человека.

Кто-то, затаившийся в засаде, выждал, пока отрава ослабит лорда Дерини, а затем его, беспомощного, куда-то уволокли. И что уж там дальше — неизвестно.

Дункан тяжело вздохнул и огляделся, вдруг осознав, как он сам был близок к тому, чтобы тем же путем последовать за своим родственником. Надо было торопиться. Рассерженный монашек вот-вот вернется, и не один. Но прежде чем покинуть это место, нужно найти хоть что-то, какую-то самую ничтожную нить, за которую можно было бы уцепиться, чтобы найти Моргана. Он ума не мог приложить, где Аларика искать. Каким же образом его вынесли отсюда?

Вытерев рукавом мокрый лоб, Дункан наклонился и вытащил кожаную шапочку между прутьями ограды. Немного подумав, он сосредоточился и вдруг почувствовал обволакивающую его боль, путаницу в мыслях; тьма подступала к нему со всех сторон. Судорожно прижимая к груди шапочку, он уловил отзвуки тех страданий, что испытывал его кузен, когда ее сорвали с его головы.

И вот он уже где-то в другом месте и мельком видит безликие тени таких же путников, как и все на этой дороге. Он чувствовал, что это солдаты, что они приближаются к нему с какой-то целью, но с какой — распознать не мог. Еще он уловил какую-то зловещую черноту, исходившую от маленького монашка за перегородкой. Разум его наполнился ненавистью к тем, кто готовил ему преждевременную гибель.

Узнал Дункан и кое-что еще: монашек видел, как Аларик вошел, но не только не видел, а и не ожидал увидеть, как он покинет часовню.

Дункан вышел из транса и дрожа, в тоске привалился к ограде алтаря. Ему надо уходить отсюда. Монах, который, очевидно, принял участие во всем, что произошло, мог с минуты на минуту привести солдат, и, если Дункан хочет помочь Моргану, он не может позволить себе угодить в плен.

Дункан со вздохом поднял голову и в последний раз окинул взором алтарь. Да, ему надо бежать, и как можно скорее.

Но где же Аларик?

Он лежал на животе, его правая щека покоилась на твердой холодной поверхности, покрытой чем-то шероховатым и затхлым. Первым его чувством, когда он очнулся, было чувство боли — пульсирующей, начинающейся где-то у кончиков пальцев ног и кончающейся в затылке.

Глаза его были закрыты, и у него еще не было сил их открыть, но сознание постепенно возвращалось. Раскаленные иглы пронизывали голову снова и снова, с каждым ударом сердца, не давая никакой возможности сосредоточиться.

Он крепко зажмурился и попытался отогнать боль, стараясь сосредоточить внимание на том, чтобы пошевелить хоть какой-нибудь частью истерзанного болью тела. Он смог наконец шевельнуть пальцами левой руки и почувствовал под ними солому.

Его куда-то унесли из часовни?

Задав себе этот вопрос, он ощутил, как боль сконцентрировалась где-то за глазными яблоками, и рискнул открыть глаза. Это ему, как ни странно, удалось, хотя первые мгновения он ничего не видел.

Потом он увидел на полу, покрытом соломой, всего в нескольких дюймах от носа свою собственную левую руку и понял, что не ослеп, а просто в помещении, где он находится, темно, да еще пола плаща упала ему на лицо, мешая осмотреться. Когда замутненное сознание уяснило этот факт, он уже был в состоянии направить свой взгляд дальше, поверх руки. Он вглядывался во тьму, не двигаясь, и уже начал различать свет и тени, хотя последние преобладали.

Он лежал в каком-то странном зале, отделанном деревом. Лежа он мог увидеть немногое, но все же разглядел высокие, глубокие ниши в стене, освещенные тусклым светом факелов, зажатых в черных железных скобах. В глубине каждой ниши он смутно различил высокие неподвижные фигуры, неясно и угрожающе поблескивающие во мраке; каждая была вооружена копьем и держала овальный щит с каким-то темным геральдическим рисунком. Он прищурился, пытаясь разглядеть их, и понял: это — статуи.

Где он?

Морган попытался встать, но сделал это более резко, чем следовало бы, и это немедленно сказалось. Тогда он попробовал, опираясь на локти, оторвать голову от пола и приподнять ее на несколько дюймов, но к горлу снова подступила тошнота и голова закружилась еще сильнее. Он обхватил голову руками, стараясь остановить этот круговорот, и наконец, разорвав пелену, затянувшую сознание, понял, что же его мучает — это было головокружение, вызванное действием мераши.

Память вдруг вернулась к нему. Мераша. Она была на дверце в часовне. Он попал впросак, как ленивый ученик.

Вяжущий привкус на онемевшем языке говорил о том, что зелье, помутившее рассудок, все еще действует на него, а при сложившихся обстоятельствах это означало, что он не может освободиться с помощью своего могущества.

Теперь, зная источник своих страданий, он знал, как можно наконец обуздать боль, сбросить оцепенение и хоть немного остановить головокружение. Он осторожно приподнял голову на несколько дюймов и справа от себя увидел складки серого шерстяного плаща, а дюймов в шести от лица — неподвижный серый сапог. Он быстро перевел взгляд в другую сторону — много сапог, длинных плащей, полы которых касались грязной соломы, острия обнаженных мечей. Морган понял, что находится в опасности и должен подняться на ноги.

Любое движение сведенных судорогой конечностей было пыткой, но он заставил свое тело повиноваться. Сначала он приподнялся на локтях, потом встал на четвереньки.

Поднимаясь, он сосредоточился на сапоге, стоящем у него перед глазами, но потом перевел взгляд выше, понимая, что этот сапог вряд ли окажется пустым.

Медленно поднимая голову, он сначала увидел ноги человека, стоящего рядом, затем — серую кожаную куртку и эмблему с соколом во всю грудь. А когда он дошел до уставившихся на него колючих черных глаз, то совсем упал духом, поняв, что он, несомненно, пропал.

Человек в куртке, украшенной соколом, мог быть только Варином де Греем.

Дункан уже повернулся было на каблуках, чтобы покинуть часовню, но помедлил, решив еще раз внимательно осмотреть алтарь.

Во всем этом было что-то необъяснимое, он упустил какую-то деталь, деталь, от которой, может быть, зависит жизнь Алариса. Вот эта свечка — он ведь видел ее, когда заходил сюда в первый раз. Где он ее видел?

Наклонившись, чтобы еще раз взглянуть за ограду алтаря, он заметил свечку, лежащую на ступенях слева от коврика в центре. Он уже протянул руку к замку, да так и застыл в той позе, в которой его настигло чувство исходящей отсюда опасности; выпрямившись, Дункан перекинул ногу через ограду и попросту перелез туда. Беспокойно оглянувшись на входную дверь, он опустился на колени рядом со свечкой и, рассмотрев ее, дотронулся до нее вытянутым указательным пальцем.

Как он и подозревал, свечка была еще теплая, оплавленный воск не затвердел. Дункан опять почувствовал, как Аларик судорожно цеплялся за нее, опять уловил слабый отзвук той боли, того страха, которые Морган испытывал в эти мгновения.

Проклятье! Дункан чувствовал, что то, что он ищет, где-то рядом. Аларик был именно здесь. Дверца была приоткрыта, и свеча лежала слишком близко к алтарю, она не могла просто укатиться сюда. Но куда же Аларик делся потом?

Тщательно изучив пол вокруг свечи, Дункан приметил капли воска на некрашеном дереве. Тонкая линия еле заметных желтых капелек вела от свечи к ковру, окружающему алтарь. У кромки ковра капли были раздавлены и растерты по полу, как будто кто-то наступил на еще не застывший воск. А поперек одной из капель, самой большой, проходила чуть заметная линия, как будто...

Дункан вытаращил глаза, пораженный пришедшей вдруг мыслью, и наклонился еще ниже. Может быть, эта трещина, разрывающая линии рисунка деревянных плит пола, проходит вдоль кромки ковра вокруг всего алтаря?

Он на четвереньках перебрался на другую сторону, бросив при этом виноватый взгляд на алтарь, чувствуя неловкость за свое по меньшей мере странное поведение, и начал осматривать пол там.

Нашел! Едва различимая тонкая линия шла параллельно краю ковра от входа до самого конца, так же как и на противоположной стороне алтаря. Казалось, что кромка ковра служит ее продолжением.

Под ковром потайной ход?

Дункан снова отполз на другую сторону и еще раз обследовал трещину там, где заметил на ней каплю воска. Слой воска был тоньше по одну сторону щели, как будто плита была приподнята, когда упала эта капля.

Не смея поверить себе, Дункан закрыл глаза и попытался мысленно увидеть, что таится под ковром, а может, и узнать, что же

там происходит сейчас. Он ощутил пустое пространство; там, внизу, находился винтовой спуск, узкие и скользкие ходы которого были покрыты полированным деревом, и человек мог скользить по ним бог знает куда, тем более находясь в бессознательном состоянии. А вот и механизм, открывающий этот потайной ход,— слева от ковра одна плита пола чуть-чуть выделялась среди других, однако Дункан чувствовал, что дело не только в ней.

Поднявшись на ноги, он смотрел то на ковер, то на эту плиту. Опробовать устройство нетрудно: стоит только надавить на эту плиту с вытисненным узором — и все. Но приведет ли этот ход к Аларику? И если да, то застанет ли он кузена в живых? Вряд ли хозяева этого хода не поджидали его в конце пути, куда бы он ни вел. И если Аларику досталась большая порция мераши — а в этом сомневаться не приходилось,— то он не придет в себя еще несколько часов. С другой стороны, если Дункан спустится туда, вооруженный мечом и, что едва ли не важнее, всем своим магическим искусством, еще есть возможность спасти Моргана.

Дункан вновь оглядел алтарь и задумался. Действовать надо очень осторожно. Он не собирался бросаться в неизвестность с обнаженным мечом в руках, головой пробивая себе дорогу. Нужно все обдумать. Он не знает ни протяженности спуска, ни его поворотов, ни того, чем заканчивается этот путь. Малейшая неосторожность — и можно наткнуться на свое же оружие.

Он задумчиво сжал рукоятку меча, затем поднял его вверх, не извлекая из ножен. Да, пожалуй, так — прикрыв острие, но держа клинок наготове, он и доберется до того места, куда стремится. А потом быстрый рывок...

Он услышал звуки, доносящиеся из прихожей, и понял, что должен действовать решительно, если хочет избежать встречи с разъяренным монашком. Крепко сжав рукоятку меча, он нажал на плиту с узором и ничком повалился на середину ковра, почувствовав, как пол под ним раздвигается. Он в последний раз взглянул на тяжелые входные двери, которые с треском распахнулись, впуская монашка, не казавшегося в эту минуту таким уж маленьким. Он появился в сопровождении четырех вооруженных и закованных в броню солдат.

Через мгновение Дункан, сжимая меч, уже низвергался во тьму, в неизвестность, все быстрее и быстрее.

Чьи-то сильные руки грубо подняли Моргана на ноги и лишили его возможности двигаться. Ему заломили руки и накинули на шею колодку. Он начал сопротивляться, большей частью для того, чтобы выяснить, как сильны те, кто его держит, а не надеясь вырваться. Но несколько резких ударов по почкам и в пах снова свалили его на колени, усилив мучительную боль во всем теле. Тьма опять поплыла у него перед глазами. Горло при падении сильно сдавило, и у Моргана перехватило дыхание.

Сдерживая стон, он закрыл глаза, отгоняя боль и заставляя себя расслабиться в «объятиях» своих стражей, когда они снова рывком поставили его на ноги. Он отчетливо понимал, что ему, опоенному зельем, не справиться с ними, и пока действие мераши не прекратится, нечего рассчитывать на свое могущество. А что до ясности мысли — ха! — разум вообще отказывался повиноваться ему.

Интересно, сможет ли он выпутаться из этого положения?

Морган открыл глаза, решив осмотреться и спокойно оценить ситуацию, насколько он способен был сделать это сейчас.

В комнате было около десятка вооруженных мужчин — четверо держали пленника, остальные полукругом стояли перед ним, держа наготове обнаженные мечи. За их спинами виднелся яркий свет — возможно, там был выход на улицу. Свет играл на клинках и шлемах стоящих перед ним людей. Двое из них держали, высоко подняв, факелы, в желто-красном свете которых все они выглядели особенно таинственно. Среди них был еще какой-то человек в рясе священника, показавшийся Моргану знакомым. Во время короткой схватки никто не произнес ни слова, а лицо Варина, обращенное к пленнику, оставалось бесстрастным.

— А вот и Морган,— спокойно сказал он без всякого выражения на лице.— Еретик Дерини наконец-то попался.

Сложив руки на груди, украшенной гербом в виде сокола, Варин медленно расхаживал вокруг своего узника, рассматривая его с головы до пят. Под его ногами шуршала солома. На шее Моргана лежала чужая рука, и он не мог повернуть голову, чтобы тоже рассмотреть Варина со всех сторон. Впрочем, он и сам при случае не предоставил бы вождю мятежников такой возможности. Кроме того, внимание Моргана привлекло лицо стоящего впереди клирика; присутствие этого человека очень настораживало его.

Имя этого священника, если только Морган не ошибся,— Лоуренс Горони, и он служит архиепископу Лорису. Если это действительно так, то Морган попал в переделку худшую, чем он мог предположить, ведь это значит, что архиепископы как-то сговорились с Варином и готовы ему помочь.

Похоже, дело его плохо. Присутствие здесь именно Горони, а не кого-нибудь из епископов рангом повыше, скорее всего, говорит о том, что архиепископы умывают руки, отдавая Моргана на расправу Варину.

А Варин его просто убьет, ничего другого ему и в голову не придет. Ведь он считает, что его миссия — уничтожить Дерини, хотя бы они тысячу раз покаялись. И уж конечно, он не позволит Моргану, по его мнению — самому главному Дерини, архи-Дерини, уйти от обязательной для всех них судьбы!

Морган сдержал дрожь (и мысленно поблагодарил судьбу за то, что может сделать это), затем посмотрел вновь на Варина, вернувшегося на прежнее место.

Глаза мятежника холодно блестели, когда он обратился к пленному врагу:

— Я не собираюсь тянуть время, Дерини. Хочешь ты сказать что-нибудь, прежде чем я вынесу приговор?

— «Вынесу приговор...»

Моргана охватил ужас, когда он понял, что произнес эти слова вслух. Он попытался скрыть страх и отчаяние, но лишь отчасти преуспел в этом. Хадасса! Уж не дали ли ему мераши, развязывающей язык? Тогда он должен тянуть время.

Тянуть время, пока действие отравы не пройдет.

И даже думая об этом, он понимал, что сейчас не вполне владеет своими мыслями и поэтому рискует потерять последнюю надежду как-то выжить. Он подумал о том, где сейчас Дункан — совсем недавно он был рядом,— но Морган даже не мог сказать с уверенностью, когда было это «совсем недавно», не зная, как долго он был без сознания. Наверное, Дункана уже нет в обители Святого Торина, и он не может рассчитывать, что кузен спасет его. Одна надежда — как-то исхитриться, протянуть время, пока не вернутся силы.

— Так ты хочешь что-то сказать, Дерини? — повторил Варин, всматриваясь в лицо Моргана и начиная понимать, что на нем действительно лежит печать высшей силы.

Морган криво улыбнулся и попытался кивнуть, но чужая рука на его шее держала крепко, и он почувствовал, как металлическое кольцо врезается в кожу.

— Вы застали меня врасплох, сэр,— сказал он, качнув головой.— Вы меня знаете, но я не знаю вас. Не представитесь ли?

— Я твой судья, Дерини,— кратко ответил Варин, обрывая Моргана на полуслове и изучая его с нарочито холодным видом.— Господь велел мне очистить землю от вашей породы. И твоя смерть положит начало исполнению этой моей миссии.

— А, теперь я знаю, кто ты,— сказал Морган. Его голос звучал твердо, хотя колени дрожали от напряжения. Он старался говорить беспечным тоном, и теперь уже это получалось лучше.— Ты тот парень по имени Варин, который разъезжает по северным поместьям и поджигает амбары. Насколько я знаю, людей ты тоже сжег достаточно. Как только это сочетается с твоим благостным обликом?

— Кое-кто должен умереть,— холодно, не принимая вызова, ответил Варин.— Ты — непременно. Хотя одну вещь я могу тебе пообещать: ты сможешь покаяться в грехах и принять причастие перед смертью. Правда, я считаю, что для таких, как ты, это только проволочка времени. Но архиепископ Лорис думает по-другому. Если пожелаешь, монсеньор Горони примет твою исповедь и попытается спасти твою душу.

Морган посмотрел на Горони и нахмурился; в его голове созрел план.

— Боюсь, что ты погорячился, мой друг,— задумчиво сказал он.— Если бы ты потрудился расспросить кое-кого, прежде чем нападать на меня, ты бы узнал, что я еду в Дхассу, дабы предстать перед судом архиепископов. Я принял решение отказаться от своих сил и понести покаяние.

Черные глаза Варина недоверчиво сузились.

— С трудом в это верится. Судя по всему, что я слышал, великий Морган никогда не откажется от своего могущества и уж тем более не покается.

Морган пожал плечами и приободрился, чувствуя, что охранник несколько ослабил зажим.

— Я в твоей власти, Варин,— произнес он, сейчас он говорил правду, чтобы поверили лжи, которую он сказал перед этим и скажет еще, если будет необходимо.— Любой, сведущий в чарах Дерини, подтвердит это. Я совершенно беспомощен под действием мераши. Не только сверхъестественных сил — сейчас у меня нет даже обычных физических, движения и те затруднены. Подумай сам, могу ли я в таком состоянии лгать тебе?

Это было ложью, ибо Морган уже убедился, что спокойно может лгать, находясь под воздействием мераши. Только вот поверит ли ему Варин...

Варин нахмурился и примял ногой солому, потом покачал головой:

— Не понимаю, что ты хочешь выгадать, Морган. Ничто не спасет твоей жизни. Тебя ждет костер, и очень скоро. Зачем ты продолжаешь лицемерить даже на пороге смерти?

«Костер,— подумал Морган, и лицо его посерело.— Неужели меня сожгут как еретика, даже не дав ничего сказать в свою защиту?»

— Я повторяю, что ехал на суд архиепископа,— сказал Морган, повышая голос.— Почему ты хочешь помешать этому?

— Такой возможности у тебя больше нет,— равнодушно сказал Варин.— У тебя было время изменить свою жизнь, ты им не воспользовался. Твоя жизнь кончилась. Если хочешь спасти свою душу, а ее, уверяю тебя, ждут ужасные муки, попытайся сделать это сейчас, пока мое терпение не истощилось. Монсеньор Горони, если пожелаешь, выслушает твою исповедь.

Морган повернулся к Горони.

— Вы даете на это свое благословение, монсеньор? Вы будете участвовать в казни без суда?

— У меня нет никаких приказов, кроме одного — облегчить вашу душу, Морган. В остальном вы подвластны Варину.

— Я никому не подвластен, поп! — крикнул Морган, и его глаза гневно вспыхнули.— И я не верю, что архиепископ мог одобрить это беззаконие!

— Закон — не про вашу честь! — ответил Горони. Его лицо, потемневшее от злобы, было освещено светом факелов.— Так будете или нет исповедоваться?

Морган прикусил губу и заставил себя сдержать гнев. Спорить не о чем, это ясно. Варин и священник ослеплены ненавистью к тем, кого они не понимают. Что бы он ни сказал, что бы ни сделал, никакой пользы не будет — только, может быть, ускорит развязку, если действовать неосторожно. Он должен тянуть время!

Морган опустил глаза, изображая искреннее раскаяние. Может, еще удастся оттянуть казнь? К тридцати годам он совершил столько такого, в чем можно покаяться... А если грехи кончатся, он что-нибудь придумает.

— Прошу прощения,— сказал он, опустив голову.— Я бывал неблагоразумен, и, увы, слишком часто. Могу я исповедоваться наедине или должен говорить перед всеми вами?

Варин хмыкнул.

— Ты, конечно, пошутил. Сэр Горони, вы готовы выслушать исповедь этого человека?

Горони вынул из кармана плаща узкую пурпурную епитрахиль и, коснувшись ее губами, облачился в нее.

— Желаешь ли ты исповедоваться, сын мой? — пробормотал он сухим тоном, отводя взгляд и двигаясь к Моргану.

Морган вздохнул и кивнул; его охранник опустился на колени, увлекая Моргана за собой. Зажим на горле ослабел, и Морган снова вздохнул с облегчением и склонил голову. Он попытался сжать левую ладонь в кулак, чтобы выяснить, владеет ли своим телом, как прежде, и внезапно нащупал холодную сталь у запястья; это был стилет, не обнаруженный обыскавшими его людьми. Как это их угораздило! «Ну и дурни!» — с восторгом подумал он; теперь он готов был говорить что угодно, теперь он не беззащитен. Может быть, раз уж так все сложилось, он еще уведет с собой на тот свет несколько этих фанатиков. Все равно спастись-то ему никак не удастся.

— Прости меня, отец мой, ибо я виновен,— прошептал он, глядя на стоящего перед ним Горони.— Вот мои грехи.

Не успел Морган набрать грудью воздуха, чтобы начать перечисление своих грехов, как вдруг вверху что-то загрохотало и раздался треск. Все в изумлении закинули головы: в потолке зияла дыра, а тело, что с таким грохотом проломило ее, упало на солому в двух шагах от Моргана. Разглядев, что на человеке кожаный охотничий костюм, Морган приободрился.

Это был Дункан!

Вскочив на ноги, священник выхватил из ножен меч и мгновенно нанес удар по незащищенному колену одного из стражников, стерегших Моргана. Человек этот отскочил, волоча ногу. Одновременно Морган резко повернулся влево и, падая, увлек за собой на пол еще двух стражников. Последний из тех, что охраняли Моргана, поначалу слегка растерялся, а спохватившись, стал

доставать меч из ножен, но не успел им воспользоваться — Дункан сразил его. А потом в комнате все смешалось: люди Варина наконец сообразили, что к чему, и бросились на Моргана и Дункана.

Дункан бился с удовольствием; меч и кинжал сверкали в его руках, словно оружие было их продолжением. Морган, сцепившийся на полу с двумя стражниками, свалил одного из них сильным ударом, когда тот попытался подняться. Корчась от боли, тот повалился на второго стражника, а тем временем Морган выхватил свой стилет и заколол его. Затем он с криком бросился на другого атакующего, нависшего над ним с обнаженным кинжалом.

Пытаясь выбить у него клинок, Морган видел, как Дункан, еле удерживаясь на ногах, сражается один с полудюжиной воинов, и понял, что у них мало надежды справиться с таким количеством врагов.

И вдруг весь этот хаос прорезал осипший голос отца Горони:

— Убейте их! Черт вас подери, убейте же вы их обоих!

Глава XIV

*«В ЧЕМ НАИВЫСШАЯ МУДРОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ? ОБЛАДАЯ СИЛОЙ — НЕ ВРЕДИТЬ ДРУГИМ»**

Дункан атаковал и защищался, уворачивался и наносил внезапные удары, не подпуская к себе нападающих. Отражая удар длинным кинжалом в левой руке, он в то же время ударом ноги выбил меч у другого воина. Но место одного обезоруженного заняли еще четыре человека, и он едва успевал отражать удары. Он попытался пронзить мечом воина справа, но клинок застрял в кольчуге, и пока он освобождал его, над ним навис меч другого противника.

Уворачиваясь от удара, Дункан поскользнулся в лужице крови, и это его спасло — клинок прошел как раз там, где только что была его голова. Удержавшись на ногах, он выпрямился коротким толчком и, взмахнув мечом, чуть не вспорол брюхо одному из нападавших, потом ударом наотмашь сбил с ног одного чело-

* Св. Тейло.

века с факелом и поразил клинком другого. Фонтан крови брызнул из раны на Дункана и атакующих его людей, а факел выпал из мертвых рук.

Дункан попытался погасить пламя, но это было невозможно — его отовсюду атаковали. Отступая, он чуть не налетел на Моргана, боровшегося на полу с последним охранником; человек Варина одолевал ослабленного зельем Аларика.

И снова Дункан увернулся, подставив нападающего воина под меч его же товарища, а своим клинком в это время прикончил противника Моргана. В это мгновение его схватили за руку, и кто-то еще попытался обхватить его за горло и оттащить назад. Рывком освободив правую руку, Дункан не глядя нанес удар, который пришелся как раз в живот самому Варину; тот упал на пол и скорчился. В то же мгновение Дункан почувствовал, как по его кольчуге скользнул кинжал, и, увернувшись в давке, ударил по ногам второго нападающего. Это был Горони.

Дункан с отвращением ухватил Горони за воротник куртки и выбил из его руки кинжал, а тот так ничего и не успел понять. Чтобы не дать Горони возможности очухаться и вырваться, он швырнул его к своим ногам и, обхватив левой рукой за шею, прижал к полу. Два воина Варина растерянно отступили.

— Стоять! — крикнул Дункан, поднося кинжал к горлу Горони.— Еще шаг, и я убью его.

Они остановились и, ожидая приказа, посмотрели на Варина. Но их вождь все еще не мог отдышаться и, лежа на забрызганной кровью соломе, был не в состоянии отдавать приказы. Человек с раненой ногой подполз к другому, покалеченному более серьезно, и попытался остановить хлещущую из его ран кровь. Кто-то разжег факел, но больше никто в комнате не двигался. Только Морган, схватив за горло мертвого или потерявшего сознание противника, в ожесточении колотил его головой об пол. Увидев это, Дункан направился к нему, волоча за собой упиравшегося пленника.

Уж не сошел ли Морган с ума?

— Аларик! — крикнул он, не отводя взгляда от людей Варина.— Аларик, остановись! Довольно! Идем отсюда!

Морган замер, услышав его. Он с удивлением посмотрел на Дункана, потом на тело, лежащее перед ним, и, совсем уже придя в себя, в ужасе опустил руки.

— О боже мой! — пробормотал он, качая головой, и, опершись на руку Дункана, встал.— Боже, в этом не было нужды. Что я наделал?

— Сейчас не до этого. Нужно скорее уходить отсюда,— сказал Дункан, глядя на загоревшуюся позади людей Варина стену и двигаясь в сторону двери.— А эти милые джентльмены не будут пытаться остановить нас, потому что убить священника — не шутка. А тем более — двух.

— Ты не священник! — прохрипел Горони, вцепившись в руку Дункана и пытаясь ослабить зажим на своем горле.— Ты изменил святой церкви! Когда его преосвященство узнает об этом...

— Да, я уверен, что его преосвященство во всем разберется,— перебил его Дункан, подходя к двери, закрытой тяжелым засовом.— Аларик, можешь ли ты открыть это?

Тяжелая дверь с дубовым засовом была обита железом. Морган отодвинул засов, который сперва двигался туго, но потом пошел легче. Однако когда он налег на саму дверь, она не открылась. Дункан повернулся к двери посмотреть, что там такое, и тут Варин с трудом поднялся на ноги, поддерживаемый двумя вооруженными людьми, и двинулся к ним.

— Все бесполезно,— сказал Варин, тяжело дыша.— Дверь заперта.

— Так открой ее,— сказал Дункан.— Или ему конец.— Он опять поднес нож к горлу Горони, и священник застонал.

Варин остановился в пятнадцати шагах от Дункана и с улыбкой развел руками.

— Я не могу открыть ее. Брат Балморик закрыл нас снаружи. Вас спасает Горони, меня — Балморик. Не думаю, что в конце концов вам удастся уйти.

Он указал на огонь, уже набравший силу, и сердце Дункана замерло. Пламя росло с угрожающей быстротой, охватывая тюки соломы и уже достигнув карниза. Еще немного, и, пожалуй, воспламенится вся часовня, а тогда здесь будет настоящий ад.

— Зови Балморика,— нетерпеливо сказал Дункан, приближая лезвие к горлу Горони.

Варин покачал головой и сложил руки на груди.

— Если мы умрем, вы умрете тоже.— Варин улыбнулся.— Игра стоит свеч.

Дункан посмотрел на Моргана:

— Как ты себя чувствуешь?

— О, великолепно! — воскликнул Морган, все еще пытаясь открыть дверь. Он понимал — нужно было делать хоть что-то, чтобы не потерять рассудка.— Дункан, помнишь, как я однажды открыл другую дверь?

— Не смеши меня. Ты не в состоянии сейчас...

Дункан вдруг прервал фразу на полуслове и опустил глаза, поняв, что имеет в виду Морган. Аларик надеется на то, что он, Дункан, использует свои силы Дерини. А сделать это в присутствии Горони — значит разоблачить себя раз и навсегда. Как говорил ему тот загадочный странник на дороге: «Настанет время сделать выбор». Оно настало.

Дункан посмотрел на кузена и медленно кивнул.

— Можешь подержать нашего друга? — Он указал на Горони.

— Хорошо,— ответил Морган.

Передав Горони Аларику, Дункан отдал ему и длинный кинжал, и свой окровавленный меч. Он тревожно поднял бровь, глядя, как Морган обхватил шею Горони, но, кажется, Морган больше не терял над собой контроля. Дункан видел, что Моргану в его состоянии это трудно, но другого выхода не было. Убедившись, что пленник не уйдет, Дункан направил внимание на замок двери.

Дерево под его пальцами было теплым и гладким; сосредоточившись, он увидел сквозь него механизм замка. Чуть переместив пальцы, он закрыл глаза и сконцентрировал всю свою волю на механизме, чувствуя при этом, как внутри него происходит некая работа. Усилие шло через его пальцы, все увеличиваясь с каждым мигом. А потом в двери что-то щелкнуло, щелкнуло во второй раз, в третий. Оглянувшись на Варина и его людей — все они стояли как зачарованные, не шелохнувшись,— Дункан толкнул дверь, и она открылась.

— О боже мой, он — один из них,— прошептал Горони, побледнев. Он закрыл глаза рукой.— Змея Дерини проползла в самое сердце церкви!

— А ну замолчите, Горони, не то будет худо,— тихо сказал Морган.

Горони покосился на кинжал и умолк. Зато Варин неистовствовал.

— Дерини?! Господь покарает тебя, исчадие Сатаны! Гнев его падет на тебя и...

— Пойдем-ка отсюда,— зевнув, сказал Дункан, проталкивая Горони и своего кузена в дверь; Варин и его люди двинулись к ним.— Найди лошадей и уезжай. Я сейчас.

Пока Морган взбирался на невысокий холм перед гробницей, Дункан выволок упирающегося Горони на улицу и захлопнул за собой дверь. Варин и его люди бросились к двери. Сквозь щели они видели, что Дункан уводит Горони вверх по холму, и это привело их предводителя в ярость.

Достигнув вершины холма, Дункан увидел, как его родич, вне себя от ужаса, смотрит на вбитый в землю кол — к нему, должно быть, привязывали приговоренных к сожжению. На колу болталась цепь, предназначенная для очередной жертвы; рядом лежал дымящийся факел. Морган не отрываясь смотрел на эти ужасные предметы.

— Аларик, идем!

— Надо сжечь все это, Дункан.

— Сжечь? Ты с ума сошел! Нет времени, Аларик!

Невзирая на протесты Дункана, Морган, не имея сил идти, пополз к факелу. С гримасой нетерпения Дункан оглянулся через плечо на гробницу, опять посмотрел на Аларика, потом резко повернул Горони лицом к себе.

— Можете идти, Горони. Вы не заслуживаете пощады, однако мне сейчас важнее помочь этому человеку,— он указал на Моргана,— словом, не до вас. А теперь — марш отсюда, пока я не передумал.

Дав Горони пинка, он отправил его вниз по склону холма, а сам снова взглянул на Моргана. Тот добрался до факела и пытался поднять его с земли. Чертыхаясь, Дункан нагнулся, поднял факел и зажег кол. Потом он помог Моргану встать на ноги, подставив ему плечо, и они поплелись дальше.

А тем временем монах Балморик и группа солдат спешили к запертой двери. С ними был и Горони. Один из них кинулся было преследовать Дункана и Моргана, но Балморик резким жестом остановил его и рявкнул что-то, но что — Дункан не расслышал. Человек, бросившийся за ними вдогонку, вернулся к подножию холма.

Часовня пылала. Благодаря возникшей суматохе Дункан и Морган смогли беспрепятственно добраться до луга. Над часовней стоял дым столбом, массивные деревянные балки были охвачены огнем. Не мешкая, Дункан усадил Моргана на коня и на-

крутил поводья ему на руку, а потом сам вскочил в седло. Он, пришпорив коня, спешил уйти подальше от подворья Святого Торина. Внезапно хлынул ливень. Копыта коней поднимали столбы мокрого песка. Морган в изнеможении, с полузакрытыми глазами, припал к гриве коня. Оглядываясь назад, Дункан видел пылающую обитель, окутанную черным дымом, и фигуры обезумевших от ярости Варина и Горони, грозящих кулаками вслед уходящим лордам Дерини. Погони не было.

Дункан нагнулся, чтобы поправить ослабшие поводья, и натянул их так, что конь Моргана с трудом поспевал за ним. Его кузену непросто было ехать верхом в его теперешнем состоянии, не говоря уж о том, чтобы принимать какие-то решения. Впрочем, Дункан и сам понимал: лучшее, что они могут сейчас сделать,— это как можно скорее добраться до Келсона. Как только сегодняшние новости достигнут архиепископов — король может стать следующей жертвой святейшего суда. А Дункан знал, что Аларик захочет быть рядом с Келсоном, если это случится.

Конечно, на благосклонность Дхасской курии после сегодняшних событий нет никакой надежды. Оба они будут отлучены и объявлены вне закона. И мирно вернуться в Корвин им не удастся. Как только объявят отлучение для всего герцогства — а в том, что это произойдет, можно не сомневаться,— в Корвине начнется гражданская война. А Морган, судя по всему, не в состоянии действовать еще по меньшей мере несколько дней.

Дункан подъехал к Аларику, взял поводья его лошади и коснулся ее своей шпорой. Аларику нужно как следует отдохнуть. Может быть, направиться к обители Святого Неота, где они останавливались прошлой ночью? А вдруг им повезет, и Дункан отыщет в развалинах Перемещающий Ход; Аларик упоминал алтарь Святого Камбера. Ход может быть рядом с ним. Если только удастся его найти, они не потеряют день в пути и уже сегодня увидят Келсона.

Ливень начал стихать, и в небе появились просветы. Решив, что впредь он никогда и никуда не поедет в дождь, Дункан поплотнее уселся в седле и взглянул на своего кузена.

Конечно, им и не пришлось бы ехать в такую погоду, сложись все немного иначе. Не пройдет и часа, как Горони доложит архиепископам об обстоятельствах пленения и бегства Моргана, и о том, как Дункан Маклайн вступил в битву, и что этот самый монсеньор Маклайн, королевский исповедник и восходящая звезда церковной иерархии — лазутчик Дерини.

Он даже думать не хотел о том, что скажет Лорис, когда узнает все это.

— Я отлучу его! Я отлучу их обоих! — кричал Лорис.— За всю его ложь, измену и нечестие — я лишу его сана! Я...

Лорис, Карриган, несколько их помощников и клириков — словом, значительная часть гвиннедского клира — собрались в гостиной епископа Дхасского, обсуждая новость. Монсеньор Горони, в забрызганном кровью и грязью плаще, ворвался в комнату и бросился в ноги Лорису. Клирики со все возрастающим ужасом слушали историю его утренних злоключений: неудавшееся пленение Моргана, его собственные бедствия и, наконец, о злодеянии двух Дерини — Моргана и Маклайна.

Да, он уверен — товарищем Моргана был Дункан Маклайн. Этот лишенный права служения священник узнал его, называл по имени и даже грозился убить.

Лориса все это привело в бешенство, его охватила ярость против Моргана, Дункана и вообще всех Дерини. Карриган и остальные клирики были настроены так же, напряжение в комнате достигло предела. Епископы, разбившись на маленькие группы, обсуждали случившееся. И хотя сообщение взволновало кого больше, кого меньше, все, казалось, пришли к единому мнению, что в обители Святого Торина произошло нечто ужасное и поэтому придется принять соответствующие решения.

Сам хозяин покоев, епископ Кардиель, посмотрел на сидевшего в другом конце комнаты Арилана и перевел взгляд на спорящих престарелых священников — Карстена Меарского и Креоду Карбурского. Арилан кивал самому себе, с легкой улыбкой наблюдая за Лорисом и Карриганом.

Кардиель и Арилан — одному из них было тридцать девять, а другому — сорок один год — являлись самыми молодыми епископами Гвиннеда. Следом за ними шел пятидесятилетний Толливер Коротский, чья епархия находилась во владениях Моргана, а большей части остальных священников было далеко за шестьдесят.

Но Кардиеля и Арилана не только возраст отличал от большинства других епископов. У них непристойная вспышка ярости Лориса не вызвала ничего, кроме усмешки. Их не смешили, конечно, угрозы Лориса, ведь оба они втайне симпатизировали ге-

нералу Дерини, который помог молодому королю во время того поединка на коронации. А Дункан Маклайн был одно время протеже епископа Арилана. И этот Варин, о котором упоминал Горони, не вызывал у них никакого восторга. Нет ничего хорошего в том, что ненавидящий Дерини фанатик разгуливает по окраинам королевства. То, что Лорис благословил этого смутьяна, хотя бы и неофициально, возмущало их.

А усмехались они тому, что Морган опять оставил Лориса в дураках. Кардиель, епископ традиционно нейтральной Дхассы, имел к вопросу — глуп ли Лорис на самом деле — чисто академический интерес. Но Арилан в этом и не сомневался и сейчас испытывал своего рода удовольствие от того, что это получило публичное подтверждение. Викарий Ремута, он сам давно уже столкнулся с этим фанатическим безумием примаса Гвиннедского. Что действительно нужно Гвиннеду — так это новый примас.

Арилан не думал, что этим человеком может стать он. Приходилось признать — он еще слишком молод и неопытен. Но ученый Браден Грекотский, или Ивор Марбурский, или даже Лацей Ставенамский были бы получше Эдмунда Лориса в качестве архиепископа Валоретского. А что до сподвижника Лориса и непосредственного начальника Арилана, неистового архиепископа Патрика Карригана, то его уж точно давно пора сменить. А это не казалось Арилану невозможным.

Лорис наконец подавил свой гнев и умолк. Когда он поднялся и сложил руки на груди, все притихли, заняли свои места; молодые клирики, состоящие при епископах, подошли поближе к своим начальникам, приготовясь слушать, что скажет архиепископ. Полную тишину нарушало только тяжелое дыхание старого епископа Карстена.

Лорис поднял голову и откашлялся. Он принял строгую, важную позу и обвел присутствующих взглядом. Теперь он заговорил, как и подобает примасу Гвиннеда.

— Господа мои, прошу у вас всепокорнейше прощения за нашу невольную вспышку. Ибо как вам, без сомнения, хорошо ведомо, ересь Дерини — предмет особого нашего многолетнего беспокойства. Честно говоря, мы не удивлены действиями Моргана. В сущности, мы их предвидели. Но то, что некто из нашего клира, дворянский сын и обладатель высокого духовного сана...— он с трудом заставил себя не повысить голос,— что этот человек — Дерини...

Лорис перевел дыхание и продолжил:

— Еще раз просим прощения за избыток чувств, господа мои. Ныне, как подсказывают нам все обстоятельства и наше рассуждение о благе церкви Гвиннедской, для еретика-священника Маклайна есть лишь одно наказание — это отлучение, лишение священства и, коли на то воспоследует решение курии, казнь, подобающая злокозненным еретикам Дерини. Мы понимаем, что последнее требует узаконения царствующим монархом, и должны совершить все подобающие формальности, хотя бы это и отняло немало времени.— Его суровые голубые глаза обежали комнату.— Но в нашей власти, яко примаса Гвиннедского, объявить Дункану Говарду Маклайну и его проклятому кузену Аларику Энтони Моргану анафему. Архиепископ Карриган, наш ремутский собрат и духовный наставник Маклайна, согласен с нами в этом. Надеюсь увидеть всех вас нынче после вечерни на церемонии отлучения.

По комнате пробежал приглушенный ропот, но Лорис резко произнес:

— По этому вопросу не может быть никаких разногласий, милостивые государи. Морган и Маклайн убили добрых и верных сынов церкви, угрожали жизни монсеньора Горони, монашествующего священника, использовали в стенах священной обители запретную и проклятую магию. Оглядываясь назад, мы видим, что Маклайн был, вероятно, причастен и к случившемуся на коронации нашего обожаемого монарха, короля Келсона. Посему он и Морган заслуживают кары вдвойне.

Он еще раз обвел всех взглядом.

Никто не нарушил тишины.

— Прекрасно,— кивнул Лорис.— Мы надеемся, что вы будете споспешествовать нам при объявлении отлучения нынче вечером. Завтра же мы обсудим другие действия, долженствующие быть произведенными в сем особом случае. Мы, в числе прочего, обсудим и вопрос о герцогстве Моргана. Может быть, и хорошо, что мы еще не приняли решение по вопросу об отлучении Корвина, который обсуждался сегодня. До вечера, господа.

С коротким поклоном Лорис покинул клир и вышел, сопровождаемый Карриганом, его клириком — отцом Хью де Берри — и полудюжиной других помощников и писцов. Как только дверь за ними закрылась, оставшиеся в комнате возобновили спор с еще большей силой.

— Арилан?

Епископ Арилан, следивший за спором между епископом Браденом и Толливером, услышав свое имя, обернулся и увидел, что Кардиель подает ему знак из другого конца комнаты. Покинув двух старших епископов, он обошел спорящих, приблизился к Кардиелю и отвесил официальный поклон.

— Вы желали видеть меня, дорогой лорд Кардиель?

Кардиель вернул ему поклон, не моргнув глазом.

— Я вот думаю — не пойти ли нам в мою личную часовню и обсудить там спокойно всю эту прискорбную смуту, мой дорогой лорд Арилан? — прошептал он Арилану на ухо.— Мне кажется, нам необходимо соблюдать осторожность. Церковь курии — место, где вечно толпятся наши старшие братья.

Арилан сдержал улыбку и легким кивком головы отпустил сопровождающих его людей.

— Я весьма тронут вашим приглашением, милорд. И, быть может, молитвы наши отведут гнев Господень от нашего брата Дункана. Предать проклятию священника, даже и Дерини,— для этого нужны серьезные основания. Вы согласны?

— Мы рассуждаем совершенно одинаково, брат мой,— кивнул Кардиель, когда они проходили через парадные двери.— Я думаю, не мешает также разобраться в деяниях этого Варина, о котором упомянул брат Горони в своем несколько поспешном отчете, не правда ли?

Обменявшись поклонами с двумя монахами, шедшими по коридору, они наконец достигли звуконепроницаемой часовни епископа Дхасского. Когда двери закрылись, Арилан дал волю своим чувствам, усевшись поудобнее напротив двери, пока Кардиель зажигал свечи.

— Дело, как вы понимаете, не в Варине,— сказал Арилан, щурясь на мигающую свечу.— Прежде чем мы поговорим о нем, я бы хотел поподробнее изучить указ об отлучении Корвина. Я не вижу, как мы можем воспрепятствовать отлучению самих Моргана и Дункана и не потерять при этом своего положения в курии. Ничего не поделаешь — формально, по крайней мере, они виновны. Но я выступлю против отлучения всего Корвина — это погубит честь курии.

Кардиель прошел по часовне и зажег еще две свечи на алтаре.

— Я вообще против этих отлучений, Денис. Морган и Маклайн будут защищаться — что им еще остается? Да и вообще все

то, что связывают с силами Дерини, на мой взгляд, находится под большим вопросом.

— Только не говорите этого никому, кроме меня,— улыбнулся Арилан, подходя к Кардиелю.— Другие члены курии могут вас не понять.

— Но вы-то понимаете,— тихо сказал Кардиель, посмотрел на красную лампадку, которую только что зажег, и кивнул самому себе.— И тот, кому возжена эта лампадка, понимает. Нас троих — пока достаточно.

Арилан кивнул и вновь сел на скамью перед алтарем.

— Достаточно,— согласился он.— Только надо подумать, как сделать, чтобы нас стало больше, и что вообще предпринять, чтобы нарушить планы Лориса, когда придет время.

Глава XV

*«ЛЮДИ УНИЧТОЖАЮТ ТО, ЧТО НЕ В СИЛАХ ПОНЯТЬ»**

Все еще шел дождь, когда Дункан и Морган спустились с гор. Молнии вспыхивали на западе и терялись в бледных закатных лучах, то и дело грохотал гром, усиленный горным эхом. Ветер свистел в руинах обители Святого Неота, дождь хлестал по изборожденным временем серым камням и обуглившимся бревнам. Невесело выглядели развалины подворья, на которое они въехали.

Дункан покосился на окутанные тьмой стены и поплотнее натянул капюшон. Справа от него зашевелился в седле, не открывая глаз, Морган. Притупление чувств, вызванное ядом, облегчило ему тяготы пути, но Дункан знал, что еще немного — и его кузену потребуется отдых, больше он не выдержит. Слава богу, что они доехали сюда.

Дункан направил своего коня в тот уголок, где они с Морганом провели предыдущую ночь. Морган все так же сонно покачивался в седле, а когда кони остановились и Дункан спешился, он внезапно пришел в себя.

— Где мы? Почему мы стоим?

Дункан потрепал холку своего коня и подошел к Моргану.

— Все в порядке. Мы у Святого Неота,— сказал он, кладя руку Моргана себе на плечо и помогая ему слезть с коня.— Я хочу,

* Неизвестный монах Дерини.

чтобы ты отдохнул, пока я осмотрю это место. Здесь где-то должен быть Переносящий Ход. Он доставит нас прямо в Ремут, если только действует.

— Я помогу тебе,— пробормотал Морган, слабо сопротивляясь, когда Дункан повел его в самый сухой угол ветхого жилища.— Это должно быть за алтарем Камбера, о котором я тебе говорил.

Дункан покачал головой и, уложив Моргана на землю, встал рядом с ним на колени.

— Если ход есть, я найду его,— сказал он, поворачивая Алариха лицом к стене.— Как бы то ни было, тебе нужно хорошенько отдохнуть.

— Подожди минутку,— возразил Морган.— Ты же не собираешься расхаживать здесь один, пока я сплю?

Дункан виновато улыбнулся и, еще раз повернув Моргана лицом к стене, покачал головой.

— Боюсь, что все же собираюсь, дорогой мой друг. Все равно ты сейчас ничем не поможешь мне. Так лучше не мешай, или я заставлю себя уснуть.

— Ты это можешь,— со вздохом прошептал Морган, прижимаясь к стене.

— Конечно могу. Расслабься.

Когда Морган закрыл глаза, Дункан снял перчатки и засунул их в карман плаща. Сложив руки вместе, он склонился над лежащим на земле кузеном, собрал всю волю и с двух сторон обхватил руками голову Моргана.

— Спи, Аларик,— прошептал он.— Спи глубоко. Спи без сновидений. Пусть сон снимет усталость и укрепит тебя.

Продолжая, он рискнул войти по-настоящему в глубокий транс, известный Дерини.

«Спи глубоко, брат мой. Спи спокойно, не тревожься. Я буду недалеко».

Дыхание Моргана стало медленным и ровным; его тело расслабилось, и он погрузился в глубокий сон, сон без сновидений. Дункан сложил руки на груди и немного выждал, убеждаясь, что кузен уснул крепко и не проснется до его возвращения. Потом он прикрыл спящего попоной.

Теперь пора искать Переносящий Ход.

Дункан остановился у входа в разрушенную церковь и осмотрелся. Ночь уже спустилась, но дождь не кончился; на фоне темного неба были видны полуобвалившиеся стены. Левее, где еще

сохранился кусок крыши, блестело, как единственный глаз, чудом уцелевшее фонарное стекло. Вспыхнула молния, на мгновение стало светло, как днем; Дункан направил свои шаги к главному алтарю. Густые тени лежали на разбитых каменных плитах, освещаемых редкими вспышками молнии. Ветер гудел в руинах, вызывая в памяти все прежние обиды и несчастья.

Дункан подошел к алтарным ступеням и остановился, задумавшись о временах, когда в этих стенах обитало около сотни монахов Дерини и еще множество учителей и учеников знатных фамилий.

Торжественная процессия входила в храм, пел хор, горели восковые свечи, дымились лампады... Он почти вживе видел это.

«Introibo ad altare Dei» — «Я взойду к алтарю Господню».

Снова сверкнула молния, прервав грезы Дункана, и он, горько усмехнувшись, стал подниматься по ступеням алтаря. Коснувшись ветхих перил, он подумал о том, сколько рук касалось их прежде, и, представив себе все величие этого места, когда алтарь был освящен, он невольно склонился в почтении к тем далеким временам.

Подул ветер, Дункан поежился и вернулся к своим поискам. Им нужен Переносящий Ход Дерини, и он должен найти это магическое место в руинах заброшенного монастыря — если, конечно, оно еще существует по прошествии двух веков.

Где мог быть сооружен Переносящий Ход в то время? Использовались ли тогда известные Дункану приемы? Как много таких ходов было в одиннадцати королевствах? И где они находятся?

Дункан знал два из них. Один — в его кабинете, построенный так, что королевский исповедник (а в прежние дни это был, по традиции, Дерини) мог мгновенно попасть в собор. И второй — простая металлическая плита в полу соборного алтаря, рядом с входом в подземную церковь. В конце концов, никто не может предвидеть, когда именно придется стучаться с мольбой и стенанием во врата небесные ради короля — так, по-видимому, думали в старину.

И все-таки где же этот Ход здесь, в обители Святого Неота?

Дункан окинул взглядом неф и по какому-то внутреннему велению пошел направо, осторожно пробираясь по разрушенным плитам. Аларик сказал, что слева от центрального алтаря должен быть алтарь Камбера; сейчас он находился справа от него. Может быть, ответ где-то рядом? Святой Камбер — покровитель ма-

гии Дерини. Где лучше разместить Переносящий Ход с точки зрения магии?

Немного левее алтаря он заметил в стене узкий выступ. Плита была разбита, буквы почти не видны. Но Дункан прочел надпись — «Jubilante Deo» и, всмотревшись, разобрал дальше имя «Sanctus Camberus» — «святой Камбер».

Дункан ощупал стену, но спустя несколько минут удрученно покачал головой: он не мог найти здесь Переносящего Хода. Хотя во времена междуцарствия, как и до них, магия была повсеместно признана, Переносящий Ход все-таки не делали на виду у всех. Это не в духе Дерини.

Нет, Ход должен быть где-то спрятан, возможно недалеко отсюда, чтобы покровительство святого Камбера защищало его, но только не на таком видном месте.

Тогда где?

Опять повернувшись лицом к алтарю, Дункан осмотрел стену с другой стороны, ища выход в другую, меньшую церковь. Он без труда обнаружил за разбитыми и вывороченными плитами полураскрытую дверь. Не мешкая, он подошел, протиснулся в проем и оказался в маленькой высокой комнате, которая была, конечно же, тайным святилищем.

Дункан выбрался из узкой лазейки и выпрямился, прикрыв глаза от ослепительной вспышки молнии. Пол был засыпан камнями, кусками истлевшего дерева, битым стеклом. Но у дальней стены сохранился алтарь черного дерева, остатки стенного шкафа и ларца и с другой стороны — столик для положения риз. Дункан деловито осмотрел помещение, косясь на поминутно вспыхивающее небо.

Ну, так где же здесь древние могли расположить Ход? И если все здесь было разрушено до такой степени, мог ли он уцелеть?

Пробираясь среди камней, двигаясь дальше в глубь комнаты, Дункан закрыл глаза и сосредоточенно потер лоб тыльной стороной ладони, пытаясь уловить, сохранилось ли здесь что...

— Страшись, о Дерини! Грядет беда!

Дункан резко повернул голову и застыл с полуобнаженным мечом в руках. Сверкали молнии, тени прыгали по стенам, но по-прежнему, кроме Дункана, здесь не было никого. Он, не сходя с места, вложил меч в ножны, продолжая озираться.

Слышал ли он голос наяву? Нет.

Вероятнее всего, слова эти прозвучали только в его сознании. Не голос ли это одного из древних монахов Дерини обители Святого Неота?

Сделав шаг назад, Дункан вновь закрыл глаза, сосредоточился и снова услышал тот голос. Конечно, он звучал в его мыслях:

«Страшись, о Дерини! Грядет беда! Из сотни братьев остался лишь я, дабы разрушить сей Ход прежде, нежели он будет осквернен. Родич, будь осторожен! Храни себя, Дерини. Люди уничтожают то, что не в силах понять. Добрый святой Камбер, защити нас от напасти».

Дункан открыл глаза и огляделся, потом снова прикрыл их.

«Страшись, о Дерини! Грядет беда! Из сотни братьев...»

Дункан прервал общение с неведомым монахом и вздохнул.

Итак — это послание последнего оставшегося здесь Дерини. Он пытался перед смертью разрушить Ход. Удалось ли это ему?

Дункан топнул несколько раз ногой, простукивая пол, потом разгреб слой мусора. В полу было углубление, три на три фута, когда-то, видимо, скрытое плитой. Что же касается Хода...

Не поддаваясь отчаянию, Дункан вытянул вперед руки и напрягся, исследуя внутренним взором всю комнату по частям. В глубине души он очень надеялся, что столик для риз может оказаться тем, что он ищет. Но и там ничего не было.

Он сосредоточился еще раз и вдруг ощутил боль, затем его окружила тьма, и он вновь услышал начало послания.

И все. Ход был мертв. У последнего Дерини это получилось.

Дункан со вздохом еще раз осмотрелся, бессильно опустив руки. Теперь им придется ехать в Ремут. Ход разрушен, выбора у них не остается. А оттуда, может быть, предстоит отправиться в Кулд, если Келсон уже уехал туда на свадьбу Бронвин и Кевина.

Что ж, делать нечего. Надо будить Аларика и пускаться в путь. Так или иначе, к следующей ночи они доберутся до Ремута, если ничто не помешает.

Колокола мерно гудели, когда епископы входили в собор Святого Эндрю в Дхассе. Вечер был безоблачный, свежий, с легким морозцем, хрупкие снежинки кружились на ветру. Два молодых священника зажгли от главной лампады в центральном нефе длинные свечи. Пламя дрожало при движении, бросая причудливые тени на темные заиндевелые одеяния священников.

Хор занял свое место — два десятка, казалось, безликих людей с факелами в руках. Когда колокола смолкли, клирик одобрительно кивнул: все, кто должен был прийти, пришли. Он исчез в темноте нефа, и дверь с шумом захлопнулась. Три свечи передали в освещенный неф слева — клирик и два священника взяли другие; тут отворилась боковая дверь и вошел Лорис.

Сейчас он был в полном облачении: в черной с серебром ризе, в украшенной жемчугами митре; в левой руке он сжимал серебряное распятие. Миновав центральный неф, он повернул к хорам. Архиепископ Карриган и епископ Толливер сопровождали его, сзади шел епископ Кардиель. Молодой служитель нес тяжелый епископский крест.

Лорис и его спутники поднялись по алтарным ступеням и, склонившись пред алтарем, обратились лицом к стоящим в соборе. Кардиель отошел, чтобы взять у стоящего справа монаха четыре свечи, и насмешливо переглянулся с Ариланом. Вернувшись, он встал рядом с Толливером и зажег его свечу от своей, от свечи Толливера были зажжены свечи Лориса и Карригана. Когда свеча Лориса разгорелась, примас Гвиннеда выступил вперед и бросил на собравшийся клир взгляд, полный холодного огня.

— Внимайте слову отлучения,— произнес он.— Поелику Аларик Энтони Морган, герцог Корвинский, властитель Коротский, лорд-генерал королевских войск и Поборник королевского престола, и монсеньор Дункан Говард Маклайн, лишенный права служения священник, по своей воле и обдуманно отвергли и презрели власть Святой Церкви; и поелику реченные Аларик и Дункан нынче лишили жизни неповинных чад Церкви и грозили святотатственным убиением слуге Божию и обладателю церковного сана, и принудили его зреть богомерзкое и еретическое явление магии; и поелику реченные Аларик и Дункан осквернили своим нечестием и магией часовню Святого Торина и были причиной ее разрушения, и прежде многократно прибегали к той же проклятой магии; и поелику реченные Аларик и Дункан не выказывают раскаяния в своих грехах и намерения изменить свои пути; ныне я, Эдмунд Лорис, архиепископ Валорета и примас Гвиннедский, пред всем клиром гвиннедской курии предаю анафеме реченных Аларика Энтони Моргана и Дункана Говарда Маклайна. Мы изгоняем их из рядов Святой Церкви Господней. Мы изгоняем их из собрания праведных. Да будет на них суд небесный! Да сторонится их всяк чистый душою! Да закроются врата Царствия Небесного пред ними и всеми споспешествующими им! Да избежит богобоязненный муж общения с ними, и не питает их, и не дает ночлег, под страхом анафемы. Да не даст им ни один священник причастия при жизни их, неже христианского погребения по смерти. Прокляты да будут в доме своем и в поле, проклята будет пища их, и питье, и все дела их. Сим объявляем им отлучение, и да повергнутся они во тьму Люциферову и всех падших ангелов. Трижды проклинаем их, без надежды на милость и прощение. Проклинаем и предаем анафеме. Да померкнет свет их в средоточии тьмы. Да будет так!

— Да будет так! — ответили собравшиеся.

Держа свечу перед собой, Лорис перевернул ее и бросил на пол, гася пламя. И одновременно с ним все собравшиеся епископы и клирики поступили так же.

Тьма воцарилась в соборе.

И лишь одна свеча продолжала вызывающе светиться на холодном кирпичном полу.

Никто не мог сказать — чья.

Глава XVI

*«ИБО КРЕПКА, КАК СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮТА, КАК ПРЕИСПОДНЯЯ, РЕВНОСТЬ; СТРЕЛЫ ЕЕ — СТРЕЛЫ ОГНЕННЫЕ, ОНА ПЛАМЕНЬ ВЕСЬМА СИЛЬНЫЙ»**

— Поймай меня, если можешь! — крикнула Бронвин.

С кокетливой улыбкой она побежала по садовой тропинке. Ее золотые волосы развевались на ветру, голубое платье соблазнительно обвивалось вокруг ног. Кевин попытался ухватить ее за руку и, не сумев, со смехом пустился за ней в погоню. Меч при каждом шаге ударял его по ногам, но он не обращал на это никакого внимания, только придерживал его рукой, устремившись за Бронвин по лужайке.

День был свежий, теплый, но не жаркий, и Бронвин с Кевином только что вернулись с утренней прогулки по зеленым холмам близ Кулда. Сейчас они забавлялись в саду, как шаловливые дети, бегали около четверти часа между деревьями и статуями старинного парка — Кевин ловил Бронвин, а она от него убега-

* Песнь Песней.

ла. Наконец возле маленького фонтанчика Кевин загнал девушку в ловушку, и некоторое время они со смехом бегали по кругу.

Вскоре Бронвин пришлось признать себя побежденной. Она показала ему язык и, сдаваясь, опустилась на одно колено. Кевин подбежал к ней, обнял и уже склонился, чтобы поцеловать ее; она прильнула к нему, их губы почти соприкоснулись, и тут кто-то кашлянул за спиной Кевина.

Он замер, открыл глаза и, бросив взгляд через плечо, с удивлением увидел своего отца. Герцог Яред виновато улыбнулся.

— Я так и думал, что найду вас здесь вместе,— сказал он, поймав смущенный взгляд сына.— Встань и поздоровайся с гостями, Кевин.

Кевин поднялся и подал Бронвин руку. В этот момент он увидел, что Яред не один. Его сопровождали сенешаль лорд Деверил и архитектор Риммель. Деверил улыбался, Риммель, как всегда, был убийственно серьезен. Чуть поодаль он увидел Келсона, Дерри и рыжебородого герцога Эвана, одного из членов Королевского совета. Радостный Келсон с растрепанными ветром волосами, в красном кожаном дорожном костюме улыбался Кевину и Бронвин. Поприветствовав их поклоном, Келсон отошел в сторону, и они увидели седьмого гостя, маленького человека со смуглым лицом в розово-фиолетовом наряде — знаменитого трубадура Гвидиона.

Округлая лютня висела за спиной музыканта на золотистом шнуре, инкрустированный гриф блестел, отполированный частым прикосновением пальцев музыканта. Черные глаза трубадура вдохновенно сияли.

Кевин взглянул на Келсона и улыбнулся ему в ответ.

— Добро пожаловать в Кулд, государь,— сказал он, жестом распространяя приветствие на всех присутствующих.— Вы оказали нам честь...— Кевин отряхнул траву с одежды.

— Скорее Гвидион — вот кто оказал честь всем нам,— улыбнулся Келсон.— И если вы только представите его своей леди, мы, без сомнения, получим ее лирический портрет нынче же к обеду.

Гвидион благодарно поклонился Келсону, а Кевин улыбнулся и взял Бронвин за руку.

— Бронвин, я рад представить тебе несравненного Гвидиона ап Пленнета, песни которого ты не раз слышала. Мастер Гвидион, леди Бронвин де Морган, моя нареченная. Это она, прослышав о вашей славе, заставила меня просить Аларика, чтобы он отпустил вас сюда.

— Моя прекрасная леди,— промурлыкал Гвидион, снял розовую шапочку и поклонился, коснувшись при этом земли широкими рукавами.— Перед лицом столь совершенной красоты я бы рискнул даже подвергнуться гневу вашего благородного брата.— Он склонился ниже, чтобы поцеловать ее стопы.— Простите, но, видя вас, я теряю дар речи, ослепительная леди.

Бронвин улыбнулась и опустила глаза, румянец вспыхнул на ее щеках.

— Этот менестрель, по-моему, сама любезность, Кевин. Мастер Гвидион, неужто вы действительно будете сегодня играть для нас? Мы долго ждали этого часа.

Гвидион отвесил еще один глубокий поклон.

— Я весь в вашей власти, миледи.— Он сделал широкий жест.— А в этом саду, столь несказанно прекрасном, песня так и просится с уст, так можем ли мы не восхититься промыслом Господа нашего и не вознести ему гимн?

— Ваше величество? — спросила Бронвин.

— Он приехал играть для вас, миледи,— ответил Келсон, сложив руки на груди и с восхищением глядя на нее.— Если вы хотите, чтобы он играл сейчас в саду, так и будет.

— О да!

Кивнув, Гвидион указал на лужайку возле фонтана, приглашая присутствующих сесть. Когда он устроился на парапете фонтана и наладил инструмент, Кевин развернул свой дорожный плащ и расстелил его на траве. Бронвин присела, подобрав юбки, чтобы Дерри, Деверилу и Эвану хватило места. Кевин хотел уже сесть рядом с ней, но тут заметил, что Келсон подает ему глазами знаки, и уступил место своему отцу.

Гвидион осторожно коснулся струн. Собравшиеся внимательно слушали его песнь.

Келсон бросил взгляд на группу, сидящую на траве, потом опять обратился к Кевину, шедшему рядом с ним. Его лицо было серьезным и задумчивым.

— Имели ли вы известия от вашего брата на прошлой неделе, милорд?

Вопрос был задан небрежным тоном, но Келсон с трудом сдерживал волнение, и Кевин это почувствовал.

— Вы говорите так, как будто не имели их тоже, государь,— сказал он.— Разве брат не с вами?

— Последние полторы недели — нет,— ответил Келсон.— Десять дней назад мы узнали, что Дункан лишен права служения и вызван на Святейший совет в Ремуте. С этим мы, конечно, ничего поделать не можем. Внутрицерковное дело, мирской власти это не касается. Но мы все — Дункан, Нигель и я — решили, что ему не следует пока находиться при дворе.

Келсон остановился и посмотрел на носки своих черных кожаных сапог, прежде чем продолжать.

— Нас обеспокоило еще одно. Это даже серьезнее неприятностей с Дунканом. Лорис и Карриган хотят отлучить от церкви Корвин. По их мнению, они отомстят таким образом Моргану и положат конец двухсотлетней войне с Дерини. Мы посовещались и решили, что Дункану лучше всего ехать к Аларику — чтобы сообщить ему новость и вообще, пока все не уладится, побыть там. Когда лорд Дерри четыре дня назад покинул их, они готовились отправиться в Дхассу для решающего разговора с курией об отлучении. С тех пор от них — ни слова.

Кевин вздохнул.

— Что еще дурного случилось, пока меня не было при дворе?

Келсон криво улыбнулся.

— Да уж конечно, случилось, коли вы спрашиваете. В холмах на севере Корвина появились мятежники, объявившие священную войну против Дерини. Если будет объявлено отлучение, они, конечно, очень усилятся. А Венцит Торентский со дня на день пойдет на Кардосу. В остальном же все превосходно. Ваш достопочтенный брат советовал мне быть осторожным, ничего не предпринимать, тянуть время, пока они с Морганом не вернутся. Он, конечно, прав. При всей моей власти я все же во многих отношениях неопытен. Но просто сидеть и ждать — еще труднее.

Кевин кивнул и мельком глянул через плечо на поющего Гвидиона. Он не мог разобрать слов, но мелодия была проникнута весенним воздухом, чистым и свежим. Он притоптал ногами траву и остановился, скрестив руки на груди и опустив глаза.

— Полагаю, остальные ничего этого не знают?

— Дерри знает все. Гвидион если не знает, то о многом догадывается, а остальные — нет. Я надеюсь, вы сохраните все это при себе. Споры сейчас делу не помогут, да и не хочу я отравлять вам праздник больше, чем уже это сделал.

Кевин улыбнулся.

— Спасибо, что вы сказали мне все это, государь. Другие ничего не узнают. И если я чем-то могу помочь — мой меч и моя жизнь в ваших руках.

— Я бы не доверился вам, если бы не был в вас уверен,— сказал Келсон.— Ну что же, вернемся и послушаем Гвидиона. В конце концов, вы — виновник торжества.

— Ах, миледи,— говорил Гвидион, когда они приблизились,— скромность благоприличествует женщине, но позвольте мне затруднить вас вновь. Лорд Аларик столько говорил о вашей игре на лютне. Не пошлете ли вы кого-нибудь за инструментом?

— Кевин?

Прежде чем Кевин успел ответить, Риммель, что стоял неподалеку, прислонившись к стволу дерева, с поклоном появился перед Бронвин.

— Окажите мне честь, миледи,— сказал он, стараясь скрыть рвущуюся из груди радость.— Лорд Кевин одну песню уже пропустил. Не хватало ему пропустить вторую.

— Миледи? — спросил Гвидион.

— О, прекрасно! — засмеялась Бронвин.— Риммель, Мэри-Элизабет знает, где я храню лютню. Скажите ей, что я попросила ее принести.

— Да, миледи.

Гвидион взял новый аккорд мягких, минорных тонов и спустился к слушателям, когда Риммель ушел.

— Верный слуга — настоящее сокровище,— сказал он, одарив присутствующих довольной улыбкой.— А теперь, пока мы ждем, вторая песня, любовная, посвященная счастливому союзу.

Он сделал несколько вступительных аккордов и запел.

Звуки новой песни Гвидиона достигали слуха Риммеля, спешившего через двор замка к покоям герцога. Ему было неприятно, что Бронвин осталась там с Кевином слушать любовную песню; не так часто мог он наслаждаться ее присутствием и любоваться ею, не вызывая подозрений. Но в другой раз у него не будет столь удобного случая сделать то, чему научила его Бетана. В это время дня фрейлины Бронвин обычно заняты работой в других ее покоях, и, значит, следующей после него в комнату войдет она сама. Поднявшись по ступеням террасы и подойдя к покоям Бронвин, он приложил руку к груди, почувствовав, как бьет-

ся сердце, как давит на грудь мешочек, который дала ему Бетана. Еще несколько часов — и Бронвин будет принадлежать ему. С трудом верилось в такое счастье.

Риммель помедлил и огляделся, прежде чем войти в комнаты; ему было велено найти Мэри-Элизабет, но в покоях никого не было, и никто не видел, что он вошел сюда. Лютня висела на стене около постели, однако сперва ему нужно было найти место для кристалла. Такое место, где Бронвин не смогла бы найти его сразу, чтобы чары успели подействовать.

«Туалетный столик — вот подходящее место»,— подумал он и, подойдя к нему, вынул мешочек. Не сюда ли в первую очередь направится женщина, особенно после утренней прогулки верхом? А блестящих вещиц здесь много, и то, что он оставит, не будет бросаться в глаза. Положив мешочек на крышку столика, он начал развязывать кожаную тесемку, потом вдруг бросил это, подошел к лютне и взял ее — на случай, если его здесь застанут. Достав холодный красно-голубой кристалл, архитектор положил его среди безделушек.

С дрожью в ногах Риммель завязал кожаный мешочек и устремился к дверям. Остановившись на пороге, он бросил взгляд на столик — чародейский камень никак не выделялся среди множества украшений. С победным видом он устремился в сад, неся лютню Бронвин. По дороге он остановился, достал из кармана медальон, посмотрел на портрет Бронвин и, со вздохом спрятав его, продолжил путь. Достигнув сада, он услышал песню Гвидиона, поднимавшуюся в светлое небо.

О леди милая, склони же
Свой слух к моей мольбе!
Быть может, тронет твое сердце
То, что скажу тебе:
Не дай изведать это горе —
Прочесть презренье в нежном взоре!
Как жить в печали и позоре,
Жить без твоей любви?

Часом позже Бронвин остановилась в дверях своей комнаты, улыбаясь Кевину, целующему ее руку.

— Полчаса? — прошептала она.

— Полчаса,— кивнул он.— А если ты задержишься, я приду и сам тебя одену.

Бронвин состроила ему рожицу.

— Еще два дня, Кевин Маклайн. Потерпи уже недолго.

— Потерпеть? — пробормотал он, привлекая ее к себе со страстью, отчасти наигранной.

Она усмехнулась, крепко обняла его и выскользнула в полуоткрытую дверь.

— Полчаса,— крикнула она, оборачиваясь.— И смотри, сам не опоздай, не то я тоже приду и помогу тебе одеться.

— Приходи! — со смехом ответил Кевин, и она закрыла дверь.

Бронвин грациозно повернулась и, прижимая к груди свою лютню, закружилась по комнате, радуясь жизни, молодости, любви. Остановившись возле туалетного столика, она взглянула в зеркало и, напевая мотив последней песни Гвидиона, поправила сбившуюся прядь, как вдруг почувствовала действие колдовства.

Бронвин пошатнулась и прислонилась к столику, пытаясь удержаться на ногах, но тут ощутила новый мучительный приступ. Руки девушки разжались, лютня упала на пол, резко зазвенела струна.

Этот звук словно пробудил в ней силы Дерини, и она сразу поняла, что происходит. Почти уже не отдавая себе отчета в своих действиях, она посмотрела на столик и увидела пульсирующий, светящийся голубой кристалл.

«Магия,— подумала Бронвин.— Боже мой, кто же это сделал?»

— Кевин! Кевин! — крикнула она из последних сил.

Кевин не успел уйти далеко. Услышав отчаянный крик Бронвин, он бросился назад по коридору и толкнул дверь комнаты. Дверь поддалась, он заглянул внутрь и оцепенел от ужаса.

Бронвин стояла на коленях перед туалетным столиком, вцепившись в него онемевшими пальцами. Ее взгляд был направлен на голубой камень, странно сверкавший среди лежащих на столике украшений. А когда Кевин взглянул на Бронвин, она указала на кристалл рукой, пытаясь что-то произнести.

Кевин, недолго думая, понимая только, что надо побыстрее убрать отсюда эту вещь, с воплем схватил ее обеими руками, надеясь вышвырнуть в открытую балконную дверь — с глаз подальше.

Но сделать этого он не смог. Чары начали действовать, и не Кевину — обычному человеку — было с ними совладать. Схватив камень, Кевин тотчас ощутил дикий ужас, боль прожгла его тело. Поздно поняв свою ошибку, Бронвин попыталась отнять у него кристалл, надеясь, что ее защитит кровь Дерини, но стоило ей коснуться камня, кристалл начал пульсировать как бешеный, отражая биение двух сердец.

Оба стояли, застыв в лучах белого света, заливавшего комнату, и свет этот отражался во всех гладких предметах, постепенно распространяясь вокруг все дальше и дальше.

Стражники, привлеченные необычным свечением, с тревогой устремились в комнату и замерли, увидев в дверях Келсона и Дерини рядом с ним.

— А ну все вон! — приказал Келсон, расширившимися глазами глядя на то, что происходит в покоях.— Живо! Здесь магия!

Охранники отступили, Келсон осторожно вошел в комнату и вытянул перед собой руки, шепча заклинание. Когда он закончил, свет собрался в середине комнаты и затем погас. Келсон сжал губы и закрыл глаза, стараясь сдержать огромное волнение; он с трудом заставил себя подойти ближе.

Кевин и Бронвин лежали у открытой балконной двери — он на спине, она — упав ему на грудь; ее золотистые волосы закрывали лицо Кевина. Руки Кевина почернели, его ладони сожгла та ужасная сила, с которой он пытался справиться. Даже плащ обгорел с того краю, где касался его безжизненной руки. Они не подавали никаких признаков жизни.

Тяжело вздохнув, Келсон встал на колени и дотронулся до руки Кевина, до шелковых волос Бронвин, затем, поднявшись, он склонил голову в печали и беспомощно опустил руки. Ни он, ни кто-либо другой не могли больше помочь двум возлюбленным.

По знаку Келсона Дерри с охранниками и лорд Деверил вошли в комнату, немея от ужаса при виде случившегося. Лорд Деверил побледнел и бросился назад, чтобы преградить дорогу шедшему сюда герцогу Яреду. Но он опоздал. Яред уже был на пороге и, пристально глядя на своего сенешаля, шептал:

— Что стряслось, Дев? Что-нибудь с Бронвин?

— Нет, пожалуйста, милорд!

— А ну пропусти меня. Дев, я хочу посмотреть, что... Боже, мой сын! Господи, они оба!

Когда стража окружила Яреда, сквозь толпу незаметно протиснулся Риммель и тоже застыл на месте. Его всего передернуло, рука конвульсивно вцепилась в медальон, и он подумал, что сейчас сойдет с ума.

«О боже мой, что я наделал? Кто мог подумать, что все так кончится? Нет, нет! Боже милостивый, это неправда, это не может быть правдой! Они умерли! Моя леди Бронвин умерла!»

Комната все наполнялась стражниками и придворными.

Риммель отошел и прислонился к стене. Он хотел отвести глаза от ужасного зрелища, но не мог. Он опустился на колени, не чувствуя, что медальон, который он сжимал в исступлении, врезается в его ладонь.

В сопровождении Гвидиона вошла леди Маргарет. Она побледнела, увидев трупы, так, что казалось, сейчас упадет без чувств.

Но она подошла к своему мужу, который безмолвно стоял рядом с ними, обняла его и, безмолвно постояв так несколько мгновений, увела Яреда на балкон, чтобы он не видел этой разрывающей сердце картины. Там она шептала ему что-то, утешая, пытаясь вывести его из оцепенения.

Гвидион поднял лютню Бронвин и молча посмотрел на нее; шейка инструмента треснула при падении. Тихо подойдя к Келсону, маленький трубадур наблюдал, не говоря ни слова, как молодой король снимает с себя красный плащ и покрывает им тела. Потом он безотчетно тронул одну из оставшихся струн, нота отозвалась в тишине, и Келсон с удивлением оглянулся.

— Я боюсь, что лютня расстроена навсегда, государь,— печально прошептал Гвидион, становясь на колени рядом с Келсоном и вкладывая инструмент в безжизненную руку Бронвин.— И ничего не поделаешь...

Келсон отвел глаза, понимая, что трубадур говорит не о лютне. Гвидион последний раз провел пальцами по струнам и сложил руки на груди.

— Позвольте мне спросить, как это случилось, государь?

Келсон печально пожал плечами.

— Кто-то принес в комнату магический кристалл, Гвидион. Само по себе это не страшно, этот камень — жерман — используется для разных вещей, в том числе и вполне достойных. Вы могли слышать упоминания о нем в старых балладах.— Его голос дрогнул.— Но этот был принесен с недоброй целью. По крайней мере для обычных людей, таких как Кевин, он был смертельно опасен. Одна Бронвин могла бы справиться с чарами, но она закричала, Кевин услышал и прибежал на помощь. Защитить и себя, и его она не могла, поэтому оба погибли.

— А если бы она не...

Келсон сурово взглянул на него и вышел на балкон, где стояли Яред и Маргарет вместе с одетым в белое отцом Ансельмом, пожилым капелланом Кулдского замка. Молодой король кивнул,

увидев Ансельма рядом с безутешными родителями, и посторонился, пропуская его к трупам. Ансельм преклонил колени и начал молиться; Келсон перекрестился и тихо повернулся, дав Гвидиону знак подойти к нему.

— Гвидион, Дерри, попросите всех уйти. Горе семьи не для посторонних глаз.

Они, выполняя королевское распоряжение, мягко выпроводили из комнаты солдат и рыдающих фрейлин, и тут Дерри заметил Риммеля. Архитектор, упав на колени, стоял в углу, его голова вздрагивала от рыданий; он что-то сжимал в кулаке. Видна была лишь золотая цепочка. Когда Дерри тронул его за плечо, Риммель вытаращил на него глаза, покрасневшие от слез. Дерри, не зная, как ему быть с этим истеричным мужчиной, вдруг обратил внимание на цепочку; вид ее вызвал у него подозрение.

— Эге, это что такое? Риммель, где вы это взяли?

Дерри схватил его за руку, Риммель с безумными глазами попытался вырваться и встать на ноги. Его сопротивление только разожгло интерес Дерри, и лорд-гофмейстер постарался разжать кулак Риммеля.

— Ну-ка, Риммель, сейчас мы увидим, что это такое...— Дерри начинал сердиться: архитектор сжимал пальцы все крепче и крепче.— Ага, медальон. Ну и где вы...

Медальон выпал из рук Риммеля на пол и, когда Дерри, нагнувшись, прикоснулся к нему, открылся. Дерри хотел только взглянуть на него и вернуть Риммелю и тут увидел портрет.

— Хадасса, это же миледи!

Келсон удивленно обернулся на крик Дерри и, увидев его возмущенное лицо, подошел к молодому лорду и взял медальон.

Пока он разглядывал портрет, подошла леди Маргарет. Увидев медальон, она судорожно сжала руки. В ее глазах застыло изумление.

— Откуда этот медальон, государь?

— Этот? — смущенно посмотрел Келсон.— Да вот, найден у Риммеля, миледи. А уж как попал к нему — ума не приложу.

Нетвердой рукой Маргарет взяла у Келсона медальон, вздрогнув, когда металл коснулся ее кожи. Она мгновение смотрела на него, потом со стоном спрятала медальон у себя на груди.

— Где,— тяжело выдохнула она,— где ты взял его, Риммель?

— Миледи, я...

— Бронвин дала его Кевину в день помолвки. Как он попал к тебе?

С криком отчаяния Риммель упал на колени и вцепился в ее подол.

— О, дражайшая леди, я не хотел, поверьте, я не хотел того, что случилось,— сквозь рыдания бормотал он.— Я так любил ее! Я только хотел добиться взаимности. Вы же знаете, что такое любовь!

Маргарет невольно отшатнулась от него, поняв значение этих слов, а Дерри дал знак гвардейцам взять архитектора, и те немедленно выполнили приказ. Яред, безучастно глядя на происходящее, снова и снова бормотал имя сына.

— Ты! — закричал Келсон, не веря своим ушам.— Ты положил жерман, Риммель?

— О государь, вы должны мне поверить! — стонал Риммель, безутешно качая головой.— Я хотел только навести любовные чары. Дама по имени Бетана сказала...

— Бетана? — Келсон схватил Риммеля за волосы и повернул к себе лицом.— Это магия Дерини, Риммель. Я знаю, что говорю, мне самому пришлось управляться с ее остатками. Так кто эта дама по имени Бетана? Дерини?

— Я... я не знаю, Дерини ли она, государь,— пробормотал Риммель и скривился от боли, когда Келсон еще сильнее запрокинул его голову.— Она живет на холмах за городом, в... в пещере. Мне говорили, что она колдунья, наводит любовные чары, ну и другие тоже, за еду и за... за золото.— Он вздохнул, и его глаза вспыхнули.— Я только хотел, чтобы Бронвин меня полюбила, государь. А мне сказали, что Бетана и занимается как раз таким простым колдовством.

— Простое колдовство не убивает! — выкрикнул Келсон и, разжав пальцы, отпустил волосы Риммеля.— Ты все равно виноват в их смерти, как если бы сам навел чары.

— Я убью его! — закричал Яред, вырывая меч у стражника.— Как Бог свят, он умрет за это злодейство.

Он уже кинулся на Риммеля с обнаженным мечом, но Маргарет с криком «Нет!» преградила ему дорогу. Дерри и капитан охраны вырвали у Яреда меч, Маргарет держала его за руки, но он продолжал кричать:

— Руки прочь, дурни! Я убью его! Маргарет, он убил моего сына! Не мешай мне!

— Яред, нет! Разве не достаточно смертей? Подожди, подожди, приди в себя! Государь, ну не дайте же ему сделать это! Я умоляю вас!

— Стойте все!

Слова Келсона как меч разрубили воздух, и установилась тишина, прерываемая только рыданиями Риммеля. Все взгляды устремились на молодого короля, так похожего в это мгновение на своего отца.

— Отпустите Яреда,— обратился он к Дерри.

— Государь? — Дерри недоумевающе посмотрел на него, а в глазах леди Маргарет блеснул ужас.

— Я прошу вас отпустить его, Дерри,— повторил Келсон.— Я думаю, сказано достаточно ясно.

Неохотно кивнув, Дерри отпустил руку Яреда и отступил, обхватив леди Маргарет за плечи, чтобы удержать ее от попытки вмешаться. Маргарет со страхом смотрела, как Яред, схватив меч, снова устремился к Риммелю.

— Государь, умоляю, не дайте Яреду убить его! Он...

— Нет, разрешите ему убить меня, государь,— крикнул Риммель, качая головой и покорно закрывая глаза.— Я не заслужил прощения, будь я проклят! Я недостоин жизни! Убейте меня, ваша светлость! Я убил женщину, которую любил. Казните меня самой страшной казнью. Я заслужил это.

Яред замер, его безумный взгляд прояснился. Опустив меч и выпрямившись, он посмотрел на склоненную голову Риммеля, потом взглянул на Келсона, на искаженное отчаянием лицо Маргарет — и выронил оружие. Повернувшись вполоборота к двери, он позвал:

— Лорд Фергюс?

Плотный человек в форме младшего офицера появился в дверях. Лицо у него было суровое и решительное; на распростертого на полу Риммеля он взглянул с явным презрением.

— Ваша светлость?

— Этот человек признался в убийстве. Через час его голова должна быть на колу предателей. Понятно?

Глаза Фергюса радостно блеснули, и он поклонился.

— Да, ваша светлость.

— Очень хорошо. Я хочу посмотреть на твою работу, прежде чем ты покинешь сад, Фергюс.

Тот опять кивнул.

— Я понимаю.

— Иди.

Отвесив поклон, Фергюс подал своим людям знак взять арестованного и увести его. Риммель продолжал бормотать:

— Я заслужил это, я убил ее, я заслужил...

Фергюс вынул свой меч из кожаных ножен. Яред дождался их ухода, затем подошел к телам, поднял красный плащ и откинул золотые волосы Бронвин, лежавшие на лице Кевина. Маргарет, не веря себе, смотрела на уводимого солдатами узника и на склонившихся над мертвыми телами Яреда и Ансельма. Потом она протянула руки к Келсону.

— Государь, вы не должны этого позволить. Этот человек, конечно, преступник, спору нет. Но так хладнокровно казнить...

— Это дело герцога Яреда, миледи. Не просите, чтобы я вмешивался.

— Но вы король, государь. Вы можете...

— Я приехал сюда не как король, а как простой гость,— ответил Келсон, глядя на Маргарет своими серыми глазами.— Я не могу распоряжаться за герцога Яреда в его собственном доме.

— Но, государь...

— Я понимаю, что движет Яредом, миледи,— твердо сказал Келсон, глядя на коленопреклоненного герцога.— Он потерял сына. У меня еще нет сыновей, а если темные силы одержат верх, то уже и не будет. Но я, кажется, могу понять, что он чувствует. Я потерял отца, больше чем просто отца... Думаю, я пережил нечто подобное.

— Но...

С террасы долетели глухой вскрик и звон стального клинка. Маргарет побледнела. Вдруг раздались шаги, и в дверях появился Фергюс, держа в руках что-то тяжелое, бело-красное. Это была голова Риммеля.

Яред безучастно посмотрел на нее, только его пальцы теребили край плаща. Потом лицо его прояснилось, он благодарно кивнул, а Фергюс вновь отвесил поклон и удалился, оставляя кровавые следы. Яред вновь склонился над мертвыми.

— Мне отмщение, и аз воздам,— прошептал отец Ансельм дрогнувшим голосом.

— А я потерял моих детей,— ответил Яред, дотрагиваясь дрожащей рукой до плеча Кевина.— Мой сын и та, кто должна была

стать моей любимой дочерью, ныне вы вместе навеки, как и хотели. Не думал я, что вашей брачной постелью будет могила...

Его голос сорвался, и он затрясся в рыданиях. Маргарет подошла к нему и прижала его голову к своей груди, тоже плача. Келсон печально посмотрел на них и, рассудив, что больше ничего сделать не может, подозвал Дерри.

— Это, честно говоря, должен сделать я сам, но я не хочу оставлять одного лорда Яреда... Поможете мне, Дерри?

Дерри поклонился.

— Вы знаете, я всегда готов, государь. Что нужно сделать?

— Сходите на холмы и найдите эту Бетану. Если она Дерини, это может быть опасно. Но я знаю — вы не боитесь магии. Кроме вас, мне некого послать вместо себя.

Дерри поклонился снова.

— Это большая честь, государь.

Келсон осмотрелся, потом отошел в угол, дав Дерри сигнал следовать за собой. Охрана и фрейлины вышли, и только Гвидион, лорд Деверил и несколько слуг оставались в комнате вместе с Яредом и Маргарет. Молитвы отца Ансельма звучали в полной тишине. Келсон посмотрел Дерри в глаза.

— Я прошу сейчас как друг, а не как король,— тихо сказал он.— Так, как попросил бы Морган. Вы можете отказаться, если хотите.

— Говорите, государь,— мягко ответил Дерри, обменявшись с королем понимающим взглядом. Келсон кивнул.

— Вы позволите мне сделать вам магическую защиту, прежде чем вы пойдете к Бетане? Мне страшно отпускать вас без всякой помощи.

Дерри опустил глаза в раздумье, его правая рука коснулась груди, где все еще висел данный Морганом медальон. Немного подумав, он вынул цепочку с медальоном из-под плаща.

— Я чуть-чуть посвящен в магические искусства, государь. С помощью этой медали Морган передавал мне свои наставления. Кажется, святой Камбер покровительствует и людям тоже.

Келсон посмотрел на медальон, потом на Дерри.

— Можно дотронуться? Может быть, моя сила укрепит то, чем вы уже владеете.

Дерри кивнул, и Келсон взял медальон в руки. Он посмотрел на него внимательно, потом положил правую руку на плечо Дерри, в левой все еще держа медальон.

— Расслабьтесь и закройте глаза, как учил вас Морган,— сказал он.— Откройте мне свои мысли.

Дерри повиновался, а Келсон, сжав губы, начал сосредоточиваться — и вот уже малиновая аура возникла вокруг медальона. Малиновое смешалось с зеленым — это чары Келсона сошлись с чарами Моргана. Когда свечение исчезло, Келсон опустил руки и выдохнул. Серебряный медальон блеснул на голубом плаще Дерри.

— Что ж, от этого может быть толк,— полуулыбнулся Келсон, глядя на медальон.— У вас точно нет в роду Дерини, Дерри?

— Нет, государь. Думаю, это и Моргана удивляет.— Он улыбнулся и опустил глаза.— Как он, государь? Вы ему сказали?

Келсон покачал головой.

— Зачем? Чтобы доставить ему еще большую печаль? Он и так уже едет сюда. Получается, опять едет на похороны, как тогда к моему отцу. Пусть хоть в дороге не беспокоится.

— Хорошо, государь. А когда я найду эту Бетану — доставить ее сюда?

— Да. Я хочу знать, какова во всем этом ее роль. Но будьте осторожны. В ее колдовство уже вкралась ошибка, умышленная или нет — посмотрим. В общем, лучше пусть умрет она, чем вы, если придется выбирать.

— Я буду осторожен,— улыбнулся Дерри.

— Что ж, тогда все.— На губах Келсона мелькнула печальная улыбка.— Вам пора идти.

— Сию минуту, государь.

...Келсон, как только Дерри выскользнул из комнаты выполнять его поручение, вновь обратил взор на горестную сцену. Отец Ансельм стоял на коленях вместе с семьей и ближними слугами, и воздух оглашали слова литании:

Kyrie eleison,
Christe eleison,
Kyrie eleison,
Pater noster, qui es in coelis.

Король, опустившись на одно колено, слушал их, вспоминая тот день, когда он так же стоял у мертвого тела отца в Кандорском ущелье, тоже умерщвленного с помощью магии. И слова эти было так же тяжело слышать сейчас, как и пять месяцев назад.

— Во царствие свое пришли их, Господи... И да сияет над ними свет невечерний...

Келсон вздохнул, встал и вышел из комнаты, словно пытаясь уйти от всепроникающего голоса смерти. Эти слова придется услышать еще раз через два дня, и это едва ли будет легче, чем теперь.

Едва ли вообще когда-нибудь это будет легко.

Глава XVII

*«БУДУТ ТАКЖЕ ЕРЕСИ МЕЖДУ ВАМИ, КОТОРЫМ ИЗБРАННЫЕ ВАШИ ПРЕДАДУТСЯ ПЕРЕД ВАМИ»**

Вечером того же рокового дня, когда Келсон скорбел, а Морган с Дунканом спешили к месту плача, гвиннедская курия в Дхассе все заседала.

Лорис собрал своих епископов в большом зале курии в центре дворца: недалеко отсюда этой ночью было провозглашено отлучение. Но хотя сессия шла весь день, с небольшими перерывами для трапезы, до принятия решения было так же далеко, как и в начале.

Два человека завели курию в тупик, а именно: Ральф Толливер и Вольфрам де Бланнет, одни из двенадцати странствующих гвиннедских епископов без определенной епархии. Толливер был не согласен с самого начала сессии — ведь отлучение Корвина ударило бы и по нему. Но именно Вольфрам расстроил дело окончательно.

Суровый старый прелат явился в середине утреннего заседания, вместе с семью собратьями, напуганными тем, что вопрос об отлучении Корвина обсуждается всерьез. Появился он с большим шумом, и пока дряхлые, вялые епископы собирались с мыслями, их противник успел произнести речь, решительно не соглашаясь с тем, что задумал Лорис против Корвина. Да, корвинский герцог (как согласились вчера Арилан с Кардиелем) заслужил наказание за то, что учинил в церкви Святого Торина, как и его кузен Дерини, который столько лет скрывал свое истинное лицо под маской священника. Но наказывать целое герцогство за грехи правителя, к тому же когда сам он уже соответствующим образом наказан,— что может быть глупее!

* I Коринфянам 11:19.

И тут начались дебаты. Кардиель и Арилан, понимая, как далеко может зайти вспыльчивый старик Вольфрам, держались пока в стороне, чтобы не выдать своих намерений раньше времени. Оба понимали, что споры, вызванные речью Вольфрама, помогут им найти возможных союзников, а это, в свою очередь, подскажет, как действовать дальше.

Арилан механически постукивал пальцами по столу, пока старый епископ Карстен разглагольствовал о каких-то запутанных статьях канонического права, имеющих отношение к делу.

Вольфрам, конечно, поддержит того, кто выступит против отлучения, и это значит, что он, когда настанет время, будет на стороне Кардиеля. Из его семи собратьев Сивард и простодушный Гилберт могут тоже поддержать их; трое — скорее на стороне Лориса, и двое колеблются. Из старших епископов двое: Браден и Ивор — соблюдают осторожный нейтралитет; это было видно по выражению их лиц во время дебатов. Однако Лацей и Креода пойдут за Лорисом, как и этот хриплоголосый старый Карстен. Карриган, конечно, человек Лориса с самого начала, поэтому из старших епископов остается только Толливер. К счастью, с ним нет никаких вопросов.

Итого восемь за отлучение, четверо колеблются, и шестеро против. Не слишком впечатляет, потому что колеблющиеся могут в любой момент оказаться на стороне тех, кто сильнее, и уж точно не станут ссориться из-за этого дела с курией. А это значит — двенадцать голосов против шести, разве что у кого-нибудь хватит смелости воздержаться. И если их останется всего шестеро — они явно противопоставят себя курии, что грозит им самим отлучением.

Арилан посмотрел на другой конец большого стола, похожего на подкову, где сидел Лорис, и встретил взгляд Кардиеля. Тот едва заметно кивнул и вновь внимательно прислушался к заключительным словам Карстена. Когда старый епископ сел, Кардиель поднялся. Время настало.

— Милорд архиепископ?

Кардиель заговорил негромко, но едва прозвучал его голос, шепот прекратился и все взгляды обратились к основанию стола-подковы, туда, где он стоял. Он тихо ждал, пока спорящие займут свои места и успокоятся, а затем поклонился Лорису.

— Могу я говорить, ваше преосвященство?

— Да, конечно.

Кардиель поклонился еще раз.

— Благодарю вас, милорд. Я слушал нынче весь день споры и рассуждения братьев моих во Христе и как здешний епископ хотел бы выразить свое суждение.

Лорис нахмурился.

— Мы же предоставили вам слово, епископ Кардиель,— насторожившись, с раздражением сказал он.

Кардиель сдержал улыбку и, обежав глазами зал, остановился взглядом на Арилане и Толливере. Когда Лорис замолчал, отец Хью, секретарь Карригана, опустил глаза и поднял их только тогда, когда епископ набрал полную грудь воздуха, чтобы произнести свою речь.

— Милорды епископы, братья мои,— спокойно начал Кардиель.— Обращаюсь к вам нынче как брат, как друг, а также как епископ места, избранного для этого заседания курии. Я нынче весь день достойно играл свою роль, ибо мне пристало хранить нейтралитет, дабы не повлиять на решение других. Но дело, мне кажется, зашло слишком уж далеко, и я более не могу молчать, ибо иначе я обману доверие, оказанное мне церковью.

Его глаза еще раз обежали зал, и он заметил напряженный взгляд Лориса. Хью писал что-то, склонившись, и его глаз не было видно; все остальные, затаив дыхание, смотрели на Кардиеля.

— Позвольте мне заявить со всеми полагающимися формальностями — я надеюсь, что отец Хью впишет их, как и надлежит, что я также против отлучения, которое наш брат из Валорета хочет наложить на Корвин.

— Что?

— Вы что, повредились в рассудке, Кардиель?

— Он сумасшедший!

Кардиель подождал, пока вскочившие снова займут свои места. Пальцы Лориса вцепились в ручку кресла, но выражение его лица не изменилось. Кардиель с силой сжал руки и еще раз внимательно осмотрел слушающих, прежде чем заговорил снова:

— Это нелегкое решение, братья мои. Я думал и молился много дней, с того часа, как узнал, что предлагает нашей курии архиепископ Лорис. А дальнейшая дискуссия укрепила меня в этом мнении. Отлучение Корвина — зло. Того, против кого оно направлено, в Корвине уже нет. Он уже понес наказание этой ночью, когда вы отлучили его и Маклайна.

— Вы тоже поддержали отлучение Моргана, Кардиель,— вмешался Карриган.— Вы признали это, приняв участие в процессе вместе с архиепископом Лорисом и со мной. И Толливер, епископ Корвина,— тоже.

— Да, я это сделал,— спокойно ответил Кардиель.— По существующему праву Морган и Маклайн осуждены правильно, и это остается в силе, пока они не приведут доказательств своей невиновности или не объяснят своих действий перед церковным собором. Их личное отлучение — вопрос бесспорный.

— Тогда что же — спорный вопрос? — спросил один из епископов.— Если вы признаете, что Морган с этим священником виновны в страшных грехах, то...

— Я не выносил им нравственного приговора, милорд. Они совершили то, что было перечислено вчера ночью. Допустим. Но выносить приговор тысячам людей, лишать их церковной благодати за действия их герцога! Разве так годится?

— Это вытекает из церковных законов,— начал Лорис.

— Так не годится! — повторил Кардиель, гневно ударяя рукой по столу.— И я не могу этого допустить. Отцы мои, если вы будете настаивать на отлучении, я вынужден буду покинуть собрание!

— Так сделайте это! — сказал Лорис, поднимаясь из-за стола; его лицо покраснело.— Если вы думаете, что напугаете меня этим, вы заблуждаетесь! Дхасса не единственный город в одиннадцати королевствах. Не сможем собраться здесь — соберемся в другом месте. А может быть, в Дхассе очень скоро появится новый епископ!

— А почему бы в Валорете не появиться новому епископу? — сказал Вольфрам, поднимаясь на ноги и глядя на Лориса.— Что до меня, милорд, я ваших угроз не боюсь: пока я жив, я — епископ. И ни вы, ни кто другой не отнимет то, что дал мне Бог! Кардиель, я уйду вместе с вами!

— Это неслыханно! — воскликнул Лорис.— Вы что думаете, будто два епископа могут помешать всей курии?

— Больше двух, милорд,— сказал Арилан, и они с Толливером встали и подошли к Кардиелю.

Карриган воздел руки к небу.

— О Господи, защити нас от неискушенных людей! Что же, прикажете нам учиться у мальчишек?

— Я старше, чем был наш Господь, когда он спорил с фарисеями и книжниками,— холодно ответил Арилан.— Сивард? Гилберт? Вы остаетесь с нами или с Лорисом?

Двое переглянулись, посмотрели на Вольфрама и встали.

— С вами, милорд,— сказал Сивард.— Мы не хотим отлучения.

— Надумали бунтовать? — закричал Лорис.— Да понимаете ли вы, что я могу совсем изгнать вас отсюда, даже отлучить от церкви...

— За отсутствие на заседании? — усмехнулся Арилан.— Я не думаю, что за это полагается анафема. Лишить нас сана — что ж, это в вашей власти. Но на наши действия угрозы ваши не повлияют. И мы не перестанем наставлять тех, кто идет за нами.

— Это безумие! — закричал старый Карстен, посмотрев на них округлившимися глазами.— Вы надеетесь победить?

— Считайте, что мы защищаем свою честь,— сказал Толливер,— и свои права слуг Божьих. Мы не хотим видеть отлучения края за грехи двух человек.

— Так сейчас прямо и увидите! — воскликнул Лорис.— Отец Хью, готов ли у вас для подписи текст отлучения?

Лицо Хью было мертвенно-бледным, когда он посмотрел на Лориса. Он долго молчал и в конце концов достал и положил перед архиепископом свиток пергамента.

— Итак,— сказал Лорис, беря у Хью перо и подписываясь под документом,— «сим объявляю герцогство Корвин, со всеми городами и поселениями, вне церкви, пока герцог Аларик Морган и его родич Дерини не предстанут пред сей курией для суда». Кто подпишет со мной.

— Я,— сказал Карриган, подходя к Лорису и беря перо.

— И я,— отозвался Лацей.

Кардиель молча смотрел, как Карриган ставит свою подпись.

— А вы подумали, что скажет король, когда узнает об этом, Лорис? — спросил он.

— Король — слабый ребенок! — возразил Лорис.— Он не может противопоставить себя всему гвиннедскому клиру — даже потом, когда войдет в возраст. Он одобрит это отлучение.

— Так ли? — сказал Арилан, в раздумье опираясь на стол.— Не так уж он был слаб, когда заставил в прошлом году Регентский совет освободить Моргана. Или когда одержал победу в схватке с Кариссой. Уж если кто тогда и проявил слабость, то никак не он!

Лорис побагровел и яростно взглянул на подошедшего Лацея.

— Подписывайте же, Лацей,— прошептал он.— Посмотрим, сколько народу окажется на стороне этого юного хвастуна и сколько поддержит правое дело.

Когда Лацей подписался, еще восемь епископов подошли и поставили свои подписи под документом, и только Браден оставался на месте. Лорис посмотрел на Брадена, приподняв бровь, но заулыбался, когда тот поднялся и поклонился ему.

— Я встал, милорд архиепископ,— сказал тот,— но не для того, чтобы подписать ваш документ.

Кардиель и Арилан переглянулись в изумлении — что заставило старого ученого из Грекоты принять их сторону?

— К сожалению, я не могу помирить вас, уважаемые господа,— продолжал Браден,— но я не могу и поддержать это отлучение — по своим собственным соображениям. Однако так же я не могу согласиться с теми, кто спорит с курией и вносит в нее раскол.

— Что же вы в таком случае намерены делать, милорд? — спросил Толливер.

Браден пожал плечами.

— Я вынужден воздержаться. А поскольку пользы ни одной из сторон я принести не могу, я удаляюсь в свое схоластическое общество в Грекоте и буду молиться за вас.

— Браден...— начал Лорис.

— Нет, Эдмунд, на меня вы не повлияете. Не спорьте, я вам не помощник.

И все собрание с изумлением смотрело, как Браден, поклонившись в обе стороны, идет к двери. Когда дверь за ним закрылась, Лорис посмотрел на Кардиеля. В его глазах вспыхнула ярость. Он медленно вышел из-за колонны и двинулся в сторону мятежных епископов.

— Я лишу вас сана, Кардиель, как только мне предоставят все нужные бумаги. Я не потерплю такого посягательства на мой авторитет.

— Пишите ваши бумаги, Лорис,— сказал Кардиель.— Без подписи большинства членов курии все ваши отлучения, епитимьи бумагой и останутся.

— Одиннадцать епископов...— начал Лорис.

— Одиннадцать из двадцати двух — это не составляет большинства. Из одиннадцати неподписавшихся — шестеро здесь перед вами, и они ничего не подпишут, а один вообще отказался играть в ваши игры; остальные четверо — странствующие еписко-

пы без определенной епархии, живущие то здесь, то там. Вам понадобятся, может быть, недели, чтобы отыскать одного из них, и еще недели — чтобы заставить его подписаться.

— Мне все равно,— прошипел Лорис.— Одиннадцать или двенадцать, разницы мало. Курия признает ваши голоса недействительными, и настоящие христиане арестуют Моргана и доставят сюда при первой же возможности. Ради этого все и делается.

— Вы уверены, что это не развяжет новую священную войну против Дерини, архиепископ? — спросил Толливер.— Можете запрещать ее сколько угодно, но мы же с вами знаем — стоит Варину де Грею узнать про отлучение, он устроит такую резню, какой мы двести лет не видели. С вашего благословения!

— Да вы с ума сошли, если думаете такое.

— Неужто? — возразил Толливер.— Не вы ли рассказывали нам, как встречались с этим Варином и разрешили ему захватить Моргана, если это будет возможно?

— Но ничего больше! Варин — это...

— Варин — фанатичный враг Дерини, как и вы,— бросил Арилан.— И вопрос для него только в том, как начать войну. Он не смирится с тем, что Корвин стал убежищем Дерини, что те, кто бежал от ваших преследований из Валорета, оседают здесь и живут в спокойствии и безопасности. Но я не думаю, что сейчас они позволят перебить себя без сопротивления, как это бывало раньше, Лорис.

— Я не палач! — воскликнул Лорис.— Я не казню без достаточных оснований. Но Варин прав. Эта скверна Дерини должна быть стерта с лица земли. Мы сохраним им жизнь, но о своих проклятых силах они должны забыть навеки. Они должны отречься от этих сил, запретить себе использовать их.

— А поймет ли это простой человек, Лорис? — спросил Кардиель.— Варин скажет ему — убей, и он будет убивать. Сможет он отличить отрекшегося Дерини от не отрекшегося?

— До этого не дойдет,— возразил Лорис.— Варин будет действовать под моим...

— Довольно! — крикнул Кардиель.— Довольно, пока я не забыл, что я священник, и не сделал того, о чем буду после жалеть. Вы утомили меня, Лорис, и я, как хозяин, прошу очистить зал.

— Вы хотите...

— Я сказал — довольно!

Лорис кивнул, его глаза сверкнули, как угли, на смертельно бледном лице.

— Значит, война,— прошептал он.— Что ж, с врагами нужно и обходиться как с врагами. Другого пути нет.

— Лорис, я не желаю видеть вас в Дхассе. Толливер и вы, Вольфрам, Сивард, Гилберт, не сомневайтесь — они уедут. Скажем охране, что они должны покинуть Дхассу до полуночи, и сами потом проверим.

— С удовольствием,— ответил Вольфрам.

Бледный от гнева, Лорис обернулся и пошел к выходу. За ним последовали епископы и клирики, а также четверо из шести мятежных епископов — сторонники Кардиеля. Когда дверь закрылась, остались только Кардиель, Арилан и Хью. Последний так и продолжал сидеть на своем месте с опущенной от испуга головой. Арилан первым заметил его и, подав знак Кардиелю, подошел к священнику.

— Остались шпионить, отец Хью? — тихо спросил он, беря того за руку и осторожным, но твердым движением поднимая его из-за стола.

Хью, потупясь в пол, оправлял края сутаны.

— Я не шпион, милорд,— чуть слышно сказал он.— Я... я хочу присоединиться к вам.

Арилан посмотрел на своего товарища. Кардиель, сложив руки на груди, спросил:

— Что привело вас к такому решению, отец мой? Вы ведь столько лет были секретарем Карригана...

— Я не изменился, ваше преосвященство,— во всяком случае, я не имею никаких личных обид. На прошлой неделе, когда я узнал о готовящемся отлучении Корвина, я доложил об этом его величеству. Я обещал ему, что останусь при Карригане и буду сообщать все новости. Но дольше оставаться я не могу.

— Я, кажется, понимаю,— улыбнулся Кардиель.— Что же, Денис? Принимаем его?

— Я — за.

— Хорошо.— Кардиель протянул Хью руку.— Что ж, милости просим, отец Хью. Нас немного, но, как сказал псалмопевец, вера наша крепка. Может быть, вы поделитесь с нами тем, что знаете о дальнейших намерениях Лориса и Карригана? Ваша помощь сейчас была бы очень кстати.

— Возможно, я и могу помочь вам, ваше преосвященство,— пробормотал священник, наклоняясь, чтобы поцеловать руку Кардиелю.— Спасибо.

— Ну уж, без церемоний,— улыбнулся Кардиель.— Нас ждут важные дела. Найдите, пожалуйста, моего секретаря, отца Эванса,— вы оба понадобитесь нам через четверть часа. Нужно будет отправить несколько писем.

— Конечно, ваше преосвященство,— сказал Хью и, поклонившись, вышел.

Кардиель вздохнул, опустился на свободное кресло и, закрыв глаза, потер лоб рукой, а потом взглянул на Арилана, стоящего в конце стола. Тот улыбнулся:

— Что ж, мы сделали это, друг мой. Раскололи церковь накануне войны.

Кардиель повел бровью и устало улыбнулся:

— Войны с Венцитом и гражданской войны. Если вы думаете, что это нас не затронет...

Арилан пожал плечами.

— Чему быть, того не миновать. Вот Келсона мне жаль. Следующей жертвой Лориса будет он. Полукровка Дерини, как и Морган. Да еще особые силы, унаследованные от отца.

— Из этого следует одно: Келсон — реальное доказательство тому, что силы Дерини могут быть благотворны и чисты,— сказал Кардиель. Он вздохнул, заложил руки за голову и посмотрел в потолок.— Что вы думаете о Дерини, Денис? Действительно ли они так страшны, как считает Лорис?

Арилан слегка улыбнулся:

— Думаю, что есть разные Дерини. Как и среди всех, есть хорошие, но есть и дурные люди. Я не думаю, что Келсон, Морган и Дункан — злодеи, если вы это имеете в виду.

— Хм. Я удивлен. В первый раз вы прямо сказали, что думаете об этом.— Он повернулся к Арилану.— Не знай я вас лучше, я бы усомнился — уж не Дерини ли вы?

Арилан удивленно вскинул брови и положил руку Кардиелю на плечо.

— Странные вещи вы говорите, Томас. Идемте. Надо действовать, не то настоящий Дерини постучит в двери.

Кардиель встал и покачал головой:

— Боже сохрани.

Глава XVIII

*«ОСТАВАЙСЯ ЖЕ СО ВСЕМИ ВОЛШЕБСТВАМИ И СО МНОЖЕСТВОМ ЧАРОДЕЙСТВ ТВОИХ, КОТОРЫМИ ЗАНИМАЛАСЬ ТЫ ОТ ЮНОСТИ СВОЕЙ»**

До начала следующего дня оставалось еще несколько часов, когда Морган и Дункан подъехали к городским стенам Кулда. Они не сходили с седел около двадцати часов, после короткой остановки в Ремуте, где узнали, что Келсон уже уехал, не дождавшись их, в Кулд.

Нигель, замещавший Келсона в столице, был испуган словами Дункана о собрании в Дхассе и согласился, что прежде всего необходимо сообщить новости Келсону, и как можно быстрее. Рано или поздно известие о происшествии в Святом Торине достигнет Келсона, может быть, в форме официального декрета Дхасской курии об отлучении; а тогда молодому королю небезопасно будет самому посылать за двумя осужденными Дерини. Тем временем Нигель продолжал собирать войска для предстоящей кампании. Но если смута на юго-востоке не утихнет, их придется использовать для внутренних нужд: гражданской войны допустить нельзя.

Итак, Морган и Дункан выехали в Кулд, не зная, что ожидает их в этом городе, кроме встречи с молодым королем. Когда в свежих утренних сумерках они достигли главных ворот, привратник выглянул в окошко и с подозрением осмотрел их. После трех дней пути они выглядели и впрямь так, что не вызывали доверия, тем более в столь ранний час.

— Кто хочет попасть в город до рассвета? Назовите себя или предстанете перед городскими властями.

— Герцог Аларик Морган и Дункан Маклайн хотят видеть короля,— громко сказал Дункан.— Пожалуйста, открывай быстрее, мы спешим.

Привратник возбужденно пошептался с кем-то, кого не было видно, потом появился в окошке снова и кивнул.

— Отойдите чуть назад, милорды. Сейчас выйдет капитан.

Морган и Дункан отъехали на несколько шагов и привстали в седлах. Морган осмотрелся и вдруг увидел чью-то седую голову

---

* Исайя 47:12.

на пике над воротами. Он нахмурился и, коснувшись плеча Дункана, движением головы указал ему на пику.

— Сколько знаю, так наказывают предателей,— сказал Морган, удивленно рассматривая голову.— Давно здесь такого не было, однако. И случилось это, по-видимому, на днях.

Дункан повел бровью и пожал плечами.

— Я не знаю его. Лицо молодое, а волосы совсем белые. Интересно, что он натворил?

Тут загремела задвижка, тронулись с места стальные затворы, ворота приоткрылись, и показался всадник. Морган удивленно посмотрел на Дункана — обычно гостей встречали в Кулде не так. С другой стороны, они никогда еще не въезжали в город до рассвета. Да и в любом случае силы к Моргану вернулись и теперь им были не особенно страшны опасности.

Дункан въехал в ворота и пересек маленький двор, Морган последовал за ним. Внутри стояли стражники в темных плащах, держа коней под уздцы. Капитан со значком личной охраны Келсона подошел к Аларику и взял уздечку его коня.

— Добро пожаловать в Кулд, ваша светлость, и вы, монсеньор Маклайн,— сказал он, не сводя с них глаз. Лошадь Моргана вдруг подалась вперед, и он поспешно отступил.— Эти люди будут сопровождать вас для большей безопасности.

Он отпустил лошадь Моргана, и тот вновь удивленно вскинул брови. Во дворе было темно, но в факельном свете Морган разглядел креповую повязку на руке этого человека. Как странно, что офицер Келсона публично носит траур! Кто же умер?

Эскорт двинулся, стражники держали факелы в вытянутых руках. Морган с Дунканом поехали следом за ними. Улицы Кулда были пусты в этот утренний час, и стук копыт гулко отдавался в воздухе. Городская охрана молча пропускала прибывших, видя их эскорт. Взглянув на окна королевской резиденции, Дункан и Морган увидели, что окна покоев, где обычно останавливался Келсон, освещены.

Вот это уже действительно странно. Что подняло молодого короля в столь ранний час? Обычно он встает поздно; должно было случиться нечто необычное, чтобы он поднялся за час до рассвета. Что же произошло?

Они натянули поводья и спешились. Грум провел мимо чью-то лошадь, то и дело останавливаясь и качая головой при взгляде на вконец заморенное животное.

«Только гонец мог так загнать коня,— подумал Морган.— Гонец, принесший Келсону срочное послание. Потому-то и горит свет в окне королевской спальни».

На лестнице их ждала еще одна неожиданность. Узнав старого привратника, знакомого с детства, они остановились и поклонились ему, дав знак освещавшим дорогу пажам подождать. Но он прятал от них глаза, и на нем тоже была креповая повязка.

«Кто умер? — спросил себя Морган, и страшное предчувствие обожгло его сердце.— Дай бог, не король».

Морган переступал через две ступеньки, Дункан едва поспевал за ним. Расположение комнат было известно обоим, и Морган тревожно устремился к двери короля. Она была не заперта.

Келсон сидел за письменным столом, осунувшийся, с взъерошенными волосами. Пламя свечи, стоявшей на столе, задрожало, когда открылась дверь, но Келсон этого не заметил: он что-то сосредоточенно писал, изучая лежащий перед ним на столе документ. Рядом с ним стоял Дерри и читал пергамент, заглядывая ему через плечо. У очага ждал молодой кавалер, на его плечах был один из малиновых плащей Келсона. Он потягивал горячее вино; один паж стягивал с него сапоги, другой — готовил ему завтрак.

Келсон посмотрел на дверь, и его глаза расширились, когда он увидел Моргана и Дункана. Все остальные тоже обернулись к двери; как только Келсон встал и положил перо, Дерри отошел и виновато взглянул на Моргана.

Во всем — даже в том, как были расставлены свечи,— чувствовалась какая-то большая беда.

Келсон подал знак пажам и кавалерам выйти и не двигался с места, пока дверь за ними не закрылась. Только после этого он вышел из-за стола. Но все еще не было сказано ни слова. Морган вопросительно посмотрел на Дерри, потом на короля.

— Что случилось, Келсон?

Келсон уставился на свои ночные туфли, чтобы не встречать взгляда Моргана.

— Не так просто сказать все сразу, Аларик и отец Дункан. Вы лучше садитесь.

Дерри подвинул кресло, а Морган с Дунканом обменялись недоуменными взглядами. Дерри вернулся на прежнее место за стулом Келсона.

Мальчик произнес со вздохом, указав на лежащий на стеле пергамент:

— Прежде всего вот это. Я не знаю, что там приключилось в часовне Святого Торина — Хью не вдается в детали,— но я думаю, для вас не будет неожиданностью, что оба вы отлучены от церкви.

Морган и Дункан переглянулись, и Дункан кивнул.

— Лорисом?

— Гвиннедской курией.

Дункан сел и снова вздохнул.

— Нет, я не удивлен. Горони уж нарассказывал им сказок! Я думаю, имеется в виду, что я разоблачил себя как Дерини?

— Здесь все,— сказал Келсон, вновь указывая на пергамент.

Морган нахмурился и выпрямился на стуле, внимательно глядя на Келсона.

— Келсон, скажите же, что произошло до того, как вы получили это сообщение? Что стряслось? Почему все в трауре? Чья это голова на воротах?..

— Человека по имени Риммель,— начал Келсон, не глядя Моргану в глаза,— вы его, может быть, помните, отец Дункан...

— Архитектор моего отца,— кивнул Дункан.— Но что же он сделал? Такой казни обычно подвергаются изменники.

— Он был влюблен в вашу сестру, Аларик,— прошептал Келсон.— Он нашел ведьму где-то на холмах, чтобы навести любовные чары. Только, видимо, чары были неверно наведены, и, вместо того чтобы внушить ей любовь к Риммелю, они убили.

— Бронвин?

Келсон слабо кивнул.

— И Кевина. Обоих.

— О боже мой,— прошептал Дункан упавшим голосом и обхватил лицо руками.

Морган непроизвольно коснулся его плеча, успокаивая, и вновь откинулся на спинку кресла.

— Бронвин умерла? От магии?

— Жерманский кристалл,— тихо ответил Келсон.— Одна бы она справилась. Ничего особенного там не было. Но здесь нельзя вмешиваться обычным людям, не Дерини. А тут появился Кевин. Это случилось два дня назад. Похороны сегодня, я бы сообщил вам, но знал, что вы уже едете сюда. Я бы только сделал ваш путь таким же мучительным, как тогда, когда умер мой отец.

Морган покачал головой, не веря случившемуся.

— Бессмыслица какая-то. Она могла бы — да... а кто эта ведьма, к которой ходил Риммель, Дерини?

— Мы не знаем точно, милорд,— ответил Дерри.— Мы с Гвидионом искали ее на холмах весь позавчерашний день и до нынешнего утра. Ничего.

— В этом отчасти моя вина,— сказал Келсон.— Я должен был получше допросить Риммеля, прочитать его мысли. Но я тогда ни о чем не мог думать, кроме...

Дверь скрипнула, и Келсон прервался на полуслове.

— Кто там?

— Герцог Яред, государь.

Келсон посмотрел на Моргана и Дункана, потом подошел к двери, чтобы встретить Яреда. Морган встал и отошел к окну, позади стола Келсона, глядя сквозь цветное стекло на утреннюю зарю. Дункан сидел в кресле, стиснув руки коленями и не поднимая глаз. Он с мукой посмотрел на дверь, услышав голос отца. Собравшись с силами, он встал и пошел навстречу.

Яред постарел на несколько лет за эти два дня. Его обычно напомаженные волосы были растрепаны, он весь поседел; тяжелый коричневый плащ подчеркивал его бледность, и морщины, избороздившие лицо, делали его еще старше.

Он встретил кроткий взгляд Дункана и вошел в комнату, стараясь сохранять достоинство в присутствии сына. Он с силой сжал ладони в бархатных перчатках.

— Я... я был с ним, когда сказали, что ты приехал, Дункан. Я не могу спать.

— Я знаю,— прошептал Дункан.— Никто бы не смог.

Келсон посмотрел через стол на Моргана, и Яред тоже взглянул на него, прежде чем снова обернулся к сыну.

— Могу ли я просить тебя об одолжении, Дункан?

— Все, что в моих силах,— сделаю,— ответил Дункан.

— Ты можешь сегодня утром отслужить по твоему брату заупокойную службу?

Дункан опустил глаза в растерянности. Видимо, Яред не знает, что он лишен права служения, что не имеет права совершать обряды. А уж теперь, когда он отлучен...

Он вопросительно посмотрел на Келсона. Тот, покачав головой, перевернул пергамент лицевой стороной вниз.

Итак, Яред не знает. И никто в Кулде не знает, кроме присутствующих в этой комнате. Но сам-то он знает! Конечно. До

официального сообщения из Дхассы с отлучением он может не считаться. Но служить-то ему запрещено.

А с другой стороны, это само по себе не лишает совершаемые им обряды законной силы. И то, что он нарушает запрет,— это уж дело его совести.

Дункан вздохнул и посмотрел на Яреда, затем ободряюще тронул отца за плечо.

— Конечно, я сделаю это, отец,— мягко сказал он.— А пока давайте пойдем к Кевину.

Яред кивнул и часто заморгал, стараясь сдержать слезы. Дункан оглянулся на Келсона и Моргана. Келсон отпустил его коротким кивком, и Дункан вышел вместе с Яредом. Дерри взглядом спросил Келсона — может ли он тоже идти, и Келсон кивнул вновь. Последовав за Дунканом и Яредом, Дерри мягко закрыл за собой дверь.

Келсон с Морганом остались одни.

Келсон несколько мгновений глядел на Моргана, потом задул свечу на столе. Небо просветлело в рассветных лучах, и первого солнечного света, льющегося в окно, хватало. Келсон, стоя справа от Моргана, разглядывал город, облокотившись о подоконник и засунув руки в карманы. Он не находил слов, чтобы говорить о Бронвин.

— Вы провели в дороге много часов, Аларик. Вам, должно быть, надо отдохнуть?

Морган, кажется, услышал.

— Я плохо буду спать сейчас, мой принц. Последние три дня были худшими в моей жизни — почти такими же, как тогда, после смерти вашего отца, а в чем-то еще хуже. Я не думал, что может быть что-то хуже,— а вот случилось.

Келсон опустил голову: никогда он не видел своего учителя в таком состоянии. Морган говорил так, будто Келсона не было здесь.

— Когда придет официальное извещение об отлучении, вы не должны будете видеть нас, Келсон, не то и вас отлучат. И принимать нашу службу — тоже. А если, того и жди, будет отлучен весь Корвин, я даже не могу обещать вам помощи моих подданных. Скорее всего, начнется гражданская война. Я... я не знаю, что делать.

Келсон подошел к Моргану и тронул его за плечо, указав на постель в углу.

— Давайте не будем об этом сейчас. Вам нужен отдых. Почему бы вам не прилечь, а я, когда нужно будет, разбужу вас. Потом вы решите, как быть.

Морган кивнул и позволил уложить себя в постель, отстегнув и бросив на пол меч. Наконец он заговорил о Бронвин.

— Она была такой молодой, Келсон,— шептал он, пока король расстегивал и снимал с него плащ.— А Кевин — он ведь не Дерини, и вот тоже умер. И все из-за этой бесчувственной ненависти, этого разделения.

Он лег и закрыл глаза, укрывшись с головой парчовым покрывалом.

— Темнота подступает с каждым днем, Келсон,— шептал он, заставляя себя расслабиться.— Она идет отовсюду. Единственное, что сдерживает ее,— это вы, я и Дункан...

Убедившись, что он заснул, Келсон сел на край постели и долгое время молча смотрел на лицо генерала, потом положил руку ему на лоб. Очистив от всего лишнего свои мысли, он закрыл глаза и сосредоточился.

Усталость... горе... боль... начиная с первых новостей, когда Дункан появился в Короте. Страх. Отлучение Корвина и тревога за своих людей... Разведывательная поездка Дерри. Покушение, смерть Ричарда Фицуильяма. Рассказ Дерри о Варине и его чудесах... Воспоминания о Брионе, о том дне, когда Келсон родился... Бесплодные поиски в разрушенной церкви...

Святой Торин... отрава, пленение, хаос и темнота, смутные воспоминания... Ужас от полного бессилия, дорога, простительное довольство собой, когда силы вернулись... А потом боль от потери любимой сестры, кузена... И сон, забвение — хотя бы на несколько часов — спокойнее... тише...

Келсон с дрожью отдернул руку и открыл глаза. Морган спал теперь мирно, раскинувшись на середине кровати; он не пошевелился, когда Келсон, встав, укрыл его сверху еще плащом, который до этого держал в руках, погасил свечу над кроватью и вернулся к себе за стол.

Следующие часы будут весьма трудными, особенно для Моргана и Дункана. Но прежде всего необходимо упредить наступление хаоса. И ему нужно выстоять, пока Морган не сможет снова прийти на помощь.

Посмотрев последний раз на спящего Моргана, Келсон сел за стол и взял лежащий перед ним пергамент, вновь повернув

его лицевой стороной. Он также взял перо и бумагу, которую составляли они с Дерри, когда Морган приехал.

Надо обо всем дать знать Нигелю. О смерти Бронвин и Кевина, об отлучении, об угрозе войны на два фронта. Внутренняя смута в Гвиннеде так на руку Венциту, воителю Дерини.

Келсон вздохнул и перечитал письмо. Новости были ужасны, как ни взгляни; он не знал, с чего начать.

Дункан стоял один на коленях в маленькой башне церкви Святого Тейло и смотрел на лампады перед алтарем. Он отдохнул, воспользовавшись способами Дерини для снятия усталости, и физически чувствовал себя бодро. Но хотя он был вымыт, выбрит и опять совершал богослужение — сердце его не лежало к тому, что приходилось делать. Не имел он права надевать эту черную шелковую сутану, не должен был служить мессу.

«Тоже мне, служитель Божий»,— подумал он иронически. Была и другая причина, по которой он делал это с неохотой: в глубине души ему нравилось его положение в последнее время, и ему не так уж хотелось вновь возлагать на себя знаки принадлежности к церкви, которой он служил до двадцати девяти лет.

Он склонил голову и попытался молиться, но слова не приходили. Точнее, приходили, но в его сознании они складывались в бессмысленные фразы, доставляя мало радости. Кто мог подумать, что ему придется провожать в могилу своего брата и сестру Моргана? Кто мог знать, что дело дойдет до этого?

Он увидел, как приоткрылась дверь, и повернул голову. Старый отец Ансельм, стоявший в дверях в зеленом стихаре, склонился перед Дунканом в извиняющейся позе.

— Я не хотел помешать вам, монсеньор, но пора уже собираться. Могу я чем-нибудь помочь?

Дункан покачал головой и повернулся к алтарю лицом.

— Все готово?

— Семья в сборе, процессия выстраивается. Еще несколько минут, и...

Дункан склонил голову и закрыл глаза.

— Благодарю вас. Я буду точно в назначенное время.

Он услышал, как дверь тихо закрылась, и поднял глаза на распятие над алтарем. Вот благой, добрый Бог, и Он знает, что Дункан хочет сделать, и для Него нет церковных авторитетов, ибо есть что-то выше их. Дункан не совершает греха.

Со вздохом Дункан достал и развернул черную сутану, прикоснулся к ней губами и одел ее через голову, закрепив края крестнакрест шелковым шнурком и разгладив полы. Он остановился и некоторое время осматривал себя, потом надел на шею тяжелый серебряный крест на черной шелковой нити. Затем он поклонился перед алтарем и двинулся к двери, чтобы возглавить процессию. Все должно быть проведено в совершенстве — так, как это полагается и, может быть, делалось когда-то.

Морган сидел на второй скамье от гроба. Справа от него был Келсон, слева — Яред и Маргарет, все в черном. Сзади сидели Дерри, Гвидион, слуги и приближенные герцога Яреда, и за ними — столько жителей Кулда, сколько могла вместить небольшая церковь. В Кулде любили обоих — и Кевина, и Бронвин; горожане, как и семья, оплакивали их смерть.

Утро было солнечным, но туманным, холодок последних заморозков еще стоял в воздухе. А здесь, в церкви Святого Тейло, было темно и сыро, и освещали ее траурные факелы вместо свадебных свечей, которые горели бы сегодня, не случись того, что случилось.

С двух сторон у гробов поставлены были траурные канделябры, а сами гробы, стоявшие в центре нефа, были покрыты черным бархатом. На гробах были изображены гербы обоих фамилий, и Морган, закрыв глаза, заставил себя повторить в памяти их очертания — в знак любви к ушедшим.

Маклайн: три красные розы на серебряном поле, с голубым львом над ними. И все увенчивал личный знак Кевина — три серебряные точки.

Сердце Моргана сжалось, но он заставил себя продолжать рассматривать. Зеленый грифон в двойном красном круге или в ромбе: это в память о Бронвин.

Морган открыл глаза и взглянул поверх гробов на свечи, горящие на алтаре и отражающиеся в серебре и золоте канделябров. Но сам алтарь был покрыт черным, и черным были задрапированы золоченые фигуры. А когда хор начал отходную, Моргану было уже не убедить себя, что все это не так, что ему только кажется. Нет, это были похороны.

Процессия двинулась — клир в подобающем облачении, задрапированные черным кресты, служки с серебряными подсвечниками, монахи обители Святого Тейло в траурных сутанах и,

наконец, Дункан, служивший мессу, бледный, облаченный в черное и серебряное.

Когда процессия достигла церкви, став с двух сторон алтаря, Морган услышал начальные слова литургии:

«Introibo ad altare Dei» — «Я взойду к алтарю Господню».

Морган преклонил колени и опустил лицо на руки, не желая видеть в могиле тех, кого так любил. Всего несколько недель назад Бронвин была жива и радовалась своей свадьбе с Кевином. А сейчас она мертва, погибла во цвете лет от магии, от рук одной из себе подобных...

Морган больше не любил себя, не любил Дерини, не любил своего могущества и готов был сожалеть о том, что половина крови в его жилах — от этого проклятого племени.

Почему так? Почему Дерини должны быть прокляты, почему должны собственные силы воспринимать как муку? И сколько это будет длиться? Неужели к тому времени, когда потомки смогут и захотят воспользоваться этими силами, сами силы забудутся, исчезнут? То есть, конечно, силы найдут себе дорогу, и люди, использующие их, появятся снова, но никто и не вспомнит тогда, что идут они от древнего рода людей, называвшихся Дерини.

А эта полоумная старуха Дерини, не знавшая, кто она и откуда, которую заставили скрывать свои силы — ее или ее родителей,— теперь занимается магией на потребу любвеобильным молодым людям — и вот, убита Бронвин...

Что может быть хуже этого?

Все вопросы, встававшие перед ним последние месяцы, сводились к одному — к вопросу о Дерини. Магии Дерини, три века отчужденной церковью, теперь грозит священная война. Дерини ненавистны обычным людям, на чем и играет Варин де Грей, обещая им перебить все это племя, начиная с него, Аларика Моргана. И он ведь едва избежал смерти в обители Святого Торина. А теперь еще — его и Дункана отлучение...

Но без них, без Дерини, не одержал бы Келсон победы на своей коронации, не одолел бы Кариссу, которая хотела, видите ли, «вернуть» трон, якобы принадлежащий по праву ей и ее отцу. А кто заставил не мешать сыну богобоязненную Джеанну — а уж она-то сама чистокровная Дерини, правда не знавшая наверняка о своем происхождении? И каков результат?

А что принесет война с Венцитом Торентским? Разве Венцит не чистокровный лорд Дерини, обладающий всеми силами древнего племени в государстве, где магия разрешена? И разве не ходят слухи, что он привлекает на свою сторону других Дерини, которые в страхе перед людьми радуются возвышению Дерини на востоке и начинают мечтать о возвращении неограниченной власти, которая была у них три столетия назад,— а можно ли это допустить? В конце концов, зло это или нет — быть Дерини, а времена для них сейчас недобрые. Имей Морган выбор, он, может быть, и рад был бы отречься сейчас от своих сил, как хочет того Лорис.

Аларик поднял голову и заставил себя слушать мессу, которую служил Дункан.

Он понял: все эти рассуждения слишком себялюбивы. Не он один испытывает такие мучения. А Дункан? Какие ангельские силы должны были благословить его, чтобы он, отлученный от церкви, решился взойти на амвон и служить как ни в чем не бывало?

Морган, конечно, не мог знать мыслей Дункана, да и потом — это не его дело. Но он не сомневался, что у его кузена были важные основания для такого поступка. Церковь до сего дня занимала важное место в жизни Дункана. Сейчас он бросал ей вызов, отдавая дань уважения и любви брату и названой сестре, хотя только Морган, Келсон и Дерри знали об этом. Дункану тоже непросто быть Дерини.

— Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis,— произнес Дункан.— Агнец Божий, грехи мира принявший, отпусти прегрешения наши.

Морган склонил голову и со вздохом повторил эти слова, но они не принесли облегчения. Он не был уверен, что случившееся два дня назад произошло по воле Божьей, как не был уже уверен и в том, что силы, которыми он пользовался всю жизнь, были добрыми.

«Domini, non sum dignus...» — «Господи, я недостоин милости Твоей. Господи, исцели дух мой».

Месса продолжалась, но Морган не слушал ее. Тоска и печаль сдавили его сердце, и он удивился, обнаружив, что стоит вместе с другими в воротах родовой усыпальницы, и понял, что сейчас ворота закроются за Бронвин и Кевином навсегда.

Он огляделся и увидел обступивших склеп родственников и домашних. Келсон стоял с герцогом Яредом и леди Маргарет, но Дерри был рядом, и он доброжелательно кивнул, когда Морган посмотрел на него.

— Не нужен ли вам отдых, сэр? Думаю, в последние дни у вас не было возможности...

Морган закрыл глаза и потер лоб рукой, как бы желая стереть печали последних нескольких часов, и покачал головой:

— Извини, Дерри... Я хочу несколько минут побыть один...

— Конечно, сэр.— Дерри с тревогой взглянул на него.

Морган покинул погребальную процессию и прошел во дворцовый сад, соединенный с церковью. Незаметно пройдя по усыпанной гравием тропе, он подошел к тяжелым дубовым дверям часовни, где была похоронена его мать.

Он давно не был здесь — не вспомнить, как давно; в часовне было чисто и свежо, кто-то приподнял застекленное окно над саркофагом, и золотые солнечные лучи бросали всюду отблески, согревая алебастровое надгробие.

Это вызвало лучшие воспоминания — именно в это время дня когда-то любил приходить сюда Морган. Он вспомнил, как бывал здесь в детстве с Бронвин и Верой Маклайн, как они клали цветы на могилу, помнил удивительные рассказы тетушки о леди Алисе де Корвин де Морган, и, как и теперь, он чувствовал, что мать не оставляла его, что она смотрит, как они с Бронвин играют в часовне и в саду.

Он вспоминал далекие дни, сидя в тишине и прохладе гробницы; мир снаружи, казалось, перестал существовать. Аларик лег на спину и лежал в цветных пятнах от преломленных витражными стеклами солнечных лучей и слушал собственное дыхание, шум листвы снаружи и тишину в своей душе. Воспоминание даже сейчас принесло ему покой. Внезапно он подумал: «Знает ли мать, что ее дочь лежит в могиле недалеко отсюда?»

Морган, печально опустив голову, облокотился руками на горячий металл ограждавшей саркофаг ограды. Через несколько мгновений он разомкнул цепочку, скреплявшую створки ограды, и, приоткрыв их, зашел внутрь. Он коснулся рукой статуи матери, ее ладони — и в это мгновение услышал, как тишину нарушила музыка.

Это была знакомая мелодия — одна из лучших песен Гвидиона, но, прислушавшись с закрытыми глазами, он разобрал слова, которых прежде никогда не слышал. Пел сам Гвидион, и его густой голос сопровождался музыкальными аккордами редкой красоты. Но что-то не так было в пении Гвидиона. Немного погодя Морган понял — маленький трубадур плачет.

Он не мог разобрать всех слов — всхлипы прерывали пение, но музыка дополняла, договаривала то, чего не мог произнести певец.

Он пел о весне и о войне, пел о златоволосой красавице, поразившей его сердце — и умершей; о знатном юноше, любившем ее — и умершем тоже. Печаль неизбежна, говорил поэт, ибо война слепа, как и те, кто ее развязывает. Она разит без разбора. А когда приходит смерть, человек оплакивает свои утраты. Только печаль знает цену смерти, заставляет мечтать о конечной победе.

Сердце Моргана сжалось от этой песни Гвидиона, и он уронил голову на могилу матери. Трубадур прав. Идет война, и многие еще умрут до ее окончания. Важно, чтобы Свет одержал победу, чтобы Тьма отступила.

Но те, кто победит, пусть никогда не забывают, как они сражались с Тьмой, какую цену пришлось заплатить за победу, сколько пролить слез. И эти слезы тоже необходимы — они омывают душевные раны, помогают пережить бедствия, очищают сердце.

Он открыл глаза и посмотрел на солнечный свет, на пустоту вокруг и почувствовал, как вновь сжимается его сердце при мысли о горьких потерях.

Бронвин, Кевин, Брион, которого он любил как отца и брата, юный Ричард Фицуильям — все они ушли, все — жертвы безумной, бессмысленной войны, идущей и сегодня.

Но в минуты затишья человек вправе вспомнить свои печали и попрощаться в последний раз с ушедшими.

Золотой свет слепил глаза, и он почти ничего не видел. Время было возвращаться. И в то мгновение, когда он подумал, что певец ушел, на усыпанной гравием тропинке раздались шаги.

Он услышал их прежде, чем они достигли двери, и понял, что ищут его. К тому мгновению, когда дверь отворилась, он успел взять себя в руки и придать лицу выражение, с которым можно было смотреть в глаза внешнему миру. С глубоким вздохом он повернулся и увидел в дверях Келсона и за его плечом — вестника в красном плаще. Яред, Эван, Дерри и несколько военных советников сопровождали его, но все они стояли на почтительном расстоянии, не входя в часовню. В руке короля был тщательно свернутый лист пергамента с множеством печатей.

— Дхасская курия обсуждала отлучение Корвина, Морган,— сказал король, осторожно глядя на генерала своими серыми глазами.— Епископ Кардиель, Арилан, Толливер и трое других поссорились из-за этого с Лорисом и хотят встретиться с нами в

Дхассе через две недели. Арилан верит, что к концу месяца наберет пятьдесят тысяч сторонников.

Морган опустил глаза и обернулся, складывая руки вместе.

— Что ж, это хорошо, мой принц.

— Да,— сказал Келсон, немного нахмурившись и подойдя к генералу.— Думаете, они начнут борьбу с Варином? И смогут ли Яред и Эван сдерживать Венцита, если нам придется поддержать мятежных епископов?

— Не знаю, мой принц,— тихо сказал Морган. Он поднял голову и рассеянно посмотрел на небо.— Сомневаюсь, что Арилан будет всерьез бороться с Варином, ведь это значило бы, что взгляд церкви на магию в течение двухсот лет был ошибочен и война против Дерини — зло. Не думаю, что кто-нибудь из епископов может зайти так далеко — даже Арилан.

Келсон ждал, что Морган скажет еще, но молодой генерал молчал.

— Ну и что вы предлагаете? — нетерпеливо спросил Келсон.— Арилан выразил готовность помочь нам. Морган, мы сейчас нуждаемся в любой помощи.

Морган опустил глаза, думая, сказать ли Келсону о своих колебаниях. Ведь если молодой король будет и в дальнейшем поддерживать его и Дункана, отлучение падет на весь Гвиннед. Допустить этого нельзя.

— Морган, я жду!

— Извините меня, государь, но вы не должны спрашивать у меня совета. Меня и быть-то здесь не должно. Я не могу позволить вам компрометировать себя общением с...

— Остановитесь! — воскликнул Келсон, хватая Моргана за руку и гневно глядя на него.— О вашем отлучении вообще еще не было официального сообщения. До тех пор, а скорее всего, и после тоже я не собираюсь отказываться от вашей службы из-за нескольких тупых архиепископов. Черт возьми, Морган, делайте, что я говорю! Вы нужны мне!

Морган замер в удивлении — ему показалось, что перед ним стоит Брион: король, отчитывающий непослушного пажа. Он вздохнул и опустил глаза, понимая, как близко то, что испытывает сейчас Келсон, к его собственным переживаниям, чувствуя, что Келсон осознает опасность и встречает ее с открытым лицом. Ни разу еще он не видел у Келсона этого знакомого решительного взгляда и уж теперь никогда не будет думать о нем как о ребенке.

— Вы сын своего отца, мой принц,— прошептал он.— Простите, что забыл об этом. Я...— Он замолчал.— Понимаете ли вы, что значит это решение?

Келсон кивнул.

— И еще это значит, что я верю вам во всем,— мягко сказал он,— хотя бы десять тысяч архиепископов свидетельствовали против вас. Это значит, что мы, Дерини, должны держаться вместе, вы и я, как это было при моем отце. Вы останетесь, Аларик? Поможете выстоять в грядущих бурях?

Морган слегка улыбнулся:

— Очень хорошо, мой принц. Тогда примите совет — давайте используем силы, которые соберет Арилан, для защиты северо-западных границ от Венцита. Здесь дело чистое, никаких компромиссов с совестью от них не потребуется. В самом Корвине оставим Нигеля, на случай, если возникнет угроза со стороны Варина. Нигеля любят и уважают во всех одиннадцати королевствах, его доброе имя безупречно. А на севере,— он посмотрел на Яреда и ободряюще улыбнулся,— я уверен, что там герцог Яред и Эван удержат оборону. И герцог Марлийский поможет. В запасе еще есть отборные халдейнские отряды, если они понадобятся. Что вы скажете, мой принц?

Келсон улыбнулся и сжал руку Моргана, радостно обняв его за плечи.

— Вот это я и хотел услышать. Яред, Дерри, Деверил, идите сюда, пожалуйста. Мы должны послать депеши Нигелю и епископам в течение часа. Морган, вы идете с нами?

— Сейчас, мой принц. Я хочу дождаться Дункана.

— Понимаю. Приходите, как только сможете.

Когда Келсон ушел, Морган, выйдя из склепа, отправился обратно в церковь Святого Тейло. Несколько слуг в траурной одежде еще молились в боковых нефах, когда он подошел к западной часовне, где должен был находиться Дункан. Поколебавшись, он открыл дверь.

Дункан был один. Сняв облачение священника, он надел кожаный камзол со шнуровкой спереди. Затем он достал свой меч и положил его на стол перед собой. От его резкого движения качнулась вешалка, на которой висели ризы, и с нее упал подрясник. Дункан замер, потом подошел, осторожно поднял подрясник, неподвижно постоял несколько секунд и, прикоснувшись к нему губами, повесил на место. Свет, лившийся в высокое ок-

но, отражался в серебряной утвари. В это мгновение на пороге появился Морган.

— Это было больнее, чем ты думал, да? — тихо спросил он.

Дункан выпрямился от неожиданного вопроса и чуть заметно кивнул.

— Не знаю, на что я рассчитывал, Аларик. Может быть, надеялся, что это облегчит расставание. Не облегчило.

— Ну, я и не думал, что облегчит.

Дункан, вздохнув, взял меч и прицепил его на перевязь.

— А теперь что? — спросил он.— Что делать, если ты — Дерини, отлученный от церкви и изгнанный королем?

— Почему изгнанный?

Дункан взял плащ и накинул его на плечи.

— Разве непонятно? — спросил он, опуская глаза.— Давай смотреть на вещи трезво. Он не решится сам сказать нам это, так? Но мы-то с тобой знаем, что он не может позволить нам здесь оставаться. Если об этом проведают архиепископы, они отлучат и его.— Он защелкнул пряжку перевязи.

Морган улыбнулся.

— Они могут сделать это в любом случае. Однако король не придает этому большого значения.

— Не придает большого...— Дункан взглянул на него с удивлением и понял, что Морган имеет в виду.— Он решил пойти на риск? — спросил Дункан, с сомнением глядя на кузена.

Морган кивнул.

— И он не боится? — Дункан, казалось, не верит своим ушам.

Морган улыбнулся:

— Боится. Но он понимает, что важнее, Дункан. Он хочет рискнуть. Он хочет, чтобы мы остались.

Дункан посмотрел на кузена долгим взглядом, потом кивнул.

— Мы вне закона — Келсон знает это,— тихо сказал он.

— Мы — Дерини, такова уж наша участь.

Дункан последний раз окинул взглядом часовню, посмотрел на алтарь, на шелковые ризы, висящие на своем месте, и медленно направился к двери, где стоял Морган.

— Я готов,— сказал он, не оглядываясь.

— Тогда идем к Келсону,— с улыбкой сказал Морган.— Наш король Дерини ждет нас.

Властитель Дерини

Глава I

«ОТВНЕ ОБЕСЧАДИЛ МЕНЯ МЕЧ,
*А ДОМА — КАК СМЕРТЬ»**

Мальчика звали Ройстон — Ройстон Ричардсон, в честь отца, а кинжал, который он так испуганно сжимал в руках, принадлежал не ему. Сгущались сумерки. Повсюду вокруг него лежали трупы, коченеющие среди поднимающихся хлебов Дженнанской долины. В мертвой тишине изредка ухала ночная птица, да севернее, в горах, выли волки. Далеко, за полем, на улицах городка горели факелы, маня к себе уцелевших в битве людей. Немало воинов навсегда осталось нынче вечером в полях Дженнанской долины. Жестокой и кровавой была битва, даже для привычных ко всему здешних крестьян.

Всадники Нигеля Халдейна, приходящегося дядюшкой молодому королю Келсону, появились близ городка сразу после полудня. Золотые королевские львы красовались на их малиновых знаменах, шкуры лошадей блестели от пота — день был знойный. По словам принца, это был только передовой отряд из тридцати человек, посланный разведать дорогу в Корот, куда направлялись королевские войска.

Корот, столица восставшего Корвинского герцогства, был захвачен мятежными архиепископами, Лорисом и Карриганом. Эти последние, при поддержке и содействии Варина, фанатичного главаря мятежников, положили начале новой волне гонений на Дерини — род чародеев, что когда-то правили в одиннадцати королевствах. Этих издавна гонимых и издавна внушавших страх колдунов теперь олицетворял в глазах народа один Дерини-по-

* Плач Иеремии 1:20.

лукровка, герцог Корвинский, Аларик Морган, за свою ересь отлученный от церкви три месяца назад.

Принц Нигель пытался успокоить жителей Дженнанской долины. Он напомнил им, что королевские солдаты не собираются грабить и разорять их земли, что юный Келсон запретил это, поступая так же, как некогда поступал король Брион — его отец. И еще принц говорил, что не из-за герцога Аларика нависла теперь угроза над одиннадцатью королевствами, хотя сами архиепископы утверждают обратное, и что их уверения, будто все зло исходит лишь от Дерини,— вообще несусветная чушь. Сам Брион, вовсе не будучи Дерини, всю жизнь доверял Моргану, а нынешний король так высоко оценил его заслуги, что провозгласил его своим Поборником, несмотря на возражения Королевского совета. Вдобавок нет ни малейших доказательств предательства Моргана, нет и не было.

Но люди долины не слушали Нигеля.

То, что во время коронации Келсона прошлой осенью вдруг обнаружилось, пусть неожиданно для него самого, что он — наполовину Дерини, вызвало волну недоверия ко всей династии Халдейнов. И покровительство, которое юный король упорно оказывал еретику герцогу Аларику и его преподобному кузену, тоже Дерини,— Дункану Маклайну, вовсе не способствовало ослаблению этого недоверия. Поползли слухи, что и самого короля, защищающего герцога Аларика и Маклайна, скоро отлучат от церкви. Поговаривали, что король вместе с ненавистным герцогом собирается возглавить целую толпу воинов Дерини, вторгнуться в Корот и задушить направленное против них народное движение, уничтожив Лориса, Карригана и обожаемого Варина. Да вот и Варин, кстати, это предсказывал!

В общем, местные повстанцы долго водили отряд Нигеля вокруг Дженнанской долины, пообещав ему показать удобный путь, где королевская армия не будет знать недостатка в воде и корме для коней. В полях, зеленеющих всходами овса и пшеницы, мятежники напали на отряд из засады, сея смерть и панику в рядах ошеломленных королевских воинов. К тому времени, когда они опомнились и сумели отступить, унося раненых, более двух десятков рыцарей, мятежников и боевых коней лежало мертвыми или умирающими среди несозревших хлебов; здесь же остались знамена со львами, обагренные кровью, втоптанные в землю.

Ройстон на миг замер, вцепившись в рукоятку кинжала, а потом бросился прочь от недвижимого тела по узкой проселочной дороге, ведущей к дому. Ему было всего десять лет, к тому же он был слишком мал для своего возраста, но ни то ни другое нисколько не помешало ему принять участие в сегодняшнем грабеже. Кожаный мешок, висевший у него на плече, переполняли съестные припасы, кое-что из конской упряжи и другого снаряжения, которое ему удалось снять с павших врагов и их коней. И этот кинжал с красивой гравировкой, и ножны, которые он заткнул за веревку, повязанную вместо пояса, он тоже отцепил от седла мертвого коня.

Он не стыдился и не боялся обшаривать мертвецов — тем более днем, при свете. Во время войны эта грязная работа была для крестьян источником существования, а теперь, когда они восстали против своего герцога, да что там говорить, против самого короля — теперь это вообще являлось для них насущной необходимостью. Крестьяне были плохо вооружены, все больше дубинками, копьями да косами. А у павших врагов можно было разжиться и оружием получше, и доспехами, и боевой упряжью, а если повезет — то и несколькими золотыми или серебряными монетами. Словом, возможности были неограниченные. Отступившие враги унесли своих раненых, мятежники отошли, чтобы помочь своим, и на поле боя остались только мертвецы. А их никто не боится, даже такие мальчишки, как Ройстон.

Однако, свернув с дороги и направляясь к еще одному окоченевшему телу, Ройстон настороженно огляделся по сторонам. Он, конечно, был не робкого десятка — трусость вообще была не свойственна корвинским крестьянам, но существовала почти невероятная возможность наткнуться на врага, который кажется мертвым, а в самом деле жив. Мальчик старался даже не думать об этом.

Как будто вторя его мрачным мыслям, завыл волк, причем ближе, чем незадолго до этого. Ройстон поежился и снова вернулся на середину дороги. Теперь ему чудилось движение за каждым кустом, за каждым призрачным пнем. Он не боялся мертвецов — гораздо страшнее были четвероногие хищники, рыскающие в полях всю ночь напролет; с ними-то он уж никак не хотел встречаться.

Вдруг он уловил впереди по левую сторону дороги какое-то движение. Крепче сжав свое оружие, он присел, притаился и стал

осторожно нашаривать среди острых камней подходящий по размерам. Затаив дыхание, пригнувшись и пристально всматриваясь в заросли, он прохрипел дрожащим голосом:

— Кто здесь? А ну, говори, кто ты, а то сейчас как...

В кустах снова раздался шорох, затем — стон, а затем — еле слышный голос:

— Воды... пожалуйста... кто-нибудь...

Ройстон настороженно замер, закинул мешок за спину и вытащил из ножен кинжал. Могло оказаться, что позвавший из повстанцев, а значит — друг, ведь один из них пропал сегодня. А если это королевский воин?

Ройстон потихоньку подкрадывался к кустам — нервы натянуты, камень и кинжал наготове. В сумерках трудно было что-либо разобрать, но все же он понял, что перед ним лежит повстанец. Да, без всякого сомнения, он разглядел на рукаве свинцово-серой куртки эмблему с соколом.

Глаза лежащего под сдвинутым на лоб простым стальным шлемом были закрыты, руки — неподвижны. Когда же Ройстон наклонился и заглянул в бородатое лицо, он не смог сдержать радостного крика. Он узнал этого человека! Это же Малкольм Дональсон, лучший друг его брата.

— Мэл,— в отчаянии бросился к нему мальчик,— господи, Мэл, что стряслось? Тебе плохо?

Тот, кого он назвал Мэлом, открыл глаза и долго смотрел на мальчика, словно не узнавая его, затем его губы искривились в напряженной улыбке. По-видимому, его мучила сильная боль, и он в изнеможении прикрыл глаза, с трудом кашлянул и опять посмотрел на Ройстона.

— Да, парень, вовремя ты меня нашел. Я уж боялся, что явится какой-нибудь головорез да и прикончит меня и меч заберет.

Он похлопал по складкам своего плаща, и сквозь окровавленную ткань проступили очертания длинного боевого меча с крестообразной рукояткой. Юный Ройстон, вытаращив от изумления глаза, приподнял край плаща и восхищенно провел пальцами по лезвию.

— Ой, Мэл, какой хороший меч! Ты отобрал его у кого-то из ратников короля?

— Да, парень, на рукоятке королевское клеймо. Но один из них оставил мне на память кусок железа в ноге, чтоб его... Посмотри, кровь еще идет? — Он приподнялся на локте, а мальчик

наклонился ниже.— Я пытался перевязать рану поясом, но тут обеспамятел. О-о-ох... Осторожнее, парень, кровь же пойдет снова, не остановишь.

Плащ, которым были обернуты ноги Мэла, затвердел от запекшейся крови, и мальчик чуть было не потерял сознание, когда приподнял полу плаща, чтобы осмотреть его правую ногу. Глубокая рана, нанесенная мечом, тянулась от колена вверх по бедру дюймов на шесть. Мэл кое-как наложил жгут и благодаря этому был до сих пор жив, но теперь повязка, набухшая от крови, была уже бесполезна. Ройстону показалось в сумерках, что даже земля вблизи раненого покрыта влажными красными пятнами. Как бы то ни было, Мэл, без сомнения, потерял немало крови, еще чуть-чуть — и он не выдержит. У Ройстона все поплыло перед глазами; взглянув на друга, он тяжело вздохнул.

— Ну что там, парень?

— Кровь... не остановить, Мэл. Я не думаю, что мы сможем ее остановить. Нужно позвать кого-нибудь на помощь.

Мэл со вздохом снова лег.

— Плохи дела, парнишка. Сам я идти не могу, а никто ведь не попрется сюда на ночь глядя. Там кусок железа торчит, в нем-то все и дело. Может, ты его вытащишь?

— Я? — Ройстон вытаращил глаза и задрожал при одной мысли об этом.— Мэл, я не могу. Как только я отпущу повязку, снова хлынет кровь. А вдруг ты помрешь, если я сделаю что-нибудь не так?

— Не спорь, парень. Я...

Мэл запнулся на полуслове и, так и не закрыв рот, уставился на что-то за спиной Ройстона. Тот резко обернулся и увидел на фоне заката силуэты двух всадников, что находились уже футах в двадцати от них. Когда они спешились, Ройстон осторожно приподнялся, крепко сжимая в руке кинжал. Кто эти люди? Откуда они взялись?

Пока они приближались, мальчик не мог хорошенько рассмотреть их, поскольку солнце садилось прямо позади них и стальные шлемы отсвечивали алым золотом. Он только понял, что оба они молоды. А когда те подошли поближе и сняли шлемы, Ройстон увидел, что они едва ли старше Мэла — скорее всего, им было около тридцати. Волосы у одного их них были темные, а у другого — светлые; у обоих на плечи были накинуты серые плащи с изображением сокола; на боку у каждого висел меч в потертых

кожаных ножнах. Светловолосый, пройдя несколько ярдов, остановился и, зажав шлем под мышкой, протянул ладонями вверх руки, показывая, что он безоружен. Второй, потемнее, остановился в шаге от него и с добродушной улыбкой глядел на мальчика. Ройстон понял, что ему нечего бояться.

— Все в порядке, сынок. Мы тебя не тронем. Тебе помочь?

Ройстон внимательно рассматривал их несколько секунд, отметив про себя серые плащи, не бритые несколько недель лица, на которых читалось явное дружелюбие, и решил, что они ему нравятся. Он неуверенно взглянул на Мэла, ища поддержки, и раненый слабо кивнул. Мальчик покорно отошел в сторону, а оба незнакомца склонились над Мэлом. После минутного колебания он тоже опустился на колени рядом с раненым и во все глаза стал наблюдать за тем, что же они собираются делать.

— Вы — люди Варина,— уверенно сказал Мэл, изобразив на лице подобие улыбки. Темноволосый отложил шлем и молча начал стягивать дорожные перчатки.— Спасибо, что не проехали мимо, хотя дело к ночи. Меня зовут Мэл Дональсон, а это — Ройстон. Ну как, эта железка собирается выходить, нет?

Незнакомец мягко коснулся его раны, затем встал и направился к своему коню.

— Железка на месте, не беспокойся,— сказал он, вынимая кожаный мешочек из седельной сумки.— Но чем быстрее мы ее вытащим, тем лучше. Ройстон, ты можешь раздобыть лошадь?

— У нас нет лошади,— прошептал мальчик. Широко открыв глаза, он смотрел, как незнакомец возвращается, перекинув через плечо мех с водой.— А может, мы... может, можно перевезти его домой на одной из ваших? Тут недалеко до нашего дома, правда, недалеко.

Он вопросительно смотрел то на одного, то на другого. Темноволосый снова молча опустился на колени, а тот, что посветлее, сказал:

— Мы, к сожалению, торопимся. А ослика ты не можешь достать? Или мула? И неплохо бы — с повозкой.

У Ройстона загорелись глаза.

— Ослика? У Смалфа-мельника есть, он мне его даст. Я сейчас, быстро, пока не стемнело.

Он вскочил на ноги и зашагал уже прочь, как вдруг остановился, обернулся и еще раз с восхищением взглянул на серые плащи незнакомцев, на изображение соколов.

— Вы — люди Варина,— тихо произнес он,— у вас, верно, особое поручение самого лорда, вот вам и нельзя терять времени, так?

Двое обменялись взглядами. Темноволосый замер. Но его товарищ засмеялся, подошел к Ройстону и заговорщицки потрепал его по плечу.

— Да, ты угадал,— вполголоса произнес он,— но об этом помалкивай. Сходи, приведи этого ослика, а мы позаботимся о твоем товарище.

— Мэл, я пошел?

— Иди, парень. Я в порядке. Это друзья, они здесь по делу лорда Варина. Ну, брысь!

— Да, Мэл.

Мальчик припустил по дороге, а когда он скрылся из виду, темноволосый незнакомец открыл свой кожаный мешочек и стал вынимать оттуда бинты и инструменты. Мэл попытался было приподнять голову и посмотреть, что он там делает, но светловолосый мягко приклонил его голову к земле. Мэл почувствовал прикосновение чего-то холодного и влажного, похоже, незнакомец смывал засохшую кровь с его ноги, а потом — тупую боль, наверное, ослабили жгут. Светловолосый тем временем присел на корточки, потом посмотрел на темнеющее небо и спросил:

— Тебе хватает света? Я могу сделать факел.

— Сделай,— кивнул его товарищ.— И мне на несколько минут понадобится твоя помощь. Нам нужно поспешить, чтобы он не умер от потери крови.

— Посмотрим, чем я могу помочь.

Светловолосый ободряюще кивнул Мэлу, встал и начал искать что-то в кустах над ним. Мэл повернул голову, недоумевая, из чего же это он собирается делать факел и как потом подожжет его, а затем снова посмотрел на второго человека, склонившегося над его ногой. Он вздрогнул, когда тот случайно коснулся обломка стали, засевшего в ране, чуть слышно застонал и откашлялся.

— Судя по выговору, вы нездешние,— нерешительно заговорил он, стараясь не думать о том, что делает этот человек и что собирается делать дальше.— Вы приехали издалека?

— Да не совсем,— ответил темноволосый.— Мы последние недели выполняли особое задание, а теперь направляемся в Корот.

— В Корот? — переспросил Мэл. Он заметил, что светловолосый нашел наконец ветку нужной длины и теперь обматывает один ее конец сухой травой. Мэл снова подивился, не представляя, как можно зажечь этот факел.— Так вы, значит, прямо к самому лорду Варину?.. Ой!

— Извини,— пробормотал темноволосый и, покачав головой, продолжал свое дело.

Позади Мэла вспыхнул свет, и, когда он обернулся, факел уже пылал вовсю. Примерившись, светловолосый воткнул его в землю возле ноги Мэла и, встав рядом на колени, стал снимать перчатки. Мэл поморщился, глаза его слезились от дыма, на лице было написано замешательство.

— Как ты это сделал? Я что-то не вижу ни кремня, ни огнива.

— Да ты просто не заметил, дружище,— улыбнулся его собеседник, указав на кожаный кисет, висевший у него на поясе.— А как бы я поджег его иначе? Я же не Дерини, чтобы зажигать факелы огнем небесным, как ты думаешь?

На его лице сверкнула обезоруживающая улыбка, и Мэл вынужден был улыбнуться в ответ. Конечно, не мог этот парень быть Дерини. Никто из воинства лорда Варина не может быть представителем проклятого племени. Ведь Варин поклялся уничтожить всякого, кто упражняется в колдовстве. Наверное, это ему в бреду показалось, а незнакомец, конечно же, воспользовался обычным кремнем и огнивом.

Светловолосый наблюдал за тем, что делал его товарищ, а Мэл, еще раз упрекнув себя за глупость, откинул голову и стал смотреть в небо. И вскоре странная дремота охватила его, какое-то необъяснимое ощущение, что душа его парит отдельно от тела. Незнакомцы продолжали свою работу; он чувствовал, как они касаются его бедра, и сначала ему было больно, потом боль отступила на второй план, и ему стало тепло и показалось, что тело как бы разделилось на части. Он равнодушно подумал, что, наверное, сейчас умрет.

— Извини, если мы причинили тебе боль.— Тихий голос светловолосого пронзил его видения, словно клинок — бедро, и Мэл внезапно очнулся.— Попробуй рассказать нам о том, что же тут случилось. Может, это отвлечет тебя и будет не так больно.

— Да, постараюсь,— вздохнул Мэл и, пытаясь отогнать боль, заговорил: — Ну да, вы же выполняли приказ лорда Варина и

знать не знаете, что здесь было.— Он поморщился, а светловолосый покачал головой.— Сегодня, значит, мы победили.— Он снова закинул назад голову и уставился в темнеющее небо.— Окружили мы тридцать королевских рыцарей, которых вел сам принц Нигель. Многих убили, а принца ранили. Но на этом дело ведь не кончится. Король теперь уж точно пришлет большое войско и покажет нам, как бунтовать. И все из-за этого герцога Алариха, чтоб его разорвало.

— Да?

Лицо светловолосого было спокойно. Даже обросшее густой бородой, оно оставалось красивым и, казалось бы, не таило никакой угрозы, тем не менее Мэл почувствовал противную холодную судорогу в желудке, когда встретился взглядом с серыми глазами незнакомца. Он с трудом отвел взгляд, силясь понять, отчего ему так неловко говорить сейчас о своем сеньоре с этим странным незнакомцем. Мэл невольно снова взглянул человеку в лицо. Что-то во взгляде светловолосого тревожило, притягивало его. Но что?

— И что же, герцога все так ненавидят, как ты? — негромко спросил незнакомец.

— Да что ты, в Дженнанской долине в жисть никто не собирался воевать против нашего герцога,— неожиданно для себя выпалил Мэл,— он ведь был ничего себе, пока не занялся этой проклятой магией. С ним тогда даже священники дружили.— Он немного помедлил и приподнялся, хлопнув по земле ладонью.— Но архиепископы-то что говорят? Что он ту черту переступил, за которую даже герцогам дорожка заказана. Они же с кузеном, тоже Дерини, осквернили этой весной гробницу святого Торина! — Мэл презрительно фыркнул.— А кто уж точно заплатит за все на том свете, так это Маклайн; этот — подумать только — священник, слуга Господень — и Дерини. А когда они не явились на суд курии, чтобы ответить за свои грехи, ведь кое-кто из корвинцев все равно остался на их стороне, и говорят, что будут Моргану верны, даже если и весь Корвин отлучат. А Варин говорит — выход у нас теперь один: схватить этого герцога да передать его архиепископам в Короте! И что мы должны ему помочь разделаться со всеми Дерини. Это — единственный выход... Ох! Полегче с моей ногой, парень!

Мэл, едва не потеряв сознание, снова опустился на землю, сквозь пелену боли смутно осознавая, что незнакомцы уже пе-

ревязывают его раненую ногу. Он чувствовал, как горячая кровь хлещет из бедра, как меняют повязку, потому что первая сразу же пропиталась кровью.

Сознание покидало его вместе с утекающей кровью, но тут он почувствовал чью-то холодную ладонь на лбу и услышал тихий голос:

— Спокойно, Мэл. Расслабься. Сейчас тебе полегчает, сейчас мы закончим. Расслабься и усни. Забудь обо всем.

Сознание его уже совсем помутилось, но он еще слышал, как второй незнакомец бормочет какие-то непонятные слова, чувствовал, как его рану заполняет тепло, как ощущение безмятежности охватывает его всего. Потом он открыл глаза и увидел, что сжимает в кулаке окровавленный стальной обломок, а два незнакомца уже убирают инструменты в коричневый кожаный мешочек. Светловолосый ободряюще улыбнулся, увидев, что Мэл открыл глаза, и, приподняв голову раненого, влил ему в рот воды, и Мэл машинально сделал глоток. Но когда он попытался припомнить подробности происшедшего, у него закружилась голова. Странные серые глаза светловолосого были всего в нескольких дюймах от него.

— Я живой,— прошептал Мэл ошеломленно.— А я-то думал, что уже умер, правда.— Он посмотрел на кусок железа, что держал в руке.— Это... это просто чудо какое-то.

— Ерунда. Ты всего лишь потерял сознание ненадолго. Можешь сесть? Лошадка твоя уже тут.

Он осторожно опустил голову Мэла и закрыл флягу. Мэл, совсем придя в себя, увидел неподалеку маленького Ройстона, растрепанного ослика рядом с ним и худенькую хрупкую женщину в платке грубой вязки, накинутом на голову,— должно быть, это была мать мальчика. Он вдруг вспомнил, что до сих пор сжимает в кулаке стальной обломок, и вновь посмотрел на светловолосого, стараясь, однако, не глядеть в его серые глаза.

— Я... я просто не знаю, как вас благодарить,— произнес, запинаясь, он.

— Да не стоит,— ответил тот, улыбнувшись. Он протянул руку и помог Мэлу встать на ноги.— Недельку не трогай повязку, а потом, когда будешь менять, смотри, чтобы грязь не попала в рану. Вообще тебе повезло, все не так страшно, как казалось.

— Да,— прошептал ошеломленный Мэл и, сильно хромая, двинулся к ослику.

Когда он подошел к нему, Ройстон крепко обнял друга, а потом придерживал ослика за шею, пока два незнакомца помогали Мэлу взобраться на животное. Женщина все это время боязливо держалась позади, не совсем понимая, видимо, что же произошло, и с благоговением рассматривала соколов на серых плащах незнакомцев. Мэл поудобнее устроил раненую ногу, опершись об их плечи, затем сел прямо и ухватился за спутанную гриву ослика. Он взглянул на своих благодетелей, которые уже отступили назад, и, слегка поклонившись им, поднял руки в прощальном жесте, по-прежнему сжимая в кулаке злополучный кусок металла.

— Я еще раз благодарю вас, джентльмены.

— Думаю, благодарить нас еще рановато,— заметил темноволосый.

— Да благословит вас Бог, друзья, что вы не прошли мимо и не бросили меня здесь. И передайте лорду Варину, когда увидите его, что мы готовы подняться по его приказу.

— Передам,— ответил светловолосый.— Обязательно передам,— повторил он себе под нос, когда ослик с седоком, мальчик и женщина свернули на дорогу и растворились в ночи.

Когда они скрылись из виду и их уже не было слышно, светловолосый вернулся к кустам, где только что лежал раненый, взял факел и поднял так, чтобы товарищу легче было собрать и упаковать вещи, а затем погасил его в грязной луже посреди дороги.

Он грустно усмехнулся.

— Ну, что скажешь, вылечив этого парня, перешел я ту черту, за которую даже герцогу дорожка заказана, а, Дункан? — спросил он, нетерпеливым жестом натягивая потертые кожаные перчатки.

— Кто знает,— пожал плечами Дункан, передавая ему поводья.— Нам представился случай помочь человеку, и в этом нет ничего дурного. Кстати, он все равно не сможет ничего вспомнить. И потом, когда тебе еще выпадет поговорить со своими крестьянами? А впрочем, не буду тебе докучать, это твое дело, в конце концов, и твои подданные, Аларик.

Аларик Энтони Морган, герцог Корвинский, Поборник королевского престола, чародей-Дерини, ныне еще и отлученный от церкви, улыбнулся, подобрал поводья и вскочил на своего боевого коня. Дункан последовал его примеру.

— Мои подданные. Да. Надеюсь, что это так, благослови их Бог. Скажи-ка мне вот что, кузен. Неужели я в чем-то все-таки виноват? Я никогда не думал об этом раньше, но я это так часто слышал в последние несколько недель, что уже сам начинаю этому верить.

Дункан покачал головой, тронул шпорами бока своего коня и двинулся вперед по дороге.

— Ты ни в чем не виноват. Ты не можешь один отвечать за всех. Просто архиепископы использовали нас, чтобы добиться того, о чем они мечтали многие годы. На протяжении нескольких поколений все только и делалось для этого.

— Да, ты прав,— отозвался Морган. Он тоже пришпорил коня и догнал кузена.— Но как объяснить все это Келсону?

— Он и так все понимает,— ответил Дункан.— Интереснее, как он воспримет те сведения, что мы собрали за неделю. Сомневаюсь, что он отдает себе отчет в том, насколько неспокойно сейчас в этой части его королевства.

— И я сомневаюсь,— хмыкнул Морган.— А как ты думаешь, когда мы будем в Дол Шайе?

— После полудня,— заявил Дункан,— держу пари.

— Ну-ну,— лукаво усмехнулся Морган,— принимаю. Тогда — вперед!

Они скакали по дороге, ведущей из Дженнанской долины, так быстро, как возможно было при неярком лунном свете. Эти два молодых лорда Дерини не очень-то опасались, что их узнают. Даже если Малкольм Дональсон или этот мальчишка, Ройстон, проболтаются, им никто не поверит, что они видели Моргана и Дункана. Как бы то ни было, не важно. Во всяком случае, герцоги и монсеньоры, Дерини они или нет, не шатаются по дорогам под личиной повстанцев лорда Варина, с соколами на плащах и значках и с трехнедельными бородами. Такого быть не может.

Да и не стали бы еретики-Дерини останавливаться, чтобы помочь раненому повстанцу — тем более одному из тех, кто всего несколько часов назад принес гибель стольким королевским рыцарям. Это же неслыханное дело.

Так что, не боясь погони, эти двое нахлестывали лошадей, они просто спешили в Дол Шайю, чтобы как можно быстрее встретиться со своим молодым королем-Дерини.

Глава II

*«КНЯЗЬЯ ТВОИ — КЛЯТВОПРЕСТУПНИКИ И СООБЩНИКИ ВОРОВ»**

Юноша с черными как смоль волосами, серыми глазами, обрамленными густыми ресницами, непринужденно восседал на низеньком походном стуле. Щит ромбической формы лежал у него на коленях лицевой стороной вниз, упираясь одним концом в край прикрытой бархатом кровати. Медленно и старательно молодой человек перебирал пальцами кожаный длинный шнур, обматывая им рукоятку щита.

Но мысли юноши были далеко отсюда. Он забыл о том, сколь тщательно и прихотливо выполнен рисунок на обороте его щита, не замечал Гвиннедского королевского льва, сияющего золотом на красном бархате, которым был обтянут его шатер. Не видел он и бесценного ковра келдишской работы под своими сапогами, покрытыми слоем дорожной пыли. Он забыл даже о своем мече, рукоять которого сверкала драгоценными камнями, хотя он был у него под рукой, чтобы можно было в любой момент выхватить оружие из кожаных ножен.

Молодой человек, что в одиночестве трудился над рукояткой щита в своем шатре в Дол Шайе, был не кто иной, как Келсон Халдейн, сын короля Бриона. Тот самый Келсон, что всего несколько месяцев назад, едва ему исполнилось четырнадцать, стал королем Гвиннеда, сеньором бессчетного числа герцогов и баронов.

Сейчас он томился в тревожном ожидании.

Келсон взглянул на вход в шатер и нахмурился. Полог над входом был опущен, чтобы никто не нарушал покой короля, но сквозь щель пробивался довольно яркий свет — по-видимому, уже перевалило за полдень. Он слышал мерные шаги часовых, охраняющих шатер, слышал, как шелестят, трепеща на ветру, шелковые знамена, как фыркают и перебирают копытами боевые кони на привязи у ближайших деревьев, как позвякивает их сбруя. Келсон покорно вернулся к своему занятию и в напряженной тишине трудился еще несколько минут, пока снаружи не послышались торопливые шаги. Он выжидающе посмотрел в сторону входа:

* Исайя 1:23.

полог шатра откинулся и вошел молодой человек в доспехах и голубом плаще. Глаза короля засияли от радости.

— Дерри!

Тот, отвесив краткий поклон в ответ на восклицание Келсона, в несколько шагов пересек шатер и присел на край королевской кровати. Он был не намного старше Келсона — ему только-только исполнилось двадцать, и его голубые глаза весело улыбались из-под гривы вьющихся каштановых волос. Он повертел в пальцах кожаный шнур, оценивающе разглядывая работу Келсона, и одобрительно кивнул.

— Я бы сделал это для вас, государь,— сказал Дерри укоризненно.— Чинить доспехи — не королевское дело.

Келсон пожал плечами, затянул последнюю петлю и принялся подравнивать концы кожаного шнура кинжалом.

— А что мне еще прикажете делать? Если бы я мог заниматься тем, чем подобает заниматься королю, я бы уже давно был в Корвине, покончил бы с Варином и его бунтовщиками и заставил бы архиепископов прекратить эту мелкую склоку.— Он побарабанил пальцами по рукоятке щита и убрал кинжал в ножны.— Но Аларик сказал, что я не должен этого делать до поры до времени. И вот я сижу здесь и жду у моря погоды, набираюсь терпения, как он велел.— Келсон положил щит на кровать и устало уронил руки на колени.— И еще вот пытаюсь удержаться от вопросов, на которые вы не очень-то хотите отвечать. Но все-таки на один вопрос вы должны мне ответить. Скажите, Дерри, во что обошлась нам Дженнанская долина?

— Дорого она нам обошлась,— насупился Дерри.— Из тех тридцати человек, что выехали с Нигелем два дня назад, возвратились очень немногие. Оставшиеся в живых только нынче утром с трудом добрались до Дол Шайи, все усталые, злые, со стертыми ногами; некоторые из них не дожили до полудня. Это поражение у Дженнанской долины страшно не только тем, что унесло немало жизней. Оно весьма ослабило боевой дух нашей армии.

Нелегко было Келсону выслушивать такое в свои четырнадцать лет.

— Все еще хуже, чем я предполагал,— прошептал он, услышав последние мрачные подробности того злосчастного боя.— Сначала эти архиепископы со своей ненавистью к Дерини, потом этот фанатик Варин де Грей... И ведь люди идут за ним, Дерри! Даже если бы мне удалось остановить Варина и призвать к порядку архиепископов, как справиться с целым герцогством?!

Дерри решительно покачал головой.

— Думаю, государь, вы преувеличиваете влияние Варина. Его слушают, пока он рядом; Варин привлек народ на свою сторону, совершив несколько «чудес». Но преданность королю — в крови людей, она древнее и, я надеюсь, сильнее, чем все посулы новых пророков, особенно таких, которые призывают к священной войне. Стоит Варину исчезнуть, как крестьяне, оставшись без вождя, быстро успокоятся. Да и потом, Варин совершил ошибку, избрав своей резиденцией Корот, где засели архиепископы. Теперь он всего лишь один из их приспешников.

— Но отлучение объявлено. Неужели крестьяне так легко забудут это?

— Судя по последним донесениям, государь,— ободряюще улыбнулся Дерри,— мятежники плохо вооружены и еще хуже организованы. Когда они сойдутся лицом к лицу с вашей армией, то разбегутся как мыши.

— Что-то я не слышал, чтобы в Дженнанской долине они разбежались как мыши,— фыркнул Келсон.— И вообще, я не понимаю, как могли эти плохо организованные крестьяне так одурачить целый дозорный отряд? И где Нигель, мой дядя? Я хотел бы выслушать и его объяснения.

— Постарайтесь быть с ним помягче, государь. Сейчас он у лекаря. Он все утро провел возле раненых, и я лишь час назад уговорил его самого показаться лекарю.

— Он ранен? — встревожился король.— Тяжело? Почему же вы мне сразу не сказали?

— Он просил не говорить об этом вам, государь. Впрочем, там ничего серьезного. Он сильно вывихнул левое плечо, вот и все, если не считать нескольких царапин и ушибов. Его мучает другое. Он сказал, что предпочел бы умереть, чем потерять столько людей.

Лицо Келсона потемнело, и он вымученно улыбнулся.

— Я знаю. И это поражение — не его вина.

— Постарайтесь объяснить ему это, государь,— спокойно сказал Дерри.— А то он чувствует себя так, будто предал вас.

— Нет. Только не он.

Молодой король устало передернул плечами под белой полотняной рубашкой и запрокинул голову назад, рассматривая сво-

ды шатра, нависшие в нескольких футах над ним. Его прямые, черные, коротко остриженные перед предстоящей битвой волосы растрепались, и он пригладил их загорелой рукой, прежде чем снова обратиться к Дерри.

— А есть какие-нибудь новости с севера, от Трех Армий?

— Кроме тех, что вы уже слышали,— мало,— ответил Дерри.— Герцог Клейборнский сообщает, что он сможет занять Арранальский каньон, если на него внезапно не нападут с юга. Его светлость считает, что главный удар Венцит нанесет немного южнее, вероятнее всего — у Кардосского перевала. Что же касается войск, собранных в Арранале, то там больше разговоров.

Келсон чуть заметно кивнул, отбросил назад кожаный шнурок, стягивающий ворот его легкого плаща, и подошел к низкому походному столику, заваленному картами.

— А что слышно от герцога Яреда и Брэна Кориса?

— Ничего, государь.

Келсон поднял циркуль и вздохнул, машинально покусывая кончик инструмента.

— Может быть, там что-то случилось? Что, если половодье закончилось раньше, чем мы предполагали, и Венцит уже двинулся в Восточную Марку?

— Мы бы уже знали об этом, государь. Хотя бы один гонец да пробился к нам, я думаю.

— А если нет?

Король начал внимательно изучать лежащую перед ним карту. Прищурив глаза, он, наверное, в сотый раз обдумывал свои стратегические планы, измерял какие-то расстояния, что-то подсчитывая в уме, снова и снова взвешивая свои возможности, словно желая убедиться, что нигде не вкралась ошибка.

— Дерри,— он жестом подозвал к себе молодого лорда и снова склонился над картой,— повторите еще раз, что об этой дороге сказал лорд Перрис.— Ножкой циркуля он провел извилистую линию, огибающую западные склоны горной гряды, отделяющей Гвиннед от Торента.— Если через неделю по ней можно будет проехать, то мы могли бы...

Снаружи раздался торопливый стук копыт. Верховой резко остановил коня у коновязи позади шатра, и вслед за этим в палатку вошел часовой в красном плаще, на ходу поспешно отдавая честь. Келсон обернулся, взволнованный, а Дерри вскочил, приготовившись, в случае необходимости, защитить своего короля.

— Государь, генерал Морган и отец Маклайн едут сюда! Они уже миновали восточный пост.

Вскрикнув от радости, Келсон выронил циркуль и метнулся к выходу, едва не сбив часового с ног. Когда они с Дерри выскочили наружу, двое всадников осадили коней перед королевским шатром, подняв тучу пыли, и быстро спешились. Из-под стальных шлемов были видны только спутанные бороды да губы, расплывшиеся в улыбке, но вот оба сняли их, и вспыхнули на солнце золотистые волосы Аларика Моргана, заиграли бликами светло-каштановые — Дункана Маклайна.

— Морган! Отец Дункан! Где вы пропадали?! — с некоторой досадой восклицал Келсон, пока друзья стряхивали дорожную пыль с одежды.

— Простите, мой принц,— усмехнулся Морган. Он сдул пыль со своего шлема и теперь отряхивал светлые волосы.— Святые угодники, ну и сушь здесь стоит! Что это заставило вас разбить лагерь в Дол Шайе?

Келсон скрестил руки на груди, силясь сдержать улыбку.

— Насколько я помню, некто Аларик Морган посоветовал мне устроить лагерь поближе к границе, но так, чтобы никому не мозолить глаза. Дол Шайя — самое подходящее место, на мой взгляд. А теперь скажите-ка, где вы пропадали так долго? Нигель и остатки его отряда вернулись еще утром.

Морган бросил короткий взгляд на Дункана, затем дружески обнял Келсона за плечи и повел его к шатру.

— Думаю, мы поговорим обо всем за трапезой, мой принц.— Он сделал знак Дерри.— А если кто-нибудь позовет Нигеля и его офицеров, то и они заодно послушают новости. У меня нет ни времени, ни желания повторять свой рассказ дважды.

Войдя в шатер, Морган с размаху бросился в походное кресло перед небольшим столиком и, ворча, водрузил ноги на скамеечку, обитую кожей, а шлем небрежно бросил на пол позади себя. Дункан, не забывший в отличие от него о светских приличиях, дождался, пока Келсон сядет в кресло напротив, и только потом сам опустился в складное кресло за спиной Моргана, аккуратно поставив шлем на пол.

— Вид у вас ужасный,— наконец произнес Келсон, окинув обоих критическим взглядом.— Я, кажется, еще ни разу не видел вас с бородами, ни того ни другого.

— Возможно, возможно, мой принц,— улыбнулся Дункан, поглаживая бороду.— Но, заметьте, в таком виде нам ведь удалось провести бунтовщиков. Даже Аларик, с его весьма раскованными манерами и таким необычным цветом волос, даже он сошел за простого солдата благодаря этому, и мы две недели мотались по дорогам в одежде повстанцев. Дело, скажу вам, не столь уж приятное...

— И к тому же опасное! — прибавил вошедший Нигель и уселся в кресло слева от Келсона, приглашая троих офицеров в красных плащах занимать места вокруг стола.— Надеюсь, вы рисковали не напрасно? О нас этого не скажешь.

Морган вдруг стал серьезен и, сняв ноги со скамеечки, выпрямился; от его беспечности не осталось и следа.

Левая рука Нигеля покоилась на черной шелковой перевязи, нижнюю челюсть украшал багровый кровоподтек. Разглядывая его, Морган опять подумал о том, как поразительно похож он на покойного Бриона, но усилием воли заставил себя не думать об этом.

— Примите мои соболезнования, Нигель. Я не только слышал о том, что случилось: мы были в Дженнанской долине через несколько часов после вас и видели все.

Нигель что-то нечленораздельно проворчал и опустил глаза. Морган рассудил, что неплохо бы как-то разрядить обстановку.

— Нам тут кое-что порассказали за эти недели,— весело начал он.— Мы с Дунканом решили, что некоторые сведения, полученные от мятежников, весьма поучительны, хотя и бесполезны в стратегическом плане. Подумать только, какое количество слухов и каких-то сказочных подробностей ходит о нас в народе!

Он откинулся назад, сложив руки на груди, и усмехнулся.

— Вы знаете, что у меня, например, по слухам — раздвоенные копыта? — Он вытянул перед собой ноги и задумчиво посмотрел на них. Все присутствующие тоже уставились на его сапоги.— Конечно, мало кто видел меня разутым, тем более из крестьян. Ну, как вы думаете, это правда?

Келсон невольно улыбнулся.

— Да вы просто шутите. Кто же поверит в такую чушь?

— А вы, государь, что, видели Аларика босым? — лукаво осведомился Дункан.

В этот миг вошел Дерри с большим блюдом в руках и расплылся в улыбке.

— Я видел Моргана без обуви, государь,— заявил он. Аларик тем временем дотянулся кинжалом до куска мяса и взял ломоть хлеба.— Не слушайте вы его, уверяю вас — никаких раздвоенных копыт нет. Даже лишних пальцев!

Морган отсалютовал Дерри кинжалом, на который был насажен кусок мяса, с любопытством поглядывая то на Келсона, то на Нигеля. Принц уже пришел в себя и, улыбаясь, откинулся на спинку кресла. Он понял, для чего Морган затеял этот нелепый разговор, и был ему благодарен. Келсон же, застигнутый немного врасплох, все еще переводил взгляд с одного на другого, но наконец и он понял, что его разыгрывают. Покачав головой, он широко улыбнулся.

— Да, раздвоенные копыта, как же,— фыркнул он.— Морган, а я ведь чуть было не поверил.

— Нельзя же все время пребывать в напряжении. Что плохого, государь, если у нас хоть немного поднимется настроение?

Келсон покачал головой.

— Вообще-то в том, что ходят такие слухи, ничего нового нет. И именно это меня тревожит. Я все не могу решить, как же нам покончить с этой внутренней смутой и как, не теряя достоинства, примириться с нашим духовенством и восставшим народом.

Дункан запил кусок мяса небольшим глотком вина и кивнул Келсону:

— Мы только об этом и думали в последние дни, мой принц. И мы пришли к такому выводу: прежде всего надо договориться с шестерыми восставшими епископами в Дхассе. Они ведь недовольны только мной и Алариком, а против вас, кажется, ничего не имеют, наоборот, хотели бы вам помочь.

— Это верно. Формально всему еще можно дать обратный ход, если курия возьмет назад выдвинутые против вас обвинения. Тогда и я мог бы принять от них помощь, не ущемляя их достоинства. Потому-то я до настоящего момента не был расположен восстанавливать с ними отношения. Если они и верны мне до сих пор, то лишь потому, что я их король, и только, может быть, отчасти — потому, что доверяют мне лично. По крайней мере, это касается епископа Арилана.

Морган обтер свой кинжал о голенище и возвратил его в ножны.

— Верно, мой принц. По тем же причинам мы так тщательно обдумывали это решение, прежде чем обсудить его с вами.

Как бы то ни было, мы ни в коем случае не должны подорвать доверие, которое еще испытывают к вам те шестеро из Дхассы.

— Так вы что, хотите отправиться в Дхассу и попытаться договориться с ними? — переспросил Келсон.— Ну а если у вас ничего не получится? Если шестерых епископов не удастся убедить?

— Думаю, относительно этого я могу вас успокоить,— сказал Дункан.— Я, если помните, долгое время принадлежал к свите епископа Арилана и довольно хорошо его знаю. Я верю, что он ведет честную игру, и он настоит на том, чтобы его собратья вели себя так же.

— Хотелось бы на это рассчитывать.— Келсон побарабанил пальцами по столу и сложил руки на коленях.— Итак, вы хотите отдаться на милость епископов только потому, что доверяете одному из них? — Он вопросительно взглянул на собеседников.— Ведь вам обоим предъявлены определенные обвинения, на основании которых вас и отлучили от церкви! И... и после всего, что случилось в гробнице святого Торина... Конечно, у вас были смягчающие обстоятельства, и можно надеяться, что церковный закон, по крайней мере в большинстве пунктов, будет на вашей стороне. А если нет? Если вы потерпите поражение и отлучение останется в силе? Вы думаете, эти шестеро так легко вас отпустят?

Тут снаружи послышались тихие голоса препирающихся между собой людей, и Келсон замолчал, повернув голову в сторону входа. В этот момент часовой отдернул полог и вошел в шатер.

— Государь, епископ Истелин хочет вас видеть. Он настаивает на немедленной встрече с вами.

— Пригласи его,— кивнул Келсон, нахмурившись.

Когда стражник шагнул назад, в сумерки, Келсон торопливо обежал глазами лица присутствующих, задержав взгляд на Моргане и Дункане. Истелин был одним из двенадцати странствующих епископов без постоянной епархии, одним из тех, кого не было в Дхассе этой зимой, когда собиралась курия.

Говорили, прослышав о случившемся в Дхассе, Истелин заявил, что он на стороне Арилана, Кардиеля и еще четверых епископов. Несколько недель назад он прибыл в расположение королевской армии сюда, к границе Корвина.

Это был рассудительный, здравомыслящий прелат, обычно не злоупотребляющий своей духовной властью. Не в его характере было так настойчиво добиваться встречи с королем. Только что-то из ряда вон выходящее могло принудить его сделать это.

Келсон не мог скрыть беспокойства, охватившего его, когда епископ вошел в шатер. Вид у священнослужителя, держащего перед собой свиток пергамента, был достаточно зловещий.

— Ваше величество,— произнес Истелин с глубоким поклоном.

— Да, милорд? — отозвался Келсон, медленно приподнимаясь с места.

Все остальные последовали его примеру.

Истелин оглядел присутствующих, признательно кивнул, и Келсон движением руки разрешил всем сесть.

— Подозреваю, что вы с плохими новостями, милорд,— проговорил король, не спуская глаз с Истелина.

— И правильно подозреваете, государь.

Епископ прошел отделявшие его от Келсона несколько шагов и протянул ему пергаментный свиток.

— Сожалею, что принес эти вести, но полагаю, вам нужно это знать.

Когда Келсон взял эти несколько листов из его холодных пальцев, Истелин поклонился и отошел на несколько шагов, стараясь не встречаться больше с королем взглядом.

Почувствовав предательскую пустоту в желудке, Келсон пробежал глазами первый лист и крепко сжал побелевшие губы. По мере того как он продолжал читать, глаза его наполнялись ледяным холодом. Скользнув взглядом по двум слишком знакомым печатям внизу, он перечел документ еще раз.

Келсон все больше бледнел, читая, и видно было, что он с трудом сдерживает себя, чтобы не смять пергамент и не отбросить его прочь. Прикрыв на мгновение глаза, он наконец свернул листы пергамента в трубку и заговорил, ни на кого не глядя.

— Оставьте нас. Все,— произнес он ледяным тоном; голос едва повиновался ему.— А вы, Истелин, не говорите об этом никому до нашего особого распоряжения. Вы поняли?

— Разумеется, ваше величество.— Истелин, уже направившийся к выходу, задержался и отдал глубокий поклон.

— Спасибо. Морган и вы, отец Дункан, останьтесь, пожалуйста.

Оба остановились, хотя они тоже двинулись к выходу вместе со всеми, и обменялись озадаченными взглядами, прежде чем приблизиться к юному королю, который вел себя столь необычно.

Келсон стоял к уходящим спиной и постукивал свитком пергамента по раскрытой левой ладони. Морган и Дункан вернулись

и остановились в ожидании у своих кресел, но когда Нигель решил было к ним присоединиться, Дункан остановил его предостерегающим жестом и покачал головой, а Морган подался вперед, словно желая преградить ему дорогу. Нигель пожал плечами и, круто повернувшись на каблуках, безропотно покинул шатер. С его уходом в палатке с голубыми парусиновыми стенами остались лишь трое.

— Все ушли? — шепотом спросил Келсон.

Он не повернулся и во время короткого замешательства с Нигелем. В тишине слышалось только мерное постукивание свитка по ладони да его дыхание.

Дункан, приподняв бровь, посмотрел сперва на Моргана, а затем — на юного короля.

— Да, государь, все ушли. В чем же дело?

Келсон обернулся, несколько мгновений внимательно смотрел на них, и вдруг в его серых глазах вспыхнуло то пламя, которого они не видели со дня смерти Бриона. Потом он скомкал листы и с отвращением швырнул пергамент на пол.

— Вот, прочтите сами! — выпалил он и, упав ничком на кровать, изо всех сил ударил по постели худеньким кулаком.— Да будь они трижды прокляты, да чтоб они все подохли, что же нам теперь делать? Боже мой, мы ничего не можем!

Морган с удивлением уставился на кузена, затем подошел к кровати, а Дункан принялся собирать разбросанные документы.

— Келсон? Скажите же, что случилось? Вам плохо?

Келсон вздохнул, повернулся, приподнялся на локтях и уже спокойно посмотрел на них обоих. Злости в его глазах поубавилось, и остался лишь слабый холодный блеск.

— Извините меня за несдержанность.— Он снова лег на спину и уставился в потолок.— Я король и должен сдерживать свои чувства. Но это — поражение.

— Да что вы здесь такое прочитали? — с тревогой в голосе спросил Морган, глядя на спокойное лицо Дункана, разглаживающего документ.— Объясните же, что случилось?

— Я отлучен, вот что случилось,— сухо ответил Келсон.— К тому же отлучению подверглось все королевство, а с теми, кто останется верен мне, поступят точно так же.

— И это все? — воскликнул Морган, вздохнув с глубоким облегчением и сделав знак Дункану, чтобы тот принес документы,

с таким жаром отброшенные Келсоном.— А я уж вообразил, что вы получили какие-то кошмарные новости.

— То есть как «и это все»? — недоуменно переспросил Келсон.— Морган, вы, кажется, не поняли. Объясните ему, отец Дункан. Я отлучен от церкви, и все, кто со мной, и весь Гвиннед — тоже!

Дункан сложил листы пергамента вдвое и с презрением бросил их на кровать.

— Ерунда, мой принц.

— Что?

— Это ерунда,— спокойно повторил Дункан,— на тайном совещании в Короте собралось одиннадцать епископов, но им не хватало двенадцатого, а это требование должно жестко соблюдаться согласно каноническому праву, как и любой церковный догмат. Эта встреча одиннадцати в Короте ни к чему не обязывает ни вас, ни кого-либо другого, пока к ним не присоединится двенадцатый.

— Двенадцатый... Боже мой, вы правы! — воскликнул Келсон и потянулся через кровать за этим недействительным документом, чтобы просмотреть его еще раз.— Как же я сам забыл об этом?

Морган улыбнулся и вернулся на свое место, где его дожидался недопитый бокал вина.

— Все объясняется очень просто, мой принц. В отличие от нас вам в новинку быть отлученным, вот вы и потеряли самообладание. Мы-то отлучены по всем правилам три месяца тому назад, уже привыкли.— Он усмехнулся.— Впрочем, вернемся лучше к нашему разговору.

— Да, конечно.— Келсон встал и направился к своему креслу, перечитывая на ходу документы и качая при этом головой.

Дункан также возвратился к столу, сел и принялся чистить небольшое яблоко. Келсон отложил наконец бумаги в сторону.

— Так вы считаете, что вам необходимо срочно выезжать в Дхассу? Правильно я понял?

— Совершенно верно, мой принц,— кивнул Морган.

— Но что будет, если собратья Арилана не последуют его примеру? Ведь тогда не останется никакой надежды на примирение с остальным духовенством, а это так необходимо, особенно теперь, когда надо всеми нами нависла угроза очередного отлучения. И мы никогда не сможем подчинить себе Лориса и Карригана.

Морган прикусил палец и посмотрел на Дункана. Священник не шелохнулся, продолжая чистить яблоко, но Морган знал, что он думает о том же: если они в конце концов не сладят с Лорисом и Карриганом, возглавившим курию, Гвиннед обречен. Как только кончится весеннее половодье, Венцит Торентский ринется в королевство через Рильское ущелье, оставив Высокую Кардосу. И если страну будет раздирать гражданская война, они не смогут прийти на помощь Трем Армиям, а это означает неминуемое поражение. Поэтому нужно разобраться с положением в Корвине, и как можно быстрее.

Морган наклонился и поднял с пола шлем.

— Мы сделаем все возможное, мой принц. А каковы ваши планы до нашего возвращения? Я знаю, как мучит вас это вынужденное бездействие.

Келсон покачал головой.

— Еще бы.— Он робко улыбнулся.— Видимо, мне придется совладать с моим нетерпением и просто ждать вас. Но как только вы договоритесь с епископами в Дхассе, сразу пришлете весточку, хорошо?

— Конечно. Вы помните, где мы назначили встречу?

— Да. И еще. Если вы не возражаете, пусть Дерри немного проедет вместе с вами на север, мне нужны сведения о Трех Армиях.

— Конечно,— кивнул Морган, поглаживая шлем.— Если хотите, мы наладим связь между вами через медальон, у него это неплохо получается.

— Да, разумеется. Пусть этим займется отец Дункан, а заодно подготовит вам все для дальней дороги. Вам нужны свежие лошади, провиант...

— Хорошо, государь,— сказал Дункан, допивая вино, беря шлем и вставая.— Кроме того, я хочу поговорить с епископом Истелином и успокоить его.

Келсон долго смотрел на полог, когда Дункан вышел, а затем перевел взгляд на Моргана. Он оглядел его стройную фигуру, встретил так хорошо знакомый ему напряженный взгляд и невольно опустил глаза. Он удивился, увидев, как дрожат его руки, и сжал пальцы в кулак.

— Как по-вашему, сколько займет времени все то, что вы собираетесь сделать, Аларик? Мне нужно знать, когда ждать вас с войсками.

Морган улыбнулся и похлопал по карману у себя на поясе.

— Я храню ваш перстень со львом, мой принц. Я ваш Поборник и поклялся всегда защищать вас.

— Я спросил вас о другом, и вы знаете это! — воскликнул Келсон, вставая и начиная нервно расхаживать взад и вперед по шатру.— Вы собираетесь отдаться на милость епископов, которые неизвестно даже — выслушают вас или сразу прикажут перерезать вам глотку! А вы что-то там говорите насчет того, что поклялись защищать меня. Черт вас побери, Морган, я хочу знать, что вы обо всем этом думаете? Не колдовством же мне у вас выпытывать! Вы доверяете Арилану и Кардиелю?

Морган с некоторым удивлением осмотрел короля с головы до ног. Серые глаза молодого Халдейна были полны нетерпения, досады, страха, и в то же время в них таилась такая проницательность, что Морган невольно подавил улыбку. Этот юный король, обладающий необыкновенным могуществом, о котором Моргану приходилось лишь мечтать, во многих отношениях оставался все же мальчишкой. Его порывистость и горячность порой забавляли Аларика.

Но Морган хорошо чувствовал, когда его король не расположен к шуткам, научившись понимать это, еще общаясь с Брионом. И сейчас была именно такая минута. Он еще раз взглянул на шлем, который держал в руках, и вновь поднял глаза на короля.

— Арилана я видел только однажды, мой принц, а Кардиеля вообще ни разу. И все-таки встреча с ними — единственная наша надежда. Арилан всегда, кажется, более или менее был на нашей стороне; он стоял за вас во время коронации и не вмешивался ни во что, хотя, несомненно, понимал, что здесь налицо магия. Вдобавок они с Кардиелем защищали нас, когда курия решала вопрос об отлучении. Думаю, нам не остается ничего другого, кроме как довериться им.

— Но ехать прямо в Дхассу, когда за вашу голову назначена такая цена...

— А вы думаете, нас узнают? — хмыкнул Морган.— Посмотрите на меня. С бородой, в крестьянской одежде... Да и в Дхассе я никогда не был. Я — Аларик Морган? Быть того не может. Кто же в здравом уме появится среди бела дня на улицах благочестивейшего города, когда его ищет чуть ли не каждый в стране?

— С Аларика Моргана станется,— вздохнул Келсон.— Но, скажем, достигли вы Дхассы, вошли незамеченными в епископ-

ский дворец — дальше что? Вы там никогда не были — как вы будете искать Арилана и Кардиеля? А если вас схватят прежде, чем вы их найдете? А если какой-нибудь бойкий фанатик узнает вас и попросту прирежет?

Морган улыбнулся.

— Вы забыли одну вещь, мой принц. Мы Дерини. А это что-нибудь да значит.

Келсон оторопело посмотрел на Моргана, словно только что понял, кто перед ним, и звонко засмеялся, запрокинув голову.

— Знаете ли, Морган, вы очень добры ко мне. Вы умеете дать понять своему королю, как он глуп, не вызывая при этом никакой досады. Вы позволяете задавать вам один вопрос за другим, пока я сам не пойму, как нелепы мои опасения. Почему?

— Почему вы задаете вопросы или почему я позволяю вам это?

Келсон усмехнулся.

— Вы знаете, что я имею в виду.

Морган отряхнул пыль с плаща и поправил ремешок шлема.

— Вы молоды и от природы любознательны; естественно, вам недостает опыта, который приходит лишь с годами. Поэтому вы и задаете вопросы, мой принц,— сказал он спокойно.— А почему я позволяю вам это...— Он помедлил.— Видите ли, жизнь научила меня смотреть в лицо опасности, и когда-нибудь вы тоже поймете, где ложные страхи, а где настоящие; проговаривая вслух, вы учитесь их различать. Я говорю достаточно ясно?

— Вполне,— сказал Келсон, вставая и вместе с Морганом идя к выходу.— Но вы будете осторожны? — с тревогой спросил он.

— Да, государь. Клянусь честью.

Глава III

*«ТОТ БУДЕТ ОБИТАТЬ НА ВЫСОТАХ, УБЕЖИЩЕ ЕГО — НЕПРИСТУПНЫЕ СКАЛЫ, ХЛЕБ БУДЕТ ДАН ЕМУ, ВОДА У НЕГО НЕ ИССЯКНЕТ»**

Войско Брэна Кориса, графа Марлийского, уже около месяца стояло лагерем на равнине близ Кардосы. Было их с лихвой две тысячи, этих марлийских мужей, беззаветно преданных своему молодому командиру. В палатках, расставленных правильными рядами на сырой равнине, они вот уже больше недели ждали конца паводка. В любую минуту могли нагрянуть воины Венцита Торентского.

Ходили слухи, что люди Венцита не гнушаются магии и вовсю применяют ее в бою. Это внушало ужас марлийским солдатам, и все-таки они готовы были идти за своим графом, даже зная о такой ужасной угрозе. Лорд Брэн был хорошим тактиком и умел командовать людьми. К тем, кто преданно служил ему, он всегда был великодушен. За хорошую службу и награда полагается хорошая. А если подумать как следует, то что еще во время войны может желать солдат, кроме хорошей награды и командира, достойного уважения?

Было раннее утро, но лагерь уже два часа как пробудился. Лорд Брэн в коротком голубом плаще сидел возле своей палатки и, глядя на освещенные восходящим солнцем горы, тянул из кубка горячее сладкое вино. Он прищурил карие глаза, словно пытаясь разглядеть что-то сквозь дымку, и на его благородном лице появилось выражение твердой решимости. Он поправил украшенную жемчугом перевязь и допил вино. Мысли его были далеко.

— Есть какие-нибудь особые указания на сегодня, милорд? — спросил подошедший барон Кэмпбелл, старый слуга графской семьи.

На его плечи был накинут плед в сине-золотую полоску, под мышкой он держал воинский шлем.

Брэн покачал головой.

— Что там с уровнем воды в реке?

— Глубина по-прежнему пять футов, милорд. Но есть и такие места, где человека на лошади скроет с головой. Сомневаюсь, что король Торента спустится сегодня с гор.

Брэн налил себе вина и сделал еще глоток, затем кивнул.

— Тогда все как обычно: выставить усиленные посты вдоль западной границы лагеря, а остальные — обходить дозором. И пришлите ко мне оружейника. С моим новым луком что-то не то.

— Да, сэр.

Как только Кэмпбелл, поклонившись, отправился исполнять приказы Брэна, другой человек, в сером одеянии клирика, вынырнул из-за соседней палатки со свитком пергамента в руках. Брэн рассеянно посмотрел на него; отвесив полный достоинства поклон, тот подал графу перо и документы.

* Исайя 3:31.

— Ваши письма готовы для подписи, милорд. Гонцы ждут только приказа.

Со скучающим выражением на лице Брэн пробежал глазами письма и, на минуту передав клирику свой кубок, расписался на каждой странице. Покончив с этим, он вновь предался ленивому созерцанию гор, словно не замечая смущенного покашливания писца.

— Э-э, милорд...

Брэн недовольно взглянул на него.

— Милорд, ваше письмо графине Риченде... Вы не хотите скрепить его печатью?

Взгляд Брэна упал на пергамент в руке клирика, потом он вновь поднял глаза и, со вздохом сняв с пальца тяжелый серебряный перстень с печаткой, протянул его писцу.

— Видишь ли, Джозеф...

— Да, милорд.

— Доставь-ка ты это письмо сам. И, если сможешь, уговори ее переехать на время вместе с ребенком в какое-нибудь более спокойное место, скажем, в Дхассу. Там они будут в большей безопасности.

— Хорошо, милорд.

Брэн благодарно кивнул, клирик взял кольцо, поклонился и пошел прочь. Его место сразу занял человек в форме капитана: голубом плаще до колен и шлеме с голубым пером. Брэн усмехнулся его нарочито официальному поклону. На лице офицера сияла улыбка.

— Что-нибудь случилось, Гильом? — спросил граф.

Тот слегка покачал головой, и голубое перо на шлеме затрепетало в такт движениям.

— Ничего, милорд. Просто люди из пятого конного отряда просят вас нынче утром оказать им честь и устроить смотр...— Он взглянул на хребет, по изломам которого блуждал взгляд его господина.— Это уж, во всяком случае, поинтереснее, чем разглядывать эти пустынные горы.

Брэн лениво усмехнулся.

— Несомненно. Но потерпите, мой друг, скоро всем найдется чем заняться. Не вечно же Венцит Торентский будет отсиживаться в горах.

— Да, вы пра...

Гильом прервался на полуслове, настороженно вглядываясь в туманную дымку. Брэн, заметив это, взглянул в ту же сторону и щелкнул пальцами, подзывая пажа.

— Эрик, мою подзорную трубу, быстро. Гильом, объявите тревогу. Кажется, дождались.

Мальчик бросился выполнять приказание графа, а Гильом подал знак своим людям, дожидавшимся его неподалеку, и они помчались по лагерю, поднимая товарищей по тревоге. Брэн продолжал из-под руки вглядываться в окутанную туманом даль, но так ничего толком и не разглядел. Отряд всадников, человек из десяти или около того, спускался по склону горы, шлемы блестели, плащи казались оранжевыми в утренних лучах. Предводитель небольшой колонны был одет в белое, и на древке у него в руках развевался белый флаг. Приложив к глазу подзорную трубу, Брэн нахмурился.

— У них торентские эмблемы,— тихо сказал он подошедшим Гильому и Кэмпбеллу.— У переднего — флаг парламентера. Двое среди них не в форме. Может быть, это и есть послы.— Еще раз взглянув на всадников, он передал трубу Кэмпбеллу и пошел вдоль палатки, пощелкивая пальцами.

— Беннет, Грэхэм,— окликнул он,— пошлите эскорт, пусть встретят их и окажут все почести, какие будут оказаны им самим, но не спускайте с них глаз. Это, возможно, ловушка.

— Да, милорд.

Группа всадников еще не спустилась с гор, а навстречу им уже выехал эскорт, звеня кольчугами и сбруей. У палатки Брэна собрались несколько лордов и капитанов. И хотя все уже понимали, что тревогу объявили напрасно, но мало ли что может случиться во время переговоров с торентскими послами!

Брэн, увидев, как две группы конников встретились где-то ярдах в трехстах от лагеря, зашел в свою палатку и через минуту вышел оттуда с кинжалом на поясе и серебряным венцом на голове. Приближенные встали вокруг него в ожидании гостей.

Когда верховые приблизились, Брэн понял, что не ошибся в своих предположениях,— двое из отряда были представителями торентской знати. Один из них, более величественный, высокий, в черном бархатном плаще и малиновой рубашке, ехал сейчас во главе отряда. Не доезжая до палатки Брэна, он остановил коня, спешился и степенно направился к графу. Его одежда запыли-

лась от долгой езды, но он не стал выглядеть от этого менее значительно — худощавое, обрамленное бородой лицо было полно достоинства. Его длинные черные волосы были собраны сзади и скреплены серебряной цепочкой. На роскошном поясе висел кинжал с серебряной рукоятью. Другого оружия, по-видимому, у него при себе не было.

— Полагаю, вы — граф Марлийский, командующий этой армией? — спросил он несколько снисходительным тоном.

— Да, это я.

— В таком случае у меня поручение к вам, милорд,— продолжал парламентер, отдав легкий поклон.— Я Лионель, герцог Арьенольский. Я служу его величеству королю Венциту, который и послал меня засвидетельствовать наше почтение вам и вашим людям.

Брэн прищурился, пристально глядя на посланца торентского короля.

— Наслышан о вас, милорд. Не приходитесь ли вы родственником самому Венциту?

Лионель утвердительно кивнул и улыбнулся.

— Удостоен такой чести, сэр. Я женат на сестре нашего обожаемого монарха. Надеюсь, нам будет обеспечена безопасность в пределах вашего лагеря, милорд?

— Конечно. До тех пор, пока вы исполняете свою миссию, вам нечего бояться. А что еще просил передать нам Венцит, кроме приветствия?

Темные глаза Лионеля внимательно изучали Брэна, он еще раз поклонился.

— Милорд, граф Марлийский, его светлейшее величество Венцит Торентский, король Торента, Толана и Семи восточных родов, просит вас оказать ему честь личным посещением его временной ставки в Кардосе.— Он сделал паузу.— Там вы могли бы обсудить с ним вопрос о прекращении войны и выводе войск, а также прийти к соглашению по некоторым другим вопросам, которые могут представлять для вас интерес. Его величество не имеет причин для войны с графом Марлийским и не хотел бы воевать с тем, кого знает и уважает уже много лет. Он надеется, что вы примете его приглашение.

— Не делайте этого, милорд! — воскликнул Кэмпбелл, шагнув к Брэну, словно желая заслонить его собой.— Это ловушка.

— Это не ловушка, милорд,— возразил Лионель.— Его величество распорядился на случай, если вы усомнитесь в его искренности, остаться здесь мне и моему эскорту в качестве заложников до вашего возвращения. Вы можете взять с собой одного из ваших офицеров и, если хотите, почетную охрану из десяти человек. Вы также вправе покинуть Кардосу и вернуться в свой лагерь, как только сочтете дальнейшие переговоры не соответствующими вашим интересам. Думаю, милорд, что наши условия более чем приемлемы. Вы согласны?

Брэн пристально посмотрел в глаза Лионелю, но ничего не ответил. Затем он подал знак Гильому и Кэмпбеллу следовать за ним и вошел в палатку.

Стены внутри палатки были обтянуты голубым и красным бархатом, пол был покрыт коврами, на которых стояли складные походные стулья. Брэн, пройдя в середину шатра, ненадолго задумался о чем-то, наконец повернулся к офицерам и спросил:

— Ну, что вы скажете?

Те обменялись взглядами, и Кэмпбелл произнес:

— Уж простите меня, милорд, но мне все это не по нутру. Можем ли мы ждать от этой встречи что-нибудь, кроме обмана? Что бы этот герцог Лионель ни говорил, ясно как день — Венциту не с чего идти на попятную. Он ведь нас одолеет, это очевидно, если спустится с гор. Вопрос только в том, сколько он потеряет людей. А если он применит магию...

— Ну, мой дорогой Кэмпбелл,— улыбнулся Брэн,— на то и щука в море, чтобы карась не дремал. А что вы думаете, Гильом?

Гильом покачал головой.

— Кэмпбелл отчасти прав. Мы же знаем, что все равно не продержимся долго, если Венцит двинет на нас войско. Так какое же соглашение он хочет нам предложить? Пожалуй, это действительно похоже на ловушку. Даже не знаю, что вам посоветовать.

Брэн задумчиво коснулся пальцами шлема, потом — кольчуги, лежавших на кресле, покрытом меховой накидкой.

— А кто тот, другой барон, пришедший с Лионелем,— тот, который не спешился? Кто-нибудь из вас знает его?

— Это Меррит Райдерский, милорд,— ответил Кэмпбелл.— Его земли на северо-востоке, близ Толана. Странно, что Венцит послал его с такой миссией, особенно если он замышляет что-то нечистое.

— Действительно странно,— сказал Брэн, продолжая теребить кольчугу.— Может быть, это доказывает, что Венцит намерен вести серьезные переговоры? Настолько серьезные, что готов рискнуть зятем и влиятельным вассалом.— Брэн усмехнулся.— Я не склонен преувеличивать значение собственной персоны и не думаю, что Венцит пошел бы на это, только чтобы убрать меня. Для этого существует десяток более простых и безопасных способов.

Гильом тревожно кашлянул.

— Милорд, а вы не думаете, что Венцит поручил этим людям сотворить какое-нибудь лихо в лагере, пока вас не будет? Если они Дерини, то кто знает, что они способны сделать. Мы, может, даже и не заметим-то ничего до вашего возвращения, а они спокойно отправятся назад к своему господину.

— И правда, милорд,— согласился Кэмпбелл.— Мало ли что они могут выкинуть! Я им не доверяю, сэр!

Брэн, закрыв лицо руками, некоторое время обдумывал все услышанное. Наконец, вздохнув, он вновь посмотрел на них.

— Я не спорю, может быть, вы и правы. Но что-то подсказывает мне, что бояться нечего. В самом деле, подумайте сами: если Лионель и Меррит — Дерини и явились сюда, чтобы погубить нас, то у них достаточно было для этого времени. А если они не Дерини, тогда что они могут сделать, находясь в лагере под присмотром? — Брэн помолчал и, вздохнув, добавил: — Ну, чтобы вам было спокойнее, давайте дадим сильно действующего корданского снотворного всему их эскорту. Если они на это согласятся, думаю, можно без всяких опасений отправляться на переговоры.

Гильом с сомнением покачал головой и пожал плечами.

— Все равно рискованно все это, сэр.

— Но игра стоит свеч, по-моему. Кэмпбелл, найдите Кордана, пусть приготовит снотворное. А вы, Гильом, поедете со мной в Кардосу. Помогите мне надеть кольчугу.

Минуту спустя Брэн и Гильом вышли из палатки и направились к торентским послам. На Брэне была кольчуга и плащ королевского голубого цвета, меч в ножнах из слоновой кости висел у него на поясе. Гильом шел за ним, неся его шлем с голубым пером и кожаные дорожные перчатки.

В светло-карих глазах Брэна сверкнуло лукавство.

— Я решил принять приглашение вашего короля, милорд,— просто сказал он, приблизившись к Лионелю.

Герцог поклонился, стараясь скрыть улыбку. Меррит и остальные его люди успели спешиться в отсутствие Брэна и сейчас сгрудились за спиной Лионеля.

— Однако,— продолжал Брэн,— у меня есть несколько дополнительных условий, и я не уверен, что вы примете их.

Тем временем Кэмпбелл, оруженосец и худощавый человек в одежде лекаря подошли к Брэну, и Лионель смерил их подозрительным взглядом. В руках у лекаря был большой и, видимо, тяжелый сосуд, так как он держал его за обе ручки. Меррит подошел к Лионелю и что-то прошептал ему на ухо. Тот нахмурился и обратился к Брэну:

— Назовите ваши условия, милорд?

— Я верю, что лично мне ничто не угрожает, милорд,— начал Брэн,— но я должен быть уверен и в том, что ни вы, ни ваши люди не преподнесете нам какой-нибудь сюрприз, пока меня не будет в лагере.

— Понимаю вас.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если мой лекарь даст вам и вашим людям снотворное,— я имею право оградить себя от неприятностей, не так ли? Мыслей читать я не умею и не знаю, что у вас на уме. По слухам, все подданные Венцита — колдуны, вот я и хочу обезопасить своих людей. Согласны ли вы на такое условие?

Лицо Лионеля потемнело. Он переглянулся с Мерритом и другими своими спутниками. Конечно, никого из них не прельщала перспектива пролежать в лагере Брэна несколько часов под действием снотворного. Но если отклонить это условие, Брэн сразу заподозрит, что в приглашении Венцита таится какой-то подвох... Холодным, сухим тоном Лионель произнес:

— Простите, что мы задержались с ответом, милорд, но мы не ожидали подобного условия. Мы, конечно, понимаем вашу тревогу и заверяем вас, что в намерения его величества не входит нанести вам вред посредством магии, ведь он мог бы сделать это, не рискуя нашими жизнями. Однако согласитесь, и у нас есть основания для опасений. Прежде чем мы примем ваше условие, неплохо бы убедиться, что это и впрямь только снотворное.

— Ради бога,— сказал Брэн, оборачиваясь в сторону врача.— Кордан, кто испытает ваше зелье?

— Вот — Стефан де Лонгвиль.— Кордан кивнул на солдата, стоявшего рядом с ним.

— Превосходно. Милорд, доверяете ли вы этому человеку?

Лионель покачал головой.

— Ваш лекарь мог специально подготовить его, милорд. Скажем, если вы собираетесь отравить нас, ему заранее дали противоядие. Могу я сам выбрать человека?

— Разумеется. Только прошу не выбирать никого из моих офицеров — пока меня не будет, каждый из них нужен на своем месте. Но среди остальных выбирайте любого, кто вам больше по нраву.

Лионель передал одному из своих воинов шлем и направился к всадникам Брэна, окружавшим его эскорт. Внимательно всех оглядев, он подошел к одному из них и положил руку на холку коня. Лошадь взбрыкнула и заржала.

— Этот, милорд. Его вы не могли подготовить заранее. Пусть он испробует питье, которое вы предлагаете нам.

Брэн кивнул и сделал знак рукой. Воин спешился и подошел к нему; Лионель неотступно следовал за ним, не спуская с него глаз. Когда тот снял шлем и хотел отдать его одному из своих товарищей, Лионель сам взял у него шлем и передал этому солдату, опасаясь, вероятно, что выбранному им человеку как-нибудь передадут противоядие.

Оставив солдата под присмотром Меррита, Лионель подошел к лекарю и сам взял у него из рук глиняную чашу. Его черные глаза угрюмо сверлили Брэна; он был страшно раздражен и не скрывал этого. Торжественно приподняв сосуд, он с усмешкой повернулся и направился обратно к Мерриту и солдату. Там один из его людей принял у него чашу, подозрительно ее осмотрел, и только после этого сосуд передали солдату Брэна. Лионель и Меррит, стоя рядом с ним, следили за каждым движением гвиннедца.

— Сколько нужно выпить? — Лионель бросил быстрый взгляд на Брэна.

— Глотка достаточно, ваша светлость,— сказал Кордан.— Зелье действует очень быстро.

— Надо думать,— пробормотал Лионель.— Что ж, дружок, глотни, не робей.— Он посмотрел солдату в глаза.— Твой командир, говорят, человек слова. Пей же.

Человек поднес чашу ко рту, пригубил и, почувствовав приятный вкус, одобрительно поднял бровь, затем взглянул на Лионеля и сделал глоток. Он еще успел восхищенно причмокнуть — Кордан использовал хорошее вино,— потом покачнулся и чуть не упал, но Лионель и Меррит успели подхватить его. К тому времени, когда воин коснулся земли, он уже крепко спал. Лионель нагнулся и осмотрел человека, приподнял его веки, нащупал пульс и удовлетворенно кивнул. Встав на ноги, он медленно подошел к Брэну, мрачный, но покорный.

— Что ж, милорд, ваш лекарь, кажется, мастер своего дела. Конечно, мы не можем только на основании того, что сейчас увидели, исключить, что в зелье нет какого-нибудь медленно действующего яда, к тому же нас могут убить, например, пока мы будем спать. Но жизнь всегда полна неожиданностей, не так ли? Его величество ждет либо вас, либо меня, и мне не хотелось бы заставлять его ждать слишком долго.

— Итак, вы принимаете мои условия?

— Как видите,— кивнул Лионель.— Надеюсь, вы позволите нам поспать где-нибудь в другом месте, а не на голой земле, как вашему другу.— Он взглянул на спящего воина и сардонически усмехнулся.— Когда мы вернемся в Кардосу, его величеству наверняка не понравится, что мы спали здесь в грязи.

Брэн поклонился и откинул полог своей палатки, возвращая Лионелю сардоническую улыбку.

— Прошу — входите. Вы будете спать в моем жилище, тогда уж никто не скажет, что гвиннедские лорды не умеют принимать знатных гостей.

Лионель дал знак остальным из его отряда спешиться и пройти в палатку. Богатое убранство произвело на него впечатление, он обменялся взглядами с Мерритом и несколькими своими товарищами и, выбрав самое удобное кресло, уселся.

Сняв перчатки и шлем, он положил их на пол рядом с креслом и устроился поудобнее, поставив ноги на обтянутую кожей подставку. На его черных волосах играли мягкие блики света, проникавшего в палатку через вход, все еще не закрытый; он поправил сбившуюся на сторону прядь. Зато нож у него на поясе поблескивал довольно зловеще в тех же утренних лучах. Лионель лениво поглаживал его рукоятку, пока другие устраивались на коврах, покрывавших пол. Меррит уселся в кресло рядом с Лионелем, его простодушное лицо приобрело напряженное и тревожное выражение. В центре палатки стоял человек с чашей.

Когда Брэн и Гильом вошли в шатер, появился последний из торентцев — знаменосец, и лицо его было бледнее белого флага. Ему не нужно было пить снотворное, и только он и тот, кто держал чашу, имели уверенность, что вернутся в Кардосу.

Лионель посмотрел на пятерых воинов, расположившихся у его ног, и дал знак человеку с сосудом обнести каждого из них. Когда чаша дошла до Меррита, первый из выпивших зелье уже спал, распростершись на полу. Человек с чашей задержался было, а Меррит даже привстал, глядя на тех, кто уже сделал свой глоток, но Лионель покачал головой, призывая его не мешкать. С глубоким вздохом Меррит подчинился и вскоре откинулся в кресле, закрыв глаза. Когда все затихли, человек с чашей опустился на колени перед Лионелем и подал ему питье. Лионель спокойно взял чашу и еще раз осмотрел ее.

— Они все хорошие люди, милорд,— сказал он, глядя на Брэна.— Они доверили мне свои жизни, и мне хотелось бы верить, что им ничто не угрожает. И если только они зря положились на мое слово, если кому-то из них будет причинен какой-то вред — клянусь, я отомщу даже из могилы. Понимаете?

— Я тоже дал слово, милорд,— холодно сказал Брэн.— Я сказал, что никто не причинит им вреда. Можете положиться на мое слово, вам нечего бояться.

— Я не боюсь, милорд, я вас предупреждаю,— мягко произнес Лионель.— Смотрите же, сдержите свое слово.

Взглянув напоследок на чашу, он приподнял ее и, прошептав молитву, поднес к губам. Сделав глоток, он вернул чашу и откинулся в кресле, поеживаясь, как от холода, хотя в палатке было тепло. Потом его голова безвольно опустилась на спинку кресла. Человек, подававший чашу, опустился на колени и пощупал его пульс. Убедившись, что все в порядке, он встал и поклонился Брэну Корису.

— Если вы готовы, нам следует отправляться, милорд. Впереди трудный путь, большую часть которого придется проделать в ледяной воде. Его величество ждет.

— Да, конечно,— ответил Брэн, надевая шлем.

Он не мог не оценить дисциплину, царящую у людей Венцита, глядя на спящих заложников.

— Смотрите же за ними, Кэмпбелл,— сказал он, надевая перчатки и покидая палатку.— Венцит ждет их в добром здравии, и не будем разочаровывать его.

Глава IV

*«И ОТДАЛ ТЕБЕ ХРАНИМЫЕ ВО ТЬМЕ СОКРОВИЩА И СОКРЫТЫЕ БОГАТСТВА»**

Кардосская крепость лежала четырьмя тысячами футов выше равнины Восточной Марки, на высоком каменистом плато. Это была резиденция графов, герцогов, а порой и королей. С запада и востока крепость была защищена Кардосским перевалом, и только через коварное ущелье Рильских гор можно было подойти к ней.

Каждый год поздней осенью, в конце ноября, с северного моря приходят снега, занося ущелье и отсекая город от остального мира до самого марта, до конца зимы. А потом Кардосский перевал еще на три месяца превращался в бурлящий ледяной водопад.

Но это еще полбеды. Дело в том, что из-за особенностей рельефа доступ к городу с востока открывался несколькими неделями раньше, чем с запада,— именно поэтому город так часто переходил из рук в руки. Потому и Венциту Торентскому довольно легко удалось взять этот город — Высокую Кардосу, истощенную предшествовавшей летней кампанией и занесенную снегом, Кардосу, которой не могло прийти на помощь гвиннедское войско. Венцит воспользовался этим, и Кардоса пала.

И вот сейчас Брэн Корис со своим эскортом подъезжал к ее воротам, а новый хозяин города, расположившись в здании магистрата, готовился к приему высокого гостя.

Венцит Торентский, хмурясь, поправлял высокий воротник своего камзола. В двери постучали, и он быстро накинул на плечи бархатный, расшитый золотом плащ и пристегнул к поясу кинжал с украшенной жемчугом рукояткой. В его холодных голубых глазах светилась досада.

— Войдите!

Бесшумно на пороге появился долговязый молодой человек лет двадцати четырех и отвесил глубокий поклон. Как и все придворные, Гарон носил блестящую сине-фиолетовую ливрею Фурстанского Дома, с черным оленем, вышитым в белом круге на левой стороне груди. На нем сверкала серебряная цепь — знак

* Исайя 3:23.

того, что он входит в состав личной свиты короля Венцита. Он с живым интересом наблюдал, как его царственный повелитель, взяв какие-то бумаги со стола, скатал их в трубочку и убрал в кожаный футляр. Тихим и учтивым голосом он произнес:

— Граф Марлийский здесь, государь. Могу ли я впустить его?

Венцит кратко кивнул, пряча последнюю бумагу, и Гарон, не говоря ни слова, удалился. Оставшись один, Венцит сложил руки на груди и стал нервно расхаживать взад и вперед по ковру, покрывавшему пол комнаты.

Венцит Торентский был высоким, худым, вернее, даже тощим человеком сорока с лишним лет, с ярко-рыжими волосами и бледными серо-голубыми, почти бесцветными глазами. Густые и длинные рыжие усы подчеркивали широкие скулы и треугольную форму лица. Двигался он с легкой грацией, необычной для человека такого сложения.

Враги, которых у Венцита было немало, называли его лисом, если не употребляли слов покрепче. Венцит был чистокровным колдуном Дерини, потомком древнего рода, правившего на Востоке еще до Реставрации и позже, во времена жестоких гонений на Дерини. И не случайно Венцита называли лисом. Добиваясь своего, он становился коварным и жестоким и был опасен, как настоящий хищник.

Однако Венцит умел произвести впечатление, он знал, как уменьшить тот ужас, который невольно охватывал многих при встрече с ним. Вот и сегодня он очень тщательно подбирал одежду. И камзол из бархата и шелковая рубашка были в тон его волос, и эффект еще более усиливало золотое шитье и топазы — на шее, в ушах и на пальцах. Мантия из золотистого шелка мягко ниспадала с плеч и переливалась, колыхаясь при ходьбе. На краю стола, за которым он обычно работал, лежала корона, украшенная драгоценными камнями, излучающими, казалось, яркий свет.

Венцит не собирался надевать корону — это не для Брэна Кориса. Здравый смысл советовал встречать его как можно менее официально. Корона должна лишь напоминать гостю о сане ее обладателя.

В дверь постучали, и снова с поклоном вошел Гарон. Позади него стоял хорошо сложенный молодой человек среднего роста в промокшем кожаном плаще, из-под которого поблескивала кольчуга. В руке он держал шлем, намокшие перья которого поникли, перчатки потемнели от сырости. Лицо его было сумрачно.

— Государь,— произнес Гарон.— Его светлость граф Марлийский.

— Проходите,— сказал Венцит, движением руки приглашая Брэна в комнату.— Должен извиниться, что вам пришлось ехать ко мне в дождь, но погода, боюсь, не подвластна даже Дерини. Гарон, возьми плащ графа и принеси ему сухой из нашего гардероба.

— Будет исполнено, государь.

Когда гость не слишком уверенно вошел в комнату, Гарон снял с его плеч промокший плащ, вышел и через минуту появился с другим, из светло-зеленого бархата. Набросив его на плечи Брэна и застегнув пряжку, он бесшумно исчез. Венцит с учтивейшим видом указал на кресло возле тяжелого стола.

— Садитесь, пожалуйста. Мы можем обойтись без церемоний.

Брэн с подозрением посмотрел на кресло и нахмурился, увидев, что Венцит, подойдя к камину, возится там с чем-то, но с чем именно, он видеть не мог.

— Простите, если я покажусь вам нетерпеливым, сэр, но я плохо понимаю, о чем мы с вами могли бы говорить. Я, как вы, конечно, знаете, всего лишь младший военачальник, один из трех, расположивших свои войска близ Рильских гор. Никакого соглашения с вами я заключить не могу без согласия моих товарищей и короля Гвиннеда.

— Я на это и не надеялся,— спокойно сказал Венцит.

Он подошел к столу, держа в руках чашу с какой-то густой горячей жидкостью, и наполнил два бокала.

— Не окажете ли честь выпить со мной чашечку даржа? Этот напиток делается из листьев и цветов, растущих здесь, в Рильских горах. Думаю, он вам понравится, особенно сейчас, когда вы промокли и замерзли...

Брэн подошел к столу, поднял бокал и внимательно осмотрел его. Криво улыбнувшись, он поднял на Венцита свои золотистые глаза.

— Вы чрезвычайно гостеприимны, сэр, но я вынужден отказаться от угощения. Ваши люди, оставшиеся в моем лагере, оказали мне честь, выпив со мной,— он бросил взгляд на чашу с дымящейся жидкостью,— но они знали, что пьют.

— В самом деле? — Рыжие брови вскинулись, и хотя голос Венцита был по-прежнему мягок и вежлив, в нем появились стальные нотки.— Полагаю, вы угостили их не просто вином или чаем. Но вряд ли вы настолько глупы, чтобы отравить их и явить-

ся с докладом об этом ко мне. Во всяком случае, вы пробудили во мне любопытство. Так что же вы им дали?

Брэн сел, но так и не поднес бокал к губам.

— Как вы понимаете, у меня не было уверенности, что ваши послы не Дерини и что они не натворят что-нибудь в лагере в мое отсутствие.— Брэн потупился.— Поэтому я попросил моего лекаря приготовить для них снотворное. Так как эти джентльмены уверили меня, что они не Дерини и ничего дурного не замышляют, я, в свою очередь, уверяю вас, что с ними ничего не случится — просто поспят. Думаю, вы поступили бы так же.

Венцит поставил бокал на стол и уселся в кресло, поглаживая усы, чтобы скрыть усмешку, но это ему плохо удавалось: он снова взял бокал и пригубил его.

— Ловко придумано. Ценю благоразумие в тех, с кем мне предстоит иметь дело. Могу вас успокоить — в этом напитке нет ничего подобного, можете не опасаться. Даю вам слово.

— Ваше слово, сэр? — Брэн взял бокал, заглянул в него и отставил от себя на несколько дюймов.— Простите мою неучтивость, но вы еще не дали мне объяснений относительно цели наших переговоров. Никак не могу понять, о чем королю Торента можно договориться со скромным гвиннедским лордом? — Брэн пристально посмотрел ему в глаза.

Венцит неопределенно пожал плечами и вновь улыбнулся, с любопытством разглядывая своего гостя.

— Посмотрим, мой друг. Если вас не заинтересует мое предложение — что ж, мы с вами ничего не потеряем, кроме времени. А с другой стороны... Словом, я думаю, у нас больше общих тем, чем вам кажется. Я чувствую, мы вполне поймем друг друга, если, конечно, захотим этого.

— В самом деле? — удивленно произнес Брэн.— Как странно. Вообще я, безусловно, представляю, что вы многое можете сделать для меня, как и для любого, кто удостоится вашей благосклонности. Но ради бога, чем я-то могу быть вам полезен?

— Чем? — Венцит сложил пальцы мостиком, поглядывая на гостя своими лисьими глазами.

Брэн неподвижно сидел, опершись на руку подбородком. Венцит улыбнулся.

— Отлично. Вы умеете ждать. Ценю это в людях, в смертных особенно.— Он еще несколько секунд смотрел на Брэна, затем продолжил: — Прекрасно, лорд Брэн. Вы правы — мне тоже

нужно от вас кое-что, но я не хочу принуждать вас делать что бы то ни было вопреки вашей воле. Никогда не поступаю так с теми, кого хотел бы видеть среди моих друзей. Добавлю, что ваша помощь мне будет щедро вознаграждена. Скажите, что вы думаете о моем новом городе?

— Я бы не стал на вашем месте употреблять это выражение,— сухо ответил Брэн.— Город принадлежит Келсону. Вами он временно занят. Если можно, ближе к делу.

— Не портите моего первого впечатления о вас,— произнес чародей.— У меня есть причины говорить не все сразу. А ваше замечание относительно моего города я пропускаю мимо ушей. Мелочи такого рода меня не волнуют. Я занят более важными проблемами.

— Наслышан. Однако если вы надумаете двинуться дальше на запад, будьте осторожны. Мое маленькое войско, очевидно, долго вашего напора не выдержит, но и вы потеряете немало народу. Вы дорого заплатите за эту победу.

— Придержите-ка язык, Марли! — вспылил Венцит.— Если бы я захотел, я давно стер бы вас вместе с вашей армией в порошок, и вы это знаете! — Полуобернувшись, он дотронулся пальцами до каждого зубца своей короны, глядя на Брэна, как кот на мышь.— Но я не намерен воевать с вами — по крайней мере так, как вы предполагаете. В сущности, я хочу двинуться немного южнее, в Корвин, Катмур и дальше — в другие провинции Гвиннеда. Думаю, вас могли бы заинтересовать северные регионы — Клейборн и Келдиш Рейдинг для начала. При определенных условиях я мог бы помочь вам завладеть ими.

— Пойти против своих? — Брэн покачал головой.— Мне это не нравится, сэр. Да и потом, чего ради вы обещаете своему врагу две богатейшие провинции одиннадцати королевств? Весьма это странно. Похоже, вы еще не все сказали мне...

Венцит одобрительно улыбнулся.

— Но я не считаю вас врагом, Брэн. Позвольте заметить, я уже давно слежу за вашими успехами и пришел к выводу, что было бы очень неплохо поставить такого человека, как вы, во главе северных провинций. Конечно, среди них нашлось бы герцогство и для вас, как и... ну, посмотрим.

— Как и что? — спросил Брэн.

Его тон оставался настороженным, но чувствовалось, что он заинтересован. В его глазах цвета меда появился азарт.

Венцит хмыкнул:

— Да, вы заинтересованы. А я уж начал было думать, что вы неподкупны.

— Речь идет об измене, сэр. А если я соглашусь, вы уверены, что однажды я не изменю вам?

— У вас же есть своего рода чувство чести,— мягко заметил Венцит.— А что до измены, это слишком сильное слово. Я ведь знаю, что вы выступали против Аларика Моргана, а значит, и против Келсона — тоже.

— С Морганом у меня действительно были расхождения, но Келсону я всегда оставался верен,— возразил Брэн,— как вы сказали, у меня есть своего рода чувство чести. Иначе я не был бы в союзе с нашим герцогом Дерини да и с Келсоном.

— Келсон — просто мальчик! Могущественный, да. Но пока всего лишь мальчик. А Морган — полукровка-Дерини, предатель своего племени!

— Ах, предатель — слишком сильное слово,— без всякого выражения произнес Брэн.

Венцит сурово взглянул на него своими светлыми глазами, резко встал, но вдруг черты его смягчились. Брэн тоже хотел подняться, однако Венцит жестом остановил его и прошел в другую часть комнаты, к небольшому резному шкафчику. Щелкнув замком, он достал оттуда какую-то блестящую вещицу и, зажав ее в левой руке, вернулся на свое место. Брэн смотрел на него с любопытством.

— Хорошо,— сухо сказал Венцит, откинувшись на спинку кресла и сложив руки на груди.— Теперь, когда ясно, что вы готовы поразмыслить, скажите-ка мне, как вы относитесь к Дерини?

— Вообще или в частности?

— Сначала вообще,— ответил Венцит, сжав загадочный предмет в кулаке так, чтобы Брэн не видел его.— К примеру, ваши церковные власти на Рамосском Соборе в девятьсот семнадцатом году объявили анафему всем, кто пользовался силами Дерини. Корвинское герцогство нынче отлучено от церкви из-за своего герцога, изобличенного Дерини, который скрывается от суда курии. И должен сказать, я его понимаю.

Венцит помолчал, прищурился и заговорил, выделяя каждое слово:

— Если у вас есть какие-то предубеждения против колдовства, скажите об этом сейчас, пока еще не поздно и пока вы не увязли

слишком глубоко. Как вы знаете, я занимаюсь магией постоянно и весьма серьезно. Возможно, союз со мной противоречит вашим религиозным убеждениям? Да и курия ваша этого не поймет. Это вас беспокоит?

Хотя выражение лица Брэна не изменилось, было ясно, что его искуситель задел чувствительную струну. Кроме того, Брэн не мог скрыть своего интереса к предмету, который Венцит прятал в кулаке. С трудом заставив себя отвести глаза от его ладоней, он вновь посмотрел в лицо торентскому королю.

— Не боюсь я гвиннедской курии, сэр,— осторожно начал Брэн.— А что до магии, для меня это чисто академический вопрос. Магия — всего лишь сила, сила, присущая определенным людям. Я к ней никакого отношения не имею.

— А хотели бы?

— Простите, сэр? — Брэн побледнел.

— Хотели бы владеть магией? — повторил Венцит.— Вам было бы приятно пользоваться этой силой самому?

Брэн с трудом проглотил слюну, но нашел в себе силы ответить спокойно:

— Я только человек, в нашем роду не было Дерини, и я не задумывался ни о чем таком... Хотя, будь у меня возможность, я бы ни минуты не сомневался... Ни в ад, ни в загробные муки я не верю.

— Я тоже,— улыбнулся Венцит.— Допустим, я скажу вам, что в вас есть кровь Дерини и что я могу это доказать.

Глаза Брэна расширились, от потрясения, он потерял дар речи. События складывались так, что герцог Марлийский вот-вот мог превратиться из врага в вассала.

— Вы испугались, Брэн? — продолжал Венцит тем же небрежным тоном.— У вас даже рот открылся от неожиданности.

Брэн закрыл рот и выпрямился. Проглотив комок в горле, он произнес:

— Я просто удивился, а не испугался, милорд. Вы... вы не шутите со мной?

— Предположим, мы выясним...— начал Венцит, довольно улыбаясь: он заметил, как изменился тон Брэна.

— Что, милорд?

— Есть в вас кровь Дерини или нет,— закончил Венцит.— Если да, будет немного проще дать вам силы, необходимые для нашего плодотворного союза. А если нет...

— А если нет? — тихо проговорил Брэн.

— Думаю, говорить об этом пока не стоит! — сказал Венцит.

Он подался вперед, оставаясь сидеть в кресле, и разжал кулак. В ладони лежал большой янтарь на золотой цепочке. Он был гладко отполирован и, казалось, светился изнутри.

— Это широкий кристалл, или ширал, Брэн,— тихо произнес Венцит.— Ширал давно известен в оккультных кругах из-за особой чувствительности к энергии, излучаемой Дерини. Смотрите, когда я держу его в руке, он светится. Любому Дерини достаточно немного сосредоточиться, чтобы кристалл вот так ожил.— Он посмотрел на Брэна.— Снимите перчатки.

Брэн мгновение колебался, затем, нервно сжав губы, стянул перчатку с правой руки. Венцит держал цепочку за самый конец, поднося кристалл к ладони Брэна; через мгновение тот почувствовал холодное прикосновение камня к коже и вздрогнул. Когда Венцит отпустил цепочку, свет в янтаре померк и пропал. Брэн с немым вопросом поднял на Венцита глаза.

— Не обращайте внимания. Теперь прошу вас закрыть глаза и сосредоточиться на кристалле. Представьте себе, что тепло из вашей руки переходит в камень и, согревая его, заставляет светиться. Вообразите, как свет собирается в кристалле, как он насыщается вашей энергией.

Брэн старательно делал все, что от него требовали, а Венцит внимательно следил за мертвым кристаллом, лежавшим в его ладони. Шло время, но ничего не менялось, и Венцит уже нахмурился, как вдруг янтарь ожил, начал слабо светиться. Венцит задумчиво сжал губы и коснулся руки Брэна. Тот вздрогнул, открыл глаза и увидел, что кристалл светится. Янтарь снова исчез в ладони Венцита.

— Он светился! — восхищенно прошептал Брэн.

— Да. Но это еще не значит, что вы — настоящий Дерини.— Глядя Брэну в лицо, Венцит улыбнулся, понимая, что сейчас навсегда завладел этим человеком.— Не огорчайтесь. Вы можете овладеть силами Дерини во всей полноте, как это удавалось людям древности, скажем, времен Реставрации. Возможно, так оно и лучше. Вам предстоит *научиться* тому, что Дерини получают от рождения. Людям достаточно волевым это обычно по силам, они легко обучаются всему.

— Что это значит?

Венцит медленно встал, держа широкий кристалл за цепочку.

— Это значит, что следующим шагом станет чтение ваших мыслей. Я должен изучить ваши возможности, чтобы понять, каким образом лучше передать вам наше могущество. Не хочу сейчас затруднять вас подробностями. Короли Гвиннеда проделывают это из поколения в поколение, так что ничего опасного в этом нет. Вы можете остаться здесь на ночь?

— Я не собирался, но...

— Но по здравом размышлении останетесь,— окончил за него Венцит и многозначительно улыбнулся. Обойдя стол, он присел на его край, слева от Брэна.— Я отошлю назад капитана, чтобы он успокоил ваших людей. К сожалению, вы вывели из строя моих; мой зять, герцог Лионель, получил от меня силы Дерини так же, как вскоре получите вы, и если бы вы его не усыпили, я мог бы передать сообщение через него. Но теперь он будет не в себе еще несколько дней, пока не кончится действие зелья. Что ж, такова иногда цена, которую приходится платить за наше могущество, и он это знает. Сядьте удобно и расслабьтесь, пожалуйста.

— Ч-что вы собираетесь делать? — растерянно прошептал Брэн, от удивления вовсе потерявший способность следить за логической нитью разговора.

— Ну я же сказал вам: прочесть мысли.— Венцит повел рукой, и камень стал медленно раскачиваться перед глазами Брэна.— Так садитесь же удобнее и расслабьтесь. Если вы будете напряжены, у вас разболится голова. Не противьтесь, и нам обоим будет легче.

Брэн тревожно зашевелился в кресле, как будто хотел что-то возразить. Венцит нахмурился, его лицо стало суровым; он холодно произнес:

— Послушайте же, граф Марлийский! Если мы отныне союзники, не худо бы кое в чем доверять мне. Сейчас это как раз необходимо. Не заставляйте меня применить силу!

Брэн глубоко вздохнул.

— Простите. Что я должен делать?

Заметно смягчившись, Венцит вновь стал раскачивать янтарь, другой рукой мягко толкнув голову Брэна на спинку кресла.

— Расслабьтесь и доверьтесь мне. Смотрите на кристалл. Смотрите и слушайте мой голос. Смотрите, как кристалл раскачивается, туда-сюда, туда-сюда, и ваши веки становятся тяжелыми — такими тяжелыми, что вам хочется закрыть глаза. Закройте их. Вас охватывает чувство покоя, вы не можете пошевелиться. Пред-

ставьте себе темную ночную комнату: темные стены, темная дверь. А теперь эта дверь приоткрылась и за ней — холодный-холодный мрак...

Глаза Брэна закрылись, и Венцит опустил кристалл. Коснувшись пальцами каждого его века, он прошептал заклинание, закрепляющее транс. Он долго стоял в безмолвной тишине, наконец его глаза блеснули холодным огнем и Венцит окликнул своего подопечного:

— Брэн?

Глаза Брэна открылись, и он некоторое время озирался, вспоминая, что же произошло. Увидев Венцита, стоявшего все на том же месте, увидев дружелюбное выражение на его лице, он сумел спокойно оценить положение. Брэн больше не испытывал страха, глядя на Венцита; напротив, он чувствовал какую-то странную близость к этому человеку, хотя сейчас тот знал все, что можно было знать о нем, Брэне Корисе, графе Марлийском.

Нет, это не было ощущение зависимости от него и не вызывало раздражения. И не то чтобы Венцит Торентский очаровал его, назвав своим союзником. Скорее это было ощущение полного взаимопонимания, какого-то удовлетворения — а он-то боялся, что, напротив, почувствует после пережитого испытания неприязнь к Венциту. В нем, Брэне Корисе, что-то изменилось, его наполняло что-то, чего он не мог назвать по имени. Он явственно ощущал прилив каких-то неведомых сил и нашел это ощущение приятным.

Венцит пошевелился, и это вернуло Брэна к реальности.

— Ваша реакция великолепна,— произнес колдун, дергая за бархатный шнурок колокольчика,— мы с вами хорошо сработаемся. Утром я пришлю за вами, и мы попробуем погрузиться поглубже.

— Но почему не сейчас? — спросил Брэн. Он встал и, к своему удивлению, пошатнулся — ноги не держали его.

— Вот поэтому, мой неопытный юный друг. Магия — вещь для непосвященных весьма утомительная,— сказал Венцит, поддерживая его.— На сегодня вам уже достаточно. Минут через десять, а может, чуть позже вы почувствуете, что валитесь от усталости с ног. Я не хочу, чтобы Гарону пришлось на руках нести вас в постель.

Брэн коснулся лба рукой.

— Но я...

— Довольно слов,— твердо сказал Венцит.

Дверь отворилась, и вошел Гарон, но Венцит даже не взглянул в его сторону, наблюдая, как молодой граф старается удержаться на ногах.

— Проводите лорда Брэна в его покои и уложите в постель, Гарон,— мягко сказал Венцит.— Он устал после долгой дороги, капитан пусть вернется в лагерь с донесением.

— Хорошо, государь. Сюда, если позволите, милорд.

Когда дверь за Гароном и Брэном закрылась, Венцит, задумчиво осмотревшись, задвинул засов, вернулся к столу и неожиданно спросил, хотя рядом с ним никого не было:

— Ну, Ридон, что вы думаете?

Узкая панель в стене напротив отодвинулась, и оттуда появился высокий брюнет в голубом. Подойдя к столу, он оперся руками о спинку свободного кресла. Панель в стене беззвучно задвинулась.

— Так что вы думаете? — переспросил Венцит, откидываясь в кресле.

Ридон неопределенно пожал плечами.

— Представление отменное, как всегда, что я еще могу сказать? — ответил он шутливым тоном, но в светло-серых соколиных глазах читалось то, что он не произнес вслух.

Венцит понял этот взгляд. Он положил широкий кристалл на стол рядом с короной, задумчиво расправил цепочку и снова посмотрел на Ридона.

— Вас что-то беспокоит в Брэне? Вы думаете, он представляет опасность для нас?

Ридон пожал плечами.

— Сочтите это за обычный цинизм. Не пойму. Кажется, он свой. Но вы знаете, как непредсказуемы смертные. Тот же Келсон...

— Он наполовину Дерини.

— И Морган тоже. И Маклайн. Простите мой скептицизм, но, может быть, совету Камбера следовало бы обратить на это внимание. Морган и Маклайн — эти, как считается, полукровки-Дерини,— может быть, самое необъяснимое явление во всех одиннадцати королевствах. Они проделывают такие вещи, которых не должны бы уметь. И вы об этом, как я знаю, наслыша-

ны.— Он опустился в кресло и, взяв не тронутый Брэном бокал даржа, осушил его одним глотком. Венцит неодобрительно усмехнулся.

Ридона, владетеля Восточной Марки, нельзя было назвать красивым. Шрам от сабельного удара, что тянулся от переносицы к правому уголку рта, обезображивал его лицо. Но несмотря на это, он обладал впечатляющей внешностью. Темные густые волосы, седые на висках, и усы цвета соли с перцем обрамляли его удлиненное лицо; бородка скругляла заостренный подбородок. Полные губы были обычно плотно сжаты, и это придавало лицу суровое выражение. От него исходила зловещая мощь, недаром Ридон был потомком знатнейшего рода Дерини и во всех отношениях являлся равным Венциту. С этим человеком приходилось считаться.

Некоторое время оба безмолвно глядели друг на друга через стол. Венцит первым нарушил молчание.

— Хорошо,— сказал он, выпрямляясь и доставая из кожаного футляра какие-то бумаги.— Вы против посвящения Брэна завтра утром или я убедил вас, что он безопасен?

— Я никого не считаю безопасным до конца,— ответил Ридон,— но не важно. Решайте сами.— Он машинально коснулся рукой переносицы и провел пальцем по шраму, терявшемуся в густых усах.— А каковы ваши военные планы?

Венцит достал карту и разложил ее на столе.

— Наше положение значительно улучшилось. Теперь, когда Брэн на нашей стороне, линия обороны Келсона вдоль границы нарушена и мы без боя занимаем северный Гвиннед. Остается Яред Кассанский на юге, но его армию мы разобьем без труда, если будем там через несколько дней.

— А Келсон? — спросил Ридон.— Когда он поймет ваши планы, он обрушит на наши войска всю армию, чтобы только задушить нас.

Венцит покачал головой.

— Не поймет. В это время года трудно наладить связь из-за распутицы на дорогах. Так что он наверняка ничего не узнает, пока не будет слишком поздно. Да и смута в Корвине сдерживает его.

— Думаете, он не доставит нам беспокойства?

— Келсон? — Венцит покачал головой и улыбнулся.— Вряд ли. Что бы там ни говорилось в законе о совершеннолетии, Келсон в свои четырнадцать лет — еще ребенок, Дерини он или нет. И едва ли то, что он наполовину Дерини, поможет нашему самолюбивому юному корольку. К тому же его подданные уже начинают сомневаться, нужен ли им король, в жилах которого течет кровь этих жутких, этих зловредных Дерини.

— И ваши хитроумные чары здесь, конечно, ни при чем?

— Как вы могли такое подумать?

Ридон закинул ногу за ногу.

— Ну, так каковы же ваши планы по части этого удивительного ребенка, мой король? И чем я могу быть вам полезен?

— Избавьте меня от забот о Моргане и Маклайне,— произнес Венцит уже совершенно серьезно.— Пока они рядом с Келсоном, отлученные или нет, они представляют угрозу для нас. Раз мы ничего не можем поделать с их силой и влиянием на Келсона, остается одно — убрать их. Но все должно быть законно. Я не хочу осложнений с советом.

— Законно? — Ридон скептически поднял бровь.— Не уверен, что это возможно. Моргана и Маклайна, как полукровок, никогда не вызовет на бой чистокровный Дерини. А на то, что их и впрямь казнят какие-нибудь церковные или светские власти, нет почти никакой надежды, пока им покровительствует сам Келсон.

Венцит, задумчиво прикусив краешек пера, смотрел в окно.

— Да, но есть другой путь. И тут уж совет не придерется. Нужно сделать так, чтобы сам совет стал орудием их уничтожения.

Ридон весь обратился во внимание.

— А именно?

— Скажем, совет разрешит вызвать их на бой, как чистокровных Дерини.

— На каком основании?

— На том, что они время от времени демонстрируют могущество чистокровных Дерини,— лукаво улыбнулся Венцит.— Вы же знаете это.

— Так,— пробормотал Ридон.— И вы хотите, чтобы я пошел на совет и просил их рассмотреть этот вопрос? Об этом не может быть и речи.

— О, не вы лично. Я знаю ваше отношение к совету. Попросите Торна Хагена сделать это. У него есть передо мной должок, и скажите ему, что это не просьба, а мой приказ. Думаю, что он выполнит его.

Ридон хмыкнул, встал из-за стола и поправил складки рукавов.

— При такой постановке вопроса у него не будет выбора. Хорошо, я передам ему.— Он осмотрелся вокруг и потер руки.— От меня еще что-то нужно? Может быть, парочку чудес в знак моего сердечного к вам расположения?

С этими словами он вытянул руки вперед и сделал несколько плавных движений. Под конец Ридон резко взмахнул руками, и ярко-красный плащ с капюшоном, отделанным оленьим мехом, появившись из ниоткуда, опустился на спинку кресла. Венцит покачал головой:

— Если вы уже закончили свои игры, благодарю вас. И еще больше буду благодарен, если вы сейчас отправитесь в путь и позволите мне поработать. Нам обоим пора приниматься за дело, не так ли?

— О, извините за беспокойство,— сухо ответил Ридон.— Что ж, я отправляюсь на свидание с вашим добрым другом Торном Хагеном. А потом вернусь, чтобы еще раз взглянуть на этого бедняжку Брэна Кориса, который вам так нравится. Может быть, от него и будет прок, хотя лично я в этом сомневаюсь. А может, мне даже удастся, кто знает, отвести от вас угрозу, которой, как вы говорите, нет.

— Как хотите.

Ридон закутался в красный плащ и исчез. Венцит погрузился в путаницу голубых, зеленых и красных линий на своей стратегической карте. Его глаза цвета льда возбужденно блестели, пальцы стискивали перо так, словно в руках у него — оружие и он готов ринуться в бой.

— Один, я один должен править одиннадцатью королевствами,— шептал он, нанося на карту новые линии.— Я — над всеми одиннадцатью королевствами, а не какой-то мальчишка-король, что восседает сейчас на троне в Ремуте!

Глава V

*«ПРИТЧУ И ЗАМЫСЛОВАТУЮ РЕЧЬ...»**

Торн Хаген, Дерини, повернулся и открыл один глаз, не ожидая, что в комнате будет уже так темно. Взглянув через плечо, он увидел солнце, погружающееся в туманную дымку за горой Тофель, которая отбрасывала причудливую красноватую тень на крепостной вал. Он зевнул, пошевелил пальцами и бросил взгляд на смуглое плечико девушки, лежавшей рядом с ним. Он провел ладонью по взъерошенным каштановым волосам, и когда его пальцы соскользнули с кудрей девушки на ее спину, она вздрогнула, повернулась и с обожанием посмотрела на него.

— *Вы хорошо отдохнули, милорд?*

Торн лениво улыбнулся, не спуская с нее рассеянного взгляда.

Девушку звали Мойра, ей недавно исполнилось пятнадцать. Он увидел ее одним холодным февральским утром на Хартанском базаре из паланкина, где он сидел, укутанный в меха. Замерзший, худенький, голодный беспризорный ребенок с темными глазами дрожал от страха и ночного холода. И словно какая-то невидимая нить связала их с той минуты: та страсть, что доставляет людям столько радости, но приносит и горе. Торн откинул бархатные занавески, протянул ей обе руки, улыбнулся смущенно и поманил ее взглядом. Она подошла.

Он не мог бы объяснить, почему позвал ее: может быть, в утреннем тумане она напомнила ему дочь, черноволосую Кару, которую он потерял. В общем, он позвал, и она подошла. Если бы Кара была жива, ей было бы столько же лет.

Он нетерпеливо тряхнул головой, хлопнул девочку пониже спины и отогнал эти мысли. Затем он сел, потянулся, а девочка с улыбкой коснулась его руки. Торн с сожалением отвел ее руку и покачал головой.

— Прости, малышка, пора вставать. Совет не ждет даже таких высоких лордов Дерини.— Он наклонился и отечески поцеловал ее в лоб.— Я не задержусь. Почему бы тебе не вернуться сюда около полуночи?

— Конечно, милорд.— Она вскочила и накинула на себя что-то тонкое, прозрачное, из невесомой желтой ткани и направилась к двери, поминутно оглядываясь, одаривая его нежным взглядом черных глаз.— Я, может быть, даже сделаю вам сюрприз.

Когда за ней закрылась дверь, Торн покачал головой и с досадой вздохнул. Глуповатая улыбка играла на его лице. Он огляделся в полумраке комнаты, с видом смущенным и довольным одновременно, и направился к двери гардеробной. На ходу он что-то пробормотал себе под нос и сделал рукой замысловатый жест. Тотчас по всей комнате загорелись свечи, и Торн, пригла-

* Притчи Соломоновы 1:6.

див редеющие каштановые волосы, принялся рассматривать себя, остановившись перед зеркалом.

Выглядел он, надо сказать, неплохо. Тело его в пятьдесят лет было таким же мощным и крепким, что и четверть века назад. Конечно, с тех пор он потерял часть волос и прибавил в весе несколько фунтов, но предпочитал думать, что эти перемены только добавили ему солидности. Свои румяные щеки и голубые глаза, в которых застыло вечное удивление, в молодости он просто ненавидел, потому что чуть ли не до тридцати его все принимали за несовершеннолетнего.

А вот теперь его цветущий вид у многих вызывал зависть. В то время как его ровесники выглядели так, как и должны были выглядеть в этом возрасте, сам Торн — всегда со вкусом одетый, чисто выбритый, подтянутый — легко мог сойти за тридцатилетнего. «Несомненно,— подумал он, вспоминая только что покинувшую его девушку,— молодо выглядеть — это замечательно!»

Торн хотел было позвать слуг, чтобы они помогли ему принять ванну и одеться перед заседанием совета, но потом отказался от этой мысли. У него было мало времени. Лучше уж сосредоточиться и попытаться вызвать воду с помощью магии, приемам которой его целый месяц учил Лоран. У Торна до сих пор ничего толком не получалось, и это его раздражало. Всякий раз сначала все шло хорошо, но под конец ничего не получалось. Почему бы не попробовать снова?

Выйдя на середину комнаты, Торн расставил пошире ноги, выпрямился и вытянул руки вверх. Клиновидный силуэт застыл в мерцающем свете свечей. Торн начал монотонно напевать себе под нос слова заклинания, и вскоре его тело окутало небольшое, но настоящее грозовое облако, в котором посверкивали молнии. Он крепко зажмурился, затаил дыхание и только слегка постанывал от удовольствия, когда искрящиеся молнии приятно покалывали кожу. Теперь предстояло самое трудное.

Он отвел от себя облачко, пронизываемое молниями, и теперь оно парило перед ним, потрескивая и брызгаясь в тусклом свете свечей. Открыв глаза, Торн полюбовался на эту картину и начал осторожно перемещать тучу к окну, чтобы в конце концов вылить ее во двор. В это время яркий свет вспыхнул у него за спиной — там явно открылся Переносящий Ход. Он обернулся, чтобы посмотреть, кто же это, и сразу потерял контроль над облачком.

Молния, выскочившая из тучки, больно ударила его, вода с шумом обрушилась на пол, залив мраморные плиты и бесценный ковер, а заодно испортив настроение Торна. Когда из Переносящего Хода появился Ридон, Торн сыпал проклятиями, на его детском лице бушевали злоба и негодование.

— Черт тебя возьми, Ридон! — прошипел он, немного придя в себя.— Ты что, не мог предупредить о приходе? Посмотри, из-за тебя я залил всю комнату.

Он вышел из лужи и потряс в воздухе сначала одной босой ногой, потом другой, стараясь высушить их; он свирепо поглядывал на Ридона, который шел к нему через комнату.

— Извини, Торн,— с усмешкой проговорил Ридон,— давай я все уберу.

— «Извини... давай я все уберу...» — передразнил Торн. Его глаза сузились и потемнели от злости.— Попробуй. Все равно никто здесь, кроме меня да тебя, не может это сделать.

Сдерживая улыбку, Ридон вытянул руки над мокрым полом и с закрытыми глазами шепотом произнес несколько коротких фраз. Вода испарилась, Ридон пожал плечами и снова посмотрел на Торна виноватым взглядом. Тот, все еще злясь, не произнес ни слова и с обиженным видом побрел в гардеробную. Из-за полуоткрытой двери послышалось шуршание тканей.

— Торн, я правда сожалею, что помешал тебе,— проговорил Ридон, расхаживая по комнате и рассматривая разные безделушки.— Меня прислал Венцит, чтобы попросить тебя кое о чем.

— Для Венцита я, может быть, что-нибудь и сделаю, но не для тебя.

— Ну не дуйся. Я же извинился.

— Ладно, ладно.— Торн помолчал, а затем спросил с любопытством: — И что же нужно Венциту?

— Ему нужно, чтобы ты потребовал на совете, чтобы Моргана и Маклайна разрешили вызвать на поединок, как чистокровных Дерини.

— Как чистокровных Дерини? На поединок? Ты это серьезно? — Торн опять помолчал. Когда он заговорил снова, злости в его голосе поубавилось.— Хорошо, попробую. Но я надеюсь, Венцит помнит о том, что мое влияние в совете не так уж велико. Мы же переизбрали месяц назад сопредседателя. А почему бы тебе не попробовать самому? Ты же чистокровный Дерини,

тоже имеешь право выступить перед советом, даже если и не входишь в Круг Избранных.

— У тебя короткая память, Торн,— ответил Ридон.— Когда я последний раз выступал на совете, я поклялся, что никогда больше моей ноги не будет ни там, ни в другом месте, где находится Стефан Корам. Я семь лет держал клятву и вовсе не собираюсь нарушить ее сегодня вечером. И потом, Венцит сказал, что это должен сделать ты.

Торн вышел из гардеробной, поправляя полы лиловой мантии, выступающие из-под золотой парчовой накидки.

— Хорошо, хорошо. Не кипятись. Хотя жаль. Если бы не Корам, ты сам мог бы быть сопредседателем. Или ты, или Венцит, кто-то из вас.

— Да, мы неплохая парочка, не так ли? — промурлыкал Ридон, глядя на Торна прищуренными серыми глазами.— Венцит — старая лиса и не скрывает этого. А я... я знаю — Корам меня сравнивал с самим Люцифером: падшего ангела, видите ли, низвергли во тьму из Круга Избранных.— Он мрачно усмехнулся и, облокотившись о каминную полку, стал разглядывать свои ногти.— Впрочем, мне всегда нравился Люцифер. Как бы то ни было, до своего падения он был светлейшим из ангелов.

За спиной Ридона вспыхнуло на мгновение малиновое сияние, и Торн громко икнул. Он с трудом сдержался, чтобы не осенить себя крестным знамением.

— Пожалуйста, не говори так,— боязливо прошептал он,— а то кое-кто может услышать.

— Кто, Люцифер? Чепуха. Дорогой Торн, боюсь, что наш Князь Тьмы — выдумка, сказка, сочиненная, чтобы пугать непослушных детей. Настоящие дьяволы — это живые люди, вроде Моргана и Маклайна. Запомни это, будь умницей.

С хмурым видом Торн привел наконец в порядок свою мантию и повязал вокруг головы узкую золотую ленту. Руки у него немного дрожали.

— Ну хорошо, Морган и Маклайн — дьяволы. Раз ты так говоришь, значит, так и есть. Но как я скажу это совету? Даже если Морган и Маклайн представляют собой то, что ты сказал, а я их не знаю, я вообще не видел этих джентльменов, все равно они всего лишь наполовину Дерини. Они не могут быть вызваны на магический поединок ни одним из нас. И мне нужно

будет привести веские доводы, чтобы убедить совет изменить это положение.

— Они у тебя будут,— ответил Ридон, лениво потирая шрам на щеке указательным пальцем,— тебе стоит только напомнить совету, что Морган и Маклайн, похоже, способны делать то, что делать не должны. А если это их не убедит, можешь добавить, что эта парочка, возможно, представляет угрозу самому существованию Круга Избранных.

— Да, но эти двое вообще не знают о существовании совета.

— Верно, но слухи имеют обыкновение распространяться,— проскрипел Ридон.— И запомни: Венциту это очень нужно. Что-нибудь не ясно?

— Да, то есть нет, не важно.— Торн нервно прочистил горло и, отвернувшись, уставился на свое отражение в зеркале, с усилием сдерживая дрожь в руке, которой он поправлял воротничок.— Я хотел сказать, то есть спросить у тебя.— Он запнулся, но продолжал более уверенным тоном: — Я надеюсь, что ты, в свою очередь, напомнишь Венциту о том риске, которому я подвергаюсь, выступая по его поручению. Я не знаю его планов в отношении Моргана и Маклайна и знать не хочу. Но совет обычно придерживается нейтральной позиции. И там очень не любят тех, кто влезает в политические дрязги. Венцит мог бы и сам явиться на совет, если бы он был хоть немного покорней,— закончил он раздраженно.

— Покорность не в характере Венцита,— спокойно заметил Ридон,— и не в моем тоже. Так что если ты собираешься ссориться с кем-то из нас, то я располагаю возможностью договориться о месте поединка. Говорят, сейчас подходящее время для магических поединков.

— Но ты же на самом деле не думаешь, что я собираюсь кого-то вызывать? — Воспоминание о каком-то прошлом кошмаре мелькнуло в светло-голубых глазах.

— Конечно нет.

Торн тяжело вздохнул и, успокоившись, подошел к украшенной резным орнаментом из цветов и виноградных лоз плите, что прикрывала Переносящий Ход.

— Утром я извещу тебя обо всем,— сказал он, подбирая парчовую накидку. И, все еще стараясь сохранить достоинство, спросил: — Тебя это устраивает?

Ридон молча кивнул, глаза его насмешливо блеснули.

— Тогда желаю приятно провести вечер,— сказал Торн и пропал.

Высоко в неприступных горах, в огромном восьмиугольном зале с потолком, отделанным наподобие граненого аметиста, собирался совет Камбера. Зал венчал лиловый купол.

Одну из восьми стен полностью занимали кованые бронзовые двери, поблескивающие вверху ониксом. Остальные семь стен были облицованы резными деревянными панелями, инкрустированными слоновой костью. Свеженатертый паркет отбрасывал блики на статуи Дерини, вошедших в историю. Зал был пуст, лишь в центре стоял тяжелый восьмиугольный стол и восемь кресел с высокими спинками. У пяти из них стояли Дерини.

Итак, под лиловым куполом непринужденно беседовали о чем-то трое мужчин и две женщины. Все, кроме одного, были одеты в лиловые и золотые одежды — цвета Круга Избранных. Только на епископе Арилане была черная ряса и пурпурная епископская мантия. Он изредка кивал, прислушиваясь к тому, что говорила прекрасная леди Вивьен, стоящая справа от него, темноволосому, атлетически сложенному молодому человеку с миндалевидными глазами — Тирцелю де Кларону.

Напротив них седовласый мужчина с бледными, прозрачными руками беседовал с девушкой, которая была, наверное, на полвека моложе его. Девушка, улыбаясь, внимательно слушала его, и когда она покачивала головой, ее рыжие волосы вспыхивали подобно пламени. Арилан, сдерживая зевок, повернулся к дверям, которые в этот момент распахнулись, пропуская Торна Хагена.

Торн был не в духе; его лицо, обычно цветущее, было совсем бледным, только на скулах горел лихорадочный румянец. Заметив, что на него смотрит Арилан, он отвернулся и поспешил к противоположной стороне стола, где беседовали старик и девушка. Разговорившись с ними, он успокоился, лицо его снова приобрело обычное безмятежное выражение, но Арилан заметил, как он тайком вытирает потные руки и прячет в лиловые рукава дрожащие пальцы. Арилан отвернулся, делая вид, что поглощен беседой. Глядя на его лицо, можно было подумать, что он весьма заинтересован рассказом леди Вивьен, но на деле он едва слышал ее.

Что же такое случилось, что испортило Торну настроение? Интересно, что или кто? Не человек, это точно. Значит — Дерини? Но в этом случае Торну нечего бояться. Здесь он в полной безопасности, ни один Дерини не рискнет применить свои силы против того, кто находится в этой комнате, если на то не будет воли совета. Здесь вообще бессильны любые чары, так как место это надежно защищено. И эта магическая защита скреплена смертной клятвой каждого из Круга Избранных; на каждом заседании совета ее давали вновь. Нет, здесь Торну Хагену ничто не угрожает.

Арилан коснулся края стола, отделанного слоновой костью, и ощутил под пальцами гладкую и холодную полоску золота — несколько таких полос разделяли стол по числу присутствующих.

С другой стороны, рано или поздно, но Торну придется покинуть зал совета, а за его пределами немало Дерини, которые не связаны с Кругом Избранных и не подчиняются его законам. Они вообще не считаются с советом. Такими отступниками были Льюис ап Норфал, Ридон из Восточной Марки, а в прошлом столетии — Ральф Макферсон. Они отвергли власть Круга Избранных и, восстав против совета, были исключены из него. Возможно, Торну Хагену не дает покоя кто-то из них? А может быть, это заговор против всего совета?

Арилан взглянул на Торна и вдруг улыбнулся, подумав, что его подозрения ни на чем не основаны. Ведь Торн мог поссориться со своей последней пассией или повздорить с управляющим. Почему бы и нет?

За спиной Арилана раздалось чуть слышное шуршание парчи, он обернулся и увидел еще двух членов совета, которые входили через высокие двери; каждый держал в руках жезл из слоновой кости — жезл сопредседателя совета. Старший — Баррет де Лане, сегодняшний председатель совета, производил внушительное впечатление и своей фигурой, и чеканным профилем, привлекательным, несмотря на полное отсутствие волос на голове, и пронзительными изумрудными глазами на совершенно неподвижном лице. Даже суровый Стефан Корам, с его благородной ранней сединой, с его элегантностью, рядом с Барретом выглядел менее значительно.

Корам неслышно скользил рядом с Барретом, плечом к плечу, сопровождая старшего собрата на его место между Лораном и Тирцелем, а затем прошел к своему креслу на противополож-

ной стороне стола. Когда они положили свои жезлы на стол, Корам развел руки в стороны, одну — ладонью вверх, другую — ладонью вниз. Остальные последовали его примеру, причем каждый положил свою ладонь на ладонь соседа. Корам откашлялся и заговорил:

— Слушайте, лорды и леди. Приблизьтесь и внимайте. Слушайте. Слушайте слова Мастера. Да проникнется все духом слова сего.

Баррет на мгновение склонил голову, затем вознес взгляд своих изумрудных глаз к хрустальному шару, свисающему на длинной золотой цепи из центра купола. Шар слегка подрагивал; стояла тишина. И тут Баррет негромко начал нараспев произносить слова старинного приветствия Дерини:

— Днесь мы паки сошлись, дабы пребыть перед лицом Света. Поклонимся путям Древних. Ибо никогда впредь не пройдем мы по сей тропе.— Он сделал паузу и закончил уже на современном языке: — Да будет так.

— Да будет так.

Все восемь присутствующих опустились в кресла, шурша богатыми одеждами и перешептываясь. Когда все стихло, Баррет тоже сел, положив обе руки на ручки кресла, словно собираясь с мыслями перед началом заседания. Однако сказать он ничего не успел. Седой человек болезненного вида справа от него откашлялся и подался вперед. Герб с изображением рук, украшавший его кресло, говорил о том, что это барон Ларан ап Пардис, шестнадцатый в роду. Барон был мрачен.

— Баррет, прежде чем мы начнем официальную часть, мы должны, на мой взгляд, обсудить несколько удивительных слухов.

— Слухов?

— Ларан, у нас нет времени для слухов,— прервал его Корам.— У нас важные...

— Но это не менее важно,— отрезал Ларан, разрубив бледной тонкой ладонью воздух.— Я считаю, что это необходимо знать всем. Дело в том, что я слышал, будто Аларик Морган, Дерини-полукровка, владеет древним искусством исцеления.

На мгновение все напряженно замерли, а затем послышались возгласы:

— Исцеляющей силой?

— Морган исцеляет?

— Ларан, вы ошиблись, должно быть,— произнес женский голос.— Никто из нас уже давно не может исцелять.

— Верно,— холодно согласился Баррет.— Все Дерини знают, что дар исцеления утрачен после Реставрации.

— Да, но эту маленькую подробность забыли сообщить Моргану,— огрызнулся Ларан,— ведь он только наполовину Дерини.— Он бросил на Баррета холодный напряженный взгляд и сокрушенно покачал головой: — Извините, Баррет. Не вы ли больше всех нас сожалеете об утрате дара исцеления?

Он внезапно запнулся, вспомнив, при каких обстоятельствах Баррет лет пятьдесят назад потерял зрение. Его изумрудные глаза были выжжены раскаленным железом — такой ценой ему удалось спасти несколько детей Дерини от вражеских мечей. Баррет склонил голову и, выпрямившись, дружески коснулся плеча Ларана.

— Не казнитесь, Ларан,— прошептал слепой,— есть вещи более важные, чем зрение. Расскажите-ка нам об этом Моргане.

Ларан пожал плечами, подчиняясь.

— У меня нет никаких доказательств, Баррет. Я только слышал кое-какие разговоры, и меня, как врача, это заинтересовало. Если Морган...

— Морган, Морган! — воскликнул Тирцель, стукнув ладонью по столу.— Сколько можно об этом говорить? Мы что, начнем охоту на ведьм в своих рядах? Мне кажется, мы много чего еще недосчитались после Реставрации!

Вивьен насмешливо фыркнула, поворачивая к молодому человеку красивую седую голову.

— Тирцель, уймитесь! Разве Морган — один из нас? Он же полукровка, изменник, он позорит само имя Дерини тем, что резвится там у себя, пользуясь направо и налево своим могуществом.

Тирцель повернулся к ней и рассмеялся.

— Морган-то? Ну, это еще бабушка надвое сказала. Он полукровка, это верно. А изменник он или нет, так это смотря с какой стороны подойти. Келсон, я думаю, с вами бы не согласился. Что же касается позора, то, насколько я знаю, Морган не сделал ничего такого, что запятнало бы имя Дерини. Напротив, он — единственный из Дерини, которых я знаю, кто не боится прямо заявить об этом. Имя Дерини давным-давно опорочено и без него, в основном господами поопытнее, чем полукровка Аларик Морган.

— Ха! Вы вот считаете его полукровкой? — вмешался Торн, видя благоприятную возможность для выполнения поручения Венцита.— И Дункана Маклайна — тоже. Все вы считаете их полукровками. Вы говорите, что они не такие, как мы, а ведь они то и дело проявляют такое могущество, какое полукровкам и не снилось. Сейчас вот выяснилось, что они способны исцелять! Можно ли после всего этого говорить, что они только наполовину Дерини? Может быть, мы имеем дело с парочкой чистокровных Дерини-предателей?

Кири, рыжеволосая девушка, что сидела справа от Торна, нахмурилась и дотронулась до его локтя.

— Что? Чистокровные Дерини? Вы в это верите? Но ведь известно, кто были их родители?

— Ну, точно мы знаем только об их матерях,— насмешливо произнесла Вивьен.— И мы знаем, что они, кажется, чистокровные Дерини. Что касается их отцов... Разве мы можем быть в чем-то уверены? — Она подняла брови, и вокруг стола пробежал негромкий смешок.

Тирцель покраснел.

— Если вы собираетесь возводить клевету на родителей Моргана и Маклайна, я должен вам напомнить, что и кое у кого из нас тоже не про всех предков все известно. О, разумеется, все мы чистокровные Дерини, никто не спорит. Но может ли кто-нибудь из нас с полной уверенностью сказать, кто его отец?

— Ну хватит! — оборвал его Корам, властным жестом возложив руку на жезл из слоновой кости.

— *Успокойся, Стефан,— послышался голос Баррета.*— Тирцель, не стоит никого оскорблять.— Слепой медленно повернулся к молодому человеку, и тому показалось, что изумрудные глаза видят его.— Законно или нет появились на свет Морган и Маклайн, так же как и мы с вами,— не тема для обсуждения здесь, и мы бы не касались ее вообще, не будь вопроса, затронутого Торном. Если же, как он предположил, эти двое ведут себя не совсем так, как должны бы, судя по их происхождению, то нам следует установить почему. Но во всяком случае это не повод для столь горячих споров. Вы согласны?

— Прошу простить меня, если сказал что-то не то сгоряча,— извинился Тирцель, но мрачное выражение на его лице никак не соответствовало этому вежливому обороту.

— Теперь я хочу узнать подробнее о том, что вы сообщили, Ларан. Итак, вы говорите, что стало известно, будто Морган способен исцелять?

— Говорят, да.

— Кто говорит? И кого же он, по слухам, вылечил?

Ларан откашлялся и оглядел сидящих за столом.

— Помните, перед коронацией было покушение на жизнь короля? Чтобы проникнуть в его покои, злоумышленники напали на охрану; многих тогда убили, кого-то ранили. Среди раненых был оруженосец Моргана, Шон, лорд Дерри, молодой лорд-гофмейстер. Один из королевских лекарей осмотрел лорда Дерри еще до того, как из покоев вышел Морган, и был уверен, что раненый при смерти. Об этом лекарь и сказал Моргану, а затем пошел к тем, кому он еще мог помочь. Через некоторое время Морган позвал другого лекаря и просил позаботиться о молодом лорде, сказав, что его ранение оказалось не таким уж серьезным, как опасались. По прошествии нескольких дней оба лекаря обменялись своими наблюдениями и решили, что произошло не что иное, как чудо, так как ранение Дерри было таково, что, казалось, медицина здесь бессильна, а он тем не менее жив. И не только жив, он сопровождал Моргана на коронации на следующий день.

— А почему вы решили, что здесь использовался именно дар исцеления? — негромко спросил Корам.— Я тоже знаю, что эти знания уже давно утрачены.

— Я только повторяю то, что слышал,— ответил Ларан.— Как врач, я не могу по-другому объяснить то, что произошло. Или же в самом деле случилось чудо.

— Ха! Я не верю в чудеса,— язвительно проговорила Вивьен.— А что скажет Денис Арилан? Вы же у нас знаток в этих вопросах. Возможно такое?

Арилан взглянул на Вивьен и пожал плечами.

— Если верить тому, что отцы церкви говорят нам в старинных записях, то, я полагаю, это возможно.— Он побарабанил пальцами по столу; сверкнул аметист его перстня.— Но чудеса как в наше время, так и вообще за последние четыреста или пятьсот лет можно объяснить или повторить с помощью нашей магии. Словом, нельзя сказать, что чудес вообще не бывает, просто мы, пользуясь нашим могуществом, обычно вызываем то, что другим

кажется чудом. Ну а что касается Моргана — не знаю, ничего не могу сказать. Я с этим человеком и встречался-то один раз.

— Но вы присутствовали при коронации, не правда ли, епископ? — негромко спросил Торн.— Всем известно, что сам Морган был тяжело ранен в поединке с лордом Яном. Однако, когда настало время принести клятву верности, он шел прямо, не морщился от боли и спокойно возложил свои руки на руки Келсона. Ну разве что он был немного бледнее обычного. Во всяком случае, он вовсе не выглядел как человек, из плеча которого только что выдернули четыре дюйма стали. Как вы это объясните?

Арилан пожал плечами.

— Я не знаю, как это объяснить. Может быть, он был ранен не столь серьезно, как казалось. И потом, ему помог монсеньор Маклайн. Возможно, его искусство...

— Думаю, что нет, Денис,— покачал головой Ларан.— Конечно, этот Маклайн искусный врач, но... если только и он обладает даром исцеления... Нет, это неправдоподобно... Чтобы двое полукровок...

Молодой Тирцель не выдержал — он вдруг вскочил, снова опустился в кресло и воскликнул:

— Ну сколько ж можно! Да если Морган с Маклайном овладели даром исцеления, то мы должны бежать со всех ног, найти их и умолять поделиться с нами этими великими познаниями, а не перемывать им кости в этом бессмысленном расследовании!

— Но они действительно полукровки,— вставила Кири.

— Да какая разница? А может, и не полукровки. Как бы то ни было, они могут исцелять. Древние манускрипты очень мало сообщают нам о даре исцеления, но мы знаем, что это наиболее сложное искусство во всей магии Дерини, что оно требует огромной энергии и огромного сосредоточения. Если Морган и Маклайн способны на такое, я думаю, мы должны либо допустить, что они полностью Дерини и мы далеко не все о них знаем, либо просто пересмотреть наши представления о том, кого же вообще считать Дерини. Возможно, нельзя быть Дерини в большей или меньшей степени. То есть или вы Дерини, или нет, и третьего не дано. Нельзя соединить свои силы с силами другого Дерини. Можно только помочь ослабевшему или плохо тренированному усилить его собственные возможности до предела. Будь это не так, Дерини могли бы объединяться в группы, и большая группа всегда бы одерживала верх над меньшей. Но мы знаем, что

этого не происходит. Наши поединки проходят один на один, и мы запрещаем вызывать на бой более одного противника. Корни этого обычая уходят в старину, но почему принято именно так? Не потому ли, что Дерини не могут соединять свое могущество? А если наследственность основана на том же принципе? Другие же свойства могут передаваться от одного из родителей целиком. Почему же не передаться полностью свойствам Дерини?

Несколько минут собравшиеся переваривали все сказанное самым младшим членом совета, затем Баррет поднял голову.

— Да, у нас есть чему поучиться у молодых,— тихо сказал он.— Кто-нибудь знает еще что-нибудь о Моргане и Маклайне?

Ответа не последовало, и Баррет снова вперил невидящий взгляд в стол.

— А кто-нибудь заглядывал в мысли Моргана? — спросил он.

Снова тишина.

— А Маклайна? — продолжал Баррет.— Епископ Арилан, мы знаем, что Дункан Маклайн некоторое время был вашим помощником. Вы не пробовали заглянуть в его мысли?

— Не было причин подозревать в нем Дерини,— покачал головой Арилан.— А если бы я попытался читать, я бы рисковал раскрыть себя самого.

— Не пожалеете ли вы об этом? — заметил Торн.— Говорят, что они с Морганом сейчас отправились к вам, чтобы доказать свою невиновность и неправомерность провозглашенного вашими епископами отлучения. Но лично я не удивлюсь, если они попытаются убить вас.

— Не думаю, что мне угрожает опасность,— уверенно произнес Арилан.— Даже если у Моргана и Дункана есть причины ненавидеть меня, а их, по-моему, нет, то у них хватит благоразумия осознать, что королевство находится на пороге как гражданской войны, так и вторжения извне, и для того, чтобы избежать второго, необходимо предотвратить первое. Если весь Гвиннед расколется надвое из-за Моргана, то у них не будет сил сдержать захватчиков. Выяснение отношений между людьми и Дерини надо отложить лет на двести.

— Оставьте это,— нетерпеливо сказал Торн,— вы как будто забыли — мы еще не решили, что делать с Морганом и Маклайном. Это противостояние началось еще перед коронацией Келсона. С тех пор растет недоверие к Моргану. Именно тогда Мак-

лайна впервые вызвали на суд архиепископов — за использование могущества, которым оба они не вправе пользоваться как по законам церкви, так и по законам государства. А наши уставы должны бы, по крайней мере, предусматривать такие случаи. Бог с ними — с теми Дерини, которые мечутся и не знают, как использовать свое могущество. Это продолжается многие годы, и я не вижу этому конца. Но Морган и Маклайн знают, как воспользоваться своими способностями, и с каждым днем обучаются новым приемам. И они были в безопасности, пока мы считали их полукровками, защищенными от вызова на поединок. Но сейчас многое изменилось. Я думаю, пора признать, что они в состоянии принять вызов, как если бы они были чистокровными Дерини. Лично я не хочу оказаться в положении, когда вынужден буду не подчиниться совету, чтобы остановить их.

— Ну, это вам не грозит,— возразил Арилан,— прежде всего, совет ничего не говорит о самозащите. Ограничение касается лишь случая, когда обладающего меньшей силой нужно защитить от нападения чистокровного Дерини, чьему могуществу он не может противостоять. А если нечистокровный Дерини вздумает вызвать чистокровного и будет убит, то это уж его дело.

— Интересно все же было бы узнать, чистокровные они Дерини или нет? — задумчиво пробормотал Ларан.— Мы ведь можем ограничить поединок, исключить смертельный исход, не говоря, конечно, о случае самозащиты. Думаю, будет очень занятно посмотреть, как вывернется Морган.

— Отличное предложение,— согласился Торн.— Мне это нравится.

— Что нравится? — осведомился Корам.

— Что Моргана и Маклайна можно вызвать на поединок без смертельного исхода, исключая случай самозащиты. Тогда наконец мы и проясним эту загадку с исцелением.

— А что, для этого необходимо его вызвать? — осведомился Арилан.

— Торн Хаген оговорил, что разрешить нужно лишь несмертельный поединок,— беспристрастно заметил Баррет.— Думаю, это не противоречит правилам. Кроме того, вопрос-то это в основном теоретический. Никто не знает, где они находятся.

Торн сдержал улыбку и сцепил короткие пальцы.

— Так вы согласны? Их можно вызывать?

Тирцель покачал головой.

— Давайте голосовать. Я придерживаюсь древних законов. И каждый обязан сказать, почему он голосует так, а не иначе.

Баррет повернул голову в сторону Тирцеля и некоторое время, по-видимому, изучал ход его мысли; затем он чуть заметно кивнул.

— Как хотите, Тирцель. Голосуем. Ларан ап Пардис, что вы скажете?

— Я согласен. Мне понравилась мысль ограничить поединок. Но как врача меня больше всего интересует вопрос об исцелении.

— Торн Хаген?

— Я сам это предложил и объяснил причины, побудившие меня это сделать. Конечно согласен.

— Леди Кири?

Рыжеволосая девушка кивнула.

— Если их найдут, проверка не помешает. Я одобряю эту меру.

— Стефан Корам, что скажете вы?

— Я согласен. Настанет время, и их все равно придется проверить. Не вижу никакой опасности в поединке без смертельного исхода.

— Хорошо. А епископ Арилан?

— Нет.— Арилан сидел прямо перед ним, сложив пальцы и поглаживая аметист перстня.— Я считаю эту затею не только неуместной, но и опасной. Если вы заставите Моргана и Маклайна против воли применить свои силы в целях самозащиты, вы отправите их прямиком в лапы архиепископов. В нынешнем положении, пожалуй, Моргану и Дункану не стоит пользоваться своим могуществом ни при каких обстоятельствах: все равно об этом узнают архиепископы. Келсону отчаянно необходима их помощь, чтобы сохранить королевство и задержать Венцита по ту сторону гор. Я нахожусь в центре этих событий, и мне известны все обстоятельства дела, а вам — нет. Не принуждайте меня действовать вопреки моим убеждениям.

Корам улыбнулся и долго вглядывался в сидящего напротив него молодого человека.

— Никто не просит вас лично вызывать их, Арилан, хотя вы, наверное, увидите их раньше всех нас. Но, вероятно, ничто не заставит вас выдать их местоположение.

— Я считал вас более милосердным, Корам.

— Милосердным, говорите... Я могу войти в их положение: Дерини-полукровки вынуждены вести себя как чистокровные, что противоречит обеим сторонам их естества. Но я не придумываю законы, я им подчиняюсь.

Арилан отвел взгляд и посмотрел на свой перстень, затем покачал головой.

— Мое мнение не изменилось. Я их вызывать не буду.

— И не сообщите им о возможном вызове? — настаивал Корам.

— Нет, не сообщу,— прошептал Арилан.

Корам кивнул Баррету, посылая ему мысленный сигнал, и тот ответил ему наклоном головы.

— Леди Вивьен?

— Я согласна с Корамом. Нужно попытаться проверить этих молодых людей.— Она вскинула красивую серебристую голову, обозревая сидящих за столом.— Однако я надеюсь, все понимают, что нами движет не злоба, но просто любопытство. Среди нас еще не было таких многообещающих полукровок, что бы я о них ни говорила раньше. Мне прежде всего очень хотелось бы увидеть, на что они способны.

— Мудрая позиция,— одобрил Баррет.— А вы, Тирцель де Кларон?

— Вы же знаете, что я против. Зачем повторять?

— Ну а сам я должен одобрить предложение.— Баррет перебрал в уме всех присутствующих.— Думаю, нет нужды подсчитывать голоса.— Он медленно поднялся с места.

— Лорды и леди, решение принято. Отныне и впредь, пока сам совет не вернется к данному вопросу и не переменит решения, признается, что Дерини-полукровки Аларик Морган и Дункан Маклайн могут быть вызваны на поединок с соблюдением всех правил, исключая смертельный исход. Это не запрещает использования смертоносных чар при самозащите, в случае, если каждая из вышеназванных персон докажет, что она обладает достаточным могуществом и попытается применить свои силы для убийства противника. Если же кто-нибудь из членов совета или же любой Дерини, подчиняющийся совету, осмелится нарушить это решение, он подлежит осуждению. Да будет так!

— Да будет так! — в один голос повторили все собравшиеся.

Несколько часов спустя Денис Арилан уже мерил шагами ковер своей комнаты в епископском дворце Дхассы. Он так и не сомкнул глаз этой ночью.

Глава VI

*«ВЗГЛЯНИ НА ПРАВЕДНИКА, В ДНИ СВОИ БЛАГОДАРИВШЕГО БОГА»**

Ранним вечером того же дня еще двое обсуждали судьбу перебежчиков-Дерини. Она беспокоила двух почтенных прелатов, по доброй воле покинувших гвиннедскую курию, ту самую, о которой с такой иронией упоминал уже сегодня Венцит. Именно на этих священниках лежала ответственность за раскол, разделивший на два лагеря гвиннедское духовенство.

О Томасе Кардиеле, в часовне которого происходил этот разговор, никто никогда не мог и помыслить как о бунтовщике. Уже пять лет занимал он почетную епископскую кафедру в Дхассе и никак не мог предположить, что на сорок первом году жизни окажется в центре подобных событий. Ко времени принятия епископского сана он, совсем молодой еще священнослужитель, был известен своим ровным, спокойным нравом и безупречной верностью церкви, которой служил. Эти качества полностью соответствовали той нейтральной роли, которую обычно играл епископ Дхасский в церковных спорах.

Да и его товарищ, Денис Арилан, не предполагал, во что выльется этот разлад в курии, происшедший два месяца назад. Тридцативосьмилетний — самый молодой в Гвиннеде — епископ делал весьма успешную карьеру с тех пор, как поступил в семинарию. Теперь же он думал о том, что, если события коренным образом не изменятся к лучшему, ни ему, ни Кардиелю не будет покоя. И действительно, разрешение сложившейся ситуации стало для них вопросом жизни и смерти.

Согласно законам гвиннедской курии, грех Кардиеля и Арилана был велик — ведь это они еще с четырьмя епископами открыто пошли наперекор курии на заседании Синода, провозгласив, что отлучение всего Корвинского герцогства — незаконно.

* Екклезиаст 44:16, 20.

Но архиепископ Лорис настоял на своем, несмотря ни на что, и Корвин отлучен. И вот теперь в Гвиннеде две курии: одна — в Дхассе, из шестерых епископов, которые изгнали из города Лориса и Карригана, а другая, из одиннадцати епископов,— в Короте, захваченной мятежниками столице Моргана. Эти одиннадцать объединились с бунтовщиком Варином де Греем и объявили себя единственно законной церковной властью Гвиннеда. Словом, если примирение еще и возможно, то добиться этого весьма нелегко.

Кардиель возбужденно ходил взад и вперед вдоль ограды алтаря этой маленькой часовни, в который раз перечитывая один и тот же лист пергамента. Он озадаченно покачал головой, пробежав глазами текст, и растерянно вздохнул. Арилан, казалось, был спокоен. Он сидел на передней скамье, посматривая на собеседника, и его возбуждение выдавало только то, что он непрерывно барабанил кончиками пальцев по спинке скамьи. Кардиель снова покачал головой и озадаченно потер подбородок; темный аметист у него на пальце сверкнул в тусклом свете свечей.

— Это же не укладывается в голове, Денис,— проговорил он.— Как это корвинцы решились напасть на самого принца Нигеля? Неужели то пятно, что лежит на Келсоне, бросает тень и на его дядю? Ведь Нигель-то не Дерини.

Арилан перестал барабанить пальцами по скамье и безнадежно махнул рукой. Его тоже поразило известие о схватке в Дженнанской долине два дня назад, но его изощренный ум уже охватил всю ситуацию в целом, и теперь он думал о том, что же предпринять, чтобы выйти из создавшегося положения. Он снял шелковую фиолетовую камилавку, покрутил ее в пальцах, положил подле себя на скамью и взъерошил волосы. Скрестив руки на груди, он прикрыл тяжелый серебряный нагрудный крест, на котором играли лиловые блики.

— Возможно, наша ошибка в том, что мы все еще держим войска здесь, в Дхассе,— наконец произнес Арилан.— Может быть, нужно было прийти на помощь Келсону еще несколько месяцев назад, когда все это только начиналось. А может, имело смысл поехать в Корот, чтобы утихомирить слегка зарвавшихся архиепископов. Ведь пока мы не поладим с ними, мира в Корвине не будет.— Он бросил взгляд на свой крест и продолжил тихим голосом: — Хорошо же мы, епископы — пастыри Гвиннеда, наставляли наших людей. Они повиновались, как овцы, когда объ-

явили анафему, несмотря на то что анафема незаконна и что самим им от этого только вред, а те, кому провозгласили отлучение, осуждены без вины.

— Так вы считаете, что Морган и Маклайн невиновны?

Арилан покачал головой, уставясь на носок бархатной туфли, выглядывающей из-под сутаны.

— Нет. Вообще, они, несомненно, виновны, что и говорить. Часовня Святого Торина сожжена, погибли люди, а Морган и Дункан, как ни крути,— Дерини.

— А если у них не было выбора, если обстоятельства вынудили их? Возможно, следовало бы выслушать их объяснения,— пробормотал Кардиель.

— Возможно, возможно. Вы правы, если Морган и Дункан действовали в целях самозащиты, выбираясь, например, из предательской западни, то с них снимется вина за происшедшее в гробнице святого Торина. Даже убийство может быть оправдано, если они оборонялись. Но,— Арилан вздохнул,— Дерини-то они были и остаются.

— Увы, это верно.

Кардиель перестал шагать и в задумчивости присел на мраморную ограду алтаря перед Ариланом. Лампада, висевшая на высоте нескольких футов у него над головой, бросала красноватые отблески на его седые волосы, окрашивала в пурпур бархатную камилавку. Кардиель долго смотрел на лист пергамента, который держал в руке, прежде чем сложил и спрятал его за поясом. Вытянув руки вдоль перил ограды, на которую опирался спиной, он запрокинул голову и некоторое время разглядывал сводчатый потолок, затем снова обратил взгляд на Арилана.

— Как вы думаете, они к нам приедут, Денис? — спросил он.— Рискнут ли Морган и Дункан довериться нам?

— Не знаю.

— Если бы только мы могли поговорить с ними и выяснить, что же на самом деле произошло у Святого Торина, тогда мы могли бы стать посредниками между ними и архиепископами и положить конец этой нелепой склоке. Я вовсе не желаю, Денис, братоубийственной войны. И этот раскол в курии... Однако не могу согласиться и с отлучением Корвина.— Он помолчал и продолжил несколько тише: — Я тут попытался разобраться в себе... Все думал, правильно ли мы поступили тогда, можно ли было вести себя иначе в той переделке, в которую мы попали, и пришел

к выводу — нет. Здравый смысл подсказывает мне, что я сделал все, от меня зависящее. Но меня все равно терзает мысль, что был какой-то другой путь. Глупо, правда?

Арилан покачал головой.

— Вовсе не глупо. Крики Лориса о ереси, святотатстве и убийствах главным образом были рассчитаны на чувства, чтобы сложилось впечатление, что отлучение — единственно возможное наказание, подходящее герцогству, чей правитель грешен перед Богом и людьми. Но вас ему не удалось обвести вокруг пальца. Вы сорвали маски, силой разума вам удалось противостоять его истерии и порвать те тенета лжи, что опутывают людей многие годы. На это надо было отважиться, Томас.— Арилан улыбнулся.— И надо было решиться последовать за вами. И никто из решившихся на это не сожалеет ни о чем, более того, все последуют за вами и дальше. Мы все вместе несем ответственность за происшедший раскол.

Кардиель грустно улыбнулся и опустил взгляд.

— Благодарю. Мне приятно это слышать, в особенности от вас. Но у меня нет ни малейшего представления о том, что же делать дальше. Нас слишком мало.

— Мало? Но с нами вся Дхасса! А ваша гвардия? Никто из них не поддался, Томас, речам Лориса. Конечно, люди помнят, что Морган и Дункан в ответе за разрушения в гробнице святого Торина, и очень не скоро простят им это. Однако их преданность Келсону очевидна — посмотрите на нашу армию.

— Да уж вижу,— отозвался Кардиель.— Армия, которая стоит у ворот Дхассы и еще ничем не помогла Келсону. Думаю, Денис, мы не можем позволить себе и дальше ждать, объявятся ли Морган с Дунканом. Я намерен послать новое письмо Келсону, чтобы договориться, где и когда мы встретимся с ним. Чем больше мы ждем, тем сильнее становится влияние Варина и упрямство архиепископов.

— Я думаю, Томас, мы можем выступить чуть позже,— снова покачал головой Арилан.— Что касается Варина и архиепископов, то тут несколько дней ничего не решают. Но если мы до встречи с Келсоном выясним все вопросы, касающиеся Дункана и Моргана, нам будет проще потом явиться в Корот к Лорису, мы придем с фактами, а не с голословными утверждениями. Посудите сами — отказавшись поддержать отлучение, наложенное курией, мы, независимо от того, хотим этого или нет, встали на сторону

Моргана и Дункана и, следовательно, впутались во всю историю с Дерини. Поэтому теперь мы сможем о чем-то говорить только тогда, когда будем уверены, что Морган и Дункан действительно невиновны, и сможем это доказать.

— О, я молю Бога, чтобы мы смогли это доказать,— пробормотал Кардиель.— Лично я всегда слышал о Моргане и Маклайне только хорошее. Я даже могу понять, почему Маклайн столько лет скрывал свое происхождение, и, пожалуй, могу простить ему то, что он вступил в сан священника, зная, что он Дерини. Все эти годы он преданно служил церкви и священником был очень хорошим.

— Может быть, и другие Дерини не такие уж злодеи? — улыбнулся Арилан.— Помните, вы спрашивали меня несколько месяцев назад, верю ли я, что все Дерини изначально несут в себе зло?

— Помню. Вы ответили тогда, что среди Дерини, несомненно, есть злодеи, как и среди людей. Да, и еще что вы не верите, будто Келсон, Морган и Маклайн замышляют что-то недоброе.

В глазах Арилана сверкнули лиловые огоньки.

— И я готов это повторить.

— Да? Но к чему вы это?

— К чему? Вы же сами сказали, что Дункана вы знаете как хорошего священника, несмотря на то что он Дерини. Может быть, то, что он хотя и принял сан вопреки всем запретам, но стал хорошим священником, говорит о том, что Рамосский Собор допустил ошибку? А если ошибка допущена в одном важнейшем вопросе, то почему не предположить, что и в остальных — тоже? — Он искоса посмотрел на Кардиеля.— А это, в свою очередь, вообще наводит на мысль о переоценке отношений между людьми и Дерини...

— Хм... Я не подходил к этому вопросу с такой стороны. По-вашему, значит, мы должны отменить запреты на принятие сана, на занятие общественных должностей, на владение землей для... для...

— Для Дерини. Вот вам и великий заговор! — кивнул Арилан, пряча улыбку.

Кардиель поджал губы и, нахмурившись, покачал головой.

— Как знать, Денис. До меня несколько дней назад дошли странные слухи. Просто к слову не приходилось. Говорят, что заговор Дерини в самом деле существует, что существует совет высокородных Дерини, управляющий всей деятельностью этого

племени. Они пока еще никак себя не проявили, но все же...— Он остановился, нервно потирая руки; в такт движениям заиграл его аметист в слабом свете свечей. В серых глазах стоял тревожный вопрос.— Денис, а вдруг все это правда? И что, если Морган и Маклайн его участники? Или Келсон, да поможет ему Бог? Две сотни лет минуло со времен междуцарствия, две сотни лет, как людские законы восстановлены почти везде в одиннадцати королевствах. Но люди не забыли, какой была жизнь при тирании чародеев, которые во зло использовали свое могущество. Что, если и теперь затевается то же самое?

— Что если, что если...— нетерпеливо передразнил Арилан Кардиеля.— Если, Томас, и существует заговор Дерини, то нити его ведут к Венциту Торентскому. Кстати, от него и его шпионов, скорее всего, и исходят эти слухи, дошедшие до вас. Что до угрозы тирании Дерини, то это точное описание правления Венцита в Торенте, где его род правит уже в течение двух столетий. И это, друг мой, единственный заговор Дерини, последствия которого мы, возможно, увидим в недалеком будущем. А что касается совета Дерини,— он пожал плечами и понизил голос,— ну, если он и существует, результатов его деятельности я пока не видел.

Кардиель только удивленно моргал, глядя на Арилана, горячность которого привела его в крайнее изумление. Но тут огонь, вспыхнувший было в лилово-голубых глазах Арилана, погас, и выражение лица смягчилось. Со вздохом облегчения Кардиель поднялся, подобрал плащ и, накинув его на плечи, произнес с кроткой улыбкой:

— Знаете, Денис, временами вы меня беспокоите. Я порой не могу предвидеть, что вы скажете дальше. А когда вы пытаетесь меня в чем-то успокоить, то ваши доводы, случается, пугают меня до смерти.

Арилан ободряюще сжал локоть Кардиеля.

— Простите, что я иногда даю волю своим чувствам.

— Бывает,— улыбнулся Кардиель.— Не хотите пойти со мной, выпьем чего-нибудь освежающего. У меня от этих разговоров о Дерини пересохло в горле.

Арилан усмехнулся и последовал за Кардиелем к выходу.

— Немного позже. Я хочу побыть один. Что-то тяжело на душе.

— Что ж, я желаю вам поскорее прийти в себя,— сказал Кардиель.— Ну а когда вы обретете душевное равновесие наедине с

Ним,— он кивнул в сторону распятия,— то почему бы вам не присоединиться ко мне? Я нынче долго не смогу уснуть.

— Хорошо, будет видно. Спокойной ночи, Томас.

— Спокойной ночи.

Когда за Кардиелем закрылась дверь, молодой епископ поправил мантию и заглянул в боковое крыло. Он вздохнул, на цыпочках прошел в небольшой неф, взял свой шелковый плащ, надел его, завязав на шее фиолетовые ленты, и поправил на темных волосах камилавку. Еще раз оглядев часовню, как будто запоминая каждую деталь убранства, он наконец поклонился главному алтарю и прошел через поперечный неф налево, остановившись перед маленьким боковым алтарем. На мраморной плите не было никаких украшений, кроме полотняного покрывала и единственной лампады, но Арилану и не нужен был сейчас этот алтарь. Осмотрев мраморный мозаичный пол под ногами, он ступил на едва очерченный его участок и ощутил в пальцах легкое покалывание, возвестившее ему о том, что он не ошибся.

Бросив последний взгляд на закрытую дверь часовни, он подобрал полы своей рясы и закрыл глаза.

Сказав про себя необходимые слова, он представил место, куда хотел попасть,— и исчез из часовни.

Минуту спустя дверь в часовню отворилась, и в проеме показалась голова Кардиеля.

Ожидая увидеть коленопреклоненного Арилана, он открыл было рот, собираясь что-то сказать, да так и забыл его закрыть — в часовне никого не было. На какое-то мгновение Кардиель оцепенел, удивленно сдвинув брови: как же так? Ведь он не успел отойти далеко от часовни, когда вспомнил еще кое-что и решил вернуться, чтобы рассказать об этом Арилану. Куда, интересно, он делся? Сказал, что хочет побыть один...

Впрочем, ладно. Наверное, епископ удалился в свою комнату, чтобы помолиться там, и, значит, Кардиелю не следует беспокоить его.

«Да, конечно,— сказал себе Кардиель.— Арилан сейчас стоит на коленях в своей комнате. Хорошо, то, о чем я вспомнил, подождет до утра».

Но епископа Арилана не было ни в его комнате, ни вообще в Дхассе...

Глава VII

*«МНОГОЕ ПРЕВЫШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА ОТКРЫЛОСЬ ТЕБЕ»**

Морган стоял у окна полуразрушенной башни и рассматривал плато. Вдали на юге он еще мог разглядеть удаляющегося всадника — это был Дерри, направлявшийся к северным армиям. Рядом, у основания башни, на молодой весенней траве паслись две гнедые лошади.

Дункан ждал его внизу у лестницы, постукивая кнутовищем по испачканным глиной сапогам. Когда Морган подошел к окну, Дункан поднял голову.

— Видишь что-нибудь?

— Вот Дерри вижу.— Морган спрыгнул вниз и оказался рядом с кузеном.— Ты готов?

— Сначала я хочу показать тебе кое-что.— Дункан кивнул на что-то в глубине развалин.— В тот раз ты был не в состоянии ничего воспринять, а сейчас это тебя, полагаю, заинтересует.

— Ты имеешь в виду уничтоженный Переносящий Ход?

— Совершенно верно.

Осторожно ступая, Морган последовал за Дунканом в разгромленный неф, держа руку на рукоятке меча.

Когда-то здесь была преуспевающая монастырская школа, известная как один из главных центров обучения магии Дерини. Но во времена Реставрации всему этому пришел конец. Монастырь был разграблен и сожжен, многие монахи погибли прямо на ступенях алтаря, по которым они сейчас поднимались.

— Вот тот алтарь Святого Камбера, о котором ты мне говорил.— Дункан указал на мраморную плиту, вмурованную в восточную стену.— Я понял, что Ход не мог быть на виду, даже во времена междуцарствия, и прошел дальше. Сюда.

Вслед за Дунканом Морган просунул голову в небольшое отверстие в стене. Лестницу ограждали полусгнившие перила, на полу блестели осколки камня и стекла; когда Морган спустился, он понял, что раньше здесь было алтарное помещение или ризница. Действительно, в глубине он разглядел вделанный в стену алтарь из слоновой кости, почерневший от огня, и обломки шкафчиков и сундуков. Все вокруг было покрыто пылью, тут и там виднелись следы каких-то мелких животных.

— Вот здесь,— сказал Дункан, указывая на плиту перед алтарем и присев на корточки.— Смотри, Ход был в этом месте. Положи сюда руки и слушай.

— Слушать? — переспросил Морган, становясь на колени.— Что же я должен услышать?

— Сейчас узнаешь,— ответил Дункан.— Древние оставили весточку.

Морган скептически поднял бровь, затем, положив ладонь на мраморную плиту, прислушался.

— Страшись, о Дерини! Грядет беда!

Морган, застыв от неожиданности, растерянно взглянул на Дункана.

— Страшись, о Дерини! Грядет беда! Из сотни братьев остался лишь я, дабы разрушить сей ход прежде, нежели он будет осквернен. Родич, будь осторожен! Береги себя, Дерини. Люди уничтожают то, что не в силах постичь. Святой Камбер, защити нас от напасти!

Морган оторвал руку от камня и поднял взгляд на кузена. В голубых глазах священника светилась печаль. Тень улыбки пробежала по его лицу.

— У него получилось,— сказал Дункан, окидывая взглядом часовню.— Скорее всего, это стоило ему жизни, но Переносящий Ход он разрушил. Странно, не правда ли, что порой приходится своими руками разрушать самое для себя дорогое? А нашему народу нередко приходилось делать это. Где наше величие? Мы — жалкое подобие наших могущественных предков.

Морган встал на ноги и похлопал Дункана по плечу.

— Довольно, кузен. Дерини во многом сами виноваты в своей судьбе, ты знаешь это. Идем. Пора ехать.

Они покинули разрушенную часовню и вновь вошли в центральный соборный неф. Лучи солнца, проникавшие сюда сквозь разбитое слуховое окно, ослепили их, вышедших из полумрака; на пыльных камнях заиграли пятна света и тени. Морган и Дункан уже направились к разрушенной двери, где снаружи ждали их кони, когда в дверном проеме внезапно вспыхнул какой-то свет. Двое Дерини замерли, увидев перед собой человеческую фигуру. На человеке была серая ряса, в руках — деревянный посох, а над головой — нимб, свет которого был ярче даже солнечных

* Екклезиаст 22:11.

лучей. Оба сразу узнали в этом человеке Камбера Кулдского — знаменитого покровителя магии Дерини.

— Хадасса! — вскрикнул Морган, невольно отступая назад.

— Господи Боже мой! — пробормотал Дункан, творя крестное знамение.

Фигура, однако, не исчезла, напротив, дверь отворилась, и человек сделал несколько шагов вперед. Морган отступил еще на шаг и натолкнулся на какую-то невидимую преграду.

В момент столкновения сверкнула золотистая вспышка, и Морган почувствовал боль в плече.

Потирая плечо, Морган уставился на незнакомца. Дункан, также не сводя с него глаз, подошел к кузену. Неизвестный откинул левой рукой капюшон, и они увидели его серо-голубые глаза, которые полны были доброжелательства, но, казалось, пронизывали их насквозь. Лицо его было вроде бы молодо, но на нем лежала печать времен, словно гость явился из глубокой древности. Вокруг головы, посеребренной сединами, сиял золотистый нимб.

— Не двигайтесь, не то придется применить силу,— сказал он.— Я не могу отпустить вас просто так.

Морган и Дункан переглянулись. Тот ли это человек, что встретился тогда Дункану по пути в Корот? Да и человек ли? Дункан открыл было рот, чтобы задать вопрос, но гость остановил его движением руки и покачал головой.

— Прошу вас. У меня мало времени. Я должен предупредить вас, Дункан, и вас, Аларик, что ваши жизни в большой опасности.

Морган усмехнулся.

— Это не новость. Мы Дерини, и у нас немало врагов.

— Врагов из числа Дерини?

Дункан изумленно ахнул, а серые глаза Моргана угрожающе сузились.

— Какие враги-Дерини? Вы, сэр?

Незнакомец рассмеялся легким, нежным смехом, словно ответ Моргана доставил ему удовольствие.

— Едва ли я ваш враг, Аларик. Иначе зачем бы мне предупреждать вас.

— У вас могут быть на то свои причины.

Дункан, толкнув Моргана в бок, обратился к гостю:

— Но кто же вы, сэр? Вы похожи на святого Камбера, но...

— Святой Камбер умер двести лет назад. Могу ли я быть им?

— Вы не ответили на вопрос,— вмешался Морган.— Вы Камбер Кулдский?

Гость в некотором смущении покачал головой.

— Нет. Я не Камбер Кулдский. Как я уже говорил Дункану на дороге в Корот, я лишь один из смиренных слуг Камбера.

Морган скептически поднял бровь. Манеры незнакомца подсказывали ему, что он едва ли может быть чьим-нибудь смиренным слугой. Он больше был похож на человека, который привык повелевать, а не повиноваться.

— Один из смиренных слуг,— повторил Морган, и в его голосе сквозило недоверие.— Но неужели у вас нет имени?

— У меня много имен,— улыбнулся незнакомец.— Но прошу вас не принуждать меня... Потому что лгать вам я не хочу, а сказать правду — опасно для всех нас.

— Вы, конечно, Дерини,— задумчиво проговорил Морган.— Ну, это понятно хотя бы по тому, как вы здесь появились.— Незнакомец чуть заметно улыбнулся.— Но никто не знает, что вы Дерини,— продолжал Морган после небольшой паузы.— Вы скрываетесь, как делали Дерини все эти годы. И не хотите, чтобы вас кто-то узнал.

— Если угодно — да.

Морган поморщился и посмотрел на Дункана, понимая, что его обманывают, но священник слегка покачал головой.

— Эта опасность, о которой вы говорите...— спросил Дункан, подходя ближе,— эти враги-Дерини — кто они?

— Извините, я не могу сказать вам этого.

— Не можете сказать? — начал было Морган.

— Не могу, потому что сам не знаю,— жестом остановил его незнакомец.— Я только и могу сказать, что те, от кого это зависит, решили, будто вы можете использовать могущество Дерини во всей полноте, потому что владеете такими силами, которыми они сами не владеют.

Морган и Дункан открыли рты от изумления; незнакомец, вновь натянув капюшон, двинулся к двери.

— Знайте, что вас могут вызвать на колдовской поединок, каковы бы ни были ваши истинные силы,— обернулся он уже в дверях.— Помните об этом, друзья мои, и не давайте поймать се-

бя врасплох. Берегитесь, пока не будете уверены в своих силах, какими бы они ни были!

С этими словами незнакомец кратко кивнул и вышел во двор, где стояли лошади. Животные, казалось, не видели его. Пройдя мимо них, он в последний раз благословил Моргана и Дункана — и исчез. Морган бросился к тому месту, где незнакомец только что был, пытаясь найти хоть какие-то следы, но ничего не разглядел.

— Ты ничего не найдешь, Аларик,— мягко сказал Дункан.— Не больше, чем я, когда ехал в Корот.— Он посмотрел на землю.— Никаких следов, никаких знаков... Словно его и не было здесь. А может, и вправду не было?

Морган, перекрестившись, наклонился и стал изучать узкую тропинку. Здесь в толстом слое пыли должны были остаться следы, но если они и были, Морган и Дункан сами же затоптали их.

— Враги-Дерини,— вздохнул Морган, возвращаясь к ожидавшему его кузену.— Понимаешь, что это значит?

Дункан кивнул.

— Это значит, что Дерини гораздо больше, чем мы думаем, и таких Дерини, которые знают о своем происхождении и в полной мере могут использовать свои силы.

— А мы не знаем никого из них, кроме Келсона и Венцита Торентского,— пробормотал Морган, проводя рукой по своим светлым волосам.— Боже мой, Дункан! Во что мы впутались?

...К концу дня они начали это понимать.

Несколькими часами позже Морган и Дункан отвели своих коней под уздцы в кусты близ Дхасской дороги и остановились, прислушиваясь. Обросшие бородами, испачканные грязью, на обычных крестьянских лошадях, они не внушали подозрения встречным путникам. А встречались им фермеры, торговцы, солдаты со значками армии епископа Дхасского. Но их не окликнули. Сейчас дорога была совсем пустынна; они подъехали к перевалу, за которым находилась Дхасская долина и гробница святого Торина, воспоминания о недавних событиях в которой вызывали в них дрожь.

Святой Торин — покровитель Дхассы. Еще не так давно у озера стояла древняя деревянная часовня, и, не посетив ее, ни один приезжий не смел войти в город... А три месяца назад Морган и

Дункан посетили часовню, но до города так и не добрались, и последствий того, что тогда случилось, не расхлебать до сих пор.

Двое Дерини, сняв седла с коней, расстелили их и сели на землю. Впереди, за перевалом, подымались голубые дымы костров. Прислушавшись, друзья различили ржание лошадей, голоса людей в долине и даже потрескивание горящих веток.

Морган со вздохом посмотрел на своего родича и, взяв коня под уздцы, стал медленно подниматься по склону, густо поросшему травой, к вершине холма. Дункан последовал за ним; последние несколько ярдов они преодолели на четвереньках, потому что на самом перевале укрыться уже было негде.

Долина была полна вооруженных людей. Сколько видел глаз к югу и востоку — стояли шатры и палатки, окруженные солдатами, оседланные кони, повозки с провиантом. Лагерь был расположен в лесу, но для наблюдавших с гребня холма Моргана и Дункана деревья не были помехой. Над палатками развевались геральдические флаги, при ярком полдневном солнце их можно было хорошо разглядеть, но лишь немногие из гербов были известны Моргану и Дункану. Большие фиолетово-золотые штандарты, видневшиеся там и тут, говорили о том, что это войска епископа.

Судя по всему, армия давно стояла лагерем и, кажется, выступать пока не собиралась.

Морган печально вздохнул, Дункан коснулся его плеча и указал рукой налево. Там, на некотором отдалении, Дункан разглядел то, что осталось от гробницы святого Торина,— обгорелый сруб да обугленные балки. Руины были окружены солдатами, которые растаскивали почерневшие бревна, расчищая место. Чуть в стороне другие воины заготавливали свежие бревна. Видимо, епископы решили занять своих людей делом, пока не начались боевые действия.

Невесело покачав головой, Морган начал спускаться вниз, назад к своему коню. Дункан вскоре нагнал его.

— Ну и как же мы минуем епископское войско? — тихо спросил Морган, когда они подошли к лошадям.— Есть какие-нибудь соображения?

Дункан взялся за поводья и нахмурился.

— Трудно сказать. Посещать гробницу сейчас, думаю, не нужно — за отсутствием таковой. И все же я сомневаюсь, что нам позволят перебраться в Дхассу через озеро.

— Гм, надо подумать.— Морган коснулся пальцами бороды и нахмурился.

— А если попытаться? — помолчав, неуверенно произнес Дункан.— В этой одежде, обросших, едва ли нас кто узнает. Утром на дороге на нас никто не обратил внимания. А ночью мы, может быть, даже лодку найдем... Если ты считаешь, что днем опасно.

Морган покачал головой.

— Нельзя рисковать, нам обязательно нужно добраться до епископов. Если мы попадемся раньше, чем увидимся с ними, и нам придется использовать наши силы для спасения, все надежды на восстановление мира будут потеряны.

— Ну и что же ты предлагаешь? Терять два дня на окружную дорогу?

— Гм, должен быть другой путь. А нет здесь где-нибудь Переносящего Хода? Я иногда задаюсь вопросом: как древние строили их? И почему мы не умеем?

Дункан хмыкнул.

— А почему мы не умеем летать? Что мы сейчас можем — так это поговорить с кем-нибудь из местных, чтобы разузнать, что там делается в долине. В крайнем случае попробуем раздобыть второй значок паломника в гробнице Торина и пересечь озеро среди бела дня. Один-то у меня есть.

Морган посмотрел на него с удивлением, а Дункан тем временем достал из кармана значок и прицепил его на кожаную шапочку.

Немного погодя Морган и Дункан, затаившись в придорожных кустах, поджидали прохожего, от которого могли бы узнать все, что им нужно. Долго ждать им не пришлось.

Пропустив мимо повозки торговцев, они вскоре заметили толстого человечка в одежде младшего клирика; он отдувался, то и дело вытирая вспотевшее лицо рукавом плаща. Дункан с учтивым поклоном вышел на дорогу, пока на ней не было видно никого другого.

— Добрый день, сэр,— сказал он, обнажая голову и учтиво улыбаясь. Шапочку он держал так, чтобы был виден значок паломника.— Не скажете ли вы, что за войско стоит в долине?

Испуганный неожиданным появлением Дункана, клирик попятился и наткнулся на Моргана; тот обхватил его одной рукой, а другой зажал незадачливому прохожему рот.

— Спокойно, мой друг,— пробормотал он, пуская в ход магические силы, поскольку пленник начал сопротивляться.— Да успокойтесь же, вам ничто не угрожает.

Глаза клирика остекленели, и Морган быстро оттащил его с дороги в кусты. Дункан, подойдя к пленнику, коснулся его лба пальцами и прошептал слова, закрепляющие чары. Глаза клирика закрылись, и Дункан удовлетворенно улыбнулся. Околдованного прохожего усадили под дерево, и Морган присел на корточки рядом с ним, весело подмигнув кузену.

— Как-то легко вышло,— пробормотал Дункан.— Я даже чувствую себя виноватым перед ним.

— Посмотрим еще, что он нам скажет.— Морган коснулся пальцами лба клирика.— Как тебя зовут, мой друг? Можешь открыть глаза, с тобой все в порядке.

Человек открыл глаза и ошеломленно уставился на Моргана.

— Я мастер Тьерри, сэр, клирик при дворе лорда Мартина Грейстокского.— Глаза его расширились, но в лице больше не было страха.

— Это войска епископа Кардиеля там, в долине?

— Ага, сэр. Они там уже больше двух месяцев, ждут королевского приказа. Говорят, его величество скоро будет в Дхассе, чтобы получить отпущение тяжкого греха, который над ним тяготеет.

— Греха? — спросил Морган.— Какого греха?

— Ереси Дерини, сэр. Говорят, его околдовали герцог Аларик Корвинский и его кузен — священник-еретик. А их, как известно, отлучили, когда епископы собирались в апреле.

— Да, это мы знаем,— сказал Дункан.— Ты лучше скажи мне, Тьерри, как попасть сейчас в город? Нужно еще совершать паломничество к святому Торину?

— Ах, святого Торина и сейчас надо уважить. Да вы же сами знаете, сэр. У вас же значок. Путники нынче просто посещают место, где стояла старая церковь. Да будут прокляты те, кто ее сжег! Герцог Ал...

— Кто охраняет переправу? — сурово вмешался Морган.— Можно ли подкупить перевозчика? Какая охрана на причале в городе?

— Подкупить перевозчика?

— Спокойно, Тьерри,— сказал Дункан, касаясь пальцами лба клирика.— Можно двоим людям пересечь озеро незаметно для охраны?

Тьерри вновь прислонили к дереву, и он уже совершенно спокойно сказал:

— Нет, сэр. Охрана следит тщательно и не пропустит того, кто выглядит подозрительно.— Он запнулся.— Честно говоря, вы подозрительно выглядите, господа.

— Разумеется,— прошептал Морган со вздохом.

— Простите, сэр?

— Я говорю: есть ли другая дорога на Дхассу, кроме как через озеро?

Тьерри этого не знал, как не знали и три других прохожих, которых они усыпляли, так же, как его, усадив под дерево. К счастью, с пятым человеком — седым каменщиком — им повезло больше. Расспросы начались так же, как и прежде, но закончилось все иначе.

— Есть ли другой путь в город, кроме как через озеро? — спросил Морган, уже не надеясь на положительный ответ.

— Нет, сэр. Быть-то он был, да только лет двадцать тому.

— Был? — переспросил Дункан, выпрямившись и быстро взглянув на кузена.

— Ну да, это была такая тропка в горах, там, севернее,— равнодушно сказал каменщик.— Но я еще парнишкой был, когда ее размыло паводком. Это точно. Да и кто захочет попасть в город, не поклонившись батюшке нашему Торину? Понятно кто...

— Да уж конечно,— поддержал Морган, глядя прямо в глаза каменщику.— Ну так где эта дорога, Даукин? Как ее найти?

— Эге, да по ней не пройти. Говорю же вам — размыло ее. В Дхассу можно попасть только водой или, известно,— через северные ворота.

— Нет, мы уж поищем старый путь,— сказал Морган, усмехнувшись.— Ну, где же он был?

— Ладно. Вернитесь по дороге на милю, там в стороне увидите тропку, что идет на север. Через пару сотен ярдов будет овраг, и там тропка ветвится: на север и на запад. Вы берите к северу, западная ведет в деревню Гаворд. Ну вот вам и старая дорога.

— Ты нам очень помог, Даукин,— улыбнулся Морган, кивая Дункану.

— Ой, не будет вам от этого добра,— бормотал старик.— Разрушена дорога-то, и вы там...

Голос старика прервался, и голова склонилась на грудь — Дункан усыпил его, коснувшись рукой. Он поднялся, быстро осмотрел каменщика, снял с его рубашки значок святого Торина и отдал Моргану, а тот прикрепил значок на шапку. Когда всадники тронулись с места, на шапочках того и другого серебром посверкивали значки Торина в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь листья.

— Пообещай мне, что помолишься за мастера Даукина, когда мы в следующий раз посетим часовню Святого Торина.

— Конечно,— хмыкнул Дункан.— В следующий раз мы непременно посетим гробницу Торина.

Часом позже два путника были уже высоко в горах и с дальнего плато глядели на озеро Яшан и Дхассу.

Миновав овраг, описанный Даукином, они начали спускаться вниз по пологому травянистому склону. Там паслось полдюжины овец и барашков, которые, пощипывая травку, не обращали никакого внимания на всадников, проезжающих мимо, только боязливо косились на лошадей. Вскоре друзья, обогнув луг, выехали на старую дорогу.

Это была чуть заметная тропинка, по которой если кто и ходил, то очень редко. Зеленая трава была не только не вытоптана — даже не примята, всюду пестрели полевые цветы, что тянулись к солнцу из каждой каменистой расщелины.

Чем дальше они ехали, тем хуже становилась дорога, круто ведущая вверх, все чаще попадались завалы, но лошади еще могли продвигаться без особых трудностей. Внезапно впереди послышался шум льющейся воды. Морган, ехавший впереди, задумчиво сжал губы и наконец обернулся к Дункану.

— Слышишь?

— Похоже на водопад. Держу пари...

— Оставь при себе,— ответил Морган.— Я подумал о том же.

Шум воды становился все громче, и они не удивились, когда путь им перегородил стремительный поток. Слева с горы низвергался водопад; бурный поток терялся в лесной чаще справа, устремляясь в сторону озера.

— Ну, что будем делать? — спросил Морган, натягивая поводья.

Дункан тоже осадил лошадь и остановился рядом с ним.

— Да кто ж знает, что делать. Обойти водопад, похоже, нельзя. У тебя есть идеи?

— Боюсь, что нет.— Морган подъехал ближе к воде.— Как ты думаешь, какая здесь глубина?

— О, футов десять—пятнадцать, кажется. Для нас во всяком случае глубоко. Лошади вброд не перейдут.

— Пожалуй, да.— Морган повернулся в седле и окинул взглядом берега.

— Как насчет того, чтобы спешиться и пойти вверх по течению? Мы должны перебраться, хотя бы и без коней.

— Что ж, попробуем.

Вынув ноги из стремян, Дункан спрыгнул на землю, отпустил коня пастись и пошел вдоль берега. Морган последовал за ним. Пройдя две трети пути до водопада, Дункан внезапно остановился на небольшом плоском выступе, что-то разглядывая перед собой. Забравшись на выступ, Морган тоже увидел расщелину в скале, поднимавшуюся вверх футов на тридцать. Издали ее не было видно из-за водянистой дымки, окутывавшей водопад.

Расщелина была узкой — не шире пяти футов, и с того места, где они остановились, не видно было заднюю стену, терявшуюся во мраке. Боковые же стены, сколько можно было видеть, покрывали мох и лишайники; этот бархатный покров нарушали только кое-где вкрапления рубина или топаза. По дну расщелины, чуть немного ниже того места, где они стояли, струился ледяной ручеек. Вода в нем была такая холодная, что в воздухе над ней стояла густая дымка, мерцавшая в солнечных лучах, ненадолго заглянувших сюда.

Морган и Дункан несколько мгновений как зачарованные смотрели на клубящуюся дымку, не решаясь нарушить покой этого места. Наконец Дункан вздохнул, и они вошли в расщелину.

— Как ты думаешь,— прошептал Морган,— может она идти насквозь?

Дункан пожал плечами и осторожно спустился к воде. Оглядевшись, он покачал головой и стал подниматься обратно. Морган подал ему руку, чтобы помочь, но Дункан отказался от помощи и выбрался сам.

— Она всего в ярд глубиной. Посмотрим, что наверху.

Там дело обстояло не лучше. Вода бурлила и пенилась, пробивая себе путь между огромными камнями, перекрывавшими русло. Было не слишком глубоко, не больше четырех футов в самом глубоком месте, но течение было ужасным, и любой неверный шаг мог стоить жизни. Выше было еще хуже — берега становились круче, а в ревущем потоке не было видно ни одного

камня, куда бы можно было поставить ногу. Оставалось искать брод ниже по течению.

Морган с разочарованным видом стал спускаться по каменистому берегу, Дункан не отставал. Случайно взглянув вниз, он замер и, положив руку Моргану на плечо, прошептал:

— Аларик! Не двигайся! Смотри!

Глава VIII

*«ОСЕНИ НАС СРЕДИ ПОЛУДНЯ, КАК НОЧЬЮ, ТЕНЬЮ СВОЕЙ»**

Морган осторожно выглянул из-за камня, за которым они затаились, и посмотрел в том направлении, куда показывал Дункан. На первый взгляд там не происходило ничего особенного — одна из лошадей безмятежно щипала траву у берега ниже по течению, и все. Но тут до него дошло, что видит он только одну лошадь, а затем он уловил какое-то движение у подножия водопада. Подавшись вперед и всмотревшись пристальнее, Морган застыл от изумления. Он просто глазам своим не верил.

Четверо ребятишек, взъерошенных и чумазых, в одних домотканых рубахах, тянули за поводья вторую лошадь к воде. Морда коня была прикрыта чем-то. Один из похитителей зажимал ему ноздри, чтобы тот не фыркнул, входя в холодную воду. Старшему из этой компании было на вид лет одиннадцать, младшему — не больше семи.

— Какого черта!..— пробормотал Морган раздраженно.

Дункан только усмехнулся и ринулся было вперед, чтобы догнать мальчишек.

— Скорее, за мной! Эти маленькие воришки оставят нас без лошадей! — крикнул он.

— Подожди.— Морган удержал кузена за край плаща, наблюдая за ребятами, которые уже вошли в воду вместе с лошадью, там, где течение было поспокойнее.— Мне кажется, эти детки знают, как тут пройти. Смотри.

Едва Морган это сказал, ребята и лошадь исчезли за водопадом. Морган осмотрелся и начал спускаться вниз, жестом при-

* Исайя 16:3.

глашая Дункана следовать за собой. Как только они спрятались, ребята с их лошадью показались из-за водопада, мокрые и дрожащие, уже на том берегу. Самая младшая из этой четверки — девочка с длинными, закинутыми за спину косичками — вскарабкалась на берег с помощью товарищей, ей передали поводья, и она вывела из воды отфыркивающуюся лошадь. Взобравшись на испуганное животное, девчонка стащила у него с головы тряпку; мальчики тем временем снова исчезли из виду за стеной воды, обрушивающейся сверху. Морган весело хлопнул Дункана по плечу и быстро стал спускаться к берегу, стараясь, насколько возможно, прятаться в тени скалы. Когда они с Дунканом притаились уже неподалеку от второй лошади, вид у него был мрачный и вместе с тем довольный. Он снова с трудом сдержал улыбку, когда трое ребят появились из-за водопада и, подбадривая друг друга, стали выбираться на берег.

Все трое оглянулись и помахали девочке, оставшейся на том берегу, которая уже отпустила краденую лошадь пастись и теперь разглядывала скалу, нависшую над головами друзей. Ребята крадучись направились ко второй лошади. Морган ждал, пока они приблизятся, не двигаясь, не дыша.

Один уже схватил поводья и протянул руку, чтобы зажать нос животного, когда Морган с Дунканом выскочили из засады и схватили воришек.

— Майкл! — пронзительно заверещала девочка на том берегу.— Отпустите, отпустите их!

Мальчишки визжали, царапались, отбивались руками и ногами, пытаясь вырваться из рук Моргана и Дункана. Морган крепко держал того, который первым подошел к лошади, но второй, постарше и посильнее, сумел, отчаянно извиваясь, вывернуться и с пронзительным воплем бросился к водопаду.

Дункан, удерживая третьего, сделал попытку перехватить его, когда тот пробегал мимо, но у него в руке осталась только мокрая рубаха мальчика. Он во весь дух мчался к воде, и, прежде чем кто-либо из взрослых успел сделать шаг, прыгнул в поток и поплыл как угорь, исчезнув вскоре за водопадом.

Те двое, что остались у них в руках, продолжали отбиваться и визжать, так что Моргану пришлось применить свою силу, чтобы заставить их успокоиться. На противоположном берегу девочка бросилась к лошади и поволокла ее к водопаду; она протянула руку спасшемуся товарищу, который в чем мать родила карабкался по откосу. Моргану ничего не оставалось, как прибегнуть к чарам. Магия, конечно, могла испугать детей, но нельзя было позволить им бежать, ведь они бы рассказали всем и каждому о людях, пытающихся перебраться через реку. Морган уложил уснувшего мальчика на землю и поднял руки.

На пути ребятишек на том берегу, которые пытались скрыться, колотя тонкими босыми ножонками по бокам коня, вдруг возникла сверкающая огненная стена. Мальчик остановил лошадь; глаза, что у него, что у девочки, стали величиной с блюдца, когда сверкающий полукруг оттеснил их к берегу потока. Дункан тем временем тоже усыпил мальчишку, которого до сих пор держал на руках, и уложил его поперек седла оставшейся лошади. Он поднес к губам окровавленную руку и подошел к воде, чтобы промыть ее.

— Кто-то из этих бродяжек меня укусил! — пробормотал он.

Морган укладывал поперек седла другого мальчика, озабоченно поглядывая на противоположный берег.

— Стойте, где стоите, и с вами ничего не случится! — крикнул он, грозя детишкам пальцем.— Я вам ничего плохого не сделаю. Стойте на месте, все равно теперь не сбежите.

Несмотря на это обещание, дети были перепуганы не на шутку. Дункан уже взял под уздцы оставшуюся лошадь и повел к водопаду, прикрыв ей глаза мокрой рубахой вырвавшегося мальчишки. Морган шел рядом с лошадью, придерживая в седле спящих ребятишек и не спуская при этом глаз с двух других. Когда он ступил в ледяную воду, у него невольно перехватило дыхание. Морган чуть было не потерял контроль над светящимся полукругом, но вовремя взял себя в руки.

Вдоль скалы, с которой обрушивался водопад, тянулась узкая отмель, и, конечно, они не могли увидеть ее за стеной воды. На камнях, покрытых слизью и водорослями, скользили и подошвы сапог, и конские копыта. Однако они проделали весь путь без происшествий. Когда испуганная лошадь выбралась на берег, Дункан подхватил двух соскользнувших с седла мальчишек и уложил их на траву. Морган успокоил лошадь, а затем, насмешливо подняв бровь, подошел к тем детям, что сидели на другом коне, дрожа от страха.

Морган, пройдя сквозь огненный полукруг, схватил мокрой рукой уздечку, сверкающая стена у него за спиной исчезла.

— Ну, не изволите ли рассказать, что вы собирались делать с моим конем? — спокойно спросил он.

Девочка, сидящая впереди, оглянулась на товарища и захныкала было, но потом снова посмотрела на него настороженно, как зверек. Мальчик шепнул ей что-то, успокаивая, и с вызовом посмотрел на Моргана:

— Ты Дерини, да? Ты шпионишь за нашими епископами?

Морган сдержал улыбку и, подхватив девочку, снял ее с коня. Когда Аларик прикоснулся к ней, она оцепенела от страха еще больше, чем от магии. Мальчик выпрямился в седле, и ярко-синие глаза на его загорелом лице стали холодными. Морган передал девочку Дункану, получив взамен мокрую рубаху, которую он бросил мальчику. Тот, не говоря ни слова, подхватил рубаху и начал ее натягивать через голову.

— Так что? — дерзко произнес мальчик, надев рубаху.— Вы Дерини и шпионите за нашим епископом?

— Я первым задал вопрос. Что вы собирались делать с моим конем? Продать?

— Нет, конечно. Мы с братьями собирались отвести его к отцу, чтобы он выступил вместе с армией епископов. Капитан сказал, что наша кобыла слишком стара и не выдержит долгого перехода.

— Значит, вы хотели отвести его отцу,— кивнув, повторил Морган.— А знаешь ли ты, сынок, как называют людей, которые берут то, что им не принадлежит?

— Я не вор, и я тебе не сынок,— упрямо ответил мальчик,— мы все вокруг осмотрели, никого не увидели и решили, что это лошади ничьи, убежали откуда-то и заблудились.

— В самом деле? — задумчиво спросил Морган.— И ты думаешь, что такие кони могут вот так заблудиться и бродить без присмотра?

Мальчик уверенно кивнул.

— Ты, разумеется, лжешь,— твердо сказал Морган и стащил его за локоть с коня.— Ну, этого следовало ожидать. Скажи, а можно ли отсюда без препятствий добраться до ворот Дхассы, или...

— Так я и знал, что вы шпионы! — выпалил мальчик, приготовившийся к драке, как только ступил на землю.— Пусти меня! Ой, пусти, мне больно.

Досадливо покачав головой, Морган завел ему руку за спину и выворачивал ее до тех пор, пока мальчик не согнулся пополам

от боли. Когда тот прекратил сопротивление, заметив, что если не двигаться, то и не больно, Морган сразу отпустил его и развернул к себе лицом.

— Теперь успокойся! — приказал он, пристально глядя ему в глаза.— У меня нет времени выслушивать твои вопли.

Мальчик попытался выдержать взгляд широко раскрытых серых глаз, но куда ему было тягаться с Морганом. Уже через несколько мгновений он заморгал, а потом и вовсе отвел свои синие глаза в сторону.

Мальчишка наконец совсем успокоился, Морган выпустил его руку и выпрямился, вздохнув с облегчением.

— Ну,— произнес Морган, затянув пояс потуже и отбросив со лба мокрую прядь волос,— так что ты мне скажешь? Можно там пройти?

— Только без лошадей,— спокойно ответил тот.— Вы еще можете пройти там пешком, но с лошадьми — ни за что. Там, впереди, такое гиблое место — грязь, глина. Там могут пройти разве что пони.

— А обойти это место можно? Есть другой путь?

— Можно, но вы тогда выйдете не в Дхассу, а в Гаворд. По этой дороге давно никто не ходит; а уж с лошадьми и поклажей там подавно не пройти.

— Понятно. Что-нибудь еще можешь сказать об этом «гиблом месте»?

— Да что говорить-то? Ну, ярдов сто эта болотина, а как выйдете на тропу, там и до города рукой подать. Только идти надо осторожно, весной там как раз самое месиво.

— Что-нибудь еще? — Морган вопросительно взглянул на Дункана, который подошел ближе, когда мальчишка начал вразумительно отвечать.

— А как насчет охраны городских ворот? Можно ли пройти незаметно?

Мальчик задумчиво посмотрел на Дункана, на значок Торина, приколотый к шапке, и кивнул:

— Ваши значки помогут вам пройти. Смешайтесь с толпой, которая сойдет с парома. Сейчас в Дхассу идет много народу.

— Отлично. Еще вопросы есть, а, Дункан?

— Нет. Что нам теперь с ними делать?

— Оставим их здесь с лошадьми и ложными воспоминаниями о происшедшем. Мы ведь в любом случае не можем взять с со-

бой лошадей.— Морган легко коснулся лба мальчика и, подхватив его, когда тот пошатнулся, уложил на траву рядом с остальными детьми.

— Ишь, какой щенок! Чертенок, правда?

Дункан усмехнулся:

— Не удивлюсь, если он-то и укусил меня.

— Хм... Я бы на его месте поступил так же.— Морган еще раз положил руку мальчику на лоб, приводя в порядок его воспоминания, потом снял с коней седельные сумки и перебросил их через плечо.

— Ну что, кузен, ты готов преодолеть «гиблое место»? — улыбнулся он.

Шутки шутками, а этот переход чуть было не стоил жизни обоим, хотя в действительности труднопроходимый отрезок пути оказался короче, чем они ожидали. Зато и гораздо опаснее. Со слов мальчишки они решили, что впереди их ждет скользкая глинистая дорога, размытая половодьем, но это оказался не просто толстый слой грязи, на котором можно было поскользнуться от любого неосторожного движения,— это была настоящая вязкая, полужидкая трясина с блестящей гладкой поверхностью. Дункан потерял там седельные сумки, да и сам уцелел лишь чудом. Но когда они миновали трясину, дорога, как и говорил мальчик, стала лучше.

Когда, уже после полудня, они подошли к озеру Яшан со стороны Дхассы, им относительно легко удалось проскользнуть в ворота вместе с толпой паломников, только что сошедших с парома. Так же легко они дошли от ворот до заполненной народом базарной площади, что находилась недалеко от епископского дворца.

Морган купил у торговца немного фруктов, бросил ему монетку и опять смешался с толпой, прислушиваясь к разговорам и осторожно осматриваясь.

Они с Дунканом уже около часа бродили по базарной площади, изредка задавая горожанам вопросы, осторожно выведывая все, что им нужно, но так и не нашли возможности проникнуть во дворец епископа незамеченными.

Они старались не задавать вопросов, которые могли бы вызвать подозрение, так как на площади тут и там попадались стражники. Но и медлить дальше было нельзя, ведь ближе к вечеру толпа схлынет, и если они останутся на площади, то непременно привлекут к себе внимание. Найти же здесь ночлег они и не надеялись.

Как всегда в базарный день, площадь города представляла собой смешение ярких красок и пронзительных звуков. Где-то блеяли овцы, визжали поросята, слышалось жалобное ржание лошадей. В воздухе стоял запах пряностей, жареного мяса, свежего — только из пекарен — хлеба и много другого.

Морган с интересом понаблюдал за фокусниками, которые выступали рядом с шелковым шатром, из которого слышались смех и веселая музыка. Из-за шелковой занавески вышел, покачиваясь, солдат, и Морган уловил слабый аромат сладких духов. Солдат посмотрел на него мутными глазами и, пошатываясь, исчез в толпе. Две молоденькие служанки с тяжелыми корзинами задели Моргана на ходу, словно невзначай, но эти девушки были, пожалуй, не в его вкусе — слишком чумазые и неопрятные.

Морган поправил на плече седельные сумки и с хрустом надкусил кислое яблоко, которое держал в руке. Он продолжал неспешный путь по площади и вскоре заметил кузена, который в нескольких шагах от него как раз покупал свежий хлеб и головку твердого деревенского сыра. Дункан тоже остановился, разглядывая шатер, из которого доносились ароматы благовоний и звонкая музыка, затем повернулся и, нахмурившись, зашагал прочь. Морган подавил улыбку и последовал за ним, грызя на ходу яблоко и посматривая по сторонам. Дункан наконец уселся на каменный выступ у городского колодца и принялся за хлеб и сыр, отрезая кинжалом толстые ломти. Морган протиснулся к колодцу, разложил седельные сумки и фрукты рядом с Дунканом и оперся о сруб колодца, с ленивым и как можно более равнодушным видом посматривая вокруг. Никому бы и в голову не пришло при взгляде на него, что этот праздный зевака подмечает все, что происходит на базарной площади.

— Оживленное место, правда? — тихо сказал он, доев яблоко и отбросив огрызок так, чтобы до него смог дотянуться тяжело нагруженный ослик. Он принялся за хлеб с сыром, по-прежнему не спуская глаз с площади.— Надеюсь, ты углядел больше, чем я.

Дункан сидел с набитым ртом; сделав глоток, он настороженно оглянулся.

— Боюсь, что ничего особенно ценного. Но вот что я тебе скажу: епископам придется туго, если они не поторопятся. На-

род в большинстве своем пока поддерживает Кардиеля и его армию, но много и таких, кому все это не нравится. Они недовольны тем, что отцы Церкви ссорятся между собой и довели дело до раскола. В общем, я их где-то понимаю. Время-то военное.

— Хм.— Морган взял еще кусок сыра и пододвинулся поближе к Дункану.— Ты слышал о старом епископе Вольфраме?

— Нет, а что случилось?

— На него покушались на той неделе. Неудачно, но...— Он замолчал, увидев двух солдат, проходивших недалеко от них, и продолжил, только когда они скрылись в толпе.— Между прочим, вот почему ворота дворца так охраняются. Кардиель не может рисковать жизнью епископов. Если одного из них убьют, Лорис с Карриганом в Короте быстренько найдут замену. Уж понятно, чью сторону примет этот человек...

— И у Лориса будет двенадцатый голос,— прошептал Дункан.

Морган доел сыр, вытер ладонь о штаны, потом повернулся к источнику и зачерпнул воды. Пока он пил, взгляд его скользил по воротам и башням дворца. Он еще зачерпнул воды и протянул Дункану.

— Знаешь,— прошептал Морган, окидывая взором площадь,— толпа-то рассеивается. Еще немного — и мы станем бросаться в глаза, если так ничего и не придумаем.

Дункан протянул Моргану кружку и отер рот рукавом.

— Знаю. Смотри — солдат все меньше, клириков все больше...

На башне вдалеке начали бить часы, им откликнулись большие часы на башне епископского дворца, так что последние слова Дункана утонули в их перезвоне.

— Что это? — спросил Морган, стараясь не выдать беспокойства ни голосом, ни жестом.

Мимо них вновь прошли солдаты.

— Смотри, Аларик,— прошептал Дункан, кивая в сторону ворот.— Смотри, куда идут монахи!

Морган лениво, словно нехотя, повернул голову и увидел, как приоткрылась небольшая дверь в левой части дворцовых ворот и несколько монахов в капюшонах вошли во дворец. Дункан с загадочной улыбкой взял последнее яблоко и двинулся к дворцовым воротам. Удивленный Морган затянул седельную сумку и последовал за ним.

— Видишь, куда идут монахи? — прошептал Дункан, откусив кусок яблока.

— Да.

— И их пропускают, так? Смотри теперь, откуда они идут. Левее, левее смотри. Только осторожно.

Обернувшись, Морган увидел маленькую дверцу. Скорее всего, это была боковая дверь монастырской церкви. Время от времени она открывалась, и оттуда выходили монахи — по одному и по двое. Все они направлялись к дворцовым воротам, никто не возвращался.

— Куда это они? — прошептал Морган, глядя, как кузен, доев яблоко, поправляет меч под полой плаща.

Главная дверь церкви была левее, за массивной каменной башней. Монахи то и дело заходили в церковь, несколько стражников стояло у дверей.

— Я, кажется, понимаю,— сказал, вздохнув, Дункан.— В каждом городе, где есть большая монашеская община, братьев обязывают присутствовать на службе в епископской базилике. Они идут к вечерне.

— К вечерне...— задумался Морган. Они продолжали идти вдоль церкви, теперь отдаляясь от дворцовых ворот.— Дункан, а не отстоять ли и нам в этой церкви вечерню?

Дункан слегка кивнул:

— И я вот думаю...

Морган едва сдержал улыбку.

Десятью минутами позже еще два монаха вышли из собора и направились ко дворцу. Они старались не отстать от своих товарищей — эти два монаха в высоких черных капюшонах и рясах до земли. Они склонили головы и спрятали под длинными рукавами ладони, проходя мимо стражников, а когда все вошли в дворцовый коридор, их шаги звучали гораздо глуше, чем у их собратьев, обутых в сандалии.

Однако эти двое были очень внимательны и осторожны, стараясь ничем не привлечь внимание своих собратьев. Ведь под черными сутанами они прятали оружие: у каждого на поясе — меч, в голенищах сапог и рукавах плащей — кинжалы. А под кожаной дорожной одеждой, которую скрывали сутаны, на каждом была кольчуга. И это еще не все — два скромно шедших в хвосте монаха были Дерини, вооруженные колдовским своим могуществом.

Когда все монахи вошли в базилику, Морган и Дункан отстали от них и спрятались в тени вешалки для риз в конце коридора.

Через какое-то время из базилики донеслось пение монахов — служба началась. Несколько раз дверь открывалась, когда входили опоздавшие, и однажды Дункан услышал голос Кардиеля, донесшийся из базилики.

Потом служба окончилась, двери отворились. Слуги, пажи и кавалеры, несколько лордов со своими дамами и несколько прелатов вышли из башни, вполголоса переговариваясь; доходя до развилки в конце коридора, многие там прощались и поворачивали в разные стороны. Вот появились и Кардиель с Ариланом; за ними на небольшом расстоянии следовали священники и клирики, а дальше — опять знатные лорды и леди. Увидев епископов, Дункан дернул Моргана за рукав — он хорошо знал Арилана, случалось ему видеть и Кардиеля. Но Морган не спускал глаз с какой-то женщины, что шла на некотором отдалении от всех. Незнакомка, одетая в голубое, держала за руку мальчика лет четырех и на ходу беседовала с другой женщиной в платье более темного оттенка. Леди в голубом была высока и худощава; ее величественная осанка просто заворожила Моргана, и он всматривался в прелестные черты, словно хотел навеки запечатлеть их в памяти.

Глубоко посаженные глаза фиалкового цвета были прикрыты газовым покрывалом, огненно-рыжие волосы, расчесанные надвое, собраны сзади в пучок. Нежный, чуть вздернутый носик, на щеках — яркий румянец, полные красные губы, а рядом — лицо мальчика с рыжими взъерошенными волосами и с серыми сонными глазами — он уже видел их.

Он видел их не раз в своих снах, хотя лишь однажды наяву, и было это давно, там, во дворе сожженной ныне гробницы святого Торина. Морган напомнил себе, что женщина эта замужем, что мальчик этот — чей-то сын. Но кто же он — муж этой женщины, отец этого ребенка? Наконец Морган почувствовал, что Дункан трясет его за плечо, и недоуменно взглянул на него. Женщина и ребенок тем временем ушли.

Когда Дункан и Морган осторожно вышли из укрытия, епископы уже скрылись из виду, но, дойдя до поворота в конце коридора, друзья вновь увидели их. Однако тут Арилан и Кардиель скрылись за двойной дверью.

— Что там такое, ты не знаешь? — прошептал Морган.

Дункан покачал головой.

— Я же здесь раньше не был. Должно быть, зал заседаний курии. Сейчас увидим, вот...

Он замолчал — из-за угла появились несколько солдат и встали на караул. Один из них почтительно постучал в дверь, за которой исчезли епископы, а другой, окинув взглядом коридор, увидел вдруг двух монахов, нахмурился, сказал что-то своим товарищам и направился к Моргану и Дункану. Те приняли как можно более невинный вид.

— Добрый вечер, святые братья,— сказал солдат, подозрительно оглядывая их.— Могу я спросить, что вы здесь делаете? Хотя у вас и есть особое разрешение на посещение дворцовой церкви, в эту часть дворца заходить вам не позволено.

Дункан осторожно вышел вперед и поклонился, стараясь не встречаться с солдатом глазами.

— У нас неотложное дело к его милости епископу. Это жизненно важно — повидаться с ним.

— Боюсь, что это невозможно, святые братья,— сказал солдат, качая головой.— Их преосвященства опаздывают на заседание совета.

— Это займет всего несколько минут,— ответил Дункан, взглянув на Моргана и думая, как бы им выпутаться из положения, в которое они попали.— Мы могли бы сказать им несколько слов на ходу... Я знаю, что они хотели бы увидеть нас.

— Едва ли это получится,— ответил солдат, которого уже начали раздражать эти назойливые монахи. Разговор тем временем привлек внимание офицера охраны.— Впрочем, если вы назовете свои имена, я мог бы...

— Что случилось, Селден? — спросил офицер, подходя в сопровождении еще нескольких человек.— Вы, святые братья, знаете, что здесь вам быть не положено? Разве Селден не сказал вам об этом?

— О, он сказал, сэр,— пробормотал Дункан, поклонившись.— Но...

— Сэр,— вмешался один из гвардейцев, подозрительно осматривая Моргана,— этот человек, кажется, что-то прячет под сутаной. Святые братья, вы...

Стражник двинулся на Моргана, и рука герцога невольно легла на рукоятку меча. Пола сутаны приподнялась, стражники увидели сапоги вместо сандалий, и в то же мгновение Моргана прижали к стене, сверкнули обнаженные мечи. Дункана тоже окру-

жили. Кто-то схватил Моргана за плечо и рванул так, что сутана с треском порвалась, капюшон упал, открыв взорам стражников его золотистые волосы.

— Господи боже мой, да это не монах! — воскликнул какой-то солдат, невольно отступая под взглядом холодных серых глаз.

Даже повергнутый на пол, Морган продолжал сопротивляться, хотя на него навалилось человек шесть. Его скрутили, приставили к горлу острия мечей, и Морган понял, что выхода нет, и если он хочет остаться в живых, лучше сдаться. Он покорно позволил солдатам разоружить себя, раздраженно сжав губы, только когда они нашли стилет, что он прятал в рукаве. Стражники сорвали с него сутану и, обнаружив под ней кольчугу, еще больше разъярились. К горлу снова поднесли кинжал, так что Аларик не рискнул повернуть голову, чтобы посмотреть, что там с Дунканом.

Офицер охраны выпрямился, тяжело дыша, вложил меч в ножны и посмотрел на пленников.

— Ты кто? Убийца? — Он грубо ткнул Моргана в бок носком сапога.— Твое имя?

— Мое имя я скажу только епископу,— сдержанно ответил Морган.

— Ну и ну! Селден, посмотри на него! Дэвис, а что второй?

— Никак не опознать его, сэр.

— Селден?

Селден потянулся к поясу Моргана и высыпал из него множество золотых и серебряных монет и маленький шелковый мешочек, оказавшийся странно тяжелым. Офицер заметил, как изменилось лицо пленника, когда стражник взял его.

— Здесь кое-что поважнее золота, а? — Он повел бровью, развязывая тесемки.

Капитан вытряхнул содержимое мешочка себе на ладонь — блеснули два золотых перстня. На черном ониксе одного поблескивало изображение Золотого Гвиннедского льва — это был перстень Королевского Поборника. На другом был изображен зеленый грифон — это был знак Аларика, герцога Корвинского. Глаза офицера расширились, он открыл рот, словно что-то хотел сказать, да так и застыл. Взглянув на пленника, офицер попытался представить этого человека без бороды и усов, и у него перехватило дыхание.

— Морган! — прошептал он, не веря своим глазам.

Глава IX

*«СОБСТВЕННАЯ СОВЕСТЬ ЗНАЧИТ ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СУЖДЕНИЕ СВЕТА»**

— Морган!

— Боже мой! Здесь Дерини!

Несколько человек украдкой перекрестились. А те, кто держал пленников, отпрянули, хотя и не выпустили их. В это мгновение одна из дверных створок приоткрылась и оттуда показалась голова священника. Он бросил взгляд на столпившихся солдат, увидел распростертых на полу людей и быстро нырнул обратно в комнату, через мгновение вернувшись с человеком в лиловой сутане. Лицо епископа Дхасского было спокойным и безмятежным; на груди его блестел серебряный, украшенный драгоценными камнями крест. Окинув взглядом происходящее, он обратился к офицеру охраны:

— Кто этот человек?

Офицер, запинаясь, указал на двух пленников.

— Эт-то чужие, ваше преосвященство, они...

Не говоря больше ни слова, он шагнул к епископу и показал ему оба кольца. Кардиель взял их и, внимательно рассмотрев, покосился на пленников.

— Денис! — позвал он.

Мгновение спустя в коридоре появился Арилан. Кардиель, разжав ладонь, показал ему кольца, но тот едва удостоил их взгляда.

— Отец Маклайн и герцог Аларик,— учтиво начал он,— я вижу, вы наконец добрались до Дхассы.— Он скрестил руки на груди, холодным огнем вспыхнуло его епископское кольцо.— Скажите же, искали вы нашего благословения или нашей смерти?

Лицо его было суровым, темно-синие глаза смотрели холодно, но что-то в его лице подсказало Дункану, что суровость эта напускная и предназначается, скорее всего, для солдат охраны. Дункан откашлялся и попытался сесть; заметив это, Арилан дал стражникам знак отпустить руки пленных. Дункан сел и покосился на Моргана, также усевшегося на полу коридора.

— Ваше преосвященство, мы приносим вам извинения за то, что проникли сюда таким способом, но нам необходимо было

* Цицерон.

видеть вас. Мы пришли, чтобы отдаться на ваш суд. Если мы сделали что-то не так, сейчас или в прошлом, мы готовы понести покаяние. Если же мы оклеветаны, то просим вас во всем разобраться и снять с нас ложные обвинения.

Стражники затаили дыхание. Арилан был тверд и невозмутим. Он перевел взгляд с Дункана на Моргана и затем, распахнув обе створки двери, приказал:

— Введите пленников и оставьте нас. Мы с епископом Кардиелем выслушаем их.

— Но, ваше преосвященство, эти люди вне закона, по вашему же собственному указу. Они разрушили усыпальницу святого Торина, убили...

— Я знаю, что они сделали,— сказал Арилан.— И о том, что они вне закона,— тоже знаю. Делайте, что вам велено. Можете связать им руки, если так вам будет спокойнее.

— Слушаюсь, ваше преосвященство.

Солдаты подняли пленников на ноги, а тем временем другие принесли четыре сыромятных ремня и связали Моргану и Дункану руки, приказав вытянуть их перед собой. Кардиель с безразличным видом смотрел на происходящее, во всем положившись на Арилана, стоявшего в дверях. Тем временем священник, первым выглянувший из комнаты, переставил два тяжелых кресла от очага в середину покоев. Когда епископы, пленники и стражники вошли, он стал в стороне, не сводя глаз с Дункана. Дункан заметил его, попытался улыбнуться, но тотчас боязливо опустил глаза. Отец Хью де Берри и Дункан были старыми друзьями. Один бог знает, что ему теперь уготовано.

Арилан перекрестил один из стульев и сел, потом отпустил знаком секретаря и стражников. Отец Хью беспрекословно ушел, но несколько стражников задержались в дверях и, лишь когда Кардиель уверил их, что они могут нести охрану снаружи и что он при необходимости позовет их, покинули комнату. Кардиель запер дверь и уселся в кресло рядом с Ариланом. Младший епископ, сложив пальцы мостиком, долго смотрел на пленников. Наконец он заговорил:

— Итак, Дункан, вы снова с нами. Когда вы оставили службу в качестве королевского исповедника, мы потеряли ценного помощника. Так случилось, что ваша карьера пошла в несколько неожиданном для нас направлении...

Дункан склонил голову, уловив это «мы»; обращение Арилана было относительно нейтральным, но, с другой стороны, это можно было понять иначе. Следовало вести себя очень осторожно, пока они не поймут, какова же на самом деле позиция епископов. Он посмотрел на Моргана. Тот явно ждал, что Дункан заговорит первым.

— Прошу прощения, что разочаровал вас, ваше преосвященство,— произнес он.— Надеюсь, то, что я сообщу вам, встретит с вашей стороны хотя бы понимание. Я уж не рассчитываю на прощение.

— Посмотрим. Однако что же привело вас именно сюда?

Морган прочистил горло.

— Отчасти то, что вы вступили в переписку с королем. Он должен был сообщить вашему преосвященству, почему мы так настойчиво искали этой встречи.

— Верно,— сказал Арилан.— Но я хотел бы услышать это от вас. Вы намерены опровергнуть обвинения, выдвинутые против вас курией, и ходатайствовать об отмене отлучения?

— Да, ваше преосвященство,— прошептал Дункан, опускаясь на колено и вновь склоняя голову. Морган, поймав взгляд кузена, последовал его примеру.

— Хорошо. Пожалуй, мы поймем друг друга. Думаю, мы поговорим о том, что же действительно произошло в гробнице святого Торина, с каждым отдельно.— Арилан встал.— Милорд Аларик, вы пойдете со мной, а епископа Кардиеля и отца Маклайна мы оставим в этой комнате. Сюда, будьте добры.

Посмотрев на Дункана, Морган поднялся с колен и последовал за Ариланом в крошечную комнату, где было лишь одно узкое окошко под самым потолком. На столе у противоположной стены стоял подсвечник с зажженными свечами. Арилан выдвинул из-за стола кресло с прямой спинкой и сел, дав Моргану знак закрыть дверь. Морган повиновался и безмолвно повернулся к епископу. Рядом с креслом, у стены, стояла низкая скамеечка, но Моргану не предлагали сесть, а садиться без приглашения он не решился. Сдерживая чувства, он встал на одно колено и склонил голову, положив на второе связанные руки. Он искал верные слова, не зная, с чего начать; подняв глаза, Морган встретил пристальный взгляд Арилана.

— Это обычная исповедь, ваше преосвященство?

— Только если вы этого хотите,— ответил Арилан с чуть заметной улыбкой.— А я не думаю, что это так. И еще, я должен буду обсудить все, что вы скажете, с Кардиелем. Вы освободите меня от обета молчания?

— С Кардиелем — да. Наши действия уже ни для кого не секрет; все знают, что мы Дерини. Но я могу сказать вам кое-что такое, что лучше сохранить в тайне от посторонних.

— Я понимаю. А другие епископы? Как много я могу сказать им, если потребуется?

Морган опустил глаза.

— Предоставляю вам решать это самому, ваше преосвященство. Раз мне нужен мир, я не могу диктовать условия. Вы скажете им столько, сколько найдете нужным.

— Благодарю вас.

Последовала короткая пауза, и Морган понял, что пора начинать. Он с трудом заговорил, понимая, как много зависит сейчас от его слов.

— Будьте снисходительны ко мне, ваше преосвященство. Мне очень нелегко говорить... Последний раз я стоял на коленях, исповедуясь, у ног человека, собиравшегося убить меня. Варин де Грей устроил мне засаду в гробнице святого Торина; там был и монсеньор Горони. Они принуждали меня сознаться в грехах, которых я не совершал... Но закончить исповедь я не успел.

— Надеюсь, никто не принуждал вас приходить сюда, Аларик?

— Никто.

Арилан помолчал и, вздохнув, спросил:

— Утверждаете ли вы, что невиновны в том, в чем обвинила вас курия?

Морган покачал головой.

— Нет, ваше преосвященство. Боюсь, что большую часть того, в чем нас обвиняют, мы действительно совершили. Я хочу только рассказать вам, что заставило нас поступить таким образом, и спросить, могли мы, по-вашему, поступить иначе, чтобы выбраться из ловушки, в которую нас вероломно завлекли.

— Ловушка? — Арилан в раздумье коснулся указательным пальцем губы.— Ну-ка расскажите об этом поподробнее.

Морган посмотрел было на Арилана, но понял, что лучше ему не встречать взгляда епископа, если он хочет рассказать о случившемся спокойно. Со вздохом опустив глаза, он начал свой рассказ; говорил он тихо, так что епископу пришлось склонить голову, чтобы расслышать его.

— Мы ехали, чтобы убедить курию не накладывать отлучения на Корвин,— начал Морган. Он отвел глаза от руки Арилана и заставил себя сосредоточить взгляд на кресте, который тот держал.— Вы и ваши собратья в Дхассе тоже были не согласны с этой мерой наказания. Мы рассчитывали, что если предстанем перед курией, то, по крайней мере, пострадаем мы одни, а не целое герцогство.

Его голос прервался. Ужас того дня всплыл в его памяти.

— Наша дорога лежала через гробницу святого Торина, и мы, как все, должны были посетить ее. Ведь никто не может въехать в город без официального приглашения епископа. А пригласить меня во время заседания курии епископ Кардиель не решился бы.

— Вы недооцениваете его. Но продолжайте.

Морган вздохнул и продолжил:

— Когда Дункан, посетив гробницу, вернулся, туда вошел я. А там — на зазубрине замка алтарных врат — была... мераша. Знаете, что это такое, епископ?

— Да.

— Я... я оцарапал руку и почти сразу потерял сознание, а когда очнулся, то был уже в плену у Варина де Грея и дюжины его людей. С ними был монсеньор Горони. Мне сказали, что епископы отдали меня на волю Варина, если он сможет поймать меня, и что Горони послан, только чтобы принять мою исповедь, облегчить душу, если я захочу покаяться. Они хотели сжечь меня, Арилан,— прошептал Морган.— Уже и столб был приготовлен, чтобы привязать меня к нему. Они и не собирались меня выслушивать. Но тогда я этого еще не знал.— Он сомкнул губы и с усилием сглотнул слюну.— В общем, Варин решил, что со мной пора кончать. Я был совершенно беспомощен, с трудом мог стоять на ногах, не то что пользоваться своим могуществом. А потом он сказал, что казнь может быть отсрочена немного, если перед смертью я захочу исповедаться отцу Горони. Единственная ясная мысль, которая пришла мне тогда в голову,— протянуть время, в расчете, что Дункан придет на помощь.

— И вы склонили голову перед Горони,— сказал Арилан.

Морган закрыл глаза, лицо его болезненно передернулось.

— И готов был исповедоваться в чем угодно, лишь бы протянуть время, готов был придумывать грехи...

— Это можно понять,— пробормотал Арилан.— И что же вы сказали ему?

Морган покачал головой.

— Я ничего не успел сказать. В этот момент кто-то как будто услышал мои молитвы. Дункан буквально ввалился в комнату через отверстие в потолке с обнаженным мечом. И тут началась резня...

В соседней комнате Дункан стоял на коленях перед Томасом Кардиелем. Хотя руки священника были связаны, он сумел сложить пальцы в молитвенном жесте. Голова его была склонена, но голос звучал твердо.

— Не знаю, скольких я убил — четверых или пятерых, должно быть. А когда Горони попытался ударить меня ножом, я схватил его за руку. Я только тогда понял, что это священник, когда проволок его за собой через полкомнаты. Аларика чуть не убили, я с трудом спас его. А когда мы добрались до двери, усыпальница уже загорелась...

— И тогда вы разоблачили себя как Дерини? — спросил Кардиель.

Дункан кивнул.

— Когда Аларик попробовал открыть дверь, мы поняли, что она заперта снаружи. Аларику раньше доводилось, пользуясь магическими силами, открывать замки, но сейчас он был не в состоянии сделать это. А я... я попытался — и у меня получилось. И Горони это видел. А часовня уже занялась. Тут уж мы ничего не могли поделать, нам нужно было уходить, мы сели на коней и ускакали. Погони за нами не было. Это из-за пожара, не то бы нас поймали. Аларик едва держался на ногах.

Он склонил голову и закрыл глаза, пытаясь отогнать тяжкие воспоминания; Кардиель изумленно покачал головой.

— Что дальше, сын мой? — мягко спросил он.

Когда Морган закончил свой рассказ, его голос обрел обычную твердость, и он опять решился посмотреть на Арилана. Лицо прелата было непроницаемым, но Морган по его взгляду понял, что тот глубоко поражен его рассказом. Епископ сложил руки на груди, и на пальце его вспыхнул епископский перстень. Он встал и повернулся лицом к Моргану.

— Аларик, а как вы проникли во дворец? Судя по вашей одежде, вы сняли ее с каких-то бедных монахов Таласа. Надеюсь, вы не причинили им вреда?

— Нет, ваше преосвященство. Вы найдете их спящими под воздействием чар Дерини в главном алтаре. Боюсь, что это был единственный путь проникнуть к вам, не причинив никому вреда. Я уверяю вас, они не испытывали и не испытывают ни малейших страданий.

— Хорошо,— сказал Арилан.

Он задумчиво посмотрел на коленопреклоненного Моргана, потом, сложив руки за спиной, взглянул в окно.

— Я не могу дать вам отпущение грехов, Аларик,— сказал он.

Морган поднял голову, собираясь что-то сказать.

— Нет, постойте,— не дал ему заговорить Арилан.— Я имею в виду, что не могу отпустить вам грехи пока. В вашей истории есть детали, в которых я должен разобраться. Но сейчас не время говорить об этом. Если Кардиель и Дункан закончили,— он перекрестил воздух и открыл дверь,— мы скажем им, что можно приступать к дальнейшему.

Морган встал на ноги, с любопытством глядя на Арилана. Они вернулись в большую комнату. Дункан сидел у окна, опустив глаза, а у другого окна стоял Кардиель и барабанил пальцами по раме. Увидев их, он хотел что-то сказать, но Арилан покачал головой.

— Пойдемте, Томас. Надо потолковать. С ними может остаться охрана.

Арилан открыл дверь, и стражники вошли, держа ладони на рукоятях мечей. По знаку Арилана они стали по углам комнаты, со страхом глядя на пленников. Когда дверь за епископами закрылась, Морган пересек комнату и сел на скамейку у окна рядом с кузеном. Он чувствовал дыхание Дункана, когда, опершись на подоконник, закрыл глаза и сосредоточился.

«Надеюсь, мы поступили правильно, Дункан? — мысленно спросил Морган.— Каковы бы ни были наши намерения, но если Арилан и Кардиель не поверят нам, это значит, что мы своей рукой подписали себе смертный приговор. Как, ты думаешь, поступит Кардиель?»

«Не знаю,— ответил Дункан после долгой паузы.— Я действительно не знаю».

Глава X

«Я ОБРАЗУЮ СВЕТ И ТВОРЮ ТЬМУ»*

— Ну и что ты думаешь о Моргане и Маклайне? — спросил Арилан.

Двое восставших епископов снова уединились в домашней часовне Кардиеля за закрытой дверью, под охраной стражи. Арилан небрежно облокотился об ограду алтаря слева от центрального нефа, перебирая пальцами тяжелый серебряный крест, висящий на цепочке у него на шее. Кардиель беспокойно расхаживал перед ним из стороны в сторону, оживленно жестикулируя по ходу разговора.

— Я, конечно, не уверен, Денис,— смущенно начал он,— и хотя я понимаю, что надо быть осторожнее, все равно склоняюсь к тому, чтобы поверить им. Их рассказы вполне правдоподобны, более правдоподобны, чем те, которые я слышал ранее. С какой бы стороны ни подойти, они совпадают с тем, что нам сообщил Горони в тот день, когда все это произошло. Откровенно говоря, я не могу себе представить, как еще они могли действовать и при этом остаться в живых. Я бы скорее всего действовал так же.

— Что, и магией бы воспользовался?

— Да, если бы владел ею.

Арилан задумчиво покусывал цепочку.

— Это что-то новое, Томас. Ведь, пожалуй, не так важно, что они сделали, важно, как они это сделали, вот о чем речь: магия, магия, безрассудное пользование ею.

— А что, разве защита от нападения — безрассудство?

— Нет, в том случае, если нападающий первым употребил магию. Нас так учили, и мы так учим людей.

— Да, но, может быть, мы ошибались,— рассердился Кардиель,— и не только в этом. Вы же знаете, не будь Морган с Дунканом Дерини, они получили бы прощение после того, как сами пришли к нам. Да их в этом случае вообще бы не отлучили.

— Но они Дерини, их отлучили и их не простят,— возразил Арилан,— и из первого вытекает второе и третье. Видите, как выходит. Однако разумно ли это — осуждать человека только за то, что он имел несчастье родиться Дерини? Ведь не сами же мы выбираем себе родителей!

* Исайя 45:7.

Кардиель раздраженно покачал головой.

— Нет, конечно. Странно было бы, если бы вы стали утверждать, что вы лучше меня на том основании, что у вас глаза синие, а у меня — серые. Мы же их себе не выбираем! — Он разрубил воздух указательным пальцем.— Важно, что мы видим этими глазами и какие из этого делаем выводы. А то, что у вашей матери, скажем, один глаз голубой, а другой — серый, не имеет никакого значения.

— У моей матери оба глаза были серыми,— улыбнулся Арилан.

— Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю. Но сравнивать голубые глаза с серыми — это одно, а добро со злом — совсем другое. Все упирается в вопрос о том, является ли само по себе злом то, что кто-то имел несчастье родиться Дерини.

— То есть вы не думаете, что моя аналогия правомерна?

— Не совсем, Томас. Я уже говорил вам, что не уверен в том, что все Дерини — порождение зла. Но как вы убедите в этом простого человека, которого последние триста лет учили ненавидеть Дерини? В частности, как вы убедите его в том, что Аларик Морган и Дункан Маклайн не злодеи, когда церковь утверждает противоположное? А сами-то вы до конца в этом уверены?

— Может быть, и нет,— пробормотал Кардиель, отводя взгляд,— но иногда приходится кое-что принимать на веру, независимо от всяких религиозных, философских и иных соображений.

— Принимать на веру...— пробормотал Арилан.— Хотел бы я, чтобы это было так просто...

— Но сейчас необходимо поверить, именно сейчас, и я хочу в это поверить. Очень хочу. Потому что если я ошибаюсь, если Дерини действительно такие, какими их считали столетиями, то для нас все потеряно. Если Дерини — проклятое племя, тогда Морган и Маклайн предадут нас так же, как и наш король, а силы Венцита Торентского падут на нас как возмездие.

Арилан долго молчал, потупив взгляд и по привычке теребя наперстный крест. Потом, смиренно вздохнув, он подошел к Кардиелю и, положив руку ему на плечо, повлек его за собой в левую часть часовни, к известному ему одному участку мозаичного пола.

— Пойдемте. Я вам кое-что покажу.

Кардиель удивленно взглянул на собрата, а тем временем они остановились у бокового алтаря. Белая лампада отбрасывала се-

ребристые отблески на головы обоих прелатов. Лицо Арилана было непроницаемо.

— Не понимаю,— пробормотал Кардиель,— я уже видел...

— То, что я собираюсь вам показать, вы не видели,— твердо сказал Арилан.— Посмотрите на потолок, туда, где балки перекрещиваются.

— Но там ничего...— начал было Кардиель, покосившись в темноту.

Арилан закрыл глаза; нужные слова тут же возникли у него в сознании, и он почувствовал под ногами знакомую дрожь. Крепко обхватив Кардиеля за пояс, он произнес последнее заклинание.

Кардиель ошеломленно вскрикнул, и часовня опустела.

Когда их накрыла тьма, Кардиель пошатнулся, как пьяный, и, стараясь сохранить равновесие, вытянул вперед руки, подобно слепому. Арилана, казалось, не было рядом, вдобавок он ничего не видел в темноте. Мысли его смешались в тщетных попытках дать какое-то разумное объяснение тому, что он только что испытал, а также сориентироваться в полной темноте и тишине. Он выпрямился, осторожно пытаясь ощупать одной рукой, что перед ним, и прикрывая глаза другой. Наконец, когда он уже набрался храбрости для того, чтобы заговорить, ужасное подозрение пришло ему в голову.

— Денис? — позвал он слабым голосом, не зная, ответят ли ему.

— Я здесь, друг мой.

Позади него в нескольких ярдах раздался еле слышный шелест ткани, а затем вспыхнул свет. Кардиель медленно повернулся, и краска сошла с его лица, когда он увидел источник света.

Арилан стоял в мягком серебряном сиянии, лицо его обрамлял серебристый ореол; вспыхивая и угасая, он мерцал как нечто живое. Лицо Арилана было спокойным и безмятежным, а взгляд фиалковых глаз — мягким и ободряющим. В руках он держал шар, который светился ярким холодным светом и разбрасывал вокруг себя быстрые, как ртуть, искорки, которые падали на лицо, руки и епископскую мантию священника. Кардиель секунд пять смотрел на него, удивленно вытаращив глаза; в ушах гулко отдавались удары сердца.

Тут комната закружилась, завертелась у него перед глазами, и он упал. Очнувшись, он понял, что лежит на чем-то мягком и упругом, с плотно зажмуренными глазами. Чья-то заботливая

рука приподняла его голову, к его губам поднесли сосуд. Он приоткрыл глаза. Холодное вино полилось ему в горло — это встревоженный Арилан склонился над ним с хрустальным кубком в руках. Кардиель совсем открыл глаза и улыбнулся.

Он моргнул и снова посмотрел — Арилан не исчез. Он по-прежнему был рядом, только теперь вокруг его головы не сиял серебряный ореол, а комнату освещали самые обычные свечи. В камине слева был разведен слабый огонь. Можно было разглядеть неясные очертания мебели, расставленной вдоль стен. Лежал он на какой-то шкуре. Приподнявшись на локтях, он рассмотрел, что это шкура какого-то огромного бурого медведя, чью свирепо оскаленную морду он увидел немного в стороне. Все еще будучи вне себя от изумления, Кардиель вытер пот со лба. К нему понемножку возвращалась память.

— Вы...— прошептал он, глядя на Арилана с благоговением и даже страхом.— Верить ли мне глазам своим?

Арилан кивнул, сохраняя ледяное спокойствие, и встал.

— Я — Дерини,— спокойно сказал он.

— Вы — Дерини...— повторил Кардиель.— Так значит, то, что вы говорили о Моргане и Маклайне...

— Чистая правда,— произнес Арилан,— и вам надо кое-что обдумать для себя, прежде чем принимать какие-либо решения, касающиеся Дерини.

— Дерини, Дерини,— пробормотал Кардиель, постепенно приходя в себя.— А Морган и Маклайн — они знают что-нибудь?..

Арилан покачал головой.

— Они — нет. И хотя я сожалею об этом, им этого пока говорить не следует. Теперь вы знаете обо мне больше, чем кто-либо из смертных. И мне нелегко было поделиться этой тайной с вами.

— Но если вы Дерини...

— Постарайтесь войти в мое положение,— со вздохом продолжил Арилан,— я — единственный Дерини, носивший когда-либо епископскую мантию. Единственный за двести лет. К тому же я — самый младший из двадцати двух епископов Гвиннеда, это тоже ставит меня в особое положение.— Арилан потупил взгляд.— Я представляю, о чем вы сейчас подумали: о том, что я бездействовал тогда, когда обсуждался вопрос о Дерини, и что это умножило число бед, что многие погибли от рук фанатиков вроде Лориса. Я знаю об этом и каждую ночь мысленно прошу прощения в

моих молитвах.— Он поднял глаза и встретил взгляд Кардиеля, не дрогнув.— Но я верю, Томас, что терпение — величайшая добродетель. Иногда приходится платить поистине неслыханную цену, цену, противную всему твоему существу, чтобы выжить, дождаться своего часа. Я только надеюсь, что ждать осталось недолго.

Кардиель отвел глаза, не в состоянии выдержать более взгляд этих фиалковых глаз.

— Где мы? Как мы сюда попали?

— Через Переносящий Ход,— равнодушно ответил Арилан.— Он построен очень давно и проходит под полом вашей часовни.

— Как магия Дерини?

— Да.

Кардиель опустился на шкуру, обдумывая услышанное.

— Так вот куда вы исчезли из часовни, когда остались там прошлой ночью после нашего разговора? Я заглянул туда через несколько минут — вас там не было.

— Этого-то я и боялся,— кротко улыбнулся Арилан,— боялся, что вы вернетесь. К сожалению, не могу вам сказать, где я был.— Он протянул Кардиелю руку, чтобы помочь ему встать, но тот не пошевелился.

— Не можете или не хотите сказать?

— Не имею права,— с сожалением ответил Арилан.— Во всяком случае, сейчас. Потерпите еще немного вместе со мной, Томас.

— Если я правильно понял, вы находитесь под чьей-то властью?

— Есть вещи, о которых я пока не могу вам поведать,— прошептал Арилан и, все еще протягивая руку, спросил с мольбой в голосе: — Вы верите мне, Томас? Клянусь, я не обману вашего доверия.

Кардиель долго смотрел на протянутую ему руку. В его немного испуганных глазах все еще стояло удивление. Потом он подался вперед, сжал руку Арилана и с его помощью встал на ноги. Они так и стояли несколько секунд, взявшись за руки и глядя в глаза друг другу, словно надеясь там что-то прочесть. Наконец Арилан улыбнулся и похлопал Кардиеля по плечу.

— Пойдемте же, брат мой, у нас много дел нынче ночью. Если я убедил вас принять в наши ряды Моргана и Маклайна, то надо сказать им об этом, чтобы они подготовились. К тому же

надо согласовать вопрос с нашими собратьями по Собору; впрочем, они, полагаю, согласятся с вами.

Кардиель беспокойным жестом пригладил седые волосы и недоверчиво покачал головой.

— Вы можете так быстро перемещаться всегда, когда захотите, Денис? Извините, я, кажется, некоторое время туго соображал, мне сразу было никак не переварить всего, что я узнал.

— Ну, разумеется,— улыбнулся Арилан и снова повел Кардиеля в центр комнаты, к немного выступавшему участку пола.— Нам пора возвращаться в нашу часовню, а то стража начнет беспокоиться.

Кардиель встревоженно оглядел пол.

— Это что, и есть Переносящий Ход, о котором вы говорили?

— Он самый,— отозвался Арилан, приблизившись к Кардиелю и снова обхватив его за плечи.— Теперь расслабьтесь, я все сделаю сам. Не бойтесь. Успокойтесь, ни о чем не думайте.

— Постараюсь,— прошептал Кардиель.

Пол опять ушел у них из-под ног, и открылась темная бездна.

Часом позже Моргану и Дункану сообщили решение епископов. Нельзя сказать, что встреча была радушной: для этого обе стороны были слишком осторожны, слишком сдержанны. Беглецы так долго уже пребывали вне церкви, находясь под отлучением, что для них было вполне естественным некоторое недоверие к обоим весьма могущественным прелатам. Нужно ли добавлять, что это чувство было взаимным.

Но епископы отнеслись к ним достаточно дружелюбно — создавалось впечатление, что если они и хотят исповедовать их перед тем, как принять решение, то лишь потому, что пекутся о душевном благополучии этих заблудших детей церкви.

Кардиель был необычно молчалив и произнес всего несколько слов. Моргана это удивило, так как он помнил блестящий стиль писем, адресованных Келсону, что вышли из-под пера этого священнослужителя за последние три месяца. Епископ Дхасский лишь поглядывал на Арилана с какой-то странной мольбой во взгляде, и Морган ничего не мог понять: от этого зрелища у него почему-то волосы на затылке вставали дыбом.

Арилан, напротив, был спокоен и остроумен. Серьезность положения его, казалось, не угнетала. Сказать им он почти ничего не успел, так как вскоре все четверо уже подошли к залу, где их

ожидал весь Собор, лишь бросил на ходу, что настоящие неприятности только начинаются. За дверью собрались шестеро епископов, которых предстояло убедить в невиновности и чистосердечном раскаянии обоих лордов Дерини. А позднее предстояло убедить в этом одиннадцать непреклонных епископов из Корота. И все это необходимо было сделать до начала схватки с Венцитом Торентским.

Как только все четверо вошли в комнату, раздался слабый ропот, Сивард вскрикнул, Гилберт украдкой перекрестился, ища своими бегающими свиными глазками поддержки у собратьев, и даже старый вспыльчивый Вольфрам де Бланнет, самый стойкий противник отлучения, немного побледнел. Никто из них прежде не видел настоящего, не скрывающего своего происхождения Дерини, а сразу двоих — и подавно.

Но как бы то ни было, епископы Гвиннеда были людьми благоразумными. И хотя они никогда не испытывали особо теплых чувств к Дерини вообще, сейчас они допускали, что эти двое Дерини не столько согрешили сами, сколько стали жертвой оговора. И раз они раскаялись, нужно отменить отлучение и дать им отпущение грехов.

Конечно, их решение — это еще не все, какими бы ни были епископы Дхассы просвещенными и здравомыслящими людьми, как бы ни были они не подвержены суевериям и приступам истерии. Другое дело — простонародье, и об этом нельзя забывать. Человек из народа искренне верил, что Дерини — проклятое племя, что само их существование несет с собой только разрушение и смерть. И еще до этого злосчастного дня в гробнице святого Торина, когда о Моргане говорили только как о верном слуге Бриона и Келсона, а репутация Дункана была безупречной, на них уже лежала тень: в их родне были Дерини, об этом всегда помнили.

Нужно было представить веские доказательства, что оба они отрекаются от своего могущества. Простое отпущение грехов ни в чем не убедит народ: горожан, солдат, ремесленников и мастеровых, которые снаряжали армию и сами вступали в ее ряды. Их простодушное благочестие требовало более суровых условий примирения, более веского доказательства смирения и покаяния обоих лордов Дерини. Поэтому решили устроить публичную церемонию, которая бы наглядно продемонстрировала народу полное согласие между епископами и этими двумя Дерини.

Через два дня, в соответствии с военными планами, войско епископов должно было выступить, поскольку Морган и Дункан сказали, что Келсон прибудет на условленное место встречи не раньше чем через четыре дня. Но дорога до этого места как раз займет не меньше двух суток.

Посему для публичного покаяния был избран вечер второго дня, накануне отъезда на место встречи с Келсоном. А в оставшееся время лорды Дерини будут обсуждать с епископами и их военачальниками стратегические планы предстоящей войны. Тем временем монахи епископа Кардиеля будут распространять по городу слухи о том, что Морган и Дункан сдались и готовы принести покаяние.

Церемония же возвращения в лоно Церкви состоится перед лицом жителей Дхассы, армии и всех, кого только сможет вместить Дхасский кафедральный собор. Там во время торжественной мессы Моргана и Дункана примут в ряды благочестивых христиан со всеми подобающими церемониями. Людей это убедит.

Двумя днями позже в Линдрутской долине — недалеко от Кардосы — Шон лорд Дерри снял шлем и вытер лоб загорелой рукой. В Линдрутских лугах стояла жара — воздух прогрелся, предвещая зной приближающегося лета. Влажные волосы Дерри были спутаны под шлемом, и спина взмокла под кольчугой и кожаной курткой.

Подавив вздох, Дерри передернул плечами, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, и, сняв шлем, повесил его на сгиб левой руки. Он зашагал к лесу, где оставил на привязи коня, ступая так осторожно и бесшумно, как только мог, по свежей весенней траве. Он решил возвращаться прямо по лугу, потому что в лесу легко было выдать себя хрустом сухих веток и сучьев, остававшихся после долгой зимы. Если его схватят — ему грозит медленная мучительная смерть от рук тех, кто расположился сейчас лагерем в долине.

Посмотрев налево, Дерри окинул взглядом заросли: это место он и искал. На востоке, в миле отсюда, редели зубчатые вершины Рильской горной цепи, заслоняющие стены Кардосы в конце Кардосского ущелья. Говорят, там Венцит Торентский. А на западе, справа от Дерри, на многие мили простиралась Линдрутская долина. И у самых гор, за спиной Дерри, расположилась лагерем огромная армия Брэна Кориса, графа Марли, предателя.

Теперь он союзник Венцита Торентского, чье присутствие в Кардосе угрожает самому существованию Гвиннеда.

Картина, которую вообразил Дерри, была не из приятных; попасть в руки изменников совсем не входило в его планы. Два дня назад, покинув Моргана и Дункана, он повернул на северо-восток и с тех пор скакал среди зеленеющих гор северного Корвина по галечным россыпям, держа путь на Ренгарт, где, как он полагал, стоял герцог Яред Маклайн со своим войском.

Но в Ренгарте армии герцога не оказалось; он нашел там лишь горстку крестьян, которые и рассказали ему, что войско ушло на север дней пять назад. Дерри пустился вдогонку, и вскоре мягкая зелень корвинских холмов сменилась спокойными пустынными равнинами Восточной Марки.

А там вместо герцогского войска он нашел лишь следы ужасной битвы, закончившейся совсем недавно. Напуганные деревенские жители толпились на пепелище разграбленного и сожженного села; изрубленные тела всадников лежали вперемешку с конскими трупами, не преданные земле, разлагаясь на солнце. С седел мертвых лошадей свисали клетчатые пледы Маклайнов, потемневшие от запекшейся крови. Брошенные знамена красного, голубого и серебристого цветов были втоптаны в кровавое месиво.

Он расспросил тех крестьян, которых ему удалось выманить из укрытий. Да, герцогово войско здесь проходило. Здесь оно встретилось с другой армией, которая поначалу казалась дружественной. При встрече оба лорда, не спешиваясь, пожали друг другу руки.

Но потом вдруг началась битва. Один из очевидцев припомнил, что он видел желто-зеленое знамя лорда Макантера с северной границы (раньше он часто сопровождал Яна Хоувелла, предыдущего хозяина Восточной Марки). По словам другого, знамена были голубого и белого цветов — это были цвета графа Марли.

Но кто бы ни вел это войско, на людей герцога коварно напали, круша их направо и налево и захватывая в плен тех, кто еще не был убит. Да, кто-то еще говорил, будто бы видел черно-белые знамена над головами победивших с изображением Бегущего оленя — знак Дома Фурстанов. Измена была налицо.

Следы этой кровавой бойни тянулись до самых Линдрутских лугов. На рассвете Дерри отправился на поиски армии Брэна Кориса и нашел его лагерь, разбитый возле входа в большое Кардосское ущелье. Дерри понимал, что ему надо как можно скорее

сообщить о том, что он видел, и убираться отсюда подобру-поздорову, но он знал и то, что связаться с Морганом ему удастся только поздним вечером: они заранее договорились о сеансе мысленной связи, и до этого времени Дерри мог бы узнать кое-что еще.

Осторожно приблизившись к лагерю как можно ближе, Дерри узнал много интересного. Брэн Корис, по-видимому, вступил в сговор с Венцитом Торентским в самом начале войны, значит, самое большее — неделю назад. Его, наверное, соблазнили темные обещания Венцита, а чем все это грозит — лучше и не думать. Даже люди Брэна не рисковали говорить об этом; судя по всему, им тоже немало обещали — и богатство, и славу, если они пойдут за Венцитом.

Теперь для Дерри важно было не попасться до ночи и вовремя связаться с Морганом.

Если бы только удалось затаиться где-нибудь на несколько часов и после захода солнца погрузиться в ту странную дремоту, во время которой он мог общаться на расстоянии со своим лордом. Нужно, пока не поздно, сообщить королю о предательстве Брэна. И он еще должен выяснить все о судьбе герцога Яреда и остатков его войска.

Дерри вошел в лес и уже увидел своего коня, как вдруг слабый хруст веток заставил его насторожиться. Он застыл, сжимая рукоятку меча и прислушиваясь, но больше не уловил ни звука. Дерри решил было, что ему послышалось, что это шалят его напряженные нервы, но тотчас неподалеку раздалось конское фырканье и осторожные шаги.

Может быть, конь его учуял? Нет, ветер дул в другую сторону.

Неужели он попал в западню?

Слабый хруст снова послышался слева от Дерри, и он уже не сомневался, что за ним следят. Но уйти из ловушки пешим ему бы все равно не удалось, и он продолжил путь к своему коню, уже не заботясь о том, чтобы идти бесшумно.

Все еще не снимая руку с рукоятки меча, он вышел на опушку, где оставил коня. Как он и предполагал, там его ждали трое воинов. Дерри был уверен, что где-то рядом есть еще солдаты, которых он не видит, и, возможно, вот-вот ему в спину вонзится смертоносная стрела. Он должен действовать так, как будто он — один из солдат Брэна.

— За кем-то следите? — спросил Дерри, из осторожности остановившись на краю поляны.

— Из какого ты отряда, парень? — спросил его тот, что был за главного, спокойно, но с подозрением в голосе.

Скрытая угроза чувствовалась и в том, как он стоял, широко расставив ноги, засунув пальцы за пояс. Один из его спутников, ниже и толще других, выглядел наиболее враждебно и все время поглаживал рукоятку меча, поглядывая на Дерри.

Дерри придал своему лицу как можно более невинное выражение и развел руками в самом умиротворяющем жесте. Шлем, висящий на ремешке, при этом закачался.

— Ну, из пятого, естественно,— сообщил он, зная, что в армии Брэна есть, по крайней мере, восемь кавалерийских отрядов,— а в чем, собственно, дело?

— Врешь,— свирепо посмотрел на него третий, схватившись за оружие и скользнув взглядом по доспехам Дерри.— В пятом желтые латы, а у тебя — коричневые. Кто твой командир?

— Да ладно вам,— стал успокаивать их Дерри, прикидывая расстояние до своего коня,— я совсем не хочу неприятностей. Давайте мирно разойдемся.

— Без неприятностей тебе не обойтись, сынок,— проворчал первый, все еще бесстрастно стоя с заложенными за пояс руками,— ну что, пойдешь сам или нет?

— Не думаю!

Дерри резко швырнул шлем в лицо солдату, отпрянувшему от неожиданности, выхватил меч из ножен и рванулся вперед, молниеносным ударом сразив низенького толстяка. Едва он вытащил меч, двое других солдат, перепрыгнув через тело убитого товарища, с криками атаковали его, обнажив клинки. Где-то вдали тоже послышались крики, и Дерри понял, что к противнику спешит подмога. Он должен немедленно ускользнуть, иначе будет поздно.

Дерри бросился на одно колено и, распрямившись, сплеча ударил кинжалом, который успел вытащить из голенища, полоснув по пальцам одного из атакующих. Тот вскрикнул и выронил оружие, но уйти Дерри не успел — дорогу преградил его товарищ и еще двое вооруженных мечами солдат. А обернувшись, он увидел полдюжины вооруженных людей, со всех ног спешащих к нему. Из последних сил Дерри стал пробиваться к своему коню.

Он рванулся вперед и уже поставил ногу в стремя, чтобы запрыгнуть в седло, но подпруга была плохо затянута, и седло поползло на сторону. Он потерял равновесие, и сразу несколько рук потянулось к нему; его схватили за одежду, за волосы, вцепились в пояс.

Дерри почувствовал острую боль в предплечье правой руки: до него добрался чей-то кинжал; почувствовал, что меч выпал у него из рук, а пальцы стали скользкими от крови — его собственной. Потом он упал на весеннюю траву, на него навалилась груда тел, закованных в кольчуги, и тут сознание покинуло его.

Глава XI

*«ПОКОЙНЫ ШАТРЫ У ГРАБИТЕЛЕЙ И БЕЗОПАСНЫ У РАЗДРАЖАЮЩИХ ГОСПОДА»**

Дерри вздрогнул и застонал, когда кто-то стал ощупывать его раненую руку.

Он покачнулся, а тем временем его вынули из седла и почти волоком оттащили на мягкую траву. Три вооруженных солдата крепко прижали его руки и ноги к земле — три суровых воина в бело-голубой форме графа Марлийского. Один из них держал обнаженный кинжал у самого горла пленника. Четвертый человек, судя по одежде, полевой лекарь, стал на колени возле головы Дерри; он невесело крякнул, увидев рану вблизи, и начал ее перевязывать. Дерри видел, как собравшиеся вокруг солдаты внимательно разглядывают его, и вдруг с ужасом осознал, что бегство невозможно.

Когда лекарь кончил перевязывать рану, один из охранников взял кусок перевязи и крепко стянул им руки Дерри, потом выпрямился, странно взглянул на пленника, как будто тот ему кого-то напоминал, и исчез из виду. Дерри с трудом приподнял голову, пытаясь осмотреться, но тут державший его человек встал и отошел.

Дерри снова находился в лагере, и лежал он в тени низкой палатки из коричневой кожи. Места он не узнавал, так как раньше

* Иов 12:16.

видел только малую часть лагеря, но, без сомнения, он был сейчас где-то в центре.

Палатка была того типа, какими обычно пользовались в Восточной Марке,— широкая и приземистая, но с нарядным навершием, по-видимому, офицерская. Он подумал о том, кому бы палатка могла принадлежать, ведь никого в таком звании поблизости не было. Может быть, солдаты не понимают, какого важного пленника поймали? Тогда ему нужно избегать встречи с кем-нибудь чином повыше, кто мог бы его опознать.

С другой стороны, если они не понимают, кто он, и принимают его за обычного шпиона, он даже не сможет оправдаться: его просто казнят без лишних слов.

Но они перевязали его рану — а это не имело бы смысла, собирайся они попросту убить его. Он удивился: где же их командир?

И как только он об этом подумал, высокий человек средних лет в кольчуге и золотисто-голубой накидке подошел и отдал одному из солдат свой шлем. Все — и худощавое породистое лицо, и осанка, и уверенные движения — обличало в нем опытного воина. Рукоятка его меча и тяжелая золотая цепь на шее были украшены жемчугом. Дерри сразу узнал барона Восточной Марки Кэмпбелла. Интересно, а он узнал его?

— Ну, что у нас здесь? Тебя послал король, парень?

Дерри нахмурился, пытаясь понять, притворяется этот человек или действительно не узнает его.

— Конечно король,— наконец сказал он, стараясь, чтобы в его голосе прозвучало негодование.— Вы так всегда принимаете королевских посланников?

— Так значит, ты и есть королевский посланник? — спросил Кэмпбелл, насмешливо склонив голову.— Солдаты мне этого не сказали.

— Они и не спрашивали,— презрительно произнес Дерри, с вызовом закидывая голову.— Да и потом, у меня поручение не к солдатам. Я ехал в войско герцога Эвана по королевскому приказу. Я надеюсь, вы извинитесь за произошедшее недоразумение.

— Ага, конечно же, это недоразумение, парень,— пробормотал Кэмпбелл, подозрительно оглядывая Дерри.— Тебя приметили, когда ты крался вдоль лагеря; ты солгал нашим людям, которые окликнули тебя и спросили, кто ты; ты убил солдата, который попытался задержать тебя. Чем ты докажешь, что ты —

королевский гонец, а не шпион? Я думаю, ты обычный шпион. Как тебя зовут, парень?

— Я не шпион. Я посланец короля. А мое имя и моя весть — не для ваших ушей! — выпалил Дерри.— Вот узнает король, как вы тут...

Кэмпбелл резко склонился и схватил Дерри за ворот куртки.

— А ну не смей так разговаривать со мной, мальчишка! Хочешь дожить до старости — попридержи язык, прежде чем другой раз вздумаешь нести околесицу. Я достаточно ясно сказал?

Дерри содрогнулся от железной хватки барона и предпочел оставить возражения при себе. Слабым движением головы он дал понять, что смиряется. Кэмпбелл ослабил зажим, и Дерри смог вздохнуть.

— Отведите-ка этого человека к его милости лорду Брэну,— сказал барон, отпуская кольчугу Дерри и выпрямляясь.— У меня нет времени точить с ним лясы. Может быть, друзья нашего лорда, все эти Дерини, выудят у него правду.

При этих словах Дерри подняли на ноги и повели куда-то. Пока они шли по лагерю, солдаты провожали их удивленными взглядами, и несколько раз Дерри показалось, что его узнали, но никто не подал и виду, а сам Дерри кое-как держался на ногах, и ему было не до того. Да и это уже не имело значения. Уж Брэн Корис хорошо знает, кто он такой и откуда.

Через редкую дубовую рощу его провели к бело-голубому шатру, возвышавшемуся среди бархатной зелени травы. Центральную площадку лагеря окружали другие палатки, немного меньших размеров, но тоже яркие, с нарядными штандартами, привлекающими взгляд. Отсюда же открывался вид на реку Кардос, голубую и в это время года многоводную.

Воины, сопровождавшие Дерри, замедлили шаги, и его заставили преклонить колени перед серебристо-черной палаткой, следующей за бело-голубой. Раненая рука его сильно болела, кисти затекли, скрученные конскими поводьями.

Из шатра раздавались голоса громко спорящих мужчин, хотя слов из-за плотного полотна было не разобрать. Помедлив мгновение, барон Кэмпбелл вошел в палатку. До слуха Дерри донесся возбужденный шепот и наконец отчетливые слова Брэна:

— Шпион? Черт возьми, Кэмпбелл, вы прервали меня, чтобы сказать, что поймали шпиона?!

— Кажется, это не простой шпион, милорд. Это... ну, посмотрите лучше сами.

— Ладно. Я сейчас вернусь, Лионель.

Когда Кэмпбелл вышел из палатки, а следом за ним показался худощавый человек в голубой тунике, сердце Дерри оборвалось, и он опустил голову. Тот был уже рядом — Дерри слышал его дыхание, видел в траве перед собой пару сапог. Скрываться дольше было бесполезно: Дерри поднял голову и увидел знакомое лицо Брэна Кориса.

— Шон лорд Дерри! — воскликнул Брэн. Его голубые глаза стали холодны.— Как поживает мой любезный коллега по Королевскому совету? Уж не предали ли вы своего дорогого Моргана? — Глаза Дерри вспыхнули.— Нет, не думаю. Милорд Лионель, смотрите, кого Морган послал к нам. Своего любимого шпиона.

Лионель вышел из палатки и с удивлением посмотрел на Дерри. Был он высокий, по-своему величественный, темнобородый, с сурово сжатыми тонкими губами. На нем был плащ из тончайшего белого шелка, доходивший до пят; из-за ворота плаща была видна кольчуга, а под ней — малиновая рубашка. На поясе у него висел кинжал в нарядных ножнах. Длинные черные волосы были собраны в пучок на затылке и скреплены серебряным обручем. Жемчуг, украшавший браслеты на его запястьях, вспыхивал красным, зеленым и фиолетовым, когда он сложил руки на груди.

— Да, это мальчишка Моргана,— сказал Лионель, тоже смерив Дерри ледяным взглядом.

— Шон лорд Дерри,— сказал Брэн, кивнув.— Келсон включил его в совет на освободившееся место лорда Ральсона. Он был некоторое время оруженосцем Моргана. Где вы нашли его, Кэмпбелл?

— На дороге к югу отсюда, милорд. Патруль поймал его коня и дождался, пока он вернется назад. Он оказал сопротивление. Погиб Петер Дэвенси.

— Дэвенси. Такой толстый бойкий парень?

— Он самый, милорд.

Брэн, коснувшись пальцами жемчужной цепочки у себя на груди, несколько мгновений смотрел на Дерри. Дерри показалось даже, что сейчас Брэн ударит его, и он уже весь сжался, но

этого не случилось. Обуздав гнев, Брэн обратил взор к Лионелю и старался больше не смотреть на Дерри.

— Будь этот человек всецело в моей власти, он бы сегодня же умер за то, что сделал,— процедил Брэн сквозь зубы.— Однако я не ослеп от гнева и вижу, что эта птичка может еще понадобиться Венциту. Спросите своего родственника, как он прикажет мне поступить с этой мразью?

С кратким поклоном Лионель повернулся и проследовал в свою палатку, Брэн последовал за ним. Они остановились у самого входа, их силуэты отчетливо были видны на полотне палатки. Над их головами вспыхнул какой-то свет, и внезапно Дерри понял, что они связываются с Венцитом при помощи магии. Через несколько мгновений Брэн вышел из палатки один, с задумчивым и слегка изумленным видом.

— Ну что ж, лорд Дерри, выходит, что вы прощены, ибо избавляетесь от наказания, полагающегося шпионам, и вместо этого удостоитесь чести быть сегодня гостем его величества короля Венцита в Кардосе. Не могу ничего обещать относительно приема, который вы там встретите: торентские обычаи, как мне кажется, порой весьма причудливы. Но вам, может быть, понравится. Кэмпбелл?

— Да, милорд.

Брэн мрачно взглянул на связанного Дерри.

— Посадите его на коня и уберите с глаз моих подальше. Мне противно видеть его.

Морган окинул взглядом крошечную приемную, провел рукой по свежевыбритым щекам и взглянул в высокое зарешеченное окно. Снаружи темнело. К ночи, как это часто бывало в этом горном краю, сгустился туман, окутывая всю Дхассу мрачной и таинственной пеленой. Хотя еще не совсем стемнело, уже начали зажигать факелы, и их бледные огни угрожающе мерцали в тихих сумерках. Улицы, час назад полные солдат, теперь были почти пусты, только слева он видел горделивого часового у ворот собора Святого Сенона; десятки вооруженных людей и простых горожан прошли уже через эти ворота. Когда толпа у входа рассеивалась, Моргану удавалось разглядеть главный неф; там было светло, как днем, от сотен зажженных свечей. Вот-вот и они с Дунканом вместе с архиепископами войдут в эти врата. Интересно, как их примут?

Морган со вздохом отвернулся от окна и взглянул в другой конец комнаты, где на низкой деревянной скамейке сидел Дункан. Рядом с ним стояла зажженная свеча — священник погрузился в чтение книги в кожаном переплете с золотым обрезом. Как и Морган, он был одет в лиловое, чисто выбрит, кожа на его лице, там где была борода, странно белела в полумраке. Он еще не застегнул мантию — в часовне было тепло, сюда не проникала вечерняя сырость. На ногах его были кожаные сапоги, под плащом — белая туника без всяких украшений. Так же был одет и сам Морган, только на пальцах его по-прежнему красовались перстни со львом и грифоном. Он встал и подошел к Дункану, но тот, занятый своими мыслями, казалось, не замечал его.

— Ты не устал так вот ждать? — спросил Морган.

Дункан оторвался от чтения и улыбнулся.

— Немного. Но, знаешь, священников рано приучают к терпению. А еще нас учат быть хорошими актерами. Почему бы тебе не перестать расхаживать и не попытаться расслабиться?

Все же заметил.

Морган тяжело опустился на скамейку рядом с Дунканом и прислонился головой к стене, сложив руки на груди.

— Расслабиться? Легко сказать. Ты-то любишь ритуалы. Ты всю жизнь имел дело со священными церемониями. А я чувствую себя скверно, мне кажется, что я сейчас умру от голода. Я не ел ни крошки целый день.

— Я тоже.

— Но ты, похоже, переносишь это легче. Не забывай, что я всего-навсего жалкий дворянин, привыкший потакать своим прихотям. Даже глоток этого гнусного дхасского вина был бы сейчас кстати.

Дункан закрыл книгу и с улыбкой прислонился к стене.

— Ты не думаешь, что говоришь. Представь, как подействует вино, выпитое на голодный желудок. Да и потом, зная здешнее пойло, я предпочел бы умереть от жажды.

— Да, пожалуй, ты прав,— улыбнулся Морган. Он закрыл глаза.— Пойдем продемонстрируем, что делает пост. Он не смиряет дух, а лишь умерщвляет плоть.

— Ну, я думаю, что епископы не оставят нас на произвол судьбы,— хмыкнул Дункан.— Вряд ли им понравится, если мы во время церемонии грохнемся в обморок от голода.

— Тебе, конечно, лучше знать,— усмехнулся Морган, подымаясь и вновь начиная расхаживать.— Может быть, грохнуться в обморок — это лучшее, что мы можем там сделать. Послушай, как звучит: «По трехдневном посте души кающихся Дерини источились печалью, и сердца их очистились, и они поверглись оземь пред лицом Господа». Ты знаешь, что...

В это мгновение раздался щелчок входного замка. Дункан прервался на полуслове, вставая на ноги и глядя на Моргана. Вошел епископ Кардиель — на нем была багровая сутана, стелившаяся за ним по полу. Его сопровождал монах в черном плаще с капюшоном. Морган и Дункан, склонившись, поцеловали кольцо на руке епископа. Монах достал и протянул Кардиелю сложенный лист пергамента.

— Еще час,— тихо сказал епископ, беря Моргана за руки и тревожно поглядывая в окно.— Это от короля. Он желает нам успеха сегодня вечером и выезжает, чтобы увидеться с нами послезавтра в Кор Рамете. Надеюсь, мы не разочаруем его.

— Разочаруем? — Морган, который уже поднес свечу к письму, чтобы прочесть его, удивленно взглянул на епископа.— Почему? Разве что-то не так?

— Пока ничего,— сказал Кардиель, подал письмо, и Морган без слов взял его.— А у вас нет никаких вопросов по поводу сегодняшней церемонии?

— Отец Хью несколько часов назад разговаривал с нами, ваше преосвященство,— осторожно произнес Дункан, не сводя глаз с Кардиеля.— Милорд, если возникли какие-то сложности, мы хотели бы знать об этом.

Кардиель долго смотрел на них, потом отвернулся, опершись одной рукой на высокий подоконник. Обдумывая свои слова, он несколько секунд смотрел в окно, потом повернулся к Моргану и Дункану. Его поседевшая голова выделялась светлым пятном на фоне темного неба. Из-под загнувшегося рукава сутаны был виден белоснежный стихарь, и Морган вдруг понял, что епископ прервал церемонию облачения, спеша посетить их. Что же он намерен сказать?

— Знаете, вы произвели хорошее впечатление во время процессии,— с улыбкой произнес Кардиель.— Народ любит публичное покаяние грешников. Возможно, это помогает им лучше осознать собственную добропорядочность. Честно говоря, большин-

ство тех, кто будет присутствовать сегодня на церемонии, хочет поверить в искренность вашего примирения с Церковью.

— Тем не менее...— Морган не договорил.

Кардиель опустил глаза.

— Да, всегда есть «тем не менее», не так ли? — Он посмотрел прямо в глаза Моргану.— Аларик, поверьте, я доверяю вам, вам обоим,— он перевел взгляд на Дункана,— но... Есть люди, которые и сейчас относятся к вам с предубеждением. Только чудо убедит их в том, что вы не замышляете ничего худого.

— Не просите же вы нас совершить чудо? — прошептал Морган, удивленно глядя на Кардиеля.

— Боже мой, нет! Вот уж чего я нисколько не хочу.— Кардиель покачал головой.— Однако вот что я должен вам сказать.— Он сжал пальцы и посмотрел на свое епископское кольцо.— Аларик, я уже четыре года епископ Дхассы. И за эти четыре года, и во времена пяти моих предшественников в Дхасской епархии ни разу не было никаких скандалов...

— Вы должны были думать об этом тогда, когда пошли наперекор курии, милорд.

— Я сделал то, что должен был сделать.

— Так говорит ваш рассудок,— сказал Дункан,— но ваше сердце боится: вдруг эти двое Дерини что-нибудь натворят.

Кардиель посмотрел на них и прочистил горло.

— Ну, может быть,— он снова кашлянул,— может быть, и так. Дункан,— помолчав, сказал он.— Я прошу вас дать мне слово, что вы не будете использовать там свое могущество — вы оба. Что бы ни случилось, я должен быть уверен, что вы не совершите ничего необычного, что будете вести себя как все кающиеся, что приходят в мой собор, дабы примириться с церковью. Уверен, что вы понимаете важность моей просьбы.

Морган опустил глаза и задумчиво сжал губы.

— Я полагаю, Арилан знает, с чем вы отправились к нам?

— Да.

— И что он думает об этом?

— Он согласен. Не должно быть никакой магии.

— Что ж, если мы должны дать вам слово, я со своей стороны даю.

— Я тоже,— сказал Морган после недолгой паузы.

Кардиель облегченно вздохнул.

— Благодарю вас. Я сейчас ненадолго оставлю вас вдвоем. Полагаю, что вы хотите подготовиться к церемонии. Мы с Ариланом вскоре зайдем за вами.

Когда дверь за Кардиелем закрылась, Дункан посмотрел на своего кузена. Морган повернулся, провожая епископа взглядом, и теперь свеча, стоявшая на краю скамейки, бросала глубокую тень на его задумчивое и сосредоточенное лицо. Тревожные мысли зашевелились в голове Дункана, он встал с места и подошел к своему родичу.

— Аларик,— тихо сказал он.— Что...

Морган посмотрел на дверь и, перекрестив скамейку, опустился перед ней на колени.

— Я боюсь, что пренебрегал молитвой последние недели, Дункан,— прошептал он, приглашая Дункана присоединиться к нему и вновь бросая взгляд на дверь.— Ты помолишься со мной?

Дункан безмолвно опустился на колени и перекрестился, но в глазах его по-прежнему таился вопрос. Он хотел что-то сказать, искоса взглянув на дверь, но увидел, как губы Моргана шепнули краткое: «Нет», и покорно склонил голову.

Придвинувшись к кузену поближе, он зашептал так тихо, как только мог:

— Скажи мне, в чем дело. Я знаю, ты боишься, что за нами следят, но в чем же дело? Ты помедлил, прежде чем дать слово Кардиелю,— почему?

— Потому что я не был уверен, что сдержу его,— прошептал Морган.

— Не сдержишь? — ответил Дункан, подняв от неожиданности голову.— Но почему? Что случилось?

Морган покосился на дверь и снова опустился на колени.

— Дерри. Он должен был вступить с нами в контакт вчера... Или сегодня. Условленное время как раз приходится на середину церемонии.

— Боже мой! — У Дункана перехватило дыхание, но тут он вспомнил, что «молится», и снова склонил голову.— Аларик, мы не должны связываться с Дерри прямо в соборе, раз уж дали слово Кардиелю. Если нас поймают...

Морган слабо кивнул.

— Знаю. Но выбора нет. Я боюсь, что с Дерри что-то случилось. Нужно найти возможность связаться с ним и при этом не попасться.

Дункан закрыл лицо руками и вздохнул.

— Я чувствовал, что ты все время о чем-то думаешь. У тебя есть план?

Морган снова наклонил голову и посмотрел на Дункана.

— Да. В литургии есть несколько мест — и во время самой церемонии, и во время последующей мессы,— когда к нам не будут обращаться. В эти минуты я попытаюсь поговорить с Дерри, а ты последишь, не наблюдают ли за нами. Если увидишь что-то неладное, я прервусь. Ты можешь...

Он замолчал и склонил голову в глубоком поклоне: дверь открылась. Оба перекрестились, увидев, как в комнату входит Кардиель, сопровождаемый Ариланом. Оба были в лиловых облачениях, украшенных жемчугом митрах и с распятиями в руках. За ними следовали монахи в черных плащах с капюшонами, каждый с зажженной свечой.

— Мы можем начинать — если вы готовы...— сказал Арилан.

Лиловая сутана необыкновенно сочеталась с его фиалковыми глазами; при свете свечей таинственно мерцал аметист в его перстне.

Морган и Дункан, поклонившись, последовали за процессией. На город опускалась ночь.

В Рильском ущелье было уже темно, когда Дерри и его конвоиры наконец достигли Кардосы. Дерри привязали к седлу — как багажный тюк, и он был уверен, что это сделали, чтобы еще сильнее унизить его. Полпути, пока ехали в гору, его голова свешивалась со спины лошади, ему было холодно, он весь промок. Всякий раз, когда переходили вброд реку, его голова оказывалась под водой. Руки, связанные поводьями, затекли и опухли, ноги превратились в ледышки.

Но людей, сопровождавших его, это ничуть не беспокоило. Лишь когда они остановились в маленьком темном дворе, веревки, связывавшие Дерри, перерезали, и он свалился с седла. Его раненое плечо сильно болело, и он чуть не потерял сознание от боли. Дерри едва стоял на ногах и был почти рад, что стражники поддерживают его с двух сторон.

Дерри попытался осмотреться, надеясь, что это поможет ему забыть о боли. Они находились в Эсгаир Ду — неприступной черной крепости, преграждавшей дорогу в Кардосу. Дерри видел только огромный крепостной вал, но больше ничего разглядеть

ему не удалось, так как двое солдат в белых фурстанских мундирах подошли и взяли его у конвойных — прикосновение их грубых пальцев опять доставило ему жуткую боль.

Он старался запомнить дорогу — бесчисленные переходы и повороты, по которым его вели, но ноги плохо повиновались ему, боль была слишком сильной, а дорога слишком запутанной, и он почти ничего не запомнил. Они дошли до обитой железом двери, один солдат втолкнул его в комнату, другой запер дверь ключом. Вспомнить, как он добрался от двери до кресла и опустился в него, Дерри потом тоже не мог.

Конвойные привязали его руки к ручкам кресла и ушли. Постепенно боль ослабела, и Дерри открыл глаза, заставляя себя осмотреть комнату.

Это была одна из отборных темниц в Эсгаир Ду. При свете факелов он разглядел, что пол покрыт соломой. Стены не были сырыми, это его весьма удивило и обрадовало — он почему-то больше всего боялся сырости тюремных стен.

И все-таки его окружали стены темницы, и в них там и сям были вставлены железные кольца, а на кольцах — цепи и другие приспособления, о предназначении которых он предпочитал не думать. Еще он разглядел какой-то обитый кожей сундук, производивший довольно зловещее впечатление: было совершенно неясно, зачем он здесь. На сундуке поблескивал какой-то металлический значок, бросавшийся в глаза на гладкой черной коже. Но свет был слишком тусклым, а сундук находился слишком далеко, Дерри так ничего и не разобрал, однако понял, что сундук находится здесь не случайно и что ему совсем не хочется встречаться с его владельцем. Оторвав от него глаза, он продолжил осмотр комнаты.

Вдруг он понял, что здесь есть окно, почти незаметное в сумеречном свете. Дерри присмотрелся: узкое и высокое, несколько футов в глубину и не больше десяти дюймов в ширину, окно было зарешечено; даже если бы он мог подойти к нему, через эту узкую щелочку ему ничего бы не удалось разглядеть. Кроме того, он, пожалуй, даже не смог бы дотянуться до окна — на гладко обтесанных камнях стены не было ни единой выщербинки.

Дерри еще раз окинул взглядом темницу и вздохнул. Да, отсюда не уйти. Все это навевало мысли о самоубийстве — но он понимал, что мертвым не принесет уж совсем никакой пользы.

А если будет жив — может быть, сумеет уйти или хотя бы передать Моргану, пока не поздно, то, что ему довелось узнать.

А что он скажет герцогу Аларику, если успеет? Дерри задумался. Что ж, хорошо, пока у него не сняли с шеи медальон святого Камбера, еще есть возможность связаться с Морганом и сообщить все самое важное.

Он рассчитал в уме, когда герцог ожидает связи с ним, осознавая, что может случиться, если он будет небрежен. Он должен был это сделать — должен, хотя не представлял, как это ему удастся в его нынешнем состоянии.

Глубоко вздохнув и помолившись, чтобы ему было даровано время сделать то, что он должен, Дерри попытался принять более удобную позу и сосредоточиться на медальоне. Морган говорил ему, что нужно взять медальон в руки, но сейчас это было, разумеется, невозможно, и он надеялся, что хотя бы прикосновение медальона к коже груди как-нибудь поможет ему.

Вот он. Дерри почувствовал медальон чуть левее середины груди. Только бы получилось...

Дерри закрыл глаза, попытался представить себе медальон, вообразить, что он у него в правой руке. В его мыслях возникли слова заклинаний, которым учил его Морган. Он ощутил, как в его пустой ладони словно бы ожило воспоминание о медальоне Камбера, и стал погружаться в забытье; его тело ощутило приятную прохладу — это были первые признаки транса. И вдруг Дерри с ужасом услышал скрип дверных петель и шаги. За спиной у него появился кто-то с факелом, и он с трудом удержался, чтобы *не повернуть голову и не посмотреть, кто там.*

— Хорошо, я позабочусь об этом,— сказал холодный, учтивый голос.— Диган, у вас еще что-нибудь?

— Только депеша от герцога Лионеля, государь,— подобострастно ответил второй голос.

Дерри услышал хруст разламываемой печати и шелест пергамента. Он ощутил холодок в желудке, услышав эти слова,— потому что только одного человека могли звать в Эсгаир Ду «государь». Не успел он осознать этот печальный факт, как в темницу вошел кто-то еще и на стену легла огромная устрашающая тень. Сердце Дерри оборвалось. Он понимал, что размеры тени не соответствуют настоящему росту ее владельца, и все-таки его охватил дикий ужас. Каждым уголком своего сознания Дерри знал и

то, что один из этих людей — Венцит Торентский, а это значит, что теперь с Морганом не связаться.

— Я разберусь с этим, Диган. Оставьте нас,— произнес ровный голос.

Судя по звуку, пергамент сложили, потом кто-то, поскрипывая кожей ремней, направился к двери. Дверь со щелчком закрылась, свет факела сдвинулся влево, но приближались к Дерри с правой стороны.

Мягкий звук шагов по соломе отзывался в голове Дерри, как бой сотен колоколов.

Глава XII

*«НЕ ОТДАЛЯЙТЕСЬ ОТ МЕНЯ, ИБО СКОРБЬ БЛИЗКА, А СООБЩНИКА НЕТ»**

Церемония возвращения в лоно Церкви двоих заблудших Дерини в соборе Святого Сенона в Дхассе была в самом разгаре. После того как вся процессия, состоящая из восьми епископов и бессчетного числа священников, монахов и служек, вошла в собор, Морган и Дункан торжественно предстали перед Кардиелем и публично заявили о своем покаянии. Затем оба они преклонили колени на первой ступени алтаря, слушая, как Кардиель, Арилан и другие читают традиционные слова, которые обычно произносятся в подобном случае.

Настал опасный момент, требующий большого внимания, так как им обоим следовало вовремя отзываться на замысловатые слова литургии, которые то говорились, то пелись. Наконец началась часть службы, когда обоим кающимся почти не нужно было ничего делать и говорить. Они избегали смотреть друг на друга; рядом с каждым из них стояло по два монаха, в сопровождении которых они и поднялись на широкое возвышение перед самым алтарем. Там они пали ниц и должны были лежать распростертыми на ковре, пока продолжалась эта часть церемонии.

— Благослови, Господи, раба Твоего,— говорил Кардиель,— да не забудется благостыня Господня: злозаконие твое простившего, прегрешения твои искупившего...

---

* Псалтырь 22:11.

Пока епископ бубнил, Морган пошевелился, повернул голову, лежащую на сложенных вместе ладонях, и немного переместил руку, на которой был перстень, так, чтобы увидеть грифона. Сейчас, пока епископы поглощены службой, у него было время попробовать связаться с Дерри, только быстро. Если у Дерри все в порядке и он выйдет на связь, то можно хотя бы назначить другое время для контакта. Позже вечером обстоятельства будут более благоприятны для этого.

Он приоткрыл глаза и увидел, что Дункан наблюдает за ним и что никто, кажется, не обращает на них внимания. У него было пять минут в запасе, и Морган рассчитывал, что этого достаточно.

Закрыв глаза, он почувствовал легкий толчок — это Дункан дал знать, что он тоже готов. Морган снова приоткрыл глаза и сконцентрировал взгляд на перстне с грифоном. Вскоре он перестал обращать внимание на огоньки свечей, на бормотание епископов, на пряный запах ладана, витающий вокруг, на жесткий ворс ковра под подбородком. Наконец он вошел в начальную стадию Тиринского транса, который позволял ему вступить в мысленный контакт с Дерри.

— Против тебя, тебя одного согрешил я и принес тебе зло, о Господи. На суд Твой предаю себя днесь, и да будет воля Твоя,— продолжал Кардиель.

Но Морган его уже не слышал.

Два человека молча приближались к Дерри — один справа, другой — слева. Дерри изо всех сил держал себя в руках, стараясь ничем не выдать своего страха. Тот, что подошел слева, был высок и смуглолиц. Его ястребиный профиль был изуродован ужасным шрамом, тянущимся от носа и теряющимся в ровных, ухоженных усах. Темные волосы на висках были тронуты сединой, бледно-серые глаза казались серебристыми в факельном свете. Это он внес факел, свет которого так напугал Дерри несколькими минутами раньше, и это его тени Дерри испугался сначала, когда тот укреплял свой факел на стене рядом с другим.

Но это был не Венцит. Дерри это понял сразу, едва взглянув на второго вошедшего, который приблизился к нему справа и остановился напротив кресла, где он сидел. Он разительно отличался от высокого человека со шрамом, хотя тоже был высок. В этом угловатом человеке таилась какая-то звериная грация. Рыжие волосы, усы и борода придавали его облику что-то лисье.

Светло-голубые глаза смотрели на молодого человека, который неподвижно сидел напротив него. Венцит был одет по-домашнему. Из-под просторной шелковой мантии янтарного цвета виднелся батист куртки того же золотистого оттенка. На широком поясе из золотых колец висел кинжал, рукоятка которого была усыпана драгоценными камнями. Длинные тонкие пальцы были унизаны кольцами, но других украшений на нем не было. Коричневые бархатные туфли с загнутыми носками, расшитые золотом, выглядывали из-под мантии. Насколько мог судить Дерри, кинжал был единственным оружием Венцита, однако это мало успокаивало.

— Итак,— произнес человек.

Именно этот голос Дерри слышал несколько минут назад и не ошибся — он принадлежал Венциту.

— Итак, вы и есть тот самый знаменитый Шон лорд Дерри. Вы знаете, кто я такой?

После некоторого колебания Дерри слегка кивнул.

— Великолепно,— сказал Венцит довольно дружелюбно.— Однако я не уверен, что вы раньше встречали моего товарища, поэтому представлю его — Ридон из Восточной Марки. Это имя вам, должно быть, знакомо.

Дерри взглянул на другого человека, небрежно прислонившегося к стене слева от него, и тот приветливо кивнул. Ридон был одет так же, как и Венцит, но вместо янтарного и золотого цветов в его одеянии преобладали полночно-синий и серебряный. Его темная фигура производила гораздо более зловещее впечатление; казалось, что его-то и надо бояться, что Венцит в сравнении с ним слишком мягок и неспособен на жестокость. Но Дерри понимал, что не стоит доверять этому ощущению. Венцит опаснее десяти Ридонов, хотя Ридон, по слухам, как Дерини обладает большим могуществом. Нельзя ни на миг терять бдительности. И опасаться нужно прежде всего Венцита.

Венцит пристально наблюдал за своим пленником и, заметив, какое впечатление произвел на того мрачный его спутник, засмеялся и скрестил руки на груди. Какой-то странный звук заставил Дерри насторожиться. Венцит продолжал улыбаться. От его внимания не ускользнуло и то, что его смех беспокоит Дерри больше, чем суровое молчание.

— Шон лорд Дерри,— задумчиво проговорил Венцит,— я наслышан о вас, мой юный друг. Мне известно, что вы — ближай-

ший помощник Аларика Моргана, а сейчас и в этом... королевском, если так можно выразиться, совете заседаете. Ну, не прямо сейчас, разумеется.— Он взглянул на Дерри и увидел, как тот прикусил губу.

— Да, Шон лорд Дерри, наслышан я и о вашей, так сказать, дерзости. И сдается мне, что очень скоро нам представится случай выяснить, насколько верны эти слухи. Расскажите-ка о себе, Дерри.

Дерри постарался ничем не выдать свой гнев, но догадался, что это ему не очень удалось. И все-таки пусть Венцит увидит, что с ним не так просто справиться. Если он думает, что Дерри сдается без борьбы, то...

Венцит сделал шаг вперед, и Дерри застыл. Тяжело вздохнув, он заставил себя твердо встретить взгляд чародея и был удивлен, когда Венцит чуть-чуть отступил назад. Ему было страшно смотреть на то, как Венцит поглаживает рукоятку кинжала.

— Ну что,— произнес Венцит, вытаскивая кинжал и ловко вертя его в пальцах,— вы явно вздумали мне перечить, а? Считаю своим долгом предупредить: с меня довольно. После всех тех рассказов о вас я начал было опасаться, что вы меня разочаруете. А я так не люблю разочарований.

Не успел Дерри как-то ответить на эти слова, как Венцит неожиданно приблизился и приложил острие кинжала к его горлу. Он некоторое время внимательно всматривался в лицо Дерри, потом усмехнулся и, переместив кинжал к верхней застежке его куртки, перерезал кожаный ремешок. Дерри сначала уставился на обрезок, а потом безучастно смотрел, как Венцит, медленно продвигаясь вниз вдоль ряда застежек, перерезал их по очереди.

— Знаете ли вы, Дерри,— вжик, вторил клинок,— я всегда удивлялся,— вжик,— как это Аларик Морган добивается такой преданности от своих соратников,— вжик,— или этот Келсон и его предшественники, эти странные Халдейны,— вжик,— немногие, между прочим, могут позволить себе вот так вот сидеть передо мной, как вы, и отказываться от беседы, зная, какие это сулит неприятности,— вжик,— не каждый сможет сохранять верность своему сеньору, даже если тот далеко-далеко и нет никакой надежды, что он придет на помощь.

Клинок Венцита зацепил очередную застежку уже на уровне груди и чуть было ее не перерезал, но тут на что-то наткнулся,

лязгнул металл о металл. Венцит приподнял бровь и с притворным удивлением воззрился на Дерри.

— А это что такое? — спросил он, задумчиво склонив голову.— Дерри, мой кинжал на что-то наткнулся, что там? — Он попытался сделать разрез ниже, но снова раздался металлический лязг.

— Как ты думаешь, Ридон, что у него там?

— Понятия не имею, сэр,— пробормотал тот, отделившись от стены и лениво приблизившись к Дерри с другой стороны.

— И я тоже,— промурлыкал Венцит и, зацепив кинжалом цепочку, начал осторожно вытягивать ее, пока не показался тяжелый серебряный медальон.

— Это амулет? — спросил Венцит. Уголки его губ чуть дрогнули.— Ридон, как трогательно. Он носит его у самого сердца.

— Интересно посмотреть,— хихикнул Ридон,— от какого это святого он надеется получить защиту, сэр. Мы-то знаем, что от вас никто не защитит.

— Правильно,— согласился Венцит; разглядывая медальон, он поднес его к самому носу.— Святой Камбер?

Глаза его потемнели, когда он поднял тяжелый взгляд на Дерри, и у того сердце оборвалось. Венцит принялся медленно и сосредоточенно разглядывать слова, выгравированные по краю диска. С оттенком презрения в голосе он произнес по слогам:

— «Сохрани нас от всякого зла...»

Венцит с силой сжал в кулаке серебряный диск и потянул за цепочку, приблизив лицо Дерри прямо к своему.

— Ты что, Дерини, малыш? — прошептал он, и Дерри холодом пробрало от этого шепота.— Ты ждешь помощи от святого Дерини, мой маленький глупенький друг. Ты что же, думаешь, что он защитит тебя от меня?

Венцит стал закручивать цепочку, и Дерри начал задыхаться.

— Не хочешь отвечать, малыш?

Дерри казалось, что эти ужасные глаза пронизывают его душу, и молодой лорд-гофмейстер, вздрогнув, отвел взгляд. Он услышал, как Венцит презрительно фыркнул, но так и не смог заставить себя вновь посмотреть в эти вызывающие глаза.

— Ну ладно,— тихо пробормотал Венцит.

Цепочка еще сильнее врезалась Дерри в кожу, и тут Венцит резким движением разорвал ее — голова Дерри откинулась назад, он вскрикнул от боли.

Остатки цепочки, раскачиваясь, свешивались с белых длинных пальцев колдуна. Шея у Дерри горела. Зато внутри у него все похолодело, когда он осознал, что Венцит завладел медальоном Камбера. Теперь ему не на что больше надеяться. Защитные чары разрушены. Он остался один. И Морган никогда ни о чем не узнает. Он тяжело вздохнул и безуспешно попытался успокоить свое сердце, рвущееся из груди.

Когда долгая молитва закончилась, Морган вернулся из глубин транса и открыл глаза. Нужно было собраться с силами: сейчас ему предстоит встать и продолжить церемонию, давая связные ответы. Никто не должен догадаться, что последние пять минут с ним творилось что-то необычное. Нельзя возбудить ни малейшего подозрения.

Моргану казалось, что он коснулся сознания Дерри, правда, он не был вполне уверен в этом. Было похоже, что Дерри старался прорваться к нему, но его прервали. А когда он попытался проникнуть глубже, то в сознании его возникло на миг чувство дикого страха — но понять, чем был вызван этот ужас, он не успел.

Он успокоился, призвав на помощь силы Дерини, снимающие усталость, и заставил себя поднять голову и встать на колени, когда к нему подошли священники. Заметив, что Дункан выжидающе смотрит на него, он оправил лиловую мантию, надетую поверх белой туники, и осторожно, одними глазами попытался ободрить кузена, но тот все-таки понял: что-то не так, ибо прочел тревогу на лице кузена, преклонившего колени перед высоким алтарем. Морган снова старался собраться с мыслями, когда Кардиель начал новую молитву.

— Ego te absolve... Отпускаю тебе грехи, Аларик Морган, прощаю, и освобождаю тебя от обвинений в ереси и ото всех остальных обвинений и наказаний, которым ты подвергся. Сим возвращаю тебя в лоно Матери нашей, Святой Церкви.

Морган воздел руки в благочестивом жесте, как того требовал обычай, думая о том, что, если ему не удалось ничего понять за эти короткие минуты контакта, он должен попробовать еще раз, потому что, судя по всему, с Дерри произошло что-то страшное.

Но что? И насколько глубоко он может погрузиться в транс сейчас, находясь в соборе?

Два священника снова подхватили его под локти, помогая подняться. Слева от него так же помогли подняться с колен Дункану. Морган взошел на одну ступеньку и снова преклонил колени, так же поступили и Дункан по левую руку от него, и Кардиель, стоящий перед ними. Настало время главной части церемонии — возложения рук. Морган склонил голову и постарался ни о чем не думать, чтобы все-таки, несмотря ни на что, отвечая на вопросы, не ударить в грязь лицом. Он прислушивался к древним словам, слетающим с уст Кардиеля, простертые руки которого медленно опускались на их головы.

— Dominus Sanctus, Patri Omnipotenti, Deus Aeternum... Боже Святый, Отче Всемогущий, Господь небесный, да снизойдет на землю благодать Твоя, мы, рабы и слуги Твои, просим и умоляем Тебя, дабы снизошел Ты и выслушал мольбы наши, и отпустил бы грехи, и простил бы преступления сиих рабов Твоих, Аларика Энтони и Дункана Говарда, и даровал бы им в горестях прощение, в страданиях — утешение и жизнь вечную.

Кардиель возложил руки на их склоненные головы.

— Да отпустятся многие грехи их, да не будут лишены они Царствия Небесного и бытия нетленного. Аминь.

Потом послышалось шарканье множества ног и покашливание. Пока участники церемонии поднимались с колен, Морган и Дункан отошли в сторону. Теперь предстояла благодарственная служба в ознаменование их возвращения в лоно Церкви. Морган незаметно покосился на Дункана, когда они заняли свое место у молитвенного столика, где и должны были провести оставшуюся мессу, и понял, что тот тоже старается встретиться с ним взглядом. Наконец они опустились на колени рядом друг с другом.

— Что-то случилось,— еле слышно прошептал Морган,— я не знаю, что именно, и должен это выяснить... Для этого мне нужно поглубже войти в транс. И если я слишком забудусь, отрешусь от того, что происходит здесь, помоги мне прийти в себя; а может, придется воспользоваться той уловкой, о которой мы говорили раньше. Я просто притворюсь, что в обмороке, если это будет необходимо.

Дункан кивнул и мрачным взглядом обвел собор.

— Хорошо, я прикрою тебя. Но будь осторожен.

Морган улыбнулся, прижал руки к лицу и закрыл глаза.

Он вошел в начальную стадию Тиринского транса и сразу стал погружаться все глубже и глубже.

Венцит разжал кулак, еще раз взглянул на медальон и передал его Ридону, который молча спрятал его в кошелек на поясе. Чародей внешне был спокоен и собран, но Дерри уловил на его лице тень раздражения, беспокойства. Факелы бросали багровые отблески на волосы Венцита, делая еще более зловещим хищный лик, и Дерри вдруг понял, что на карту поставлена его жизнь. Он понял еще, что если сейчас что-нибудь не произойдет, то Венцит, конечно же, убьет его без долгих раздумий, когда он больше не будет нужен ему. Дерри снова почувствовал на себе взгляд Венцита и твердо посмотрел ему в глаза, одолев ужас, охвативший его душу.

— Ну,— начал Венцит зловеще-спокойным тоном,— интересно, что нам делать с этим лазутчиком, Ридон? К нам пробрался шпион. Убить его, что ли? — Он вцепился в ручки кресла и склонился над Дерри, приблизив к его лицу свое.— Или, может быть, скормим его карадоту? — задумчиво продолжил Венцит.— Ты, лордишка, знаешь ли, кто такой карадот?

Дерри вздрогнул, но не произнес ни звука, не доверяя своему голосу.

Венцит засмеялся.

— Так ты не знаешь, кто такой карадот? Какой пробел в твоем образовании! Боюсь, что Морган совсем упустил это из виду. Покажи-ка ему карадота, Ридон.

Ридон кивнул, подошел к Дерри поближе, встал слева от него и с чрезвычайно равнодушным видом начал выводить в воздухе указательным пальцем замысловатые знаки. При этом он бормотал себе под нос слова древнего заклинания на незнакомом языке. Воздух под его пальцами потрескивал, появился отвратительный запах серы.

И вдруг перед Дерри появилось словно из самой преисподней жуткое существо, какой-то воплощенный беспредельный ревущий ужас, малиновый и зеленый, с разинутой зловонной пастью и извивающимися щупальцами, что приближались и приближались к глазам юноши.

Дерри закричал, зажмурился и отчаянно забился в путах, пытаясь разорвать их, почувствовав на своем лице смрадное дыхание чудовища. Он слышал страшное рычание, чувствовал страшный жар, вырывающийся из его ноздрей.

Внезапно наступила мертвая тишина и повеяло свежестью. Дерри открыл глаза и увидел Ридона с Венцитом, которые насмешливо смотрели на него. В серебристых глазах Ридона все еще мерцала какая-то мрачная сила.

Дерри судорожно хватал ртом воздух, с ужасом глядя на колдунов. Венцит скривил губы и, снисходительно ухмыльнувшись, повернулся к Ридону, отвесив ему шутливый короткий поклон.

— Спасибо, Ридон.

— Всегда к вашим услугам, сэр.

Дерри снова вздрогнул, не в силах произнести ни звука, и попытался прогнать темный ужас, охвативший каждый уголок его сознания. Он убеждал себя, что его не отдадут этому чудовищу, хотя бы до тех пор, пока не вытянут из него все, что их интересует, но и от этой мысли не стало легче. Однако постепенно его прерывистое дыхание успокоилось, и он с огромным усилием поднял голову.

— Ну что, мой юный друг,— ласково заговорил Венцит, снова склоняясь над ним,— скормить тебя карадоту? Или поищем тебе лучшее применение? Мне показалось, что наш маленький любимец тебе не понравился. А вот ты, я уверен, ему очень даже по вкусу пришелся.

Дерри проглотил слюну, стараясь сдержать подступавшую тошноту. Венцит усмехнулся.

— Что, не нравится? А ты, Ридон, как думаешь?

— Мне кажется, сэр, мы можем лучше распорядиться его судьбой,— холодно ответил Ридон.— Мне эта идея нравится не меньше, чем вам, но мы не должны забывать, что Шон лорд Дерри знатного рода и благородной крови. Вряд ли карадоту пристало есть такую пищу, вы согласны?

— Но эта тварь явно к нему неравнодушна,— произнес Венцит и с довольным видом ухмыльнулся, когда Дерри отпрянул от него при этих словах.— Впрочем, ты, несомненно, прав. Живой Шон лорд Дерри представляет для нас сейчас гораздо большую ценность, чем мертвый, хотя сам он, возможно, еще не раз об этом пожалеет.— Он скрестил руки на груди и зловеще смерил Дерри взглядом.

— А теперь ты нам расскажешь все, что тебе известно о военных и о магических силах Келсона. А когда закончишь, перейдем к твоему Моргану — ты и о нем расскажешь нам все.

Дерри в негодовании выпрямился, в его голубых глазах сверкнул вызов.

— Да ни за что! Я не выдам...

— Хватит,— оборвал его Венцит и с угрожающим видом приблизился к нему.

На какое-то время Дерри встретился взглядом с его ужасными глазами, что расплывались, казалось, как капли расплавленного сапфира. Потом он отвел взгляд, отвернулся и крепко зажмурился в отчаянии: Венцит — он внезапно догадался об этом — Венцит пытался читать его мысли. Выдержать этого он не мог.

Дерри решился приоткрыть глаза и увидел, что Венцит выпрямился, немного удивленный, нахмурив рыжеватые брови. Несколько секунд чародей не спускал с него подозрительного взгляда, а затем повернулся, отошел к правой стене и приподнял крышку обитого кожей сундука. Он долго копался в нем, прежде чем нашел то, что искал. Когда он выпрямился, в руке у него был небольшой пузырек с молочно-белой жидкостью. Он взял другой сосуд, глиняный, и добавил из него в первый четыре золотые прозрачные капли. Белая жидкость сделалась кроваво-красной, она сверкала и переливалась, когда Венцит поднес ее к факелу. Он вернулся к своему пленнику, медленно перемешивая содержимое сосуда плавными круговыми движениями.

— Очень жаль, что ты не хочешь помочь нам, мой юный друг,— сказал Венцит, облокотившись о спинку кресла и рассматривая жидкость на свет, словно любуясь ею.— Но, мне кажется, у тебя нет выбора, равно как и у меня. Они тебя неплохо вооружили, этот Морган со своим выскочкой-принцем, однако, к сожалению, могущество, полученное от Дерини, так же ограничено, как и силы самих Дерини. К сожалению для тебя, конечно. Содержимое этого флакона лишит тебя всякой защиты.

Дерри судорожно сглотнул, в горле у него пересохло, он не отрывал глаз от пузырька.

— Что это? — с трудом прошептал он.

— О, в тебе еще сохранилось любопытство? Откровенно говоря, если я и скажу, то ты узнаешь что-то новое. Это — обычная мераша и еще кое-что...— Он усмехнулся, увидев, как Дерри сжал зубы, полный тревожных предчувствий.— О мераше ты, видимо, что-нибудь слышал? Ну, не важно. Ридон, подержи его голову.

Дерри испуганно дернулся, в попытке уклониться от рук другого Дерини, но было слишком поздно. Ридон уже сжимал его голову словно в железных тисках, крепко прижав ее к груди. Он

знал, на какие точки нужно надавить, чтобы Дерри, беспомощный как младенец, открыл рот.

Багровая жидкость потекла ему в глотку, опалив язык. Он захлебывался, пытался ее выплюнуть, но Ридон заставил его сделать глоток. И когда он проглотил это зелье, в голове все помутилось; он глотал и глотал отраву, хотя страшно не хотел этого делать, а потом его стал душить неистовый кашель.

Язык у него онемел, он почувствовал металлический привкус во рту и огонь в легких. Он кашлял и тряс головой, чтобы в ней прояснилось, и делал тщетные попытки вызвать рвоту, но все было бесполезно. Когда кашель прекратился и жжение пропало, он почувствовал, как у него все поплыло перед глазами. В ушах гудело так, как будто ураганный ветер вырывал его из пространства и времени. Цвета слились и померкли, в глазах у него потемнело. Дерри попытался было поднять голову, но это оказалось ему не под силу. Он попытался смотреть в одну точку, но и это не получилось. Голова его бессильно склонилась к правому плечу. Он слышал, как ненавистный голос бормочет какие-то знакомые слова, но понять их уже не мог.

А потом наступила тьма.

Месса подходила к торжественному завершению, и в соборе установилась полная тишина. В эти мгновения Морган предпринимал отчаянные попытки прийти в себя. Тьма, поглотившая Дерри, задела и его, хотя он так и не смог определить ни источника, ни причины ее возникновения. Он только и понял: с Дерри случилось что-то ужасное. Но больше ему ничего не удалось выяснить. Морган с трудом вырвался из этого ужаса; приходя в себя, он пошатнулся над молитвенным столиком, и Дункан, заметив, как дрогнул столик, украдкой тревожно посмотрел на кузена, внешне оставаясь спокойным.

— Что с тобой, Аларик? — чуть слышно спросил он, а в глазах его застыл вопрос: «Ты притворяешься или в самом деле так худо?»

Морган вздохнул и покачал головой. Он старался взбодриться, однако недавние усилия и продолжительный пост сделали свое дело: он никак не мог окончательно прийти в чувство. Он понимал, что ему нужно на это время, как понимал и то, что не располагает им здесь, среди людей, которые только и ждут от него подвоха.

Морган хотел было встать и бессильно оперся на руку Дункана, так как у него вновь закружилась голова; он понял, что еще долго не сможет выкарабкаться из этой мглы.

Дункан, заметив, что кое-кто из епископов подозрительно поглядывает в их сторону, наклонился к самому уху Моргана.

— Аларик, на нас смотрят. Если тебе на самом деле нужна помощь, скажи. Епископы... Ой-ой-ой, Кардиель остановил мессу. Он идет сюда!

— Держи меня,— прошептал Морган, закрыв глаза и покачнувшись.— Мне и впрямь плохо, будь осторо...

С этими словами он вцепился в плечо Дункана и потерял сознание. Дункан уложил кузена на пол, коснулся пальцами его лба и, подняв глаза, увидел Кардиеля, Арилана и еще двух епископов, которые склонились над ними с весьма озабоченным видом. Дункан понял, что должен как можно скорее рассеять их подозрения.

— Это все голодание. Он к этому не привык,— проговорил Дункан, склонившись над кузеном, лишившимся чувств, чтобы ослабить ему воротник.— Кто-нибудь, пожалуйста, принесите вина. Нужно как-то подкрепить его силы.

Монаха послали за вином; в суматохе Дункан исхитрился заглянуть в сознание Моргана, и теперь не оставалось никаких сомнений — тот действительно был в обмороке. Лицо его побледнело, пульс был слабый и прерывистый, дыхание поверхностное. Он мог бы прийти в себя сам, но не так быстро, а Дункан не хотел, чтобы сцена эта слишком затягивалась. Над Морганом склонился Кардиель и взял его руку, чтобы нащупать пульс.

Несколько местных баронов и военных, стоящих ближе к алтарю, покинув свои места, тоже столпились вокруг Моргана. Вид у многих был зловещий, кое-кто из них уже схватился за рукоятки мечей и кинжалов. Чтобы избежать осложнений, необходимо было немедленно успокоить людей.

С озабоченным видом Дункан, а он действительно очень беспокоился, сжал ладонями виски Моргана, всматриваясь в его лицо и произнося про себя заклинание Дерини, снимающее утомление. Он почувствовал, что Морган приходит в себя, задолго до того, как безжизненное тело шевельнулось. Затем Аларик застонал и повернул голову, веки его затрепетали — сознание возвращалось к нему. Монах вернулся с чашей вина. Дункан приподнял голову Моргана и поднес чашу к его губам. Морган медленно открыл глаза.

— Выпей это,— приказал ему Дункан.

Морган смиренно кивнул и отпил несколько глотков, обхватив чашу с обеих сторон поверх рук Дункана. Затем он провел рукой по глазам, словно прогоняя тревожные воспоминания, а другой рукой незаметно сжал пальцы Дункана, и тот понял, что опасность миновала. Морган уже вполне владел собой. Он сделал еще глоток вина, подержал его во рту и, решив, что оно чересчур сладкое, отставил чашу в сторону и сел. Епископы стояли над ними с обеих сторон, взирая одновременно с беспокойством, негодованием и подозрением, а несколько баронов столпились у самой ограды алтаря, чтобы послушать, чем же Морган объяснит случившееся.

— Простите меня, господа, ничего страшного,— пробормотал он прерывающимся от усталости голосом.— Боюсь, что я просто не выдержал непривычного для меня поста.

Он произнес это с глубоким огорчением, тяжело вздохнул и опустил глаза. Епископы дружно закивали — голодный обморок, все понятно. Можно было даже предположить, что герцог Корвинский лишится чувств во время мессы. Кардиель наклонился и утешительно похлопал Моргана по плечу, а затем направился успокаивать баронов и военачальников, окаменевших в напряженном ожидании. Арилан еще несколько секунд пристально смотрел на кузенов, снова преклонивших колени, и, только когда Кардиель поднялся на алтарь, тоже вернулся на свое место. Морган и Дункан заметили его колебания и обменялись тревожными взглядами.

Месса возобновилась и дальше шла своим чередом, без каких-либо неожиданностей. Оба кающихся грешника получили причастие, отзвучали последние молитвы, и наконец толпа священников и горожан покинула собор. Только оба Дерини, Кардиель и Арилан задержались в ризнице.

Арилан вошел в ризницу в полном облачении. Дождавшись, когда остальные священнослужители закончат свои дела и выйдут, он снял свою митру, украшенную драгоценными камнями, не спеша подошел к двери и запер ее на засов.

— Вы ничего не хотите мне сказать, герцог Корвинский? — холодно спросил он, стоя у дверей и не поворачивая головы.

Морган взглянул на Дункана, потом на Кардиеля, который молча стоял в стороне и во всем его виде чувствовалась какая-то скованность.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, милорд,— осторожно ответил Морган.

— А что, герцог Корвинский всегда имеет обыкновение падать в обморок во время мессы? — повернулся Арилан и взглянул в лицо Моргану холодными фиалковыми глазами.

— Я... Я уже говорил, милорд, я не привык поститься. В моем доме это не принято. Вдобавок перед мессой мы три дня очень мало спали, очень мало ели...

— Не разыгрывайте комедию, Аларик! — оборвал его Арилан, подходя к Моргану и впиваясь в него взглядом.— Вы нарушили свое слово этой ночью. Вы солгали нам. Вы пользовались магией Дерини прямо в соборе, хотя мы запретили вам это, вам обоим! Надеюсь, вы сможете дать всему этому достойное объяснение?

Глава XIII

*«Я РАСПОЛОЖУСЬ СТАНОМ ВОКРУГ ТЕБЯ, СТЕСНЮ ТЕБЯ СТРАЖЕЮ НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ»**

Морган, не дрогнув, выдержал взгляд Арилана и немного погодя медленно кивнул.

— Да, этой ночью я пользовался своим могуществом. У меня не было выбора.

— Не было выбора? — переспросил Арилан.— Вы осмелились нарушить обещание, рискуя сорвать все наши усилия за несколько последних недель только из-за своего своеволия, и вы говорите, что у вас не было выбора? — Он перевел взгляд на Дункана.— А вы, Дункан? Вы же священник, и я считал, что ваше слово значит для вас несколько больше. Я полагаю, у вас тоже не было выбора?

— Мы делали то, что должны были сделать, ваше преосвященство. Если бы не было веских причин, мы никогда не осмелились бы нарушить наших обещаний.

* Исайя 29:3.

— Если причины были столь уж серьезны, вы могли сообщить об этом мне. Мы с Кардиелем взялись за это дело и должны иметь представление о том, что происходит. Мы не можем позволить, чтобы вы вытворяли подобное, да еще без нашего ведома.

Морган с трудом удержался от резкости.

— Вы бы обо всем узнали в свое время, милорд. Так уж вышло, что нам пришлось действовать на свой страх и риск. Если бы вы были Дерини, вы бы нас поняли!

— Если бы я?..— шепотом переспросил Арилан и прикрыл глаза.

Он вдруг отвернулся и сцепил руки. Морган бросил взгляд на Дункана. Потом он недоуменно посмотрел на Кардиеля, лицо которого стало белее белоснежного стихаря; он не спускал глаз с Арилана. Прежде чем Морган успел понять, чем вызвано такое смятение в епископах, Арилан снова повернулся, сделал два широких шага и встал перед герцогом, положив руки на пояс.

— Ну что ж, Аларик. Не думал я, что нам с вами придется говорить на эту тему, но, очевидно, пришло время. Вы что же, думаете, что вы с Дунканом — единственные Дерини на свете?

— Единственные... Кто? — Морган похолодел, неожиданно догадавшись, почему Кардиель так странно смотрел на своего собрата.— Вы... вы...— забормотал он.

Арилан кивнул.

— Верно. Я тоже Дерини. А теперь скажите, мог я не понять, что вы там делали сегодня вечером?

Морган лишился дара речи. Недоверчиво качая головой, он сделал несколько шагов назад, наткнулся на кресло и упал в него, не в силах отвести взгляда от епископа-Дерини. Дункан смотрел на Арилана из противоположного угла ризницы и слегка покачивал головой, словно изумляясь тому, как сложились две части головоломки, которые давно уже не давали ему покоя,— а он и не предполагал, что вместе они явят такую вот картину. Кардиель молчал. Арилан отвернулся и с едва заметной улыбкой принялся снимать облачение, посматривая на присутствующих краем глаза.

— Ну так что вы молчите? Дункан, вы наверняка о чем-то подозревали. Что, хороший из меня актер?

Дункан покачал головой, стараясь говорить помягче:

— Один из лучших, которых я только видел, ваше преосвященство. Я на собственном опыте знаю, как тяжело всю жизнь

обманывать окружающих, как тяжело хранить тайну. Но скажите, вас не мучило, что вы остаетесь безучастным, когда вокруг страдают и умирают такие же, как вы? Вы были в силах помочь им, Арилан. Но вы ничего не сделали.

Арилан потупил взгляд, потом снял епитрахиль и, прежде чем ответить, прикоснулся к ней губами.

— Я сделал все, что мог, Дункан. Я бы сделал больше, но... вы-то знаете, как это нелегко — быть одновременно и Дерини, и священником, я уверен, вы поймете меня. Насколько я знаю, мы с вами — единственные за несколько столетий Дерини, принявшие сан. Я не хотел рисковать тогда, я не был уверен, что это принесет пользу. Вы можете это понять?

Дункан молчал, и Арилан примирительно положил руку ему на плечо.

— Я понимаю, как вам было тяжело, Дункан. Ничего, придут другие времена.

— Не знаю, может быть, вы и правы.

Тяжело вздохнув, Арилан перевел взгляд на Моргана, который за все это время так и не пошевелился. Пока священники вели этот разговор, к нему окончательно вернулось самообладание, и теперь он смотрел на Арилана с вызовом. Тот, поняв обуревавшие Моргана чувства, подошел к нему.

— Вы не можете довериться мне, Аларик? Я знаю, что ваш путь был не легче; сострадание — удел не только священников.

— А почему я должен вам доверять? — спросил Морган.— Вы обманывали нас раньше, так, может быть, и теперь, а? Чем вы докажете, что не предадите нас?

— Могу только поклясться,— устало улыбнулся Арилан.— Ах, нет, есть же еще способ. Да, я могу позволить вам кое-что, после чего вы, несомненно, поверите мне, Аларик. Я готов открыться перед вами с той, тайной стороны, если вы не боитесь. Вас, думаю, весьма удивит то, что вы увидите.

— Вы... вы хотите проникнуть в мое сознание? — выдавил Морган через силу.

— Нет, вы — в мое. Попробуйте.

Морган пришел в некоторое замешательство, но Арилан быстро опустился на колени возле кресла, где он сидел, и положил руку на подлокотник. Их руки не соприкасались, и Моргана это удивило — он всегда думал, что прочесть мысли другого можно, только касаясь человека. Арилан, похоже, считал, что это не обязательно. Морган сделал первую попытку — и необыкновенно легко вошел в сознание епископа, без труда пробираясь через вереницу образов, рожденных рассудочным, упорядоченным интеллектом. Перед ним промелькнул Арилан-семинарист, Арилан, получивший первый приход, Арилан на мартовском заседании курии, выступающий против отлучения. Там действительно было много такого, чего он никак не ожидал!

Когда Морган вернулся из этого странного путешествия, Арилан, взглянув на него снизу вверх, встал и молча продолжил переодевание. Облачившись наконец в привычную пурпурную мантию и плащ, он еще раз посмотрел Моргану в глаза, на этот раз спокойно и сухо, как будто ничего не произошло.

— Ну, пойдемте? — непринужденно спросил он, подходя к двери и отодвигая засов.

Морган растерянно кивнул и поднялся. Дункан и Кардиель, ни слова не говоря, последовали за ним к двери.

— А теперь можете рассказать нам на ходу, что случилось в соборе сегодня ночью,— предложил Арилан, простирая руки и заключая обоих в дружеские объятия.— Ко всему прочему, я думаю, мы все нуждаемся в отдыхе. На рассвете нам нужно выезжать, если мы не хотим заставить Келсона ждать.

Через два дня оба мятежных епископа засвидетельствовали свое почтение Келсону в Дол Шайе. Король тоже получил формальное отпущение грехов, освобождающее его от тени, павшей на него из-за отлучения и обвинения в ереси.

Еще через два дня они уже были у ворот Корота.

Как это ни удивительно, но Келсон, кажется, довольно спокойно воспринял известие о том, что Арилан тоже Дерини. И он был уверен с того самого момента, как встретился с Морганом, Дунканом и обоими епископами, что произошли какие-то важные перемены. Кроме Кардиеля, никто из епископов не знал об Арилане то, что было известно ему, и тем не менее они словно почувствовали исходящую от него силу и поняли, что с ним нужно считаться, почти как с самим Кардиелем.

Келсон, вполне владевший искусством различать тонкие оттенки в речи и в движениях, заметил тоже, что Морган и Дункан воспринимают Арилана по-другому, и этого он, несмотря на длительное общение с обоими, объяснить для себя не смог. Но вскоре Арилан открылся Келсону в том, что он Дерини, но так,

как будто это было всем давно известно, и Келсон принял сообщение весьма спокойно.

К полудню следующего дня, когда королевская армия подошла к Короту настолько близко, что были видны его стены, вели ее уже четверо Дерини, а это — немалая сила. Келсон был спокоен и собран, когда, натянув поводья, остановил коня на вершине холма, наблюдая, как его армия занимает позиции вокруг захваченной врагами столицы Моргана.

Передовые отряды спугнули по дороге несколько банд одетых в серое мятежников, так что когда войско подошло к Короту, там уже знали о его приближении.

Долина, простирающаяся перед Коротом, была пуста и безлюдна; полуденный ветерок колыхал травы, гнал мягкие волны этого бледно-зеленого моря. А вдалеке открывалась даль настоящего океана — серебристо-зеленая, подернутая дымкой послеполуденного солнца. В воздухе стоял острый запах соли и гниющих водорослей, смешивающийся с вонью мусорных куч под стенами замка.

Келсон долго и пристально осматривал глухие стены замка, пустынную равнину, песчаные дюны. Дюны оживали на глазах — его отряды подходили один за другим. Далеко на северо-западе виднелись фиолетовые знамена пехоты Кардиеля. Сначала показались боевые знамена, потом — длинные копья, а затем из-за холма вышли и пешие солдаты с высокими щитами в форме ромбов.

Ближе к левому флангу знаменитые халдейнские лучники принца Нигеля заняли удобную позицию на вершинах песчаных дюн. Полковые барабанщики, великолепные в ярких одеждах жителей долины, в зеленую и фиолетовую полоску, выбивали быструю витиеватую походную дробь, высоко поднимая над головой палочки и выкрикивая что-то. Каждого стрелка сопровождал пеший воин с копьем и щитом, в задачу которого входило защищать лучника от града вражеских стрел. На боевых шлемах стрелков сияли золотисто-фиолетовые значки Халдейнского корпуса лучников.

За спиной у Келсона ждал своего часа цвет гвиннедской конницы: рыцари и кавалеры, пажи и оруженосцы. Знамена лордов Хортнеса и Вариана, Линдестарка и Рорау, Бетенара и Педагога развевались над головами королевских рыцарей. Это были вожди известнейших родов Гвиннеда, потомки семей, верных короне

на протяжении всей славной его истории, с самого возникновения одиннадцати королевств. Справа было видно знамя с грифоном — там Морган обсуждал какие-то стратегические детали со своими офицерами. Вот подоспел и Дункан. Кавалер нес за ним знамя Маклайнов: спящий лев и роза. На нем были и три красные стрелки, говорившие о том, что Дункан стал еще и наследником Кассана и Кирни после смерти старшего брата Кевина. На Дункане, подъехавшем к Келсону, было военное снаряжение, и только серебряный наперсный крест, выделявшийся на фоне пледа цветов рода Маклайнов и боевых доспехов, выдавал в нем священнослужителя. Он приветливо кивнул Келсону и, повернувшись, увидел Моргана, спешащего к ним. Знамя с грифоном присоединилось к льву и розе, к Гвиннедскому льву и епископским знаменам Ремута и Дхассы. Вскоре к ним присоединилось знамя Нигеля со львом в полумесяце.

— Ну, что вы скажете, Морган? — спросил Келсон, сняв шлем и взъерошив влажные иссиня-черные волосы рукой в перчатке.— Вы лучше нас знаете мощь вашей собственной твердыни — можно ее взять?

Морган вздохнул и ссутулился, скрестив руки на тисненой луке седла.

— Мне ненавистна сама мысль о том, что мы будем брать Корот силой, государь. Конечно, любая стена рухнет, дайте только срок и необходимые орудия. Но я бы предпочел, чтобы мой город не пострадал, хотя сознаю, что это, наверное, невозможно. У нас нет времени.

Арилан многозначительно взглянул на заходящее солнце, чуть видное уже в сгущающемся тумане, и повернулся к Келсону. От его движения скрипнула кожа седла, и епископская риза ярко вспыхнула в меркнущем солнечном свете. Они с Кардиелем оба были вооружены и одеты в кольчуги под епископскими мантиями — оба были готовы к праведному бою за воинство Христово. Его проницательные глаза встретились с глазами Келсона.

— Государь, уже темнеет. Если вы не хотите начать ночной штурм, то пора, пожалуй, разбивать лагерь.

— Да, вы правы. Слишком поздно, остановимся здесь.— Келсон отогнал муху от уха своего коня.— Честно говоря, я хотел бы еще вступить в переговоры с епископами. Есть небольшая, хотя и призрачная надежда, что мы придем к соглашению, не обнажая мечей.

— Надежда сия невелика, мой принц,— возразил Дункан.— Во всяком случае, Варину нам сказать нечего. Вряд ли нам удастся его переубедить.

— Я знаю,— нахмурился Келсон.— Но мы в любом случае должны попробовать. Кардиель, попросите остальных епископов, чтобы они следовали за нами в первых рядах. А вас, Морган, и вас, отец Дункан, я прошу оповестить всех, что мы разбиваем здесь лагерь на ночь. И пусть выставят часовых. Неизвестно, что дадут нам переговоры, а я не хочу, чтобы ночью нас тревожили вылазки мятежников.

— Да, мой принц.

С высокого крепостного вала за движением королевской армии наблюдали другие глаза. Варин де Грей и несколько его лейтенантов обозревали равнину, укрывшись за зубцами замковой стены недалеко от решетки крепостных ворот. От глаз Варина де Грея не ускользнули знамена знатных лордов, собравшихся в долине, и он про себя подсчитывал силы противника, разбивающего лагерь под стенами замка.

Внешне этот невысокий человек с коротко подстриженными волосами не был похож на предводителя мятежников, поставившего на колени половину Корота. На нем были серые куртка и шапка, серым был и его плащ, которым он плотно укутал свои узкие плечи. Только черный сокол на белом фоне — эмблема, нашитая на его кожаную куртку,— нарушал однообразие этого сумеречного ровного серого цвета. Сталь поблескивала на его шее и запястьях, прикрывала икры ног, но и она была тусклая, неяркая. Только глаза выдавали в нем необыкновенного человека, человека, которого знали как лорда Варина,— глаза фанатика, пророка и, как говорили, святого.

Взгляд Варина, по словам его сподвижников, насквозь пронизывал душу. Вдобавок Варин де Грей мог исцелять, как древние праведники и святые.

Он пришел с Севера, этот человек, суливший скорый конец племени Дерини и призывавший к священной войне, которая избавит наконец людей от этого проклятия — Дерини.

И еще говорили, что Варин послан Богом — во всяком случае, сам он верил в это, принимая свое предводительство как божественный дар, что само по себе вызывало в простонародье благоговейный трепет.

Даже епископы гвиннедской курии склонились на его сторону; впрочем, архиепископ Лорис, примас Гвиннеда, и сам был принципиальным врагом всех Дерини.

И теперь вооруженные мятежники и войско курии плечом к плечу стояли за стенами Корота, готовые вести бой против законного владельца города и своего короля. Замок удалось занять благодаря измене нескольких ключников. Гордый Корот был взят без потерь и разрушений. Самых верных приверженцев Моргана бросили в темницу глубоко под главной башней: они не остались без ухода и пищи, но тем не менее были пленниками религиозных фанатиков, захвативших их при взятии города.

Обаяние Варина покорило даже многих жителей Корота, пересилив их извечную преданность королю и своему герцогу. И вот, стоя на стене крепости, Варин наблюдал, как армия Келсона располагается лагерем совсем неподалеку. Один из его помощников прочистил горло:

— Немалое войско, лорд. Выдержат ли стены?

Варин кивнул.

— Думаю — да, Майкл. По крайней мере, некоторое время. Этот Морган, я полагаю, не дурак и, когда укреплял стены своей крепости, предусмотрел все. Да вот сможет ли он разрушить собственные укрепления?

— Как знать, лорд,— покачал головой второй человек, стоящий рядом,— Пол де Гендас.— Вы же знаете этого Моргана. Вспомните, что он сделал в гробнице святого Торина, хотя вроде бы не владел тогда своим могуществом. Теперь же с ним не один Дерини — и Маклайн, и король, и его дядя. Все эти Халдейны не внушают доверия, лорд.

— Не тревожься,— спокойно ответил Варин,— у меня есть причины верить, что даже могущество Дерини не может разрушить эти стены. А кстати, где архиепископы? Они-то знают, что здесь происходит?

— Они идут сюда, лорд,— кивнув, произнес третий собеседник.— Архиепископ Валоретский не ест, не пьет с тех пор, как узнал о приближении королевской армии.

— Это не страшно,— пробормотал Варин, изобразив при этом самую кроткую улыбку,— обычно-то у милорда архиепископа хороший аппетит. К счастью, он не боится лицом к лицу встретиться с Морганом. Он будет нашим самым грозным оратором, вдохновляющим людей на святую битву.

Вокруг него, вдоль зубчатой стены, занимали боевые позиции лучники и копьеносцы. Огромные кучи камней были приготовлены заранее. Возле них стояли дюжие парни в мокрых от пота куртках, готовые обрушить это страшное оружие на атакующих. Варин повернулся и окинул взглядом башни за спиной. На самой высокой развевались знамена архиепископов. Его собственное знамя с соколом свежий морской ветер колыхал на башне пониже. Знамена девяти епископов и тех знатных лордов, что присоединились к борьбе за святое дело, плескались вдоль всей стены.

Варин снова перевел взгляд на простирающуюся перед ним равнину и отметил, что вражеские вожди собрались на вершине холма, а рядом с королем стоит всадник в белом.

В эту минуту к Варину подошли архиепископы Лорис, Карриган и несколько епископов. На Лорисе была простая будничная мантия темно-пурпурного цвета. Он кутался в плащ из такой же ткани, спасаясь от промозглого морского ветра. Его белые длинные волосы, выбившиеся из-под камилавки, были похожи на ореол. Варин только подивился, как шапочка держится у него на голове на таком ветру. Единственными украшениями архиепископа были серебряный наперсный крест и перстень. Лицо его было бледным и неподвижным. Карриган же, напротив, впервые за последние три месяца надел торжественное облачение. Его бледные, подозрительные глаза беспокойно перебегали с Лориса и Варина на равнину и обратно.

Люди Варина в пояс поклонились подошедшим прелатам. Варин приветливо склонил голову. Лорис коротко кивнул и подошел ближе к внешней стене.

— Я уже направлялся сюда, когда явился ваш посыльный,— сказал он, оглядывая армию, окружающую крепость с трех сторон.— Как вы думаете, они двинутся прямо сейчас?

— Кажется, они готовятся к переговорам, ваше преосвященство. Сомневаюсь, что они начнут атаку на ночь глядя. Смотрите, вон там, в малиновом, Келсон, а рядом — кто-то в белом. А вот епископы Кардиель, Арилан и другие, те, что с ними, и принц Нигель там же. И конечно же, этот Морган со священником Маклайном. Очевидно, они как-то убедили этих епископов в своей невиновности, раз на них обычные боевые доспехи.

— Убедили в невиновности,— фыркнул Лорис.— Видит бог, не нам с вами говорить об их «невиновности», Варин. Вы же были в гробнице святого Торина!

— Да, я там был, милорд,— мягко произнес Варин,— но теперь мы наяву видим, как эти «невиновные» разбивают лагерь перед нами и, кажется, хотят вступить в переговоры. Как по-вашему, это возможно?

Лорис склонился, опершись о парапет, чтобы лучше разглядеть приближающуюся группу, затем снова обернулся к Варину. В это время от основной группы отделилось несколько всадников, и они неторопливо направились к стенам осажденного города. Один из них размахивал белым флагом.

— Ну хорошо. Послушаем, что они скажут. Дайте вашим людям знак, чтобы они не стреляли.

Пока Лорис говорил, всадник в белом вырвался вперед и теперь приближался по извилистой тропе, ведущей к воротам замка. Он был с непокрытой головой и, судя по всему, безоружен. Знамя из белого шелка в его руках поблескивало в лучах заходящего солнца золотом и серебром. Варин поднес к глазам подзорную трубу и разглядел герб на плаще у всадника — судя по всему, это был Конал, старший сын принца Нигеля. Варин оторвался от подзорной трубы и стал рассматривать юношу, который, натянув поводья, уже остановился ярдах в пятидесяти от стены. Он приблизился еще немного, уже шагом, и остановился на этот раз в двадцати ярдах от стены. Варин видел, как он посматривает вверх, выискивая глазами кого-нибудь чином повыше.

— Я принес послание для архиепископа Лориса и человека по имени Варин де Грей! — Всадник вызывающе вскинул голову, обращаясь к группе людей, стоящих вдоль стены.

Лорис выпрямился и сделал шаг вперед. Рядом с ним встал Варин. Конал увидел их и подъехал к валу еще ближе. Даже Варин, наблюдая, как легко он управляет конем, признал в нем прекрасного наездника.

— Милорд архиепископ? — обратился юноша, и его ломающийся голос звенел от напряжения.

— Я — архиепископ Лорис, а Варин де Грей стоит рядом со мной. Что вы хотите нам передать?

Юноша поклонился и, подняв голову, снова взглянул на них обоих.

— Король поручил мне сообщить вам, что он желает вступить в переговоры. Он просит, чтобы в ознаменование перемирия было поднято вот это знамя и чтобы несколько его приближенных

смогли подойти на расстояние, позволяющее вести переговоры. Удовлетворите ли вы эту просьбу?

Лорис бросил многозначительный взгляд на Варина.

— Я ее удовлетворю, как полагается,— ответил он.— Но передай его величеству, что пока он не достигнет примирения с Церковью, которой присягал, и не предаст нашему суду двух Дерини, которых укрывает, говорить нам не о чем. Мы твердо настаиваем и будем настаивать на этом.

— Я передам ему все, милорд,— поклонился юноша.

С этими словами он повернул коня и галопом помчался назад, белое знамя развевалось за ним на ветру. Варин и Лорис видели, как он приблизился к фигуре в малиновом плаще, стоящей среди других полководцев. Лорис сжал руку в кулак и слегка ударил по зубцу каменной стены.

— Не нравится мне это, Варин,— пробормотал он,— совсем не нравится. Я бы на вашем месте послал лазутчиков проверить, что они затевают. Боюсь, что нашему королю доверять больше нельзя.

Келсон тоже неотрывно смотрел на две фигуры, стоящие на крепостной стене: одну — в епископском пурпурном одеянии, другую — в повстанческом сером. Затем он водворил на место свой шлем, украшенный короной, и дал знаменосцу-парламентеру знак двигаться. Когда юноша, бывший лишь на год моложе Келсона, отъехал, король тронул коня шпорами и двинулся следом, сопровождаемый Морганом и епископом Кардиелем. Знаменосец, держа над головой королевское знамя, скакал впереди всех. Два величественных оруженосца замыкали процессию. Лучи заходящего солнца играли на золотых зубцах короны, венчающей боевой шлем Келсона, на шлеме Моргана, украшенном зелеными перьями, и на скромной митре Кардиеля.

Келсон взглянул вверх, на Гвиннедского Золотого льва на знамени, и, опустив глаза, увидел такого же льва в ажурном узоре, украшающем его малиновый плащ. На Моргане был изумрудно-зеленый плащ поверх кольчуги и кожаной куртки. Кардиель, ехавший по правую руку от короля, держал вместо пики епископское распятие. Конал — кузен короля — по-прежнему ехал чуть впереди, с гордостью неся белое знамя парламентера.

Когда они приблизились к стене, у которой раньше уже побывал Конал, Келсон поднял глаза и встретил взгляд Лориса, который давно уже не спускал с него глаз. Еще через мгновение, ощутив на себе взгляд Варина, молодой король судорожно вздохнул.

Подоспевшие знаменосцы с белым и малиновым знаменами встали по обе стороны рядом с ним, как почетный караул. Множество глаз уставились на них из бойниц.

Успокоив дыхание и стараясь держаться как подобает, король Гвиннеда обратил свой взор на духовного владыку Гвиннеда и заговорил:

— Приветствую вас, архиепископ Лорис. Благодарю вас за то, что вы дали согласие на переговоры.

Лорис слегка наклонил голову.

— Когда король приходит с чистосердечным раскаянием, какой священник может ему отказать?

— Раскаяние, архиепископ? — Келсон оглянулся на Кардиеля и снова посмотрел на Лориса.— Впрочем, не будем спорить о словах. Я принял решение прекратить наши с вами разногласия и вместе подумать о судьбе Гвиннеда. Эти распри между нами должны прекратиться, и немедленно, поскольку нам угрожает опасность, надвигающаяся с севера.

Лорис скрестил руки на груди и еще выше задрал подбородок.

— Я от всей души желаю примириться с вами, государь, если вы соблаговолите объяснить, почему вы общаетесь с еретиками и изменниками. Или вы забыли, что привело нас сюда? Те, кто сейчас рядом с вами, понимают, о чем я говорю.

Кардиель откашлялся, тронул поводья, продвигаясь на шаг вперед.

— Милорд, я и мои братья во Христе признали, что герцог Аларик и его кузен Маклайн искренне раскаялись и возвратились в лоно Церкви. Тем самым между нами установлен мир.

— Это абсурд,— возразил Лорис.— Морган и Маклайн были отлучены на законных основаниях гвиннедской курией. Даже сами они это признают. И вы со всеми взбунтовавшимися епископами присутствовали на заседании.— Он уничтожающе посмотрел на остальных епископов и сделал презрительный жест в их сторону.— Как вы можете волей семерых отменить решение курии? Я и слышать об этом не хочу.

— Нас восемь, а не семь, милорд. И мы выяснили, что курия допустила ошибку. А потому герцог Корвинский и отец Маклайн вновь удостоились нашей благосклонности, так же как и

его величество, и все его верные сторонники, несправедливо осужденные нами.

Лорис отвернулся в досаде.

— Это же нелепо! Вы не можете изменить решения курии. Да я даже слушать вас не желаю. Вы с ума сошли!

— Тогда, архиепископ, выслушайте своего короля,— промолвил Келсон, гневно сузив глаза и всматриваясь в Лориса.— У меня тоже есть к вам вопросы, а именно: о вашем сподвижнике и союзнике Варине. Банды его головорезов уже полгода мародерствуют по всему Корвину, убивая моих подданных, сжигая поля и призывая к мятежу против меня.

— Не против вас,— поправил вдруг Варин,— а против Дерини.

— А разве я не Дерини наполовину? — спросил Келсон.— И если вы выступаете против них, то не значит ли это, что и против меня?

Варин уставился на Келсона холодными серыми глазами.

— Очень жаль, государь, что и в ваших жилах течет кровь Дерини, однако мы предпочитаем не помнить об этом, поскольку вы — наш законный король. Мы поднялись против истинных Дерини, вроде тех, что стоят теперь рядом с вами. Не годится вам быть в такой компании, государь.

— Да как вы смеете делать выговор вашему королю? — оборвал его Келсон.— У меня нет времени, Варин, вступать с вами в спор. Венцит Торентский стоит у наших границ, готовясь к вторжению, и вот он действительно злодей, и не важно, Дерини он или нет. Гражданская же война, которую вы с архиепископами развязали, идет ему только на пользу.

Лорис сердито покачал головой, горделиво выпрямившись.

— Не пугайте нас Венцитом Торентским, государь. Речь идет не о Венците. Ничто не может противостоять Воле Божьей, даже воля короля.

— Однако вы должны выслушать мою волю,— спокойно сказал Келсон.— Как вы отметили, я пока законный король Гвиннеда. Вы же сами и помазали меня елеем на царство, и ни один человек не в силах изменить этого. Посему, пользуясь властью, пожалованной мне Богом через ваше посредство, я приказываю вам сложить оружие и передать город его законному правителю. Позже, если у нас будет время, мы обсудим наши разногласия в вопросе о Дерини.

Гул несогласия раздался за спиной Лориса, и прелат покачал головой.

— Я признаю вашу власть, государь, но, к сожалению, не могу выполнить ваш приказ. Я не могу сдать этот город. Более того, я настоятельно советую вам и вашим приближенным отступить отсюда, чтобы мои люди в гневе не навлекли на всех нас позор цареубийства. С меня довольно того, что на моей совести лежит неповиновение вам, не хватало еще, чтобы на моей совести была кровь короля.

Келсон секунд десять молча глядел на архиепископа, от гнева лишившись дара речи. Затем он резко развернул коня и галопом помчался к лагерю. Его соратники последовали за ним, время от времени посматривая назад, чтобы прикрыть короля, если вдруг какой-нибудь фанатик в самом деле схватится за оружие.

Удалившись на достаточно безопасное расстояние, Келсон остановился и, взяв себя в руки, заговорил. Он, казалось, не замечал, что остальные военачальники столпились вокруг него, чтобы узнать, что случилось.

— Ну так что, Морган? Что я должен был сказать этому наглому попу? — Он сорвал с головы шлем и бросил его застывшему в ожидании оруженосцу.— Так говорите же, Поборник королевского престола! Что я должен был сказать? Какая наглость, этот человек мне угрожал!

— Успокойтесь, мой принц,— прошептал Морган. Конь Келсона заржал и взвился на дыбы, чувствуя гнев хозяина, и Морган взялся за поводья, чтобы успокоить его.— Милорды, прошу, простите нас. Никаких причин для беспокойства нет. Нигель, не могли бы вы проследить за устройством лагеря, и вы, милорды епископы, тоже. А вы, Дункан, и вы, Арилан, и Кардиель, пожалуйста, останьтесь с нами. Его величество нуждается в ваших советах.

— Я не ребенок, Морган,— пробормотал Келсон. Он вырвал у Моргана поводья, зло взглянув на него.— Буду благодарен, если хотя бы вы не будете мне угрожать.

— Но мой сеньор, я уверен, не откажется выслушать своих верных советников,— продолжал Морган, оттесняя своим конем короля и уводя его от офицеров к королевскому шатру.— Дункан, вам, конечно, известна планировка Коротского замка?

— Разумеется,— подтвердил Дункан, сознавая, что Морган пытается отвлечь всеобщее внимание от Келсона.— Мой принц, у Аларика, я уверен, уже есть план.

Келсон, не сопротивляясь больше, позволил увести себя к шатру, который только что поставили солдаты. По дороге он снова взглянул на Моргана, уже не так сердито.

— Извините, я не хотел устраивать сцен,— тихо сказал он,— этот Лорис меня просто взбесил. Так у вас действительно есть план?

Морган кивнул, чуть заметно улыбнувшись.

— Есть.

Он окинул окрестности таинственным взглядом, затем соскочил с коня и сделал знак остальным последовать его примеру. Когда все вошли в королевский шатер, он жестом пригласил их садиться и встал перед ними, положив руки на пояс.

— До наступления темноты мы ничего делать не можем, зато у нас есть время подготовиться. Пока не стемнело, слушайте, что я придумал...

Глава XIV

*«ВОТ ОТРОК, КОТОРОГО Я ДЕРЖУ ЗА РУКУ, ИЗБРАННЫЙ МНОЙ, К КОТОРОМУ БЛАГОВОЛИТ ДУША МОЯ»**

Той ночью тысячи огней горели на продуваемой всеми ветрами равнине близ Корота, словно тысячи глаз взирали на осажденный город. Возле королевской палатки ждали специально приготовленные кони, их копыта и сбруя были обмотаны тряпками, чтобы при движении в темноте их не было ни слышно, ни видно. Конал, сын Нигеля, присматривал за лошадьми, ему же предстояло привести их обратно из опасного путешествия. Закутавшись в черный плащ, он ковырял песок носком сапога, когда отдернулся полог палатки. На пороге стоял его отец; Конал сделал шаг вперед и увидел выходящих из палатки Моргана, Дункана, короля и, наконец, двух епископов.

— Вы поняли мои указания на случай нашей неудачи, дядя? — спросил король.

— Понял,— кивнул Нигель.

* Исайя 42:1.

— А вы, епископ Арилан? — Молодой король оглянулся.— Я знаю, что могу на вас рассчитывать.

— Едва ли в моей помощи возникнет необходимость, государь,— сказал епископ, улыбнувшись.— Ваш план, кажется, удачен. Впрочем, в случае нужды вы знаете, как со мной связаться.

— Помолимся, чтобы такой необходимости не возникло,— сказал Келсон. Он опустился на одно колено, то же сделали и Морган с Дунканом. Конал, чуть замешкавшись, присоединился к ним, и Кардиель склонил голову.

— Да будет с вами Господь, мой принц,— прошептал Арилан, благословляя их.

Получив благословение, все четверо встали с колен и, вскочив на коней, поехали в гору — впереди Морган, за ним Дункан. Арилан подошел к Кардиелю и коснулся поводьев, попросив того наклониться.

— Сохрани вас Господь, друг мой,— тихо сказал он.— Я с ужасом думаю о том, что с вами может что-то случиться. Слишком много нам предстоит еще сделать вдвоем.

Кардиель молча кивнул. Арилан улыбнулся.

— Вы знаете, что едете вместо меня?

— Я понял, что вы должны, если возникнет необходимость, помочь принцу Нигелю. Кто-то должен быть с ним, если, Боже сохрани, что-то случится с Келсоном.

Арилан улыбнулся и склонил голову.

— Причина отчасти в этом. Ну а кроме того, вы не обратили внимание, что из всех четверых вы один — не Дерини?

Кардиель бросил мгновенный взгляд на собрата и опустил глаза.

— Я решил это потому, что я в своем роде глава мятежных епископов и другие прислушиваются ко мне. А есть и другие причины?

Арилан ободряюще коснулся руки друга.

— Конечно. Но ни у кого нет дурных намерений, уверяю вас. Я просто полагаю, что у вас будет возможность наблюдать несколько очень хороших магов-Дерини в действии. И надеюсь, вы наконец убедитесь в том, что я говорил вам о Дерини, убедитесь на собственном опыте, увидите все своими глазами и поверите всем сердцем в то, во что уже поверил ваш разум.

Кардиель поднял глаза и улыбнулся.

— Спасибо, Денис. Я... я постараюсь, постараюсь...

— О большем и не прошу,— кивнул Арилан.

Кардиель повернул коня и последовал за другими. Вскоре он исчез в густом ночном мраке; Арилан, по-прежнему улыбаясь, вернулся к Нигелю, все еще ожидавшему его у входа в королевскую палатку.

Через полчаса, а может быть, через час пять всадников достигли бухты на юго-западе от Коротского замка и спешились.

Сперва они ехали на запад, потом повернули на юг и некоторое время двигались вдоль каменистого морского берега. Сейчас, примерно в полумиле от передовых городских укреплений, Морган остановился и, держа поводья своего коня, молча наслаждался тихой лунной ночью, пока не подъехали остальные четыре всадника. Когда все были в сборе, Морган связал коней в цепочку и поводья первой лошади передал юному Коналу.

— Смотрите, Конал,— прошептал он.— Не сворачивайте с пути, пока не доберетесь до того места, где свернули мы. Я не хочу, чтобы вас обнаружили патрули мятежников.

— Я буду осторожен, ваша светлость.

— Что ж, тогда с Богом,— прошептал Морган, дружески пожимая руку мальчика и отступая в сторону.— Дункан, милорды, идемте.

Когда Конал повернул коня и поехал по берегу обратно, Морган подошел к каменной гряде у самой линии прилива и начал карабкаться вверх, ловко пробираясь между камнями. Спутники безмолвно ждали, закутавшись в темные плащи, когда Морган взмахом руки даст им сигнал следовать за собой.

Взобравшись наверх, они оказались у входа в узкую расщелину; подступы к гряде со стороны дюн поросли густым кустарником, так что здесь их не могли обнаружить. Морган на мгновение исчез из глаз. Трое остальных — Дункан, Келсон и Кардиель — переглянулись, потом посмотрели вниз, и вдруг Дункан вздрогнул от неожиданности, обнаружив лицо Моргана в нескольких дюймах от своего.

— Господи, ну и напугал ты меня! — воскликнул Дункан, сглотнув слюну.— Мы не видели, где ты, такая тьма.

Морган усмехнулся, и его белые зубы блеснули в лунном свете.

— Идите за мной, здесь небольшая яма, глубиной примерно в ярд. Сначала вы, Келсон.

— Я?

— Скорее. Скорее. Дункан, помоги ему. Здесь не так глубоко.

Когда Келсон спустился в расщелину, Морган уже снова исчез, и Дункану пришлось помогать молодому человеку, лицо которого в лунном свете казалось совсем белым, он никак не решался прыгнуть в темноту. Потом внизу раздалось: «Ох!» — и через мгновение Дункан увидел лицо Келсона там же, где так неожиданно увидел Моргана чуть раньше. С улыбкой Дункан пригласил Кардиеля следовать за ним, и вскоре все четверо стояли почти в полном мраке. Морган дал возможность их глазам привыкнуть к темноте и начал медленно продвигаться вперед, в еще более глубокую тьму. Вернувшись, он подозвал к себе товарищей.

— Итак, все в порядке, я еще не все забыл. Пока не минуем одного или двух поворотов, огонь зажигать не будем — мало ли кто несет службу наверху. Поэтому, пока пойдем в темноте, держитесь друг за друга. Несколько десятков ярдов пройдем на ощупь.

Все четверо выстроились один за другим: Морган впереди, за ним Келсон, Кардиель и Дункан. Когда Морган ступил во тьму, Келсон, последний раз оглянувшись на смутный лунный серп, последовал за ним.

Им показалось, что прошли годы, на самом же деле — всего несколько минут. Наконец Морган остановился. Темнота теперь была полной, беспросветной.

— Все в порядке? — спросил Морган.

Раздался утвердительный шепот. Морган, опустив руку Келсона, отступил на шаг, и внезапно всю его фигуру охватило сияние. Келсон услышал учащенное дыхание Кардиеля, и тут Морган повернулся к ним лицом; свет испускал кристалл, лежащий у него на ладони.

— Спокойно, епископ,— прошептал Морган, вытягивая руку в его сторону.— Это только свет, в нем нет ни добра, ни зла. Вот, смотрите, прикоснитесь. Он холоден, и, в сущности, здесь нет особого волшебства.

Кардиель не спускал глаз с лица Моргана, и только когда молодой генерал шагнул к нему, епископ перевел взгляд на светящийся шар. Свечение было холодновато-зеленым и походило на то, которое окружало Арилана в ночь, когда он признался в том, что он Дерини.

Наконец Кардиель протянул руку. Он не почувствовал ничего, кроме приятного холодка в ладони. Коснувшись руки Моргана, епископ заставил себя улыбнуться.

— Простите мое небольшое замешательство, но...

— Конечно,— улыбнулся Морган.— Идемте. Теперь недалеко. И у нас есть свет.

И действительно до конца туннеля было недалеко, однако выход оказался заваленным камнями, а сразу за ними они увидели настоящее подземное озеро — этого Морган, похоже, никак не ожидал. Он подозвал Дункана и Келсона, и они втроем, направив руки на завал и закрыв глаза, сосредоточились, чтобы расширить проход с помощью магии. Но дальше пути не было.

Морган, постояв в задумчивости над водой, стал снимать плащ и перчатки.

— Что вы делаете? — спросил Кардиель.

Этот вопрос оторвал Келсона и Дункана от поисков выхода, и они тоже уставились на Моргана, снявшего уже кольчугу и куртку и оставшегося лишь в льняной рубахе, перетянутой поясом, на котором остался кинжал.

— Думаю, путь где-то там,— сказал Морган, входя в воду.— Я сейчас.

Он сделал глубокий вдох и по-лягушачьи нырнул. Все трое с тревогой ждали; наконец в нескольких ярдах от них раздалось бульканье и из воды появилась золотистая голова Моргана. Откинув закрывшие глаза мокрые пряди, он подплыл к ним.

— Я нашел проход,— сказал он, вытряхивая воду из ушей.— Он всего в три фута длиной, но на глубине по меньшей мере шести или семи футов. Епископ Кардиель, вы умеете плавать?

— Вообще — умею... Но я никогда...

— Тогда все в порядке,— усмехнулся Морган.— Келсон, может быть, вперед? Тут темно, но расстояние-то небольшое. А там вы магией вызовете свет и вернетесь, чтобы помочь Кардиелю. Я пока вместе с ним подожду здесь.

Келсон кивнул.

— А как насчет наших мечей? — спросил он.— Мы не сможем взять их с собой, а там они могут нам понадобиться.

— В моей башне мы найдем другие. А сейчас — идем,— ответил Морган, помогая Келсону сойти в воду.

— Ладно, покажите мне ваш подводный ход.

Оба нырнули; через минуту Морган вновь показался на поверхности. Дункан был готов, и Морган показал путь ему. Наконец бледный Кардиель в одном подряснике подошел к кромке воды.

Он теребил простое деревянное распятие на груди, когда Морган протянул ему руку.

— Уже? — покорно пробормотал Кардиель.

Морган кивнул, и епископ со вздохом сел, спустил в воду ноги и вздрогнул всем телом; в его серых глазах отражался зеленоватый свет, что излучал кристалл Моргана. Кардиель нервно осмотрелся и глотнул воздуха.

— Ну как, сможете? — тихо спросил Морган.

— У меня нет выбора.— Епископ был бледен как мел, но его голос звучал твердо.— Скажите, что я должен делать.

Морган кивнул.

— Отверстие на глубине шести футов, прямо под нами. Видите?

— Смутно.

— Хорошо. Теперь я попрошу вас нырнуть, как это делали мы. Я буду с вами. Главное — помните: не надо дышать, пока мы не вынырнем с той стороны. Поняли?

— Я постараюсь,— неуверенно сказал епископ.

Помолившись всем святым, что покровительствуют епископам, Морган усилил исходивший от камня свет и коснулся плеча Кардиеля. Закрыв глаза и сдержав дыхание, епископ нырнул. Морган последовал за ним.

Но увы, первая попытка оказалась неудачной. Хотя Кардиель старался как мог, ему не удалось нырнуть достаточно глубоко, он был беспомощен в воде, и в конце концов Моргану пришлось поднять епископа наверх. Свет погас, когда они нырнули, и теперь здесь царила полная темнота.

— Мы уже перебрались, Аларик? — спросил, тяжело дыша, Кардиель.

Морган был рад, что епископ не видит во тьме его лица.

— Боюсь, что нет, мой друг,— ответил он бодрым тоном.— Но сейчас пройдем, не беспокойтесь. Я надеюсь, вы живы?

Наступила пауза. Кардиель кашлянул — и это был единственный звук, кроме плеска воды.

— Извините, Аларик. Я предупреждал вас, что плохо плаваю. Думаю, мне не нырнуть так глубоко.

— Постарайтесь,— сказал Морган.— Не могу же я бросить вас здесь.

— Нет, наверное, не получится,— тихо ответил Кардиель.

Морган вздохнул.

— Хорошо, попробуем еще раз. Только не набирайте полную грудь воздуха перед тем, как нырнуть, так будет лучше. В остальном положитесь на меня.

— Но если я выдохну, вдруг мне не хватит воздуха? — Епископ, судя по всему, страшно испугался.

— Не беспокойтесь, доверьтесь мне. Теперь не дышите,— прошептал Морган, касаясь плеча Кардиеля.— Выдыхайте и вперед!

Он слышал вздох епископа — и вот Кардиель вместе с ним погрузился в темноту.

Держа епископа за плечо, он увлекал его вниз, к отверстию, но когда они достигли прохода и Морган протолкнул туда Кардиеля, он почувствовал, как того начинает охватывать паника.

Он подталкивал епископа, заставляя его продвигаться вперед, но когда они достигли другого конца прохода, Кардиель перестал сопротивляться, тело его обмякло. С помощью Келсона и Дункана он поднял Кардиеля на поверхность, молясь, чтобы епископ не захлебнулся.

И все-таки Кардиель был без сознания, хотя под водой они находились не так долго.

Морган выволок его на берег и, уложив на живот, стал ритмическими движениями откачивать епископа. Вода хлынула изо рта и носа Кардиеля.

— Черт! — прошептал Морган.— Я же говорил ему, что нельзя дышать. Кем он себя возомнил — рыбой, что ли?

Он повернул Кардиеля вверх лицом, но грудь епископа по-прежнему была неподвижна. Еще раз помассировав его грудь, Морган стал хлопать Кардиеля по щекам, а тем временем Дункан пытался вдуть воздух в его легкие через рот. Грудь Кардиеля шевельнулась, и они удвоили усилия. Наконец судорожный кашель сотряс тело Кардиеля, он перевернулся на бок и изрыгнул остатки воды. Затем епископ открыл глаза и удивленно осмотрелся.

— Вы уверены, что я жив? — прохрипел он.— Я пережил такой кошмар...

— Ну, почти что живы,— сказал, усмехаясь, Морган и с облегчением покачал головой.— Видимо, кто-то на небесах очень вам благоволит.

— Дай бог, чтобы так было всегда,— прошептал, крестясь, Кардиель.— Спасибо вам всем.

Он с помощью Дункана вновь откашлялся и жестом попросил помочь ему встать на ноги. Без слов, с растроганной улыбкой Морган подал ему руку. Через несколько минут все четверо стояли у разветвления каменного коридора. В левом коридоре царила тьма, правый был завален камнями. Морган вновь прибегнул к помощи магии, выясняя, можно ли пройти правым коридором. Он выпрямился и сложил руки на груди.

— Да, не везет. Я хотел провести вас этим путем в свои покои, там мы нашли бы одежду и оружие.

— А здесь не пройти? — спросил Келсон.

— Пройти можно. Но отсюда мы попадем в открытые коридоры замка, а там нас могут поймать. Что ж, пойдемте. Будем осматриваться на каждом шагу. И — тихо, как только можете!

Немного погодя они вошли в длинный, узкий проход — только-только в ширину человеческих плеч, который вскоре свернул направо; этот ход с холодными каменными стенами, казалось, вел наружу. Морган знаком призвал спутников к молчанию. В его ладони вспыхнул мягкий слабый свет, и они прошли еще шесть шагов. Послышались обрывки чьей-то тихой фразы, которой они не смогли разобрать, на мгновение свет заиграл на стенах, резко очертив фигуру Моргана, и Аларик повернулся к ним. Перед ними распахнулась дверь, и они вошли в «башенную комнату» — домашнюю молельню Моргана, куда допускались только близкие ему люди.

Здесь было темно и тихо, и только звездный и лунный свет, проникавший сквозь зеленые стекла семи окон, ложился на стены. Морган, неслышно пройдя по ковру, задернул шторы на окнах и зажег свечу. Свет отразился в янтарном кристалле, что лежал на столе, осветив золоченую фигуру грифона. Кардиель затаил дыхание, увидев шар, и в изумлении двинулся к нему, но Дункан тихо окликнул его, остановив. Потом они направились к сундукам и шкафам, чтобы переодеться в чистую и сухую одежду. Когда они покончили с этим, только Морган и Дункан оказались одеты нормально. Келсону короткая туника Моргана доходила до колен, а полы плаща вообще волочились по полу. А Кардиель, хотя он старался одеться во все черное, мало походил теперь на духовное лицо. Туника была ему тесна, башмаки — узковаты, но длинный черный плащ скрывал все эти недостатки. Свое деревянное распятие он тщательно обсушил, протер он и епископский перстень, полюбовавшись его сверканием. Морган и Дункан тем

временем выбирали себе мечи и кинжалы — в башне хранилось немало оружия. Наконец Морган призвал их к молчанию и двинулся к тяжелой дубовой двери, на которой был изображен зеленый грифон. Он приник глазом к отверстию, совпадающему с глазом грифона, и, убедившись, что за дверью никого нет, открыл ее. За ней была другая дверь; прислушавшись к шуму за ней, Морган отступил и закрыл за собой первую дверь.

— Там охранник, как я и предполагал. Дункан, пойдем послушаем вместе? Если он достаточно восприимчив, мы сможем подействовать на него через дверь. Иначе нам, похоже, придется убить его.

— Давай попробуем,— кивнул Дункан, следуя за Морганом.

Они поднесли ко второй двери руки и так некоторое время стояли, закрыв глаза и почти не дыша. В конце концов Морган покачал головой, открыл глаза и, достав тонкий стилет, попробовал лезвие кончиком пальца.

— Готов? — прошептал он Дункану.

Священник печально кивнул и обратил взор на дверной замок.

Когда Келсон и Кардиель подошли ближе, они увидели, как Морган, став на колени, ищет пальцами левой руки щель в двери. Наконец, отыскав щель, Морган одним резким движением вогнал туда стилет; потом он медленно достал клинок, лезвие было в крови. Дункан, огорченно покачав головой, открыл дверь. Снаружи лежал, распростершись на полу, воин в сером одеянии; из-под его спины вытекала струйка крови. Он не двигался; после мгновенного замешательства Морган затащил его в комнату. Лицо Кардиеля потемнело, когда он увидел лежащего на ковре человека; он перекрестил мертвеца и пошел прочь вместе со всеми.

— Сожалею, но это было необходимо, епископ,— прошептал Морган, закрывая за ним дверь и приглашая его следовать за собой.

Кардиель молча повиновался.

Минут через пять они подошли к резным панелям, украшавшим стены в конце перехода. Там Морган, взяв одной рукой факел, пальцами другой быстро провел вдоль панели, стена сдвинулась, открыв достаточный для них проход. Морган пропустил всех, вернул панель на место и повел спутников дальше.

— Теперь слушайте меня, слушайте внимательно, потому что у меня не будет времени повторять. Мы находимся в начале сети тайных переходов, которые пронизывают все стены замка. Сейчас мы рядом с моими личными покоями, а там, я думаю, расположился либо Варин, либо архиепископы. Поэтому никаких разговоров, пока я не разрешу. Хорошо?

Никто не спорил, и все четверо двинулись по глухому коридору; через какое-то время Морган, передав факел Дункану, подошел к стене и заглянул в смотровое отверстие. Он из безопасного укрытия рассматривал знакомую комнату, еще несколько месяцев назад принадлежавшую ему. Как он и предполагал, здесь расположился Варин де Грей, и сейчас он держал совет со своими людьми. Морган попросил Дункана погасить факел, подозвав к себе остальных. Теперь все увидели и услышали вождя мятежников, совещавшегося со своими приближенными, не догадывавшегося, что рядом враги.

— Так что ж — это все, что он может супротив нас? — спросил один из людей Варина.— Не думал я, что придется тягаться с Дерини. Я ж не смерти боюсь — ну, пришел час, что поделаешь, а если этот герцог наведет на нас чары? Тут уж мы ничегошеньки не сделаем, будьте уверены.

— Может, хватит? — прервал его Варин, сидевший у очага, отвалясь на спинку стула и скрестив пальцы.

— Ну хорошо, но...

— Верь в правоту нашего дела, Маркус,— сказал второй человек.— Не оставил же нас Господь, когда Варин захватил Дерини в гробнице святого Торина? И магия ему тогда не помогла.

Варин покачал головой и посмотрел на огонь.

— Не торопись, Пол. Морган тогда, в гробнице святого Торина, был опоен одной отравой. И скорее всего, он тогда сказал правду, что не может пользоваться своим могуществом, пока не пройдет действие этой отравы. Не то бы его кузен не стал выдавать себя. Слишком долго Дункан Маклайн хранил свой секрет, чтобы так, за здорово живешь, раскрыть его.

— Выходит, никто знать не знает, что этот герцог-чародей может наделать,— стоял на своем Маркус.— Вот возьмет и обрушит на нас эту свою крепость, если захочет. Уж он сможет.

— Нет, он хоть и Дерини, а не дурак. Не будет он разрушать свой дом без крайней надобности. Он...

Тут раздался громкий стук в дверь, повторившийся несколько раз, пока Пол не подошел и не открыл. Сержант охраны Варина почти ворвался в комнату.

— Лорд, лорд, помогите! — крикнул он, кидаясь через всю комнату к ногам Варина.— Мои люди носили камни к северному бастиону, и там случился обвал.

Варин выпрямился в кресле и напряженно посмотрел на вошедшего.

— Кто-то пострадал?

— Да, лорд, Оуэн Матиссон. Все сумели увернуться, а Оуэн — ему придавило ноги. Ему их раздробило.

Варин встал. Четыре человека внесли изуродованное тело несчастного Оуэна. Когда они вошли, сержант прижал к губам полу плаща Варина и прошептал:

— Помоги ему, лорд. Если ты захочешь, ты спасешь его.

Четверо со своей ношей остановились посреди комнаты, и Варин кивнул, распорядившись положить раненого на кровать в другом ее конце. Уложив там пострадавшего, они по знаку Варина покинули комнату. Велев Маркусу закрыть дверь, Варин подошел к постели, с жалостью глядя на искалеченного солдата.

Оуэн был сильным человеком, но когда обрушилась груда камней, он ничего не мог сделать. Верхняя часть его тела была в полном порядке, зато ноги, прикрытые кожаным покрывалом, превратились в месиво из костей и мяса. Варин, попросив Пола поднести свечу, мягко провел рукой по искаженному от боли лицу Оуэна.

— Слышишь меня, Оуэн?

Глаза Оуэна удивленно и восторженно заблестели: он узнал Варина.

— Извините меня, лорд. Я мог бы быть поосторожнее.

Варин окинул взглядом неподвижное тело солдата, потом посмотрел на его лицо.

— Очень больно, Оуэн?

Тот кивнул и тяжело сглотнул, потом сжал зубы от боли, но глаз не опустил. Он с такой надеждой, с такой мольбой смотрел на Варина, что не нужно было никаких слов.

— Дайте кинжал.

Пол поднял клинок, и глаза Оуэна расширились, он попытался приподняться, но Варин мягким движением удержал его на месте.

— Спокойно, мой друг. Ну, не повезло. Это будет стоить тебе штанов, но, надеюсь, не жизни. Успокойся.

Уложив удивленного человека и отбросив покрывало, Варин начал резать кожаную штанину — снизу доверху, сначала одну, затем другую, обнажая кровавое месиво, оставшееся от ног. При первом его прикосновении раненый закричал, но потом обмяк и благодарно затих.

Варин положил кинжал на кровать рядом с Оуэном и несколько минут стоял неподвижно, глядя на изувеченные конечности.

Потом он попросил Маркуса и Пола помочь ему выпрямить искалеченные ноги и, когда это было сделано, задумался еще на минуту и тихо вымолвил:

— Плохо дело. Если ему не оказать помощь немедленно, он умрет.— И после долгой паузы продолжил: — С таким серьезным увечьем я прежде дела не имел.— Он опять помолчал.— Помолитесь со мной, друзья мои. Даже если на то Божья воля, чтобы он исцелился, мне нужна ваша поддержка.

Пол, Маркус и сержант как один преклонили колена. Варин еще мгновение стоял, опустив глаза в пол, будто в комнате больше никого не было, потом посмотрел на раненого и воздел руки:

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen. Oremus.

Когда Варин начал молиться, закрыв глаза, вокруг его головы появилось свечение. Он шептал, тяжело дыша, так что подсматривавшие из потайного хода не могли расслышать слов. Но в том, что за сияние возникло вокруг его головы, что за силы идут от его рук к ногам раненого, они ошибиться не могли.

Они видели, как руки Варина движутся вдоль ног солдата, как страшные раны исчезают на глазах, затягиваясь от его еле заметных прикосновений. Прошептав последние слова, вождь мятежников приподнял сначала одну ногу Оуэна, потом вторую.

Нога были целы — словно и не их недавно раздробило обвалившимися камнями.

Оуэн открыл глаза и сел. Он с удивлением осмотрел свои ноги и ощупал их, явно не веря себе. Варин мгновение молча наблюдал за ним, потом перекрестил его и прошептал:

— Deo gratias.

Чудо свершилось.

Морган тем временем приготовился действовать. Подозвав Дункана и Келсона, он прошептал несколько слов и вновь посмотрел в щель. Дункан, обнажив меч, затих где-то в темноте слева. Морган закрыл щель и подозвал к себе Кардиеля.

— Ваше преосвященство, мы сейчас войдем туда. Следуйте во всем моим указаниям. Они, так сказать, приготовили сцену для нашего появления, и желательно сохранить атмосферу, царящую там, сколько это возможно.

Кардиель покорно кивнул.

— Келсон?

— Я готов.

Пока Варин и его приближенные рассматривали исцеленного Оуэна, возле очага послышался какой-то шум. Пол, обратив на это внимание, обернулся, да так и замер на месте с расширившимися от ужаса глазами.

— Милорд!

Варин и все остальные оглянулись и увидели, как раздвинулась стена у очага. Из проема ударил луч света, и в этом сиянии перед ошеломленными мятежниками появилась фигура юного Келсона — при таком освещении его не трудно было узнать; рядом с ним возникла высокая, увенчанная золотистой шевелюрой фигура Моргана. Третьего человека, показавшегося в проеме, Варин узнать не мог: его серебристые волосы слишком блестели на свету.

Варин оглянулся на своих людей — все они с ужасом в глазах забились в угол; а у входной двери стоял Дункан, с обнаженным мечом, но в довольно миролюбивой позе. Варин, припомнив обстоятельства, при которых он видел этого гордого молодого Дерини, похолодел и закрыл глаза на мгновение, чтобы собраться с силами. Лишь после этого он повернулся, чтобы взглянуть в глаза своему королю и своим врагам.

Глава XV

*«ДАЖЕ В МЫСЛЯХ СВОИХ НЕ ПОРОЧЬ ЦАРЯ»**

— Варин, скажи своим людям, чтобы не сопротивлялись. Теперь распоряжаться здесь буду я,— произнес Келсон.

— Я не могу этого допустить, государь.— Карие глаза Варина без тени страха встретили взгляд короля.— Пол, зови стражу.

— Не подходи к двери, Пол,— сказал король, прежде чем тот двинулся с места.

* Екклезиаст 10:20.

Помощник Варина замер, услышав свое имя, произнесенное королем, и взглянул на своего предводителя в ожидании распоряжений. Дункан по-прежнему стоял возле двери, священник на минуту сжал рукоятку обнаженного клинка — он готов был пустить его в ход по первому знаку.

Варин быстро взглянул на дверь, затем на лицо Пола, испуганное и нерешительное, затем — в непроницаемые глаза Моргана, стоящего рядом с королем. Со вздохом он потупил взор, и плечи его удрученно поникли.

— Делать нечего, друзья мои,— устало произнес он,— бросайте оружие и отойдите в сторону. Простая сталь не одолеет чародейства Дерини.

— Но, милорд...— возразил было один из его людей.

— Хватит, Джеймс.— Варин снова посмотрел в глаза Келсону.— Известно, что ожидает того, кто восстал против своего короля и потерпел поражение. Однако умрем мы с мыслью о том, что сражались за Божье дело. А вы, о мой король, на том свете сполна заплатите за наши жизни.

Невнятный испуганный гул раздался со стороны тех четверых, что стояли у него за спиной, но затем все они начали отвязывать перевязи с мечами. В освещенной огнем камина комнате некоторое время слышался только приглушенный звон оружия, падающего на ковер. Побросав оружие, мятежники собрались вокруг своего главаря, но даже теперь выглядели они весьма угрожающе.

Келсон, заметив и это, и многое другое, знаком попросил Дункана собрать оружие. И пока пленники смотрели на Дункана, Морган неуловимым движением указал Келсону на низкое кресло у камина. Кивнув, Келсон приблизился к этому креслу, уселся в него и поправил царственным жестом полы плаща. Когда Келсон занял свое место, Морган встал по правую руку от него, немного позади, а Кардиель предпочел остаться в тени. Казалось, что король просто устроил небольшой, не очень пышный прием прямо в одной из спален замка. Это совсем сбило с толку людей Варина, с опаской ожидавших, что еще выкинет этот самоуверенный король-мальчик.

— Нам не нужна ничья смерть — ни твоя, ни твоих людей,— обратился к Варину Келсон, машинально переходя на королевское «мы».— Мы желаем только верности с этой минуты и навсегда. Или чтобы ты хотя бы выслушал по доброй воле то, что мы тебе сейчас скажем.

— Я освобождаю себя от верности какому-то королю-Дерини,— возразил Варин,— и вы меня больше не запугаете, ваш сан для меня ничего не значит отныне. Все вы, Дерини, смелые, когда надеетесь на вашу магию.

— В самом деле? — спросил Келсон, приподняв бровь.— Кажется, генерал Морган однажды попал к вам в руки совсем беззащитным, лишенным даже большей части своих человеческих сил. Разве люди, когда на них нападают, не защищаются так же, как и Дерини?

— Я не желаю иметь ничего общего с теми, кто занимается магией,— ответил Варин, упрямо выставив бороду и отвернувшись.

Морган сдержал улыбку:

— Вот как? А как же вы ухитряетесь доверять самому себе, Варин? Дар исцеления, в конце концов, это тоже магия, не правда ли?

— Что? — Варин вздрогнул и уставился в лицо Моргану.— Это богохульство! Да как вы смеете сравнивать священный дар исцеления со своим грязным богомерзким могуществом? Сам Господь был целителем. Да вам даже одним воздухом с ним дышать заказано!

— Возможно, возможно,— спокойно ответил Морган.— Не нам судить об этом. Но скажите, что такое, по-вашему, дар исцеления?

— Исцеления...— Варин заморгал и обвел присутствующих торопливым взглядом, подозревая, что в вопросе заключена ловушка, и не находя ее.— Ну, в Священном Писании сказано, что больных исцеляли и сам Господь, и его ученики после того, как он ушел от нас. Даже вам следовало бы это знать.

Морган кивнул.

— А вы, епископ Кардиель, можете ли вы оспорить это заявление Варина?

Кардиель, который до этого предпочитал оставаться в тени, встрепенулся, услышав свое имя, и, поколебавшись немного, вышел на свет и встал рядом с Морганом. Его епископский перстень сверкнул багровым светом в пляшущих языках пламени, когда он дотронулся пальцем до деревянного распятия, висящего у него на шее, и строго посмотрел на главаря мятежников.

— Я всегда верил, что Господь наш и ученики его исцеляли больных и увечных,— осторожно сказал он.

— Отлично,— кивнул Морган, снова оборачиваясь к Варину.— Так вы оба согласны, что дар исцеления есть дар Божий, а не что-нибудь еще, правильно?

— Да,— отозвался Кардиель.

— Разумеется,— не моргнув глазом, согласился Варин.

— И ваша, Варин, способность исцелять — это что, тоже дар Божий?

— Моя...

Келсон раздраженно махнул рукой и скрестил ноги, всем своим видом выказывая нетерпение.

— Не скромничайте, Варин. Мы же знаем, что вы можете исцелять. Мы сами это видели минуту назад. Еще мы точно знаем, что вы исцелили раненого в Кингслейке прошлой весной. Вы же не будете отрицать этого?

— Я? Конечно нет,— ответил Варин, слегка покраснев, выпрямившись и расправив плечи.— Раз Господь выбрал меня своим пророком, кто я такой, чтобы противиться его воле.

— Да, понимаю,— согласился Морган, нетерпеливо кивнув, и поднял руки, призывая к тишине.— Так вы считаете, что дар исцеления — всегда знак благодати Божьей?

— Да.

— А теперь представьте себе, что этим даром обладают Дерини,— спокойным голосом продолжил Морган.

— Дерини?

— Я могу исцелять, Варин. А вы хорошо знаете, что я Дерини. Выходит, мы вправе сказать, что дар исцеления — часть могущества Дерини?

— Могущества Дерини?

Варин оцепенел и побледнел, став белее снега, на его застывшем лице, казалось, живыми оставались только ничего не понимающие глаза. Люди Варина встревоженно зашептались, заметив, как подействовали эти слова на их главаря. Но они сразу же смолкли, как только Варин пошатнулся и протянул руку, ища поддержки.

Немного погодя он все-таки пришел в себя, кровь опять прилила к его лицу, и он недоверчиво и с явным ужасом уставился на Моргана.

— Вы с ума сошли! — прошипел он, когда дар речи наконец вернулся к нему.— Ваша ересь совсем затмила мне разум. Дерини не могут исцелять!

— Прошлой осенью в Ремуте я спас Дерри, когда он, умирающий, лежал со смертельной раной,— спокойно возразил Морган.— Позже на коронации, в соборе, я исцелил собственную рану. Я говорю о том, что было, Варин, хотя и не могу объяснить, как мне это удалось. Но я смог исцелить и человека, и Дерини.

— Это невозможно,— пробормотал Варин себе под нос,— этого не может быть. Дерини — сатанинское отродье, нас всегда так учили.

Морган сцепил пальцы и рассматривал ногти.

— Я знаю. Иногда я сам готов был в это поверить, вспоминая, какие страшные страдания пришлось перенести многим Дерини в последние века. Но меня тоже учили, что исцеление — от Бога, и если я могу своими руками... Что ж, значит, Он со мной, хотя бы когда я делаю это.

— Нет, вы лжете,— покачал головой Варин.— Вы лжете и меня пытаетесь запутать своей ложью.

Морган вздохнул, поглядел на Келсона, Кардиеля, на Дункана и заметил, что кузен вытаскивает меч из ножен с какой-то странной улыбкой на лице. Священник повел бровью и пересек комнату, присоединившись к своим друзьям. Варин и его люди с подозрительным видом отпрянули назад, с надеждой поглядывая на никем не охраняемую дверь.

— Аларик не лжет,— просто начал Дункан.— И если вы согласитесь выслушать меня, вместо того чтобы пытаться бежать, то я готов доказать вам это.

Люди Варина уставились на Дункана, а их главарь смерил священника недоверчивым взглядом.

— Что, он кого-нибудь при нас исцелит? — пренебрежительно процедил он.

— Именно это я и хочу предложить,— ответил Дункан, снова слегка улыбнувшись.

Морган нахмурился, а Кардиель, как заметил Дункан, встревоженно переступил с ноги на ногу, нащупывая распятие. Келсон сидел с зачарованным видом, так как он тоже никогда раньше не видел, как Морган исцеляет. Внимание всех обратилось на Дункана.

— Ну что, Варин?

— Но... кого же он исцелит?

Дункан снова таинственно улыбнулся.

— Вот мой план, Варин. Вы не хотите нас слушать, если Аларик не убедит вас, что говорит правду. Аларик, в свою очередь, не может представить вам убедительных доказательств, пока не исцелит кого-нибудь. Я предлагаю, чтобы кому-нибудь из нас нанесли легкую рану, чтобы ты, Аларик, мог показать, что владеешь этим даром, и Варин удовлетворился бы. Так как я это придумал, я согласен, чтобы и опыт произвели на мне.

— Что? — переспросил Келсон.

— Об этом и речи быть не может,— твердо сказал Морган.

— Дункан, вы не должны!..— одновременно с ним воскликнул Кардиель.

Варин и его соратники только переглядывались в крайнем недоумении.

— Но почему же? — спросил Дункан.— Если никто из вас не может придумать ничего лучше, мне кажется, другого выхода у нас нет. Мы зашли в тупик, из которого не выбраться, сколько ни препирайся. И потом, не обязательно наносить опасную рану. Простой царапины будет достаточно, чтобы доказать нашу правоту. Что вы скажете, Варин? Вас это удовлетворит?

— Я...— Варин лишился дара речи.

— И кто же, ты полагаешь, нанесет тебе эту «царапину»? — спросил наконец Морган. В его серых глазах стояло явное неодобрение.

— Ну, ты или Келсон, какая разница,— ответил Дункан, стараясь говорить непринужденно.

Кардиель покачал головой.

— Я никак не могу этого позволить. Вы же священник, Дункан. А священнику не пристало...

— Я отлучен, ваше преосвященство. И вы знаете, что, кроме меня, некому...

Он мгновение поколебался, затем вытащил из ножен, висящих на поясе, кинжал и протянул его рукояткой вперед.

— Возьмите же. Пусть один из вас решится, и покончим с этим. А то я уже начинаю нервничать.

— Нет,— вдруг заговорил Варин. Он приблизился ко всем четверым на несколько шагов и остановился в напряженной позе, с опаской глядя на них.

— У вас есть возражения? — спросил Келсон, медленно приподнимаясь со своего места.

Варин сцепил руки и начал возбужденно шагать по комнате, качая головой и перемежая свою речь резкими жестами.

— Это западня, западня. Я вам не верю!.. Откуда мне знать, что вы все это не нарочно подстроили? Вы и раните этого человека понарошку, и исцелите его тоже понарошку. Этим вы мне ничего не докажете. У Сатаны в запасе много всяких трюков и обманов.

Дункан посмотрел на своих друзей и вдруг протянул кинжал Варину.

— Ну так пустите мне кровь вы, Варин,— спокойно сказал он.— Нанесите мне рану, исцеление которой убедит вас в нашей правдивости.

— Я...— Варин запнулся.— Но я никогда...

— Что, никогда не проливали ничью кровь, Варин? — хмыкнул Морган, становясь рядом с Дунканом, чтобы поддержать его.— Сомневаюсь. А если это правда, то даже и лучше, если это сделаете именно вы. Хотите доказательств — получите их, но уж и потрудитесь для этого.

Варин некоторое время колебался, с недоверием поглядывая на кинжал.

— Ну хорошо, я сделаю это. Но не его кинжалом. Я возьму один из наших, который точно не заколдован.

— Как хотите,— сказал Дункан, пряча свой кинжал, а Варин тем временем подошел к груде оружия, брошенного его людьми, и, став на колено, стал выбирать что-нибудь подходящее. Он остановился на тонком крестообразном кинжале с рукояткой из слоновой кости. Лезвие блеснуло, когда Варин обнажил кинжал и благоговейно поцеловал его. Потом он поднялся и застыл на месте.

— Прошу вас,— начал Дункан,— ограничиться раной, которую вы сами могли бы исцелить.— Он расшнуровал ворот рубашки и отстегнул пояс.— Должен также сказать, что, если вы нанесете смертельную рану, это будет не совсем благородно с вашей стороны. Я не хотел бы расставаться с жизнью прежде, чем Аларик успеет привести в действие свои силы.

Варин неловко огляделся, сжимая в потной руке рукоятку из слоновой кости.

— Я не нанесу раны, какую не мог бы вылечить сам.

— Благодарю.— Дункан стащил через голову рубаху и передал ее Моргану, который повесил ее на спинку кресла, где недавно

сидел Келсон. Лицо священника, стоявшего перед Варином, побелело, но страха в его глазах не было.

Варин приблизился, держа кинжал на уровне пояса, осторожно, неохотно, словно боялся, что враг вот-вот, к его ужасу, просто исчезнет. У него мелькнула мысль, что он имеет возможность убить хотя бы этого одного Дерини, но тут же отбросил эту мысль; нет, ему нужно убедиться, что эти Дерини лгут, не могут они владеть даром исцеления.

Подойдя к Дункану на расстояние вытянутой руки, он остановился и с трудом заставил себя посмотреть в спокойные голубые глаза, а затем оглядел священника с ног до головы. Дункан редко бывал на солнце, и тело у него, словно у женщины, было бледное, как слоновая кость, но на этом сходство кончалось. Он был крепок, широкоплеч, с лоснящимися тугими мышцами. Слева под грудью виднелся небольшой шрам, и еще один — на бицепсе правой руки; очевидно, эти шрамы были получены им в юности, во время учебных боев.

Варин медленно поднял кинжал до уровня глаз и слегка коснулся клинком левого плеча Дункана. Священник не вздрогнул от прикосновения стали, но Варин больше не смог заставить себя посмотреть ему в глаза.

— Делайте же то, что должны сделать,— шепнул Дункан, готовясь принять удар.

Глава XVI

*«ТЫ ИСПЫТАЛ МЕНЯ И ЗНАЕШЬ...»**

Дункан почувствовал острую, жгучую боль в левом плече, а затем судорога сотрясла все его тело. Он еще был в сознании, и от него не ускользнули ни безумный блеск в глазах Варина, ни встревоженный вскрик Келсона, ни то, как заботливо поддержал его за плечи Аларик, когда он начал тяжело оседать.

Потом Дункан впал в забытье и не видел, как Морган резко подскочил к Варину, гневно сверкая глазами, как Варин отшатнулся, поняв, что он натворил.

Дункан пришел в себя и почувствовал пальцы Аларика на кинжале, пронзившем его плечо, почувствовал надежную руку

* Псалтырь 138:1.

друга, поддерживающую его голову. Все отступили от них, кроме Варина — он по-прежнему стоял рядом. Аларик наклонился, заглянул в глаза кузену, шепча что-то при этом, но Дункан не мог разобрать слов.

— Дункан? Дункан, ты меня слышишь? Черт вас подери, Варин, вы перестарались. Дункан, это я, Аларик. Послушай меня!

Усилием воли Дункану удалось сосредоточиться и разобрать эти обращенные к нему слова. Он моргнул и, как ему казалось, целую вечность смотрел на кузена, а затем слабо кивнул. У него не было сил отвернуть голову, а перед глазами торчала украшенная слоновой костью рукоятка небольшого кинжала Варина, и Дункан стал рассматривать завитки и бороздки на ней.

Тут Аларик опять заглянул ему в глаза, и Дункана охватил покой, когда кузен положил руку ему на лоб.

— Рана тяжелая, Дункан,— прошептал золотоволосый Дерини, глядя ему в глаза.— Мне понадобится твоя помощь. Если можешь, то я бы хотел, чтобы ты все это время был в сознании. Я не уверен, что справлюсь один.

Дункан слегка повернул голову и снова посмотрел на кинжал, прижавшись щекой к руке кузена.

— Начинай,— шепнул он.— Я постараюсь.

Он увидел, как Аларик утвердительно прикрыл глаза, почувствовал, как руки кузена приподняли его так, что голова его оказалась на груди Аларика. Морган приготовился остановить кровотечение левой рукой, как только правой вытащит из раны клинок. Дункан поднес здоровую руку к левой ладони Аларика, готовый в меру сил помочь ему, и приготовился к новому всплеску боли, который, он знал, последует, как только извлекут кинжал.

— Ну, давай же,— пробормотал он.

Вдруг Дункан почувствовал, как металл царапнул по кости, как сталь обожгла мышцы, сухожилия, нервы, плечо его залила кровь, хлынувшая из раны. Аларик быстро зажал рану ладонью, Дункан наложил свою ладонь сверху и сразу ощутил, как сквозь пальцы сочится горячая кровь. В это время его сознание соприкоснулось с сознанием кузена — смягчающим, успокаивающим, поглощающим боль.

Боль отступила, Дункан смог открыть глаза и заглянуть в бездонные серые глаза Аларика. Связь между ними установилась в одно мгновение, и их мысли переплелись между собой крепче, чем могли бы переплестись руки.

Затем оба — и Аларик, и Дункан — снова закрыли глаза, чтобы сосредоточиться, и вскоре у Дункана возникло ощущение, что он слышит, но не ушами, а как-то иначе, глубокий мелодичный звон. Их взаимосвязь окрепла, и всепроникающее чувство покоя охватило его, словно некая призрачная рука, бесформенная и бесплотная, легла на его воспаленное чело. На какое-то мгновение ему показалось, что к их с Морганом усилиям присоединились еще чьи-то усилия того, кого он никогда раньше не видел и не слышал. Потом боль совсем прошла, кровотечение остановилось. Дункан открыл глаза и сразу увидел склонившуюся над ним золотую голову Аларика и почувствовал, что связь между ними растаяла. Слегка тронув руку Моргана, когда тот открыл глаза, Дункан приподнял голову, чтобы видеть свое плечо, залитое кровью. Аларик все еще прижимал окровавленную ладонь к руке кузена. Наконец он убрал ее — раны не было!

Там, где вошло лезвие, на коже осталась тонкая, еле заметная линия, да и та быстро исчезала. Даже кровь, что так обильно текла из раны, куда-то пропала, в крови были только ладони того и другого. Дункан поднял голову, взглянул на Аларика и снова уронил голову ему на плечо, чтобы впервые взглянуть на окружающих их зрителей. Ближе всех стоял Варин — бледный, с лицом, искаженным благоговейным страхом, за ним — Келсон и Кардиель, а в стороне толпились люди Варина с испуганными лицами. Дункан устало улыбнулся и, медленно опустив исцеленную руку, снова взглянул на кузена.

— Ну, спасибо,— пробормотал он.

Аларик улыбнулся и поддержал Дункана, помогая ему сесть.

— Ну что, Варин,— заговорил он,— довольно с вас того, что вы видели? Согласитесь, если дар исцеления и впрямь даруется Богом, то от Него он достался и Дерини?

Бледный Варин изумленно покачал головой.

— Не может быть! Дерини не могут исцелять. Да, но ты-то исцелил. Значит, этот дар подвластен могуществу Дерини. А тот, кто исцеляет...

Голос его прервался, потому что Варин окончательно запутался, и он побледнел бы, наверное, еще больше, если бы это было возможно. Морган увидел, что наконец достиг того результата, к которому стремился. С понимающей улыбкой он помог Дункану подняться и приблизился к Варину.

— Да, Варин, вы должны взглянуть правде в глаза,— спокойно сказал он.— Если бы то, что я скажу, вам сказали раньше, вы бы и слушать не стали. Но теперь-то вы, может быть, сможете трезво оценить услышанное. Мы думаем, что, возможно, вы тоже Дерини.

— Нет, этого не может быть,— удивленно пробормотал Варин,— я не Дерини. Я всю жизнь ненавидел Дерини. И я знаю, что их не было в моем роду. Это невозможно!

— Может быть, и так,— согласился Келсон, глядя на Варина так же пристально, как и Морган.— Многие из нас в чем-нибудь уверены всю жизнь, пока волей случая эта уверенность не разрушится. Вы, возможно, слышали, как моя матушка обнаружила, что ее предки были Дерини. А кто мог предположить, что Джеанна Гвиннедская — Дерини? Она ведь держалась тех же взглядов, что и вы, Варин, причем во многих отношениях еще тверже вас.

— Но как же, как можно узнать правду о себе? — слабым голосом спросил Варин.— Как узнать точно?

Морган улыбнулся.

— Джеанна узнала, когда у нее не осталось другого выхода и ей пришлось воспользоваться своими силами, о которых она и не догадывалась. Но есть и другой способ. Если заглянуть в ваш мозг, можно наверняка узнать, Дерини вы или нет. И это — единственное, что может дать полную уверенность. Если хотите, я вас проверю.

— Заглянуть в мысли?..

— Вы сами настроитесь и позволите моему сознанию войти в ваше. Я не могу объяснить, как, слившись с вашим разумом, узнаю, Дерини вы или нет, но что узнаю — это точно. Поверьте, я могу это сделать. Вы согласны?

— Что? Войти в мое сознание? Я...— Он взглянул на Кардиеля, неосознанно ища поддержки епископа.— А можно, ваше преосвященство? Я... не знаю, как мне поступить. Научите меня, умоляю вас.

— Я верю Моргану,— негромко произнес Кардиель,— хотя тоже не знаю, как он это делает, но я принимаю его слова на веру. И хоть я никогда не соприкасался с его сознанием, мне кажется, в этом нет ничего дурного. Вы должны осознать свои прошлые ошибки и присоединиться к нам, Варин. Только наше единство поможет Гвиннеду выстоять против Венцита Торентского. Я уверен, вы это понимаете.

— Да, но позволить Моргану...— Голос его прервался, когда он посмотрел на генерала-Дерини, а Морган понимающе кивнул в ответ.

— Я разделяю ваши опасения на сей счет. Вы знаете, что я не испытываю к вам теплых чувств. Но больше некому это сделать. Келсону не хватает опыта, каким бы способным он ни был, а Дункан, боюсь, слишком ослабел. То, что мы собираемся проделать, требует слишком много сил, Дункану это может повредить. Так что, если вы хотите узнать истину, выбора у вас нет.

Варин потупил взгляд и несколько секунд глядел себе под ноги, затем медленно обернулся к своим соратникам.

— Скажите мне честно,— спросил он полушепотом,— вы верите, что я Дерини? Пол? Оуэн?

Пол оглядел остальных и переместился на несколько шагов вперед.

— Я... Поверьте, я говорю от имени всех нас, лорд, так вот, мы даже не знаем, что и думать.

— Что же мне делать? — прошептал Варин себе под нос.

Пол взглянул на остальных и снова заговорил:

— Узнайте все разом, лорд. Может быть, мы и ошиблись в Дерини. Конечно, если вы из них, то зла в них быть не может. Да мы за вами в Преисподнюю спустимся и обратно вернемся, вы же знаете. Так что лучше бы узнать.

Варин тяжело опустил плечи, признавая поражение, и повернулся к Моргану, не глядя ему в глаза.

— Кажется, я вынужден вам подчиниться,— сказал он.— Мои собратья хотят знать, кто я такой, и, признаюсь, я — тоже. Что я должен делать?

Морган протянул Дункану его рубашку и развернул кресло к огню.

— Не нужно никому покоряться, Варин,— сказал он, давая знак рукой всем остальным отойти. Он вспомнил на мгновение, как они с Варином стояли друг против друга в гробнице святого Торина.— Мы оба останемся в полном сознании и действовать будем сообща. Если вы вдруг испугаетесь чего-нибудь и не захотите продолжать, то в любой момент можете прервать нашу связь. Обещаю, что ничего не сделаю против вашей воли. Сядьте, пожалуйста, сюда.

Тяжело вздохнув, Варин посмотрел на кресло, повернутое теперь к огню, и осторожно присел на самый его край. Морган

встал позади, положил руки ему на плечи и притянул его к спинке кресла.

Все остальные тоже сгрудились за креслом, так что видели только спину Моргана и плечи Варина. В полумраке голос Моргана звучал тихо и успокаивающе.

— Расслабьтесь, Варин. Сядьте и смотрите в камин, на огонь. В том, что мы делаем, магии очень мало. Расслабьтесь и смотрите на огонь. Сосредоточьтесь на моем голосе и на прикосновении моих рук. Я обещаю, что не принесу вам вреда, Варин. Расслабьтесь и погружайтесь в себя вместе со мной. Пусть для вас из всей вселенной останется только это мягкое мерцание пламени. Расслабьтесь и погружайтесь в себя.

Монотонный голос Моргана продолжал гудеть то громче, то тише, в такт мерцанию языков пламени, и вскоре Варин на самом деле расслабился. Морган все слабее сжимал его за плечи, и Варин не вздрогнул, когда он совсем убрал руки,— хороший знак. Медленно, по мере того как Варин все больше и больше попадал под чары его монотонного голоса, Морган сосредоточивал свои мысли на его особе, поглядывая на свой перстень с грифоном и начиная первый этап мысленного контакта. Варин уже пребывал к этому времени в легком трансе, дыхание его с каждой минутой замедлялось и делалось глубже; наконец веки его затрепетали и сомкнулись.

Морган легко коснулся его висков, и Варин не шелохнулся в ответ; со вздохом облегчения Морган позволял себе еще более глубоко проникнуть в сознание Варина. Слегка прижав голову Варина к своей груди, он сам прикрыл глаза и затем склонил голову. Теперь он целиком проник в сознание Варина.

Прошло, наверное, минут пять, прежде чем он пошевелился и, приподняв голову, со все еще закрытыми глазами повернулся к Келсону и Дункану.

— У него удивительно упорядоченный разум — при всех этих предрассудках,— прошептал он.— Однако я почти уверен, что он не Дерини. Хотите убедиться?

Келсон и Дункан безмолвно приблизились и склонились над Варином, возложив руки ему на голову. Через несколько секунд они отошли.

— Морган прав. Он не Дерини,— шепнул Дункан.

— Но он же владеет даром исцеления,— удивленно пробормотал Келсон.— И, судя по всему, он даже делал какие-то попытки читать мысли. Согласитесь, из всех искусств Дерини эти два наиболее полезны человеку, возомнившему, что он облечен пророческой миссией.

Морган кивнул и снова посмотрел в лицо Варину.

— Совершенно верно. Сейчас я ему поведаю кое-что об истинной природе Дерини, чтобы помочь ему преодолеть то, что он затвердил раньше, а затем выведу из транса.

Он ненадолго закрыл глаза и, открыв их, снова положил руки Варину на плечи, ободряюще сжав их. Варин вздрогнул, открыл глаза и, повернув голову, удивленно взглянул на Моргана.

— Я не Дерини,— благоговейно выдохнул он,— и я как будто разочарован этим. Я не думал...

— Но теперь вы все поняли, правда? — устало вздохнул Морган.

— Просто не понимаю, как это я так заблуждался в отношении Дерини? И это мое призвание: что это было на самом деле?

— Ваше могущество исходит не от Дерини,— тихо сказал Дункан.— Быть может, вы и были призваны, но неверно поняли, для чего.

Варин посмотрел на Дункана, переваривая его слова, но, заметив, что позади него стоит Келсон, спохватился и вскочил, не понимая, как он мог сидеть в присутствии короля.

— Простите меня, государь, за то, что я наговорил вам сегодня, за то, что я совершил против вас в прошедшие месяцы,— как мне искупить свою вину перед вами?

— Будьте моим верным подданным,— просто ответил Келсон.— Помогите нам убедить архиепископов в том, что вы сами поняли, и я прошу вас. Мне нужна ваша помощь, Варин.

— Буду счастлив послужить вам, государь,— сказал Варин, припадая на одно колено и почтительно склоняя голову. Его соратники, благоговейно взирающие на них, также опустились на колени.

Келсон признательно коснулся его плеча и дал им всем знак подняться с колен.

— Благодарю вас, джентльмены. Но у нас нет времени на церемонии. Варин, теперь мы должны подумать, как нам оповестить ваших людей о том, что вы теперь на нашей стороне. У вас есть какие-нибудь предложения?

Варин на мгновение задумался и кивнул.

— Я вот как думаю, государь. Раньше в серьезные минуты у меня часто бывали видения. Мои люди знают об этом и верят в

то, что я им рассказываю. Вот я и объявлю, что этой ночью ко мне явился ангел и сказал, что мне надлежит ради спасения Гвинеда явить вам свою преданность. Придет время, и мы скажем им всю правду. Причем если мы распространим эту новость немедленно да еще приукрасим как-нибудь, то к утру никого не удивит ваше присутствие здесь и все будут на вашей стороне. Вы одобряете это?

— Морган? — спросил Келсон.

— Ну, Варин, вы прирожденный интриган,— улыбнулся Морган,— а могут ли ваши помощники заняться этим?

Главарь мятежников кивнул.

— Отлично. А когда вы кончите, я хотел бы встретиться с вами у лестницы, ведущей в башню. Да, и освободите из заточения моих офицеров. Они ведь в темнице?

— Увы, боюсь, что так,— отозвался Варин.

— Не важно. Я знаю, как их оттуда вывести. Так мы встречаемся в два?

— В три уже светает,— напомнил Пол де Гендас.

Морган пожал плечами.

— Что ж делать. Нам все равно нужно время. Так значит, в два часа у лестницы, ведущей в башню, согласны?

Глава XVII

*«И ДАСТ ЗНАК ЖИВУЩЕМУ НА КРАЮ ЗЕМЛИ...»**

К рассвету лишь немногие в Коротском замке не были осведомлены о странном и удивительном видении, посетившем лорда Варина этой ночью. Войско Варина — а это была основная сила защитников Корота — целиком поддержало своего обожаемого вождя, даже не пытаясь понять этого странного изменения его взглядов. А та горстка солдат, что пришла в Корот с архиепископами, предпочитала не спорить с людьми Варина, которых было куда больше. Правда, рано утром некоторые из них совершили большую ошибку, попытавшись все же выступить против, но это кончилось тем, что их схватили верные соратники Варина и бросили в темницу.

* Исайя 5:26.

Рассвет застал обеспокоенных епископов Лориса, Карригана и еще с полдюжины их сторонников в герцогской часовне, где они собрались под предлогом совершения заутрени, но на самом деле — чтобы обсудить истинное значение ночных событий. Никто из них ни на минуту не поверил, что Варина посетило видение, однако никто не мог понять и того, что же произошло в действительности.

— Говорю вам, все это ни с чем не сообразно,— твердил Лорис.— Этот Варин слишком далеко зашел. Какие могут быть видения в такое время! Нет, это просто неслыханно!

Священнослужители столпились по одну сторону нефа часовни, в передней его части. Лорис, не находя себе места, шагал по ковру взад и вперед. Карриган осунулся и выглядел сейчас гораздо старше своих шестидесяти лет. Он сидел на маленькой скамеечке немного в стороне от других священников, как и подобает второму человеку после Лориса. Остальные — де Лацей, Креода из Карбура, Карстен Меарский, Ивор и двое странствующих епископов — Моррис и Конлан — сидели лицом к ним обоим с весьма озабоченным видом. Больше в часовне, запертой снаружи, никого не было. Самый молодой из присутствующих, епископ Конлан, гулко откашлялся.

— Вы можете говорить, милорд, что это неслыханно, но, к сожалению, это так. И это очень меня беспокоит. Отныне, судя по тому, что стало известно, Варин переменил свое отношение к Дерини. А что будет, если он поддержит короля?

— Вот-вот,— согласился Ивор,— я даже слышал, будто он так и собирается поступить. Если это правда, да еще сейчас, когда королевская армия у самых стен Корота, нам несдобровать.

Лорис проницательно посмотрел на обоих епископов и покачал головой.

— Он не посмеет. Не так-то просто ему будет переубедить своих людей. Не может же он изменить все свои взгляды за одну ночь.

— Может быть, и так,— прохрипел Креода. Его старческий голос, тонкий и пронзительный, время от времени прерывался кашлем.— Но только все утро происходит что-то странное. Это просто в воздухе носится. Двое из моей личной охраны, преданные нам люди, куда-то исчезли. На многих постах появились какие-то незнакомые лица.

— Хм! — сказал Лорис.— Я подозреваю, никто не знает наверняка, что же именно привиделось Варину?

— Не совсем так,— ответил ему де Лацей.— Мой капеллан рассказал, что, по словам стражников, к Варину явился ангел.

— Ангел?

— Это нелепо! — раздраженно заметил Лорис.

Де Лацей пожал плечами.

— Мне так сказали. Ангел, трубящий в рог огненный, явился во сне Варину и предупредил его, что ему нужно действовать по-другому.

— Да будь он проклят со своим видением! — воскликнул Лорис.— Он не может разрушить все, на чем стоял, из-за того, что ему привиделся какой-то сон. За кого он нас...

Тут в дверь постучали, и все в часовне застыли. Стук повторился, и взгляды присутствующих оборотились на Лориса. Лорис дал знак, и Конлан встал и подошел к двойным дверям. Взявшись за засов, он спросил:

— Кто там?

После недолгого молчания послышался ответ:

— Это Варин. Что это значит? Почему двери заперты?

По знаку Лориса Конлан откинул засов и незаметно скользнул в сторону, насторожившись, а тем временем Варин со своими ближайшими соратниками и небольшим отрядом вооруженных воинов вошел в часовню. Солдаты выстроились вдоль стен; один из них оттеснил Конлана к остальным епископам, поднявшимся со своих мест.

— Что это значит? — возмутился Лорис, выпрямившись во весь рост, словно вспомнил вдруг о своей духовной власти.

Варин с торжеством на лице поклонился ему в пояс.

— Доброе утро, милорд,— произнес он, уткнув руки в бока.— Надеюсь, вы и собратья ваши хорошо спали?

— Довольно шутить, Варин,— фыркнул Лорис.— Почему вы с оружием в руках ворвались сюда и прервали заутреню? Оружию не место во Храме Божьем.

— Иногда это необходимо, архиепископ,— ровным голосом ответил Варин.— Я пришел сюда просить вас об отмене отлучения.

— С вооруженным отрядом? — возмущенно начал было Лорис.

— Я здесь, архиепископ. И я хочу, чтобы вы отменили отлучение, наложенное вами на Аларика Моргана, Дункана Маклайна, короля и весь Корвин.

— Что? Да вы с ума сошли!

— Нет, архиепископ, я в своем уме. Но я очень рассержусь, если вы будете упрямиться.

В Лорисе все закипело от возмущения.

— Да вы — безумец! Конлан, позовите стражу. Мы не позволим...

— Пол, запри дверь,— отрывисто приказал Варин, обрывая Лориса на середине фразы,— а вы, милорд архиепископ, придержите язык и слушайте. Ваше величество, не изволите ли войти?

Услышав эти слова, прелаты ахнули; дверь ризницы позади алтаря открылась, и вошел Келсон, весь в красном. За ним следовали Морган, Дункан, Кардиель и несколько освобожденных Морганом офицеров замковой охраны. Поверх иссиня-черных волос Келсона был надет золотой обруч. Король был великолепен в малиновом плаще поверх туники из золотой парчи и батиста. Морган надел свою тунику с грифоном на груди, вышитым по шелку золотом и изумрудами. Дункан был в черном, яркий плед расцветки его рода был перекинут у него через плечо и приколот массивной серебряной брошью. Кардиель тоже был в черном; на нем была великолепная расшитая серебром риза, а седую голову покрывала высокая белая с серебром митра.

Впечатление было таким сильным, что прелатам понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Некоторые торопливо перекрестились, Конлан и Карриган заметно побледнели, а Лорис от гнева просто лишился дара речи.

Варин и его люди, все как один, почтительно пали на колени, а воины приветствовали короля, приложив к груди руки в стальных боевых перчатках.

Келсон едва взглянул на застывших в немом изумлении епископов и знаком попросил Варина и его людей подняться. Вместе со своими спутниками он пересек часовню и присоединился к Варину. Епископы в ужасе отпрянули назад. Поравнявшись с Варином, Келсон повернулся лицом к Лорису и остальным, а его спутники встали у него за спиной, демонстрируя свое единство.

— Так что же, Лорис, помните ли вы, как присягали на верность нам? — Келсон холодно посмотрел на него своими серыми глазами.

Лорис встал еще прямее, пытаясь сохранить остатки своего достоинства.

— При всем уважении к вам, государь, должен напомнить, что вы отлучены от Церкви. Отлучение снимает все королевские

прерогативы, в том числе и право отдавать приказы. Вы для нас мертвы, государь.

— Да, но я жив, архиепископ,— возразил Келсон.— Ни Морган, ни Маклайн, ни кто-либо другой из тех, кого вы на основании одного нерасследованного происшествия предали анафеме, не мертвы. Даже Варин теперь признал нашу власть.

— Варин — изменник! — воскликнул Лорис.— Он попался на какую-нибудь уловку Дерини. Вы подкупили его!

— Напротив,— перебил его Келсон.— Варин — неподкупен, как я имел честь убедиться. Он просто понял, что заблуждался, и добровольно перешел на нашу сторону. Так что вопрос о происшествии в гробнице святого Торина, на котором вы, похоже, главным образом основывали свои обвинения, закрыт. Если вы и при этих обстоятельствах продолжите упорствовать в своем неповиновении, то нам придется прийти к выводу, что некие особые причины побуждают вас восстать против своего короля. И предатель здесь не Варин. Он сам сделал выбор.

— Вы с ним что-то сделали! — вскричал Лорис, трясясь от злости и указывая на Варина.— Вы воспользовались вашими подлыми чарами и затмили его разум. Без вашего вмешательства он бы никогда не сделал такого выбора!

Морган шагнул вперед и бросил на Лориса угрожающий взгляд.

— Не забывайте, с кем разговариваете, архиепископ,— сказал он тихо и холодно.— Даже королевское терпение имеет предел.

— Ах! — Лорис в досаде поднял руки и возвел глаза к небу.— Почему мы должны слушать этого еретика? Мне нечего больше сказать вам. Мы не можем изменить своим убеждениям.

— Тогда вы будете пребывать в заточении здесь, в Короте, пока не измените свое решение,— спокойно сказал Келсон.— Мы не можем больше терпеть вашего неповиновения. Стража, возьмите архиепископа Лориса. Епископ Кардиель, мы временно назначаем вас действующим примасом Гвинхеда, до тех пор, пока курия не утвердит это назначение либо не заменит вас более для нее приемлемым, но верным короне священнослужителем. Архиепископ же Лорис утратил наше доверие.

— Вы не можете этого сделать, ваше величество,— бушевал Лорис, когда его схватили двое стражников.— Это же нелепость!

— Успокойтесь, архиепископ, или вам заткнут рот. Что касается остальных... Кто не хочет последовать за его преосвященством, должен сделать выбор. Если вы чувствуете, что не можете

с чистой совестью присоединиться к нам для борьбы с Венцитом, я отпускаю вас, дабы вы удалились в свои почтенные епархии, при условии, что вы поклянетесь придерживаться нейтралитета до конца войны. Но если вы не сможете дать подобную клятву, мы просим вас не кривить душой. И лучше вам остаться под стражей здесь, в Короте, чем оказаться перед лицом нашего гнева, когда мы узнаем, что вы нарушили свое слово. Те же из вас, кто, о чем мы молимся, найдет в себе силы отречься от всего, содеянного за последние месяцы, вернут себе свои добрые имена. Если вы теперь же преклоните перед нами колена и вновь подтвердите вашу преданность короне, мы соизволим даровать вам прощение за все прошлое и с радостью примем вас в наши ряды. Ваши молитвы понадобятся нам через несколько дней, когда наша армия сойдется в битве с воинством Венцита.

Он еще раз обвел взглядом лица прелатов.

— Ну что, милорды? Что вы выберете? Темницу, монастырь или службу королю? Решайте.

Эти слова Келсона еще больше разъярили Лориса.

— Нет у вас никакого выбора! — напыщенно произнес он.— Не может быть выбора, когда дело касается ереси. Карриган, вы же не предадите веры, правда? Креода, Конлан, я уверен, что вы не дрогнете перед этим нахальным колдуном, или я ошибаюсь?

Келсон подал знак, и один из стражников начал затыкать архиепископу рот, оторвав для этого лоскут от его же плаща.

— Я вас предупреждал,— сказал Келсон, холодно и пристально глядя на него; затем он обвел взглядом остальных.— Ну, что вы решили? У нас с вами нет времени на долгие размышления.

Епископ Креода нервно кашлянул, взглянул на своих собратьев и сделал шаг вперед.

— Я не могу сказать за всех братьев моих, но я не могу последовать за вами. Если ваше величество не против, я намерен вернуться в Карбур на время войны. Я... я даже не знаю, во что мне теперь верить.

Келсон коротко кивнул и оглядел оставшихся. После недолгих колебаний Ивор и Карстен шагнули вперед, и Ивор слегка поклонился, прежде чем начать говорить.

— Мы просим у вас прощения, государь. Мы принимаем ваше предложение и возвращаемся в наши обители. Мы даем вам слово, что не будем мешать вам.

Келсон кивнул.

— А что же остальные? Я уже сказал вам, что у меня мало времени.

Епископ Конлан решительно вышел вперед и упал на колени.

— Я снова преклоняю перед вами колена, государь. Я не желаю больше поддерживать то, что началось с событий в гробнице святого Торина. Если вы верите в невиновность Моргана и Маклайна, то этого для меня достаточно. Всех нас ввели в заблуждение. Умоляю, простите меня, государь.

— С радостью прощаю вас, епископ Конлан.— Келсон склонился над ним и коснулся его плеча.— Так вы поедете с нами на север?

— О да, государь.

— Хорошо.— Келсон посмотрел на остальных, на Лориса, извивающегося в руках стражников, на Креоду, Ивора и Карстена, собирающихся отправиться в уединение, и на двоих оставшихся прелатов, еще не сделавших выбор.

— Де Лацей, что скажете вы?

Де Лацей потупил взгляд, затем выпрямился и медленно опустился на колени.

— Простите, государь, мою кажущуюся нерешительность, но я старик, мне уже не измениться. Не привык я перечить ни архиепископу моему, ни моему королю.

— Да, но сейчас вы, кажется, вынуждены не подчиниться одному из нас. Кому же?

Де Лацей склонил голову.

— Я поеду с вами, государь. Но я бы хотел ехать в повозке, а не на боевом коне — я слишком стар для верховой езды.

— Капитан, приготовьте экипаж для его преосвященства. А вы, Карриган? Почему мне приходится спрашивать каждого в отдельности? У вас было время подумать.

Карриган был мертвенно-бледен, его важное круглое лицо блестело от пота. Он долгим взглядом посмотрел на своих соратников и на своего ближайшего собрата Лориса, которого держали стражники, затем вытащил большой носовой платок и, прежде чем обернуться к Келсону, промокнул им лицо.

Потом он приблизился к королю на несколько шагов, взглянул напоследок на Лориса и склонил голову, уставясь себе под ноги.

— Простите, государь, но я слишком стар и слишком устал, чтобы продолжать борьбу. Несмотря на то что я с вами не согласен, у меня нет больше сил вам противоречить. И, боюсь, я не

выживу в вашей узнице, государь. Поэтому я прошу разрешения возвратиться в Ремут, в мое имение. И мне... мне нехорошо...

— Так,— спокойно произнес Келсон.— Вы даете мне слово, что не будете выступать против меня; что ж, идите с миром. Благодарю вас, милорды, что вы не внесли в это дело никаких дополнительных сложностей. А теперь, Морган, Варин, лорд Гамильтон, я хочу, если это возможно, выступить отсюда в полдень. Подготовьте, пожалуйста, все, что может понадобиться в дороге.

Объединенное войско было готово тронуться в путь только ближе к вечеру, но Келсон все равно отдал приказ выступать. Если двигаться всю ночь без остановки до полудня следующего дня, то можно пройти почти весь Корвин. Затем, после короткого привала, они могут двинуться вновь и к полудню второго дня прибыть в Дхассу. Таким образом, уже через два дня они соединятся с войском, разбившим лагерь под стенами Дхассы. В общем, на встречу с Венцитом на севере можно было рассчитывать не раньше чем через неделю. Келсон надеялся, что они не опоздают.

Было уже довольно поздно, когда войско вышло из Корота, но никому не приходило в голову роптать на столь поздний выезд. Передовые отряды уже покинули крепость и держали путь на северо-запад. Знамена с королевским львом плескались на ветру рядом с серыми штандартами повстанцев Варина, рядом с пурпурными флагами отборных войск епископа Кардиеля. Обозные телеги скрипели вдоль дорог, кавалерия грохотала по свежей зелени полей, вьючные животные фыркали и пронзительно кричали, подхлестываемые погонщиками. Богато украшенные камзолы освобожденных офицеров Моргана смешались с мундирами королевских уланов, яшанской пехоты, халдейнских лучников. Всех их, от знатного лорда до простолюдина, объединяла преданность своему королю, который гордо ехал во главе войска.

Вернувшись в свой лагерь, Келсон облачился в сверкающую золотом кольчугу короля Гвиннеда, укрепил на сапогах золотые шпоры, опоясал тонкий стан белоснежной, расшитой золотом перевязью с боевым мечом в золотых ножнах. С этим самым мечом его отец шел в бой в столь же юном возрасте. Золотой шлем Келсона блестел на солнце, украшенный короной, сверкающей драгоценными камнями, развевалось на ветру малиновое перо. На плечи его был наброшен алый плащ, на руках были перчат-

ки из алой замши. Белоснежный боевой конь под ним пританцовывал, готовый пуститься вскачь, но Келсон сдерживал его, твердо сжав в руках красную кожаную уздечку. Рядом с Келсоном ехали Морган, Дункан, Кардиель с Ариланом, Нигель со своим сыном Коналом, офицеры Моргана и многие другие знатные лорды.

Таков был боевой порядок войска, выехавшего в этот день из Корота, и таким он останется, когда они через несколько дней вступят в битву с Венцитом. Но сейчас главным было то, что они объединились наконец для этого похода и спешили навстречу другим, верным королю войскам. Мысль о первой победе — о моральной победе, одержанной в Короте,— вдохновляла их сердца.

Впереди у Келсона, короля Гвиннеда, будут другие, не менее блистательные дни, но вряд ли еще какой-нибудь запомнится ему так, как этот, на долгие-долгие годы, ибо в этот день он одержал свою первую военную победу, несмотря на то что ни один меч при этом не был обнажен.

Когда двумя днями позже они достигли ворот Дхассы, настроение у всех было все еще таким же приподнятым.

Глава XVIII

*«ДАЖЕ ЧЕЛОВЕК МИРНЫЙ СО МНОЙ, НА КОТОРОГО Я ПОЛАГАЛСЯ, КОТОРЫЙ ЕЛ ХЛЕБ МОЙ, ПОДНЯЛ НА МЕНЯ ПЯТУ»**

Они прибыли в Дхассу, как предполагали, и оставались там в течение суток, составляя план Кардосской кампании. От армии с севера не было никаких новостей. Более того, уже неделю известий не поступало ниоткуда, что вызывало большую тревогу.

Сейчас, когда все армии Гвиннеда были наконец вместе, появилась надежда на благополучный исход войны, но неизвестность весьма тяготила приближенных короля. Отсутствие вестей с севера выглядело более чем странно. Моргана вдобавок сильно беспокоило то, что он никак не может связаться с Дерри.

Он пытался сделать это не однажды. Вот и минувшей ночью они с Дунканом, объединив усилия, пробовали связаться с Дерри посредством медальона, как не раз делали это раньше.

* Псалтырь 41:9.

Однако все их усилия оказались тщетны. Морган был уверен, что сможет хотя бы определить местоположение Дерри, но, как ни старался, он не обнаружил даже следа молодого лорда.

И все-таки Морган не верил, что Дерри мертв; оставалось думать, что с ним приключилось что-то такое, из-за чего он никак не может ответить на его зов. Эта мысль отравляла радость нелегкой победы последних дней.

В ночь перед выступлением на Кардосу свечи долго горели в епископском дворце Дхассы.

Епископ Кардиель скромно сидел в стороне, дабы не мешать Келсону и его военным советникам работать. И пока здесь обсуждался план военных действий, за городскими стенами в долине близ озера у тысяч костров спали солдаты.

Военный совет был в самом разгаре. В зале курии несколько часов назад убрали остатки ужина, и теперь весь стол был завален военными картами и чертежами. Здесь гудело полсотни голосов; на картах появлялись новые яркие линии, стрелки, указывающие перемещение войск, направление ударов; шла нелегкая работа.

Слуги внесли в зал фрукты и сыр, но мало кто обратил на это внимание. Хотя на столе стояли кувшины с вином и время от времени офицеры наполняли кубки, обстановка была весьма трезвой. Военачальники работали плечом к плечу с князьями Церкви, которые порой давали столь удачные советы, что это поражало даже бывалых воинов. По мере необходимости сюда вызывали младших офицеров пехоты или артиллерии, если нужно было решить конкретный вопрос. Подкованные сапоги стучали по мраморному полу, хлопали тяжелые деревянные двери — и все эти звуки в просторном и высоком зале усиливало эхо.

Король в эту ночь держался в стороне, не привлекая к себе внимания. В простой малиновой тунике, с непокрытой головой, он провел большую часть времени в обществе клириков и младших придворных, стараясь справиться с волнением, охватившим его. Передав все важнейшие вопросы в руки Моргана, Нигеля и других генералов, Келсон решил провести эти часы среди людей, чья безграничная преданность придавала ему сил и уверенности,— события последних дней слишком потрясли его.

Когда это было необходимо, Келсона приглашали к столу, за которым обсуждались стратегические планы, чтобы принять то или иное решение, однако он прекрасно понимал, что его гене-

ралы и военные советники разбираются в военных вопросах куда лучше его, хотя он и был сыном Бриона. Понимал он и то, что его задача — это сохранять спокойствие и не отказываться ни от чьей помощи, ибо их сила — в единстве, без которого нет надежды одолеть Венцита Торентского.

Келсон не одинок был в своих усилиях объединить людей Гвиннеда и примирить между собой дворян. В другом конце зала Морган и епископ Конлан беседовали с тремя баронами, прибывшими в Корот с запада. Несколько молодых лордов, среди которых был и сын Мигеля Конал, слушали их с расширившимися глазами. Нигель тоже некоторое время принимал участие в разговоре, но сейчас вернулся к главному столу и обсуждал детали операции с Варином и герцогом Даноком.

Только Дункана, кажется, не волновала всеобщая суматоха нынешней ночи. Он печально смотрел в окно, думая о чем-то своем. Конечно, Дункан весь вечер держался в тени, потому что не разбирался в военных вопросах, хотя Келсон знал, что он — неплохой боец и, несомненно, получил некоторые начатки знаний по стратегии в доме отца, пока не принял сана.

Когда два других епископа, получив задание, покинули Келсона, он решил выяснить, что же беспокоит Дункана — тот был не похож на себя.

Дункан вздохнул и оперся на подоконник, кутаясь в плед. Его голубые глаза вглядывались в темноту, окутавшую горы к востоку от Дхассы, а длинные тонкие пальцы выбивали беспрестанную дробь по каменному подоконнику.

Если бы его спросили, то он, вероятно, не смог бы ответить, почему так мрачен сегодня. Конечно, нескончаемая борьба истощила его силы; кроме того, он беспокоился о Дерри и еще больше — о том, как его исчезновение скажется на Моргане. Немногим Морган доверял так, как ему. Если он погиб, выполняя задание Моргана,— хотя идея послать Дерри в этот раз и принадлежала Келсону, о чем Дункан знал,— все равно Аларик не сможет этого забыть.

И не меньше этого Дункана тревожил вопрос о его сане; он размышлял о том, может ли оставаться священником сейчас, когда все знают о том, что он Дерини.

Туман скрыл горы, и Дункан перевел глаза на городские укрепления. При свете факельных огней между озером и городскими воротами видна была приближающаяся фигура конника.

Дункан увидел, как ворота открылись, пропуская его, как въехал он на двор. По виду это был паж или кавалер, он едва сидел в седле, припав к шее коня; когда лошадь внезапно стала, его голова резко качнулась. В темноте трудно было разглядеть что-либо отчетливо, но лошадь явно прихрамывала. Когда всадник дернул за поводья, она пошатнулась и упала на колени, сбросив неопытного наездника. Бедняга упал на спину и сильно ушибся. К нему подоспело несколько стражников, которые помогли ему подняться. Опираясь на руку одного из них, тот что-то сказал, бросив взгляд на окна дворца.

Дункан стиснул пальцами край подоконника и проводил глазами юного конника, исчезнувшего в дверях дворца. Плащ приехавшего был ему хорошо знаком — он с детства видел эти небесно-голубые шелка Маклайнов, украшенные серебряным спящим львом на груди.

Но этот плащ был оборван, измят, испачкан чем-то красным, и, похоже, не глиной, а фигуру льва на груди вообще трудно было разглядеть. Что случилось? Уж не принес ли этот юноша вести от армии Яреда?

Хлесткий удар кнута, которым погоняли убежавшую было, но пойманную лошадь, вывел Дункана из оцепенения.

Этот юноша направляется, конечно, к Келсону. Обернувшись, Дункан увидел Моргана и короля, спешащих уже к двери, в которую вошли стражник и паж лет девяти-десяти, едва державшийся на ногах.

Дункан с ужасом убедился, что плащ был запятнан кровью. Левый глаз мальчика был подбит, бровь рассечена, все лицо было в ссадинах и ушибах. Перешагнув порог, он упал — сопровождавший не успел поддержать его.

— Где король? — прохрипел мальчик, освобождаясь от поднявших его на ноги придворных и ища глазами Келсона.— У меня ужасные новости. Государь! — Он заметил Келсона и попытался встать на колени, но потерял сознание.

Солдат уложил его на пол, Келсон тоже склонился над мальчиком; с другой стороны подошли, проложив дорогу среди толпы, Морган и Дункан. Морган положил голову мальчика себе на колени. Встревоженные лорды окружили их.

— Он потерял сознание от усталости,— сказал Морган, коснувшись лба мальчика и покачав головой.— И от потери крови. Он ранен.

— Конал, принеси вина,— приказал Келсон.— Дункан, на нем ливрея слуги вашего отца. Вы его знаете?

Дункан, с побелевшими губами, покачал головой.

— Если я и видел его раньше, то забыл, государь. Зато я наблюдал, как он приехал сюда. Лошадь он загнал до смерти.

— Гм,— пробормотал Морган, ощупывая тело мальчика.— Один дьявол знает, как он все это выдержал, вот что я скажу...

Он нащупал что-то под одеждой мальчика на груди и быстро достал тщательно свернутый кусок шелка, весь в запекшейся крови. Аларик с трудом развернул его.

Это была часть боевого флага с изображением бегущего оленя в серебряном круге. Черное поле, там, где оно не было запачкано грязью и кровью, мрачно переливалось в свете свечей.

В словах не было нужды: все знали, кусок чьего знамени принес паж, лежащий сейчас без сознания. Конал принес вино и, склонившись, глядел, как Морган вливает его в рот мальчика. Тот приподнял голову и попытался было сопротивляться.

— Все в порядке, выпей, мой маленький,— прошептал Морган, продолжая вливать вино сквозь стиснутые зубы мальчика.

Тот сделал глоток и попытался отвернуться, но Морган не выпускал его.

— Нет, выпей еще. Все будет хорошо. Ну а теперь открой глаза и расскажи нам, что случилось.

Мальчик с трудом поднял веки и посмотрел на Моргана, на Келсона, стоявшего рядом с ним, на подошедшего сзади Дункана, затем закрыл глаза вновь и крепко сжал губы. Морган вернул кубок Коналу и положил руку мальчику на лоб.

— Все в порядке, сынок. Скажи нам, что случилось, а потом отдохнешь.

Мальчик сглотнул слюну и посмотрел на Келсона, как будто лишь присутствие короля помогало его душе держаться в теле. Даже тем, кто ничего не смыслил в медицине, было понятно, что дела его плохи.

— Государь,— слабым голосом начал он.— Мы разбиты. Ужасная битва... Измена в наших рядах... Войско герцога Яреда, все... погибли.

Его голос сорвался, и он опять потерял сознание. Морган нащупал пульс мальчика и с грустью посмотрел на Келсона.

— У него нет тяжелых ран, только ушибы и царапины. Но он слишком изнурен и не скоро придет в себя. Несколько часов сна...

Келсон покачал головой.

— Нет, Аларик. Так долго ждать мы не можем. Битва, предатель в наших рядах, войско герцога Яреда, все погибли... Мы должны знать точнее, что там случилось.

— Если я заставлю его отвечать, он может умереть.

— Значит, придется рискнуть.

Морган посмотрел на мальчика, потом на Келсона.

— Позвольте мне избрать другой путь, мой принц. Он тоже не совсем безопасен, но...

Он несколько мгновений внимательно смотрел на Келсона, и в конце концов тот слабо кивнул.

— Можете ли вы сделать это прямо здесь, конечно, со всеми предосторожностями? — спросил он, не пояснив, о чьей безопасности заботится — Моргана или мальчика.

Аларик опустил глаза.

— Вам нужны сведения, мой принц. Так что выбора у нас нет.

— Что ж, давайте,— сказал Келсон, вставая и обращаясь к собравшимся: — Джентльмены, я прошу вас разойтись и дать его светлости место для работы. Мы должны узнать сообщение мальчика, и лишь герцог Аларик может сделать это без угрозы для его жизни. Для вас это тоже совершенно безопасно.

По рядам дворян и клириков пробежал ропот удивления, несколько человек устремились к дверям, но Келсон так взглянул на них, что каждый там и застыл, где застал его взгляд короля. Те, кто стоял ближе, немного подались назад, и лишь Дункан с Келсоном остались рядом с коленопреклоненным Морганом и лежащим пажом.

Когда Аларик сел, прикрыв лицо пажа руками, шепот затих и в комнате воцарилось молчание. Большинство присутствующих впервые видели, как Дерини использует свои силы.

Морган поднял глаза и увидел испуганные, а то и охваченные ужасом лица. Никогда он не был так уязвим, как сейчас, с ребенком на руках, никогда не глядел так мягко на тех, среди кого могли быть и его враги.

Но сейчас не время для недоверия. Сейчас всем нужно забыть старую вражду, свои страхи. Чтобы там ни было, необходимо узнать правду. И пусть наконец все эти люди увидят, что страшные силы Дерини могут использоваться во благо. И ошибиться ему нельзя — от нескольких ближайших минут зависит очень многое.

Морган сдержанно улыбнулся, обдумывая свои слова.

— Я понимаю ваше удивление и ваш страх, милорды,— тихо начал он.— Все вы наслышаны о моих силах и силах моего народа, и так естественно, что вы боитесь того, что не в силах понять...

Он помолчал и продолжил:

— То, что вы увидите и услышите, покажется вам весьма странным. Но непонятное всегда кажется странным, пока не разберешься, что к чему.— Он сделал паузу.— Даже я не могу точно сказать, что произойдет в следующие несколько минут, потому что не имею никакого представления об этом мальчике. Я только прошу вас не вмешиваться, что бы ни случилось, и не шуметь. Для меня происходящее небезопасно.

Он еще раз посмотрел на мальчика и глубоко вздохнул. Наступила полная тишина. Морган откинул рыжие волосы мальчика, потом положил левую руку так, чтобы грифон коснулся мочки его уха. Последний раз взглянув на коленопреклоненных рядом с ним Дункана и Келсона, он сосредоточился на грифоне и, глубоко дыша, начал погружаться в Тиринский транс. Его голова склонилась, глаза закрылись, дыхание стало легким и глубоким. Мальчик однажды дернулся под его рукой — и застыл вновь.

— Кровь,— прошептал вдруг Морган, и в полной тишине это слово прозвучало так, что многие невольно содрогнулись.

— Сколько крови! — шептал Морган.— Везде кровь.— Его голова приподнялась, хотя глаза по-прежнему были закрыты.

Дункан тревожно посмотрел на Келсона и склонился к своему родичу, настороженно рассматривая знакомое лицо, сейчас казавшееся таким странным. Он понял, как Аларик решил выяснить, что же произошло в действительности, и мог представить, какая картина предстала его взору. Дункан нервно облизал губы и, не сводя глаз со странного лица Моргана, тихо спросил:

— Кто ты?

— О боже мой, кто там? — прозвучал голос Моргана, но в нем отчетливо слышались теперь детские интонации.

— Ах, это только милорд Яред со своими добрыми друзьями, графом Марлийским и его людьми... «Мальчик, принеси вина для графа Марлийского. Брэн Корис пришел к нам на помощь. Принеси вина, парень. Покажи, что ты уважаешь графа Марлийского!»

Морган замолчал. Когда он опять начал говорить, голос его звучал значительно глуше, и слушателям пришлось подойти ближе, чтобы расслышать его слова.

— Войска Брэна Кориса соединились с нашими. Королевские голубые знамена Марли смешались с кассанскими спящими львами. Все хорошо. Но что это? Солдаты Брэна Кориса обнажили мечи!

Глаза Моргана открылись, в них стоял ужас; голос поднялся чуть не до визга:

— Не может быть! Это же предательство! Люди Брэна Кориса с фурстанским оленем на щитах! Они убивают наших людей! Они несут смерть в кассанские ряды! Милорд! Милорд Маклайн! Спасайтесь! Марлийцы напали на нас! Измена! Бегите, бегите, ваша светлость! Мы окружены! Ох, милорд, мы окружены!

Вскрикнув, Морган уронил голову на грудь и затрясся в горьких рыданиях. Келсон хотел коснуться его плеча, но Дункан остановил короля, покачав головой.

Наконец Морган затих и вновь поднял голову; в его серых глазах была пустота, мучительная безысходность, щеки ввалились. Сейчас он был похож на человека, заглянувшего в ад. Глядя невидящими глазами куда-то вдаль, он снова зашептал:

— Я вижу, милорд герцог повержен ударом меча...

Дункан чуть не вскрикнул.

— Я не знаю, убит ли он. Меня сбили с коня и почти раздавили, но я увернулся... Я притворяюсь мертвым.— Морган вздрогнул и продолжал, подавив новый приступ рыданий: — Я лежал рядом с мертвым рыцарем и весь измазался в его крови и не шевелился. Скоро бой кончился и настала ночь, но все равно было опасно. Марлийцы увели пленных, а тяжело раненных добивали торентские гвардейцы. Кого убили, кого заковали в цепи — никто не уцелел. Когда все затихло, я выполз из-за моего мертвеца. Я помолился за его душу — он ведь спас меня от смерти.— Лицо Моргана исказилось; он поднял с груди мальчика шелковый обрывок знамени.— А потом я увидел у него в руках это... И взял, в доказательство того, что видел, и побрел в ночь. Две, нет, три лошади околели подо мной, пока я добрался до ворот Дхассы.

Глаза Аларика оживились, и Дункан подумал, что он выходит из транса, но странный голос зазвучал вновь, а на губах Моргана появилась напряженная улыбка:

— Я выполнил свой долг. Король знает о предательстве Брэна Кориса. Если милорд Яред мертв, его величество отомстит за него. Боже... храни... короля.

При этих словах голова Моргана упала на грудь, и теперь Дункан не остановил Келсона, когда тот дрожащей рукой дотронулся до плеча Аларика. Через несколько мгновений тело Моргана, казавшееся окаменевшим, обмякло, и он глубоко вздохнул; из его руки выпал кусок шелка, который он сжимал. Открыв глаза, он посмотрел на неподвижно лежащего мальчика, вспомнил весь пережитый им ужас и провел ладонью по его лбу. Не убирая руки, Морган снова на мгновение прикрыл глаза, а открыв их, встретился взглядом с Келсоном. На его щеках еще не высохли слезы, но он не отирал их.

— Тяжкую весть принес он вам, мой принц,— сказал Морган.— Да и нам всем тоже.

— Уж конечно, известие об измене никого не может обрадовать,— прошептал Келсон, пряча глаза.— Вы-то в порядке?

— Только немного устал, государь. Дункан, сожалею о твоем отце. Я надеялся, что мальчик знает больше о его судьбе.

— Я его единственный оставшийся сын,— грустно прошептал Дункан.— Мне следовало быть рядом с ним. Он был слишком стар, чтобы самому возглавлять войска.

Морган кивнул, понимая, какие муки испытывает его кузен, потом осмотрел столпившихся вокруг лордов и епископов. Два кавалера подошли, чтобы унести пажа, но они боялись встретиться взглядами с Морганом, беря мальчика у него из рук. Встав с колен, Аларик подошел к Келсону и обвел зал, освещенный факелами, своим холодным взглядом. Сейчас глаза его казались темными, почти черными, в них сверкала таинственная сила, хотя тело было изнурено.

Но к его удивлению, собравшиеся больше не избегали встречи с его взглядом. Даже епископы, переминаясь с ноги на ногу, нервно теребя рукава своих сутан, не опускали глаза. Генералы и представители знати тоже смотрели на Моргана по-новому, еще более почтительно, и хотя не без страха — но с доверием. В сущности, сейчас здесь не было ни одного человека, который не преклонил бы колена перед Морганом, пожелай он того, невзирая на присутствие короля.

Только на Келсона, спокойно отряхивавшего пыль с колен, магия, казалось, не произвела никакого впечатления. Гнев, а не страх, и уж совсем не смирение было в его движениях, когда он вышел из-за Моргана и обратился к своим подданным:

— Как все вы понимаете, джентльмены, известие об измене Брэна Кориса чрезвычайно поразило и разгневало меня. И утрата герцога Яреда будет ощущаться всеми нами еще много лет.— Он с теплотой посмотрел на Дункана, но священник опустил голову.— Но я полагаю, нет никаких вопросов о том, что должно сделать сейчас,— продолжал король.— Граф Марлийский связал себя с нашим злейшим врагом и повернул оружие против своих. Он должен понести кару.

— Но кто для него свои, государь? — прошептал епископ Толливер.— Кто мы, каша из людей и Дерини или полу-Дерини? Где разделительная черта? С кем правда?

— Правда с тем, кто служит правде,— мягко сказал Кардиель, повернувшись к своим собратьям.— Будь он человек, Дерини или полу-Дерини. Это то, что заставляет нас выбирать между добром и злом. Это не в плоти нашей, а в душе.

— Но все мы такие разные.— Толливер со страхом взглянул на Моргана.

— Это не так уж важно,— сказал Кардиель.— Люди мы или Дерини, нас объединяет сегодня общая цель. И это важнее, чем кровь, чем присяга или чары, которыми кто-то может защищаться от врагов. Мы уверены, что Свет — с нами. А те, кто служит Тьме,— наши враги, все равно, какой они крови и подданства, пользуются или нет чародейством.

Другие епископы, кроме Арилана, только молча переглядывались. Кардиель, окинув взглядом их лица, с поклоном обратился к Келсону:

— Я и мои братья будем с вами, сколько станет наших сил, государь. Изменило ли известие о Брэне Корисе ваши планы?

Келсон, благодарный епископу за его содействие, покачал головой.

— Думаю, нет, ваше преосвященство. Я советую всем вам пойти поспать и сделать необходимые хозяйственные распоряжения. Завтра мне понадобится ваша помощь.

— Да, но мы — не военные люди, государь,— слабо возразил старый епископ Карстен.— Что мы можем...

— Так молитесь за меня, ваше преосвященство. Молитесь за всех нас.

Карстен открыл рот и закрыл его снова, как рыба, выброшенная на берег. Поклонившись, он отошел к своим собратьям; через минуту все они повернулись и направились к дверям. Когда

они ушли, Нигель и генералы вернулись к своим картам и возобновили прерванное обсуждение. Келсон видел, как Морган, посадив Дункана у окна и несколько минут поговорив с ним, тоже направился к столу. Снова зашелестели бумаги; то тише, то громче звучали голоса. Келсон, покинув совет, медленно подошел к одному из очагов.

Морган первым заметил его отсутствие и последовал за ним.

— Надеюсь, вы не собираетесь обвинять себя в том, что Брэн Корис переметнулся на сторону Венцита? — тихо спросил он.— Дункан вот сказал мне, что ничего подобного с его отцом не случилось бы, будь он рядом с ним в Ренгарте.

Келсон опустил глаза, рассматривая полустертый знак на своем широком кожаном поясе.

— Нет.— Он помолчал.— Жена и ребенок Брэна здесь, в Дхассе. Вы знаете?

— Я не удивлен. Приехали на богомолье?

Келсон пожал плечами.

— Должно быть. Здесь сейчас много женщин и детей. У Брэна недалеко отсюда имение, вот он и решил, что в Дхассе они будут в большей безопасности. Вряд ли он предполагал, как все обернется. Хочется верить, что это так.

— Я тоже сомневаюсь, что предательство Брэна — заранее обдуманный шаг,— сказал Морган.— Будь это так, не послал бы он сюда жену с ребенком.

— Но я все-таки не исключаю такую возможность,— прошептал Келсон.— И я должен был предвидеть это. Мы же знали, как Брэн озлоблен. Нельзя было посылать его так близко к границе.

— Я думаю, что вам не в чем винить себя,— сказал Морган со слабой улыбкой.— Я мог бы поступить так же — и так же попасть впросак. Нельзя же никогда не ошибаться.

— Я должен был предвидеть,— упрямо повторил Келсон.— Это мой долг.

Морган вздохнул и, думая, как бы изменить тему разговора, посмотрел в сторону стола, где толпились военачальники.

— Вы упомянули о сыне Брэна — думаете, он доставит нам какие-то неприятности?

— Юный Брэндан? Едва ли. Ему только три или четыре года.— Келсон поежился, глядя на пламя очага.— А вот разговора с графиней я боюсь. Нелегко ей будет узнать, что ее муж — предатель.

— Вы хотите, чтобы это сделал я?

Келсон покачал головой.

— Нет, это мой долг. Вы нужны здесь, на совете. Кроме того, я имею некоторый опыт общения с женщинами, охваченными истерикой. Моей матушке в этом уступят немногие, вы знаете.

Морган улыбнулся, вспомнив королеву Джеанну, сейчас отмаливавшую в монастыре в самом сердце Гвиннеда грех своего происхождения из Дерини. Да, у Келсона есть опыт общения с женщиной в истерике. Морган не сомневался, что Келсон хорошо справится с этой задачей и без него.

— Отлично, мой принц,— сказал он.— Мы с Нигелем будем здесь еще час и потом отправим всех спать. Если ваше личное присутствие будет необходимо, я за вами пошлю.

Келсон кивнул, радуясь возможности уйти без лишних объяснений.

Заметив, что король уходит, Дункан встал со своего места у окна и, посмотрев на Моргана, пошел к противоположной двери. Морган посмотрел ему вслед, понимая, что кузену хочется остаться одному, и вернулся к своим военным картам. На них наносились новые отметки, так как с изменой Брэна Кориса многое изменилось; к тому же не существовало больше и войска Яреда, занимавшего плато между Дхассой и Кардосой.

Далеко на севере яркие оранжевые значки обозначали стоящие на дальней границе войска герцога Эвана, но их было довольно мало, и не имело смысла срывать их с места. Конечно, в свете последних известий и армия Эвана долго не продержится, а значит, королевская армия в Дхассе — единственная защита для всего Гвиннеда.

— Итак, мы знаем наверняка только то, что Яред был разбит к югу от Кардосы, где-то на Ренгартском плато,— сказал Нигель.— Мы не знаем, сколько людей у Венцита, но у Брэна было около трех с половиной тысяч человек по последним сводкам. И стояли лагерем они где-то здесь.— Он отметил на карте горловину Кандорского ущелья.— А у нас в объединенной армии примерно двенадцать тысяч человек. За день пути мы сможем достигнуть конца Ксамерской линии фронта и быть в ущелье завтра к вечеру. Там, заняв выгодные боевые позиции, мы должны удерживать их до последнего. Жаль, что мы не знаем, сколько людей у Венцита.

Судя по одобрительному гулу, генералы были согласны.

— Отлично. Элас, я прошу вас и генерала Реми взять левый фланг. Годвин, ты и Мортимер...

Нигель продолжал распределять боевые позиции между генералами, а Морган отошел чуть назад, наблюдая за реакцией собравшихся.

Спустя некоторое время вошел один из адъютантов Нигеля с грудой депеш, но Морган взял их у него и сам стал разбирать, чтобы не отвлекать принца. Большая их часть была запечатана обычной печатью, и Морган не тратил времени на их подробное изучение, ограничиваясь беглым просмотром. Но одно послание в плотном коричневом пакете с желтой печатью привлекло его внимание. Слегка нахмурившись, Морган сломал печать и развернул письмо; у него перехватило дыхание, едва он прочел несколько строк.

Он быстро подошел к Нигелю и взял его за плечо, невольно привлекая внимание окружающих.

— Прошу прощения, Нигель, важные новости. Джентльмены, я держу в руках депешу от генерала Глодрута, который, как большинству из вас известно, был с армией герцога Яреда в Рен...

Поднявшийся шум не дал ему продолжить, и Моргану пришлось постучать по столу, чтобы восстановить порядок.

— Глодрут пишет, что Яред тяжело ранен и пленен, но не убит. Вместе с ним захвачены граф Джинас, лорд де Канлаве, лорды Лестер, Гаркиесс, Кольер и епископ Ричард Нифорд. Он пишет, что ему и лорду Бурхарду удалось отойти с сотней солдат, и они надеются, что еще несколько сотен воинов бежали на запад.

Опять послышались возгласы, но Морган поднял руку, призывая к тишине.

— Это, конечно, хорошая новость, но армии нет. Глодрут пишет, что их захватили врасплох. Три пятых войска уничтожено, остальных захватили в плен. Он будет ждать нас с теми, кого сумел увести, завтра в Дреллингеме.

— Что?

— Черт подери!

— Морган, где...

— Что там еще написано, ваша светлость?

Морган покачал головой и пошел к двери.

— Извините, джентльмены, я знаю столько же, сколько вы. Нигель, я сейчас вернусь. Дункан и Келсон должны знать об этом.

Дункана он не нашел. А Келсон был занят делом куда более трудным и менее приятным, чем решение военных вопросов. Оставив совет, король, как и сказал, отправился к жене Брэна Кориса, графине Риченде. Он нашел в конце концов ее комнаты в восточном крыле верхнего этажа дворца, но слугам оказалось непросто разбудить спящую госпожу. Келсон нетерпеливо ждал в гостиной, пока несколько сонных слуг прибирали и вносили свечи. Лунный свет, проникавший в раскрытое окно, придавал предметам в комнате какой-то неестественный вид, и это раздражало короля.

Наконец дверь соседней комнаты отворилась, и вошла леди. Честно говоря, Келсон был не готов к появлению этой молодой рыжеволосой женщины. Леди Риченда была вовсе не похожа на ту, какой он себе ее представлял, зная Брэна Кориса. Ее утонченное, овальное лицо было окаймлено золотисто-рыжими волосами, покрытыми белой вуалью, а глубоко посаженные глаза были такого густо-синего оттенка, какого Келсон прежде никогда не видел. Вдобавок, хотя он превосходно знал, что эта женщина — жена Брэна Кориса и мать его наследника, ему с трудом верилось, что она старше его, Келсона, на десять лет — так молодо она выглядела.

Но одета она была слишком строго для юной девушки — вся в белом, без украшений, будто заранее знала, какую ужасную новость принес король. Когда слуги ушли, она спокойно выслушала слова Келсона о предательстве своего мужа, почти не изменившись в лице. Когда он закончил, она повернулась к окну и долго смотрела на легкие золотисто-белые лунные блики, играющие на стекле.

— Позвать ваших служанок, миледи? — тихо спросил Келсон, опасаясь, что с ней случится обморок или истерика,— он слышал, что со знатными женщинами такое бывает часто.

Риченда слабо покачала головой, и прозрачная накидка соскользнула с ее длинных рыжевато-золотистых волос и упала на пол. Блеснуло золотое обручальное кольцо с тяжелым камнем, когда она провела рукой по каменному подоконнику, и Келсону показалось, что он видит на камне влажный след.

Но рука Риченды стерла следы слез — если это были они. Пальцы ее не дрожали, когда она, погрузившись в свои раздумья, смотрела на них. Риченда Марлийская была дочерью знатного дворянина; сохранять стоическую выдержку и достоинство в лю-

бом положении было для нее одной из главных жизненных заповедей.

— Простите меня, миледи,— сказал Келсон, стараясь как-то облегчить ее страдания.— Если... если это может как-то уменьшить ваше горе, будьте уверены, что измена вашего мужа не повлияет на мое отношение к вам и вашему сыну. Вы останетесь под моим покровительством до тех пор, пока...

В это мгновение в дверь с силой постучали, и вслед за этим раздался громкий голос Моргана:

— Келсон?

Услышав свое имя, Келсон вскочил и подошел к двери, не заметив, как подействовал голос Моргана на женщину, стоящую у окна. Когда Аларик вошел, лицо женщины побледнело, и пальцы вцепились в подоконник. Морган поклонился ей, вежливо, но торопливо, так не терпелось ему передать Келсону содержание письма. Он стремительно подошел к королю; женщина смотрела на них с крайним удивлением, как бы не веря своим глазам и ушам.

— Извините, что помешал, мой принц,— прошептал Морган, склоняясь, чтобы указать на подпись Келсону, подносящему письмо к свече.— Я думаю, вы захотите прочесть это. Герцог Яред, по последним сведениям, в плену, но жив. Генералу Глодруту и нескольким другим удалось уйти.

— Глодрут! — выдохнул Келсон, пододвигая свечу и пробегая глазами письмо.— И Бурхард тоже! Миледи, извините, очень важные новости.

При этих словах Морган оглянулся, вспомнив, что в комнате находится третий человек, и, встретив удивленные голубые глаза женщины, чуть не вскрикнул от неожиданности. Ему сразу припомнилась карета, застрявшая в луже у часовни Святого Торина, и женщина с волосами, пламенем вспыхнувшими на солнце, женщина, которую он видел с ребенком в епископской церкви на прошлой неделе. Перед ним была та, образ которой с первой встречи навсегда запечатлелся в его памяти.

Кто она? Что делает здесь, в покоях графини Марлийской?

Он подошел к ней и остановился, скрывая свое смущение учтивым поклоном. Кровь стучала у него в ушах, мысли путались. Единственное, что он смог,— это поднять глаза и, встретившись с ней взглядом, произнести:

— Миледи...

Она неуверенно улыбнулась.

— Я подозревала, что мой экипаж у гробницы святого Торина вытащил из грязи не простой охотник по имени Алан,— мягко сказала леди, блеснув глазами голубыми и бездонными, как озера Ренндаля.

— Ваше лицо — единственное приятное воспоминание того ужасного дня, миледи,— прошептал Морган, удивленно качая головой и забывая об осторожности.— Я лишь однажды видел вас потом, хотя вы меня видеть не могли. Но в моих снах...

Его голос прервался — он понял, что не вправе говорить подобное, а леди опустила глаза, теребя рукава платья.

— Простите, милорд, но я не знаю, как вас зовут. Я...

Келсон, дочитав депешу, бросил взгляд на беседующих и быстро подошел к ним.

— Миледи, надеюсь, вы простите мою неучтивость. Я забыл представить вам его светлость, герцога Корвинского. Морган, это леди Риченда, жена Брэна Кориса.

Когда Келсон произнес имя предателя, из груди Моргана вырвался глубокий вздох; он с трудом заставил себя скрыть волнение и сохранить хотя бы внешнее спокойствие.

Конечно, она жена Брэна Кориса. Что бы иначе она делала в этой комнате?

Риченда Марлийская! Жена Брэна Кориса! Неужели судьба свела их тогда на Дхасской дороге, чтобы навсегда разлучить здесь, в городских стенах? Риченда Марлийская — боже, как мог он быть таким недогадливым?

Морган нервно прочистил горло и поклонился, пытаясь скрыть свое огорчение.

— Ах, мы с леди Ричендой некоторым образом уже встречались, государь. Несколько месяцев назад я помогал вытащить из грязи ее карету близ гробницы святого Торина. Я был, к сожалению, переодет. Она не знала, кто я такой.

— А он — кто я,— прошептала Риченда, не встречаясь с Морганом глазами.

— О! — сказал Келсон.

Он переводил взгляд с Моргана на Риченду, стараясь понять, почему его друга так взволновала встреча с графиней, потом слегка улыбнулся.

— Что ж, я рад услышать, что и в одежде простолюдина вы оставались рыцарем, Морган. Миледи, если вы позволите, мы сейчас покинем вас, нас с милордом Аларикомждут дела. И потом, вы, я думаю, хотите побыть сейчас в одиночестве. Если понадобится моя помощь, пожалуйста, не стесняйтесь, зовите меня.

— Вы очень добры, государь,— прошептала Риченда, сделав реверанс и вновь опустив глаза.

— Ну что ж, Морган, идем?

— Как пожелаете, мой принц.

— Простите, государь...

Келсон, обернувшись, увидел, что графиня как-то странно смотрит на него.

— Что-то еще, миледи?

Глубоко вздохнув, Риченда подошла к ним, судорожно сжав пальцами запястья, и, склонив голову, опустилась перед ними на колени. Келсон удивленно посмотрел на Моргана.

— Государь, я молю вас, окажите мне милость.

— Милость, миледи?

Риченда заглянула Келсону в глаза.

— Да, государь. Позвольте мне ехать с вами в Кардосу. Может быть, я смогу поговорить с Брэном и убедить его сложить оружие — если не ради меня, то ради нашего сына.

— С нами в Кардосу? — повторил Келсон, ища взглядом поддержки у красноречивого обычно Моргана.— Миледи, это невозможно. Женщинам дворянской крови не место в армии. Да и как могу я подвергать вас опасностям битвы? Мы идем на войну, миледи!

Риченда опустила глаза, но не встала с колен.

— Я знаю это, государь, и я готова переносить любые трудности. Только так я могу попытаться как-то загладить вину моего мужа. Пожалуйста, не отвергайте моей просьбы, государь.

Келсон вопросительно посмотрел на Моргана, но генерал стоял, опустив глаза. Однако Келсону показалось, что Морган хочет, чтобы он уступил, хотя тот никак этого не выказывал. Келсон вновь посмотрел на коленопреклоненную Риченду и, взяв ее за руки, поднял. Он решил попытаться в последний раз переубедить ее.

— Миледи, вы не знаете, о чем просите. Это будет для вас очень трудно — путешествовать без прислуги, без удобств... Это же армия...

— Я могу ехать под покровительством епископа Кардиеля, государь,— серьезно сказала она.— Может быть, вы не знаете этого, но Кардиель — дядя моей матери. Он не откажется, я знаю.

— И глупо поступит,— ответил Келсон. Он опустил глаза, потом вновь растерянно посмотрел на леди.— Морган, у вас есть какие-нибудь возражения?

— Те же, что и у вас,— спокойно ответил Морган, не поднимая глаз.— По-видимому, миледи не боится трудностей.

Келсон вздохнул и неохотно кивнул.

— Ну, хорошо, миледи, я разрешаю вам ехать при условии, что епископ Кардиель возьмет на себя ответственность за вас. Мы выходим на рассвете, через несколько часов. Вы успеете собраться?

— Да, государь. Благодарю вас.

Келсон кивнул.

— Морган позаботится о вашем экипаже.

— Как прикажете, государь.

— Тогда — спокойной ночи.

Келсон отвесил учтивый поклон и вышел из комнаты, сминая в кулаке депешу, о которой он уже успел забыть. Морган последовал за ним, но на пороге не удержался и бросил последний взгляд на окутанную лунным светом женщину в белом платье. Лицо Риченды осунулось, однако на нем читались решимость и уверенность. Опустив глаза, она поклонилась Моргану, но так больше и не взглянула на него. Вздохнув, герцог Корвинский закрыл дверь и последовал за королем.

Глава XIX

*«ОНИ УТВЕРДИЛИСЬ В ЗЛОМ НАМЕРЕНИИ, СОВЕЩАЛИСЬ СКРЫТЬ СЕТЬ, ГОВОРИЛИ: КТО ИХ УВИДИТ»**

В Кардосе был полдень, горячие солнечные лучи пронизывали прозрачный горный воздух, хотя в горных расщелинах и трещинах все еще лежал снег. Рано утром Венцит, Ридон и родственник Венцита, Лионель, выехали вниз по Кардосскому уще-

* Псалтырь 63:5.

лью, чтобы встретиться с Брэном Корисом и генералами Венцита, помогавшими Брэну в подготовке наступления. Он уже проверил ход строительства оборонительных укреплений и теперь остановился вместе со своей свитой перед огромным ярким шатром, приготовленным для него. Солдаты Венцита в черно-белых мундирах только что закончили работу. Они знали, что королевский шатер должен быть обеспечен всеми возможными удобствами, ибо Венцит не отказывал себе в роскоши даже на боевых позициях.

Шатер был необычный. Гигантский купол в форме луковицы из огненно-красного шелка покрывал площадь, равную площади большого зала в Белдурском дворце Венцита. Внутри шатер был разделен на множество маленьких отдельных комнат, убранных коврами и шкурами: отчасти — для красоты, отчасти — для защиты от холода и любопытных ушей. Была там и одна достаточно большая комната, в которой можно было проводить совещания. Но Венцит решил, что в такой прекрасный день нет нужды скрываться в палатке, и жестом приказал мажордому вынести кресла и расставить их на богатом ковре, расстеленном перед шатром. Пока слуги суетились, расставляя кресла и стулья, один из личных слуг Венцита подошел, чтобы принять у своего господина бархатный плащ, насквозь промокший во время скачки по ущелью, и подать ему взамен просторную накидку из янтарного шелка. Венцит накинул ее на плечи поверх кожаной походной куртки. Сев в кресло и вытянув ноги, он ждал, пока слуги сменят ему сапоги на сухие мягкие туфли.

Мажордом тем временем разливал горячий чай в хрупкие фарфоровые чашечки. Венцит милостиво кивнул своим соратникам, приглашая их рассаживаться в кресла, уже расставленные слугами. Затем он собственноручно взял с подноса, который держал мажордом, чашечку и подал ее Брэну Корису.

— Выпейте-ка, друг мой, вам нужно подкрепиться,— негромко сказал он и улыбнулся Брэну, наклонившемуся за чашечкой.— Вы сегодня хорошо поработали.

Когда Брэн взял чашечку, Венцит поднял еще две и подал их Ридону и Лионелю. С улыбкой он втянул ароматный пар, струящийся из четвертой чашечки, которая осталась у него в руках.

— В самом деле, мне очень понравилось, Брэн, как вы продумали этот удар,— продолжал чародей, созерцая рябь, идущую по поверхности чая от его дыхания.— Вы также достойно потрудились, дабы соединить наши два войска, что существенно приумножило наши невеликие силы. Нам повезло, Лионель, что у нас такой союзник.

Лионель коротко поклонился, прежде чем сесть в такое же, как у Венцита, кресло.

— Да, то, что лорд Малки к нам присоединился,— это удача, государь. Он был бы опасным противником. У него какой-то сверхъестественный дар — использовать наилучшим образом любую возможность.— В минуты гнева темные глаза Лионеля могли метать молнии, но сегодня они излучали тепло, как будто его связывали родственные узы с этим молодым лордом из смертных.— Даже мне есть чему поучиться у него, государь,— добавил Лионель после недолгого раздумья.

— В самом деле? — вежливо улыбнулся Венцит.

Брэн, наслаждаясь расположением Венцита и Лионеля, глотнул чая и расслабился, не замечая обращенного на него пристального взгляда Ридона.

— Мне кажется, государь, мы еще не решили, как поступим с кассанскими пленниками,— произнес Ридон, посматривая на Брэна поверх своей чашечки.— Конечно, Брэн и Лионель устроили отличную ловушку, я совершенно с этим согласен и представляю, как это подействует на войска Келсона. Но мы до сих пор не решили, что делать с пленными, и, на мой взгляд, пора заняться этим вопросом. Полагаю, у Брэна и Лионеля нет каких-то своих планов по части пленников, о которых бы мы не знали?

Лионель негромко и зловеще хихикнул, теребя пальцами бороду.

— Вы говорите так, как будто мы с Брэном обязаны докладывать вам, Ридон, о каждом своем шаге. Не беспокойтесь. Наши планы относительно кассанских пленников — не ваша забота.

— Вы ждете моих возражений, Лионель?

— Я хочу, чтобы вы не вмешивались не в свое дело,— решительно оборвал его Лионель.— Нам доверили власть над ними, и мы в любом случае будем действовать, как нам выгодно. Больше вы ничего от нас не узнаете.

Венцит улыбнулся: этот спор ему понравился.

— Ну, ну, не ссорьтесь. Ридон, даже я посвящен не во все подробности этой операции. Да и зачем? Я поручил позаботиться об этом моим генералам и таким верным соратникам, как Лионель. И ему я доверяю не меньше, чем вам, Ридон. Если он

утверждает, что делает то, что нужно, я принимаю это на веру. Вы не согласны со мной?

— Нет, конечно,— ответил Ридон, сделав еще глоток.— Впрочем, это не предмет для спора. Если необходимо, я готов извиниться.

— Благодарю,— лениво кивнул Венцит.

Ридон повертел в руках пустую чашечку.

— У меня, кстати, есть еще одно донесение от генерала Дикена. Его разведка сообщает, что войско Келсона будет здесь не раньше сумерек, а когда точно — это зависит от того, насколько их задержат ваши ловушки. Думаю, до утра нам беспокоиться не о чем.

— Отлично.— Венцит развернулся в кресле и подозвал мажордома, который ожидал его указаний на таком расстоянии, чтобы не слышать разговора. Тот немедленно поднес ему большой обитый кожей ларец для бумаг, отделанный по углам чеканным золотом. Когда он удалился, Венцит открыл крышку и, порывшись в груде уже вскрытых донесений, нашел то, которое искал, и вытащил его, одобрительно хмыкнув. Просмотрев письмо, он вернул его на место, вынул другое и бегло прочел его.— Утром я получил кое-какие новости, касающиеся вас, Брэн,— задумчиво произнес он.— Келсон, кажется, узнал о вашей измене и взял под арест вашу семью.

Брэн оцепенел, затем медленно поднялся, вытянувшись во весь рост; его пальцы, крепко сжимающие чашку, побелели.

— Почему вы мне сразу не сказали?

— Вот я сейчас вам и говорю.— Венцит, наклонившись, передал ему письмо.— Да вы особенно не беспокойтесь. Ваших жену и сына арестовали в Дхассе, но им ничего непосредственно не угрожает. Прочтите сами.

Брэн быстро пробежал глазами депешу. Когда он дочитал до конца, губы его сжались в одну тонкую линию.

— Их же держат как заложников, а вы говорите, что им ничто не угрожает? — Он вызывающе посмотрел на Венцита.— А вдруг Келсон надумает использовать их против меня? Вы что, считаете, я буду вот так спокойно ждать, когда мой сын находится в опасности?

Ридон повел бровью, поведение Брэна его забавляло.

— Да ладно, Брэн, вы же хорошо знаете Келсона. Это мы с вами можем угрожать чьей-нибудь семье, чтобы добиться повиновения, а этот королек Гвиннеда из другого теста. Кроме этого,— он смущенно посмотрел на свои ногти,— вы же всегда сможете обзавестись другими детьми, не так ли?

Брэн смерил Ридона ледяным взглядом.

— Да как вам в голову пришло такое? — прошипел он.

Венцит усмехнулся и неодобрительно покачал головой.

— Хватит, Ридон. Не издевайся над нашим юным другом. Он не понимает твоих шуток. Брэн, я вовсе не хочу подвергать опасности вашу семью. Может быть, мы подумаем об обмене заложниками, как знать? В любом случае, Ридон прав в оценке Келсона — юный Халдейн не будет воевать с невинными младенцами и женщинами.

— Вы можете поручиться за это?

Венцит улыбнулся, но в глазах у него появился стальной блеск.

— Я могу только обещать, что сделаю все, что зависит от меня,— спокойно сказал он.— А вы, наверное, не можете не признать, что от меня зависит намного больше, чем если бы вы рассчитывали только на себя?

Брэн потупил взгляд, вспомнив о своем положении, которое с каждой минутой становилось все менее прочным, и осознавая, что Венцит прав.

— Прошу прощения, государь. Я не сомневаюсь в ваших словах, просто очень беспокоюсь о своей семье.

— Если бы вы усомнились в моих словах, вас бы уже давно не было в живых,— невозмутимо ответил Венцит, протягивая руку за депешей, которая все еще была у Брэна.

Брэн безмолвно отдал ему документ, тщательно скрывая свое замешательство, пока Венцит прятал донесение на место. После многозначительной паузы, когда Венцит снова поднял глаза, в них уже не было гнева.

— А что ты скажешь, Ридон, про нашего юного Дерри? Надеюсь, все идет как надо?

— Я скажу, что пора его навестить,— ответил Ридон.

— Ну давай.— Венцит отхлебнул остывшего чая и наконец осушил чашечку одним глотком.— Думаю, что сейчас мы с тобой отправимся прямо к нему.

В подземелье под главной башней Кардосской крепости, известной как крепость Эсгаир Ду, на охапке соломы лежал навзничь Дерри. Его руки сковывали цепи, закрепленные на коль-

цах, вделанных в стену. От ран его лихорадило; он уже сутки лежал здесь, и за это время лишь однажды ему принесли кружку солоноватой воды и несколько кусков черствого хлеба. У него сводило желудок от голода, голова раскалывалась, и он с трудом заставил себя раскрыть глаза и посмотреть на сырые своды, собираясь с силами, чтобы перевернуться на бок и приподнять голову.

Больно. Пульсирующая боль в плече и в голове. Когда он попытался опереться на сведенное судорогой колено, то ощутил еще и острую боль в бедре.

Стиснув зубы, он все же приподнялся и сел, подтянувшись на цепях, которые тянулись от его запястий к двум железным кольцам в стене на высоте восьми футов.

Эти кольца он помнил. К ним его приковали тюремщики, приведя сюда, так, что он был распростерт на стене. После этого они долго избивали его кулаками и хлыстами для верховой езды, пока он не потерял сознания. А очнулся он спустя несколько часов на этой самой сырой и грязной соломе, на которой он сейчас сидел.

Он вытер потное лицо о здоровое плечо и с трудом моргнул, а затем стал подниматься на ноги. Слева от него было окно. Если он правильно помнил расположение Эсгаир Ду, то он сможет увидеть отсюда долину. Он выпрямился, отдышался и, держась за цепи, доковылял до окна.

Далеко на равнине стояли войска Венцита. Немного севернее, на небольшой возвышенности, выстроились лучники, занимая наиболее выгодные позиции. На северо-востоке располагались кавалерия и пехота, готовые взять наступающих в двойные клещи, если представится такая возможность. Ему был виден нескончаемый поток промокших и забрызганных грязью конников, выезжающих на равнину оттуда, где, как ему было известно, находился брод. Он даже слышал выкрики командиров, выстраивающих солдат в колонну.

На юго-востоке, в противоположной стороне, торентские солдаты занимали позиции вокруг личной полевой ставки Венцита, где чародей из Торента будет, наверное, находиться, когда начнется наступление королевского войска, и отсюда он будет вести сражение. Пока Дерри не обнаружил ни малейшего признака, говорившего бы о приближении армии Келсона, но он знал, что войско уже в пути. Кто-то должен был пробиться к королю и сообщить, что произошло с войском Яреда. Дерри надеялся, что сюда Келсон приведет уже единое войско, что все внутренние противоречия уже решены. Он думал о том, смогут ли Морган и Дункан помириться с архиепископами.

Со вздохом Дерри принялся в сотый, наверное, раз рассматривать свои цепи, тянуть их и дергать. Пока он закован здесь, как дикий зверь, у него нет ни малейшей надежды на освобождение. Но даже если бы он избавился от цепей, раны, скорее всего, не дали бы ему далеко уйти. Он и стоять-то не мог; стоило опереться на раненую ногу, как пульсирующая боль сразу же отдавалась во всем теле. Плечо вроде бы болело не так сильно, но он чувствовал, что именно эта рана — причина озноба и головокружения. Несколько часов назад, когда стражники принесли ему хлеб и воду, он пытался сам осмотреть рану, но не смог, так как ему было не развязать тугую повязку. Между тем рана, как ему казалось, была воспалена и гноилась.

Течение его мыслей прервал лязг ключа в замке. Он обернулся, болезненно сморщившись, и уставился на дверь. Цепь натянулась. В приоткрывшейся узкой щели показалась голова стражника в шлеме. Он смерил Дерри пренебрежительным взглядом, вошел в темницу и распахнул дверь, пропуская высокого рыжеволосого человека, одетого в янтарный шелк. Это был Венцит. За ним следовал Ридон.

Дерри вздрогнул, у него невольно перехватило дыхание. Он оцепенел от гнева, когда оба Дерини вошли в его клетку. Под шелком и мехами на них были кожаные куртки; на Венците — светло-коричневая, а на Ридоне — темно-синяя. Глаза Венцита поблескивали холодным аквамариновым блеском, когда он еще в дверях стал разглядывать пленника. В руках, одетых в перчатки, он вертел тонкий кожаный хлыст.

Дерри выпрямился, насколько мог, стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в ноге и звон в ушах. Венцит тем временем приблизился на несколько шагов. Стражник неподвижно вытянулся у дверей, а Ридон небрежно прислонился к стене, скрестив ноги.

— Ну,— начал Венцит,— наш маленький пленник проснулся. И даже на ногах. Неплохо, молодой человек. Твой господин мог бы тобой гордиться.

Дерри не отвечал, зная, что Венцит будет стараться вывести его из себя, и решив, что не поможет ему в этом.

— Конечно же,— продолжал Венцит,— немного стоит похвала твоего господина, ведь в конце концов он просто трус и предатель, не так ли?

В глазах Дерри вспыхнул опасный огонек, но он заставил себя держать язык за зубами, хотя не представлял, как долго еще сможет сдерживаться. Он уже не мог рассуждать спокойно.

— Ты согласен? — спросил Венцит, приподняв бровь и еще на шаг приблизившись к Дерри.— Я ожидал от тебя большего, Дерри. Это ведь бросает тень и на того, кто тебя учил, разве нет? Говорят, вы с Морганом были очень близки, друг мой, намного ближе, чем полагается мужчинам. Говорят еще, что тебе известны тайны, которые простым людям и во сне не снились.

Дерри приоткрыл глаза, сдерживаясь из последних сил, но Венцит щелкнул хлыстом перед его лицом, и он снова увидел ненавистные голубые глаза под бесцветными ресницами.

— Что, Дерри, не отвечаешь? Не стесняйся, не надо. А правда ли, что вы с Морганом были... как бы это сказать?.. Любовники? Что его постель ты изучил так же хорошо, как и его магию?

С безумным воплем Дерри бросился на своего мучителя, пытаясь цепями размозжить эту лукавую физиономию. Но Венцит рассчитал все до дюйма и стоял ровно, не шелохнувшись, когда руки Дерри, сдерживаемые цепью, замерли перед самым его лицом. Дерри со стоном упал на пол. Венцит презрительно посмотрел на него и сделал знак стражнику, чтобы тот поднял его.

Стражник натянул цепи через кольца в стене и закрепил их таким образом, что Дерри теперь снова наполовину обвис на раскинутых в стороны руках, пригвожденный к стене. Венцит с любопытством посмотрел на свою еще живую жертву, постукивая рукоятью хлыста по ладони, а затем кивком головы велел стражнику удалиться.

Несмазанные петли заскрипели, и дверь за тюремщиком закрылась. Ридон задвинул засов и вяло прислонился к тяжелой двери, прикрыв собой глазок.

— Ну, что, друг мой, гордость тебя еще не покинула? — спросил Венцит, вплотную приблизившись к Дерри, и приподнял его подбородок рукояткой хлыста.— А что тебе еще дорого из того, чему тебя учил Морган?

Дерри заставил себя сосредоточить взгляд на правом ухе Венцита и постарался прийти в себя. Он еще никогда раньше не был так безрассуден. А Венциту только этого и надо. Проклятая лихорадка совсем затмила ему разум. Если бы у него в голове хоть немного прояснилось.

Венцит отвел хлыст назад и, убедившись, что завладел вниманием своего пленника, заговорил:

— Скажи-ка мне, Дерри, чего ты боишься больше всего? Смерти? — Дерри не отвечал.— Нет, вижу по глазам, что не смерти. Со страхом смерти ты справился. Ну, тем хуже для тебя. Потому что тогда я извлеку самые страшные кошмары из самой темной бездны твоей души.

Он задумчиво отвернулся и принялся расхаживать по соломе, на ходу размышляя вслух:

— Так значит, ты боишься чего-то лишиться, но не жизни? А чего? Своего положения? Богатства? Чести? — Он снова повернулся к Дерри.— Правда, Дерри? Ты больше всего боишься лишиться чести? И власти над собой? Над чем — над телом? Душой? Рассудком?

Дерри ничего не отвечал. Он заставил себя спокойно смотреть поверх головы Венцита, сосредоточившись на трещине в стене. Тонкая паутина оплетала трещину, перекрывая отверстие хрупкими нитями. Дерри решил смотреть на эту паутину и молчать, не обращая внимания...

Внезапно раздался резкий свист плети, и острая боль обожгла ему лицо. Венцит опустил хлыст.

— Ты отвлекаешься, Дерри,— прорычал он.— Предупреждаю тебя, я терпеть не могу нерадивых учеников.

Дерри сдержал охвативший его ужас и заставил себя посмотреть в лицо своему мучителю. Венцит стоял не дальше чем в двух футах от него; глаза чародея бегали, как две капельки ртути.

— А теперь,— невозмутимо продолжал Венцит,— слушай, что я тебе скажу. И если ты будешь невнимателен, Дерри, тебе будет больно, снова и снова, пока ты не начнешь слушать меня или пока не умрешь. И эта смерть не будет легкой, я тебя уверяю. Ты слушаешь, Дерри?

Дерри кивнул и заставил себя слушать. Губы у него пересохли, язык распух и не помещался во рту. Он почувствовал, как теплая струйка ползет у него по щеке там, где ее обжег удар кнута.

— Хорошо,— пробормотал Венцит, проводя рукояткой хлыста вдоль щеки и шеи Дерри.— Первый урок на сегодня, который ты должен запомнить, и запомнить твердо,— это то, что твоя жизнь целиком в моих руках. Захочу — и ты будешь умолять меня даро-

вать тебе забвение, со слезами будешь молить о милосердной смерти, как избавлении от мучений.

Венцит неожиданно сжал его раненое плечо свободной рукой. Дерри невольно вскрикнул, но боль уже прошла, он даже не успел ее до конца почувствовать. Он поднял голову, с ужасом глядя на Венцита, рука которого все еще лежала на раненом плече, и Дерри старался не задумываться о том, что сделает чародей в следующий момент. Венцит улыбнулся какой-то особой улыбкой.

— Я сделал тебе больно, Дерри? — спросил он, мягко поглаживая пальцами его раненое плечо.— Правда, я не хотел. Мне совсем не нужно больше тебя мучить, я и так обладаю властью над тобой в той мере, в какой это мне необходимо. Ты уже вынужден мне повиноваться. И хотя твой разум будет сопротивляться моим приказам, но тело твое тем не менее будет в точности исполнять их.

Венцит с усмешкой провел по телу Дерри рукой и отошел на шаг, в раздумьях постукивая рукояткой хлыста по изящному сапогу. Мгновение спустя он бросил хлыст Ридону и стал разглаживать перчатки, вновь пренебрежительно рассматривая Дерри.

— Скажи-ка, тебя когда-нибудь благословляли? — спросил он, смыкая пальцы.— Ну, какой-нибудь священник простирал руку над твоей головой?

Дерри напряженно нахмурился, а Венцит тем временем поднял правую руку, словно для благословения.

— Я, конечно, не священник, да и то, что хочу сделать,— не благословение,— продолжил он.— Ты помнишь, я тут давеча говорил о потере власти над своей душой, телом, рассудком? Думаю, Дерри, что мы начнем с души. Итак, я навожу на тебя чары.

Он медленно опускал поднятую руку, сложив пальцы, как, благословляя, делают священники, И медленно же повел ее сначала вправо, потом влево. И когда он провел рукой перед глазами Дерри, им овладела какая-то странная дремота, сковавшая холодом его члены. Он вскрикнул, не в силах понять, что происходит с его разумом, и застонал, когда Венцит коснулся оков у него на запястьях и освободил его.

Дерри не мог удержаться на онемевших ногах. Он пошатнулся и почувствовал, что чьи-то сильные руки не дают ему упасть.

Голова его беспомощно откинулась на стену, волосы цеплялись за шершавый камень и доски. Затем вперившиеся в него голубые глаза приблизились и хищный рот впился в губы Дерри длинным, бесстыдным поцелуем.

Он выскользнул из объятий Венцита и беспомощно сполз по стене вниз. Глаза его были закрыты, губы плотно сжаты; его бил озноб. Дерри закрыл лицо руками, сквозь гул в голове услышал хохот Венцита, которому хихиканье Ридона вторило, как насмешливое эхо.

Потом Венцит ткнул его сапогом в бок, и он поднял голову и осмотрелся, превозмогая дурноту. Венцит с усмешкой поглядел на Ридона, который с живым интересом наблюдал за происходящим, и протянул руку к его кинжалу. Ридон, поклонившись, бросил ему кинжал, и Венцит ловко поймал оружие. Рукоять кинжала была отделана золотом, усыпана жемчугами, а его лезвие холодно поблескивало в тусклом свете подземелья. Венцит наклонился и дотронулся до подбородка Дерри острием кинжала.

— Ах, как же ты меня ненавидишь,— негромко сказал он.— Ты сейчас думаешь, что, будь этот кинжал у тебя в руках, ты перерезал бы мне глотку за все то, что я тебе сказал и сделал. Так попробуй же!

С этими словами Венцит протянул кинжал Дерри, держа его за лезвие; он сам вложил рукоятку в правую руку юноши.

— Подойди, убей меня, если сможешь.

Дерри застыл на мгновение, словно не веря себе, и истерически рассмеялся. Конечно, он не мог этого сделать. Венцит подошел ближе, разжал без труда пальцы Дерри, взял у него кинжал и снова прислонил юношу к стене.

Дерри был слаб, как котенок, и, не сопротивляясь, наблюдал, как Венцит с усмешкой просунул клинок за воротник его рубахи и ловко разрезал полотно. Он откинул рубаху с груди Дерри, держа кинжал в левой руке. Взгляд его был холоден и равнодушен в сумеречном свете, и Дерри ясно понял, насколько он близок к смерти.

И как он мог подумать, что Венцита можно убить кинжалом! Это же не человек, это демон! Нет — сам Сатана!

— Ну вот, мой дорогой Дерри, видишь, ты ничего не можешь. Теперь твоя душа принадлежит мне, а вместе с ней — и тело, я думаю. Ты не можешь меня убить, Дерри,— спокойно говорил он,— но я могу тебе приказать, чтобы ты убил себя, и ты подчинишься мне. Возьми кинжал, Дерри. Поднеси его сюда, прямо напротив сердца, куда я показываю.

Дерри с удивлением смотрел, как его рука, точно чужая, взяла кинжал и приставила его острием к груди, и он знал, что убьет себя не задумываясь, если Венцит прикажет, и знал, что ничего не может с этим поделать.

Венцит опустил руку. Он стоял, покачиваясь на каблуках, солома хрустнула у него под ногами.

— Ну, начнем. Начнем с небольшого надреза, чтобы выпустить немного крови.

Дерри с изумлением смотрел, как его собственная рука ведет кинжал, как лезвие плавно движется по его груди, оставляя за собой тонкий порез. Несколько капель крови застыли на белой коже яркими бусинками. Когда порез достиг длины в три пальца, лезвие кинжала застыло, как бы ожидая следующего приказа.

— Итак, пролилась кровь,— прошептал Венцит бархатным голосом.— А теперь постоим на краю смерти. Достаточно одного движения, друг мой. Небольшое нажатие, и мы, между прочим, повстречаемся с ангелом смерти здесь, в этой скорбной темнице.

Клинок стал погружаться в плоть Дерри, из-под стали вытекло еще несколько капель крови. Лицо Дерри посерело. Он чувствовал острие, вонзающееся в тело, чувствовал смертельный холод, неумолимо движущийся к его сердцу, и все так же ничего не мог изменить. В ужасе он закрыл глаза, стараясь успокоить охваченную страхом душу, в отчаянии вспоминая всех святых и все в детстве заученные молитвы.

Вдруг он почувствовал руку Венцита на своем запястье, почувствовал, как тот извлек кинжал из раны и клочком белого шелка промокнул кровь. Венцит коснулся разреза правой рукой, и Дерри ощутил холод. Чародей повернулся с удовлетворенной улыбкой к Ридону, сделав знак, что на сегодня довольно и можно уходить.

Когда дверь открылась, Дерри приподнялся на локтях и обнаружил, что кинжал остался у него в руке; он проводил взглядом удаляющегося по темному коридору Ридона. Стражник с факелом пришел осветить им путь. Венцит задержался в дверях, насмешливо салютуя своей жертве хлыстом.

— Отдыхай, друг мой,— сказал он; голубые глаза его блеснули в факельном свете.— Надеюсь, тебя научили чему-нибудь эти наши игры. Я собираюсь использовать тебя в одном очень важном деле. Это связано с Морганом. Дело в том, что ты предашь его.

Дерри сжал кулаки и, вспомнив о кинжале, замер, потом немного изменил положение тела, чтобы прикрыть его от глаз Венцита, но тот лишь усмехнулся.

— Можешь оставить эту игрушку у себя. Мне она больше не нужна. Но не думаю, что и тебе пригодится. Видишь ли, дружок, я не могу позволить тебе воспользоваться им. Но ты и сам скоро все поймешь.

Когда дверь закрылась и ключ снова повернулся в замке, Дерри вздохнул и в изнеможении упал на солому. Несколько минут он просто лежал с закрытыми глазами, пытаясь отогнать от себя ужас последних часов.

Но едва его разум прояснился и боль прошла, у него вдруг эхом отдалось в голове: «Ты предашь его!» И Дерри, истерически всхлипнув, повалился на бок, закрыв лицо здоровой рукой.

Господи!.. Что с ним сделал Венцит? Не ослышался ли он? Да, это так! Чародей сказал, что Дерри выдаст своего лорда, что он будет Иудой своему другу и сеньору, Моргану. Нет! Этого не будет!

С трудом усевшись, Дерри нашарил в соломе кинжал, оставленный Венцитом. Он сжал его в дрожащей руке и с ужасом уставился на него. Его внимание отвлекло какое-то странное кольцо, сверкнувшее на указательном пальце,— раньше он этого кольца никогда не видел. Но затуманенное сознание не придало этому значения; клинок — вот что занимало его мысли.

Венцит довел его до этого. Венцит только показал клыки и уже может командовать им, как последним рабом. Он обещал, что заставит Дерри предать своего господина, и юноша не сомневался, что это действительно во власти чародея. И конечно, он может запретить Дерри искать собственной смерти — но вдруг этот запрет удастся обойти? Дерри не хотел, не мог допустить, чтобы его использовали как орудие против Моргана.

Расчистив пол от соломы, Дерри выкопал в глине ямку, расширив ее до таких размеров, чтобы в нее поместилась рукоятка кинжала. Посмотрев на дверь и понадеявшись, что за ним не следят, он лег возле этого углубления ничком и приготовился, держа кинжал обеими руками.

Самоубийство. О нем запрещено даже думать человеку, который, как Дерри, верит в Бога и в бессмертие души.

Для верующего самовольный уход из жизни — смертный грех, повергающий в Ад на вечные муки.

«Но есть кое-что пострашнее Ада,— убеждал себя Дерри.— Предать себя, предать друзей...»

Себе он помочь уже не мог. Он до последнего боролся с торентским владыкой и проиграл. Никто не упрекнет его за это. Но Морган... Морган не раз спасал ему жизнь, не раз выхватывал его из самой пасти смерти при самых немыслимых обстоятельствах. Может ли он, Дерри, поступить иначе?

Держа кинжал за лезвие, Дерри некоторое время смотрел на крестообразную рукоятку. В мыслях его пронеслись десятки молитв; он торопливо поднес кинжал к губам и вложил его рукояткой в подготовленную выемку. Бог поймет его и простит за то, что он собирается сделать.

Укрепив кинжал, Дерри приподнялся на локтях и замер так; острие клинка было направлено в сердце.

Скоро все кончится. Он продержится так несколько секунд и упадет на сверкающую сталь. Даже Венцит не сможет предотвратить падения ослабевшего тела.

Дерри закрыл глаза. Руки у него задрожали. Он вспомнил тот давно прошедший день, когда они с Морганом, смеясь, скакали по полям Кандорского ущелья. Он вспомнил все битвы, всех скакунов, всех девушек, с которыми любился в стогах сена в отчем имении, свою первую оленью охоту...

И тут его тело стало опускаться.

Глава XX

*«ГОСПОДЬ ОТДАЛ МЕНЯ В РУКИ, ИЗ КОТОРЫХ НЕ МОГУ ПОДНЯТЬСЯ»**

Боже! Он не может этого сделать!

Как только острие кинжала коснулось груди, руки Дерри внезапно налились силой и отбросили тело вверх и в сторону, прочь от неминуемой смерти. С криком отчаяния он схватил клинок с пола, пытаясь перерезать собственные вены, глотку... Но все бесполезно — он не мог этого сделать, как будто невидимая рука сдерживала его усилия, не позволяя нанести тяжелое ранение.

Венцит! Венцит прав! Дерри не может убить себя!

* Иеремия 1:4.

Не в силах сдержать слезы, Дерри упал на живот и затрясся в беззвучных рыданиях; его рана горела, голова кружилась. Кинжал все еще был в его руках, и он исступленно вонзал его в покрывавшую пол солому, снова и снова, но постепенно затих. На смену ужасу пришло вялое безразличие.

Потом он очнулся. Или это только показалось ему. Он подумал, что проспал лишь несколько минут, когда что-то мягко коснулось его руки. Он содрогнулся, думая, что это Венцит пришел, чтобы снова мучить его, но прикосновение было легким и не принесло боли. Когда Дерри, набравшись храбрости, повернулся, он увидел человека в сером капюшоне, в задумчивости склонившегося над ним. Дерри почему-то не испугался его, хотя не знал, кто это.

Он хотел уже что-то спросить, но незнакомец покачал головой и предостерегающе приложил к его губам холодные пальцы. Из-под капюшона на Дерри смотрели странные серо-серебристые глаза; пряди выбившихся волос тоже казались серебристыми или даже золотистыми, Дерри никогда ничего подобного не видел. Но потом его видение стало расплываться, мысли затуманились, и он вновь потерял сознание.

Очнувшись, он ощутил прикосновение рук незнакомца, и каждое касание облегчало боль в его ранах. Он не видел гостя, только чувствовал, как тот приподнял его правую руку и, ощупав что-то холодное на мизинце Дерри, тяжело вздохнул. Юноша не мог даже пальцем пошевелить. А когда незнакомец выпрямился, у Дерри снова все поплыло и закружилось в голове, и он уже не знал, вправду ли он видит сияние вокруг головы этого человека или это только галлюцинация. Почему-то это даже не казалось ему важным.

Потом этот человек двинулся к выходу, напоследок как-то странно посмотрев на него, и когда он достиг двери, Дерри показалось, что он исчез, не открывая ее, а там, где только что стоял незнакомец, вспыхнуло глубокое сияние. Юноша, как во сне, подумал, что стал свидетелем чего-то необъяснимого, но его голова в изнеможении клонилась вниз, и он уснул.

Дерри не знал, что армия Келсона рядом, близ Линдрутского плато. Келсон хотел достигнуть предполагаемого места битвы до темноты, и королевская армия давно уже была в пути. Дозорные и разведчики высылались вперед, чтобы опасность не застиг-

ла армию врасплох. Но за первые три часа они не обнаружили ничего необычного. Тем неожиданнее оказалось известие, вдруг принесенное ими.

Один из патрульных отрядов, ехавший впереди, немного отклонился к западу и там обнаружил кучку пеших вооруженных солдат, скрывавшихся в поросшем кустарником ущелье. Не желая выдать свое присутствие, разведчики сочли за благо скрыться и не смогли рассмотреть форму солдат, однако они были уверены, что в засаде около пятидесяти человек, судя по стальным копьям и пикам, что блестели в солнечных лучах.

Разведчики вернулись и сообщили об увиденном Келсону. Молодой король нахмурился, пытаясь разгадать вражеский план. Засада могла быть просто тактической уловкой — какой урон способна нанести такая горстка воинов армии Гвиннеда? Это же самоубийство — если только в решительную минуту этим сидящим в засаде воинам не придет подкрепление.

После краткого раздумья Келсон позвал генерала Глодрута. После возвращения из Ренгартского ущелья он был в королевском лагере. Проверив боевой порядок и отдав распоряжения Глодруту, юный главнокомандующий направился на поиски Моргана.

Генерал-Дерини ехал во главе центральной колонны на белом коне, в сопровождении Дункана, Нигеля и епископа Кардиеля. Морган расспрашивал испуганного юного разведчика, который, казалось, с трудом удерживал своего разыгравшегося коня. Рядом собралось еще полдюжины наездников; судя по флажкам и кожаным плащам, это тоже были разведчики. Кардиель нервно теребил концы поводьев. Только Нигель заметил подъехавшего короля. Келсон поразился, заметив, что Дункан сжимает изорванный обрывок флага с малиновой розой и спящим львом — символами рода Маклайнов. Он посмотрел на Моргана — в его серых глазах был немой вопрос.

— Не могу сказать вам, что случилось, мой принц,— сказал Морган, подъезжая к Келсону и натягивая поводья.— Кто-то оставил нам это не слишком вежливое предупреждение. Этот флаг принес Добс.— Он указал на кусок шелка в руках Дункана.— Но толком ничего сказать об этом он не может. Надо бы расследовать это дело получше.

— Думаете, это ловушка? — спросил Келсон, посмотрев на знамя и поежившись.— Добс, как ты это нашел?

Добс растерянно посмотрел на короля, потом, сжав поводья в левой руке, перекрестился, весь дрожа.

— Бог им судья, государь, это... Я даже говорить об этом не могу,— произнес он срывающимся голосом.— Это было так ужасно, так противно... Государь, давайте уйдем из этого места, пока не поздно, нам с ними не сладить, если они выделывают со своими врагами такое.

— Можешь идти,— сказал Морган, прерывая дальнейшие расспросы.

Дернув за поводья, он поехал в гору, и за ним Келсон, Дункан и все остальные. Варин с двумя своими людьми уже ждал наверху. С ними был и епископ Арилан. Привстав в стременах, он осматривал плато. Когда подъехали остальные, Варин поприветствовал их коротким кивком.

— Скверный вид у этого местечка, государь,— тихо сказал он.— Смотрите, сколько здесь воронов и грифов. Так и ходят кругами возле самой земли. Не нравится мне это.

Келсон посмотрел в том направлении, куда указывал Варин,— и чуть не вскрикнул от ужаса. Внизу, на плато, в зарослях кустарника, стояло множество вооруженных людей. Они отбрасывали длинные тени, их шлемы и доспехи блестели на солнце.

Но они не двигались, хотя хищные птицы, сытые и ленивые, сновали прямо у них над головами. Дальше к западу, в ущелье, где побывали разведчики Келсона, небо было черным от летучих хищников. Догадаться, что это значит, было нетрудно. Келсон опустил голову и вздохнул.

— А... а знамена наши? — слабым голосом спросил он.

Один из помощников Варина опустил подзорную трубу и вздохнул.

— Похоже, что так, государь. Там все — мертвые.— Он сам поежился от своих последних слов.

— Довольно,— сказал Морган, понимая, что распоряжаться здесь лучше ему.— Венцит оставил нам жуткое послание — это ясно. Надо прочесть его. Нигель, дайте сигнал эскорту, чтобы они присоединились к нам. Остальные — за мной.

С этими словами он пришпорил коня и начал спускаться по склону в сопровождении Дункана и епископов. Келсон неуверенно посмотрел на Нигеля, ждавшего, кажется, чтобы его царственный племянник подтвердил распоряжение Моргана, и, кивнув,

поскакал вслед за остальными. Рядом с ним ехал Варин. Нигель отправился за эскортом.

Склон был пологим, но лошади сбивались, чувствуя в воздухе дыхание смерти. Некоторые из коней шарахались при виде огромных черных птиц, спускающихся к самой земле.

Кто эти окруженные страшными птицами мертвецы, было уже всем понятно по одежде на них — голубой с серебром и малиновой — цвета Кирни и Кассана. Каждое тело было насажено на деревянный кол, вбитый в землю. Некоторые, менее других защищенные доспехами, стали уже почти целиком добычей птиц. Воздух был полон зловонием разлагающихся тел и птичьего помета.

Келсон стал белее, чем перо на его шлеме. Остальные выглядели не лучше; все молчали. Дункан, покачав головой, закрыл глаза, и даже Варин на мгновение застыл в седле, как будто потеряв сознание от ужаса. Кардиель прикрыл рот и нос белым платком, подавляя тошноту. Чуть придя в себя, он печально посмотрел на Келсона.

— Государь...— Голос Кардиеля сорвался, но он начал снова: — Государь, что ж это за люди, которые могут учинить такое? Есть ли у них душа? Может быть, он вызывает магией черных демонов и они ему служат?

Келсон покачал головой.

— Нет здесь никакой магии. Он рассчитывает на то, что нас охватит человеческий ужас. И это куда страшнее, чем та магия, которую он мог бы применить против нас.

— Да, но это...

Морган осадил испугавшуюся лошадь и проглотил комок в горле.

— Венцит знает, как напугать людей,— тихо сказал он.— Увидеть своих близких, изуродованных смертью, разложившихся — что может быть страшнее? Человек, который устроил это...

— Не человек — Дерини! — вдруг воскликнул Варин, повернув коня и яростно взглянув на Моргана.— Только безумный Дерини! Государь! — В его глазах вспыхнул фанатичный огонь, которого Келсон не думал больше увидеть.— Вы теперь видите сами, что такое Дерини! Ни один человек никогда не сделал бы такого со своими врагами! Только Дерини на такое способен. Я говорил вам, что им нельзя верить...

— Вы забылись, Варин! — крикнул, прерывая его, Келсон.— Я тоже поражен тем, что мы здесь видим... Но к нашему общему

позору, таких ужасов более чем достаточно и в человеческой истории. Вообще, я до поры запрещаю обсуждать вопрос о Дерини. Ясно?

— Государь! — смущенно начал Варин.— Вы не так меня поняли. Я не имел в виду вас...

— Его величество знает, что вы имели в виду,— примирительно сказал Арилан, поправляя седельную сумку.— Гораздо важнее, однако, другое...

Он задумчиво посмотрел на стоящие трупы — и вдруг резким движением сбросил свой плащ ни спину лошади и спешился. Под недоуменными взглядами остальных он потянул за край плаща ближайшего к нему мертвеца. После минутного размышления он подошел к другому трупу и сделал то же самое. С озабоченным лицом он обернулся к Келсону и другим, все еще стоявшим без движения.

— Государь, не могли бы вы подойти поближе? Тут очень странная вещь.

— Подойти и посмотреть на покойника? Арилан, я не вижу нужды смотреть на них вблизи. Они мертвы. Разве этого мало?

Арилан покачал головой.

— Нет, вы должны увидеть. Морган, Дункан, подойдите тоже. Я думаю, они уже были мертвыми, когда их принесли сюда,— должно быть, их убили в бою. У всех страшные раны, а на земле крови очень мало.

Обменявшись взглядами, Морган с Дунканом спешились и подошли к Арилану. Келсон, помешкав, направился за ними. Тем временем Нигель с вооруженным эскортом спускался с вершины холма, тоже ужасаясь открывшейся взору картиной. Генералы, оставшиеся наверху, гадали, что же случилось в долине. Нигель спешился, Арилан пригласил его присоединиться к ним и перешел к третьему телу.

— Вот, смотрите. Теперь я уверен, что так и есть. Столько ран — а на одежде ни капли крови. Они даже переодели их, чтобы лучше было видно на расстоянии. Из чего следует,— он поднял шлем следующего мертвеца,— вовсе даже не обязательно, что все эти люди — наши.

Когда он скинул шлем на землю, все ахнули: под ним была пустота. Тело было без головы; только почерневшие сгустки крови и плоти предстали перед их глазами. Арилан перешел к следующим фигурам, но результат был тот же — все тела были

обезглавлены. Тяжело дыша, Арилан снимал шлем за шлемом с безглавых плеч. В ужасе он отвернулся и ударил себя кулаком по ладони.

— Да черт их всех подери! Я знал, что для них нет ничего святого, но такого я и от Венцита не ожидал!

— Это... это работа Венцита? — с трудом произнес Нигель.

— А чья же еще?

Нигель с недоверием покачал головой.

— Боже мой, здесь человек пятьдесят.— Его голос охрип от ужаса.— И, похоже, у всех отрублены головы. Эти люди были нашими друзьями, нашими товарищами по оружию! Хотя... Мы даже не знаем, кто они...

Он замолчал и растерянно оглянулся. Келсон бросил быстрый взгляд на Моргана. Если не считать того, что он нервно сжимал и разжимал руки, генерал-Дерини казался спокойным; Дункан тоже скрывал свои чувства — хотя Келсону трудно было даже вообразить себе, чего это ему стоило. Морган заметил взгляд Келсона и, легко коснувшись его плеча, двинулся навстречу остальным.

— Мы должны похоронить этих людей, джентльмены, или хотя бы предать тела огню: закопать их всех у нас просто нет времени. Нас заметят на плато — и на равнине тоже. Келсон,— он повернулся к королю,— как вы думаете, не следует ли сообщить людям о том, что случилось?

— Конечно.

— Я согласен,— кивнул Морган.— Но нужно обязательно добавить, что умерли все эти люди прежде, чем их принесли сюда, и умерли они, во всяком случае, в честном бою, их не прикончили как диких зверей.

— Это правильно,— поддержал Арилан.— Это должно напомнить солдатам, за что и с кем мы воюем. Такими средствами Венцит приблизит свой конец.

Келсон кивнул. Кажется, он начал приходить в себя.

— Отлично. Дядя Нигель, позовите своих людей, пусть приготовят погребальный костер.

— Конечно, Келсон.

— Варин, если бы вы с вашими людьми осмотрели окрестности...

Варин поклонился в седле.

— Как прикажете, государь.

— А вы, Арилан и Кардиель... Времени для подобающей панихиды нет. Но может быть, вы и ваши собратья скажете несколько слов перед тем, как предать тела огню. А если вы опознаете кого-нибудь, хотя, конечно, трупы обезглавлены, я понимаю, но...— он вздрогнул и отвернулся,— буду вам благодарен.

Опустив голову, Келсон пошел к своему коню, стараясь не смотреть больше на ужасное зрелище. Когда он поехал в гору в сопровождении генералов и епископов, Арилан посмотрел ему вслед, посмотрел вслед Варину, его людям и Кардиелю, ехавшим через плато к долине. Воины из эскорта Нигеля спешились и начали снимать и укладывать обезглавленные тела. Пока солдаты пробирались сквозь полные мертвецов заросли, Арилан подошел к Моргану и Дункану и, став между ними, положил руку каждому на плечо.

— Наш молодой король страшно потрясен этим, друзья мои,— тихо сказал он, глядя, как солдаты прокладывают себе дорогу в жуткой чаще из кустов и кольев.— Как это скажется на нем?

Морган хмыкнул и сложил руки на груди.

— У вас просто талант задавать вопросы, на которые я не могу ответить. Как подействует это на любого из нас? Знаете, что меня беспокоит больше всего?

Арилан покачал головой, и Дункан удивленно посмотрел на него.

— Вот что,— тихо начал Морган,— эти тела... Судя по всему, это мертвые торентские солдаты в кассанской форме, но ведь, может быть, и не торентские.— Он прервался, глаза его сузились.— И кто-то где-то знает, кто эти люди. А самое страшное — тела здесь, а где-то в другом месте головы. Так вот — что будет, когда мы их найдем?

Их продвижение вперед отложилось еще на час, а потом каждая колонна отдала последние почести дымящимся погребальным кострам. Среди солдат ходили, конечно, тревожные разговоры; такое надругательство над телами погибших вызвало гнев людей, они были готовы немедля ринуться в бой. Теперь ни у кого не было сомнений в злодействе Венцита Торентского. Такой человек не заслуживает пощады от гвиннедского короля. Битва поутру будет жестокая и кровавая, это ясно.

Армия двинулась дальше, оставив позади два пепелища, окутанных густым, жирным дымом.

Больше ничего подобного они не встретили. Быть может, враги сочли, что придуманного ими устрашающего зрелища будет довольно для того, чтобы внести страх и смятение в ряды королевской армии. Как бы то ни было, Келсон был рад, когда они достигли наконец места, где было решено разбить лагерь.

Сгустились сумерки; после этого долгого и тяжелого дня все нуждались в хорошем отдыхе.

Потребовалось три часа, чтобы разбить лагерь. Келсон, лично убедившись, что лагерь надежно укреплен, удалился ужинать в свою палатку. Его сопровождали Морган, Дункан и Нигель. За ужином все они говорили о каких-то пустяках, не желая припоминать подробности прошедшего дня. Когда бокалы наполнили в последний раз, Келсон встал и, подняв кубок, движением руки попросил встать всех остальных.

— Друзья, последний тост. За завтрашнюю победу!

— И за короля! — добавил Нигель, прежде чем Келсон поднес кубок к губам.— Да царствует он долго и счастливо!

— За победу и короля! — повторили другие, поднимая бокалы.

Келсон слегка улыбнулся, осушил кубок и сел, откинувшись в кресле. Он озабоченно посмотрел на своих гостей и, покачав головой, вздохнул.

— Знали бы вы, как я устал. Но не важно. Часовые расставлены... Морган, могу я попросить вас об одном одолжении?

— Разумеется, мой принц.

Келсон кивнул.

— Хорошо. Я бы попросил вас разыскать леди Риценду и сказать ей, с чем мы столкнулись сегодня,— в общих чертах, конечно. Она очень чувствительная леди. Скажите ей, что мое отношение к ней не изменится, если она не пожелает завтра встретиться со своим мужем.

— По всему, что я слышал,— кашлянул Дункан,— вы выбрали для этого не лучший момент. Леди Риценда, может быть, и чувствительная леди, но довольно упрямая.

Келсон улыбнулся.

— Я знаю и отчасти понимаю ее настойчивость — ведь ей кажется, что она действует на благо гвиннедской короне. Морган, дайте ей понять, с кем мы имеем дело. Я не вправе просить ее помощи после всего, что мы видели. Я не могу позволить ей пойти на это.

— Я сделаю, что смогу, мой принц,— кивнул Морган.

— Благодарю вас. А вам, Нигель, буду признателен, если мы с вами пойдем и посмотрим северные укрепления. Я в них не вполне уверен, и мне нужен ваш совет.

Когда Келсон с Нигелем удалились, Морган также покинул королевский шатер. Его и обрадовало, и смутило поручение Келсона, поскольку он не был уверен, что сможет увидеть Риценду вновь, после их краткой, но так поразившей его встречи в Дхассе. Он всей душой, конечно, стремился к встрече с ней, но чувство чести удерживало его от любого неосторожного шага. Морган напоминал себе, что не должен испытывать слишком больших чувств к жене другого человека — тем более если завтра он может этого человека убить.

Но сейчас от него ничего не зависело. Он получил приказ короля и должен повиноваться.

По дороге к ставке епископа Кардиеля он испытывал странное чувство душевного подъема. Епископа не было — должно быть, он осматривал расположение войск вместе с Варином и Ариланом, но епископская охрана пропустила Моргана. Перед голубой палаткой Риценды горели факелы; изнутри мерцал более мягкий свет восковой свечи. Перед тем как подойти ко входу в палатку, Морган нервно сглотнул слюну и прочистил горло.

— Миледи графиня? — мягко окликнул он.

Занавесь отдернулась, и в проеме появилась высокая темная фигура. Сердце Моргана вздрогнуло на мгновение — и сразу же успокоилось. Это была монахиня, а не леди Риценда.

— Добрый вечер, ваша светлость,— сказала святая сестра, опустив голову.— Ее светлость укладывает спать молодого господина. Вы желаете поговорить с ней?

— Если позволите, сестрица. У меня к ней дело от короля.

— Я скажу ей, ваша светлость. Подождите здесь, пожалуйста.

Когда монахиня удалилась, Морган, отвернувшись, стал смотреть в темноту, окружавшую пятно факельного света. Через несколько мгновений у входа в палатку появилась вторая фигура. Леди Риценда была в белом платье, поверх которого была наброшена голубая мантия. Огненно-рыжие волосы свободно ниспадали на плечи. Свеча в серебряном подсвечнике бросала золотистый отблеск на ее лицо.

— Миледи,— поклонился Морган, стараясь не смотреть ей в глаза.

Риценда сделала реверанс и склонила голову.

— Добрый вечер, ваша светлость. Сестра Люки сказала про какое-то поручение от короля?

— Да, миледи. Думаю, вы слышали о том, что случилось сегодня днем по пути?

— Да.— Женщина опустила глаза.— Входите, пожалуйста, ваша светлость. Если вас увидят стоящим возле моей палатки, это, боюсь, не пойдет на пользу вашей репутации лорда Дерини.

— Поэтому вы предлагаете мне войти в нее, миледи? — улыбнулся Морган, закидывая голову.

— Сестра Люки примет вас, как подобает, ваша светлость,— ответила она, также слегка улыбнувшись.— Извините меня, я сейчас появлюсь, только взгляну, уснул ли мой сын.

— Конечно.

Палатка была отделана королевским голубым шелком; сквозь него была видна свеча ушедшей за загородку Риченды. Второе помещение занимала сестра Люки; там были два складных стула, четыре маленьких сундучка и канделябр с желтыми свечами в центре комнаты. Пол был застлан ковром, спасавшим от сырости, но довольно простеньким. Судя по всему, все это было из запасов епископа Кардиеля. Морган надеялся, что леди и ее ребенок не испытывают здесь слишком больших неудобств.

Риченда, вернувшись, опустилась в кресло и поднесла палец к губам, слегка улыбаясь.

— Он уснул, ваша светлость. Не хотите ли посмотреть на него? Знаете, ему всего четыре, но я, признаться, ужасно им горжусь.

Видя, что ей хочется этого, Морган кивнул и последовал за ней во внутренние покои. Сестра Люки, перебиравшая постельное белье, заметив их, поклонилась, будто намереваясь уйти, но Риченда покачала головой и указала Моргану на маленькую кроватку, где спал ее сын.

Брэндан унаследовал рыже-золотистые волосы матери и, как Морган мог заметить, был мало похож на своего отца Брэна Кориса. Только в форме носа чувствовалось фамильное сходство, а в остальном он походил на мать. Черты его лица были даже слишком нежными для мальчика. Густые длинные локоны подобно паутине покрывали его щеки; эти яркие растрепанные волосы, которые он впервые увидел близ гробницы святого Торина, сейчас, при свечах, казались золотыми. Цвет глаз мальчика Морган не запомнил, но почему-то был уверен, что они голубые.

Мать мальчика, улыбаясь, склонилась над кроваткой, поправила одеяло и дала Моргану знак следовать за ней во внешнюю комнату. Покидая спальню, Морган не мог не заметить еще одной кровати, покрытой голубым и кремовым шелком, и не без труда заставил себя выбросить это из головы.

Риченда повернулась к нему.

— Я благодарна вам за то, что вы пришли к нам, ваша светлость,— сказала она, опускаясь в одно из кресел и предлагая ему занять другое.— Признаться, мне не хватает общества в последние дни. Сестра Люки очень мила, но она говорит совсем не то, что требуется. Остальные предпочитают не иметь дела с женой предателя.

— Даже когда сама она верна короне и к тому же — молодая и беспомощная женщина?

— Как видите.

Морган опустил голову, думая, что сказать этому прекрасному созданию, к которому его так влекло.

— Ваша родина похожа на Корвин? — осторожно начал он, вставая и начиная расхаживать по комнате.

Риченда наблюдала за ним с невозмутимым лицом.

— Отчасти. Хотя не такая холмистая. Вы знаете, вам достались лучшие в этой части страны горы. Правда, Брэн говорит, что...— Она осеклась и после некоторой заминки продолжила: — Мой муж говорит, что у нас в Марли хорошие земли, лучшие во всех одиннадцати королевствах. Знаете, в Марли никогда не было настоящего голода — больше четырехсот лет, даже когда всюду стояла засуха и был мор. Марли это обходило стороной. Я думала, что это знак милости Господней.

— А теперь не думаете?

Риченда посмотрела на свои сцепленные на коленях руки и пожала плечами.

— Ах, прошлого, я думаю, ничто не отменяет, и даже сейчас, когда Брэн... Но что это я? Мы возвращаемся все к тому же предмету, не так ли? А я думаю, что в канун битвы вы меньше всего хотите говорить об изменнике. Зачем же вас послал король, ваша светлость?

— Отчасти из-за случившегося сегодня, миледи,— ответил Морган после небольшой паузы.— Вы сказали, что слышали об этом. Уверены ли вы, что слышали достаточно?

— Обезглавленные трупы, насаженные на колья,— прервала она его.— Целехонькая кассанская форма на израненных телах.— Она посмотрела ему в глаза.— Король послал вас узнать, как я думаю, не мой ли муж сделал это, ваша светлость? Вы хотите, чтобы я сказала, способен ли Брэн на подобное? Вы отлично знаете, что я была последнее время под королевским надзором и не могу этого знать.

Морган вздохнул, пораженный направлением ее мыслей и прямотой, с которой она все высказала.

— Простите, миледи, но вы ошибочно судите и обо мне, и о короле. Никто и подумать не может, что вы знали о планах вашего мужа. Судя по всему, и планов-то никаких не было, все решил случай. Тот, кто заранее замыслил измену, не оставит в опасности жену и сына. Если вам показалось, что мы сомневаемся в вашей верности, простите. Я неточно выразился.

Риченда долго, не сводя глаз, смотрела на него, потом вновь перевела взгляд на свои сложенные на коленях руки. Ее обручальное кольцо слабо блестело при свете свечи.

— Простите меня и вы. Я не должна была давать волю чувствам. Ни вы, ни король не заслужили моих упреков.— Ее голос стал твердым.— А что до Брэна, не знаю, правы вы или нет. Надеюсь, что он ничего заранее не замышлял. Я знаю, что за всем этим стоит. Это... это амбиции. Даже наш брак был заключен во многом для того, чтобы присоединить к Марли новые богатые земли,— это было мое приданое. Но если он не идеальный муж, то уж отец хороший. Брэндана он любит, какими бы ни были наши отношения.— Она покачала головой.— Ну конечно, особой страсти между нами никогда не было. Мне казалось, что он со временем полюбил меня по-своему. Но теперь, после того, что случилось, это уже не имеет никакого значения.

— Вы по-прежнему думаете встретиться с ним? — мягко спросил Морган, не желая больше обсуждать ее отношения с мужем.

Риченда пожала плечами.

— Ничего не могу сказать, милорд. Если он знал и принял то, что мы видели сегодня, то что бы я ни сказала, скорее всего, не будет иметь для него большого значения. Может быть, он прислушается к мольбе ради Брэндана. Я все же хочу попытаться, если король позволит.

— Это ненужный риск, миледи.

— Может быть. Но мы должны, каждый из нас, сыграть свою роль до конца. Я — жена изменника и должна просить о милости к нему. И еще: я не могу заставлять короля оскорблять моим присутствием армию. Как бы все ни закончилось, у нас с Брэнданом останется только опозоренное имя, мы — семья предателя. Не очень приятно осознавать это, не правда ли?

— Конечно,— прошептал Морган.

Риченда встала и повернулась к нему.

— А вы, ваша светлость, что вы надеетесь выиграть от всего этого? У вас могущественные силы, большая власть, король благоволит вам; и все это ставится на карту. Если Гвиннед проиграет, вам несдобровать. Венцит не терпит других Дерини в своих владениях, это известно.

Морган опустил глаза.

— Я не думаю, что могу объяснить вам это, миледи. Как вы, без сомнения, знаете, я уже бывал за свою жизнь чем-то вроде бунтовщика. Я никогда не делал секрета из моего происхождения и впервые использовал свои силы открыто, чтобы помочь королю Бриону сохранить трон шестнадцать лет назад. С тех пор я считал своим долгом открыто пользоваться своими силами в надежде, что когда-нибудь все Дерини будут свободны, как я. И вот ирония судьбы — разве сам я теперь свободен?

— Но ведь вы пользуетесь своими силами?

— Случается,— печально сказал он.— Но надо признать, что вреда от этого пока больше, чем пользы. Эти стычки с архиепископами — на коронации и потом, в гробнице святого Торина... Может быть, если бы не магия, мы бы сейчас спокойно спали в своих постелях.

— Может быть,— согласилась Риченда.— Но тогда Келсон не был бы королем. А я не думаю, что вас и таких, как вы, тогда оставили бы в покое.

Морган хмыкнул и тут же поежился: он заметил, что Риченда не ответила на его улыбку.

— Извините, миледи. Я не привык к доброжелательному отношению. Большинство не в состоянии представить себе, как у меня выходит то, что я делаю. Бывает, я сам удивляюсь. Это иногда тяжело.

— Почему? Вы стыдитесь того, что делаете?

Морган поднял голову с некоторым удивлением.

— Нет. Если бы мне снова пришлось выбирать, думаю, я сделал бы тот же выбор. Конечно, сейчас это чисто теоретический вопрос, выбор давно сделан.

— Может быть. Хотя в серьезных делах мы полагаемся на свой прежний опыт... Вы считаете иначе?

— Ваша логика безупречна, миледи,— спокойно ответил Морган.— Но, быть может, проблема глубже, чем вам кажется. Мы, Дерини, немного отличаемся от других людей, вы об этом, должно быть, слышали.

— Чем?

Риченда, повернувшись к нему, улыбнулась. При свете свечей Морган увидел ее профиль как бы в золотом обрамлении. Через мгновение она повернулась к нему вновь, и ее лицо скрыла тень.

— Милорд, могу я исповедаться вам?

— Я не священник, миледи,— мягко сказал Морган.

Риченда сделала к нему несколько шагов, ее лицо все еще оставалось в тени.

— Благодарите Бога, что вы не священник, милорд. Ему бы я никогда не сказала то, что скажу сейчас вам. Это судьба свела нас, милорд. Провидение, воля Божья — назовите как хотите, хотя я думаю... О, не смотрите на меня так, милорд.

Морган замер при первых же ее словах и теперь ошеломленно уставился на нее в наступившей тишине. То, что сказала Риченда, не укладывалось в голове, это было поразительно, немыслимо. Он думал, что лишь сам чуть не потерял власть над своими чувствами. А теперь, оказывается, и Риченда...

Он отвел глаза, заставив себя собраться с мыслями.

— Миледи, мы не должны. Я...— Он замолчал и начал снова, подыскивая слова, которые, как он надеялся, она поймет: — Миледи, когда-то вы дали обет верности другому мужчине. Вы родили ему сына. Ваш муж жив. И несмотря на ваши с ним отношения, вы... Риченда, я, может быть, убью вашего мужа завтра. Разве вас не ужасает это?

Она перешла на шепот:

— Брэн — предатель и должен умереть; я это знаю. Я печалюсь о том добром, что в нем было, и буду оплакивать его смерть. И я печалюсь, что у моего сына не будет отца, потому что его отец — Брэн. Но если по воле судьбы именно ваш меч,— ее голос стал еще мягче,— или ваши магические силы лишат его завтра жизни, я не возненавижу вас. Как я смогу? Ведь вы — в моем сердце.

— О боже мой, вы не должны говорить такого,— прошептал он, закрывая глаза, чтобы не видеть ее взгляда.— Мы не должны, мы не смеем...— Он совсем запутался и замолчал.

— О, должна ли я снять эти чары? — прошептала Риченда, беря его руку и поднося ее к губам.

Морган вздрогнул от ее прикосновения и заставил себя посмотреть на нее — а она тем временем взяла его за вторую руку. Когда она коснулась ее, их окружило яркое сияние; и внезапно их сознания слились воедино.

Риченда — Дерини. Чистокровная Дерини из древнейшего рода. Дерини — во всей красе и славе, обладающая — помимо воли — всей полнотой магической силы. Испытывая головокружительную радость духовного союза с ней, он поражался тому, как глубоко все это таилось; то, что лежало где-то в первооснове его сил, подсказывало ему, что он нашел вторую половину своего существа, которой не знал до сих пор. И что бы ни случилось завтра или когда-нибудь еще — он выдержит все, пока эта благословенная женщина рядом с ним.

Потом он увидел ее вновь глазами, а не сознанием, и отступил, в изумлении отдернув руки. Он долго смотрел на нее, спрашивая себя, уснула ли монахиня в соседней комнате, и молил Бога, чтобы это было так, потом опустил глаза и скользнул взглядом по ковру. Действительность вернулась, и вместе с ней — завтрашние проблемы.

— То, что сейчас случилось,— это делает для меня завтрашний день еще труднее, вы знаете,— неохотно прошептал он.— У меня есть обязательства, которые я взял на себя раньше, чем эта ноша легла мне на сердце. Ведь я сам виноват в том, что произошло.

— Но теперь у тебя есть за что воевать,— мягко сказала она.

— Да. И если мне завтра придется убить Брэна или способствовать его смерти...

— Мы оба будем знать, что ты сделал это ради правого дела,— договорила она.

— Будем ли?

Прежде чем она успела ответить, снаружи раздались шаги и послышались низкие голоса дозорных. Морган, вздрогнув, подошел к выходу и выглянул, чтобы узнать, в чем дело. Фигура человека в темном появилась из темноты и вошла в освещенный

факелами круг перед палаткой. Это был Дункан, и, судя по выражению его лица, что-то случилось.

— Что такое? — спросил Морган, выйдя из палатки и закрывая собой вход.

Дункан, смущенно улыбнувшись, прочистил горло.

— Извини за беспокойство, но я был в твоей палатке и не нашел тебя. А ты нужен Келсону.

— Сейчас буду.

Обернувшись, Морган еще раз встретился глазами с Ричендой — они больше не нуждались в словах — и, поклонившись, вышел, чтобы последовать за Дунканом.

— Извини. Это заняло немного больше времени, чем я думал. Что у тебя?

Дункан принял бесстрастный вид, стараясь никак не обнаружить свое отношение к тому, что Морган так задержался.

— Никто толком не поймет... Может быть, ты поможешь нам? Там такие звуки, будто люди Венцита что-то строят.

— Строят?

Они проходили пост охраны, и Морган, уставившись на Дункана, чуть не забыл отдать приветствие. Дункан пожал плечами.

— Идем, оттуда лучше слышно.

Когда они достигли северной границы лагеря, один из стражников последнего поста, покинув своих товарищей, направился в темноту, показывая дорогу. Морган и Дункан последовали за ним; последние несколько ярдов по его знаку они проползли по-змеиному на животе. На вершине гребня уже были Келсон, Нигель и двое разведчиков; все они лежали на земле и смотрели в сторону вражеского лагеря на равнине. К северу, сколько видел глаз, горели костры, а высоко в горах слабо светились башни павшей Кардосы.

Морган быстро окинул глазами плато, которое он сегодня уже дважды осматривал, потом устроился на земле рядом с Келсоном и толкнул молодого короля локтем.

— Что там такое они строят?

Келсон покачал головой и указал кивком на вражеский лагерь.

— Слушайте. Звук очень слабый, но когда ветер в нашу сторону, слышно лучше. Что это вам напоминает?

Морган прислушался, усилив слух магическим приемом. Сначала он расслышал только обычный гул военного лагеря: ржали

лошади, перекликались часовые, гремела походная утварь, точились мечи.

Но потом он различил сквозь этот обычный шум другой — далекий и странный. Он закинул голову и закрыл глаза, чтобы слышать еще лучше, и наконец повернулся к Келсону со странным выражением на лице.

— Вы правы. Как будто кто-то рубит дерево. А иногда будто что-то режут.

— Вот и нам так показалось,— ответил Келсон, опираясь на руки подбородком и снова вглядываясь в ночь.

— Итак, что же Венцит строит? Что означает стук топоров и молотков среди ночи накануне битвы?

Глава XXI

*«СОЗВАЛ ПРОТИВ МЕНЯ СОБРАНИЕ, ЧТОБЫ ИСТРЕБИТЬ ЮНОШЕЙ МОИХ»**

День обещал быть не по сезону жарким, но позже, когда солнце достигнет зенита, а сейчас, на заре, воздух был свеж и прохладен. Гвиннедская армия занимала боевые позиции. Люди поднялись еще до рассвета, и офицеры в последний раз проверяли снаряжение и оружие. Священники обходили строй за строем, благословляя ратников. Последние наставления следовали за последними благословениями: так много нужно было сказать и так мало было времени. На рассвете войско двинулось к полю битвы — колонна за колонной, ряд за рядом — почти две с половиной тысячи конных рыцарей и вдвое больше лучников и пеших солдат. Воины были молчаливы и строго выдерживали строй. Даже кони в неярком утреннем свете вели себя спокойно, не фыркали и не ржали, словно чувствовали, какой близится час.

Враг еще никак не обнаружил себя, хотя гвиннедские солдаты знали, что вражеское войско тоже готовится к битве меньше чем в миле отсюда. Когда солнце взошло, по рядам прошел гул недоумения — армия Венцита еще не заняла боевые позиции.

На правом фланге, на невысоком холме Келсон собрал своих советников, чтобы осмотреть поле будущего сражения.

---

* Иеремия 1:15.

Когда стало еще светлее, их глазам открылось неожиданное зрелище: вдоль передовой линии вражеских укреплений торчали пики, на которые были насажены человеческие головы. Варин и Нигель по очереди рассматривали лица убитых через подзорную трубу, но расстояние было слишком велико, к тому же лица уже тронуло разложение, чтобы их можно было опознать.

Зрелище это произвело удручающее впечатление на приготовившихся к битве гвиннедских воинов, хотя они и понимали, что сделано это Венцитом нарочно, чтобы устрашить их, запугать, и что вовсе не обязательно эти головы принадлежат кассанским пленникам. А все же наверняка это не было известно. Множество глаз было приковано к этой жуткой картине; кто-то проклинал Венцита, кто-то шептал молитвы. Последний час ожидания еще больше изнурил воинов, а их нервы и так были напряжены до предела.

Келсон тем временем был погружен в собственные заботы. Он рассматривал карту прямо в седле, держа в руке недоеденный сухарь, и одновременно слушал Моргана, что-то говорившего о резервных кавалерийских соединениях. Юный монарх казался спокойным и отдохнувшим, но взгляд Келсона становился тяжелым, когда он невольно устремлял его на эти надетые на пики головы перед неприятельским войском.

Не видно было ни Венцита, ни его офицеров, а колонны вражеских воинов стояли без строя ряд за рядом, освещенные восходящим солнцем.

Вскоре епископы Арилан и Кардиель покинули войска и поднялись на холм, к Келсону, встав рядом с Дунканом и генералом Глодрутом, вид у которого был весьма встревоженный. От короля их отделяли несколько ярдов. Первым передвижения во вражеском стане заметил Арилан. Он подъехал поближе и дотронулся до рукава Келсона, указав на вражеское войско: от него отделилась небольшая группа всадников, и скакавший впереди держал флаг парламентера.

— Нигель, какой у него герб? — спросил король, повернувшись в седле и доставая подзорную трубу.

— Не могу разглядеть на таком расстоянии, государь. Может быть, послать им навстречу отряд?

— Не сейчас. Посмотрим, что они собираются делать. Глодрут, пусть кто-нибудь из ваших людей будет наготове, чтобы в случае чего выехать.

Всадники остановились ярдах в четырехстах от своих позиций, и только тот, у которого был белый флаг, доскакал до середины поля. Келсон кивнул Глодруту, давая знак, чтобы он выслал своих людей навстречу, и, когда те выехали, поднес к глазам подзорную трубу, чтобы рассмотреть ожидающих на равнине всадников.

За знаменосцем следовали семеро. На четверых — это была вооруженная охрана — было снаряжение конных лучников. Ярко-оранжевые мундиры и нагрудные знаки — фурстанский олень на черном фоне — говорили о том, что это воины армии Венцита. Все они были бородаты, головы их были покрыты шлемами с оранжевыми перьями, за спиной у каждого висел короткий изогнутый лук, а у колена — короткий меч.

Остальные трое были не похожи на простых солдат. Один, как показалось Келсону, был монахом либо священником, о чем свидетельствовал длинный черный, наглухо застегнутый плащ; черный капюшон был надвинут на глаза. С ним было двое знаменитых лордов, разряженных, как павлины, в шелка поверх доспехов. Одного из них Арилан узнал — это был герцог Лионель Арьенольский, родственник самого Венцита. Поверх кольчуги он накинул белый шелковый плащ, а сама кольчуга, отделанная золотом, сверкала на солнце. Черные как смоль волосы были заплетены в косу; шлем украшала герцогская корона, усыпанная драгоценными камнями.

Другой — тут лицо Арилана помрачнело — был Ридон из Восточной Марки. Арилан имел все причины испытывать особую неприязнь к этому чистокровному Дерини, хотя и не распространялся об этом. Поверх кольчуги на нем был накинут голубой плащ, расшитый золотом. Келсон не узнал этого человека, сколько ни разглядывал его.

Король опустил подзорную трубу. Два знаменосца встретились посреди поля в полумиле от него и, сдерживая разгоряченных коней, о чем-то договаривались. Король оглянулся на Моргана, который всматривался в передовую линию вражеского войска; там в это мгновение вырос целый лес ярких шелковых знамен. На вершине невысокого холма в центре вражеского лагеря собралась группа высокородных всадников. Морган хмыкнул, приблизив к глазам подзорную трубу.

— А вот и Венцит,— негромко сказал он,— самое время ему появиться. А слева от него, кажется, Брэн.

Келсон с минуту смотрел на группу, потом снова взглянул на Моргана.

— Морган, я думаю, нам лучше отказаться от мысли, что леди Риченда может как-то повлиять на Брэна Кориса. Женщине здесь не место. Я ни за что не позволю ей показаться здесь.

Морган пожал плечами и сунул подзорную трубу в карман.

— Думаю, что вам, мой принц, будет стоить весьма больших усилий отговорить ее. Я вчера ночью пытался, но... Это очень гордая женщина.

— Да, я знаю,— вздохнул Келсон.

Он обернулся к Дункану, который что-то сказал капитану охраны, подъехал к нему на своем чалом скакуне. Оба знаменосца уже галопом приближались к гвиннедским позициям, белые флаги развевались на ветру.

— Наши наблюдатели сообщают, что это барон Торваль Неттерхавенский, один из лучших офицеров Венцита. Он приехал на переговоры в сопровождении сильной охраны.

Келсон кивнул и повернулся к Моргану.

— Вы не предполагаете, какие условия собирается предложить Венцит?

— Нет, мой принц. В любом случае, эти условия, скорее всего, для вас неприемлемы. Судя по всему, с нами затевают какую-то игру. Я полагаю, что это очередная попытка оказать психологическое воздействие. Подумайте, что вы ему скажете.

— Не беспокойтесь.

Когда оба всадника приблизились, ряды воинов разомкнулись и несколько рыцарей Келсона окружили вражеского парламентера, чтобы сопровождать его к королю. Батистовая накидка посланника, расшитая драгоценными камнями, сверкала и переливалась на солнце, когда он, не спешиваясь, поклонился. На вид ему было лет двадцать.

— Келсон Гвиннедский?

— Слушаю вас. Говорите.

Молодой человек снова поклонился, елейно улыбаясь.

— Мое имя — Торваль Неттерхавенский, милорд, и я привез привет от моего господина, герцога Лионеля, родственника короля.— Он кивнул в сторону небольшой группы всадников в центре поля.— Его светлость герцог Лионель явился по повелению государя нашего, короля Венцита, дабы обсудить с вами условия предстоящей битвы. Он надеется, что вы с таким же, как у него,

эскортом встретитесь с ним в центре поля для надлежащих переговоров.

— В самом деле? — с сарказмом переспросил Келсон.— А почему я должен вести переговоры с каким-то герцогом? Почему я должен рисковать своею жизнью, если ваш король не решается сделать это? Что-то я не вижу здесь, в поле, самого Венцита.

— Тогда пошлите кого-нибудь вместо себя,— бойко ответил Торваль,— я останусь заложником до их возвращения.

— Хорошо,— ледяным тоном ответил Келсон, смерив Торваля таким холодным взглядом, что молодой торентский лорд опустил глаза.

Келсон, посмотрев на Моргана и других своих военачальников, подобрал поводья.

— Хорошо, мы вступим в переговоры с вашим герцогом Лионелем. Нигель, вы примете на себя командование до нашего возвращения. Морган, вы и Арилан будете сопровождать меня. Отец Дункан и вы, Варин, проводите нас с эскортом.— Он взглянул на двух всадников, которые до этого сопровождали Торваля.— Сержант, проследите, чтобы наш добрый барон был безоружен, и следуйте за нами. Ваш кинжал, Торваль.

Торваль с усмешкой вытащил из-за пояса короткий кинжал и, отдав его, занял место между двумя рослыми всадниками, продолжая улыбаться, когда в сопровождении стражи тронулся вслед за Келсоном по склону холма. Воины расступались, приветствуя своего короля, но как только свита проезжала, ряды смыкались и вновь устанавливалась тишина; Келсон и его спутники выехали на равнину.

Отъехав ярдов на четыреста, всадники эскорта остановились, натянув поводья, и только Келсон с Морганом и Ариланом продолжили путь к центру поля. В ту же минуту Лионель и Ридон покинули своих спутников и двинулись навстречу гвиннедскому королю. Утренний воздух был неподвижен, и только глухой стук копыт по земле нарушал тишину.

Келсон наблюдал, как двое всадников галопом приближаются к ним, и старался держаться прямее, спокойно сжимая поводья обеими руками. Однако его напряжение невольно передалось красавцу коню, и тот начал беспокойно переступать с ноги на ногу и натягивать удила.

Келсон взглянул на Моргана, но внимание генерала Дерини, казалось, было целиком поглощено приближающимися всадниками. Арилан, находившийся по левую руку от Келсона, был спокоен и безмятежен. Лицо его сохраняло столь бесстрастное выражение, что можно было подумать, будто епископ едет в церковь. Хотя, возможно, это спокойствие было кажущимся.

— Приветствую короля Гвиннеда! — воскликнул Ридон, слегка поклонившись, когда обе группы всадников поравнялись и остановили коней.— Не думаю, что вам хотелось бы беседовать с нами, а не с Венцитом. Однако мой король шлет вам сердечный привет.

Арилан смерил говорившего взглядом и сквозь зубы произнес:

— Придержите язык, Ридон. Если привет передаете вы, то вряд ли он может быть сердечным. Ваша репутация всем известна.

Ридон повернулся в седле и учтиво поклонился Арилану, пропустив его слова мимо ушей. Потом он мягким жестом указал на Лионеля.

— А это его светлость герцог Арьенольский, родственник Венцита, как вы, возможно, знаете. Я — Ридон из Восточной Марки. С лордом Ариланом мы знакомы... не будем говорить, с каких пор. А вот этот златовласый человек не иначе как сам знаменитый Морган. Мой господин шлет вам, ваша светлость, особый привет и подарочек.

Он полез за пазуху и извлек оттуда что-то, зажав в кулаке, затем тронул коня шпорами и подъехал к Моргану вплотную. Когда он протянул руку, Морган насторожился, но все-таки пристально смотрел на его медленно разжимающиеся пальцы.

— Думаю, это ваше,— бесстрастно произнес Ридон, на его ладони блеснула серебряная цепочка.— Венцит считает, что вам будет приятно получить эту вещь назад. Тот, кто ее носил в свое время, очевидно, кое-что значил для вас. Сожалею, что цепочка порвана.

Морган мгновенно понял, что держит в руке Ридон. Он молча, не снимая перчатки, протянул раскрытую ладонь, и, как только медальон коснулся его руки, Морган как будто ощутил мимолетное прикосновение Дерри. Посмотрев Ридону в глаза, он бесстрастно спросил:

— Дерри мертв?

— Нет. Хотя все может случиться, если мы не придем к соглашению.

— Вы что, угрожаете нам смертью Дерри? — буркнул Келсон.

Ридон зловеще усмехнулся.

— Не совсем так, мой юный друг. Нам стало известно, не важно, каким образом, что вы держите в плену некоторых весьма знатных особ, представляющих для нас определенный интерес. Мой господин, король Венцит, предлагает вам обмен: ваш Дерри, живой и невредимый, в обмен на наших людей.

— Я не имею понятия ни о каких торентских пленниках среди нас. А вы, Морган? — нахмурился Келсон.— Кого вы имеете в виду, Ридон?

— Разве я сказал, что они из Торента? Умоляю, простите мою неточность. Под пленниками я имел в виду графиню Марли и ее малолетнего сына, лорда Брэндана. Граф Брэн хочет вернуть свою семью.

Морган вытаращил глаза, а сердце чуть не выпрыгнуло у него из груди, но он не осмелился взглянуть на Келсона. Он чувствовал, в какое замешательство привело молодого короля это предложение, видел, что Келсон тоже просто оцепенел после этих слов Ридона. Но он также понимал, что король сейчас должен принять решение самостоятельно, независимо от того, что по этому поводу думает он, Морган. Он всем сердцем не желал, чтобы эта сделка состоялась, но он не мог и подписаться под смертным приговором Дерри. Его молодой гофмейстер заслуживал лучшей участи, хотя Морган и не мог ему ничем помочь в данный момент.

Морган сжал в кулаке медальон так крепко, что костяшки его пальцев, скрытые перчаткой, побелели; он не спускал твердого, как камень, взгляда с лица Ридона. Келсон неловко пошевелился в седле и после затруднительной паузы снова повернулся к Ридону. Арилан молчал, тоже считая, что Келсон должен сам принять решение, и знал, каким это решение будет.

— Вы предлагаете сделку,— осторожно начал Келсон.— Даже если мы согласимся на ваше условие, можем ли мы быть уверены, что Дерри, как вы говорите, жив и невредим?

Ридон отвесил изысканный поклон и указал на ожидающий в сотне ярдов от него эскорт. Он взмахнул рукой, и от группы всадников отделился человек в черном, тот, кого Келсон принял за монаха. Не доезжая несколько ярдов до Лионеля, всадник остановил коня и откинул капюшон. На мгновение его глаза встретились с глазами Моргана, но всадник в черном ничего не сказал.

Никаких сомнений — перед ними был действительно Шон лорд Дерри.

Келсон смерил Ридона и Лионеля суровым взглядом и вызывающе проехал между ними, приблизившись к Дерри. Тот побледнел, и Келсон увидел, как пальцы юноши мертвой хваткой вцепились в высокую луку седла. Дерри знал, что поставлено на карту, и уже понял, каким будет окончательное решение.

— Это и правда вы, Дерри? — спокойно спросил Келсон.

— Увы, это так, государь. Я... Меня схватили сразу после того, как я узнал об измене Брэна. И я никак не мог вас предупредить. Извините.

— Я знаю,— прошептал Келсон. Он наклонился, чтобы дружеским жестом коснуться запястья Дерри, и отвел глаза.

Повернув коня, король приблизился к Лионелю и Ридону. Лицо его было совершенно белым на фоне малинового плаща, но руки уверенно и твердо сжимали поводья.

— Простите меня, Дерри, но вы, я надеюсь, поймете, что я должен так поступить. Я не могу допустить, чтобы женщин и детей использовали как пешки в грязной игре.— Он взглянул прямо в лицо Ридону.— Милорд, передайте вашему господину, что сделка не состоится. Леди Риченда с сыном действительно под моей защитой, и им ничто не угрожает, но я не могу ни просить их, ни позволить им отдать себя в руки моих врагов — даже ради спасения жизни одного из моих самых преданных и самых любимых лордов.

На лице Дерри мелькнула бесстрашная и немного вызывающая улыбка, прежде чем он покорно склонил голову.

Ридон кивнул.

— Я предвидел такой ответ, милорд. Я понимаю вас. Но, конечно, не могу обещать, что это не разгневает моего короля, и он найдет способ отомстить. Не в его обычае нарушать слово, данное тому, кто ему исправно служит. Боюсь, это ваше решение будет стоить вам недешево.

— Я готов к этому.

— Ну, хорошо же.

Ридон снова поклонился, они с Лионелем повернули коней и дали Дерри знак возвращаться к застывшим в ожидании стражам. Дерри в последний раз взглянул на Моргана, подчиняясь приказу и возвращаясь во вражеский стан. Он ехал, гордо подняв голову; Морган знал, что он едет навстречу своей смерти. Не в

силах больше смотреть, генерал-Дерини развернул коня и поскакал к лагерю гвиннедского войска. Келсон и Арилан молча последовали за ним. Как и Дерри, они не оглядывались.

Дункан Маклайн смотрел, как трое всадников приближаются к ним, по их виду догадываясь, что встреча оказалась безрезультатной. Он тоже узнал в третьем всаднике Дерри, разглядев его в подзорную трубу, и он понимал, какое решение придется принять королю Гвиннеда. Рядом с Дунканом с самодовольным видом сидел на коне лорд Торваль. Его батистовая накидка все так же сияла в лучах солнца. Молодое лицо его было безмятежным и даже радостным, руки свободно лежали на луке седла. На мгновение Дункану показалось, что молодой лорд не совсем в своем уме, так мало он, казалось, заботился о собственной безопасности. Справа от Торваля Варин нервно крутил рукоятку меча, глядя на происходящее у него перед глазами, извиваясь, как угорь на сковородке, от бессильного гнева. Оба стражника стояли немного позади, переводя взгляды с заложника на возвращающегося короля и его спутников. Внешне все выглядело мирно и спокойно, как во сне, но внезапно Дункан понял, что это еще не конец.

И вдруг началось. Когда возвращающиеся всадники отъехали от места встречи не больше чем на дюжину ярдов, на передней линии вражеских позиций неожиданно закипела работа. Одновременно пятьдесят крепких столбов были быстро подняты и опущены в заранее выкопанные ямы. К каждому столбу на самом верху была крепко прибита перекладина, с которой по обеим сторонам столба свешивались веревки с петлями на конце. Когда столбы с глухим стуком встали в ямы, Дункан привстал в стременах, поднес к глазам подзорную трубу и сдавленно вскрикнул — не менее сотни пленников в голубых с малиновым, отделанных серебром кассанских мундирах вывели и поставили под перекладины.

В центре Дункан увидел развернутое кассанское знамя, знамя своего отца. А потом он увидел на невысокой платформе под одной из перекладин высокого седеющего мужчину, на накидке которого было изображение спящего льва и розы — герба Кассана. И когда на шею ему накинули петлю, Дункан окаменел — это был герцог Яред. Вражеский солдат намеренно медленно затягивал петлю вокруг шеи старика.

Оцепенев от ужаса, Дункан смотрел, как накинули петли на всех остальных пленников, руки которых были связаны за спи-

ной. Он видел, как Морган, Келсон и Арилан остановились в поле в нескольких сотнях ярдов от своего лагеря, развернув коней и застыв в изумлении. Конь Келсона вдруг захрипел и поднялся на дыбы.

Торжествующий вопль донесся со стороны неприятельских позиций, и тотчас ноги несчастных потеряли опору и сто человек повисли на перекладинах, уже мертвые.

Гневный ропот прошел по всему гвиннедскому войску, и ряды смешались; воздух сотрясали гневные возгласы. А затем одновременно произошло три события. Варин вдруг со сдавленным криком выхватил меч и пронзил им бок все еще улыбающегося лорда Торваля, только на мгновение опередив Дункана; гнев и решимость читались на лице последнего Маклайна, только что видевшего своими глазами жестокую гибель отца.

Келсон, с побледневшими от ужаса губами, хлестнул мечущегося коня, направляя его к своим позициям и подавая Варину и Дункану отчаянные сигналы к отступлению.

Но Морган, после секундного колебания, развернул коня и, пришпорив его, пустился вдогонку за отступающими Ридоном и Лионелем, вскинув сверкающий, как молния, меч.

— Дерри! — кричал он на скаку, побелев от гнева и беспомощной ярости. За его спиной отряды королевских воинов рвались вперед, готовые мчаться в атаку, но Морган не видел этого; он снова и снова выкрикивал имя друга.

Дерри обернулся на крик Моргана и, застыв с открытым ртом, осадил коня. Он взглянул на повешенных пленников, на Ридона и Лионеля, пустивших коней галопом, снова на Моргана, несущегося к нему во весь опор с мечом в руке и что-то кричащего на ходу.

Дерри развернул вставшего на дыбы коня и, рассчитав кратчайший путь, бросился навстречу Моргану прочь от Ридона и Лионеля. Но оба заметили это, они были слишком близко — не более чем в десяти ярдах от него, когда он пустился в бегство, и кинулись вдогонку. Дерри увидел, как Морган обогнал с тыла тяжеловесных торентских скакунов и теперь скакал голова в голову с гнедым конем Лионеля. Лучники эскорта зарядили и вскинули луки.

Лионель попытался обогнать Дерри и загородить ему дорогу, но Морган уже поравнялся с ним и резко свернул налево, так, что его конь с размаху ударил коня Лионеля. Лионель не удержал-

ся и вылетел из седла, а Морган тем временем устремился за Ридоном, не дожидаясь, пока Лионель поднимется и поймает поводья мечущегося коня. В это время лучники Ридона выпустили град стрел, которые отскакивали от стальных шлемов и кольчуг Моргана и Ридона, но лошади ничем защищены не были, и вот уже конь Ридона опустился на согнутых ногах, пораженный в глотку случайной стрелой. Ридон вскочил и бросился к Лионелю, который уже сидел на коне, делая лучникам отчаянные знаки прекратить стрельбу, но тут другая стрела поразила Дерри в спину, в тот самый миг, когда Морган уже догнал его, а лучники уже опустили свои луки. Морган перекинул бесчувственное тело Дерри через седло и помчался к позициям гвиннедского войска, в то время как Ридон и Лионель гнали единственного коня на восток. Изредка оглядываясь, Морган видел, как Ридон шлет ему проклятия, тоже оборачиваясь назад и крича что-то, но он не прислушивался, думая лишь о том, как быстрее доставить Дерри к своим.

Войско было в смятении. Воины рвались в бой, свирепо потрясая мечами и копьями, сверкающими в полуденном солнце. Келсон с решительным видом объезжал позиции, стараясь удержать офицеров, но даже он ничего не мог поделать. Над войском стоял гневный рев и лязг оружия — солдаты неистовствовали, жаждая отомстить за страшную смерть своих товарищей.

— Уберите оружие! — кричал Келсон.— Я приказываю вам! Вы что, не видите? Он хочет, чтобы мы атаковали первыми. Мечи в ножны! Я приказываю оставаться на своих местах!

Однако гул стоял такой, что никто не слышал его слов. В то время как центральные ряды раздвинулись, пропуская Моргана с безжизненным Дерри на руках, на левом фланге солдаты двинулись вперед без приказа, и офицеры уже не могли их удержать.

Келсон сделал последнюю напрасную попытку призвать их к порядку, потом развернул коня, выскочил им наперерез и внезапно остановился.

Он выпустил поводья, и конь встал как вкопанный. Привстав в стременах, король оглянулся и воздел руки к небесам, произнося при этом запретные слова — заклинание, которое слышал только ветер.

И когда он взмахнул руками, с кончиков его пальцев заструился малиновый свет, который, распространяясь во все стороны, встал светящейся стеной, прочертив на весеннем дерне яркую

малиновую черту. Вырвавшиеся было вперед всадники пришли в смятение, испуганные кони стали как вкопанные, дико косясь на языки малинового пламени, скачущие над огненной чертой.

Никакого движения в стане неприятеля не наблюдалось. Ридон и Лионель вместе с вооруженной охраной достигли своих позиций как раз тогда, когда начались волнения в войске Келсона. Но Келсону было сейчас не до них. Он опустил руки и окинул воинов властным халдейнским взглядом, под которым солдаты покорно повернули своих коней и, вернувшись на свои места, снова построились в ряды, восстанавливая нарушенный порядок. Келсон вновь поднял руки и начал медленно опускать их ладонями вниз, словно усмиряя огонь, зажженный им. И когда он опустил руки, малиновый ореол, окружавший его наподобие королевской мантии, растаял и исчез. Король Гвиннеда снова был обычным человеком.

Никто не издал ни звука, пока Келсон, подобрав поводья, осматривал позиции врага. Долго смотрели вдаль его серые глаза, запоминая каждое знамя, каждую виселицу, каждое безжизненное тело. Через минуту король развернулся и возвратился к своему войску, величественный и властный. Оно встретило его мертвой тишиной. Но тут кто-то ударил мечом по щиту, и тотчас все подхватили этот приветственный звон; над войском поднялась грозная музыка стали. Келсон встал впереди своей армии с гордо поднятой головой и поднял руку, призывая к тишине. Морган, все еще с безжизненным Дерри поперек седла, стоял, пораженный всем этим, с удивлением наблюдая, как изменяется взгляд королевских глаз, как постепенно лицо короля обретает обычное выражение.

— Он мертв? — спокойно спросил Келсон.

Морган покачал головой и подозвал двоих оруженосцев, чтобы они помогли ему снять Дерри с коня.

— Нет, хотя дела его плохи. Капитан, позовите сюда Варина. Я думаю, его еще можно исцелить.

— Уж постарайтесь,— кивнул Келсон.— Морган, а что вы думаете об этом... представлении, устроенном для нас Венцитом?

Морган сосредоточился, немного удивившись, как Келсон легко забыл о том, что только что сделал, и вернулся к сути вопроса.

— Он хотел втянуть нас в битву прежде, чем мы будем к ней готовы, мой принц. И я думаю, это связано с тем, что он сам не готов к сражению. Во всяком случае, мне так кажется.

— И мне тоже,— кивнул Келсон. Он обернулся к Дункану: — Как вы себя чувствуете, отец Дункан?

Дункан поднял голову и хмуро посмотрел на Келсона, затем чуть заметно кивнул. Он уже спрятал меч в ножны, но руки у него были в крови заложника, убитого им и Варином. Он взглянул в сторону вражеского лагеря, на виселицы, на свои окровавленные руки.

— Я... я в гневе убил заложника. Я не должен был этого делать. Мне нужно отдать мой меч...

— Нет,— скорбно покачал головой Келсон.— Вы с Варином освободили меня от необходимости собственноручно лишить его жизни. Торваль знал, когда пришел сюда, что измена с их стороны будет стоить ему жизни.

— Что правда, то правда,— мрачно усмехнулся Дункан,— но я все равно не должен был так поступать, мой принц.

— Может быть, но это простительно. Я бы...

— Государь! Сюда едет Венцит! — крикнул кто-то.

Келсон вздрогнул и обернулся, как будто ожидал увидеть Венцита, ринувшегося в бой. Вместо этого он увидел отделившуюся от вражеского войска горстку всадников. Знаменосец держал штандарт Венцита с серебряным скачущим оленем на черном фоне. За ним следовали Лионель и Ридон, а дальше — худощавая горделивая фигура, это мог быть только Брэн Корис, а за ним и сам Венцит.

Всадники быстро приближались к центру поля, и Келсон, прищурившись, наблюдал за их передвижением.

— Это западня,— пробормотал Дункан, окинув всадников ледяным взором голубых глаз.— Они на самом деле не хотят никаких переговоров, это ловушка. Не верьте им, государь.

— А вы что скажете, Морган?

— Я согласен, что им нельзя доверять, мой принц. Но, боюсь, мы должны снова вступить в переговоры — хотя у меня не больше причин любить торентцев, чем у Дункана.

— Хорошо сказано,— кивнул Келсон.— Епископ Арилан, вы поедете с нами снова? Ваше участие было бы очень...

— Я поеду, государь.

— Хорошо. И вы, Дункан. Я хотел бы, чтобы вы тоже поехали, но при сложившихся обстоятельствах не могу вам приказывать. Вы можете на время смирить ваш гнев?

— Я не разочарую вас, мой принц.

— Тогда вперед. Нигель, вы снова остаетесь здесь и принимаете командование до нашего возвращения.

Келсон, обмотав поводья вокруг левой руки, оглянулся на молодого пешего барона с королевским знаменем. Мрачно улыбнувшись, король приблизился к нему на коне, протянул руку и сомкнул пальцы вокруг древка. Барон на мгновение смешался, потом широко улыбнулся и помог королю поднять знамя и укрепить конец древка в стремени. Когда над королем поднялось знамя, гул одобрения прошел по рядам его воинов.

Утренний ветер развернул малиновый флаг, сверкнул на солнце золотой королевский лев, Келсон тронул коня шпорами и двинулся вместе с Морганом, Дунканом и епископом Ариланом на встречу со своим врагом — королем-Дерини.

Глава XXII

«ДЕРЖАТ В РУКАХ ЛУК И КОПЬЕ;
ОНИ ЖЕСТОКИ И НЕМИЛОСЕРДНЫ;
ГОЛОС ИХ ШУМЕН, КАК МОРЕ; НЕСУТСЯ НА КОНЯХ,
*ВЫСТРОИВШИСЬ, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК»**

— Так это вы Келсон Халдейн,— произнес Венцит мягко и вежливо, в чрезвычайно изысканной манере, и Келсон тотчас же возненавидел его.— Я рад, что мы можем обсудить все вопросы не горячась, разумно, как взрослые люди,— продолжил Венцит и, пренебрежительно оглядев Келсона с головы до ног, прибавил: — Или почти взрослые.

Келсон до поры до времени не мог позволить себе ответить Венциту с тем сарказмом, на какой он был способен. Вместо этого он заставил себя повнимательнее приглядеться к Венциту, запоминая каждую черту этого рыжеволосого Дерини по имени Венцит Торентский.

Венцит восседал на своем блистательном золотистом жеребце так, как будто родился в седле, легко, без напряжения держа бархатные поводья, расшитые золотым узором. Наголовье уздечки было украшено раскачивающимся пурпурным пером, и когда золотистый жеребец кивал головой и фыркал на вороного коня гвиннедского короля, оно дрожало и колыхалось на ветру.

* Иеремия 50:42.

Сам Венцит тоже принарядился: он был закован в позолоченную кольчугу, закутан в пурпурную с золотом богатую парчовую накидку, увенчанную золотым, расшитым драгоценными камнями воротником; усыпанные жемчугом латы защищали его запястья. У него на руках были перчатки из хорошо выделанной кожи козленка. В довершение всего тяжелая золотая цепь посверкивала на груди. Изысканной формы золотую корону украшали жемчужины и драгоценные камни золотисто-коричневых оттенков. Возможно, на ком-то другом такой наряд и выглядел бы нелепо, но на Венците он был великолепен.

Келсон невольно поддался на мгновение очарованию, исходящему от хитреца Венцита, но спохватился, вспомнив, кто перед ним, и выпрямил спину и еще горделивее поднял голову. Он окинул взглядом спутников короля торентского: рассерженного Ридона, елейного Лионеля; перевел глаза на предателя Брэна, который так до сих пор и не поднял головы, и опять переключил внимание на Венцита. Они встретились с чародеем взглядами, но Келсон не дрогнул, взор его был тверже кремня.

— Как я понял, вы считаете себя культурным человеком,— осторожно начал он,— но едва ли жестокое убийство сотни беззащитных пленников — признак высокой культуры.

— Да, это верно,— довольно-таки дружелюбно согласился с ним Венцит,— но я должен был показать, на что я могу пойти при необходимости, чтобы вы повнимательнее отнеслись к тому, что я намерен вам предложить.

— Предложить? — Келсон презрительно фыркнул.— Уж не думаете ли вы, что между нами возможны какие-либо соглашения после того, чему я только что был свидетелем? Вы что, считаете, что я не в своем уме?

— Нет, ни в коем случае,— засмеялся Венцит.— Я не настолько глуп, чтобы недооценивать угрозу, которую вы для меня представляете, хотя вы и переоцениваете свои возможности. Мне почти жаль, что вам предстоит погибнуть.

— Пока этого еще не произошло, я бы посоветовал вам сменить тему. Говорите, что вам нужно, Венцит. Время идет.

Венцит с улыбкой поклонился.

— Скажите, как там мой юный друг, лорд Дерри?

— А что с ним может случиться?

Венцит укоризненно щелкнул языком и покачал головой.

— Ну, Келсон, не считаете же вы меня глупцом? Зачем бы мне убивать Дерри? Да, я надеялся обменять его на семью моего лорда Брэна. Уверяю вас, лучники действовали без моего приказа и были наказаны. Дерри жив?

— Это вас не касается,— отрезал Келсон.

— Значит, жив. Хорошо,— кивнул Венцит. Он улыбнулся и посмотрел на свои перчатки, а затем снова поднял глаза на Келсона.— Очень хорошо; так вот что я хочу сказать: я считаю, что нет нужды в великой битве между нашими армиями. Зачем стольким людям гибнуть для разрешения наших разногласий?

Келсон подозрительно прищурился.

— Что же вы можете предложить взамен?

— Личный поединок,— ответил Венцит,— или, точнее, личный поединок между несколькими противниками. Смертельная магическая схватка — Дерини против Дерини: я, Ридон, Лионель и Брэн против вас и еще троих по вашему выбору. Думаю, это могут быть Морган, Маклайн и, возможно, ваш дядя — это было бы разумно. Но вы, конечно, вправе выбрать сами, кого пожелаете. В старину такие поединки назывались колдовскими дуэлями.

Келсон нахмурился, взглянул сначала на Моргана, затем — на Арилана и Дункана. Он был озадачен предложением Венцита, и мысль о колдовской дуэли пугала его. Тут наверняка была какая-то ловушка. Надо выяснить — в чем же она состоит?

— Ваше преимущество в этом случае очевидно, милорд. Все вы обученные Дерини, большинство из нас — нет. Но мне кажется, вы не тот человек, который станет так рисковать, даже имея преимущество. Вы что-то недоговариваете.

— Вы подозреваете меня в обмане? — спросил Венцит, поведя бровью в притворном удивлении.— Что ж, ваши советники хорошо подготовили вас к разговору. И все же у этого способа разрешения споров есть еще одно преимущество. Если мы сейчас начнем битву, то цвет рыцарства с обеих сторон будет уничтожен. А зачем мне мертвое королевство — королевство, населенное только стариками, подростками, женщинами и детьми?

Келсон пронзительно посмотрел на вражеского короля.

— Я тоже вовсе не желаю потерять в битве моих лучших воинов. Если битва состоится, то ее последствия будут сказываться в течение нескольких поколений. Но я не могу вам доверять, Венцит. Если даже победа в поединке будет за мной, кто знает, что принесет следующая весна. Кто может поручиться...

Венцит захохотал, закинув голову, и его хохот эхом подхватили его спутники. Келсон поежился в седле, не понимая, что он сказал такого смешного. Взглянув на Моргана, он понял, что генерал знает, в чем дело. Он уже собрался что-то сказать, но тут Венцит перестал смеяться и приблизился на коне еще на несколько шагов.

— Простите меня, юный король, но меня тронула ваша наивность. Я предложил поединок до смертельного исхода. А потому побежденные едва ли могут представлять угрозу для победителей, разве что вы верите в воскрешение из мертвых.

Келсон нахмурился: о Венците Торентском давно ходили более чем странные слухи. Однако он отогнал от себя эти мысли, чтобы обдумать его слова о смертельном магическом поединке.

Его колебание, по-видимому, раздражало Венцита; он с недовольным видом подъехал вплотную к Келсону и, нагнувшись, положил руку на поводья его коня.

— Как вы уже заметили, Келсон, я нетерпелив. И я не выношу, когда мои планы кем бы то ни было нарушаются. Если вы думаете отклонить мое предложение, я советую вам выбросить это из головы немедленно. Напоминаю вам, что у меня в плену тысяча ваших людей. А смерть через повешение — еще легкая смерть.

— Что вы этим хотите сказать? — ледяным тоном спросил Келсон.

— Я хочу сказать, что если вы не примете мой вызов, то видимое вами час назад — ничто по сравнению с тем, что вы увидите. Если вы не примете мое предложение, то в сумерки двести пленников будут четвертованы на глазах вашего войска, а еще двести — живьем посажены на кол, как только взойдет луна. В общем, если вы хотите спасти их, то я не советую медлить.

Келсон побледнел, услышав, какая участь суждена пленникам, и, крепко сжав кулаки, выдернул поводья из рук Венцита. Он смерил его таким уничтожающим взглядом, что чародей отступил на несколько шагов. Келсон двинулся бы за ним, если бы Морган не удержал его и не загородил ему дорогу, став между ними. Келсон сердито посмотрел на Моргана, уже готовый приказать ему вернуться на место, но что-то в выражении лица герцога удержало его от этого. Глаза Моргана были холодны, как полночный туман, когда он встретил надменный взгляд Венцита.

— Вы пытаетесь подтолкнуть нас к поспешному решению,— негромко начал он.— Я хочу знать почему. Почему это так важ-

но — чтобы мы приняли вызов на ваших условиях.— Он немного помедлил.— Почему вы так торопите с ответом?

Венцит надменно повернул голову в его сторону, как будто то, что Морган вмешался в их с Келсоном спор, привело его в ярость. Потом он скользнул пренебрежительным взглядом по всем остальным и с издевкой произнес:

— Вам следовало бы побольше узнать о Дерини, Морган, коли вы причисляете себя к ним. Если останетесь живы, посмотрите старинные кодексы чести нашего племени, которых даже я не преступаю.— Он снова посмотрел на Келсона.— Келсон, я предложил вам официальную дуэль по правилам, принятым советом Камбера более чем двести лет назад. Есть древние законы, которым я обязан повиноваться. Я спрашивал у совета разрешения провести эту дуэль на тех условиях, которые я уже перечислил, и получил его, при условии, что будут присутствовать арбитры от совета. Согласитесь, если в деле участвует совет, здесь не может быть никакого подвоха.

Келсон сосредоточенно нахмурился.

— Совет Камбе...

Арилан в первый раз вмешался в разговор, оборвав Келсона на полуслове.

— Милорд, простите, что я вмешиваюсь, но его величество сейчас не готов ответить на ваш вызов. Вы должны понимать, что ему необходимо посовещаться со своими советниками, прежде чем дать окончательный ответ. Он не может поспешно принять вызов, от исхода которого зависит жизнь тысяч людей. Согласитесь, такие решения быстро не принимают.

Венцит повернулся к Арилану и начал его рассматривать, как будто перед ним было какое-то ядовитое насекомое.

— Если король Гвиннеда не может принять решение, не посовещавшись с подчиненными, то в этом его слабость, а не моя, епископ. Тем не менее мое предупреждение остается в силе. Келсон, если до сумерек я не услышу желаемого ответа, две сотни ваших людей будут четвертованы на этом самом месте и еще две сотни — заживо посажены на кол с восходом луны. И так будет продолжаться до тех пор, пока все пленные не будут казнены, а потом я приму более суровые меры; так что лучше уж не сердите меня слишком.

С этими словами Венцит заставил лошадь сделать несколько шагов назад, затем развернул ее и галопом поскакал обратно, к

своему лагерю. Его спутники последовали за ним в том же порядке. Келсон, застыв на месте, провожал взглядом удаляющиеся фигуры.

Он злился на Арилана за то, что тот прервал его, на Моргана — за то, что Аларик преградил дорогу, на себя — за свою нерешительность; но он не позволил себе заговорить об этом до возвращения в лагерь.

Спешившись возле своего шатра, он отдал приказ всем отрядам разойтись, потом жестом позвал за собой всех троих спутников. Сначала он хотел поговорить с епископом, но, войдя в палатку, они увидели там около дюжины людей, столпившихся вокруг распростертого на постели тела. Варин, весь в крови, склонился над Дерри, а сын Нигеля, Конал, стоял рядом с ним на коленях, держа в руках таз с водой, красноватой уже от крови. Бывший главарь мятежников вытирал окровавленные руки куском полотна. Глаза Дерри были закрыты, он мотал головой из стороны в сторону, как будто все еще испытывал сильную боль, хотя обломки расщепленной стрелы валялись на полу рядом с кроватью. Когда Келсон, епископ, а за ними Морган и Дункан вошли в шатер, Варин обернулся и приветливо кивнул. Он заметно устал, но глаза его победно сияли.

— Он поправится, государь. Я вытащил стрелу и залечил рану. Правда, его еще лихорадит, досталось же ему... Он зовет вас, Морган. Может быть, вы взглянете на него?

Морган быстро подошел к Дерри и опустился на одно колено, нежно положив ладонь на лоб юноши. От этого прикосновения Дерри открыл глаза и несколько мгновений глядел на потолок, а потом повернул голову и посмотрел на Моргана; в глазах его метнулась испуганная тень.

— Все хорошо,— пробормотал Морган,— ты в безопасности.

— Морган. Все хорошо. Я не сделался...

Он отпрянул и замер, как будто вспомнив что-то ужасное, затем вздрогнул, побледнел и резко откинул голову. Морган нахмурился и коснулся его висков кончиками пальцев; он попробовал применить свои силы, чтобы успокоить Дерри, но почувствовал такое сопротивление, какого никогда раньше не встречал.

— Расслабься, Шон. Худшее позади. Отдыхай. После сна ты будешь чувствовать себя лучше.

— Нет! Только не спать!

Казалось, одна мысль о сне привела Дерри в неистовство. Он начал мотать головой из стороны в сторону, да так, что Морган никак не мог установить с ним контакт. В глазах Дерри горел какой-то животный страх, и Морган понял, что он должен срочно вывести Дерри из этого мучительного состояния.

— Расслабься, Дерри, не сопротивляйся. Все хорошо. Ты в безопасности. Дункан, помоги мне успокоить его!

— Нет! Не усыпляйте меня! Не надо! — Дерри вцепился в полу плаща Моргана и стал вырываться еще отчаянней, когда Дункан схватил его за руки.— Отпустите меня! Вы не понимаете. Боже, помоги мне, что мне делать?

— Все хорошо, Шон.

— Нет, вы не понимаете! Венцит...— Взгляд его совсем обезумел, и он опять вцепился в плащ Моргана, несмотря на попытки Дункана удержать его руки.— Морган, послушайте! Говорят, дьявола нет, но это неправда! У него рыжие волосы, и он зовет себя Венцитом Торентским! Но это ложь. Он и есть сам дьявол! Он заставил меня... он заставил меня...

— Не сейчас, Дерри,— Морган покачал головой, прижав Дерри за плечи к постели,— не сейчас. Поговорим об этом позже. Ты слишком слаб от раны и пережитого в плену. Тебе нужно отдохнуть. Тебе будет лучше, когда проснешься. Я тебе обещаю, с тобой ничего не случится. Поверь мне, Дерри.

Морган говорил и говорил, все больше овладевая слабеющей волей Дерри, пока тот не откинулся безвольно на постель, закрыв глаза. Морган разжал его пальцы, освободив свой плащ, уложил Дерри поудобнее и поправил подушку у него под головой. Конал, который все это время был рядом, принес меховую полость, и Морган осторожно укрыл неподвижное тело друга. Немного понаблюдав за ним, как будто желая удостовериться, что сон Дерри достаточно глубок, Морган перевел тревожный взгляд сначала на Дункана, а потом и на испуганные лица остальных.

— Надеюсь, ему будет лучше, когда он отдохнет, государь. Даже представить боюсь, через что он там, бедный, прошел.— Глаза его потемнели, он посмотрел куда-то в пространство и пробормотал себе под нос: — Ну, попадись мне только этот Венцит — пусть молит Бога о помощи.

Он вздрогнул от этой мысли и, откинув со лба прядь светлых волос, со вздохом поднялся на ноги. Дункан тоже взглянул на спящего Дерри и, вставая, отвел глаза. Келсон был совершенно подавлен, он неловко переступал с ноги на ногу, посматривая то на Дункана, то на Моргана.

— А что сделал с ним Венцит? — наконец очень тихо спросил он.

Морган покачал головой.

— Трудно сказать, мой принц. Потом я попробую войти в более глубокий контакт с ним, возможно, тогда мы все узнаем, но сейчас он слишком слаб, к тому же сопротивляется.

— Я видел.

Келсон несколько секунд изучал носки своих сапог, затем снова поднял глаза. Все взгляды были обращены на него, и он внезапно вспомнил, о чем еще нужно нынче посовещаться.

— Ну что ж, джентльмены. Пока мы ничего больше не можем сделать для Дерри, и я предлагаю вам перейти к нашему главному вопросу. Я...— Он взглянул на Арилана и кивнул ему.— Епископ Арилан, не могли бы вы рассказать нам об этом совете...

Арилан многозначительно покачал головой, откашлялся, взглянув на людей Варина, на юного Конала и нескольких стражников, и Келсон остановился на полуслове, поняв, что Арилан не хочет обсуждать этот вопрос при посторонних. Слегка кивнув, король подошел к Коналу и положил руку ему на плечо.

— Спасибо за помощь, кузен. Будь добр, позови сюда отца и епископа Кардиеля, прежде чем вернешься к своим обязанностям. А вас, джентльмены,— он обвел широким жестом людей Варина и стражников,— я должен попросить также вернуться к своей службе. Всем спасибо за помощь.

Конал и все остальные поклонились и стали выходить из палатки. Варин проводил их взглядом, выпрямился и, направляясь за ними, сказал:

— Я чувствую, это не предназначено для посторонних ушей. Если хотите, я выйду. Я не обижусь,— запальчиво прибавил он.

Келсон взглянул на Арилана, но епископ покачал головой.

— Нет, вы имеете полное право присутствовать, Варин. Мы пригласили Кардиеля, а у него уж совсем нет ничего общего с Дерини. Келсон, если вы не возражаете, я дождусь прихода Томаса и Мигеля, чтобы не повторяться.

— Конечно.

Король подошел к креслу, сел, расстегнул плащ и, откинув полы в стороны, устало вытянул длинные ноги на прекрасном

келдишском ковре. Морган и Дункан присели на складные походные стулья справа от Келсона. Сняв меч, Морган положил его на ковре у своих ног. Мгновение подумав, Дункан сделал то же самое, слегка подвинув скамеечку влево, чтобы пропустить Варина, который расположился на подушке, прислонившись к столбу в центре шатра. Арилан остался стоять посреди шатра, делая вид, будто полностью поглощен затейливым узором, вытканным на ковре. Он мельком взглянул на Кардиеля и Нигеля, друг за другом вошедших в шатер, а Келсон пригласил их рассаживаться слева от него. Когда все уселись, Келсон выжидающе посмотрел на Арилана. Голубые глаза архиепископа были полуприкрыты, когда они повстречались с серыми глазами короля.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам, что случилось, государь?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо.— Арилан сцепил руки и несколько секунд не спускал взгляда с ногтей больших пальцев, затем поднял взгляд.

— Милорды, Венцит Торентский предъявил нам ультиматум. Его величество желают посоветоваться с нами, прежде чем дать ответ. Если мы не ответим до захода солнца, Венцит начнет убивать еще множество пленных.

— Господи, да это же нелюдь! — воскликнул Нигель, дрожа от негодования.

— Согласен,— отозвался Арилан,— но ультиматум этот довольно необычный, и условия его не могут быть изменены. Венцит вызвал Келсона на магический поединок, точнее, сам Венцит и трое его соратников: Ридон, Лионель и Брэн Корис — против Келсона и еще троих, по его выбору. Думаю, нет нужды говорить, что двое из них — Морган и Дункан, однако вас может удивить, что третьим буду я.

Варин поднял изумленный взгляд.

— Да, Варин, так и есть. Я — чистокровный Дерини.

Варин тяжело вздохнул, но Нигель только кивнул головой и повел бровью.

— Вы говорите так, как будто Келсон уже принял вызов,— сказал он.

— Если Келсон не примет его до захода солнца, то двести пленников будут четвертованы на равнине перед нашим войском. Дальнейшее промедление приведет к тому, что еще две сотни пленных будут посажены на кол не позже восхода луны, а сегодня это будет через четыре часа после заката. Так что вряд ли Келсон откажется принять вызов.

Он медленно окинул взглядом палатку, но все молчали.

— Если же Келсон примет вызов, то это будет смертельная схватка, но оставшиеся в живых получат все. По-видимому, Венцит уверен, что победит он, иначе он бы не предлагал такого состязания.

Варин побелел, когда упомянули о четвертовании двухсот человек, но Нигель, привыкший к ужасам войны, только вновь понимающе кивнул. Помедлив несколько секунд, он спросил:

— Этот поединок в магии, похож ли он на то, что произошло во время коронации Келсона?

— Да, он будет проводиться по тем же древним правилам,— кивнул Арилан,— кроме того, конечно, что здесь четверо выступят против четверых, а тогда было единоборство Келсона с Кариссой. Существуют неизменные правила, по которым проводятся и судятся такие магические поединки, и Венцит, по-видимому, получил официальное разрешение на проведение поединка согласно древним законам.

— Официальное разрешение? От кого? — нетерпеливо перебил его Келсон.— От этого совета Камбера, о котором вы упоминали? Почему вы ускользнули от ответа, когда я...

Он замолчал, увидев, как Арилан вздрогнул при этих словах. Келсон удивленно посмотрел на Моргана. Тот не спускал с епископа сосредоточенного, внимательного взгляда, возможно, зная не больше, чем Келсон. Дункан так же, не отрываясь, смотрел на Арилана после слов, так смутивших епископа.

Внезапно Келсон понял, что его так заинтересовало.

— Арилан,— спокойным голосом спросил он,— что такое совет Камбера? Это — Дерини?

Арилан потупил взгляд, затем поднял голову и посмотрел мимо Келсона, словно удивляясь самому себе.

— Простите меня, мой принц. Мне трудно открывать то, что столько лет сохранялось в тайне, но Венцит не оставил мне выбора. Он первым упомянул совет. Будет справедливо, если до того, как вы вступите в битву, я кое-что объясню вам.— Он поглядел на свои сцепленные ладони и постарался успокоиться.— Существует тайный союз чистокровных Дерини, называемый советом Камбера. Этот союз, куда некоторые чистокровные Дерини были призваны, дабы наставлять и защищать тех, кто остал-

ся в живых после великих преследований, появился во времена, следующие сразу за Реставрацией. Только членам совета — теперешним и предыдущим — известен его состав, и они клянутся смертной клятвой, что никогда не разгласят тайны своих собратьев. Как видите, в настоящее время у очень немногих Дерини есть возможность полноценно использовать свое могущество. Многие из наших способностей были утеряны во время преследований — по крайней мере, мы утратили умение пользоваться этими силами. Дар исцеления Моргана — это одна из таких способностей, обретенная вновь. Но некоторые из нас объединены между собой и постоянно общаются друг с другом. В постоянном составе совета те из известных Дерини, кто хранит древние законы и может быть судьей в вопросах магии, которые возникают время от времени. Магические поединки — такие, как предложенный Венцитом,— как раз относятся к полномочиям совета.

— То есть совет определяет законность поединка? — подозрительно спросил Морган.

Арилан повернулся и как-то странно посмотрел на него.

— Да. А почему вы спросили об этом?

— А как насчет тех, кто не является чистокровным Дерини, скажем, я или Дункан? — настаивал Морган.— Распространяются ли на них полномочия совета?

Арилан слегка побледнел.

— Почему вы спросили об этом? — повторил он с напряжением в голосе.

Морган взглянул на Дункана, и тот кивнул:

— Расскажи ему, Аларик.

— Епископ Арилан, я думаю, что мы с Дунканом, быть может, встречались с кем-то из вашего совета Камбера. Да-да, сейчас я так думаю; это случалось с нами несколько раз. По крайней мере, во время последней такой встречи речь шла как раз о том, о чем вы только что говорили.

— Так что с вами случилось? — прошептал Арилан. Его застывшее лицо стало совсем белым на фоне пурпурной мантии.

— Ну, у нас было, как бы это лучше выразиться, видение, когда мы ехали в Дхассу. Мы остановились в обители Святого Неота, чтобы дать коням отдохнуть, и тут-то он и явился.

— Кто «он»?

Морган осторожно кивнул.

— Мы так и не знаем, кто он. Но мы, каждый по отдельности, видели его раньше при различных обстоятельствах, которые сейчас нет времени описывать. Он выглядел как... ну, скажем, он был поразительно похож на портреты и словесные описания Камбера Кулдского.

— Святого Камбера? — пробормотал Арилан, не в силах поверить своим ушам.

Дункан неловко пошевелился на скамеечке.

— Поймите нас правильно, ваше преосвященство. Мы не утверждаем, что это был сам святой Камбер. Он никогда этого не говорил. Наоборот, когда мы с Алариком видели его в последний раз, он сказал нам, что он не святой Камбер, а «всего лишь его смиренный слуга», и я ему поверил. А после того, что вы рассказали о совете Камбера, складывается впечатление, что он именно оттуда.

— Не может быть,— пробормотал Арилан, недоверчиво качая головой.— Что он вам говорил?

Морган поднял бровь.

— Ну, он намекнул нам, что у нас есть враги из Дерини, о которых мы не знаем. Он сказал, что «те, кому положено знать такие вещи», уверены, что, возможно, мы с Дунканом владеем такими силами, о которых даже сами не догадываемся, и что нас могут вызвать на поединок, чтобы проверить наши силы. Хотя, казалось, он не хочет, чтобы это произошло.

Арилан побледнел еще больше и, чтобы удержаться на ногах, ухватился за центральный шест палатки.

— Это невозможно,— прошептал он, не слушая больше,— но это действительно, должно быть, кто-то из совета.— Он, как в полусне, добрался до пустой скамеечки и тяжело опустился на нее.— Теперь я все вижу в другом свете. Аларик, признано возможным вызвать вас на поединок именно под тем предлогом, который назвал этот ваш незнакомец. Я член совета, и я присутствовал, когда это произошло, но не смог предотвратить этого решения. Кто же мог предположить, что все так обернется? Кому это могло понадобиться? Это же не имеет смысла.

Арилан посмотрел на каждого из присутствующих. Варин и Кардиель уставились на него немного испуганно, не в силах со своей человеческой точки зрения понять всю сложность положения. И даже Нигель пребывал в недоумении, только отчасти по-

нимая, что кроется за словами Арилана. Морган и Дункан тем временем оценивали услышанное, сравнивая эти сведения с тем, что они запомнили из разговора с незнакомцем в облике Камбера. Только Келсон замкнулся в себе; внезапно поняв всю сложность положения, он, казалось, обрел спокойствие и трезвость и мог холодно оценить происходящее.

— Хорошо,— произнес Арилан, вздрогнув от предчувствия чего-то недоброго, но вернулся к теме разговора.— Аларик, Дункан, я никак не могу объяснить ваши видения, но я, по крайней мере, настаиваю на том, чтобы выяснить, действительно ли Венцит связывался с советом и убедил его выступить судьей в магическом поединке. Мне все известно об этих правилах, и как члена совета, имеющего прямое отношение к этому вопросу, меня бы поставили в известность. Но я пропустил несколько последних заседаний из-за военных действий, так что, возможно, все обстоит именно так. Морган, у вас с собой Великая Опека?

— Великая Опека?.. Я...— Морган колебался, и Арилан покачал головой.

— Не увиливайте. У нас нет времени. С собой или нет?

— С собой.

— Ну, так приготовьте ее. Дункан, мне нужно восемь белых свечей примерно одинакового размера. Найдите все, что сможете.

— Сейчас.

— Хорошо. Варин, Томас, помогите Нигелю свернуть ковер, мне нужен участок открытой земли. Келсон, я бы хотел попросить у вас ненадолго Огненный перстень. Вы не против?

— Конечно. Что вы собираетесь делать? — спросил Келсон, снимая кольцо и с удивлением наблюдая, как из-под скатываемого ковра показалась примятая трава.

Арилан надел Огненный перстень на безымянный палец и, отправив куда-то Моргана и Дункана, обратился к остальным:

— Я хочу построить с вашей помощью Переносящий Ход. К счастью, этот старый дар еще не вполне забыт. Нигель, нужно, чтобы вы втроем кое в чем помогли мне,— это займет всего несколько минут. Можете вы делать, что я скажу, без лишних вопросов?

Трое обменялись недоуменными взглядами, но кивнули. Арилан, ободряюще улыбнувшись им, ступил на траву и преклонил колени. Он ощупал траву, отбросил в сторону несколько камешков и деревяшек, потянулся за кинжалом, который принц Нигель молча держал наготове. Взяв кинжал, Арилан начал вырезать в дерне восьмиугольник площадью в шесть футов.

— Представляю себе, как странно все это выглядит для вас,— сказал он, чертя вторую грань и оборачиваясь к трем свидетелям.— Варин, объясняю вам, что такое Переносящий Ход,— это место, из которого Дерини перемещаются в другое, сколь угодно отдаленное, не тратя при этом времени. Это происходит мгновенно. К несчастью, мы не можем использовать эту удивительную способность без Переносящего Хода; а чтобы построить его, требуются очень большие затраты силы. Вот во что мы вас втянули. Я бы хотел погрузить вас в глубокий транс и воспользоваться вашими силами, чтобы привести Ход в действие. Надеюсь, вы не возражаете?

Он кончил чертить шестую грань восьмиугольника, глядя, как Варин переминается на месте, судя по всему в немалой степени смущенный тем, что примет участие в магическом действии.

— Боитесь, Варин? Я не упрекаю вас. Но делать действительно нечего. Это будет почти как тогда, когда Морган читал ваши мысли. Только сейчас вы ничего не запомните.

— Вы клянетесь?

Арилан кивнул, и Варин тревожно пожал плечами.

— Что ж, я сделаю, что могу.

Арилан продолжал чертить восьмиугольник. Он проводил последнюю черту, когда вернулся Морган с маленьким ящичком, обитым красной кожей. Остановившись на краю круга, он смотрел на Арилана, который, вставая, отряхнул руки о сутану и вернул кинжал Нигелю.

— Опеки? — спросил епископ.

Морган кивнул и открыл ящичек. Там было восемь кубиков, каждый — с ноготь мизинца величиной, четыре белых и четыре черных. Когда Морган высыпал их на ладонь, они тускло блеснули на свету. Арилан прикрыл их рукой и склонил голову, как бы прислушиваясь к чему-то, потом кивнул и попросил Моргана продолжать. Он вышел из восьмиугольника, Морган же опустился на колени и высыпал кубики на траву. Арилан посмотрел на него, потом, прочистив горло, спросил:

— Можете вы установить их всех, не делая последнего шага, и потом скрепить Опеку изнутри?

Морган посмотрел на него и кивнул.

— Хорошо. Когда придет Дункан со свечами, пусть поставит по свече в каждый угол восьмиугольника. Нигель, вы с Варином пока перейдите вот сюда и чувствуйте себя посвободней. Келсон, не могли бы вы попросить, чтобы принесли для них шкуры, на которые можно было бы лечь?

Когда два смертных заняли свои места, вернулся Дункан со свечами и, слегка подровняв их своим кинжалом, стал на колени вне восьмиугольника. Морган, убедившись, что свечи на местах, начал манипуляции с кубиками.

Кубики эти звались Опеками, а все вместе — Великой Опекой, которую нужно было оживить. Каждая часть заклинания была шагом к последнему оживляющему слову. Четыре белых кубика нужно было сложить в квадрат так, чтобы две стороны каждого кубика касались двух сторон другого; потом по углам этого квадрата нужно было положить черные кубики так, чтобы они не соприкасались с белыми.

Сложив эту фигуру из кубиков, Морган коснулся указательным пальцем правой руки белого кубика в левом верхнем углу, исподтишка взглянув на Арилана и прошептав:

— Nomen «Prime».

Никто не смотрел на Моргана; опустив глаза, он с радостью увидел, что кубик засветился изнутри тусклым молочным светом. Получилось.

— Seconde,— прошептал Морган, касаясь правого верхнего кубика.— Tierce, Quarte,— прошептал он, касаясь оставшихся двух кубиков.

Четыре белых кубика образовали большой светящийся квадрат, блеск которого холодно отражался в оставшихся четырех черных. Морган коснулся пальцем черного куба в левом верхнем углу и, глубоко вздохнув, прошептал:

— Quinte.

Затем он назвал имена еще трех черных кубиков:

— Sixte, Septime, Octave.

Кубики засветились глубинным темно-зеленым светом. Когда свет черных кубиков соединился со светом белых, их окутало мерцающее темное облако, будто они взаимно поглотили свет друг друга.

Морган огляделся и с удивлением обнаружил, что все занимаются своими делами. Дункан, установив свечи, теперь склонился над погруженным в транс Варином, голова которого покоилась у него на коленях; Арилан и Келсон склонились над спящим Нигелем. Вероятно, Арилан помогал молодому королю должным образом овладеть его сознанием.

Лишь Кардиель сидел в стороне от всех, закинув ногу на ногу, на сложенном пледе. Он с восхищением смотрел на Моргана и смущенно опустил глаза, когда Аларик уловил его взгляд. Опустил он их, впрочем, ненадолго — Кардиеля чрезвычайно поразило увиденное, и, будь это не так сложно и опасно, он не преминул бы подойти и посмотреть на действия Моргана поближе.

— Извините. Я не хотел подглядывать,— тихо сказал он.— Ничего, что я смотрю?

Морган помолчал, решая, имеет ли смысл посвящать епископа в большее, чем он уже знает, потом пожал плечами.

— Ничего. Только, пожалуйста, не мешайте мне. Следующий этап очень трудный, мне нужно сосредоточиться.

— Как скажете,— прошептал Кардиель, пододвигаясь, чтобы лучше видеть.

Морган со вздохом вытер ладони о колени, потом взял Prime, первый белый кубик. Он поднес его к его черному двойнику, Quinte, и, соединив их, прошептал:

— Primus!

Раздался короткий щелчок, и кубики слились в светящийся серебристо-серый прямоугольник, который Морган опустил на землю, прежде чем взять Seconde. Под взглядом замершего Кардиеля он поднес его к Sixte и прошептал:

— Secundus!

Второй светящийся прямоугольник был готов. Кардиель затаил дыхание, глядя, как Морган опускает его и переходит к Tierce.

Морган начал ощущать утомление; прежде чем взять третий кубик, он мягко провел рукой по глазам. Усталость прошла — он только что воспользовался для этого известным способом Дерини,— но он знал, что за это придется заплатить позднее. Однако сейчас Опеки нужно было оживить, чего бы это ни стоило. Он быстро поднес Tierce к Septime.

— Tertius!

Третий прямоугольник вспыхнул. Слово было готово на три четверти.

— Мы почти у цели,— сказал Арилан, подходя к Кардиелю, когда Морган взял Quinte.— Томас, сейчас вы мне понадобитесь.

Сглотнув слюну, Кардиель вместе с Ариланом подошел к ковру, лег, как велел Арилан, и позволил Дерини коснуться холодной рукой своего лба. Его веки вздрогнули, и он погрузился в транс. Морган покачал головой и вздохнул, соединяя последнюю пару кубиков.

— Quartus!

Свет на мгновение вспыхнул в кубиках, и они соединились; теперь на земле перед ним лежало четыре прямоугольника.

Морган присел на корточки и осмотрелся, потом начал пододвигать прямоугольники к крайним точкам начертанного восьмиугольника, означающим стороны света. Когда он обозначил пределы действия Опеки, Арилан вошел в круг сам и пригласил туда Келсона и Дункана; до поры до времени они еще сохраняли власть над собой. Морган вошел в центр восьмиугольника, тревожно посмотрел на троих товарищей и припомнил еще раз, как должна выглядеть Опека, чтобы повлиять на происходящее в круге.

— Давайте же соединять Опеки,— прошептал Арилан.— Три из них включите еще и в защиту. Как только сделаете это, я зажгу свечи.

Морган окинул взглядом круг, посмотрел на спящих за его пределами людей и протянул руку, чтобы соединить четыре Опеки:

— Primus, Secundus, Tertius, et Quartus, fiat lux!

При этих словах Опеки ярко вспыхнули, окутав всех семерых облаком молочного света. Арилан вытянул руку, словно проверяя Опеку, а затем провел этой же рукой над всеми свечами восьмиугольника, и они вспыхнули одна за другой. Арилан подошел к середине восьмиугольника и положил руку Моргану на плечо.

— Отлично. Как только мы, все четверо, соединим наши сознания, я поведу вас создавать Ход. Это будет не особенно приятно — нам придется затратить невероятное количество сил,— но мы можем сделать это. Я, в свою очередь, сделаю, что смогу, чтобы избавить вас от самого худшего. Есть вопросы?

Вопросов не было. Арилан взял за руки Дункана и Келсона и склонил голову. Тут в палатку ударил ветер, пламя свечей покачнулось, и в этот момент белое сияние возникло вокруг головы Арилана. Оно увеличивалось, бросая малиновые и зеленые

отсветы, и трое других Дерини лишь вздрагивали — столь могучая сила вырывалась из их тел и сознаний.

Всех присутствующих окутал туман; в мерцающем свете он собирался во всё расширяющиеся струи. Вдруг ослепляющее сияние заполнило всю палатку и сразу исчезло. Келсон вскрикнул, Морган был близок к обмороку, и Дункан не сдержал стона. Но все уже кончилось, и белый свет тоже пропал.

Когда четверо Дерини открыли глаза, каждый из них почувствовал под ногами знакомую вибрацию — Переносящий Ход был готов. Со вздохом облегчения Арилан оттащил Кардиеля подальше от круга, давая Дункану и Келсону понять, чтобы они сделали то же с Нигелем и Варином. Теперь в центре восьмиугольника остался только коленопреклоненный Морган. Прикусив губу, Арилан стал перед Морганом на колени и вновь положил руку ему на плечо.

— Я знаю, как вы устали, но перед уходом хочу попросить вас еще об одном одолжении. Опеки должны защищать всю палатку. Вы все изнурены, и когда я вернусь за вами, Келсоном и Дунканом, хорошо бы оставить остальных под защитой. Они наверняка проспят до полуночи и не смогут в случае чего защитить себя.

— Я понимаю.

Устало улыбнувшись, Морган поднялся и развел в стороны руки, ладонями вверх. Он тяжело вздохнул, собираясь с силами, и тихо начал произносить новое заклинание. Руки его при этом двигались так, словно он отодвигал невидимый барьер. Когда паутина света Опеки легла на стены шатра, он повернул ладони вниз и опустил руки.

— Это все? — устало спросил он.

Арилан кивнул и подал Келсону и Дункану знак, чтобы они помогли Моргану выйти из восьмиугольника.

— Я буду здесь через десять минут, не позже,— сказал он, становясь в центр фигуры.— Тем временем, Дункан, вы с Келсоном помогите Аларику восстановить силы, насколько это сейчас возможно. Вы, однако, и сами должны быть готовы идти, как только я вернусь. Совет совсем не любит таких вещей, и я не хочу давать им времени на раздумья.

— Мы будем готовы,— ответил Келсон.

Арилан кивнул и, скрестив руки на груди, склонил голову. И внезапно исчез.

Глава XXIII

*«ПОТЕРЯВШУЮСЯ ОВЦУ ОТЫЩУ И УГНАННУЮ ВОЗВРАЩУ»**

Темнота. Прежде чем его глаза нащупали слабый свет, Арилан понял, что стоит перед большими дверями зала совета Камбера, в небольшой нише, ограничивающей пространство вокруг Переносящего Хода. Здесь было пусто, так и должно быть в этот час, но он все-таки осмотрелся, прежде чем приблизиться к высокой позолоченной двери. Только сейчас не хватало какой-нибудь заминки.

Двери распахнулись, и он вошел в зал; там было так же темно, как и у входа, дневной свет едва проникал сквозь высокие окна с лиловыми стеклами. Войдя, Арилан поднял руки, и тут же по его мысленному приказу факелы зажглись и лиловые стекла засверкали. Опустившись в свое кресло, чародей-епископ устроился поудобнее, положив руки на стол из слоновой кости и откинув голову на спинку кресла. Потом он устремил взгляд на серебряный кристалл, висящий над восьмиугольным столом, и стал вызывать членов совета.

Прошло несколько минут; он повторил вызов. Некоторое время Арилан искал более верное положение в своем кресле, чтобы, собрав энергию, усилить зов, время не позволяло ему ждать слишком долго. Немного погодя золоченые двери стали открываться, пропуская членов совета.

Первой вошла рыжеволосая Кири, прекрасная и обольстительная в зеленом охотничьем наряде; потом Ларан ап Пардис в расшитом плаще ученого. Торн Хаген появился босой, в оранжевом, наскоро накинутом халате. Стефан Корам выглядел непривычно в голубом костюме для верховой езды. Он был весьма раздражен. В конце концов появился слепой Баррет де Лане, опираясь на руку Вивьен, и следом Тирцель де Кларон, странно растрепанный, в расстегнутой багровой тунике.

Когда все вошли, Арилан поднял глаза и осмотрел всех семерых; его голубые глаза холодно сверкнули, когда он увидел их недоумевающие лица. Пока семеро занимали свои места, он не сказал ни слова, хотя они нетерпеливо поглядывали на него,— в том,

* Иезекииль 34:16.

кто послал зов, ни у кого не было сомнений. Наконец епископ-Дерини невозмутимо сложил пальцы рук мостиком и произнес:

— Кто из совета вызвался посредничать в магической дуэли Венцита Торентского?

Напряженная тишина. Растерянность. Изумление. Семеро с ужасом оглядывали друг друга, гадая, кто же из них мог потерять рассудок.

— Я задал вопрос и жду ответа,— повторил Арилан, впиваясь взглядом в каждого из семерых.— Кто принял на себя посредничество?

Все посмотрели на Стефана Корама, который медленно встал.

— Никто не обращался в совет с просьбой о посредничестве, Денис. Вы ошиблись.

— Ошибся?

Арилан удивленно посмотрел на Корама, все более поражаясь слишком спокойному выражению его лица.

— О, пожалуйста, не притворяйтесь такими наивными. У Венцита Торентского много недостатков, но глупость не входит в их число. Он даже не станет обращаться с такой просьбой, пока у него не будет верной поддержки. Неужели вы будете утверждать, что не знаете об этом?

Тирцель откинулся на спинку кресла и вздохнул, его благожелательное лицо стало хмурым.

— Корам говорит правду, Денис, и у него от нас нет секретов. Не было никаких переговоров с Венцитом ни о чем, тем более о посредничестве. Вы знаете, я на вашей стороне и на стороне короля и не стал бы вас обманывать.

Арилан заставил себя расслабиться; чтобы унять дрожь в руках, он оперся ими о край стола и опустился в кресло. Если Венцит не обращался в совет, значит...

— Я начинаю понимать...— прошептал он, еще раз окинув совет взглядом.— Милорды, миледи, простите меня. Мы — я и король — были обмануты. Венцит сказал нам, что на дуэли будет официальный представитель совета, по-видимому, чтобы убедить нас в законности действий, а потом явился бы на поединок с тремя... нет, с четырьмя своими помощниками, которых, надо полагать, и выдал бы за судей из совета. Он не знает, что я сам член совета, а может, даже не знает, что я Дерини. Откуда же Келсону знать членов совета в лицо? Он и про совет-то узнал несколько часов назад. Коварство, какое коварство!

Члены совета были поражены, никто не мог произнести ни слова. Никто так открыто не подрывал авторитет совета уже долгие-долгие годы. Старейшие члены совета никак не могли поверить в происходящее, однако те, кто был помоложе, быстрее оценили положение. Тирцель, уже говоривший только что, оглядел коллег и задумчиво подвинулся вперед.

— Кто поименован в вызове Венцита, Денис?

— Со стороны Венцита, включая его самого, названы: Лионель, Ридон и Брэн Корис. Со стороны Келсона — Морган, Маклайн и, разумеется, я. Венцит не назвал меня — но больше некому.— Он помолчал.— Но теперь, когда обман раскрыт, я не хочу принимать вызов Венцита, по крайней мере на его условиях. Я прошу покровительства совета для меня и моих собратьев. Покровительства настоящего совета.

Баррет, смущенно кашлянув, произнес:

— Боюсь, что это невозможно, Денис, хотя я сожалею об этом, ведь вы и впрямь в опасности. Не все, кого вы назвали,— Дерини.

— Не все — чистокровные Дерини,— возразил Арилан.— Однако всех их принуждают вести себя как чистокровных Дерини. Вы по-прежнему против Моргана и Маклайна?

— Они все равно полукровки! — отрезала Вивьен.— Как это можно изменить, по-вашему? Не можем же мы нарушать наши законы, чтобы скрепить ваш союз.

— Хадасса! — Арилан ударил кулаком по столу и вскочил на ноги.— Неужто вы такие слепцы, неужто так связаны правилами, что готовы из-за них умереть?

Он сорвался со своего места и стремительно пошел к золоченым дверям. Выходя, он на мгновение обернулся:

— Я сейчас вернусь, милорды. Поскольку я вызван, я прошу вашего покровительства для себя и своих новых собратьев — собратьев-Дерини. Я думаю, сейчас для вас самое время встретиться с ними.

При этих словах он повернулся на каблуках и покинул пораженное собрание.

Через несколько мгновений он вновь появился в дверях; за ним следовали трое. При их появлении раздался возмущенный ропот. Ларан, протестуя, вскочил было на ноги, но одумался, когда Арилан, едва взглянув на него, перевел взгляд на других членов совета. Епископ встал за своим креслом, подождал, пока Келсон, Морган и Дункан церемонно встанут у него за спиной, и только затем обратился к совету.

— Милорды и миледи, надеюсь, вы простите то, что я, на первый взгляд, пренебрег правилами, приведя сюда этих милордов, но вы принудили меня к этому. Ибо будучи вовлечен в поединок, который навсегда лишит меня моего положения в человеческом обществе, я вынужден требовать покровительства древних сил. Это же относится к моим собратьям, ведь мы теперь все связаны, а где тонко, там и рвется. Все мы должны просить вашего благого покровительства. Милорды и миледи, я представляю вам его величество Келсона Цинхиля Риса Энтони Халдейна, короля Гвиннеда, князя Меарского, владетеля Ремутского, лорда Пурпурной Марки — нашего сюзерена. А также — лорда Энтони Моргана, герцога Корвинского, владетеля Корота, Королевского Поборника. Наконец, монсеньора Дункана Говарда Маклайна, исповедника его величества и ныне, по милости Венцита Торентского, герцога Кассанского и графа Кирни. Его отец сегодня казнен Венцитом. Каждый из этих джентльменов по крайней мере наполовину Дерини, и, с нашей точки зрения, должны считаться чистокровными в соответствии с решением нашего предыдущего собрания.— Он повернулся к троим новоприбывшим.— Государь, милорды, я в некотором роде имею удовольствие представить вам совет Камбера. Посмотрим, хранит ли он верность своим древним заветам.

Все трое учтиво поклонились, затем Морган почтительно кивнул епископу:

— Ваше преосвященство, могу я задать несколько вопросов?

— Разуме...

— Вопросы будем задавать мы,— резко прервала его Вивьен.— Почему вы решили явиться на совет?

— Нас пригласил милорд Арилан, миледи. Если я верно понял, этот совет выступает от имени всех Дерини?

— Это бастион древних заветов,— холодно ответила Вивьен.— Осмелишься ли ты, полукровка, оспаривать наши древние обычаи?

Морган удивленно приподнял бровь и простодушно посмотрел на разгневанную леди:

— Миледи, конечно же нет. Но, если я не ошибаюсь, это ваши древние обычаи помогли во время поединка нашего короля и властителя с леди Кариссой. Без силы, исходившей, как мне хо-

чется верить, от этого совета, его величество не имел возможности обрести могущество, достаточное, чтобы одолеть смертельного врага.

— Конечно,— с раздражением ответила Вивьен.— Молодой Халдейн — достойный представитель нашего рода. По матери он — из чистейших Дерини, хотя и забывших на долгие годы о своем происхождении. С отцовской стороны он происходит от древних Халдейнов, которых избрал блаженный Камбер, дабы они воцарились со славой, пожав плоды Великого Открытия. Поэтому мы и признаем его одним из нас. Келсон всегда пользовался нашим покровительством, даже не зная об этом. Он получит его вновь, и лорд Арилан также. Совет смущают двое других.

— Я и Дункан?

— Ваши матери — Дерини, они родные сестры, это важно для нас. Но отцы ваши обычные люди — и это ставит вас вне нашего сообщества.

— Но как быть с их силами? — горячо спросил Тирцель, без стеснения прерывая Вивьен.— Морган, это правда, что вы и Маклайн можете исцелять?

Морган долго смотрел в глаза Тирцеля де Кларона, потом пробежал глазами по лицам других членов совета. В них читалась антипатия к нему — у кого страстная, у кого послабее, и Морган не был уверен, что ему так уж хочется раскрываться сейчас перед ними. Он посмотрел на Арилана, надеясь, что тот подаст ему какой-нибудь знак. Но епископ не пошевелился. Что ж, хорошо. Он осторожно сменит направление разговора, чтобы совету пришлось защищаться, чтобы они поняли — полукровка Аларик Морган или нет, а ссориться с ним не стоит.

— Могу ли я исцелять,— мягко повторил он.— Может быть, чуть позже мы поговорим и об этом. Пока что я хочу снова спросить относительно нашего с Дунканом положения. Если, как мы полагаем, нашего происхождения со стороны матери достаточно, чтобы нас можно было вызвать на настоящий поединок, разве не можем мы просить соответствующей помощи? Если мы с моим кузеном, подвергаясь равной с другими опасности, не можем рассчитывать на равную защиту — где правосудие Дерини, милорды?

— Вы подвергаете сомнению наши полномочия? — осторожно спросил Корам.

— Я прошу ваших полномочий там, где мы сами не можем защитить себя, сражаясь на равных,— ответил Морган. Корам сел

и слегка кивнул. Морган продолжил: — Я не претендую на то, чтобы понимать все, что связано с моим происхождением, но я думаю, его величество может подтвердить вам, что некоторое представление о правосудии я имею. Если вы лишаете нас покровительства и при этом заставляете сражаться с чистокровными Дерини, использующими все свои силы,— вы обрекаете нас на смерть. Уж конечно, мы ничего не сможем с этим поделать.

Слепой Баррет повернулся к Арилану:

— Попросите, пожалуйста, ваших друзей подождать снаружи, Денис. Нам необходимо обсудить все это. Мне не хотелось бы выносить наши внутренние разногласия наружу.

Арилан кивнул и посмотрел на трех своих спутников.

— Подождите у Хода, пока я не позову вас,— тихо сказал он.

Как только дверь закрылась, Торн вскочил на ноги и стукнул пухлой рукой по столу.

— Это неслыханно! Вы не можете допустить, чтобы совет покровительствовал полукровкам! Вы слышали, как воинственно настроен Морган. Неужели вы допустите это?

Баррет повернулся к Кораму, пропустив вспышку Торна мимо ушей.

— Что ты думаешь, Стефан? Мне нужен твой совет. Может быть, вызвать Венцита с Ридоном сюда, чтобы они дали объяснения?

Глаза Корама потемнели, лицо его стало решительным.

— Я против того, чтобы звать сюда отщепенцев, особенно двух упомянутых. Трех посторонних на сегодня более чем достаточно.

— Вы горячитесь, Стефан,— сказала рыжеволосая Кири.— Все мы знаем ваше отношение к Ридону, но ведь все это было много лет назад. Неужели вы не можете забыть ту старую ссору ради нашей общей безопасности?

— Это не вопрос нашей безопасности. Речь идет о двух Дерини-полукровках. Если совет решит вызвать на заседание Венцита и этого второго господина — что ж, это его право. Но без моего одобрения — и, пожалуйста, в мое отсутствие.

— Вы покинете заседание совета? — спросила Вивьен; на ее лице было написано удивление.

— Покину.

— Я тоже уйду, если сюда придет Ридон,— добавил Арилан.— Он не знает, что я Дерини, и я хочу, чтобы ему это было неиз-

вестно как можно дольше. Это поможет королю на магическом поединке, если, конечно, нам не удастся избежать его.

Баррет медленно кивнул.

— Да, это важно. И то же самое касается Венцита. Совет согласен? Наконец, что вы думаете о Моргане и Маклайне? Оказать ли им наше покровительство?

— Конечно да! — воскликнул Тирцель.— Венцит оскорбил совет не только этой затеей с подставными судьями. На его стороне — двое чистокровных смертных, которых он просто обучил магии. В них нет ни капли крови Дерини. Почему бы нам тогда не согласиться официально служить судьями в этой магической дуэли? Пусть завтра на поединок явятся настоящие судьи из совета и окажут покровительство всем восьмерым. Это почти законно, не говоря уже о том, что это — самое безопасное из возможного. А кто победит — это зависит от сил и искусства сражающихся. Вы все это знаете.

Наступила тишина, и Вивьен кивнула своей седой головой.

— Тирцель прав, хотя и бывает слишком горяч. Мы как-то не обратили внимания, что два боевых напарника Венцита — не Дерини; и потом, он открыто выступил против нас, решив объявить судьями неведомо кого. Что же до Моргана и Маклайна,— она пожала плечами,— пусть будет так. Если удача будет на их стороне и они победят, это будет значить, что они достойны нашего покровительства. Мы в любом случае ничего не теряем.

— Но...— начал Торн.

— Согласны ли вы? — прозвучал голос еще одной женщины — рыжеволосой Кири.— Милорды, я согласна с леди Вивьен, и я чувствую, что Тирцель и Арилан думают так же. Ларан, что вы скажете? Приемлет ли ваша гордость то, что мы предлагаем?

Ларан кивнул.

— Я допускаю, что некоторые пункты устава, о которых мы обычно забываем, разрешают подобное. И я надеюсь, что они победят. Было бы преступлением упустить исцеляющие силы, если Морган, конечно, ими обладает.

— Как всегда, вы рассуждаете здраво,— хмыкнула Вивьен.— Что ж, милорды? Пятеро из нас поддержали это решение. Нужно ли формальное голосование?

Никто не произнес ни слова; Вивьен с легкой улыбкой посмотрела на Баррета:

— Что ж, хорошо, милорд Баррет. Следовательно, наши августейшие коллеги согласились принять полукровок под свое покровительство и судить завтрашнюю магическую дуэль. Готовы ли вы огласить ваше решение?

Баррет кивнул.

— Да. Арилан, зовите своих друзей.

С торжествующей улыбкой Арилан подошел к золоченым дверям, которые при его приближении распахнулись. Трое спутников епископа с тревогой посмотрели на него и прочли по его лицу все, что хотели знать. Они вошли в зал вслед за Ариланом уверенным шагом, больше не трепеща перед советом Камбера.

— Станьте вместе с вашими собратьями, Арилан,— сказал Баррет, когда все четверо подошли к креслу епископа.

Арилан остановился, Келсон, Морган и Дункан окружили его, выжидающе глядя на Баррета.

— Келсон Халдейн, Аларик Морган, Дункан Маклайн, слушайте вердикт совета Камбера. Сим объявляю, что советом сочтено за благо оказать вам покровительство в сем деле, каковое покровительство будет нами обеспечено. Судьями в магическом поединке будут Ларан ап Пардис, леди Вивьен, Тирцель де Кларон и я. Арилан, решено также, что вам следует воздержаться от общения с советом впредь до поединка. Далее, вы должны объяснить сим трем Дерини их обязанности в соответствии с правилами поединка. Все должно быть по правилам, как в прежние дни. Никому из вас не следует обсуждать завтрашний поединок ни с кем, кроме находящихся в этом зале. Это понятно?

Арилан поклонился особым церемонным поклоном.

— Все будет по древним заветам, милорд.

И вот он вместе с тремя своими друзьями покинул зал совета и вернулся в темноту Переносящего Хода. Хотя он и знал, что их распирает от вопросов, он не позволил задавать их здесь, у самого зала. А в первые секунды после возвращения в палатку Келсона происшедшее только что казалось им сном. Только спящие Нигель, Кардиель и Варин, свернутый ковер да вырезанный ножом дерн свидетельствовали о том, что все это явь.

Келсон повернулся к Арилану.

— Это... это все было, правда?

— Конечно было,— улыбнулся Арилан.— И чудеса все еще случаются. Келсон, если вы напишете письмо о том, что принимаете вызов, мы немедленно отправим его Венциту.— Он вздох-

нул, отшвырнув огарок свечи и опускаясь в кресло рядом с вырезанным дерном.— Ход сейчас можно закрыть. При необходимости мы можем им пользоваться, но для этого больше не придется копаться в земле.

Келсон кивнул, подошел к походному письменному столу и, взяв перо и пергамент, спросил:

— Какой тон мне избрать? Уверенный? Воинственный?

Арилан покачал головой.

— Нет, слегка растерянный, но покорный, как будто вас втягивают в это против воли. Он не должен понять, что мы связались с советом и разоблачили его маленькую хитрость.— На лице Арилана появилась озорная усмешка.— Пусть это звучит жалко, немного испуганно. Вот будет зрелище, когда настоящий совет явится судить поединок!

Глава XXIV

*«И РЕК ГОСПОДЬ: ВОТ, ПРИНЕСУ Я ЗЛО НА МЕСТО СИЕ И НА ЖИТЕЛЕЙ ЕГО»**

Ночное небо было все усыпано звездами, когда Арилан бросил на него взгляд, отдернув полог королевской палатки. Вокруг него шумел, отходя ко сну, лагерь. И может быть, он слышит этот шум последний раз. Испуганные чем-то лошади рвали поводья и ржали, воины расхаживали по лагерю, громко разговаривая между собой.

Площадка перед королевской палаткой была освещена множеством факелов, которые мерцали мутно-оранжевым светом, но не затмевали сияния бесчисленных звезд. Арилану подумалось, что никогда он не видел такого ясного летнего звездного неба. Может быть, и не увидит.

За его спиной раздались шаги — шаги человека, обутого в кожаные сапоги; к епископу подошел Келсон и тоже, закинув голову, посмотрел на звезды. На плечах его был солдатский плащ. Молодой король молчал, тоже зачарованный обаянием летней ночи.

— Аларик с Дунканом идут? — спросил он наконец.

— Да, я послал за ними,— ответил Арилан.

* Вторая книга Царств 22:16.

Келсон вздохнул и, сложив руки на груди, с грустью посмотрел на кольцо факелов и освещенных ими солдат охраны.

— Короткая будет ночь. Нам нужно быть наготове еще до рассвета, на случай, если Венцит выкинет что-нибудь. Посыльный, который отвез наше письмо, сказал, что вид у него был вовсе не довольный.

— Мы будем готовы,— успокоил Арилан.— А когда взойдет солнце, Венцита самого ожидают кое-какие неожиданности...

Он замолчал, заметив, что кто-то приближается в темноте. К палатке в сопровождении гвардейцев шли Морган и Дункан; подойдя к Келсону и Арилану, они отвесили краткий поклон.

— Что-нибудь случилось, Келсон? — спросил Морган.

Келсон покачал головой.

— Нет, я, наверное, просто нервничаю. Хочу вот подняться на холм и посмотреть еще раз на лагерь Венцита. Не доверяю я ему.

— И хорошо делаете,— пробормотал Дункан.

Морган, шевельнув бровью, заглянул в шатер.

— Как Дерри? — спросил он, пропустив замечание Дункана мимо ушей.

Келсон заметил взгляд Моргана и отошел от входа в палатку.

— Последний раз, когда я подходил, он мирно спал. Идемте. Я хочу подняться на холм. С ним ничего не случится.

— Я сейчас догоню вас, только взгляну, как он там.

Когда остальные исчезли в ночи, Морган вошел в шатер. У королевского ложа горела одна загражденная от ветра ширмой свеча, и при ее свете и пламени походного очага Морган увидел фигуру человека, спящего на меховой подстилке на другом краю палатки. Он встал на колени, откинул укрывавший Дерри мех и повернул того лицом к себе. Глаза юноши были закрыты, но видно было, что его мучают кошмары. Он на мгновение скорчился и прикрыл лицо рукой, потом опять расслабился и погрузился в глубокий сон. Вдруг Моргану почудилось, что Дерри прошептал: «Брэн!», но он не был в этом уверен. Аларик нахмурился, затем легким движением коснулся лба Дерри, но понять, что творится в его измученной душе, это беглое прикосновение не помогло. Во всяком случае, теперь его не будут терзать кошмары и, может быть, он поспит спокойно.

Морган и хотел бы забыть, что он видел, чтобы спокойно вернуться к своим делам,— но не мог. Без сомнения, Дерри не в се-

бе, на него еще действуют какие-то чары; а то, что он назвал имя Брэна Кориса,— это совсем плохо, с какой стороны ни взгляни. Конечно, Дерри пережил много страданий — да каких! — мало ли что может ему сниться.

Но почему он так долго не приходит в себя? Что кроется за теми словами, произнесенными им в горячке бреда? Неужели наведенные Венцитом чары все еще довлеют над ним?

Морган на всякий случай поставил у входа еще одного часового и отправился в ночь. Ему вдруг захотелось просто пройтись, чтобы успокоиться, развеять печальные мысли. Аларик и сам не заметил, как забрел в ставку епископа Кардиеля... Или что-то заставило его сейчас искать Риценду?

Все еще удивляясь тому, что пришел именно сюда, Морган миновал пост охраны и направился к ее палатке. Он знал, что после случившегося той ночью больше не должен бывать здесь, но, может быть, она вдруг прольет какой-то свет на поступок своего мужа? Морган старательно придумывал себе оправдание.

Он остановился на освещенной факелами площадке перед палаткой Риценды, поприветствовал охранника, потом осторожно отдернул полог. В этой половине палатки никого не было, но из-за ширмы доносился женский голос, напевающий колыбельную:

Пусть мой ангел крепко спит,
Сам Господь твой сон хранит.
Средь ночных тревог и бед
Он — твой путеводный свет.
Баю-баю, я с тобой,
Баю-бай, не плачь, родной,
Бог и мама — мы вдвоем
Нынче сон твой стережем.

Прислушиваясь к словам колыбельной, Морган тихонько вошел во внутреннюю часть палатки. Риценда, склонившись над кроватью Брэндана, заботливо поправляла одеяло. Мальчик уже засыпал, но, в последний раз обнимая мать своими пухлыми ручонками, он вдруг заметил Моргана. Ребенок встал на колени, его голубые глаза вспыхнули от радости:

— Папа? Ты пришел рассказать мне интересную историю?

Морган смущенно отступил, но Риценда успела повернуться и увидеть его. Ее удивление, вызванное словами сына, сразу пропало, когда она увидела, что вошедший — Морган, а вовсе не ее

муж; она взяла мальчика на руки и, нервно улыбаясь, подошла к Моргану.

— Нет, мой милый, это не твой отец. Это герцог Аларик. Добрый вечер, ваша светлость. Видите, здесь темно, вот Брэндан и ошибся.

Она сделала легкий реверанс; Брэндан теснее прижался к матери. Теперь он видел, что вошедший — не его отец, но не понимал, как к нему относиться. Он растерянно посмотрел на мать и, видя, что она улыбается, решил, что незнакомец, должно быть, не враг. Он застенчиво взглянул на Моргана, потом опять на свою мать.

— Герцог Аларик? — прошептал он. Это имя ничего не значило для мальчика; он пытался вспомнить хоть что-нибудь об этом человеке, но не успел, так как Морган подошел поближе и поклонился.

— Здравствуй, Брэндан. Я слышал о тебе много хорошего.

Брэндан с интересом посмотрел на него, потом повернулся к матери.

— А папа герцог? — спросил он.

— Нет, милый. Он граф.

— А это все равно что герцог?

— Ну, почти. Тебе не кажется, что надо поздороваться с его светлостью?

— Нет.

— А мне кажется. Скажи: «Добрый вечер, ваша светлость».

— Добрый вечер, ваша светлость,— пролепетал мальчик.

— Добрый вечер, Брэндан. Как дела?

Брэндан, засунув два пальца в рот, опустил глаза; почему-то он снова испугался.

— Хо-рошо,— протянул он.

Морган улыбнулся и склонился к мальчику.

— Твоя мама пела тебе очень хорошую песенку. Как ты думаешь, споет она снова, если ты как следует попросишь?

Брэндан капризно улыбнулся, все еще держа пальцы во рту, и покачал головой.

— Не хочу песенок. Песенки — это для малышей. Хочу историю. Ты знаешь какие-нибудь истории?

Морган удивленно выпрямился. Историю? Он никогда не считал, что умеет обращаться с детьми. Но этот ребенок вел себя как-то необычно. Историю. Боже мой. Каких бы историй он мог

сейчас порассказать! Да вот только какие из них годятся для четырехлетнего мальчика? Мальчика, носящего имя...

Риченда увидела его замешательство и стала укладывать Брэндана обратно в постель.

— В другой раз как-нибудь, милый. У его светлости был очень трудный день. Боюсь, он слишком устал, чтобы рассказывать истории.

— Ну почему же,— сказал Морган, подходя к Риченде.— Даже у герцогов найдется время поговорить с умными маленькими мальчиками. Какую же историю ты хочешь услышать, Брэндан?

Брэндан с довольной улыбкой опустил голову на подушку, до подбородка натянув одеяло.

— Расскажи мне про моего папу. Он самый сильный и храбрый на свете. Расскажи про него.

Морган замер и посмотрел на Риченду, тоже застывшую от этой просьбы. Мальчик не знает, не может знать об измене своего отца, и это, конечно, не его дело. Но не мог Морган заставить себя хвалить Брэна Кориса — даже для его невинного сына. Он ласково улыбнулся и, сев на край кровати, легким движением отбросил прядь волос со лба мальчика.

— Нет, сегодня не получится, Брэндан. Давай я лучше расскажу тебе о том, как король был маленьким мальчиком, таким как ты. Он тогда был принцем, и у него был замечательный черный пони по имени Ветерок. И вот однажды Ветерок убежал из своей конюшни и...

Пока Морган продолжал рассказывать Брэндану свою историю, Риченда посматривала на них, довольная, что Брэндана удалось отвлечь от разговора об отце.

Мальчик то и дело радостно вскрикивал, слушая рассказ Моргана, но Риченда могла разобрать только отдельные слова. Морган старался говорить тише, радуясь случаю пообщаться с Брэнданом и стараясь, чтобы между ними возникло что-то, принадлежащее только им двоим. Риченда не спускала глаз с этого высокого светловолосого человека, склонившегося над ее очаровательным сыном, и поймала себя на том, что и в ее отношении к Моргану появилось нечто новое.

Через некоторое время Морган протянул руку и коснулся лба мальчика — Брэндан закрыл глаза и уснул в то же мгновение. Аларик склонил голову. Вокруг него появилось вдруг странное, несущее покой свечение; от него исходило что-то новое, незнакомое, но благое. Он подал ей руку, и она без слов подошла к нему. Обернувшись, он посмотрел на спящего мальчика.

— Он Дерини, миледи. Вы знаете это?

Риченда торжественно кивнула.

— Знаю.

Морган вдруг почувствовал неловкость, переминался с ноги на ногу.

— Он очень похож на меня в его возрасте — такой же наивный, уязвимый. Я знаю, его подстерегают опасности, он должен быть готов к ним. Его секрет рано или поздно откроется. Он должен иметь в душе что-то, что поддержит его в трудную минуту.

Она кивнула и вновь посмотрела на спящего сына.

— Однажды он поймет, что не похож на других мальчиков. Его надо подготовить к этому. Но я боюсь брать на себя столь сложную задачу. И вообще — это дело отца. Он обожает Брэна, вы видите. Но теперь...

Ее голос прервался, и она не окончила фразы, но Морган понял, что она хотела сказать. Отпустив ее руку, он подошел к дверям и заглянул во внешнюю комнату. Сестра Люки вернулась и сейчас занималась хозяйственными хлопотами. Он заметил, что на столе появилось два бокала и кувшин с вином. Морган покраснел, увидев ее, и задался вопросом, как давно она здесь, но сестра Люки ничего не сказала. Продолжая зажигать свечи, она только слегка поклонилась ему. Морган вышел во внешнюю комнату, а сестра Люки тем временем нырнула во внутреннюю часть палатки. Вскоре Риченда последовала за ним, и Морган, заглаживая свое смущение, разлил вино в бокалы.

— Она слышала? — прошептал Аларик.

Риченда покачала головой, села за походный столик напротив него и пригубила вино.

— Нет. А если и слышала, она не болтушка. Да и потом, уверяю, часовые предупредили ее, что я не одна.— Она улыбнулась.— Вдобавок, вы здесь совсем недолго, чтобы на нашу честь легла тень.

Морган мимолетно улыбнулся и опустил взгляд на свой бокал.

— До завтра, миледи. Если Гвиннед победит, Брэн должен умереть. Вы знаете это.

— Да, конечно,— прошептала она.— Но мне и без того страшно. Что будет с нами, Аларик? Что будет со всеми нами?

А в палатке Келсона тем же вопросом мучился другой человек. У погасшего очага под меховой накидкой лежал Дерри; он долго беспокойно ворочался и наконец открыл глаза. Он больше не мог не замечать зова.

Дерри неуверенно присел на кровати; в шатре было пусто. Сбросив одеяло, он встал на ноги и покачнулся. Сделав шаг, Дерри споткнулся и с трудом удержался на ногах, тяжело вздохнув; потом он помотал головой из стороны в сторону, словно отгоняя непрошеные мысли. Его глаза на мгновение закрылись, и он коснулся кольца у себя на пальце. Когда он открыл глаза, в его взгляде появилась уверенность, которой не было прежде. Без дальнейших размышлений он повернулся на каблуках и пошел к выходу из шатра; глаза его блестели.

— Часовой!

— Да, милорд?

Внимательный и услужливый стражник вошел в палатку.

— Можешь помочь мне? — неожиданно для себя сказал Дерри.— Я, кажется, потерял брошь от своего плаща.— Он указал на постель, где только что лежал, и слегка улыбнулся.— Я бы посмотрел сам, да у меня голова кружится, когда я нагибаюсь.

— Не трудитесь, сэр,— улыбнулся охранник, отстегивая шпоры, прежде чем подойти к постели.— Рад видеть вас на ногах и в добром здравии. Мы так беспокоились.

Пока он это говорил, Дерри нашарил рукой тяжелый охотничий нож и ухватил его за лезвие. Подойдя к часовому сбоку, он резко ударил его рукояткой ножа за правым ухом; тот упал, не издав ни единого звука.

У Дерри было мало времени. Подтащив тело к Переносящему Ходу, он вернулся к выходу из палатки и как следует задернул полог. После этого, снова приблизившись к часовому, он приложил пальцы к его вискам и стал погружаться в странную летаргию. Глаза часового тем временем открылись, но теперь в них светился ум, необыкновенный для простого солдата. Сам Дерри дрожал от ужаса перед новой необычной силой, заставлявшей его делать это, и беспомощно ждал — чьим же взглядом пронзят его глаза бесчувственного часового, какая предстоит связь?

— Хорошо проделано, Дерри,— прошептал часовой чужим голосом.— Кто это тебя научил? Где же наш милый Дерини и его дружки?

— Пошли осматривать ваши укрепления, государь,— помимо воли ответил Дерри. Он ничего не мог с собой поделать.

Часовой подмигнул и слегка кивнул головой.

— Это хорошо. Никто не заметил, как ты обошелся с часовым?

Дерри покачал головой.

— Думаю, нет, государь. Что мне делать теперь?

После краткой паузы часовой вновь посмотрел на Дерри. Его взгляд стал еще более пронизывающим.

— Лорд Брэн хочет вернуть сына и жену. Ты знаешь, где они?

— Я могу найти их,— сказал Дерри, презирая самого себя.

— Хорошо. Тогда постарайся привести их сюда, к Ходу. Скажи леди, что...

Возле палатки раздались голоса, и Дерри замер. Он не был уверен, но ему показалось, что один из часовых говорит с Варином. Юноша встал и подошел к выходу, чтобы прикрыть его собой, если полог отдернут. Снаружи послышались шаги, и чья-то рука отдернула полог. В проеме показалась голова Варина; он увидел лежащего в середине комнаты часового. Но прежде чем он успел обернуться и позвать на помощь, Дерри схватил его и затащил в палатку, свободной рукой зажав ему рот. Через мгновение Варин тоже лежал без чувств в углу шатра. Связав ему руки и ноги и заткнув кляпом рот, Дерри прикрыл его тяжелым плащом и вышел из палатки.

Морган неловко опустил глаза, стараясь не смотреть на стоящую рядом Риченду. Вино было выпито, все слова сказаны — те слова, которые можно было сказать сегодня. Если завтра он убьет Брэна, эта необыкновенная женщина, должно быть, разлюбит его. А если Брэн будет жив, всем им придет конец.

Он поднял глаза и понял, что он никогда не брал за руку, никогда даже не касался ее, кроме того мгновения прошлой ночью, когда узнал о том, что она Дерини,— а завтра будет слишком поздно. Завтра все может кончиться навеки. Он долго смотрел на нее, читая в ее глазах те же мысли. Вдруг Морган привлек ее к себе, и их уста слились в глубоком поцелуе; казалось, что пламя свечей в комнате стало бледнее.

Это произошло как бы ненароком; через мгновение они просто стояли рядом. Морган смотрел в глаза Риченде, ее пальцы

покоились в его ладони. Но он знал, что не может дольше оставаться здесь сегодня — чувство чести не позволяло этого.

Какое-то время они не слышали ничего, кроме биения своих сердец. И вот ему настало время уходить. Он коснулся губами ее нежных пальцев и скрылся в ночи. Морган отправился на поиски Келсона и других, не зная, что сюда, к палатке Риченды, приближается Дерри, заколдованный коварным врагом.

Риченда посмотрела ему вслед, потом окинула взглядом опустевшую палатку. Свечи, казалось, горели теперь ярче, но почему-то вокруг стало темнее. Как это случилось, как могла она полюбить этого высокого златовласого загадочного человека?

Все еще улыбаясь, она вошла в другую половину палатки и опустилась на колени перед спящим сыном. Постепенно улыбка исчезла с ее лица, уступив место печальным раздумьям.

Что ожидает их завтра? Как бы ни кончился поединок, тень Брэна — живого или мертвого — всегда будет витать над ними. Их с Брэном связывает сын — а эта связь посильнее, чем узы закона. А если Брэна убьет Аларик Морган... Что же такое верность?

Она вспомнила все, чему ее учили, но не могла найти нужного ответа. Женщина должна быть верна своему мужу. Так ей говорили. Но если муж предал короля, как быть тогда? Должна ли она возненавидеть Моргана, если он покарает предателя? Она не могла ответить и на этот вопрос.

Риченда вздохнула, поправила одеяло Брэндана и вдруг замерла, услышав шум снаружи. Быстро выпрямившись, она выглянула во внешнюю часть палатки и увидела у входа силуэт человека. Охрана не задержала его, и он не подходил ближе — видно, никакой опасности нет. Но кто это может быть? Она вышла во внешний покой, надеясь при свете свечей получше разглядеть его лицо.

— Кто вы? — спросила она тихо, стараясь не разбудить Брэндана и сестру Люки.— У вас ко мне дело?

Человек, стоявший в дверях, опустился на одно колено.

— Я Шон лорд Дерри, миледи,— адъютант Моргана. Я... Не могли бы вы пройти со мной в королевский шатер? Лорду Варину плохо, а Морган не может сейчас позаботиться о нем. Он подумал — может быть, вы поможете?

— Да, конечно. Я постараюсь,— сказала она и взяла плащ, висевший у входа во внутреннюю половину.— А что с Варином? Вы можете сказать определеннее?

Дерри покачал головой и поднялся на ноги.

— Нет, миледи. Боюсь, что нет. Он бредит, у него лихорадка...

Риченда накинула плащ и посмотрела на Дерри.

— Я готова. Показывайте дорогу.

Дерри в замешательстве опустил глаза.

— Миледи, прежде чем мы пойдем, я... ну, я не знаю, как сказать, чтобы не показаться вам дурачком, но король... ну, король просил вас взять с собой юного лорда Брэндана.

— Взять с собой Брэндана? Но зачем?

— Пожалуйста, миледи, я, и епископ Арилан, и отец Дункан, мы боимся, что Венцит и ваш муж попытаются похитить мальчика, если его оставить одного. Предосторожность не помешает. Морган тоже просил об этом.

— Ох, бедный мой ребенок,— прошептала Риченда, поспешно крестясь и заглядывая во внутреннюю половину.

Несколько мгновений она неподвижно смотрела на спящего ребенка, потом обернулась к Дерри.

— Они правы. Все может быть. Брэн безумно любит сына. Он вполне может упросить Венцита выкрасть его. Укройте его под своим плащом, Дерри,— сказала она, трогая подбитый мехом плащ Дерри и подходя к кровати мальчика.— Смотрите не разбудите сестру Люки. Все будет хорошо.

Дерри улыбнулся, но она не увидела этой странной улыбки.

— Конечно, миледи,— тихо сказал он.— Знаете, эти священники иногда забавны. Идемте, Варину нужна ваша помощь.

Через несколько минут Риченда и Дерри вошли в королевскую палатку. Дерри держал спящего Брэндана. После прореженной немногими факелами темноты, царившей в лагере, глаза Риченды не сразу привыкли к яркому освещению в шатре. Дерри опустил мальчика на меховую подстилку в центре шатра и указал Риченде на лежащего в углу Варина. Когда Риченда подошла к нему, Дерри отступил на шаг, сложил руки на груди, снова улыбнувшись, но женщина вновь не заметила этой его улыбки.

— Он совсем неподвижен, просто ужас,— сказала Риченда, опускаясь на колени и трогая лоб Варина.— Варин? Варин, вы слышите меня?

Как только она склонилась ниже, ее передернуло от ужаса — Риченда увидела, что у него во рту кляп. В то же мгновение она

поняла и то, почему тело Варина так странно изогнуто — его руки были связаны. Ошеломленно оглянувшись на Дерри, Риченда увидела, что он склонился над спящим Брэнданом, не обращая на нее никакого внимания. И тут женщина застыла, увидев, как он отходит в тень и вокруг его головы образуется слабое свечение.

— Дерри!

Внезапно она все поняла, увидев, как вокруг ее сына начинает светиться Переносящий Ход. Она вскочила и уже достигла границы Хода как раз в тот момент, когда он двинулся. Она напрягла волю, чтобы остановить свечение, но Дерри, подскочивший сзади, оттащил ее от круга.

Мать криком пыталась разбудить мальчика, но Дерри зажал ей рот. Когда часовой заглянул в палатку, услышав ее крик, в круге появились две полупрозрачные фигуры; они приближались к спящему ребенку.

— Нет! — закричала Риченда, вырываясь из рук Дерри, когда один из них поднял ее ребенка.— Нет, нет!

Кончики ее пальцев начали светиться, но она не могла направить эту силу на Брэна — ей мешал Дерри. Часовые подоспели слишком поздно. Не в состоянии ничего изменить, она в отчаянии смотрела, как круг наполняется светом. Внезапно стало темно. Риченда еще раз крикнула: «Брэндан!», и тут наконец часовые оторвали от нее Дерри и скрутили его.

Но было поздно. Мальчик уже исчез.

Глава XXV

ТЫ СВЯЩЕННИК НАВЕК

К тому моменту, как Келсон узнал о происшедшем, королевский шатер был полон солдат. Когда в сопровождении Моргана, Дункана и Арилана появился король, в палатке сразу же установилась тишина, которую нарушали только тихие всхлипывания Риченды, одиноко сидевшей в центре восьмиугольника, и крики Дерри, все еще пытавшегося вырваться из пут. Несколько солдат беспомощно стояли рядом с ней, ничем не в силах помочь, а другие приводили в чувство Варина. Дерри время от времени начинал вырываться, и пять солдат не без труда удерживали его.

Келсон окинул происходящее взглядом и приказал лишним солдатам покинуть помещение. Те с удивленным ропотом повиновались. Когда они ушли, Келсон и Морган приблизились к Риченде. Леди взглянула на них и отвернулась.

— Не приближайтесь ко мне, государь. Здесь, в круге,— зло. Они забрали моего сына, и я не смогу вернуть его.

— Забрали Брэндана? — выдохнул Морган, вспомнив, как совсем недавно укладывал мальчика спать.

Арилан без лишних слов вошел в круг, опустился рядом с Ричендой на колени, помог ей подняться на ноги. Дункан вывел ее из круга; она заламывала руки, рыже-золотистые волосы рассыпались по плечам, закрывали лицо. Морган направился к ней, но Арилан покачал головой, знаком давая Дункану понять, чтобы тот увел ее подальше от круга.

— Оставьте ее, Аларик,— тихо сказал он.— Дункан сейчас справится лучше тебя. И необходимо как можно скорее закрыть Ход, пока Венцит не воспользовался им снова. Мне не следовало оставлять его открытым.

— Можем мы помочь вам? — спросил Келсон, глядя на то, как епископ присел, закрыв лицо руками.

— Нет, ваши силы понадобятся для Дерри. Отойдите назад, я начинаю.

Они отошли. Арилан поднял глаза, глубоко вздохнул, как бы сосредоточиваясь, потом, склонив голову, коснулся руками земли.

Вокруг его головы появилось сияние, пульсирующее в такт его сердцебиению. Потом вспыхнул яркий свет, и все исчезло, а епископ в изнеможении опустился на четвереньки, но когда Морган хотел помочь ему, он покачал головой:

— Оставьте меня. Займитесь Дерри. Ход закрыт, я сейчас подойду к вам.

Под взглядами Келсона и сидевших на королевской кровати Риченды и Дункана Морган, вздохнув, подошел к держащим Дерри солдатам. Дерри посмотрел на Моргана; вокруг него опять возникло свечение, когда лорд Дерини подошел поближе. Морган несколько мгновений смотрел на Дерри, потом, не говоря ни слова, опустился на колени и стал снимать перчатки.

— Что вы видели? — обратился он к одному из стражников, кажется владевшему собой лучше других.— Нам сказали, что Дерри принес сюда спящего мальчика и что леди Риченда пошла с ним по доброй воле.

— Вот как все было, ваша светлость. Они пробыли здесь всего одну минутку — а я стоял на страже и вдруг слышу, леди кри-

чит: «Дерри». Я заглянул и вижу, что они борются, вон там, где был епископ. И потом что-то произошло с мальчиком. Он лежал там, где епископ сейчас сидит, и потом так вот чудно засветился, и еще было видно двух человек.

Келсон, подошедший поближе, чтобы слышать его рассказ, стал на колени рядом с Морганом и внимательно посмотрел стражнику в лицо.

— Один из часовых сказал, что эти два человека были Венцит Торентский и граф Марлийский. Ты можешь это подтвердить?

— Ну, я не знаю Венцита, государь. Но второй мог быть графом Марлийским. Я и видел-то его недолго...

— Что случилось потом? — нетерпеливо спросил Морган.

— Ну, лорд Дерри оттащил леди от круга, прежде чем мы подоспели на помощь, и мальчик вместе с этими двумя исчез. Я только не могу понять куда.

— Можешь даже не пытаться,— прошептал Морган. Он заткнул перчатки за пояс и посмотрел на бьющегося в руках солдат Дерри.— Он все время так?

— Да, милорд. Он рвался туда, в круг, кричал, что, мол, не закрывайте его, что ему тоже надо пройти. Пришлось заткнуть ему рот, не то мы сами себя не слышали.

— Понимаю,— сказал Морган.

Он осмотрел Дерри с головы до ног и опустил глаза.

— Хорошо, выньте кляп, развяжите его и держите крепко. Это будет нелегко.

— С ним что-то не так? — прошептал Келсон, когда стражник стал выполнять приказ.— Морган, вы уверены, что его можно развязать? То, что он сделал...

— Но нужно же понять, что с ним,— возразил Морган.— Видимо, этого он и боялся тогда, днем, когда он впервые пришел в себя. Я должен был тогда же заняться им.

Морган снова посмотрел на Дерри. Юноша содрогнулся и закрыл глаза, когда Морган коснулся его лба. Уже через несколько мгновений Дерри опять взглянул на Моргана, но теперь в его взгляде не было безумия. Он смущенно посмотрел на солдат, которые держали его, И перевел глаза, полные испуга и боли, на своего герцога. Чего-чего, а этого Морган не ожидал.

— Что... Что я наделал, Морган? — слабым голосом спросил юноша.

— Ты не помнишь?

Дерри моргнул и покачал головой.

— Что-то... страшное? Навредил кому-то?

Морган прикусил губу, сдерживая гнев и думая о женщине, пораженной горем, что сидела в другом конце палатки.

— Да, Дерри. Ты помог Венциту и Брэну Корису похитить ребенка. Еще ты оглушил Варина и часового. Ты действительно ничего не помнишь?

Дерри покачал головой, его глаза смотрели на Моргана с такой печалью, что тот опустил глаза, не в силах переносить этого взгляда. Он нежно тронул ладонью предплечье Дерри, но стоило его руке коснуться Дерри, как тот, весь изогнувшись, вырвался из рук стражников и схватил Моргана за горло.

— Держите его! — закричал Келсон, хватая Дерри за ноги.

Все продолжалось секунды три; Дерри оторвали от Моргана, и теперь он лежал, распростертый на полу; стражники сидели на его руках и ногах, однако он продолжал сопротивляться и кричать:

— Нет! О, боже мой, нет! Морган, я не могу! Убей меня! Пожалуйста, убей меня, пока я...

Морган наотмашь ударил Дерри по щеке, и тот затих. Тяжело дыша, Аларик снова положил его голову себе на колени, дав стражникам знак, чтобы они держали его покрепче. Келсон выпрямился и с тревогой посмотрел на Моргана, движением руки отпуская солдат, сбежавшихся в палатку на крик.

— Боже мой, что случилось? С вами все в порядке? — спросил он.— Он же хотел убить вас.

Морган кивнул и потер шею, на которой уже стали появляться синяки.

— Знаю. Единственное, что я могу предположить,— это что Венцит полностью овладел его волей, всеми уровнями его сознания. Вот почему я не распознал этого днем. Я снял внешние чары, но был еще один слой. Сейчас необходимо разрушить это колдовство. Либо все получится, либо мы при попытке сделать это убьем Дерри.— Он вздохнул и заставил себя успокоиться.— Когда он опять придет в себя, можете вы быть рядом со мной, чтобы заглянуть в его сознание и посмотреть, что это с ним творится?

Келсон кивнул, и Морган обратился к стражникам:

— А вы, ребята, держите его, держите все время, черт вас подери. Я ничего не смогу поделать, если он начнет опять биться как припадочный и попытается прикончить меня.

Солдаты покорно кивнули и навалились на Дерри, услышав его стон. Пока он, однако, не пришел в себя окончательно, Морган осторожно начал сжимать руками его голову, заглядывая ему в глаза.

— Слушай меня, Дерри,— сказал он, опуская руки на голову юноши.

Тело Дерри сотрясала сильная дрожь; Морган с трудом удерживал его голову даже с помощью стражников. Нахмурившись, он еще крепче сжал руки и напряг волю.

— Все в порядке, Дерри. С тобой все в порядке. Теперь расслабься и дай мне войти в твое сознание, как делал прежде. Я разрушу чары Венцита.

Дерри вновь задрожал. Когда Морган сосредоточился, его тело скорчилось, но через некоторое время расслабилось, и Дерри затих. Морган, устало опустив голову, тоже, по-видимому, приходил в себя.

— Все хорошо, Келсон,— сказал наконец Аларик.— Сейчас делайте то же, что я. А вы, ребята, не отпускайте его, пока я не велю. Он может еще что-нибудь выкинуть.

Морган склонил голову, закрыл глаза, и Келсон, положив руку ему на плечо, сделал то же самое. Через мгновение в палатке были слышны только всхлипывания леди Риченды, которая рыдала на плече у Дункана.

Все внимание Дункана было поглощено тем, что происходит с Дерри. Арилан, оставшийся почти без сил после того, как закрыл Ход, тоже направился к Моргану и Келсону, когда немножко пришел в себя. Увидев, что Дерри затих и Арилан уже способен помочь Аларику, Дункан подумал, что сейчас самое время вывести Риченду из оцепенения и порасспросить, что же тут произошло.

— Миледи? — мягко сказал он.

Риченда проглотила слезы и, подняв голову, вытерла платком глаза и потупилась.

— Я сделала ужасную вещь, отец мой,— прошептала она, не глядя на него.— Столь ужасную, что даже не могу просить у вас прощения... Но я бы сделала это снова, если бы могла.

Дункан, припоминая все, что слышал о происшедшем, пытался понять, что же она имеет в виду. Ее слова так поразили его, что он даже забыл на время о том, что не может исполнять обязанности священника.

— О чем вы, миледи? — спросил он.— Я не понимаю, за что вы можете винить себя? Разве не Дерри обманом заманил вас сюда?

Риченда покачала головой.

— Вы не понимаете.— Она помолчала.— Мой... мой муж был в этом круге, и это он унес моего сына. А я... я пыталась убить его.

— Убить его? — повторил Дункан, не представляя, как столь хрупкое создание может убить сильного мужчину.

— Да, и у меня, наверное, получилось бы, если бы там не было Венцита и если бы Дерри не помешал мне. Вы же Дерини, отец мой. Вы знаете, что я имею в виду.

— Я знаю...— Дункан внезапно понял ее слова и на мгновение потерял дар речи.— Миледи,— прошептал он, привлекая ее ближе к стене палатки, подальше от посторонних ушей,— вы что, Дерини?.

Она кивнула, так и не подымая глаз.

— А Брэн знает?

— Теперь знает,— прошептала она и решилась посмотреть ему в лицо.— И я... ах, отец мой, что пользы? Я не могу лгать вам. У меня была еще одна причина, чтобы желать его смерти. О Боже, помоги мне! Отец мой, я люблю другого человека. Я люблю вашего друга Аларика, и он любит меня. Я пока не изменила брачному обету. Но если Аларик убьет завтра Брэна, а такое может быть, закон... Простите меня, отец мой. Я не могу даже думать о Брэне. Но он ведь изменник. О, как мне быть?

Она опять горько разрыдалась.

Дункан, не зная, как еще утешить Риченду, стал легко поглаживать ее по голове.

В другом конце комнаты Морган с Келсоном все еще стояли на коленях над бесчувственным Дерри; Арилан тоже стоял рядом и бесстрастно смотрел на него. И он, Дункан, ничем не может помочь им, пока не изопьет до дна свою чашу.

Склонив голову, он задумался, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Риченда и Аларик. Теперь все стало понятно. Он был слепцом, раз не увидел этого раньше. Зная щепетильность Аларика, Дункан был уверен, что между ними еще ничего не произошло. Да и Риченда сама сказала, что она еще не нарушила супружескую клятву.

Но Дункан понимал, что должны чувствовать сейчас эти двое, какие мучения они испытывают, ожидая завтрашнего дня. Казалось странным, что Аларик не поделился всем этим с ним. Впрочем, у них и времени-то не было в последние дни. Кроме того, достаточно хорошо зная кузена, Дункан предположил, что Морган стыдится своего чувства и не мог признаться ему, священнику, что воспылал любовью к чужой жене.

Впрочем, об этом Аларик Морган не стал бы говорить ни с кем.

Вот и Риченда обратилась к нему как к священнику. А имеет ли он право оставаться им? Ведь она говорила с ним и как с Дерини тоже! Кто же он, в конце концов?

Хорошо, он прежде всего Дерини, ибо таким родился и прожил тридцать лет. То, что он скрывал это, неважно. Он Дерини.

Но как быть с его саном? Он уже несколько месяцев отстранен от служения — и уже нарушил запрет на служение после смерти своего брата в Кулде. Однако отлучение, наложенное на него, снято; допустим, его никогда и не было — в глазах епископов, по крайней мере. Но остается ли он священником? Возможно ли ему совместить в себе эти противоположности вопреки древним запретам? Может ли он и дальше быть одновременно священником и Дерини?

Он посмотрел на Арилана... и задумался вновь. С первой службы у него не было сомнений в том, что это — его призвание, что он будет хорошим священником. Но как совместить эти две крайности? Вот для Арилана, похоже, этого вопроса словно и не существует. Хотя он и скрывал свою природу столько лет, что ж, оно и понятно — быть священником-Дерини совсем не безопасно.

Дункан вспомнил, как Арилан говорил, что они с ним — единственные священники-Дерини со времен междуцарствия. Больше того, он не сомневался, что Арилан верит в свое призвание, осознает себя верным слугой Господа. Дункан ощутил некую особую святость, исходящую от этого человека, с первой их встречи шесть лет назад. Не сомневался Дункан и в том, что требы Арилана имеют законную силу, что его сан действителен. Но почему же тогда он сомневается в своем праве быть священником? Почему бы и ему не оставаться священником-Дерини?

Он вновь посмотрел на Риченду. Она уже овладела своими чувствами и, собираясь что-то сказать, подняла на него свои прекрасные голубые глаза.

— Со мной все в порядке, отец мой. Я знаю, что не могу рассчитывать на прощение, но вы меня выслушали, и мне стало легче. Если бы еще вы приняли мою исповедь...

Дункан опустил глаза.

— Вы забыли, миледи, что я не могу исполнять обязанности священника.

— Мой дядя Кардиель сказал, что после событий в Дхассе — это ваше личное дело. Они с Ариланом не видят оснований для того, чтобы вам не продолжать служение церкви.

Дункан поднял бровь — а ведь верно. Арилан, несомненно, имел в виду, что отмена отлучения предусматривает и восстановление в правах священника. Конечно, Дункану хотелось бы, чтобы это сделал сам Карриган, отстранивший его от церковной службы. Но сейчас Карриган лишен всякой власти, почти изгнан, и выходит, теперь все зависит лишь от него самого. Он понял, что впервые в жизни волен принять решение.

— А то, что я Дерини, разве не имеет для вас значения? — спросил он, еще раз желая убедиться в правильности своих выводов.

Она удивленно посмотрела на него.

— Для меня это как раз очень важно, отец мой. Кому, как не вам, понять меня. Я ведь тоже Дерини. Но вы спрашиваете так, как будто быть Дерини — ужасное зло. Разве вы не можете оставаться священником, будучи Дерини?

— Конечно могу.

— И вы, я думаю, будете таким же хорошим священником, каким были до того, как стало известно, что вы — Дерини?

Он помолчал.

— Да.

Риченда печально улыбнулась и опустилась на колени.

— Так примите мою исповедь, отец мой. Моя душа просит этого, я умоляю вас выполнить ваш долг священника. Вы слишком долго уклонялись от своих обязанностей.

— Но...

— Вы восстановлены в своем сане, так решили высшие служители церкви. Почему же вы противитесь? Разве не в этом смысл вашей жизни?

Дункан светло улыбнулся и склонил голову, а Риченда перекрестилась и сложила руки в молитвенном жесте. Внезапно он

отчетливо понял, что делает то, что должен делать, и никогда уже в этом не усомнится. Со спокойной уверенностью он прислушался к шепоту Риченды, начавшей свою исповедь.

Морган поднял голову и вздохнул, дав стражникам знак отпустить Дерри. Юноша сейчас спокойно лежал перед ним, глаза были закрыты, он действительно спал, спал естественным сном. Когда солдаты отошли, Морган снова присел на корточки, держа в ладони маленькое черное кольцо. И он, и Келсон, и Арилан — все трое старались не смотреть на правую руку Дерри, на его холодный, побелевший средний палец, с которого сняли это кольцо. Чары были разрушены, но лишь они трое знали, какой ценой досталась эта победа. Морган широко и с удовольствием зевнул. Он устало посмотрел на своих собратьев: дело было сделано.

— Теперь с ним все в порядке. Дерри снова свободен.

Келсон взглянул на кольцо, лежащее на ладони Моргана, и вздрогнул.

— Но через что он прошел! Вы защитили меня от большей части этого, но и то, что я видел... Боже, как ему теперь жить?

— Он и не будет жить с этим.— Морган покачал головой.— Я взял на себя смелость и очистил его разум от всего случившегося в Эсгаир Ду. Кое-что останется в его памяти навсегда, но худшее он забудет. Спустя несколько недель все это станет лишь смутным воспоминанием. И он еще будет недоволен, что пропустит волнения завтрашнего дня. Хорошо бы ему поспать несколько дней.

— Свои волнения я бы ему уступил,— сквозь зубы прошептал Келсон.

Морган, хмыкнув, встал на ноги.

— Ничего, это я так,— усмехнулся Келсон.— Не пора ли нам всем отдохнуть? Миледи?

Он подал руку Риченде, окончившей уже свою исповедь, и леди почтительно поклонилась.

— Миледи, я искренне сочувствую вам. Будьте уверены, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы завтра увидели своего сына.

— Благодарю вас, государь.

— Идемте же, друзья мои,— мягко сказал Арилан.— Скоро рассвет.

Глава XXVI

*«СЕ ТОТ, КТО СИДИТ НАД КРУГОМ ЗЕМНЫМ»**

День был холодный не по сезону. В утренние часы на траве лежали тяжелые капли росы, тяжелым был и влажный воздух. Восходящее солнце окрасило небо на востоке, за высокими горными вершинами Кардосы, в малиновый и золотой цвета, но серые низкие тучи затягивали горизонт. В лагере Келсона солдаты смотрели на грозовое небо и опасливо крестились — такой странный рассвет не сулит ничего доброго. В ясный солнечный день легче встречать любые невзгоды.

Келсон хмурился, надевая поверх туники золотую цепь.

— Это смешно, Аларик. Вы говорите, что мы не должны брать никакого оружия. Но ведь когда я боролся с Кариссой, такого условия не было.

Арилан покачал головой и слегка улыбнулся, глядя на Моргана и Дункана. Они были сейчас одни в палатке, чтобы без посторонних подготовиться к предстоящему поединку. Кардиель уже отслужил для них мессу в присутствии Нигеля, Варина и нескольких особо приближенных советников короля.

Но сейчас они остались одни, это было им необходимо, и каждый понимал, что другого случая не представится. Вздохнув, Арилан поправил завязки на епископском плаще и, подойдя к Келсону, положил ему руку на плечо.

— Я понимаю, для вас все это странно, Келсон. Но вспомните — вы тогда не находились под покровительством и наблюдением совета. Кроме того, для групповых поединков правила строже — здесь больше возможностей для какого-нибудь вероломства.

— Да уж без вероломства не обойдется,— вздохнул Морган, накидывая на плечи черный плащ.— После того что Венцит сделал с Дерри, я не удивлюсь ничему.

— Зло будет наказано,— твердо сказал Арилан.— Пойдемте, эскорт ждет нас.

Нигель и генералы ждали всех четверых возле королевского шатра. Келсон вышел из палатки последним, и при его появлении все опустились на колени и склонили в поклоне головы. Келсон был тронут. Сняв красную кожаную перчатку, он поприве-

* Исайя 40:22.

ствовал приближенных взмахом руки и, кратко кивнув, дал им знак встать.

— Благодарю вас, милорды,— учтиво сказал он.— Я не знаю, увижу ли я вас вновь. Если мы победим, угрозы с востока больше не будет. Могущество Венцита будет сокрушено навеки. Если мы потерпим поражение...— Он сурово сжал губы.— Если мы проиграем, вас поведут за собой другие, и им придется нелегко. Мы согласились на этот поединок потому, что настоящая битва обескровит обе армии; ни Венцит, ни я не хотим править мертвым королевством, потерявшим лучших своих сынов — цвет рыцарства. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы победить, а больше не могу обещать вам ничего. Молитесь за нас!

Закончив говорить, он опустил глаза, но Морган наклонился и прошептал ему что-то на ухо. Келсон, выслушав, кивнул.

— Я забыл о последнем своем долге, милорды. Прежде чем уйти, я должен назвать своего преемника. Знайте, что мой дядя, принц Нигель, наследует трон Гвиннеда, если мы не вернемся. Затем трон перейдет к его сыновьям и далее к их детям. Если мы...— Он помолчал и продолжил: — Если я не вернусь, служите ему так же верно и чтите так же, как меня и моего отца. Он будет славным королем.

Наступила тишина. Нигель подошел к Келсону и упал перед ним на колени.

— Ты наш король, Келсон. Так было, так будет. Храни Господь короля Келсона!

— Храни Господь короля Келсона! — отозвались воины.

Келсон посмотрел на своего дядю, на преданные лица собравшихся и, кивнув, вскочил в седло. Черный конь зафыркал, заиграл, нетерпеливо перебирая ногами, когда Келсон тронул красные кожаные поводья.

Нигель медленно повел их через лагерь, к границе боевого расположения армии, где ждала наготове группа всадников. Здесь был молодой принц Конал с королевским гвиннедским штандартом, Гамильтон из Корвина, епископ Вольфрам, генерал Глодрут и еще дюжина человек. Здесь же рядом с Кардиелем стояла со склоненной головой леди Риченда, закутанная в голубой плащ. Она не взглянула ни на Моргана, ни на короля, проехавших мимо, посмотрела только на Дункана. Морган почему-то знал, что она здесь будет. Он заставил себя не думать о ней и полностью предался мыслям о поединке.

Со стороны вражеских позиций в полумиле отсюда тоже выехала группа воинов, освещенных редкими солнечными лучами. Морган посмотрел на Келсона, на Дункана, который, казалось, обрел душевный мир за последний день, на Арилана, спокойного и невозмутимого в своем фиолетовом епископском одеянии. Потом он краем глаза уловил, что Келсон медленно поехал вперед, и тоже двинулся с места. Справа от него был Дункан, слева — Келсон, левее Келсона — Арилан. За ними на почтительном расстоянии ехали Нигель и другие с королевским гвиннедским знаменем. Впереди были враги и их эскорт.

Когда между ними оставалось двести ярдов, они натянули поводья. Келсон секунд десять неподвижно, как статуя, сидел на коне, глядя на четырех враждебных всадников. Потом он и три его спутника спешились, отдав поводья кавалерам, которые отвели коней назад. Теперь четверо стояли в одиночестве, кутаясь от утреннего холода в свои тяжелые плащи. Ветер шевелил иссиня-черные волосы Келсона, прикрытые золотым венцом.

— Где же совет? — прошептал Морган, на ходу оборачиваясь к Арилану, они уже двинулись навстречу врагам. Арилан слегка улыбнулся.

— Они в пути. Они нашли тех, кем их собирались подменить. Судьи появятся вот-вот, только не те, которых ждет Венцит.

Келсон нахмурился.

— Надеюсь, это поможет. Возможно, я не должен говорить это вам, всем вам... Но мне немного страшно.

— Всем нам страшно, мой принц,— мягко прошептал Арилан.— И остается только делать то, что в наших силах, и довериться Воле Божьей. Господь не оставит нас, если мы боремся за благое дело и наша вера сильна.

— Ваши слова да Богу в уши,— прошептал Келсон.

Четыре врага стояли уже в пятидесяти ярдах от них, и Келсон видел их лица.

Венцит был суров и выглядел сегодня почти как воин. Он был одет скромнее обычного, в простой лиловой тунике со своим гербом — бегущим оленем — на груди; его корона была немногим богаче простого венца Келсона.

Лионель, стоявший слева от него, был одет, как обычно, в черно-серебряные одежды; сегодня при нем не было его блестящего кинжала. Брэн стоял справа от Венцита, он был бледен, и эту бледность усиливали еще голубые тона одежды. Ридон, сто-

явший по правую руку от него, был в простой тунике и темно-синем плаще; его темные волосы были перехвачены серебряным обручем. Он и Венцит посматривали на холмы на севере, ожидая чего-то, и Келсон понял, что они ждут появления совета. Ему подумалось: не заподозрили ли они чего-нибудь?

Долго ждать не пришлось. Прежде чем все восемь оказались в тридцати шагах друг от друга, на севере появилось облако пыли и вскоре показались четыре богато одетых всадника. Их прекрасные белые кони выглядели весьма таинственно, казалось, они летят над землей. Когда всадники приблизились, все восемь бойцов замерли, увидев на них белые с золотом одежды древних лордов Дерини. Келсон заметил, как Венцит что-то шепнул Ридону; лицо Венцита посерело, но Ридон ничем не выказал своих чувств.

Четверо новоприбывших спешились: слепой Баррет, доктор Ларан и молодой Тирцель де Кларон, который помог спуститься на землю леди Вивьен. Белые кони стояли неподвижно, как статуи; их наездники торжественно встали перед ними, оправив одежды. Неподвижные глаза слепого Баррета скользили по восьмерым бойцам, пока они, все четверо, приближались к ним.

— Кто звал совет Камбера на это поле чести?

Венцит, с дикой ненавистью взглянув на Келсона, вышел вперед и опустился на одно колено. Он владел своим голосом, однако в нем чувствовалось напряжение:

— Досточтимый член совета, я, Венцит Торентский, король Торента и чистокровный Дерини, прошу августейшего покровительства и суда для колдовской дуэли с этим человеком.— Он указал на Келсона, причем его указательный палец пронзил воздух, как пика.— Я прошу покровительства и защиты для меня и моих собратьев — герцога Лионеля,— тот опустился на колени,— графа Марлийского и лорда Ридона, владетеля Восточной Марки, кто некогда был в вашем совете!

Когда назвали их имена, Брэн и Ридон преклонили колени, и Венцит продолжал:

— Мы просим, дабы битва наша была смертельной, четверо против четверых, и чтобы она не кончилась, пока все противники с одной стороны не умрут. Сему залогом наши силы и наши жизни.

Баррет перевел невидящие глаза с Венцита на Келсона.

— Благоволишь ли ты принять сии условия?

Келсон, нервно сглотнув, преклонил колени перед лордами Дерини.

— Милорд, я, Келсон Халдейн, король Гвиннеда, князь Меара, лорд Пурпурной Марки, признанный твоим благорассуждением чистокровным Дерини, ныне подтверждаю, что принимаю вызов Венцита Торентского, дабы не проливалась более кровь между нами на поле брани. Я также прошу покровительства и защиты для себя, милорда герцога Аларика Моргана, епископа Арилана и монсеньора Дункана Маклайна.— Все трое опустились на колени.— Мы согласны на смертельную битву с четырьмя, преклонившими перед тобой колени, и чтобы она не кончилась до смерти каждого одной из сторон. Сему залогом наши силы и наши жизни.

Баррет кивнул и, стукнув своим посохом из черного дерева по земле, произнес:

— Быть по сему. Однако каковы будут выгоды для победителя? Согласны ли вожди обеих армий признать результаты поединка?

— Да, милорд,— сказал Келсон, опередив Венцита.— Мои люди знают, что мы отдаем свои жизни ради их спасения, и мои преемники в случае моей гибели дадут клятву верности королю Торента, дабы был мир между нашими народами. Мы полагаем это условие приемлемым. Согласен ли король Торента?

Венцит посмотрел на своих собратьев, потом на Баррета.

— Мы согласны на эти условия, милорд. Если мы потерпим поражение, мои наследники присягнут королю Гвиннеда как его вассалы.

Баррет кивнул.

— Кто твои наследники, Венцит Торентский?

Венцит посмотрел на Лионеля.

— Принц Алрой Торентский, старший сын моей сестры Мораг и моего родича Лионеля. После Алроя — его братья Лиам и Рональ.

— А принц Алрой готов ли принести клятву верности Келсону Гвиннедскому, если вы и его отец погибнете сегодня?

Венцит кивнул, сжав губы.

— Да.

Баррет обернулся к Келсону.

— А вы, Келсон Гвиннедский? Готов ли ваш преемник принести клятву верности Венциту Торентскому, если вы погибнете нынче?

Келсон кивнул.

— Мой преемник — брат моего отца, принц Нигель, а затем его сыновья, Конал, Рори и Пейн. Принц Нигель выполнит свой долг, если я умру.

— Отлично,— сказал Баррет.— Удовлетворены ли условиями обе стороны?

— Не совсем,— вдруг сказал Келсон.— Есть еще одно обстоятельство, милорд.

Глаза Венцита расширились, и он готов был подскочить к Келсону, сжав кулаки, но Баррет остановил его движением своего посоха.

— Говорите, Келсон Гвиннедский,— сказал Баррет.

— Прошлой ночью Венцит Торентский и Брэн Корис проникли в мой лагерь и похитили ребенка. Если я одержу победу, я требую, чтобы ребенок был возвращен мне, дабы я вернул его матери.

— Нет! — закричал Брэн, вскакивая на ноги.— Брэндан мой сын! Он принадлежит мне! Ей он не достанется!

— Успокойтесь, Брэн Корис! — впервые заговорила Вивьен.— Если Келсон победит, какое это имеет для вас значение? Вы-то умрете.

— Она говорит дело, Брэн,— сказал Венцит, прежде чем Брэн смог возразить.— С другой стороны, если я одержу победу, мать мальчика должна вернуться к мужу, находящемуся здесь.— Венцит указал на Брэна.— Если Келсон согласен на это, согласен и я. Я также обещаю вернуть всех оставшихся пленников, если это сделает условия более приемлемыми.

— Келсон? — спросил Баррет.

Келсон после некоторых колебаний выговорил:

— Да, я согласен. Больше условий у меня нет.

— А вы, Венцит?

— Больше никаких условий нет.

— Тогда можете начинать.

Шурша шелком и бархатом, все восемь встали с колен.

— Можете чертить ограничительный круг,— продолжал Баррет и прошел между противниками, опираясь на плечо Ларана.— Мы верим, что с вами нет оружия, и думаем, что в проверке нет нужды. Если есть вопросы, касающиеся поединка, задавайте их сейчас, прежде чем совет закроет первый круг.

Ларан и Баррет остановились в сорока футах от своих собратьев. Теперь четверка разделилась: каждый занял место по одну сторону света, ограничив таким образом квадрат со стороной футов в сорок. Тем временем восемь бойцов стали друг против друга полукругом внутри этой площадки. Два короля выжидающе посмотрели на Баррета; однако не он, а Тирцель, покинув свое место, вошел в центр круга.

— Святой блаженный лорд Камбер, указавший нам путь. Тако написано есть, тако да будет сотворено. Благословенно Имя Высочайшее,— сказал он.

Тирцель опустился на колени и стал чертить на земле знаки. Там, где он касался травы, она становилась золотой.

— Благословен Создатель ныне и присно. Начало и Конец, Альфа и Омега.— Он начертил крест, на концах написав греческие буквы.— Его же времена и века. Его слава и торжество во веки веков. Благословен Господь, благословен святой Камбер.

Когда он встал, по углам начертанной им фигуры вспыхнули символы. Это были печати четырех членов совета, означавшие их защиту внутри круга. Как только Тирцель вернулся на место, Баррет начал свое заклинание, подняв руки над головой.

— Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец, сказал Господь,— нараспев произнес Баррет.— Он Господь поборающий, он грядущий в белых одеждах; и не читал я имени его в Книге Жизни, но узнаю от Отца моего и ангелов его.

— Моление и честь, и слава, и сила вся в Нем, на троне сидящем, и Агнце во веки веков,— подхватила Вивьен, тоже воздев руки к небу.— Даждь нам благословение свое на искусство наше и защиту от злодейств и несчастий. Просвети светом своим круг наш, о Господь, дабы знали стоящие в нем величество Твое и не избегали правосудия Твоего.

Ларан, завершая круг, также поднял руки. И вокруг всех четырех знатных Дерини появилось сияние — янтарное, серебристое, малиновое и голубое. Когда Ларан заговорил, круг замкнулся и цвета соединились.

— Защити, о Господи, рабов твоих. Укрепи круг сей, дабы ничто не вошло сюда и не содействовало никому из восьмерых, стоящих в нем. Оборони от смертельных сил пребывающих вне круга и защити нас по милосердию Твоему.

— Как было сие в древнейшие дни,— произнесли все четверо,— и будет до скончания времен!

С этими словами раздался негромкий звук, похожий на грозовой разряд, и над всеми двенадцатью образовалась бледная сине-

лиловая полусфера. Она была прозрачной, но непроницаемой; ничто не могло выйти из этого круга. Следующий круг, который должны были построить те, кому предстоял поединок, отделял их не только от внешнего мира, но и от судей. Даже члены совета Камбера не могли проникнуть через внутренний круг.

— Внешний круг готов,— сказал слепой Баррет. Его голос гулко отозвался под прозрачным куполом.— Очередь за внутренним. Запомните — пока все поединки не закончатся, он не исчезнет. Только победители выйдут из круга.

Наступила тишина. Он продолжал:

— В последний раз призываю к примирению. Если же это невозможно — стройте круг и поступайте так, как считаете нужным. Во имя вашей чести и Имени Величайшего, можете начинать.

Восемь человек оценивающе оглядели друг друга. Потом Венцит вышел вперед и поклонился:

— Вы начнете или я?

Келсон пожал плечами.

— Это не так уж важно. Начинайте вы, если хотите.

— Отлично.

Поклонившись, Венцит отступил, потом развел руки в стороны. Внутренний круг создавался только главами сражающихся, без участия других. Поэтому говорил только Венцит. Его тихий голос эхом отзывался в первом круге:

Я, Венцит, властитель Торента,
Вызываю на смертный бой
Короля Гвиннедского с теми,
Кого он приведет с собой.
Пусть кольцо вокруг нас замкнется
И один из нас обретет
В нем конец, а другой с победой
Из волшебного круга уйдет.

Пламя вспыхнуло на концах его пальцев, и вскоре лиловый полукруг охватил его и трех его собратьев, не достигая пяти футов до границ внешнего круга. Келсон сжал губы, не глядя на своих товарищей, и также развел руки:

Самодержец Гвиннедский, Келсон,
Отвечает на это: он
Принимает смертельный вызов,
Как велит старинный Закон.

Мы сойдемся в кольце священном,
Пусть останутся четверо тут,
А те, кто сильнее, с победой
Из волшебного круга уйдут.

Малиновый свет вспыхнул за спиной Келсона и соединился с полукругом Венцита; пурпурная полусфера отделила восьмерых от мира. Келсон опустил руки и посмотрел на своих сотоварищей, тесней собравшихся вокруг него.

Сквозь полусферу с трудом можно было различить членов совета. Они наблюдали за происходящим, но Келсон знал, что они уже не могут вмешаться и рассчитывать нужно только на свои силы.

— Первый удар мой, бедный глупый королек? — ухмыльнулся Венцит и поднял правую руку, не дожидаясь ответа.

— Нет, стойте! — сказал Ридон.— Мы забыли кое о чем, милорды. Даже на войне не стоит забывать о хороших манерах.

Все повернулись к Ридону; лорд достал из складок плаща серебряный кубок и кожаную фляжку. Его собратья улыбнулись, глядя, как Ридон вынимает пробку, даже Венцит сложил руки на груди, снисходительно усмехнувшись.

— Это наш обычай,— начал Ридон, наполняя кубок,— пить за наших противников перед битвой.— Он поднял кубок и осушил его наполовину.— Конечно,— продолжал он, подавая кубок Брэну,— мы понимаем, что вы можете заподозрить в этом какой-нибудь подвох,— он посмотрел на Брэна, сделавшего не один глубокий глоток, потом протянул кубок Лионелю,— но вы видите, мы пьем первыми.

Лионель сделал несколько глотков и передал кубок Венциту. Ридон вновь наполнил его.

— Ридон прав,— сказал Венцит, держа кубок перед собой обеими руками.— Наши враги, мы пьем за вас.

Ухмыльнувшись, он поднес кубок к губам и отпил, потом подошел к Келсону.

— Будешь пить, бедный королек?

— Нет, он не будет,— сказал Ридон неожиданно твердым и резким тоном.

Венцит замер, медленно обернулся и посмотрел на Ридона. Все уставились в немом изумлении на знаменитого Дерини со шрамом на лице. Лионель и Брэн придвинулись поближе к Венциту, отступая от этого человека, ставшего вдруг каким-то другим.

— Что это значит? — ледяным тоном спросил Венцит.

В уголках губ Ридона заиграла сардоническая усмешка.

— Скоро ты это поймешь, Венцит,— спокойно сказал он.— Шесть лет я играл роль, почти ежечасно притворяясь другим человеком. Я так мечтал, чтобы этот день наступил скорее.

Страшная догадка исказила черты Венцита; он посмотрел на кубок и с яростью швырнул его на землю.

— Что ты сделал? — Ледяные глаза торентского короля впились в Ридона.— Кто ты?

Ридон улыбнулся и тихо, мрачно произнес:

— Я не Ридон.

Глава XXVII

*«ИНОГДА ЭТО ТАК ТРУДНО — БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»**

— Ты не Ридон? То есть как это не Ридон? — брызгал слюной Венцит.— Ты что, с ума сошел? Да ты знаешь, что ты наделал?

— Я знаю это абсолютно точно,— улыбнулся лже-Ридон.— Настоящий Ридон из Восточной Марки умер от сердечного приступа шесть лет тому назад. К счастью, я сумел занять его место. Но вы и не подозревали об этом, правда, Венцит? И никто не догадался.

— Ты с ума сошел! — сказал Венцит, рассерженно озираясь.— Это какой-то обман, какой-то чудовищный заговор. Это они подбили тебя на такое дело.— Он указал на Келсона и его ошеломленных спутников.— Может быть, ты и с настоящим советом сговорился и привел его сюда? Ты никогда не хотел честной схватки, вот и совет в это втянул.

Он повернулся к членам совета, которых можно было видеть через прозрачную полусферу. Те о чем-то оживленно беседовали, но он не мог расслышать о чем. Внезапно Венцит понял, что они смущены случившимся не меньше, чем он, а если говорить по чести, то и сам Келсон выглядел несколько озадаченным. Торентский король посмотрел на Лионеля и Брэна, мертвенно побледневших, и снова в страхе уставился на того, кто столько лет был для него Ридоном.

— Да, отчасти вы правы,— сказал тот,— я никогда не считал, что эта схватка будет честной — особенно с вашей стороны. И сделал все, чтобы достичь своей цели, хотя заплачу за это жизнью, как и вы. Посмотрите назад.

* Св. Камбер Кулдский.

Венцит обернулся и увидел, как Брэн, покачнувшись, вцепился в плечо Лионеля, пытаясь удержаться на ногах; на красивом лице Брэна появилось выражение безумного страха. Он упал на землю. Лионель встал на колени, чтобы помочь ему, но, тоже покачнувшись, вдруг распластался рядом с Брэном, не в силах уже подняться.

Венцит беспокойно вцепился в ворот своей туники, снова вытаращив глаза на незнакомца.

— Что ты с ними сделал? — прошептал он.— Ты отравил их, да? — Он с трудом сглотнул.— А я? Почему на меня-то не действует? Зачем ты это сделал?

— Это такой яд,— произнес лже-Ридон.— И не тешьте себя надеждой, что вас он пощадит. Просто на чистокровных Дерини он действует немного медленнее. А что касается меня, то у меня еще меньше времени, чем у вас. Противоядие, которое я принял, задерживает первые признаки отравления, зато приближает конец. Но мне хватит времени открыться вам, а вам — познать страх, впервые за свою жизнь. Посмотрите на свои руки, Венцит. Они уже дрожат. Это первый признак того, что зелье подействовало.

— Нет! — воскликнул Венцит, сцепив руки, чтобы успокоить дрожь, и отворачиваясь.

Лже-Ридон несколько секунд смотрел на него, а затем повернулся к Келсону и поклонился юному королю.

— Простите, Келсон, что я лишил вас той законной победы, которую вы могли бы одержать... Но вы могли и проиграть, не так ли? Шесть лет я был слугой Венцита — это слишком высокая плата, и я не мог позволить себе упустить такой случай.

Пока он говорил, Венцит покачнулся и помимо воли упал на колени. Он с трудом приподнял голову, пытаясь все-таки подняться на ноги. Келсон с тревогой смотрел на лже-Ридона.

— Но что... что вы им дали? И что будет с вами? — с тревогой спросил Келсон.

— Это зелье очень похоже на мерашу. Оно также лишает свою жертву возможности использовать магические силы. Но в отличие от мераши его нельзя распознать по вкусу, и, кроме того, это медленно действующая отрава. И я знал это, когда пил ее. Знал цену, которую я должен заплатить, чтобы избавиться от этого человека.

Он указал на Венцита, который, тяжело дыша, лежал теперь на земле и смотрел на них с нескрываемой ненавистью. Лионель и Брэн уже не двигались и только смотрели на происходящее глазами, полными страха.

— Моя смерть будет быстрой и безболезненной, хотя она и неотвратима,— продолжал лже-Ридон,— а они, поскольку не приняли противоядия, будут умирать медленно и мучительно, по крайней мере в течение дня, если только вы не вмешаетесь. Вы не можете их исцелить, Келсон, но в ваших силах ускорить их конец. Только четверо могут выйти живыми из этого круга, и я сделал все, чтобы этими четырьмя были вы и ваши спутники.

— Но это же нечестно,— пробормотал Келсон, все еще не вполне веря в происходящее,— я не хотел такой победы.

— Поверьте мне, они заслужили подобный конец. Их вина не вызывает сомнений, хотя они и не были осуждены. Я знаю, что...— Он замолчал, как будто превозмогая приступ боли, и продолжил: — Прошу прощения, зелье уже дает о себе знать. У меня немного времени. Так вы принимаете ту победу, что я принес вам, Келсон? Займете ли вы ваше место законного короля-Дерини, вернете ли вы по праву нам принадлежащее, чтобы мы с честью и на равных участвовали в жизни одиннадцати королевств?

Тут Келсон впервые обернулся к своим спутникам. Дункан, как и Морган, был бледен и молчал, в то время как Арилан смотрел на «Ридона» так, как будто перед ним был призрак. Когда Келсон посмотрел на него, он вздрогнул и приблизился к молодому королю, бросив осторожный взгляд на лже-Ридона.

— Кажется, я вас узнал,— неуверенно начал он.— О, не по внешности и не по голосу. Вы прекрасно сумели изменить их. Но то, что вы сказали... Может быть, вы откроетесь? Какая вам теперь разница?

Лже-Ридон улыбнулся и, слегка покачнувшись, развел руки, чтобы устоять на ногах. Черты его внезапно начали расплываться, вокруг головы возникло сияние, и в следующее мгновение все четверо увидели лицо Стефана Корама.

— Здравствуйте, Денис,— прошептал он, встречая изумленный взгляд епископа,— только не упрекайте меня за мой поступок. Все равно уже поздно, и к тому же я вовсе не думаю, что поступил так уж глупо. Мне только жаль, что я никогда больше не увижу никого из вас. Поверьте, у меня не было другого выхода.

— Стефан! — воскликнул Арилан, с отчаянием качая головой.

Корам улыбнулся и опять пошатнулся.

— Да. А вам, Морган и Дункан, я являлся, друзья мои, в другом, более знакомом обличье.— Тут черты его снова затуманились, и перед ними предстал седовласый человек в серой сутане с капюшоном.

— Так это вы были святым Камбером? — изумился Морган.

— Нет, я же вам говорил, что нет.— Корам слегка покачал головой, возвращаясь в свой истинный облик.— Я только являлся вам несколько раз: на коронации Келсона как представитель совета; вам, Дункан, на пути в Корот; в обители Святого Неота...— Болезненная гримаса исказила его лицо, он закрыл глаза, и Арилан бросился, чтобы поддержать его.

— Стефан?

Корам с сожалением покачал головой.

— Вы не можете помочь мне выжить, друг мой, разве только умереть.— Он с трудом проглотил слюну и тяжело оперся на руку Арилана. На его лице появился страх.— Да поможет мне Бог, Денис. Яд действует. Это случилось немного быстрее, чем я думал.

Когда он повис на руках у Арилана, епископ уложил его на землю, а Морган и Дункан подошли ближе. Келсон стоял за спиной у Арилана, удивленно наблюдая за происходящим, но не приближаясь. Он понимал, что сейчас ничем не может помочь. Келсон едва слышал о Стефане Кораме, а эти трое, что склонились над умирающим, были, так или иначе, связаны с ним, причем Морган и Дункан — каким-то весьма странным образом. Он смотрел, как Морган сворачивает свой плащ и кладет его Корраму под голову. Тот на мгновение приоткрыл глаза, почувствовав прикосновение Моргана, и снова обратился к Арилану.

— Я понимаю, что совершил грех, сам себя лишив жизни,— пробормотал он, глядя Арилану в глаза.— Но у меня не было выбора, Денис. Как вы думаете, Бог простит меня?

Он перевел взгляд на крест, висящий на груди у Арилана. Епископ склонил голову и чуть заметно кивнул.

— Думаю, Он должен понять вас, друг мой. Вы всегда были таким... таким...— От волнения он закашлялся и, проглотив слезы, спросил: — Стефан, вам... очень больно?

Корам покачал головой.

— Не очень. Только время от времени. Скоро все кончится. Меня... видят остальные? Я имею в виду членов совета.

Арилан посмотрел на полусферу и кивнул.

— Да, но круг искажает картину. Вы хотите им что-то сказать?

— Нет.— Корам покачал головой.— Просто передайте им мои слова... Это касается выбора моего преемника в совете, Денис. Несмотря на то что мы часто спорили с вами, сталкиваясь в Кругу Избранных, я всегда ценил вашу дружбу и вашу смелость и хотел бы, чтобы вторым сопредседателем стали вы. Обещайте же, что донесете до них мое пожелание, когда будете рассказывать о моей смерти.

Глаза его закрылись, дышал он с трудом. Морган взволнованно посмотрел на Арилана.

— Неужели ничего нельзя сделать? Может быть, мы с Дунканом попробуем его исцелить?

Арилан устало покачал головой.

— Я знаю, какое противоядие он принял. Ни один Дерини не справится с этим. Яд уже оказал свое смертоносное действие, раз он чувствует боль. Он пытается скрыть это, но конец близок.

Морган снова посмотрел на Корама и покачал головой, невольно подвинувшись ближе к Дункану. Корам снова приоткрыл глаза, но было ясно, что он ничего не видит.

— Денис,— прошептал он.— Мне сейчас было странное видение. Лицо мужчины, светловолосого мужчины в капюшоне... Я думаю, это был К-Кам... О господи, Денис, помогите!

Его тело сотрясалось от судорог, он схватил руку Арилана и крепко стиснул ее обеими руками. Арилан положил другую руку ему на лоб, стараясь облегчить его мучения, и Корам на мгновение затих. Когда он снова открыл глаза, лицо его было спокойно и величественно.

— Ваш крест, Денис... Дайте мне его,— пробормотал Высший Дерини.

Арилан снял распятие и вложил крест в руку друга. Корам несколько секунд разглядывал его, тяжело дыша, потом быстро коснулся креста губами.

— In manuus tuas, Domini...— прошептал он. Его глаза закрылись, руки безжизненно упали.

Арилан склонил голову, шепча одними губами слова отходной.

Морган и Дункан, подавленно переглянувшись, медленно поднялись на ноги и вернулись к Келсону.

— Он умер? — прошептал Келсон, едва осмелившись нарушить благоговейную тишину.

Дункан кивнул, и Келсон склонил голову.

— И вы ничего не могли сделать?

Морган покачал головой.

— Мы спрашивали, можно ли попытаться исцелить его, но Арилан сказал, что уже слишком поздно. Можно предположить, что то же самое ожидает и остальных. Как вы собираетесь поступить, Келсон?

Келсон посмотрел на оставшихся противников, которые так и лежали на земле в нескольких ярдах от него, и покачал головой.

— Не знаю. Я не могу хладнокровно убить их, когда они так беспомощны, но Ридон, то есть Корам, сказал, что они будут умирать медленно и мучительно.

— Он сказал, это будет продолжаться целый день,— пробормотал Дункан,— и если смерть Корама была сравнительно быстрой и легкой, то я и думать боюсь, что еще предстоит Венциту и всем остальным.

Арилан вдруг поднялся и повернулся к ним. В его глазах стояли слезы.

— Мы вынуждены убить их, Келсон. Другого пути нет. Корам был прав, они обречены. И я знаю, что чувствовал Корам, умирая. Даже Венцита не стоит обрекать на такое. Это бессмысленная жестокость.

— Но у нас нет оружия,— выдохнул Келсон,— мы же не можем задушить их или камнем разбить им, беспомощным, головы! Да здесь и камней-то никаких нет,— жалобно закончил он.

Арилан выпрямился во весь рост, посмотрел на поверженных врагов, окинул взглядом круг.

— Нет, здесь это должно быть сделано при помощи магии. Ведь должен был состояться магический поединок, и им суждено погибнуть как подобает.

— Но как? — прошептал Келсон.— Арилан, я и мечом никого прежде не убивал, но по крайней мере знаю, как это делается.

Установилась тишина. Келсон потупил взгляд, Арилан погрузился в свои мысли, двое других Дерини застыли в молчании. Потом Морган повернулся к Келсону и коснулся руки юноши, склонив голову и не глядя на неподвижные тела Венцита, Лионеля и Брэна, особенно на Брэна.

— Я возьму это бремя на себя, мой принц. Мне, в отличие от вас, убивать приходилось. Да и весь труд — только руку вытянуть. Карисса примерно так убила вашего отца.

Дункан похолодел:

— Нет, Аларик. Только не это.

Морган покачал головой, не глядя на своего родича.

— А другого способа у нас нет. Венцит и его помощники сейчас беспомощны, как простые люди. Венцит должен умереть так, как умер Брион, в смерти которого он повинен не меньше Кариссы. Это — возмездие.

— Тогда это должен сделать я,— вздохнул Келсон.— Я сын Бриона, и мне мстить за смерть моего отца.

— Мой принц, я хотел избавить вас от этого...

— Нет. Я должен это сделать. Я отплачу. Только скажите мне, как это сделать.

— Я...— Морган взглянул на Келсона, намереваясь еще раз попробовать переубедить его, но лицо короля было сурово и непреклонно. Несколько секунд они неподвижно смотрели друг на друга, наконец Морган отвел глаза, чувствуя, что побежден. Устало вздохнув, он склонил голову.

— Хорошо, мой принц. Откройте мне ваше сознание, и я покажу вам все, что нужно.

Ненадолго установилась глубокая тишина; взгляд Келсона устремился куда-то вдаль, а когда он снова посмотрел на окружающих, в его глазах появилось что-то новое, что-то жесткое и даже немного пугающее.

— Так просто? — прошептал он растерянно, пораженный тем, как легко могущественные силы стали доступны ему.

— Да, так просто,— пробормотал Морган.

Келсон отвернулся, как будто не слыша его, и обежал глазами внутренний круг. Члены совета внимательно наблюдали из-за прозрачной стены за происходящим. Взгляд короля скользнул по безжизненному телу Ридона — Камбера — Корама и переместился на неподвижные фигуры, лежащие на земле в противоположной части круга. Он медленно подошел к ним, как будто в трансе, сжимая и разжимая кулаки, и остановился перед Венцитом Торентским. Не в силах двинуться, чародей только сверкнул глазами, увидев Келсона.

— Вам больно? — прошептал Келсон с бесстрастным лицом.

Венцит попытался пошевелиться и не смог; тогда он попробовал заговорить. Это стоило ему больших усилий, но все же он выговорил несколько слов, тихих и отрывистых:

— Ты еще спрашиваешь, зная, как умер Ридон?

Келсон неловко отвернулся.

— Это сделал не я. Такой победы я не хотел. Лучше смерть, лучше честный проигрыш, чем такая сомнительная победа.

— Если ты думаешь, что я тебе поверил, то ты, должно быть, считаешь меня еще большим дураком, чем я оказался,— язвительно ответил Венцит.— Во всяком случае, ты не уйдешь от этой победы и не забудешь, как победил. Как бы ни испортило твоего драгоценного настроения то, что ты должен сейчас сделать.

— Что вы имеете в виду? — спросил Келсон, снова быстро взглянув на Венцита.

— Ну, я уверен, что ты не оставишь нас вот так вот умирать здесь.— Венцит слабо усмехнулся.— Твой отец не оставил бы так бессмысленно страдать даже раненого сокола или гончую собаку. Неужели ты будешь жесток к людям?

— То есть вы хотите умереть, хотите, чтобы я убил вас?

Венцит закашлялся и напрягся — каждое движение причиняло ему боль. Когда он снова посмотрел в глаза Келсону, в его взгляде стояла мука.

— Дурачок, конечно хочу. Мне не жить, и я знаю это. Ридон, или, скорее, Корам, знал, что делал. И я знаю, что меня ждет перед самым концом, если мне не повезет. Корам уже убил меня, Келсон. Мое тело уже мертво, хотя душа еще сопротивляется. Избавь меня от ужасной агонии, но так, чтобы уж наверняка.

Келсон тяжело вздохнул и опустился на колени рядом с Венцитом. Он еще не понял, что собирается сделать. С одной стороны, перед ним лежал умирающий человек, страдающий от боли, с другой — и он помнил об этом — этот человек повинен в гибели его отца. Он протянул было руку, потом отдернул ее и, прижав кулак к груди, склонил голову. Шепот Венцита все еще звучал у него в ушах: «Келсон, пожалуйста. Освободи меня».

Келсон услышал шаги у себя за спиной. Он знал, что его спутники стоят рядом, готовые поддержать его. Келсон сосредоточился, глаза его потемнели, он прикрыл их и, вытянув правую руку над грудью Венцита, уже повел ею, но вдруг замер.

— Венцит Торентский, нуждаетесь ли вы в утешении Святой Церкви?

Венцит моргнул и улыбнулся бы, если бы это не причиняло ему такую боль.

— Я нуждаюсь только в смерти, Келсон, и приветствую ее. Избавь меня от дальнейших мучений. Делай свое дело.

Келсон повернул голову и увидел, как Лионель и Брэн молча смотрят на него и та же мольба стоит в их полных страдания

глазах. Медленно и решительно он снова повернулся к Венциту, вытянул руку прямо над его сердцем и тихо прошептал:

— Так умри же, Венцит. Получи освобождение. Почувствуй холодную руку смерти на своем сердце, услышь шорох ее крыльев. Да будет это отмщением за смерть отца моего, Бриона. Да остановится сердце Венцита!

С последними словами пальцы его судорожно сжались в кулак, и Венцит застыл. Тело гордого короля Торента превратилось в пустую оболочку без жизни, без разума. Агония кончилась. Прежде чем остальные успели опомниться, Келсон быстро шагнул к Брэну и Лионелю, встал между ними и вытянул обе руки над их сердцами.

— Идите же за своим господином и ангелом смерти, Лионель Арьенольский и Брэн Корис, граф Марли. И пусть Бог в своей безграничной мудрости отыщет для вас больше милосердия, чем я в состоянии даровать вам. Покойтесь с миром.

Опять он судорожно сжал кулаки, и их измученные тела вздрогнули и вытянулись. Келсон медленно опустил руки. Колени у него подогнулись, и он тяжело осел на траву. Подняв глаза, он увидел над собой помертвевшие лица друзей. Келсон встал на ноги, отшатнувшись от протянутой руки Арилана.

— Не надо, ваше преосвященство. Не годится такому святому человеку прикасаться ко мне. Я только что совершил убийство, у меня руки в крови.

— У вас не было выбора, Келсон,— спокойно возразил Арилан, опустив руку.— Это были ваши враги, и они заслужили смерть.

— Может быть. Но не такую. Я не должен был их вот так добивать.

Морган потупил взгляд и посмотрел на носки своих сапог.

— Мы не всегда вольны распоряжаться своей судьбой, Келсон. Вы это знаете. Порой король должен выполнить эту ужасную обязанность: убить своего врага.

— Но не обязан делать это с удовольствием,— прошептал Келсон,— и это совсем не то, чем король может гордиться.

— А разве вы гордитесь? — спросил Дункан.— Я думаю, что нет. Я слишком давно и слишком хорошо вас знаю, чтобы в это поверить.

— Но я рад, что они мертвы,— ответил Келсон.— Что я могу с этим поделать? И я ведь желал их смерти. Я пожелал, и они умерли. Разве человек в силах совершить такое?

— Ну, Венцит вот мог,— проговорил Морган,— и однажды воспользовался этим.

— Разве это оправдывает?

— Нет.

Установилась тишина, которую никто не решался нарушить, затем Келсон снова взглянул на тело Венцита. Он долго смотрел на мертвого короля, едва дыша, потом наклонился и медленно снял корону с головы Венцита.

— Это — наша награда за сегодняшний день,— с горечью сказал он.— Корона королевства, которым я никогда не хотел править... Смерть друга, о котором я едва знал раньше...— Он взглянул на тело Корама.— И разочарование от того, что по-другому быть не могло.

Арилан хотел что-то сказать, но Келсон остановил его повелительным жестом.

— Не надо. Епископ, я не хочу слышать утешений. Я сам должен осмыслить то, что я вынужден был совершить. Я знаю, очень скоро я пойму, какой во всем этом смысл. Но не сегодня. Сегодня же я должен выйти из этого круга с вами, мои верные друзья, навстречу народному ликованию, к моему народу, праздноующему эту «победу», которую я принес ему. А потом я приму неискренние почести от маленького принца, отца которого я убил. И еще я верну другого осиротевшего ребенка женщине, мужа которой тоже убил я, даже если он и заслужил это. Да еще мне придется делать вид, как будто все это очень приятно. Простите меня, друзья, если я скажу, что совсем не рад всему этому.

Он вертел в руках корону Венцита, удрученно разглядывая ее, потом снова обратился к своим спутникам:

— Вперед, милорды, король будет играть свою роль до конца! Народ ждет. Если моя победная улыбка покажется вам немного натянутой, вы будете знать почему.

Полусфера померкла и растаяла, действие магии прекратилось. Когда король вышел из круга, держа в руках корону Венцита, громкие приветственные крики зазвучали со стороны гвиннедского войска. А потом зазвенели мечи и доспехи, послышался конский топот — воины короля двинулись ему навстречу.

Но сегодня корона казалась тяжким грузом юному Властителю-Дерини.

Приложение

ХРОНОЛОГИЯ ОДИННАДЦАТИ КОРОЛЕВСТВ

822 Фестильский заговор; начало Междуцарствия (82 года). Ивор Халдейн свергнут и казнен. Фестиль I коронован в Валорете, который становится новой столицей.

ФЕСТИЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ:

822–839	Фестиль I
839–851	Фестиль II
851–885	Фестиль III
885–900	Блаин
900–904	Имре

846 В Кор Кулде родился Камбер Кулдский.

900 Умер король Блаин. Принц Имре взошел на престол.

904 Реставрация; Имре свергнут и казнен; Цинхиль Халдейн, правнук Ивора, коронован в Ремуте.

905 Неудачная попытка сторонников Имре захватить власть; смерть Камбера Кулдского.

906 Камбер Кулдский канонизирован советом епископов.

917 Начало гонений на Дерини; Рамосский Собор отменяет канонизацию Камбера, запрещает — под угрозой анафемы — занятия магией. Всем Дерини запрещено занимать высокие должности, а также наследовать земли без особого королевского указа, запрещено принимать духовный сан.

КОРОЛИ, ПРАВИВШИЕ В ОДИННАДЦАТИ КОРОЛЕВСТВАХ ПОСЛЕ РЕСТАВРАЦИИ:

904–917	Цинхиль
917–921	Алрой
921–922	Иаван
922–928	Рис
928–948	Овайн
948–980	Утир
980–983	Нигель
983–985	Яспер
985–994	Клум
994–1025	Уриен
1025–1074	Малкольм
1074–1095	Дональ
1095–1120	Брион
1120	Келсон

1081 Рождение Бриона.

1087 Рождение Нигеля.

1091 Рождение Аларика Моргана.

1092 Рождение Дункана Маклайна.

1095 Смерть короля Доналя; Брион восходит на престол; смерть леди Алисы де Корвин де Морган.

1100 Смерть лорда Кеннета Моргана; Аларик Морган становится пажом короля Бриона.

1104 Брион женится на Джеанне.

1105 Брион и Морган побеждают Марлука.

1106 Рождение Келсона.

1120 Смерть Бриона; Келсон восходит на престол; во время своей коронации Келсон убивает Кариссу, дочь Марлука.

1121 Кардосская кампания; Венцит Торентский побежден на Линдрутском поле.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАСЛЕДОВАНИЯ СВОЙСТВ ДЕРИНИ

Первым генетическим фактором, регулирующим наследование способностей Дерини, является доминантный, сцепленный с полом ген, который мы обозначим как X'. Таким образом, способ-

ности Дерини, как правило, передаются только по материнской линии, и у ребенка мужского пола, обладающего ими, мать должна быть по крайней мере гетерозиготна (X'X) по этому признаку.

X'X—XY
X'Y

Только один ген X' необходим для особи, чтобы в полной мере обладать всеми способностями Дерини, и нет никакой заметной разницы в частоте проявления этого признака между особями женского и мужского пола, X'Y и X'X. При этом очевидно, что, поскольку у особи женского пола присутствуют две X-хромосомы, то возможно такое сочетание, как X'X. Однако так называемые «удвоенные» Дерини, гомозиготные по гену X' особи женского пола, обладают этими способностями не в большей степени, чем их гетерозиготные сестры, так как ген X' не является кумулятивным. Единственное преимущество гомозиготной Дерини состоит в том, что все ее потомки наследуют этот признак. Но даже это не имеет большого значения, так как ген X' укрепляет несущую его хромосомную пару, и для гетерозиготной женщины Дерини более вероятно передать потомству именно ген X' (яйцеклетки, несущие X', более жизнеспособны, чем X). Преимущественная передача по наследству X'-хромосом отчасти обусловила и то, что род Дерини не исчез с лица Земли, несмотря на повсеместные преследования.

Второй генетический фактор, регулирующий наследование способностей Дерини, находится только в гене Y; этот фактор способствует освоению могущества Дерини человеком (возможность этого открыли Камбер Кулдский и Рис Тирин в середине 890-х годов). Будучи активированным, этот ген не уступает по силе проявления гену X', но передается только по мужской линии. Следовательно, у мужчины, способного освоить могущество Дерини, отец должен быть носителем Y, этот ген передается так же, как и X', на протяжении поколений, хотя сами носители могут уже не знать об этом. Конечно, наличие гена Y еще не значит, что ребенок мужского пола уже владеет силами Дерини, так как освоение этих сил — процесс трудный и продолжительный и может замедляться либо ускоряться многими психологическими и физиологическими факторами. Однако если в некоторых людях, таких, как, например, Шон лорд Дерри, проявляется спо-

собность к овладению силами Дерини, хотя их родители Дерини не являются, причина этого именно в скрытом Y-факторе, который невольно передавался его предками из поколения в поколение. И если носителя гена Y не выявит чистокровный Дерини и не поможет развить унаследованные способности, то человек, скорее всего, так никогда и не узнает о них.

Носителем этого скрытого гена может быть не один мужчина в каждом поколении (хотя в королевских домах одиннадцати королевств бытовало противоположное мнение). Нигель Халдейн и трое его сыновей — все являются носителями этого скрытого гена Y. По-видимому, не случайно издавна повелось так, что только один из членов королевской семьи овладевал могуществом Дерини,— это предотвращало магические поединки между наследниками. И конечно, в боковой ветви потомков такой семьи может быть утрачено само знание о том, что в семье передается способность овладевать силами Дерини. Так, Дерри, потомок древнего благородного рода, возможно, принадлежит именно к такой ветви.

Что же касается выходцев из крестьян, вроде Варина де Грея, то кто знает, сколько королей некогда согрешили, дав начало новым линиям Дерини? Право первой ночи — причина многих врожденных аномалий. Оба гена — X' и Y — независимы друг от друга, и это означает, что оба они могут присутствовать в хромосомном наборе особи мужского пола. Они не кумулятивны, то есть мужчина — носитель X'Y не имеет заметных преимуществ перед носителями X'Y и XY. Но существует вероятность, что Дерини — носитель X'Y-хромосомы может более умело использовать свои способности, так как благодаря гену Y он обладает ими в полной мере и не нуждается в специальном обучении. А X'Y-Дерини должен обучаться использованию могущества, и, следовательно, отсутствие подобной подготовки может оказаться для него существенной помехой.

Так, Келсон, носитель сочетания доминант X'Y, с самого начала мог действовать как полностью обученный Дерини и овладел могуществом отца, даже не подозревая об этом. Отец Келсона, король Брион, также полностью овладел могуществом Дерини, переданным ему, в свою очередь, его отцом посредством ритуала, без специальной подготовки.

С другой стороны, королева Джеанна, являясь, возможно, носительницей X'X-хромосомы, никогда не позволяла себе поль-

зоваться унаследованным даром и поэтому была легко побеждена могущественной и хорошо обученной герцогиней Кариссой, принадлежавшей к древнему роду искусных чародеев — Дерини.

Из всего вышесказанного следует еще одно важное заключение: миф о том, что можно быть Дерини наполовину (если Дерини — только один из родителей),— всего лишь миф. И поскольку фактор X' регулирует полное наследование способностей Дерини, Морган и Дункан — Дерини по материнской линии — обладают могуществом не меньшим, чем Келсон, Карисса и другие «чистокровные» Дерини. Способности Дерини наследуются целиком, и можно либо быть Дерини, либо не быть им, все зависит от наличия первого фактора.

Содержание

Возрождение Дерини 5

Игра Дерини 211

Властитель Дерини 433

Приложение 746

Кэтрин
КУРТЦ

K. Kurtz

ISBN 978-5-699-26320-2